

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Ратушняк Олег Валерьевич

**КАЗАЧЬЕ ЗАРУБЕЖЬЕ КАК СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ
ФЕНОМЕН: ОБРАЗОВАНИЕ, СТРУКТУРА, ПРОБЛЕМЫ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ, СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ (1920–1960-е гг.)**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

**Диссертация на соискание ученой степени
доктора исторических наук**

Научные консультанты:
Иванов Александр Гаврилович,
доктор исторических наук, профессор;
Матвеев Олег Владимирович
доктор исторических наук, профессор

Краснодар – 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
1. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ, ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ КАЗАЧЬЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ	50
1.1 Определение казачьего зарубежья как объекта исследования и методологические проблемы его изучения	50
1.2 Источниковая база по истории казачьего зарубежья	67
1.3 Историографические проблемы изучения истории казачества за рубежом	90
2. КАЗАЧЬЕ ЗАРУБЕЖЬЕ В 1920–1930-е гг.: ФОРМИРОВАНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ, СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ	111
2.1 Эмиграция казаков за границу: предпосылки, причины, география расселения и численность. Реэмиграция казачества	111
2.2 Структура и общественно-политическая жизнь казачьего зарубежья	140
2.3 Казаки-иммигранты в принимающих государствах: социально- экономическая адаптация и культурная жизнь	181
3. ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ И СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ЗАРУБЕЖНОГО КАЗАЧЕСТВА В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1939–1945 г.)	234
3.1 Казачье зарубежье: проблемы общественно-политической и социально-экономической жизни	234
3.2 Коллаборационизм и участие казаков во Второй мировой войне ...	276
4. СТРУКТУРА И ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ КАЗАЧЬЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ В 1945–1960-е гг.	327

4.1 География расселения, миграционные потоки и численность казаков за рубежом после Второй мировой войны. Репатриация казачества	327
4.2 Интеграция казаков в социально-экономическую и культурную среду принимаемых государств	362
4.3 Проблемы общественно-политической жизни и структура казачьего зарубежья	403
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	441
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	453
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ ...	456

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертации. Казачье зарубежье – один из уникальных социально-исторических феноменов всемирной истории (как российской, так и зарубежной). Процесс его образования начался в ходе и в результате революционных событий 1917–1920 гг. в России. Вторым значимым этапом формирования казачьего зарубежья стала Вторая мировая война, которая привела к изменению не только состава, но и географии расселения казачества за рубежом.

Актуальность изучения проблематики казачьего зарубежья обусловлена рядом факторов.

Во-первых, процесс возрождения казачества предопределил интерес к его истории, а главное – к пониманию самого этого явления. Как изучение истории казачества, так и современные процессы, связанные с возрождением и последующим развитием казачьего движения, с неизбежностью ставят вопрос о его сущности, на который до настоящего времени нет однозначного ответа. Изучение казачьего зарубежья может внести определенный вклад в понимание сущностных характеристик казачества. В этом плане интерес представляет не просто изучение первой и второй волн эмиграции казачества, но и их сравнительный анализ.

Во-вторых, изучение казачьего зарубежья предполагает анализ процесса адаптации казаков-эмигрантов в принимающих обществах. Данное исследование особенно актуально в настоящее время, когда многие государства Европы, в том числе и Россия, испытывают громадный приток иммигрантов из разных государств. Анализ адаптационных процессов, характерных для конкретных групп иммигрантов, даст возможность создать более общую модель их адаптационного поведения, выявить и более четко представить механизмы адаптации иммигрантов в новой социально-экономической, общественно-политической и культурно-этнической среде.

В-третьих, хронологические рамки исследования предполагают изучение жизни и деятельности казачьего зарубежья и в период Второй мировой войны. В этом плане значимым представляется исследование темы коллаборационизма, его причин и сущности сквозь призму сотрудничества с оккупантами определенной категории населения СССР, а именно казачества. Кроме того, важным представляется анализ поведения казаков-иммигрантов в период войны в различных государствах. Ответы на ряд вопросов, связанных с коллаборационизмом, приобретают особую актуальность в период ведения информационных войн. Особенно данная тематика актуальна для российского общества, так как в настоящее время прослеживается четкая тенденция определенных политических и научных кругов представить коллаборационистов как своего рода активных идейных борцов против социалистической системы. На этом основании делается вывод о правомерности сотрудничества с внешним врагом для борьбы с врагом внутренним. Данная тенденция особенно опасна в настоящее время в связи с отработанным западными спецслужбами механизмом «оранжевых революций».

В-четвертых, в последнее время мир практически скатывается к холодной войне. В рамках данного противостояния противоборствующие стороны используют практически все имеющиеся средства, и в первую очередь средства информационного воздействия на соперника, включая и воздействие на представителей противоборствующих сторон, за пределами своего государства. Данная ситуация была характерна, в частности, для 1950–1960-х гг., которые также входят в хронологические рамки исследования и предполагают анализ места и роли российской/советской эмиграции, в частности казачества, в данном противостоянии.

В-пятых, интерес к проблемам соотечественников за рубежом, укрепление взаимодействий и связей внутри Русского мира, налаживание контактов с представителями российского зарубежья делают актуальным и обращение к его истории. Особую актуальность изучаемой проблеме придает

тот факт, что ряд казачьих обществ Российской Федерации предпринимают активные попытки налаживания контактов и расширения связей с современным зарубежным казачеством, о чем свидетельствует проведение всемирных конгрессов казаков. Данные контакты имеют и непосредственно практическую значимость, например, возвращение регалий и реликвий Кубанского казачьего войска (ККВ)¹, а также архива ККВ за рубежом².

В-шестых, интенсификация миграционных процессов в современном виде, определенное поражение политики мультикультурализма в ведущих государствах Запада делают актуальной проблему взаимоотношений разных народов, разных культур. В этом плане становится необходимым изучение истории казачьей эмиграции как части российского зарубежья, которое является (учитывая географию его распространения) ярким примером «“встречи” культур и цивилизаций в современном мире»³.

Объект диссертационного исследования – казачье зарубежье как целостное социально-историческое явление, так и отдельно взятые его составляющие (казачьи организации, общества, объединения и отдельные казаки).

Предмет диссертационного исследования – общественно-политическая, социально-экономическая и культурная жизнь казачьего зарубежья.

Хронологические границы диссертационного исследования охватывают 1920–1960-е гг. Начальная граница работы обусловлена началом эмиграции основной массы казачества. Выбор конечной границы исследования определен рядом факторов. Во-первых, одна из

¹ Ратушняк О.В. К вопросу о возвращении регалий Кубанского казачьего войска // Социально-экономические, политические и исторические аспекты развития Кубани: материалы межрегион. науч.-практ. конф. Краснодар, 2007. С. 232–235.

² Ратушняк О.В. Источники по истории и культуре казачьего зарубежья в Государственном архиве Краснодарского края // Отечественные архивы. 2015. № 2. С. 63–70.

³ Макаренкова Е.М. Проблема самоидентификации русских эмигрантов во Франции (1930-е годы). По материалам архива полицейской префектуры Парижа // Диалог со временем. 2007. № 20. С. 240.

исследовательских задач диссертации предполагает сравнение адаптационных условий и процессов, с которыми столкнулись казаки-эмигранты первой и второй волн эмиграции. В этом плане наиболее корректен выбор примерно одинаковых по протяженности хронологических отрезков пребывания казаков за рубежом. Во-вторых, в 1970-е гг. началась новая волна эмиграции из СССР, которая в определенной степени сказалась в целом на изменениях среды Русского мира, частью которого являлось и зарубежное казачество. В-третьих, к концу 1960-х гг. резко сокращается число казаков-эмигрантов первой волны (вследствие их естественной смерти), снижается активность оставшихся эмигрантов первой и второй волн, а также происходит интеграция большинства представителей казачьего зарубежья в структуру стран пребывания и потеря многими из них связи с казачеством, утрата «казачьего лица».

В то же время в работе имеются отступления от обозначенных хронологических рамок. Так, анализ причин эмиграции казачества приводит к необходимости кратко остановиться на событиях, предшествовавших выходу казаков за границу, в первую очередь, речь идет о периоде революции и Гражданской войны в России. Тогда же формируется ряд политических направлений, и начинаются дискуссии в казачьей среде, получившие дальнейшее свое развитие за рубежом. Хронологические отступления в ранний период связаны и с необходимостью дать характеристику тем или иным личностям, сыгравшим определенную роль в среде эмигрантов, и показать, как проходило становление их взглядов. Допущены и некоторые небольшие отступления в более поздний отрезок времени с целью отметить последствия ряда событий изучаемого периода.

Географические границы диссертационного исследования охватывают территорию государств, принявших казаков-эмигрантов. Учитывая, что в течение 1920–1960-х гг. в силу различных миграционных процессов казаки оказались разбросаны по всему миру, анализ ограничен отдельными регионами и государствами с наибольшим числом казаков-

иммигрантов. Критерий определения географии исследования – активное проявление различных форм жизни (общественно-политической, социально-экономической, культурной) казачьего сообщества как своеобразного социально-исторического феномена. Исходя из этого критерия, основное внимание в работе сосредоточено на таких европейских странах, как Австрия, Бельгия, Болгария, Великобритания, Германия, Греция, Италия, Польша, Сербия, Словакия, Финляндия, Франция, Чехия, на государствах Северной и Южной Америки – США, Канаде, Аргентине, Бразилии, Парагвая, а также Австралии, Китае, Турции. Хотя встречаются упоминания о пребывании казаков и в других государствах, например, Мексике, Марокко, Сирии, Чили, Перу и др.

Анализ степени изученности проблемы казачьего зарубежья показывает, что в советской историографии данная тема редко являлась предметом специальных исследований. Первые работы, посвященные казачьей эмиграции, были фактически написаны самими казаками-эмигрантами и носили в значительной степени мемуарный характер¹. Это сказывалось на объективности анализа². На данный факт обращали внимание зачастую сами авторы исследований³. Большинство исследований 1920–1930-х гг. были посвящены анализу положения российской эмиграции в целом, и казачество в них, если и упоминалось, то вскользь⁴. Но были и работы, написанные казаками и посвященные конкретно казачеству. Один из деятелей казачьего зарубежья И. Лунченков, принимавший активное участие в репатриации казаков, в своей работе стремился рассказать о жизни донских казаков в эмиграции⁵. Однако все эти работы, изданные одними из первых в стране Советов, были чрезвычайно тенденциозны. На эту предвзятость

¹ Булацель А. На родину из стана белых. М., [1924].

² Зайцев А.А. Контрреволюция Кубани и Черноморья в 1917–1920 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 1990. С. 10.

³ Алексеев И. Предисловие // Слободской А. Среди эмиграции (мои воспоминания). Харьков, 1925. С. 4.

⁴ Калинин И.М. В стране братушек. М., 1923.

⁵ Лунченков И. За чужие грехи. Ростов н/Д, б.г. С. 7.

обращали внимание и последующие исследователи¹. Литература 1920-х – начала 1930-х гг. была богата, прежде всего, фактографическим материалом. Ведь многие авторы сами были в числе эмигрантов.

В изданиях 1920–1930-х гг. можно наблюдать различные географические направления, выделяемые в исследуемой проблематике. Так, если работа И.М. Калинина показывает жизнь белоэмигрантов в Болгарии², то В. Камский и А. Киржниц в своих исследованиях затрагивают положение белоэмигрантов в Китае³.

С середины 1930-х гг. и до начала 1960-х гг. в историографии российского зарубежья было своеобразное затишье. В значительной степени это связано с тем, что в СССР был возведен фактически «железный занавес», по другую сторону которого оказалась и российская эмиграция. Проблемы, связанные с ее изучением, советские историки обходили стороной.

В 1960-х гг., когда часть эмигрантов после Второй мировой войны вернулись на родину, стали публиковаться их работы⁴. Не совсем корректно объяснять появление данных публикаций только «оттепелью», как это делают некоторые исследователи⁵. Одним из лейтмотивов данных публикаций стало крушение за рубежом антисоветской идеологии российских эмигрантов и осознание частью из них преимуществ советского строя.

В 1970-е гг. появились научные исследования, анализирующие российскую эмиграцию. Практически все они были посвящены ее критике в виде своеобразных разоблачений, строящихся на специально подобранных

¹ Еременко Л.И. Русская эмиграция как социально-культурный феномен: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1993. С. 4.

² Калинин И.М. В стране братушек. М., 1923.

³ Камский В. Русские белогвардейцы в Китае. М., 1923; Киржниц А. У порога Китая. М., 1924.

⁴ Шостаковский П.П. Путь к правде. Минск, 1960; Вергинский А. Четверть века без родины // Москва. 1962. № 3–6; Любимов Л. На чужбине. М., 1963; Мейснер Д. Исповедь старого эмигранта. М., 1963; Мейснер Д. Миражи и действительность. М., 1966; Оболенский П. На чужой стороне // Москва. 1965. № 8; Александровский Б.Н. Из пережитого в чужих краях. М., 1969 и др.

⁵ Еременко Л.И. Русская эмиграция ... С. 4.

фактах и их соответствующей интерпретации. О направленности этих работ говорят и их названия¹. При этом казаки упоминались в них крайне редко, только как один из контингентов Русской армии П.Н. Врангеля, так как в советской историографии считалось, что казачество как сословие исчезло в ходе революционных преобразований.

Новым рубежом в отечественной историографии российского зарубежья стала середина 1980-х гг. В советской историографии с середины 1980-х гг. наблюдался интерес к истории российской эмиграции и изучению казачества во всех аспектах (историческом, культурном, социологическом, политологическом). Первая тенденция связана с падением «железного занавеса» и, как следствие, открытием ряда исторических тем, которые ранее находились в числе закрытых. Одной из таких тем и стала история российского зарубежья. Кроме того, повышенный интерес (своеобразный научный ажиотаж) к данной теме был связан и с появлением доступа для основной массы исследователей к источникам по истории российской эмиграции. Вторая тенденция обусловлена процессом возрождения казачества в России и возросшим интересом к его истории, в том числе и эмигрантского периода. В 1990-е гг. в результате слияния этих двух тенденций началась активная работа по изучению казачьего зарубежья. Исследователи акцентировали внимание на такие аспекты, как: выяснение численности казаков-эмигрантов и их размещения по странам, анализ общественно-политической и культурной жизни казачьего зарубежья. Историки занимаются отдельно источниковой базой, дающей возможность анализировать различные аспекты существования и деятельности казачьего

¹ Комин В.В. Политический и идейный крах русской мелкобуржуазной контрреволюции за рубежом. Калинин, 1977; Иоффе Г.З. Крах русской монархической контрреволюции. М., 1977; Барихновский Г.Ф. Идейно-политический крах белоэмиграции и разгром внутренней контрреволюции. Л., 1978; Мухачев Ю.В. Идейно-политическое банкротство планов буржуазного реставраторства в СССР. М., 1982; Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. М., 1987.

зарубежья¹. Появляются первые историографические работы по истории казачьей эмиграции².

В географическом плане исследователи в большей степени первоначально уделяли внимание казакам юго-восточной части Европейской России, эмигрировавшим в большинстве своем на Запад³. Наиболее часто изучалась жизнь казаков-эмигрантов в Болгарии⁴, Югославии⁵, Польше⁶ и Чехословакии⁷ – странах, принявших основную массу уехавших из России. Однако впоследствии стали появляться и работы, посвященные представителям восточнороссийских казачьих войск, ушедших в основном на

¹ Кринко Е.Ф. Участие казачества в Великой Отечественной войне: основные источники и их информационные возможности // Источниковедческие проблемы в исследованиях по истории казачества XX века. Волгоград, 2013. С. 82–89; Ратушняк О.В. Источники по истории кубанского казачьего зарубежья // Казачество России: история и современность. Краснодар, 2002. С. 124–126; Ратушняк О.В. К вопросу об источниках зарубежного казачества // Проблемы национальной безопасности России в XX–XXI вв.: уроки истории и вызовы современности. Краснодар, 2011. С. 288–290; Ратушняк О.В. Новые источники по истории казачьего зарубежья // Архивы, музеи Кубани и общество: история и современность. Краснодар, 2011. С. 66–69; Ратушняк О.В. Источники по истории и культуре казачьего зарубежья в Государственном архиве Краснодарского края // Отечественные архивы. 2015. № 2. С. 63–70.

² Гареева Д.М. Отечественная историография казачьего зарубежья // Современные проблемы литературоведения, лингвистики и коммуникативистики глазами молодых ученых: традиции и новаторство. Уфа, 2015. С. 153–163; Ратушняк О.В. Российская историография казачьего зарубежья // Вопросы национальной историографии и народных представлений славян и их соседей. Краснодар, 2013. С. 88–96; Ратушняк О.В. История казачьего зарубежья в российской историографии // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 4. С. 119–127.

³ Ратушняк О.В. Казаки-эмигранты в Европе (1920-е гг.) // Из истории стран Запада в новейшее время: сб. науч. тр. Краснодар, 1999. С. 6–20.

⁴ Ратушняк О.В. Казаки-эмигранты в Болгарии (1920–1930-е гг.) // «Да кто душу положит за други своя...» (К 130-летию участия Русского дворянства в освобождении православного населения Балкан от османского ига): материалы II Междунар. Дворянских чтений. Краснодар, 2006. С. 67–74; Ratushnyak O.V. Cossack emigrants in Bulgaria (1920–1930) // Anthropology, archaeology, history and philosophy. Conference proceedings. Sofia, 2014. P. 467–472.

⁵ Арсеньев А.Б. Казаки в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (Югославия) // Берега: информационно-аналитический сборник о русском зарубежье. СПб., 2007. Вып. 7. С. 3–15.

⁶ Ратушняк О.В. Казаки-эмигранты в Польше в первой половине 1920-х гг. // Мир славян Северного Кавказа. Краснодар, 2013. Вып. 7. С. 211–218.

⁷ Ратушняк О.В. Казаки в Чехословакии (ЧСР) // Творческое наследие Ф.А. Щербины и современность: тез. докл. и сообщений Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 150-летию со дня рождения Ф.А. Щербины (22–24 сентября 1999 г., ст-ца Каневская Краснодарского края). Краснодар, 1999. С. 97–99.

Восток¹. Не прошло мимо внимания исследователей и пребывание казаков в Латинской Америке².

Со временем объектом изучения для российских исследователей становилось не все зарубежное казачество, а представители отдельных казачьих войск – Донского³, Кубанского⁴, Терского⁵, Астраханского⁶, Оренбургского⁷. Сужение рамок изучения темы происходило и до отдельных казачьих объединений, организаций, обществ. Так, В.В. Беляков исследовал пребывание Донского кадетского корпуса в Египте⁸.

Хронологически подавляющее большинство исследований первоначально охватывало период до начала Второй мировой войны⁹. Часть из них были посвящены совсем небольшому отрезку времени пребывания

¹ Ганин А.В. Оренбургское казачье войско в Гражданской войне и эмиграции. 1917–1945 гг. // Военно-исторический журнал. 2006. № 8. С. 25–30; Малышенко Г.И. Общественно-политическая жизнь российского казачества в Дальневосточной эмиграции (1920–1945 гг.). Омск, 2006; Пушкарев В.А. Амурские казаки в Китае: опыт сохранения традиций (1918–1945) // Россия и АТР. 2013. № 3. С. 17–29; Чапыгин И.В. Казачья эмиграция в Китае. Иркутск, 2014.

² Мосейкина М.Н. Казачество в странах Латинской Америки в 1920–1950-е гг.: проблемы адаптации и социокультурной интеграции // Российское казачество: проблемы истории, возрождения и перспективы развития. Краснодар, 2016. С. 166–170.

³ Ратушняк О.В. Донское и кубанское казачество в эмиграции (1920–1939 гг.). Краснодар, 1997.

⁴ Ратушняк О.В. Кубанское казачество в эмиграции (1920–1939 гг.) // Историческая и социально-образовательная мысль. Краснодар, 2013. № 4 (20). С. 34–41; Якаев С.Н. Кубанское зарубежье в 20–80-х гг. XX века // Новейшие исследования по истории Кубани. Краснодар, 1992.

⁵ Ратушняк О.В. Терские и астраханские казаки в эмиграции (1920–1939 гг.) // Вестник ПГЛУ. 2013. № 3. С. 242–245.

⁶ Антропов О.О. Астраханские казаки в эмиграции // Вопросы истории. 1997. № 11. С. 137–142.

⁷ Апрельков А.В., Попов Л.А. Оренбургские казаки в эмиграции // Оренбургское казачье войско. Исторические очерки. Челябинск, 1994. С. 131–143; Ганин А.В. Оренбургское казачье войско ... С. 25–30.

⁸ Беляков В.В. «И снятся нам сны про Россию родную!». Кадеты на Суэцком канале // Родина. 2009. № 4. С. 39–41.

⁹ Долгих А.И. Казачья эмиграция в 1920-х–30-х гг. // Казаки России. М., 1993. Вып. 2; Худобородов А.Л. Вдали от родины: российские казаки в эмиграции. Челябинск, 1997.

казаков за рубежом¹. Позже появились обобщающие работы, включившие и период Второй мировой войны². Более того, участие казаков-эмигрантов во Второй мировой войне иногда становилось темой отдельных исследований³.

Некоторые исследователи затрагивали проблемы пребывания казаков за рубежом после Второй мировой войны⁴, однако делали это крайне фрагментарно, иногда на примере одной страны⁵. Большинство проблем истории казачьего зарубежья второй половины 1940-х и последующих годов до сих пор находятся вне поля зрения российских исследователей.

В то же время остается ещё много неизученных или слабо изученных проблем, связанных с пребыванием казаков за рубежом. Это вопросы адаптации, ассимиляции казаков-эмигрантов, взаимоотношения казаков-эмигрантов с другими представителями российской эмиграции и населением принимающих стран, взаимоотношения между казаками-эмигрантами первой и второй волн российской эмиграции. Практически не изучен комплекс

¹ Ратушняк О.В. Казачество Юго-Востока европейской части России в первый год своей эмиграции (1920–1921 гг.) // Историческая и социально-образовательная мысль. Краснодар, 2013. № 1. С. 31–39.

² Малышенко Г.И. Общественно-политическая жизнь российского казачества в Дальневосточной эмиграции (1920–1945 гг.). Омск, 2006; Пеньковский Д.Д. Эмиграция казачества из европейской и азиатской частей России и её последствия (1920–1945 гг.). М., 2009; Худобородов А.Л., Яшина М.А. Российское казачество на чужбине. 1920-е – 1940-е годы. Челябинск, 2017; Чапыгин И.В. Казачья эмиграция в Китае. Иркутск, 2014.

³ Крикунов П. Казаки между Гитлером и Сталиным. М., 2005; Ратушняк О.В. Участие казачества во Второй мировой войне на стороне Германии // Теория и практика общественного развития. Краснодар, 2013. № 3. С. 125–129; Ратушняк О.В. Третий Рейх и казачество: к вопросу о взаимоотношениях в годы второй мировой войны // Былые годы. Российский исторический журнал. Сочи, 2013. № 3. С. 101–106.

⁴ Антошин А.В. Донские, кубанские и терские казаки в эмиграции после Второй мировой войны // История российской повседневности. Материалы Всерос. заоч. конф. СПб., 2002. С. 238–241; Антошин А.В. Казачество Дона, Кубани и Терека в эмиграции после Второй мировой войны // Урал в военной истории России: традиции и современность. Екатеринбург, 2003. С. 173–176; Ратушняк О.В. Адаптация казаков-эмигрантов к жизни в зарубежье (1920–1960-е гг.) // Историческая и социально-образовательная мысль. Краснодар, 2014. № 6. Ч. 2. С. 156–158; Ратушняк О.В. Казачье зарубежье в 1945–1960-х гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. Краснодар, 2016. Т. 8, № 3. Ч. 2. С. 59–68; Якаев С.Н. Кубанское зарубежье ... С. 13.

⁵ Ратушняк О.В. Казаки в Англии в 1920-е – 1970-е гг. // Теория и практика общественного развития. Краснодар, 2015. № 3. С. 97–99.

проблем, связанных с пребыванием казаков за рубежом после окончания Второй мировой войны.

Учитывая, что казачество было составной частью российской эмиграции, а также тот факт, что правительства других государств редко выделяли казаков как отдельную группу эмигрантов из России, нормативно-правовые документы, принимаемые как на национальном, так и на международном уровне, касались преимущественно российских эмигрантов в целом, определяя их правовой статус, а порой и социально-экономическое положение. В силу этого исследования, посвященные российской эмиграции, представляют интерес и в рамках более узкой темы – «казачье зарубежье». Этот интерес связан, с одной стороны, с тем, что данные работы позволяют увидеть общие условия существования российских эмигрантов в тех или иных государствах, а с другой стороны, подобные исследования в сочетании с изучением чисто казачьей проблематики дают возможность провести сравнительно-исторический анализ положения российского зарубежья в целом и казачьей эмиграции как его составной части.

Среди современных российских исследований выделим те, которые на наш взгляд являются определяющими, магистральными при изучении российской эмиграции. Одним из ведущих специалистов по истории российского зарубежья бесспорно является З.С. Бочарова¹. В рамках изучаемой проблематики научный интерес представляют также исследования И.В. Сабенниковой². Учитывая, что значительная часть казаков, эмигрировавших за рубеж, первое время находились в составе воинских

¹ Бочарова З.С. «...не принявшие иного подданства»: Проблемы социально-правовой адаптации российских эмигрантов в 1920–1930-е годы. СПб., 2005; Бочарова З.С. Российское зарубежье 1920–1930-х гг. как феномен отечественной истории. М., 2011; Бочарова З.С. Русский мир 1930-х годов: от расцвета к увяданию зарубежной России // Русский мир в XX веке: в 6 т. М., СПб., 2014. Т. 3 и др.

² Сабенникова И.В. Русское зарубежье как социально-культурный феномен // Мир России. 1997. № 3. С. 155–184; Сабенникова И.В. Российская эмиграция (1917–1939): сравнительно-типологическое исследование. Тверь, 2002; Сабенникова И.В. Правовое положение российской эмиграции 1920–1930-х гг. в странах-реципиентах: сравнительный анализ // Правовое положение российской эмиграции в 1920–1930-е годы. СПб., 2006 и др.

частей, значимыми представляются научные труды известных специалистов по военному зарубежью В.И. Голдина¹ и В.Ф. Ершова². Роль Русской православной церкви, которую она играла в жизни российского зарубежья, в том числе и казаков, определила интерес к трудам, посвященным истории РПЦ за рубежом. В этом плане наиболее информативными являются труды М.В. Шкаровского³. То значение, которое сыграли бывшие российские дипломаты и дипломатические миссии, посольства, консульства в судьбе российских эмигрантов, определяет важность научных изысканий М.М. Кононовой⁴ и Е.М. Мироновой⁵. К одним из редких исследований, посвященным изучению российской эмиграции после окончания Второй мировой войны, относятся работы А.В. Антошина⁶. Российской диаспоре в Китае посвящены монографии Н.Н. Аблажей⁷, Е.Е. Аурилене⁸,

¹ Голдин В.И. Роковой выбор. Русское военное зарубежье в годы Второй мировой войны. Архангельск; Мурманск, 2005; Голдин В.И. Солдаты на чужбине. Русский Обще-Воинский Союз и русское зарубежье в XX–XXI веках. Архангельск, 2006; Голдин В.И. Русское военное зарубежье в XX веке. Архангельск, 2007; Голдин В.И. Российская военная эмиграция и советские спецслужбы в 20-е годы XX века. Архангельск; СПб., 2010.

² Ершов В.Ф. Российское военно-политическое зарубежье в 1918–1945 гг. М., 2000; Ершов В.Ф. Российское военное зарубежье в 1945–1980-е гг.: стагнация и угасание // История российского зарубежья. Эмиграция из СССР–России 1941–2001 гг.: сб. ст. М., 2007 и др.

³ Шкаровский М.В. История русской церковной эмиграции. СПб., 2009; Шкаровский М.В. Духовенство Русского корпуса в Югославии // Русская эмиграция и фашизм: статьи и воспоминания. СПб., 2011 и др.

⁴ Кононова М.М. Русские дипломатические представительства в эмиграции (1917–1925 гг. М., 2004.

⁵ Миронова Е.М. Дипломатия не большевистской России. От Певческого моста до улицы Греналь. 1917–1918. М., 2013 и др.

⁶ Антошин А.В. На фронтах Второй мировой и «холодной» войн: русские эмигранты в 1939 – начале 1950-х гг. // Русский мир в XX веке: в 6 т. М.; СПб., 2014. Т. 4; Антошин А.В. От Русского Монмартра – к Брайтон-Бич: эволюция Русского мира в 1930-е – начале 1980-х гг. // Русский мир в XX веке: в 6 т. М.; СПб., 2014. Т. 5 и др.

⁷ Аблажей Н.Н. С востока на восток: Российская эмиграция в Китае. Новосибирск, 2007; Антошин А.В. Российские эмигранты в условиях «холодной войны» (середина 1940-х – середина 1980-х гг.). Екатеринбург, 2008.

⁸ Аурилене Е.Е. Российская диаспора в Китае. Маньчжурия, Северный Китай, Шанхай. 1920–1950-е гг. Хабаровск, 2003; Аурилене Е.Е. Российская диаспора в Китае. 1920–1950-е гг. Хабаровск, 2008.

М.В. Кротовой¹, Е.Н. Наземцевой². Естественно, исследователи акцентировали особое внимание на пребывании российских эмигрантов в таких государствах, как Франция³, Германия⁴, Югославия⁵, Чехословакия⁶, Болгария⁷, Польша⁸. Учитывая, что после Второй мировой войны

¹ Кротова М.В. СССР и российская эмиграция в Маньчжурии (1920–1930-е гг.). СПб., 2014.

² Наземцева Е.Н. Русская эмиграция в Синьцзяне (1920–1930-е гг.). Барнаул, 2010; Наземцева Е.Н. На дипломатическом уровне: проблемы правового статуса русских эмигрантов в Китае в советско-китайских отношениях (1920–1940-е гг.). СПб., 2016 и др.

³ Партаненко Т.В. К вопросу о стереотипе поведения и ментальности русской эмиграции во Франции // Русская эмиграция во Франции (1850-е – 1950-е гг.): сб. ст. СПб., 1995. С. 168–174; Русская эмиграция во Франции (1850-е – 1950-е гг.): сб. науч. ст. СПб., 1995; Русский Париж / предисл., сост. и коммент. Т.П. Буслакова. М., 1998 и др.

⁴ Никитин А.К. Этапы и методы унификации Русской православной общины в Германии в 1935–1939 годах // Русская эмиграция в Европе (20–30-е гг. XX века). М.: ИВИ РАН, 1996. С. 129–162; Русские в Германии (1914–1933). СПб., 1995; Русский Берлин / предисл., сост., и коммент. В.В. Сорокина. М., 2003; Русский Берлин: 1920–1945: Междунар. науч. конф. М., 2006 и др.

⁵ Квакин А.В. К вопросу о правовом положении русских беженцев в Югославии 1920–1930-х годов // Правовое положение российской эмиграции в 1920–1930-е годы. СПб., 2006. С. 111–122; Тесемников В.А. Российская эмиграция в Югославии // Вопросы истории. 1988. № 10; Ткачев С.В. Культурная жизнь русских в Польше (1921–1939): общества, школа, пресса // Российская эмиграция в славянских странах: сб. материалов XXXIX Междунар. филол. конф. СПб., 2010. С. 21–31 и др.

⁶ Серапионова Е.П. Правовое положение русских беженцев в Чехословакии // Правовое положение российской эмиграции в 1920–1930-е годы. СПб., 2006. С. 140–152; Серапионова Е.П. Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20–30-е годы). М., 1995.

⁷ Бочарова З. Пути адаптации и самосохранения русского мира в Болгарии (1920-е годы) // Русское зарубежье в Болгарии: история и современность. София, 2009. С. 146–148; Горяинов А.Н. Панорама жизни русских эмигрантов в Болгарии (по воспоминаниям И.В. Матвеевой) // Миграция и эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в XVIII–XX вв. Сохранение национальной идентичности и историко-культурного наследия. СПб, 2011. С. 364–389; Горяинов А.Н. Учебные заведения русской эмиграции в Болгарии // Культура Российского Зарубежья: сб. ст. М., 1995. С. 140–154; Косик В. Русская эмиграция в Болгарии после 1945 года // Русское зарубежье в Болгарии: история и современность. София, 2009. С. 169–174; Петрушева Л.И. Болгария и российская эмиграция // Болгария и российская эмиграция. 1920–1945 гг. Историко-документальная выставка. Каталог выставки. М., 2007. С. 10–19 и др.

⁸ Микуленок А.А. Причины и особенности исхода российской эмиграции в Польшу в первой половине 1920-х гг. // Вестник Костромск. гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. 2016. № 3. С. 47–51; Микуленок А.А. Проблема урегулирования правового положения российских эмигрантов в Польше в 1920-е гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. Краснодар, 2015. Т. 7, № 6. Ч. 2. С. 64–69; Симонова Т.М. Некоторые проблемы миграции, иммиграции и репатриации в геопространстве Польша – Россия в период 1914–1923 гг. // Миграция и эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в XVIII–XX вв. Сохранение национальной идентичности и историко-

значительная часть российских эмигрантов, в том числе и казаков, переместились в Австралию и Южную Америку, в рамках проведенного исследования использовались работы Г.И. Каневской¹, М.Н. Мосейкиной², А.Ю. Рудницкого³.

Анализ степени изученности проблемы был бы неполным без обзора зарубежной и эмигрантской литературы.

Эмигрантскую историографию условно можно разделить на две группы: довоенная (имеется в виду литература, изданная до Второй мировой войны) и послевоенная.

Среди довоенной литературы интерес представляют исследования, отразившие жизнь российских эмигрантов в Чехословакии⁴, Болгарии⁵, в которых косвенным образом упоминаются и представители казачества. Данные работы позволяют увидеть взаимоотношения российских эмигрантов с местными властями и населением, особенности положения их в том или ином государстве.

Были и отдельные исследования, посвященные непосредственно казакам-эмигрантам. Так, Е. Клинский посвятил свою работу Донскому казачьему хору и его руководителю С. Жарову⁶.

культурного наследия. СПб., 2011. С. 226–262; Симонова Т.М. Специфика правового положения россиян в Польше (1919–1928 гг.) // Правовое положение российской эмиграции в 1920–1930-е годы. СПб., 2006. С. 254–267 и др.

¹ Каневская Г.И. «Я – бездомный, но зато на воле...». Русские перемещенные лица в Австралии (1947–1954 гг.). Владивосток, 2005; Каневская Г.И. Правовая адаптация российских эмигрантов в Австралии (10–30-е гг. XX в.) // Правовое положение российской эмиграции в 1920–1930-е годы. СПб., 2006; Каневская Г.И. «Мы еще мечтаем о России...». История русской диаспоры в Австралии (конец XIX – вторая половина 90-х г. XX в.). Владивосток, 2010 и др.

² Мосейкина М.Н. Правовое положение русской эмиграции в странах Латинской Америки (1920–30-е годы) // Правовое положение российской эмиграции в 1920–1930-е годы. СПб., 2006; Мосейкина М.Н. «Рассеяны, но не расторгнуты»: русская эмиграция в странах Латинской Америки в 1920–1960 гг. М., 2011 и др.

³ Рудницкий А.Ю. Другая жизнь и берег дальний...: Русские в австралийской истории. М., 1991.

⁴ Русские в Праге. 1918–1928 гг. Прага, 1928.

⁵ Русские в Болгарии: сб. ст. София, 1923.

⁶ Клинский Е. Сергей Жаров и его Донской казачий хор. Берлин, 1931.

Учитывая, что казачьи части составляли значительную долю в Русской армии генерала П.Н. Врангеля, значимыми представляются труды В.Х. Даватца и Н.Н. Львова¹. Прекрасное дополнение к их работам – очерк П.И. Крюкова².

В послевоенной эмигрантской литературе большое внимание было уделено проблеме участия эмигрантов во Второй мировой войне³.

Эмигрантская литература представляет значительный интерес, позволяя взглянуть на анализируемые события глазами не только историка-эмигранта, но и участника описываемых событий.

Историю казачьего зарубежья не обошли вниманием и иностранные исследователи.

Зарубежные исследователи либо анализировали пребывание казаков в конкретном государстве, гражданином которого (чаще всего) был сам исследователь), либо уделяли внимание участию казаков во Второй мировой войне. При этом объектом исследования стали казаки, в той или иной мере сотрудничавшие с Третьим рейхом. Отметим, что в целом проблема коллаборационизма казаков, в том числе и советских граждан, получила свое первоначальное звучание именно на Западе. И это не случайно, так как в советской историографии данная тема была практически под запретом.

Участие казаков во Второй мировой войне стало предметом анализа германских и итальянских историков. Э. Керн изучал как отношение властей Третьего рейха к казакам, так и их использование в ходе войны⁴. Итальянские ученые в основном исследовали жизнь и деятельность казаков

¹ Даватц В.Х., Львов Н.Н. Русская армия на чужбине. Белград, 1923; Даватц В.Х. Годы. Очерки пятилетней войны. Белград, 1926.

² Казаки в Чаталдже и на Лемносе в 1920–1922 гг. Белград, 1924.

³ Беляевский В.А. Вторая мировая война. Роль казачества в этой войне и трагедия такового. 1939–1945 гг. Сан-Пауло, 1963; Донсков П.Н. Дон, Кубань и Терек во Второй мировой войне. Нью-Йорк, 1960; Ленинов А.К. Под казачьим знаменем. Мюнхен, 1970; Науменко В.Г. Великое предательство. Сборник материалов и документов. Нью-Йорк, 1962. Т. 1; 1970. Т. 2.

⁴ Kern E. General Pannwitz und seine Kosaken. Göttingen, 1963; Kern E. Les Cosaques de Hitler. Paris, 1964.

на севере Италии в период с конца лета 1944 г. и до завершения войны. Первые их труды вышли вскоре после окончания Второй мировой войны¹. Данные работы были написаны преимущественно в жанре мемуаристики. П.А. Карнер фактически первый из итальянских исследователей обратил внимание на тему участия казаков-эмигрантов во Второй мировой войне². В последующие годы итальянские исследователи внесли новый вклад в развитие темы казачьего коллаборационизма и пребывания казаков на территории Италии. В этом плане особо отметим исследования Е. Коллотти³, Ф. Фабброни⁴, А. Иванова⁵, М. Кошат⁶, М. Ди Ронко⁷, П. Стефанутти⁸, Г. Веньер⁹, П. Деотто¹⁰, Ф. Верардо¹¹ и др.

В британской историографии наиболее значимым исследованием, посвященным участию казачества во Второй мировой войне на стороне Третьего рейха, является монография С. Ньюланда «Казачья армия в германской армии»¹². Как и Э. Керн, С. Ньюланд анализирует отношение германских властей к казакам и использование их в войне с врагами Третьего рейха.

Английский историк Н. Бетелл проанализировал события, связанные с выдачей казаков британцами¹³. Исследование Н. Бетелла проводилось на

¹ Toppan A. Fatti e misfatti dell'occupazione tedesca in Carnia. Narrazione obbiettiva. Sacile (Pn), 1948.

² Carnier P.A. L'armata cosacca in Italia 1944–1945. Milano, 1965.

³ Collotti E. Il Litorale Adriatico nel Nuovo Ordine Europeo 1943–1945. Milano, 1974.

⁴ Fabbroni F. L'occupazione cosacca della Carnia e dell'Alto Friuli // Storia Contemporanea in Friuli. Udine, 1985. № 15, Anno XIV.

⁵ Ivanov A. Cosacchi perduti. Dal Friuli all'URSS 1944–1945. Tricesimo (Ud), 1989.

⁶ Koschat M. L'occupazione cosacca della Carnia nell'estate 1944. Dai documenti del Politisches Archiv Des Auswartigen di Bonn // Storia Contemporanea in Friuli. 2000. № 31, anno XXX.

⁷ Ronco M. L'occupazione cosacco-caucasica della Carnia (1944–1945). Tolmezzo (Ud), 1988.

⁸ Stefanutti P. Novocerkassk e dintorni. L'occupazione cosacca della Valle del Lago (ottobre 1944 – novembre 1945). Udine, 1995.

⁹ Venier G. I cosacchi in Carnia 1944–1945. Comune di Pasian di Prato, Pasian di Prato. Udine, 1999.

¹⁰ Deotto P. Stanitsa tërskaja. L'illusione cosacca di una terra (Verzegniss, ottobre 1944 – maggio 1945). Udine, 2005.

¹¹ Verardo F. I cosacchi di Krasnov in Carnia. Udine, 2010.

¹² Newland S. Cossacks in the German Army. 1941–1945. London, 1991.

¹³ Bethell N. The Last Secret: forcible repatriation to Russia. 1944–1947. London, 1974.

основе английских источников, что определило его направленность в трактовке данных событий. Казаки показывались Н. Бетеллом как невинные жертвы, советские органы власти и военные – как палачи, а английские власти и британское военное командование – как способствовавшие передаче жертв палачам и ничего не сделавшие для спасения казаков. Общественно-политические воззрения Н. Бетелла обусловили определенную тенденциозность его исследования.

Американский исследователь У. Грихей опубликовал статью, посвященную 15-му казачьему кавалерийскому корпусу, действовавшему в составе вермахта и войск СС в 1943–1945 гг.¹ Истории создания и деятельности казачьей кавалерийской дивизии (позже – корпуса) посвящена и монография французского исследователя Ф. Ланнуа².

Особый интерес представляет проект австрийских исследователей Х. Штадлера и Ф. Степанека³.

Ряд западных ученых анализировали в целом историю казачества, в том числе и в плане его пребывания за рубежом⁴.

Украинский исследователь А.И. Ёлкин затронул проблему пребывания казаков-эмигрантов в Польше⁵. Отдельным аспектам данной проблемы посвятили труды польские исследователи. Так, положение казаков в лагерях для интернированных лиц анализирует З. Карпус⁶, один из немногих зарубежных исследователей, который выделяет казаков в отдельную группу,

¹ Greehey W.H. The German XVth Cossack Cavalry Corps, 1943–45 // *Adjutant's Call. Journal of the military historical society*. N.Y., 1967. Vol. 5. № 4. P. 54–58.

² Ланнуа Ф. Казаки Паннвица. 1942–1945. М., 2006.

³ Stadler H., Stepanek F. “Vor dem Müll gerettet” Das Projekt in Osttirol // *Die Kosaken im Ersten und Zweiten Weltkrieg*. Innsbruck, 2008. P. 47–65.

⁴ Longworth Ph. *The Cossacks*. Constable. 1969; Kappeler A. *Die Kosaken. Geschichte und Legenden*. München, 2013.

⁵ Ёлкин А.И. Русские казаки в Польше в 20–40-е годы XX века // *Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна*. 2002. Вип. 4: Історія. С. 100–108.

⁶ Karpus Z. *Jency I internowani rosyjscy I ukrain'scy w Polsce w latach 1918–1924*. Torun, 1991; Karpus Z. *Oboz internowanych № 7 w Tucholi (wrzesien'1921 – styczen 1923) // Mniejszosci narodowe I wyznaniowe w wojewodztwie pomorskim w okresie miedzywojennym (1920–1939)*. Torun, 1991. T. 1. S. 143–157.

находящуюся в одном ряду с русскими, украинцами и белорусами¹. С. Микулич отметил роль казачества в военно-политических планах Ю. Пилсудского².

Пребывание российских эмигрантов в Болгарии не прошло мимо внимания болгарских исследователей. А тот факт, что среди воинских контингентов Русской армии были казачьи части, в определенной степени способствовал тому, что казаки также становились предметом исследования³. В болгарской историографии тема российских эмигрантов активно изучалась уже в 1950–1960-е гг. При этом сильное влияние при постановке конкретных исследовательских задач и их решении оказывала идеологическая составляющая. Так, предметом исследования болгарских историков чаще всего были борьба Болгарской коммунистической партии с врангелевцами⁴ и проблема репатриации российских эмигрантов⁵. Подобного рода тенденции сохранялись в болгарской историографии и на протяжении 1970–1980-х гг.⁶ С середины 1990-х гг. болгарские историки постепенно отходят от идеологических штампов⁷. Они базируются на более широком круге разнообразных источников. Так, исследование Л. Спасова основано не только на болгарских источниках, но и на документах, хранящихся в архиве

¹ Karpus Z. Wschodni sojusznicy Polski w wojnie 1920 roku. Oddziały wojskowe ukraińskie, rosyjskie, kozackie i białoruskie w Polsce w latach 1919–1920. Torun, 1999.

² Mikulicz S. Prometeizm w polityce II Rzeczypospolitej. Warszawa, 1971.

³ Даскалов Д. Бялата емиграция в България. София, 1997.

⁴ Даскалов Д. Борбата на българския народ под ръководството на БКП против заговора на Врангел през 1922 г. // ВИС. София, 1956. № 2; Митев Й. Борбата на БКП против белогвардейците в защита на съветската страна 1919–1923 г. // Исторически студии. София, 1963; Чернявски Г., Даскалов Д. Борбата на БКП против Врангеловия заговор. София, 1964.

⁵ Панайотов П. Руските емигранти в България и движението сред тях за връщане в Съветска Русия 1920–1923 г. // Исторически преглед. София, 1963. № 5; Стоянов К. Репатрирането на бившите руси военнопленници от България и разположението на пребиващата у нас Врангелова армия // ИНМ-Варна. Варна, 1964. № 2.

⁶ Митев Й. Борбата на Българската коммунистическа партия против белогвардейците и защита на съветска страна 1919–1923 // Митев Й. Избр. произв. София, 1986. С. 214–220.

⁷ Кёсева Ц. България и руската емиграция: 1920–1950-е гг. М., 2008.

Гуверовского института войны, революции и мира, в Государственном архиве Российской Федерации¹.

Проблемы, с которыми столкнулись русские эмигранты в Румынии, стали предметом исследования Б. Думитру².

Порой проблемы российской эмиграции в одной стране становились предметом изучения исследователей из другого государства. В этом плане заслуживает внимания исследование сербского историка М. Йовановича, посвященное процессу адаптации русских беженцев в Болгарии (1920–1940 гг.)³. И хотя казаков сербский исследователь упоминает лишь вскользь, его работа имеет научную значимость как в плане постановки проблемы исследования адаптации эмигрантов, так и в плане анализа имевшегося в его распоряжении материала.

Большой научный интерес представляет и работа украинского исследователя В.Д. Козлитина, который довольно подробно описал многие аспекты пребывания российских эмигрантов в Югославии в 1919–1945 гг.⁴, в том числе и казаков.

След, который казаки оставили в истории различных государств Латинской Америки, нашел отражение в изданных там работах, посвященных казакам-эмигрантам. Так, чилийский исследователь Ж.С. Энсина изучал биографию донского казака-эмигранта М.Н. Краснова⁵.

В конце XX – начале XXI в. проблема российской эмиграции (в том числе казачьего зарубежья) привлекла внимание японских и китайских исследователей. Так, И. Нахо провела анализ доклада, подготовленного в

¹ Спасов Л. Врангеловата армия в България 1919–1923. София, 1999.

² Думитру Б. Проблемы русской эмиграции на страницах румынской русскоязычной печати // Миграция и эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в XVIII–XX вв. Сохранение русской идентичности и историко-культурного наследия. СПб., 2011. С. 459–466.

³ Йованович М. Адаптация русских беженцев в Болгарии (1920–1940) // Бялата емиграция в България: материали от научна конференция. София, 23 и 24 септември 1999 г. София, 2001. С. 87–96.

⁴ Козлитин В.Д. Русская и украинская эмиграция в Югославии (1919–1945 гг.). Харьков, 1996.

⁵ Ensina G.S. Miguel Krassnoff, prisionero por servir a Chile. Santiago, 2007.

ходе третьей аграрно-экономической экспедиции (1940–1941 гг.) Отдела исследований экономики Северной Маньчжурии при Южно-Маньчжурской железнодорожной акционерной компании. Данная экспедиция была посвящена исследованию социально-экономической жизни казаков, проживавших в одном из наиболее крупных поселков Трехречья – Верх-Кули¹. В работах китайских ученых чаще всего объектом исследования являлось российское зарубежье в Китае в целом, однако детальный характер исследований в этом направлении предопределил важность ряда работ в рамках проблематики данной диссертации. В этом плане выделим работы Юнхуа Чжао², У Нань Линя³, Чжичэн Вана⁴.

В целом проблема казачьего зарубежья хотя и нашла некоторое свое отражение в зарубежной научной литературе, но относительно подробно в ней был освещен лишь период Второй мировой войны.

Таким образом, анализ исследований российских и зарубежных авторов показывает, что проблемы истории казачьей эмиграции нашли свое отражение как в российской (в том числе эмигрантской), так и в зарубежной историографии. В то же время остается еще много сюжетов, требующих своего тщательного изучения, без которого невозможно полноценное исследование проблемы истории казачьего зарубежья. Среди них: история пребывания казаков-эмигрантов в ряде стран (Англии, Австралии, Бельгии, Италии, США, государствах Латинской Америки и др.), которые лишь частично были затронуты российскими и зарубежными историками; проблемы взаимодействия казаков-эмигрантов с российскими партиями, организациями и обществами в эмиграции. Кроме того, в историографии

¹ Нахо И. Анализ «Доклада по исследованию форм ведения сельского хозяйства русскими крестьянами в Трехречье» (1943): ретроспектива японских исследований казацкого поселка Верх-Кули // Владивосток – точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции. Владивосток, 2016. С. 131–132.

² Чжао Ю. Русская эмигрантская пресса в Китае в первой половине XX в. // Вопросы истории. 2010. № 1. С. 145–149.

³ У Н.Л. Проблемы адаптации русских эмигрантов в Китае в 20–30-е гг. XX в. М., 2001.

⁴ Ван Ч. История русской эмиграции в Шанхае. М., 2008.

казачьего зарубежья практически белым пятном остается пребывание казаков за рубежом после Второй мировой войны. Все эти малоизученные проблемы требуют не только специального исследования, но и изучения в общем комплексе казачьего зарубежья как составной части российского зарубежья и одновременно самостоятельного социально-исторического явления XX в. Настоящее диссертационное исследование является попыткой в определенной мере восполнить данный пробел в российской историографии казачьего зарубежья.

Цель диссертационного исследования – выявить закономерности общественно-политической, социально-экономической и культурной жизни казачьего зарубежья как социально-исторического феномена сквозь призму адаптации казаков-иммигрантов в принявших их государствах.

Задачи диссертационного исследования:

- 1) обозначить и решить методологические проблемы, связанные с изучаемой темой, определив казачье зарубежье в качестве социально-исторического явления и объекта исследования;
- 2) выявить новые источники и проанализировать источниковую базу по изучению казачьего зарубежья;
- 3) определить состояние российской и зарубежной историографии в рамках заявленной темы, раскрыть основные проблемы – как получившие освещение в исторической науке, так и требующие своего изучения;
- 4) выявить и сравнить причины эмиграции казаков первой и второй волн;
- 5) установить численность, географию размещения казаков за рубежом;
- 6) раскрыть политические и социально-экономические условия пребывания казаков за рубежом в изучаемый период времени;
- 7) выявить и проанализировать структуру и общественно-политическую жизнь казачьего зарубежья;
- 8) раскрыть роль казачества во Второй мировой войне;

9) установить степень социально-экономической и культурной адаптации казаков-иммигрантов и их интеграции в общественно-политическую, социально-экономическую и культурную среду принимаемых государств;

10) определить роль и значение казачества для принимаемых государств.

Методологическую основу диссертации составил ряд принципов и методов научного познания, включая принципы и методы исторической науки.

В основу работы были положены принципы объективности, системности, всесторонности, конкретности и историзма.

Использование *принципа объективности* предполагает выявление и анализ объективных закономерностей исторического процесса путем исследования по возможности большего количества разнообразных фактов, не допуская личных мотивов и пристрастия. Так, полностью не разделяя идеологию коллаборационизма, автор старался максимально объективно проанализировать его причины, сущность и проявления в годы Второй мировой войны. Перспективным также представляется рассмотрение эмиграции в русле социальной истории, отбросив всякие политические пристрастия. Это в значительной степени помогает сохранять объективность в исследовании тех или иных проблем.

Принцип всесторонности дополняет принцип объективности в результате анализа различных явлений и процессов путем выявления по возможности всех их сторон, проявлений, связей и отношений. В частности, проводя анализ процесса адаптации казаков-эмигрантов в принимавших их сообществах, автор стремился изучить все стороны данного процесса: социально-экономическую (включая бытовые аспекты адаптации), общественно-политическую, культурную, психологическую, в том числе с учетом природно-географических (климатических) факторов.

Принцип системности использовался при анализе структуры казачьего зарубежья путем выявления внутренних связей и исследования взаимоотношений казаков-эмигрантов с внешней средой. Данный принцип, в частности, помог признать существование диаспоры казаков-эмигрантов в ряде государств.

Исходя из *принципа конкретности*, различные аспекты и факторы существования казачьего зарубежья анализировались на конкретно-историческом уровне.

В соответствии с *принципом историзма* изучаемые явления, события, процессы, факты интерпретировались исходя из исторических условий их происхождения и существования, а также взаимосвязи и взаимообусловленности их с другими историческими явлениями, событиями, процессами, фактами.

Методологически важен и *ретроспективный* подход, который позволяет рассматривать явления и процессы в их ретроспективе.

В процессе исследования автор опирался на различные методы познания. Среди философских методов выделим *диалектический*, который направлен на раскрытие общих идей и принципов познания реальности.

Сравнительно-исторический и *историко-сравнительный* методы позволяют вскрывать сущность изучаемых явлений и выявлять их закономерности и особенности. При этом данные методы, дают возможность определить сущность исследуемых явлений как по сходству, так и по различию присущих им свойств. *Сравнительно-исторический (синхронический) метод* позволил путем сравнения выявить некоторые общие и особенные черты адаптации казаков-эмигрантов в различных странах, а также общее и особенное российской и казачьей эмиграции и причины этих сходств и различий. В свою очередь *историко-сравнительный (диахронический) метод* (как вариация сравнительно-исторического метода) позволил сравнить процесс адаптации казаков-эмигрантов в различные

хронологические отрезки изучаемого периода, а именно до и после Второй мировой войны.

Благодаря *историко-генетическому методу* удалось провести анализ образования казачьего зарубежья и основных этапов его развития. Как верно отметил И.Д. Ковальченко, данный метод позволяет наиболее точно воспроизвести реальную историю объекта исследования¹.

В процессе исследования широко использовались общелогические *методы индукции, дедукции и аналогии*. В частности, *метод индукции* позволил из множества имевшихся фактов выявить основные причины эмиграции казаков первой и второй волн, а также причины казачьего коллаборационизма. *Методы дедукции и аналогии* применялись в ситуации, когда отсутствовали данные непосредственно по казакам-эмигрантам. В таких случаях сведения, касающиеся российской эмиграции в целом, переносились и на казачью эмиграцию. Это в частности касается нормативно-правовых актов и решений, принятых Лигой Наций, ООН, различными государствами, включая СССР, в отношении российских иммигрантов/эмигрантов. В силу этого автор рассуждает о положении российской эмиграции в целом, априори подразумевая, что это касается и казаков-эмигрантов.

В процессе анализа и изложения материала автор отходит от принципа актуализации внимания только на объекте исследования – казачестве. Учитывая, что одной из задач является сравнение положения казаков-эмигрантов с положением российской эмиграции в целом и выявление в данном анализе общих и отличительных черт, в диссертации анализируются процессы, явления и события, характерные для всего российского зарубежья. При этом они (процессы, события, явления, характеризующие российскую эмиграцию в целом) часто показываются как фон, как общая тенденция, в ходе которой отмечаются отличительные черты казачьего зарубежья. Если

¹ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 2003. С. 184.

отличительные черты не приводятся, то по умолчанию подразумевается, что данные тенденции характерны и для казачества.

Учитывая, что далеко не все события и факты, связанные с пребыванием казаков за рубежом, известны и некоторые документы, свидетельствующие о них, впервые вводятся в научный оборот, в диссертационном исследовании использовался *нарративный (описательно-повествовательный) метод*. Особенно это касается периода 1950–1960-х гг., который практически не нашел своего отражения в исследованиях по истории казачьего зарубежья. Отметим, что *описательный метод* использовался нами как на эмпирической стадии исследования, так и на теоретической. Полностью согласны с утверждением Н.А. Мининкова о том, что «в описании нуждается не только исторический факт, но и изучаемые явления и процессы», которые «должны быть описаны прежде, чем подвергаться анализу и формированию на основании этого анализа исследовательской концепции»¹.

Отсутствие информации о том или ином событии, явлении в отдельных случаях компенсировалось использованием *метода интуитивно-логического анализа*, результаты применения которого оформлялись в виде предположений.

При анализе положения казаков-иммигрантов в принимающих их сообществах автор исходил из теории аккультурации, согласно которой участие в межкультурных контактах и сохранение культурной идентичности приводит к одной из четырех стратегий – ассимиляции, сепарации, маргинализации и интеграции².

В рамках исследования термины «эмиграция» и «иммиграция», «эмигранты» и «иммигранты» используются в зависимости от контекста в соответствии с общепринятой их трактовкой. Анализ казачьего и российского зарубежья в целом, образованного эмигрантами из России, исследование процессов, протекавших внутри российского и казачьего

¹ Мининков Н.А. Методология истории. Ростов н/Д, 2004. С. 219.

² Эмиграция и репатриация в России. М., 2001. С. 159.

зарубежья, выявление их численного состава и размещение по странам предполагает использование преимущественно терминов «эмиграция» и «эмигранты». В то же время анализ встраивания представителей казачьего и российского зарубежья в принимающие общества, их адаптация, а также сравнение с положением выходцев из других государств, включая политику в отношении местных правительств, допускает использование терминов «иммиграция» и «иммигранты». Последнее допущение связано с тем, что по отношению к правительствам и населению принимающих государств беженцы из России являлись иммигрантами. Термины «иммиграция» и «иммигранты» использовались и в тех случаях, когда анализировалось влияние казаков на социально-экономические, социально-политические и культурные аспекты развития принявших их государств. При равных условиях использовался преимущественно термин «эмигранты», так как ключевым побудительным мотивом к выезду за рубеж для большинства казаков было стремление (в силу сложившихся условий) покинуть Россию/СССР, а не желание выехать для постоянного проживания в конкретную страну.

Термины «российская эмиграция» и «русская эмиграция» используются в зависимости от контекста. Первый вариант шире и предполагает основную массу эмигрантов из России, включая и тех, кто в эмиграции дистанцировался от русского мира, создав свои диаспоры – армянскую, украинскую и др.

Различаются нами и понятия «российская эмиграция» и «российское зарубежье». В этом различии мы полностью согласны с А.А. Прониным, который термином «российская эмиграция» обозначал всех граждан (подданных) Российского государства, оставивших его на относительно длительное время, термином «российское зарубежье» – «всю сферу, связанную с деятельностью и пребыванием наших соотечественников за

рубежом»¹. В таком же контексте нами мыслится сопоставление и использование терминов «казачья эмиграция» и «казачье зарубежье».

Под термином «зарубежное казачество» подразумеваются представители российского казачества, ушедшие за рубеж, и их потомки.

Термины «реэмиграция» и «репатриация» нами различаются. Термин «репатриация» видится как более широкий, так как предполагает возвращение на историческую родину тех представителей казачества, которые родились уже за рубежом и не были эмигрантами в полном смысле этого слова. Реэмиграция же предполагает возвращение лиц, непосредственно эмигрировавших из страны.

Диаспора понимается нами как сообщество людей, объединенных культурно-историческими традициями, общим происхождением, принадлежностью к одному этносу, проживающих за пределами своей исторической родины, чаще всего в иноэтническом окружении, сохранивших частично свои этнические, культурно-исторические характеристики с помощью созданных ими социальных институтов.

Учитывая, что основное внимание в диссертационном исследовании сосредоточено на двух волнах казачьей эмиграции (после Гражданской войны в России и после Второй мировой войны), в работе они упоминаются как первая и вторая волны. Это же относится и в целом к эмиграции из России/СССР, хотя мы не отрицаем, что и до Гражданской войны из России было несколько потоков эмиграции, в том числе трудовой, политической, религиозной.

В процессе обобщения тех или иных результатов исследования мы обращали внимание и на отдельные, пусть и единичные факты, показывающие все многообразие взглядов, идей, мнений, бытовавших в среде казачьего и российского зарубежья.

¹ Пронин А.А. Российская эмиграция в отечественных диссертационных исследованиях 1980–2005 гг. // Российская история. 2010. № 3. С. 101.

Источниковая база диссертационного исследования основывается на широком круге источников, разнообразных как по своему происхождению, так и по содержанию. Все используемые источники условно можно разделить на следующие группы:

- 1) законодательные, нормативно-правовые документы;
- 2) делопроизводственные документы;
- 3) статистические данные;
- 4) документы личного происхождения (мемуары, дневники, частная переписка);
- 5) интервью¹;
- 6) художественная литература;
- 7) периодическая печать, публицистика.

Документы каждой из выделенных групп имеют свои особенности и характерные черты, которые определяют их значимость в процессе изучения заявленной темы исследования.

1. Законодательные, нормативно-правовые документы представлены как на национальном уровне, так и на международном. В обоих случаях они являются важными источниками, дающими различную информацию. Анализ нормативно-правовых актов в совокупности с другими источниками дает возможность увидеть не только их содержание, но и цель принятия, задачи, решаемые ими. Анализируя значение нормативно-правовых актов, «необходимо различать юридическое и морально-политическое или историческое значение документов»². Среди законодательных актов национального характера отметим законы, указы, принимаемые советским правительством в отношении российских эмигрантов³, а также

¹ Некоторые исследователи не без оснований относят интервью к документам личного происхождения.

² Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. М., 1998. С. 533.

³ О восстановлении в гражданстве СССР подданных бывшей Российской империи, а также лиц, утративших советское гражданство, проживающих на территории Болгарии. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14 июня 1946 г. URL:

законодательные основы существования российских иммигрантов (включая их въезд и выезд) в государствах своего пребывания¹.

Среди нормативно-правовых актов международного характера выделим международные договоры и соглашения, содержание которых касалось положения российских эмигрантов и перемещенных лиц. Учитывая тот факт, что политика многих государств в отношении российских эмигрантов проводилась в зависимости от отношений правительства данного государства с Советской Россией/СССР, важным представляется использование в качестве источников документов по двусторонним отношениям между СССР и другими государствами. Большинство подобного рода источников опубликовано в сборниках по дипломатическим отношениям².

2. Делопроизводственные текущие документы по своему составу представляют наиболее большую группу разнообразных источников. В ней можно выделить: а) документы государственных организаций и органов власти; б) Лиги Наций и ООН, включая их различные структурные подразделения; в) официальные документы различных общественных, политических, социально-экономических, бытовых, культурных организаций, объединений (включая казачьи войсковые объединения за границей); г) различного рода приказы, распоряжения, донесения и другие материалы по воинским частям, соединениям, подразделениям.

http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4595.htm (дата обращения: 11.04.2017); О восстановлении в гражданстве СССР подданных бывшей Российской империи, а также лиц, утративших советское гражданство, проживающих на территории Чехословакии. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 5 октября 1946 г. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4623.htm (дата обращения: 11.04.2017); О восстановлении в гражданстве СССР подданных бывшей Российской империи, а также лиц, утративших советское гражданство, проживающих на территории Югославии. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14 июня 1946 г. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4596.htm (дата обращения: 11.04.2017) и др.

¹ Службени новини Краљевине срба, хрвата и словенаца. Београд, 1919–1941; Алманах Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. Св. I–III. Београд, Загреб, 1921–1928; Алманах Краљевине Југославије. Св. IV–V. Београд, Загреб, 1929–1938.

² Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1964. Т. 2; М., 1965. Т. 3; Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. М., 1973. Т. 1.

Анализ правительственных документов дает возможность понять причины принятия тех или иных решений в отношении эмигрантов и репатриантов (когда речь идет о советских документах), а также в отношении российских иммигрантов (когда речь идет о правительственных документах принимающих государств). Отметим, что в большинстве случаев подобного рода документы касались российских эмигрантов в целом, причем в них обращалось особое внимание именно на казаков-эмигрантов.

Делопроизводственные материалы Лиги Наций и ООН и созданных при них комитетов, комиссиях и других организациях под их покровительством являются информативным источником для анализа позиции этих организаций в отношении российских эмигрантов.

Анализируя официальные документы различных эмигрантских организаций, отметим в первую очередь приказы и распоряжения войсковых атаманов. Данные материалы содержат информацию об основных вопросах, которые стояли перед тем или иным казачьим войском в эмиграции, об активности их атаманов, значимости решаемых проблем. Учитывая ту громадную роль, которую играл в эмиграции Объединенный совет Дона, Кубани и Терека, значимым представляется такой документ, как соглашение между войсковыми атаманами о создании данного объединения¹. Большую роль в жизни Кубанского казачьего войска (ККВ) за рубежом после Второй мировой войны играли Войсковой совет и Войсковой сбор. Анализ повесток работы и протоколов заседаний Войскового совета и Войскового сбора ККВ показывает круг вопросов, которые решались представителями Кубанского казачьего войска за рубежом. Кроме того, в подобных документах отражена официальная позиция войсковых атаманов и войска в целом по тем или иным вопросам. Не менее интересны и протоколы станичных сборов и распоряжения атаманов станиц и хуторов. Их анализ дает возможность увидеть жизнь казаков в конкретных государствах.

¹ ГАРФ. Ф. 5923. Оп. 1. Д. 17. Л. 1–2.

За рубежом казаками было создано множество различных организаций и объединений. Их уставы и программы позволяют понять целевую направленность и задачи данных организаций и объединений (Казачий союз, Вольно-казачье движение, Казачье национально-освободительное движение, Лига возрождения казачества, Союз возрождения казачества и др.). Учитывая, что казачество было составной частью российской эмиграции, а некоторые его представители входили в различные объединения, общества, организации общероссийского плана, значимыми представляются и официальные документы данных организаций и обществ.

Сведения о выборах атаманов позволяют косвенно судить о численности казаков за рубежом (по крайней мере, об общественно-политически активной части казачества). Особую ценность подобного рода источники представляют для периода 1950-х–1960-х гг., когда большинство казаков практически растворились в принимающих их сообществах. Они проявляли себя преимущественно участием в выборах атаманов. Примером может служить протокол заседания мандатной комиссии Особого выборного сбора по выборам кубанского войскового атамана, состоявшегося 14 августа 1966 г. в Нью-Йорке. В данном протоколе приведен полный перечень кубанских казачьих объединений, обществ и групп, принявших участие в выборах атамана ККВ с указанием их численного состава¹. В то же время источники подобного рода нуждаются в корректировке и проверке, так как в период выборов казачьих атаманов за рубежом были нередки случаи подлога документов с целью увеличения численности голосующих².

В результате Гражданской войны в эмиграции оказалось значительное количество различных воинских частей, в составе которых были и

¹ ГАКК. Коллекция документов ККВ за рубежом. Пер. 1. Кор. 10. Ед. хр. 112. Протокол заседания мандатной комиссии Особого выборного сбора по выборам кубанского войскового атамана. 14.08.1966.

² Там же. Кор. 11. Ед. хр. 130. Письмо атамана Общеказачьей станицы в г. Веллингтоне (Новая Зеландия) – председателю мандатной комиссии Особого сбора М.К. Кулику. 06.11.1966.

представители казачества. Но если на Запад Русская армия генерала П.Н. Врангеля эмигрировала в полном составе и определенное время ее командующему удавалось сохранять ее как самостоятельную воинскую единицу, то на Востоке в силу изначального существования различных политических и военных группировок воинские части не имели единого командования, а были разбиты на различные группы. Несмотря на это, большинство воинских подразделений продолжали существовать в качестве самостоятельных воинских единиц. Командиры и начальники издавали соответствующие приказы и распоряжения, получали рапорты и донесения от своих подчиненных. Подобного рода документы дают возможность увидеть и проанализировать как в целом жизнь и деятельность данных подразделений, так и взаимоотношения внутри них. В этом плане особенно интересен анализ документов казачьих частей, входивших в Русскую армию генерала П.Н. Врангеля. Их командиры, с одной стороны, обязаны были исполнять распоряжения и приказы, полученные из штаба Армии, а с другой стороны, признавая главенство и авторитет войсковых атаманов, вынуждены были ориентироваться и на их распоряжения и приказы.

Приказы, распоряжения и другие документы командного состава различных воинских соединений, частей и подразделений иностранных государств являются важным источником при анализе жизни и деятельности казаков в период Второй мировой войны и первые месяцы после ее окончания. Так, приказы, распоряжения, служебные записки и другие материалы командиров британских воинских соединений, частей и подразделений раскрывают детали плена и выдачи казаков, находившихся на последнем этапе войны на территории Северной Италии и Австрии.

3. Статистические источники представлены преимущественно данными Лиги Наций и ООН в отношении количества беженцев и их размещения по странам, а также материалами переписей населения некоторых государств. Так, в публикации Д. Иванцова данные переписи 1921 г. в Королевстве сербов, хорватов, словенцев сопровождаются квалифицированным

анализом¹. Не менее информативны и статистические материалы, подготовленные самими эмигрантами и их организациями. Так, в ведомостях о количестве дворов, населения и хозяйственном состоянии Хайларского казачьего отдела Союза казаков на Дальнем Востоке и Трехреченской казачьей станицы указано не только количество дворов, мужчин, женщин и детей, проживавших на 1 января 1940 г. в районах Трехречья и Хайлара, входивших в Маньчжоу-Го, но и количество у них домашних животных и размеры посевов различных сельскохозяйственных культур². Своеобразным дополнением к этим материалам служит доклад, подготовленный аграрно-экономической экспедицией Отдела исследований экономики Северной Маньчжурии при Южно-Маньчжурской железнодорожной акционерной компании в 1943 г.³ Данные материалы содержат сведения о социально-экономической жизни казаков, проживавших в одном из наиболее крупных поселков Трехречья – Верх-Кули.

4. Источники личного происхождения функционально рассчитаны, прежде всего, на установление коммуникации, как межличностной, так и автокоммуникативной. Одной из отличительных характеристик данного вида источников является их субъективность. В силу этого исследователь при изучении мемуаров, дневников, переписки обязан большое внимание уделить их автору, его личности, времени и месту не только описываемых событий, но и написания дневника, мемуаров, письма. В то же время значимость подобного рода источников (особенно дневников и писем) заключается и в том, что исследователь порой имеет возможность увидеть среди прочего частную жизнь конкретного человека. Это открывает новые возможности для

¹ Иванцов Д. Русские беженцы в Югославии в 1921 г. // Русский экономический сборник. Прага, 1925. № 2. С. 80–108.

² Как живут казаки в Маньчжоу-Ди-Го // Дальневосточное казачество. Харбин, 1940. № 3. Март. С. 19–20.

³ Доклад по исследованию форм ведения сельского хозяйства русскими крестьянами в Трехречье. Исследовательские материалы Южно-Маньчжурской железнодорожной акционерной компании. Секретно / сост. Игауэ Нахо. Токио, 2014. URL: <http://c-faculty.chuo-u.ac.jp/~igaue/Trekhrechieresearch1943.pdf> (дата обращения: 28.10.2016).

анализа ряда процессов, протекавших в казачьем зарубежье, в том числе процесса адаптации казаков-эмигрантов к новым для них условиям существования за рубежом.

К числу специфических и в то же время крайне информативных относятся источники эпистолярного характера. В 1994 г. была опубликована подборка писем, написанных казаками-эмигрантами или казакам-эмигрантам¹. Данные письма позволяют увидеть жизнь казаков-эмигрантов их глазами. Кроме того, они содержат большое количество уникальных фактов. Не меньший интерес представляют и письма, полученные казаками из родного края. Из них можно понять причины, по которым некоторые казаки вынуждены были либо остаться на чужбине, либо вернуться на родину, а также предпосылки поддержки частью казачества гитлеровских оккупантов в период Второй мировой войны.

Своеобразным дополнением к этим материалам являются письма одному из ярких представителей казачьего зарубежья – казачьему полковнику Ф.И. Елисееву, написанные его родственниками из СССР².

Из опубликованных писем отметим и переписку атамана ККВ за рубежом генерала В.Г. Науменко с казаком-эмигрантом Г.Н. Хилем³.

Не менее ценны и дневниковые записи. Они, в частности, дают возможность реконструировать некоторые события, предоставляя порой уникальные факты, позволяют увидеть отношение автора к тем или иным событиям, раскрывая в определенной степени его личностные характеристики. В этом плане особый интерес представляют дневниковые записи генерала В.Г. Науменко, которые он делал на протяжении

¹ «Крестная ноша» / сост. В. Сидоров // Трагедия казачества: сб. / ред.-сост. Л. Барыкина. М., 1994. С. 386–464.

² Письма Ф.И. Елисееву от родственников, оставшихся в Советской России // Жизнь и судьба кубанского казака и джигита Ф.И. Елисеева: по мотивам его воспоминаний. Краснодар, 2013. С. 256-268.

³ Ратушняк О.В., Темиров С.Г. «Мы исполнили свой долг до конца»: переписка В.Г. Науменко и Г.Н. Хиля // Исторический архив. 2016. № 3. С. 86–107.

Гражданской войны и последующего пребывания за рубежом¹. Часть дневниковых записей В.Г. Науменко была опубликована его дочерью, Н.В. Назаренко². Они охватывают период с июня 1941 г. по март 1950 г. Выборка дневниковых записей сделана преимущественно с целью осветить проблему сохранения регалий Кубанского казачьего войска в годы войны и в первые послевоенные годы, до перевоза их из Европы в США. В то же время данные записи дают возможность глазами одного их наиболее ярких деятелей казачьего зарубежья увидеть события, которые происходили в Европе в годы Второй мировой войны. Ценность издания состоит также в том, что дневниковые записи сопровождаются комментариями Н.В. Назаренко, которая была очевидцем многих описываемых событий. В этом плане данная публикация уникальна, так как в ней фактически переплетены записи дневника и комментарии, сделанные на основе сохранившихся воспоминаний.

В ходе исследования автором активно использовалась и литература мемуарного характера. При этом значимыми являются воспоминания не только казаков-эмигрантов, но и представителей российского зарубежья в целом, а также иностранцев. Особенно важными представляются мемуары известных общественно-политических деятелей российской эмиграции, таких как П.Н. Врангель³, В. Добрынин⁴, А.С. Лукомский⁵, Г.В. Немирович-Данченко⁶ и др. Часть их воспоминаний касается периода Гражданской войны. Они позволяют понять причины некоторых действий, совершенных теми или иными представителями казачьего зарубежья. Среди значимых мемуаров отметим воспоминания таких видных общественно-политических

¹ ГАКК. Ф. Р-1864. Оп.1. Д. 1–12. Дневник В.Г. Науменко.

² Науменко В.Г., Назаренко Н.В. Указ. соч.

³ Врангель П.Н. Записки: в 2 т. // Белое дело. Берлин, 1928–1929. Т. 5–6.

⁴ Добрынин В. Борьба с большевизмом на Юге России. Участие в борьбе Донского казачества. Прага, 1921; Добрынин В. Дон в борьбе с Коммуной. Прага, 1922.

⁵ Лукомский А.С. Воспоминания. Берлин, 1922. Т. 1–2.

⁶ Немирович-Данченко Г.В. В Крыму при Врангеле. Берлин, 1922.

деятелей казачьего зарубежья, как генералы А.П. Богаевский¹ и П.Н. Краснов². В 1994 г. были опубликованы воспоминания Н.В. Федорова, занимавшего пост атамана Всевеликого войска Донского (ВВД) за рубежом³. Они содержат интересные факты пребывания казаков в эмиграции. Не меньший интерес представляют и воспоминания обычных рядовых казаков. Например, работа Г. Солодухина позволяет увидеть адаптацию казака-эмигранта к жизни за рубежом на протяжении около 30 лет⁴.

Отметим, что далеко не все воспоминания были опубликованы или изданы полностью. Некоторые из них хранятся в фондах различных архивохранилищ и личных архивах потомков. Так, мемуары генерала И.Т. Беляева, оставившего значимый след в истории Парагвая, хранятся в отделе рукописей Российской государственной библиотеки⁵. Из них, в частности, можно узнать не только о деятельности генерала в Парагвае, но и о причинах выбора данной страны для иммиграции и довольно успешной последующей адаптации⁶.

Не менее интересны и воспоминания С.Ю. Улагая, в которых содержатся не только материалы о Гражданской войне, но и анализ некоторых явлений эмигрантской жизни, например, самостийничества⁷.

Уникальным источником являются воспоминания детей-эмигрантов и детей-сирот, вывезенных за границу⁸. Воспоминания о периоде революции и Гражданской войны помогают понять психологию будущих взрослых эмигрантов, объяснить те или иные их поступки. Кроме того, в воспоминаниях детей, написанных в форме сочинений, есть и факты о первых годах их пребывания в эмиграции. Отметим, что составители

¹ Богаевский А.П. Воспоминания. 1918 г. // Донская летопись. Белград. 1923. № 1.

² Краснов П.Н. От Двуглавого орла к Красному знамени. Берлин, 1922.

³ Федоров Н.В. От берегов Дона до берегов Гудзона. Ростов н/Д, 1994.

⁴ Солодухин Г. Жизнь и судьба одного казака. Нью-Йорк, 1962.

⁵ НИОР РГБ. Отдел рукописей. Ф. 587. Картон 1. Д. 30. Л. 1–283.

⁶ Там же. Л. 268.

⁷ ГАКК. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 37. Воспоминания С.Ю. Улагая. Ч. 3. С. 42–47.

⁸ Воспоминания 500 русских детей. Прага, 1924; Дети эмиграции. Сборник статей / под ред. В.В. Зеньковского. Прага, 1925.

сборника и интерпретаторы детских сочинений выделили в отдельную группу воспоминания детей из казачьих семей (преимущественно донцов)¹.

Мемуары как исторический источник интересны в первую очередь возможностью реконструкции психологии людей изучаемого времени, а также эмоциональным восприятием изучаемой эпохи. Однако порой и фактический материал, содержащийся в мемуарах, при определенной проверке и уточнении дает возможность реконструировать те или иные события из жизни казачьего зарубежья.

Среди воспоминаний иностранцев особое место занимают мемуары участников Второй мировой войны. Так, знаменитый германский военачальник фельдмаршал Э. Манштейн отмечал, что казаки, охранявшие германский штаб в Новочеркасске воспринимали его охрану как особую честь². Из воспоминаний О. Скорцени мы узнаем об отчаянных вылазках казаков из войск СС, совершенных при обороне Кенигсберга в феврале 1945 г.³

Как источник крайне субъективный, воспоминания должны использоваться с особой осторожностью и сопоставляться с другими источниками.

5. Важным и отчасти уникальным источником явились интервью, записанные автором в ходе его рабочих поездок в США, Сербию, Чехию, во время встреч с потомками казаков-эмигрантов, как первой, так и второй волны эмиграции.

Во время проведения интервью некоторые респонденты соглашались отвечать на вопросы и описывать события только при условии их анонимности. При этом у данных респондентов явно проявлялся так называемый хоторнский эффект, с которым сталкивались и другие

¹ Дети эмиграции ... С. 28.

² Манштейн Э. Утерянные победы. М.; СПб., 1999. С. 370.

³ Скорцени О. Диверсия – мое ремесло. Смоленск, 2001. С. 226.

исследователи, проводившие интервью¹. Отметим еще один эффект, с которым приходилось сталкиваться многим исследователям, проводившим интервью, а именно эффект аберрации памяти рассказчика². Данные эффекты не только наблюдались нами, но и учитывались при проведении интервью и последующего анализа полученных сведений. Часть интервью давали непосредственные участники тех или иных событий (А.В. Капшилова³, А.М. Певнев⁴, Н.В. Дубовский⁵, Н.П. Сухенко⁶). Некоторые интервью проводились с лицами, которые прямо или опосредованно контактировали с участниками тех или иных событий⁷.

6. Художественная литература – довольно специфический источник, который по-разному используется различными исследователями. В рамках заявленной проблематики автор обращался к художественной литературе только с целью раскрытия культурной жизни казачьего зарубежья. Ее анализ показывает, какого рода темы были востребованы казаками за рубежом, какие сюжеты нашли свое отражение в художественных произведениях. Более того, сам факт издания прозаических и поэтических произведений за рубежом является значимым для анализа культурной жизни казаков-эмигрантов и их потомков. Помимо отдельных изданий, большинство художественных публикаций казаков-эмигрантов содержится в различных газетах и журналах казачьего и российского зарубежья. Особо отметим полный комплект «Кубанского исторического и литературного сборника», издававшегося с 1959 по 1968 гг. под редакцией В.Г. Науменко. Материалы сборника позволяют проследить развитие казачьей литературы в эмиграции.

¹ Кринко Е.Ф., Тажиудинова И.Г., Хлынина Т.П. Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945). Ростов н/Д, 2013. С. 11.

² Там же. С. 44.

³ ЛА Р. Интервью с А.В. Капшиловой. 12.05.2015, г. Прага (Чехия).

⁴ ЛА Р. Интервью с А.М. Певневым. 27.07.2010, г. Фарминдейл (шт. Нью-Джерси, США).

⁵ ЛА Р. Интервью с Н.В. Дубовским. 20.06.2011, г. Хауэлл (шт. Нью-Джерси, США).

⁶ ЛА Р. Интервью с Н.П. Сухенко. 25.07.2010, г. Винелэнд (шт. Нью-Джерси, США).

⁷ ЛА Р. Интервью с З. Дробот. 21.05.2015, с. Придворице (Сербия).

Не менее интересны критические публикации на художественные произведения казачьих авторов.

7. Материалы периодической печати один из важнейших источников по истории казачьей эмиграции. Всю периодику можно условно разделить на четыре группы: а) общероссийские эмигрантские издания; б) казачья печать; в) печатные средства массовой информации государств, принявших казаков-эмигрантов; г) советская периодика. Данная разбивка на группы является одним из первых шагов к анализу материалов периодической печати.

В качестве особенностей периодической печати как исторического источника выделяется ее многоплановость и синтетический характер, выражающиеся в наличии самых разнообразных материалов: официальные сообщения и документы, публицистика, аналитические статьи, хроника, объявления, некрологи и другие публикации. Все эти материалы можно условно представить в трех группах: информационные материалы, аналитика, художественно-публицистические произведения. Каждая из данных групп имеет свои особенности, важные с точки зрения критического анализа источников. Так, информационные материалы значимы с точки зрения получения информации о том или ином факте, событии. В большинстве подобного рода документах изначально заложено стремление к передаче информации. Однако следует иметь в виду, что данная информация может быть и ложной, искаженной. Чаще всего это связано с двумя факторами. Первый – стремление к оперативности и, как следствие, неимение времени на подтверждение достоверности того или иного факта. Второй фактор связан с идеологической функцией ряда средств массовой информации и порой с намеренным искажением фактов в целях выполнения той или иной идеологической задачи. Аналитические статьи представляют интерес в первую очередь в плане изучения основных направлений общественно-политической мысли по той или иной проблеме. Анализ печатных органов казаков-эмигрантов позволяет выявить многообразие

политических групп, действовавших в казачьем зарубежье, их программные установки и основные направления деятельности.

В целом использованная источниковая база содержит разнообразный по происхождению, характеру и содержанию материал, позволяющий в достаточной мере решить задачи, обозначенные в рамках темы диссертационного исследования.

Соответствие диссертационного исследования Паспорту специальностей ВАК. Диссертационное исследование проводилось в рамках специальности 07.00.02 – Отечественная история. Области исследования: п. 4 – История взаимоотношений власти и общества, государственных органов и общественных институтов России и ее регионов; п. 6 – История повседневной жизни различных слоев населения страны на соответствующем этапе ее развития; п. 7 – История развития различных социальных групп России, их политической жизни и хозяйственной деятельности; п. 9 – История общественной мысли и общественных движений; п. 12 – История развития культуры, науки и образования России, ее регионов и народов; п. 18 – Исторические изменения ментальностей народов и социальных групп российского общества; п. 23 – История Великой Отечественной войны; п. 24 – Россия в крупнейших международных конфликтах.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в следующем:

1. Комплексно проанализировано социально-политическое и социально-экономическое положение казачьего зарубежья в 1945–1960-е гг., которое практически оставалось за рамками исследований казачьей эмиграции.

2. Проведен сравнительный анализ адаптации к жизни за пределами родины казаков-эмигрантов первой и второй волн эмиграции и их потомков. Сделаны выводы о том, что степень ассимиляции и аккультурации казаков-иммигрантов второй волны была значительно выше, что объяснялось отсутствием надежды на возвращение на родину и, как следствие,

стремлением более глубоко инкорпорироваться в жизнь принимающих государств.

3. Методологически обосновано определение казачьего зарубежья в качестве объекта исследования с раскрытием основных его характеристик: общее историческое прошлое, определяющее единство коллективной памяти и культурных традиций; специфическая организация, включающая выборность атаманов и объединения в виде станиц и хуторов; тесные связи как внутри войсковых объединений, так и между казаками различных войск.

4. Установлено, что при изучении казачьего зарубежья возможно и допустимо использование термина «диаспора» в силу того, что для казаков за границей было характерно стремление к институционализации общественно-политической и культурной жизни, а также наличие коллективных связей и групповой солидарности.

5. Помимо магистральных (основных) причин эмиграции, иммиграции и репатриации, а также коллаборационизма части казачества, обращено внимание на существование различных индивидуальных побудительных мотивов, часто являющихся результатом стечения обстоятельств и комбинации нескольких причин.

6. Сделаны выводы о влиянии на социально-экономическое положение казаков-иммигрантов политики правительств и социально-экономической обстановки принимающих государств (в 1920–1960-х гг.). Так, практически все казаки почувствовали тяжесть экономических кризисов, поразивших государства их пребывания после Первой мировой войны, а также в конце 1920-х – начале 1930-х гг. Проведение послевоенной реформы в Германии в 1948 г. также сильно ударило в первую очередь по иммигрантам и перемещенным лицам, находившимся в стране, и послужило дополнительным мотивом к выезду из нее. Социально-политические изменения в Китае и соответствующая политика китайского правительства привели к тому, что практически все казаки-иммигранты в конце 1940-х – начале 1950-х гг. покинули страну. В государствах социалистического лагеря

большинство казаков приняли советское гражданство или гражданство государств пребывания, при этом практически утратив всякую связь с казаками в других государствах.

7. Введено в научный оборот значительное количество источников по исследуемой проблеме. В частности, выявлены и проанализированы: Коллекция документов Кубанского казачьего войска за рубежом, хранящаяся в ГАКК; материалы Музея Кубанского казачьего войска в г. Хауэлл, США; документы, хранящиеся в научно-исследовательском отделе рукописей РГБ¹. Данные источники позволили провести анализ: взаимоотношений между рядовыми казаками и атаманами; взглядов представителей казачества на основные проблемы, прямо или косвенно касающиеся жизни казачьего зарубежья и будущего казачьих краев в 1950–1960-е гг. Документы британского военного министерства из фондов Национального архива Великобритании позволили глубже понять причины и логику действий британских военных властей в период выдачи казаков советскому военному руководству в 1945 г.²

8. Сделан особый акцент на источниковой базе исследования в плане анализа содержания архивохранилищ, музеев, библиотек семи государств. В частности, обращено внимание на значимость в разработке проблематики казачьего зарубежья коллекций местных архивов: Государственного архива Краснодарского края, Государственного архива Хабаровского края, научно-исследовательского отдела рукописей РГБ, музея Кубанского казачьего войска в г. Хауэлл (США), архива Свято-Троицкой духовной семинарии в г. Джорданвилле (США), а также личных архивов потомков казаков-эмигрантов.

Положения, выносимые на защиту:

1. Казачество за рубежом одновременно являлось составной частью российского зарубежья и самостоятельным социально-историческим

¹ НИОР РГБ. Ф. 587. Картон 5. Д. 32.

² TNA. F. 26. Ff. 170/4241, 170/4388, 170/4396, 170/4461, 170/4988.

феноменом. Его роль и значение в истории принимающих государств преимущественно определялись теми же факторами, что и роль и значение российской эмиграции в целом. Иностранные правительства редко выделяли казаков из общей массы российских эмигрантов. Это происходило в основном, когда речь шла о казачьих воинских подразделениях и казачьих организациях и объединениях. Но и в этом случае они чаще всего рассматривались как составные части российских воинских и гражданских организаций, объединений и обществ. Исключение составляет период Второй мировой войны, когда в силу политики правящих кругов Третьего рейха казачество стало рассматриваться ими как самостоятельное явление, имеющее отличительные от российского зарубежья черты.

2. Наиболее острые проблемы, вызывающие дискуссии в научном сообществе по теме исследования, обусловлены или недостаточно изученным материалом, или идеологическими воззрениями исследователей. К подобному роду проблем относятся: определение самого казачества, проблема коллаборационизма казачества, адаптационные процессы в среде казачьего зарубежья, роль казачества в общественно-политической, социально-экономической и культурной жизни принимающих государств.

3. Источниковая база по истории казачьего зарубежья широка и разнообразна как по видовому составу документов, так и по местам хранения материалов. При этом документы, касающиеся пребывания казаков за границей после Второй мировой войны, лишь в малой мере введены в научный оборот. В этом плане особый интерес представляют материалы, хранящиеся в Государственном архиве Краснодарского края и музее Кубанского казачьего войска в г. Хауэлл (США).

4. Влияние казачьего зарубежья как самостоятельного социально-исторического явления на жизнь принимающих государств проявлялось преимущественно в области культуры. В то же время нет оснований утверждать о каком-то определяющем характере данного влияния.

5. Наиболее значимыми отличительными факторами структуры казачьего зарубежья были войсковая принадлежность, институт атаманства и казачьи объединения в виде станиц и хуторов. Данные факторы, с одной стороны, способствовали адаптации казаков-иммигрантов в принимаемых государствах, с другой стороны, служили препятствием для интеграции казаков в принимаемые сообщества.

6. Общее историко-культурное прошлое было основным фактором единения казачества за рубежом, включая сближение казаков из СССР с теми, кто к концу Второй мировой войны проживал за пределами исторической родины. Именно оно в значительной степени определяло самосознание казаков и их идентификацию с казачьим сообществом. Более того, оно выразилось и в определенном сближении за рубежом казаков и лиц, проживавших в казачьих регионах или служивших в казачьих частях.

7. В общественно-политической жизни казачьего зарубежья продолжали развиваться тенденции, проявившиеся особенно ярко в годы революции и Гражданской войны в России. Речь идет о расколе казаков по вопросу об этническом происхождении казачества и будущем существовании казачьих краев и областей. Особенно остро данный раскол проявлялся с середины 1920-х гг. до середины 1950-х гг.

8. Коллаборационизм казаков был обусловлен в первую очередь обидами на советскую власть и проводимые ею репрессии казачества, а также боязнью новой волны репрессий после окончания Второй мировой войны. При этом отношение ко Второй мировой войне и участие в ней определялись и государствами пребывания казаков. Так, большинство казаков, находившихся в Германии и государствах-сателлитах, воевали на стороне Третьего рейха. В то же время большинство казаков, отступавших на Запад вместе с германскими войсками, в большей степени стремились избежать возможных репрессий со стороны советского руководства.

9. Вторая мировая война стала своеобразным водоразделом двух этапов пребывания казаков за рубежом. Эти этапы различались географией

расселения казаков-эмигрантов, половозрастным составом, процессами адаптации, интеграции, аккультурации и ассимиляции, протекавшими в казачьей среде.

10. В отличие от 1920–1930-х гг. в 1950–1960-е гг. большинство казаков стали гражданами принявших их государств. Их дети, внуки и правнуки в большинстве своем отождествляли себя с государством пребывания, порой забывая историю и язык предков.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в возможности использования материалов диссертации для изучения таких проблем, как коллаборационизм, адаптация и интеграция иммигрантов в принимающие их общества, сохранения своих культурно-исторических традиций в условиях эмиграции. Введение в научный оборот новых материалов позволяет более детально проанализировать жизнь и деятельность представителей российского зарубежья в 1950–1960-х гг. Кроме того, историческая часть исследования может быть использована как основа последующего проведения социологических исследований в отношении потомков казаков, находящихся за рубежом. Эмпирические данные и теоретические выводы, сделанные в диссертации относительно адаптации казаков-иммигрантов в принявших их сообществах, могут быть использованы для создания теоретической модели адаптационного поведения иммигрантов и более четко выявить и представить механизмы адаптации иммигрантов в новой социально-экономической, общественно-политической и культурно-этнической среде.

Практическая значимость диссертационного исследования определена двумя основными факторами. Во-первых, теоретические и эмпирические результаты диссертации могут быть использованы при разработке образовательных программ и учебных курсов по новейшей истории России и зарубежных государств, а также специализированных курсов по истории казачества и российской эмиграции. Во-вторых, отдельные положения диссертации могут быть учтены при формировании и

проведении политики Российского государства в отношении мигрантов, а также при развитии связей и отношений с представителями Русского мира за рубежом, в частности потомками казаков-эмигрантов.

Апробация диссертационного исследования была проведена в ходе участия в работе 35 научных и научно-практических конференций, в том числе 19 международных, из них 7 зарубежных (Австрия, Армения, Белоруссия (2), Болгария, Великобритания, Венгрия), на которых были изложены основные положения диссертации.

Всего по теме исследования опубликовано: 2 монографии, 1 учебное пособие, 47 статей (из которых 8 опубликованы в зарубежных изданиях – Армении, Белоруссии (2), Болгарии, Великобритании, Венгрии, Грузии, Италии), в том числе 18 статей, входящих в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК при Министерстве образования и науки РФ (из них 2 статьи в журналах, входящих в международную реферативную базу данных Scopus, и 1 статья в журнале, входящем в международную реферативную базу данных Web of Science).

Структура диссертации определена логикой исследования и поставленными задачами.

Работа состоит из введения, четырех глав, состоящих из 11 параграфов, заключения, списка сокращений, списка использованных источников и литературы.

1 МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ, ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ КАЗАЧЬЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ

1.1 Определение казачьего зарубежья как объекта исследования и методологические проблемы его изучения

Анализ истории казачества неизбежно требует ответа на вопрос: что представляет собой объект исследования. Ответ на данный вопрос предполагает решение важной методологической проблемы, а именно: определение сущности казачества как социально-исторического явления. Однако до настоящего времени ведутся острые дискуссии по вопросу социальной сути казачества, его происхождении и эволюции.

Научный дискурс казачьей проблематики содержит различные интерпретации происхождения казачества и его определения. Чаще всего казачество определяют как этнос, субэтнос, военно-служилое сословие. При объяснении места и времени происхождения казачества доминируют миграционная и автохтонная теории. Долгое время была популярна официальная теория, уделяющая основное внимание мероприятиям правительства и «беглохолопскому» характеру формирования казачества.

Д.В. Колупаев, следуя концепции модернизации М. Вебера, рассматривает казачество как конгломерат определенных статусов: военных, социальных, экономических, которое стало в процессе наступавшей рыночной модернизации саморегулирующимся социумом¹. В целом данная точка зрения представляется обоснованной и положена в основу нашего видения казачества.

¹ Колупаев Д.В. Некоторые способы методологии изучения истории развития казачьего социума // Российское казачество: история, проблемы возрождения и перспективы развития. Краснодар, 2012. С.48.

Выделим следующие парадигмы объясняющие происхождение казачества: «беглохолопская», государственно-колонизаторская, антропологическая, интеграционная. В основе теоретических построений первых трех парадигм (более ранних по времени своего введения в научный дискурс) лежит один из основных факторов генезиса и эволюции казачества: антропологической – этнический; «беглохолопской» – социальный или социально-классовый; государственно-колонизаторской – социально-политический.

Интеграционная парадигма, выступая за комплексный подход, делает попытку соединить базисные положения других парадигм, показав преобладание в определенные периоды истории казачества одного из факторов¹. Однако и данная парадигма, несмотря на определенную привлекательность ее положений, не дает однозначного ответа на вопрос о сущности казачества, как социально-исторического феномена, сбиваясь на расплывчатые определения². Данная расплывчатость определения обусловлена как раз складыванием казачества в качестве конгломерата различных статусов.

При анализе сущности казачества исследователи неизбежно приходят к дихотомии: военно-служилое сословие – этническое образование. При этом в обоих случаях ученые сталкиваются с определенными проблемами. Одна из них определяется признанием того, что в казачьей среде присутствуют представители других сословий (дворянство, духовенство). Другая – выражается в наличии в казачьей среде представителей других этнических групп. В обоих случаях используется термин «казачество» (сословие, этническое образование).

Наиболее острые дискуссии по вопросу о сущности казачества прошли в конце 1980-х – начале 1990-х гг. В ходе них исследователи пробовали отойти

¹ Масалов А.Г. Российское казачество: социально-политическая институционализация в современных условиях: дис. ... д-ра полит. наук. Ставрополь, 2004. С. 50.

² Там же. С. 81.

от дихотомического подхода по линии «этнос – сословие». Однако понимание того, что противопоставление таких разноплановых понятий, как казачество-этнос и казачество-сословие, бесперспективно и ненаучно¹, не помогло решить проблему определения сущности казачества. Ибо в такой постановке она порождает новые проблемы и вопросы. Так, признание казачества этносом порождает вопрос о наличии одного этноса или нескольких (донское, кубанское, терское и другие казачества). Анализ казачества сквозь призму сословной характеристики порождает проблему его существования после упразднения сословий в ноябре 1917 г. При этом казачество как социально-историческое явление продолжало существовать. Последующие за 1917 г. события (репрессии, Вторая мировая война и др.) еще более осложнили решение данной проблемы.

Разнообразие взглядов на происхождение и суть казачества определено двумя основными факторами. Первый обусловлен относительно малым количеством репрезентативных и достоверных источников, что не позволяет ответить на вопрос о происхождении казачества. Второй фактор связан с особенностями эволюции казачества, обусловив его гетерогенность, которая проявлялась в том, что казачество одновременно было представлено на этнической карте Российской империи и в ее сословно-классовой структуре. Одна из особенностей развития казачьих общин, определившая подобную гетерогенность заключалась в том, что в то время (примерно на рубеже XVII–XVIII вв.), когда казачество находилось на стадии субэтноса, «естественное течение процесса этнизации казачьих общин, находившееся в зените, было прервано мощным государственным вмешательством»². Это вмешательство, в конечном счете, и привело к окончательному формированию казачества как военно-служилого сословия Российской империи при сохранении элементов этнического самосознания. Однако и в

¹ Трут В.П. Этносоциальная характеристика казачества начала XX века. URL: http://dikoepole.com/2010/07/05/trut_kazachiy_izlom_01/ (дата обращения: 29.03.2014).

² Сопов А.В. К вопросу о происхождении и формировании казачества: этнический аспект // Культурная жизнь Юга России. 2009. № 5. С. 59.

качестве сословия казачество просуществовало относительно недолго по историческим масштабам времени. Революционные изменения 1917 г. привели к исчезновению сословно-классовой структуры российского общества и упразднению сословий (в том числе и военно-служилого) в России.

Важным аспектом в определении казачества являются его самосознание, его самоопределение. В этом плане и осознание себя самостоятельным этносом (или особой частью русского народа), и отождествление с военно-служилым сословием, имеющим свои особые права, привилегии и обязанности важны для понимания сущности казачества. После революционных событий 1917 г. и последующей Гражданской войны большую роль в процессе эволюции казачьего самосознания сыграло разделение казачества на две части – оставшихся в России и эмигрантов.

Эмиграция части казаков и судьба оставшихся в Советской России/СССР привели к новым методологическим проблемам, связанным с определением предмета исследования.

В 1920-е гг. казачество обладало, как минимум, «двойной этносоциальной идентичностью ...: социально-профессиональной группы и этнической группы»¹.

Выделим основные факторы, повлиявшие на самосознание и самоидентификацию казаков, оставшихся после Гражданской войны в России: репрессивная политика государства, направленная против казаков и процесс расказачивания. Не менее значимо и то, что, обосновывая проводимый процесс расказачивания и ликвидацию казачьих привилегий и автономии, большевики критиковали теорию происхождения казаков как особого народа, проводя в жизнь представления о казачестве как части русского этноса.

¹ Баранов А.В. Актуальные вопросы географии расселения и идентичности казачества на Юге России в 1920-х гг. // Этнокультурное пространство Юга России (XVIII–XXI вв.): Материалы Всерос. науч.-практ. конф. ноябрь-декабрь 2013 г. Краснодар, 2013. С. 89.

Еще один фактор связан с мероприятиями, которые должны были способствовать развитию самосознания и самоидентификации казачества. Речь идет о присвоении в 1936 г. ряду кавалерийских частей статуса казачьих и об очередном обращении государства лицом к казачеству. Однако ввиду существовавшего территориального принципа комплектования кавалерийских частей, а также военных и политических задач, стоявших перед советским государством, в их состав были включены не только природные казаки, но и лица, далекие от казачества, оказавшиеся на территории бывших казачьих краев и областей. Как верно отметил А.Г. Масалов, эти факторы еще более усложнили социальную структуру казачьей общности, усложнили идентификацию казаков и усилили гетерогенный характер казачества¹. По его мнению, «до 80-х гг. XX в. российское казачество представляло собой территориально разобщенную гетерогенную и поликонфессиональную социальную общность... а его группообразующим фактором служила исторически predetermined общность культурных традиций»². Именно общее историко-культурное прошлое было основным фактором сближения казаков из СССР с теми, кто к концу Второй мировой войны проживал за пределами исторической родины.

Не вносит ясность и попытка выявить суть казачества путем анализа его жизни и деятельности в эмиграции. Не можем согласиться с тем, что в эмиграции оказалась казачья элита³. Среди эмигрантов был представлен фактически весь спектр российского казачества, но при этом изменилось процентное соотношение половозрастного представительства. Более того, казачество за рубежом более цепко держалось за свои традиции и сословные представления. Это было определено своеобразной консервацией в сознании эмигрантов представлений и образов дореволюционной России. Гипертрофированные формы среди части зарубежного казачества приобрела

¹ Масалов А.Г. Российское казачество ... С. 120.

² Там же. 122.

³ Баранов А.В. Актуальные вопросы географии ... С. 89.

и этническая составляющая, проявившаяся не только в самостоятельных тенденциях, но и в появлении такого социально-политического проекта, как создание Казакии. За рубежом практиковалось причисление казаков одного казачьего войска в состав другого казачьего войска. Например, есаул Донского казачьего войска о. Петр Дьяконов, будучи хористом Кубанского войскового казачьего хора, был причислен к ККВ¹. Более того, принимали в казаки представителей других этносов. Так, в 1951 г. Верховный атаман казаков-националистов И.А. Билый ставил вопрос о принятии в казачество Б.С. Осташевского, «поляка по происхождению, а ныне бразильского подданного». При этом И.А. Билый отмечал, что «вопрос о принятии в казаки, или, иначе говоря, практика натурализации, существовали у казаков всегда»².

Отметим и другие факторы, которые еще более усложняют проблему определения казачества. Некоторые казаки-черноморцы идентифицировали себя с украинцами. Это выражалось не только в совместной работе в рамках общественно-политических и культурных организаций (хотя и оно имело место³), но и в идеологических и политических воззрениях. Калмыки Астраханского и Донского казачьих войск со временем дистанцировались от казаков, образовав свои отдельные общества и организации. Некоторые советские граждане, из числа перемещенных лиц, порой входили в состав казачьих обществ, не будучи потомственными казаками. При этом данные процессы проявлялись не только на уровне самоидентификации, но и приводили к острому противостоянию между различными группами казаков за рубежом.

Анализ пребывания казаков за рубежом во второй половине XX в. создает новые трудности при определении сущности казачества. Это связано

¹ ГАКК. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 74–1. Л. 23.

² Прием в казаки // Казак. Нейи-сюр-Сен (Франция), 1951. № 2. С. 1.

³ Готкова Ю.С. Діяльність кубанських організацій в Чехо-Словаччині у 1920–1930-ті рр. // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. Запоріжжя, 2014. Вип. 40. С. 137.

с ассимиляцией и аккультурацией части казаков и приобретением ими двойной и даже тройной социально-этнической идентичности. Во второй половине 2000-х гг. автор в процессе общения с казаками, проживающими за рубежом, сделал ряд важных наблюдений. Так, большинство детей и внуков казаков-эмигрантов, утратив связь с казачьими обществами и организациями, утратили и сопричастность к казачьей жизни и культуре. Однако их дети (внуки и правнуки) в силу разного рода причин вновь обращаются к казачеству, ищут в своей родословной казачьи корни, пытаются приобщиться к казачьей культуре.

Анализ самоидентификации казачества в рамках дихотомии – отдельный народ или часть русского этноса также не помогают прояснить проблемы определения сущности казачества. Среди казаков-эмигрантов присутствуют сторонники обеих точек зрения¹. Подтверждение этого можно найти в ответах на анкету, распространенную среди эмигрантов во второй половине 1920-х гг.² Некоторые представители кубанского казачества в эмиграции делали акцент на украинском происхождении части казаков Кубанского казачьего войска³. Более того, после Второй мировой войны некоторые казаки отождествляли себя с сословием, а не с этносом. Так, О.П. Абраменкова в письме редактору изданного в 1966 г. в США казачьего словаря-справочника А.И. Скрылову пишет: «Я – оренбургская казачка, а мой муж – уссуриец. ... Много читала о казаках, но нигде не встретила, что казаки не сословие, а народ»⁴. В рассуждениях казачьих общественных

¹ Кириенко Ю.К. Трактовка понятия казачество-народ в зарубежье // Возрождение казачества (история, современность, перспективы). Ростов н/Д, 1995. С. 77–78.

² Казачество. Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. Париж, 1928.

³ Бондаренко И.И., Долейши Й. Летопись казачества. Казаки в Центральной Европе. Братислава, 2013. С. 139.

⁴ ГАКК. Коллекция документов ККВ за рубежом. Пер. 1. Кор. 1. Ед. хр. 1. Письмо О.П. Абраменковой – А.И. Скрылову. 30.05.1975.

деятели можно встретить и такие перлы: «Как народ, мы прежде всего казаки. ...Хотя есть отличные казаки неказачьего происхождения»¹.

Многие видные идеологи, историки, политические лидеры российского казачества по-разному трактовали его сущность². Председатель Донского войскового круга В.А. Харламов заявлял, что казаки являются «частью русского народа, составляя в нем отдельную историческую и бытовую группу», а объявление их народом было следствием политической борьбы периода революции и Гражданской войны³. Секретарь Донской исторической комиссии К. Каклюгин также соглашался с тем, что казачество – «своеобразная... бытовая группа русского народа»⁴. Точка зрения о том, что казачество является частью русского этноса, особенно популярна была среди идеологов казачества азиатской части России. В частности, данную позицию занимал Казачий союз в Шанхае⁵. Один из активных общественно-политических деятелей казачьего зарубежья Н. Иович был наиболее категоричен, заявив, о восприятии врагом всякого, кто утверждает, что казачество – особый народы/нация⁶. В то же время заместитель председателя Донского войскового круга А.И. Бояринов утверждал, «нет сомнения, что донское казачество произошло путем рождения из местных, коренных тюркско-славянских элементов и не могло явиться колонией московской»⁷. Отметим и тот факт, что порой одни и те же общественно-политические деятели казачьего зарубежья, в зависимости от конкретной политической ситуации, говорили о казачестве и как об особом народе, и как о части русского народа. Все эти дискуссии о сущности казачества, попытки дать ему

¹ ГАКК. Коллекция документов ККВ за рубежом. Пер. 1. Кор. 21. Ед. хр. 258. Каменнов С. Казачья идея.

² Степанченко В.И. Взгляды казаков зарубежья XX века на историю и цели казачества // Сибирское казачество: история и современность. Омск, 2011. С. 21–27.

³ Харламов В.А. Идеология казачества // Казак на чужбине. Прага, 1923. № 1. С. 1.

⁴ Казачьи думы. София. 1923. № 5. С. 5.

⁵ ГАРФ. Ф. 5963. Оп. 1. Д. 2. Л. 15.

⁶ ГАКК. Коллекция документов ККВ за рубежом. Пер. 1. Кор. 1. Ед. хр. 1. Письмо Н. Иовича – А.В. Бублику. 27.11.1975.

⁷ Бояринов А.И. Происхождение казачества... // Тихий Дон. Прага, 1938. № 3–4. С. 38–63.

определение среди самих казаков привели к тому, что в 1960 г. председатель Войскового совета Кубанского казачьего войска за рубежом М.К. Кулик констатировал: «Надо признать совершенно откровенно, что до сих пор общего внятного и исчерпывающего ответа на этот вопрос не дали и сами казаки»¹.

В сложившейся ситуации многие исследователи казачьего зарубежья обходят стороной вопрос о сущности казачества, даже тогда, когда оно выступает в качестве объекта исследования². Не стало исключением и диссертационное исследование автора на соискание степени кандидата исторических наук, в котором он в свое время также деликатно оставил в стороне данную проблему³.

В то же время есть попытки и определенным образом сформулировать то или иное определение казачества, казачьей эмиграции, казачьего зарубежья. Е.Б. Парфенова под термином «казачья эмиграция» понимает казачьи общества, объединения, организации, включая рабочие группы казаков-эмигрантов. Анализируя специфику казачьей эмиграции, она обращает внимание на сословную общность казаков, отмечая, что «ни одна другая социальная группа в составе российской эмиграции не имела такого морального единства, как казаки»⁴. А.Л. Худобородов и И.В. Чапыгин подчеркивают, что казачество было частью как военной эмиграции, так и крестьянской⁵. Г.И. Малышенко характеризует казаков-эмигрантов как часть

¹ ГАКК. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 71-1. Доклад председателя Войскового совета – Войсковому сбору.

² Фомин К.В. Казачья эмиграция в Китае (1922–1931 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2004.

³ Ратушняк О.В. Донское и кубанское казачество в эмиграции (1920–1939 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 1996.

⁴ Парфенова Е.Б. Казачья эмиграция в Европе в 1920-е годы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997. С. 3–4.

⁵ Худобородов А.Л. Российское казачество в эмиграции (1920–1945 гг.): социальные, военно-политические и культурные проблемы: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1997. С. 4; Чапыгин И.В. Казачья эмиграция в русской диаспоре Северо-Восточного Китая (1920–1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2006. С. 3.

зарубежной России¹. П.Н. Крикунов относит казаков к военно-служилому сословию².

Даже краткий анализ показывает, что среди исследователей нет единого мнения о сущности как самого казачества, так и казачьей эмиграции.

Таким образом, уникальность казачества как социально-исторического феномена не дает возможность однозначно объяснить его генезис и четко определить его сущность.

В результате исторического процесса развития казачества оно сложилось к концу XIX в., с одной стороны, в качестве этнической общности, с другой – как одно из сословий российского общества. Среди эмигрантов первой волны наблюдалось определенное психологическое явление, когда в их сознании произошла консервация обычаев и порядков дореволюционной России, перенесенная и на восприятие различных слоев (в том числе и сословий) российских эмигрантов. Эта консервация способствовала сохранению в самосознании казачества восприятия себя в качестве особого военно-служилого сословия, в то время как революционные события 1917–1920 гг. привели к отмене сословий как юридического института.

В методологическом плане не менее важным представляется понимание неоднородности состава казачьей эмиграции. Интересен подход Ю.С. Цурганова к определению принадлежности к Белому движению, белой эмиграции. Он определяет Белое движение как общность мировоззрений³. Этот подход вполне приемлем и при определении принадлежности индивида к той или иной этнической группе, когда одним из наиболее значимых факторов является его самоидентификация. Однако данный фактор наиболее

¹ Малышенко Г.И. Идеино-политическая борьба в среде казачества российской эмиграции в Северо-Восточном Китае (1920–1937 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2001. С. 30.

² Крикунов П.Н. Идеология и политика коллаборационизма в среде казачества в годы Второй мировой войны: дис. ... канд. полит. наук. М., 2004. С. 5–6.

³ Цурганов Ю.С. Неудавшийся реванш. Белая эмиграция во Второй мировой войне. М., 2001. С. 4.

приемлем при анализе либо конкретного индивида, либо статистических данных, в которых содержится прямой ответ на данный вопрос. В других случаях его применение довольно сложно, тем более что казачество, будучи культурно-исторической общностью, имело двойственную природу, в основе которой лежала как этническая принадлежность, так и сословная/профессиональная.

Более того, очень часто самоидентификация решающим образом зависела от конкретной ситуации и решаемых задач. Не случайно атаман Забайкальского казачьего войска, походный атаман казаков Урала, Сибири и Дальнего Востока генерал Г.М. Семенов допускал такие высказывания, как «нам, русским националистам...»¹. Многие казачьи офицеры зачастую говорили о себе: «Я – русский офицер». И в то же время, жители казачьих областей, не принадлежавшие к казачеству ни в этническом, ни в сословном плане, входили в казачьи общества, объединения, станицы и хутора и в своих письмах именовали себя казаками.

Интересен и такой факт. С.А. Жаров – руководитель знаменитого хора донских казаков, сам не был казаком. Только волею случая в годы Гражданской войны он оказался сначала в плену у донских казаков, а затем начал службу в пулеметном полку 3-й Донской дивизии. Вместе с казаками Донского казачьего корпуса он был эвакуирован сначала в Чаталджинский район Турции, а затем на греческий остров Лемнос. Но судьба настолько связала его с казачеством, что, говоря о казаках-эмигрантах, нельзя обойти стороной личность С.А. Жарова. В этом плане интересен и другой факт, а именно тот, что знаменитые казачьи хоры, которые, несомненно, являются частью культуры зарубежного казачества, порой наполовину состояли из лиц, не являвшихся казаками, ни природными, ни приписными, а порой даже не уроженцами казачьих краев.

¹ Цит. по: Цурганов Ю.С. Указ. соч. С. 65.

Другая сложность в вычленении казаков-эмигрантов заключается в том, что многие источники, особенно зарубежные, практически редко выделяют их в отдельную группу. В документах по Русской Армии и РОВС упоминаются казачьи части. Но в них не всегда были уроженцы казачьих краев и областей. Кроме того, среди уроженцев Дона и Астрахани встречались и представители калмыков, а среди кубанцев – представители горских народов. Отметим, что и калмыки, и представители горских народов Кубани и Терека иногда входили в состав казачьих станиц и хуторов за границей, а иногда создавали свои отдельные организации, дистанцируясь от казаков. Кроме того, порой в чисто казачьи организации могли входить и неказаки. Так, в дополнении к Уставу Казачьего союза в Шанхае отмечалось, что в состав данного объединения могли входить и лица не войскового сословия, но «этого вполне достойных, служивших в строевых казачьих частях и сжившихся с ними или иным образом связанных с казаками»¹. В зарубежных источниках практически всех эмигрантов из России часто именуют русскими. Г.Я. Тарле обратила внимание на то, что за рубежом под определением «русские» понимались все выходцы из России и в силу этого порой очень сложно выяснить их национальную принадлежность². Данное утверждение верно как для межвоенной эмиграции, так и для тех эмигрантов, которые уехали после Второй мировой войны. При этом послевоенная эмиграция еще сложнее локализуется по национальному признаку, так как многие советские эмигранты, в том числе и казаки, часто записывались в организациях, ведавших перемещением данных лиц, как поляки, украинцы, прибалты и т.п., с тем, чтобы не попасть под действие соглашений о репатриации. Кроме того, правительства зарубежных государств порой сами не всегда точно могли идентифицировать казачество. Так, например, в чехословацких статистических и финансовых документах 1920–1930-х гг.

¹ ГАРФ. Ф. 5963. Оп. 1. Д. 16. Л. 8 об.

² Тарле Г.Я. Российское зарубежье и родина. М., 1993. С. 7.

казаки входили как в группу русских эмигрантов, включавшую также татар, калмыков, представителей кавказских народов, так и в группу украинцев¹.

Помимо указанных различий в социальной и этнической интерпретации казачества существуют различия восприятия и оценки самих казаков и их деятельности в качестве эмигрантов/иммигрантов. Так, В.Д. Поремский выделял три категории российской эмиграции: иммигранты, беженцы и политические эмигранты. Не будем останавливаться на критике избранной терминологии. Нас больше интересует содержательная сторона данных категорий. Под иммигрантами В.Д. Поремский понимал тех представителей российской эмиграции, которые прибыли в конкретное государство с твердым намерением стать его гражданами. Они прикладывали для этого все усилия. И в ходе решения данной задачи тесная связь с российским зарубежьем в определенной степени являлась тормозящим фактором. Характеризуя беженцев, В.Д. Поремский отмечал их преобладающее стремление убежать из России. Это стремление определяло всю их психологию. Они рассматривали возможность своего возвращения на родину при определенных условиях, но ничего не предпринимали для их создания. И третья категория – политические эмигранты, которые вели активную политическую жизнь за рубежом и все усилия направляли на решение конкретных задач, и в первую очередь на борьбу с большевизмом. Данные категории довольно подвижны по числу входящих в них лиц, которые в силу определенных исторических условий могли переходить из одной категории в другую².

Анализируя казачье зарубежье, используя типологию В.Д. Поремского, отметим ряд особенностей казачьей эмиграции. Среди казаков первой послереволюционной волны эмиграции иммигрантов (в трактовке В.Д. Поремского) практически не было. Все они жили надеждой на

¹ Сладек З. Русская эмиграция в Чехословакии: развитие «русской акции» // Славяноведение. 1993. № 4. С. 35–36.

² Поремский В.Д. Стратегия антибольшевистской эмиграции: избранные статьи 1934–1997. М., 1998. С. 168–169.

возвращение в родные края. Второй исход в годы Великой Отечественной войны, напротив, состоял преимущественно из тех, кто любыми путями планировал стать гражданами принявших их государств. Категорию иммигрантов пополнили и беженцы первой волны. Среди казаков-эмигрантов первой и второй волн была определенная часть, которую можно отнести, по типологии В.Д. Поремского, к политической эмиграции – к тем, кто продолжал активную политическую деятельность за рубежом. При этом первая волна казачьей эмиграции дала больше активных участников общественно-политической жизни. Данные тенденции в изменении наполненности представленных категорий были в первую очередь определены тем фактом, что казаки-эмигранты первой волны практически вплоть до начала Второй мировой войны надеялись на изменения в СССР (в силу внутренних или внешних причин) и возвращение в родные края. После окончания Второй мировой войны мало кто из казаков питал иллюзии по поводу перемен в СССР и возможности возврата. Поэтому большинство из них пытались всячески встроиться в социально-экономическую жизнь принявших их государств и в силу этого мало внимания уделяли общественно-политической деятельности.

Отметим, что проводя анализ общественно-политических воззрений тех или иных представителей казачества, выделяя различные группы и направления в среде казачьей эмиграции, взяв в качестве критерия их политические взгляды, платформы, в большинстве случаев мы имеем в виду политически активную часть казачьего зарубежья, тех, кого В.Д. Поремский условно называл политическими эмигрантами. При этом по умолчанию понимается, что за пределами данного анализа находится довольно многочисленная группа так называемых иммигрантов и беженцев.

Важной в методологическом плане представляется и ситуация, когда, преимущественно после Второй мировой войны, казаки-эмигранты принимали советское гражданство, но при этом продолжали проживать за рубежом. Так, согласно данным МГБ СССР, бывший атаман Амурского

казачьего войска И.М. Гамов в 1946 г. принял советское гражданство. Некоторое время после этого он проживал в Китае (в районе КВЖД), однако впоследствии переехал в Западную Европу и умер в 1969 г. в Швейцарии¹. Некоторое количество казаков, принявших советское гражданство, проживали в Болгарии, Франции, Чехословакии, Югославии и ряде других государств. Считаем, что, несмотря на факт принятия советского гражданства, они также в полной мере относятся к представителям казачьей эмиграции, выразившим нежелание по тем или иным причинам проживать на территории своей родины, своего государства.

Понятие «русская эмиграция» «относится к русским по происхождению и к тем, кто полностью – по языку, культуре, образу мыслей, складу характера – вписался в русскую национальную общность»². Подобный подход принят нами и в отношении казаков-эмигрантов. К казакам-эмигрантам мы относим не только тех казаков, которые сами идентифицировали себя с природными казаками или входили в состав казачьих воинских частей и подразделений, но и тех, кто уже в условиях эмиграции в значительной степени проникся культурой и традициями казачества, перенял их и вписался в казачью общность. И в этом плане казачье зарубежье воспринимается нами как самостоятельный социально-исторический феномен, являющийся в то же время составной частью российского зарубежья.

Еще один значимый аспект в определении объекта исследования – признание или непризнание факта наличия казачьих диаспор и правомерность использования термина «казачье зарубежье». Анализ казачьего зарубежья подтверждает утверждение С.А. Арутюнова о том, что «диаспора не образуется простым прочерчиванием новых границ, не

¹ Крюков В.В. Атаман Гамов. Биографическая справка. URL: <http://svgbdvr.ru/istoriya/ataman-gamov> (дата обращения к документу 03.11.2016); Пушкарев В.А. Булаве предпочел указку. Извилистая жизнь амурского атамана Гамова // Родина. 2014. № 1. С. 121–122.

² Эмиграция и репатриация в России. С. 107.

возникает вдруг из оставшегося за новой границей меньшинства, для ее образования нужны более сложные и долгие процессы»¹. Методологически важным представляется определение такого термина, как диаспора. В рамках проведенного исследования автор использует как социологический подход к определению этого термина, так и политологический. На наш взгляд, использование обоих подходов вполне оправдано с учетом того, что, определяя казачество как объект исследования, мы акцентируем внимание не только на его этничности, но и на культурно-исторических и социальных характеристиках.

В рамках социологического подхода наиболее адекватным определением термина «диаспора» представляется следующее: «Диаспора – совокупность людей единого этнического происхождения, живущая в иноэтническом окружении за пределами своей исторической родины (или вне ареала расселения своего народа) и имеющая социальные институты для развития и функционирования данной общности»². Такое определение в полной мере относится и к казачеству, поскольку стремление к институционализации, к организационному оформлению общественно-политической, социально-экономической и культурной жизни как один из главных признаков диаспоры был характерен и для казачьего зарубежья.

В рамках политологического подхода наиболее точным мы считаем определение В.А. Тишкова: «Диаспора – это культурно отличительная общность на основе представления об общей родине и выстраиваемых на этой основе коллективных связей, групповой солидарности и демонстрируемого отношения к родине. Если нет подобных характеристик, значит, нет и диаспоры. Другими словами, диаспора – это стиль жизненного

¹ Арутюнов С.А. Диаспора – это процесс // Этнографическое обозрение. 2000. № 2. С. 78.

² Тощенко Ж.Т., Чаптыкова Т.И. Диаспора как объект социологического исследования // Социс. 1996. № 12. С. 37.

поведения, а не жесткая демографическая и тем более этническая реальность. Этим явление диаспоры отличается от остальной рутинной миграции»¹.

В рамках данного исследования казачество анализируется как культурно-историческая, этносоциальная группа. Изучение эмиграции казачества и дальнейших миграционных перемещений казаков-эмигрантов предполагает анализ следующих основных проблем и этапов миграционного процесса:

- а) причины и мотивы эмиграции и последующих миграционных перемещений;
- б) адаптация эмигрантов к иной природно-географической среде;
- в) адаптация эмигрантов к иной этнокультурной среде;
- г) трансформация этнической идентичности у различных поколений эмигрантов².

Таким образом, определение казачьего зарубежья в качестве объекта исследования сталкивается с рядом методологических проблем. Эти проблемы базируются на широком круге вопросов, таких как: происхождение казачества, определение самого казачества, раскрытие понятий «казачье зарубежье» и «зарубежное казачество» и т.д. На многие из этих вопросов в историографии до сих пор не существует единого мнения. В то же время анализ данного явления позволяет рассматривать зарубежное казачество как самостоятельный социально-исторический феномен, являющийся одновременно составной частью российского зарубежья. В свою очередь, казачество интерпретируется нами одновременно как этносоциальная и культурно-историческая группа.

¹ Тишков В.А. Исторический феномен диаспоры / Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв.: сб. ст. / под ред. Ю.А. Полякова и Г.Я. Тарле. М., 2001. С. 22.

² Лебедева Н.М. Социальная психология этнических миграций. М., 1993.

1.2 Источниковая база по истории казачьего зарубежья

Одной из главных проблем, с решения которой начинается любое историческое исследование, является поиск источников по изучаемой теме. В этом аспекте большое значение имеют знания об основных центрах хранения документов изучаемого периода. Учитывая, что диссертационное исследование предполагает наличие не только теоретической, но и практической значимости, в данном параграфе предпринята попытка дать представление об основных центрах размещения документальных материалов и основных публикациях источников по истории казачьего зарубежья. Исходя из того, что некоторые архивохранилища содержат также и опубликованные материалы, уникальные в силу их небольшого тиража, а порой вообще единичные сохранившиеся экземпляры, на это автор также обращает внимание в ходе анализа содержимого различных архивохранилищ.

Находясь за пределами Родины, казаки сформировали обширную источниковую базу, отразившую историю их рассеяния. Наиболее значительным корпусом источников о русском зарубежье, в том числе казачестве, является Русский заграничный исторический архив (РЗИА), сформированный в Праге и хранящийся после 1945 г. в СССР (главным образом в Государственном архиве Российской Федерации – ГАРФ)¹. Бесспорно, ГАРФ является одним из ведущих архивохранилищ, в котором содержатся документы по истории казачьего зарубежья.

Наибольший интерес в рамках поставленной проблемы представляют документы Донского казачьего архива (ДКА), Канцелярии атамана Всевеликого войска Донского, казачьих частей Русской армии генерала П.Н. Врангеля, различных организаций и объединений зарубежного казачества. Интересный в плане анализа материал содержится в личных

¹ Фонды Русского заграничного исторического архива в Праге: межархив. путеводитель. М., 1999.

фондах казаков-эмигрантов, а также в делах фондов, касающихся истории российской эмиграции в целом. Так, материалы о казачьих воинских подразделениях за границей можно найти в делах Русского общевойскового союза (РОВС), а документы, содержащие сведения о гражданских лицах (выходцах из казачьих краев и областей), – в делах Российского посольства в Париже, Главного справочного бюро в Константинополе и др.

Фонды ГАРФ в постсоветское время регулярно пополняются документами из фондов зарубежных архивов. Так, «17 сентября 2010 г. в Москве... состоялся обмен копиями документов между ГАРФ и Свято-Троицкой духовной семинарией в Джорданвилле»¹.

Важные материалы, дающие возможность решить ряд исследовательских задач в процессе изучения истории казачьего зарубежья, содержатся и в других архивохранилищах России.

Во-первых, это центральные архивы. Так, фонды РГВА, относящиеся к Гражданской войне, позволяют понять причины поражения и последующей эмиграции антибольшевистских сил. В них раскрываются характеры ряда выдающихся личностей Белого движения, сыгравших значительную роль в становлении и развитии русского (в том числе и казачьего) зарубежья. Данные материалы позволяют увидеть противоречия, имевшиеся в антибольшевистском лагере и частично перенесенные участниками Гражданской войны за границу.

Документы ряда фондов ЦАМО РФ содержат интересную информацию, относящуюся ко времени Второй мировой войны². Они дают возможность не только понять общий ход боевых действий, но и ярко представить условия жизни советских граждан (в том числе и представителей казачества) в годы войны. Анализ этих условий в совокупности с другими материалами объясняет причины такого явления, как коллаборационизм.

¹ Цуриков В. История Свято-Троицкой духовной семинарии и Свято-Троицкой обители в Джорданвилле // Волны русской эмиграции в США. Нью-Йорк, 2011. С. 135.

² ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 11302. Д. 153.

В РГАСПИ особый интерес представляют фонды В.М. Молотова¹ и Г.В. Чичерина². Большинство документов из этих фондов содержат сведения о социально-экономических и политических условиях существования российских эмигрантов в различных государствах в 1920–1930-е гг. Они раскрывают и некоторые политические шаги, предпринятые советским правительством в тот период и отразившиеся на положении российских эмигрантов в странах их пребывания. В фонде В.М. Молотова, в частности, содержатся справки на видных деятелей казачьего зарубежья, подготовленные НКГБ СССР³. Встречаются также документы, посвященные казакам, воевавшим на стороне Германии во Второй мировой войне⁴.

Документы АВП РФ, представляющие интерес по заявленной теме исследования, содержатся преимущественно в фондах посольств, консульств советского правительства, расположенных в различных государствах. Не менее важными в рамках изучаемых проблем являются материалы, представленные в фондах референтур. Учитывая тот факт, что подавляющее большинство документов по казакам-эмигрантам и в целом по российскому зарубежью охватывают европейские государства, основное внимание автора при анализе фондов АВПРФ было сосредоточено на документах посольств, консульств и референтур, относящихся к Китаю.

Не менее интересные сведения можно найти и в местных архивах, например, в государственных архивах и центрах документации новейшей истории Краснодарского края и Ростовской области.

Региональные архивы располагают интересными в плане анализа материалами по истории Гражданской войны и Великой Отечественной войны. Источники периода Гражданской войны позволяют вскрыть, например, противоречия между руководством Вооруженных сил на Юге России (ВСЮР) и казачеством, а также противоречия внутри самого

¹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Ч. 3.

² Там же. Ф. 159. Оп. 2.

³ Там же. Ф. 82. Оп. 2. Ч. 3. Д. 1090. Л. 71–72, 78–81, 96–97.

⁴ Там же. Ф. 17. Оп. 125. Д. 165. Л. 41–42.

казачества. Данные противоречия не только предопределили поражение антибольшевистского движения, но и впоследствии стали одной из причин раскола в среде российского зарубежья. Материалы периода Второй мировой войны показывают, каким образом часть казачества оказалась на стороне фашистской Германии, и его роль в годы войны.

Особое место в плане изучения казачьего зарубежья занимает ГАКК. В результате громадной работы, проведенной администрацией Краснодарского края, Кубанским войсковым казачьим обществом и Кубанским государственным университетом, он стал одним из значимых архивохранилищ по истории казачьего зарубежья.

Первые материалы по истории казачьей эмиграции поступили в Государственный архив Краснодарского края еще в 1990-е гг. Это были преимущественно журналы, издававшиеся казаками за рубежом.

В 2000 г. дочь атамана В.Г. Науменко передала большинство материалов из личного архива своего отца в собственность администрации Краснодарского края с последующей их передачей в Государственный архив Краснодарского края. Среди них особый интерес представляют: дневники генерала В.Г. Науменко, которые он вел на протяжении 1920–1944 гг.¹, переписка В.Г. Науменко с генералом П.Н. Красновым в 1943–1944 гг.², документы об участии казачьих воинских формирований в составе войск вермахта и СС³, материалы о событиях в Лиенце⁴ и др.

В 2010 г. из музея Кубанского казачьего войска в г. Хауэлл (штат Нью-Джерси, США) было передано Государственному архиву Краснодарского края более 2800 экземпляров журналов, брошюр, сборников, около 550 фотографий, рисунков, открыток, более 60 экземпляров книг и громадное количество документов, писем, разного рода записей и т.п. (22 картонных

¹ ГАКК. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 1–15.

² Там же. Д. 13.

³ Там же. Д. 103.

⁴ Там же. Д. 25–27, 104.

ящика с материалами общим весом 376 кг). Все они стали объектом тщательного изучения автором диссертации.

Особый интерес представляет переписка казаков за рубежом. Переписку вели преимущественно атаманы ККВ за рубежом (В.Г. Науменко, Б.И. Ткачев, В.И. Третьяков, А.В. Бублик, А.М. Певнев) с казаками практически со всех стран, куда судьба забросила их после Гражданской войны в России и Второй мировой войны. В этих письмах затрагивался широкий круг вопросов: от культурно-бытовых до общественно-политических, включая вопросы международной жизни и мировой политики.

В архивной коллекции Кубанского казачьего войска за рубежом имеются документы и материалы, свидетельствующие о различных сторонах (в том числе и бытовых аспектах) жизни казаков за рубежом. Например, Устав казачьего кооперативного дома; доверенности, полученные атаманами ККВ за рубежом от казаков и казачьего общества на ведение дел и выполнение определенных мероприятий в интересах кубанского казачества за рубежом; отчеты о поступлениях в войсковую казну и др. Значимым документом представляется Акт проверочной комиссии кубанских войсковых регалий, которая проводилась в октябре 1969 г. Его анализ позволяет уточнить, какие предметы из коллекции регалий и реликвий Кубанского казачьего войска были в наличии, а какие утрачены к данному времени.

Особо обратим внимание на то, что в ГАКК содержится определенное количество документов, относящихся к 1940–1970-м гг. – периоду, наименее изученному российскими эмигрантоведами.

Документы ГАРО, ЦДНИРО и ЦДНИКК содержат информацию преимущественно по периоду Гражданской войны в России и Великой Отечественной войны. Они позволяют выявить причины эмиграции части казачества и пути их выхода за рубеж, а также дают возможность увидеть, каким образом формировалась вторая волна казачьей эмиграции, и

проанализировать причины, сущность и проявления коллаборационизма казаков в годы Второй мировой войны.

В 1945–1946 гг. значительная часть архивов русской эмиграции в Маньчжурии была вывезена из Китая в СССР и передана преимущественно в Государственный архив Хабаровского края¹. Особый интерес представляют документы фондов Главного бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии, Харбинского комитета помощи беженцам и Союза казаков на Дальнем Востоке.

Значительная часть источников по истории казачьего зарубежья хранится в различных музеях и архивах, созданных самими эмигрантами. Например, Музей русской культуры в г. Сан-Франциско (штат Калифорния, США), Музей Кубанского казачьего войска в г. Хауэлл (штат Нью-Джерси, США), Музей истории лейб-гвардии Казачьего полка в Париже (Франция) и др.

Калифорния и Нью-Джерси одно время назывались «русскими штатами». Это было связано с большим количеством российских эмигрантов, обосновавшихся здесь после Гражданской войны в России и особенно после Второй мировой войны. Среди этих эмигрантов были и представители российских казачьих войск. Не случайно здесь сосредоточены материалы по истории казачьей эмиграции. 7 марта 1948 г. в Сан-Франциско был основан Музей русской культуры². В нем есть целые фонды казаков-эмигрантов – Н.Ф. Кострюкова, И.К. Окулича и В.В. Пономаренко. Все они в той или иной мере были активными участниками общественно-политической и культурной жизни казачьего зарубежья. Так, В.В. Пономаренко являлся председателем созданного в Сан-Франциско Общеказачьего союза. Особый интерес в его фонде представляют материалы о деятельности Общеказачьей станицы в

¹ Меняйленко М.К. Русская эмиграция в Сан-Франциско: общественные организации и создание независимого архива // Отечественная история. 2008. № 3. С. 100.

² Там же.

Сан-Франциско в 1940–1960-е гг.¹ Во-первых, именно этот период наиболее слабо отражен в современных исследованиях. Во-вторых, Общеказачья станица в Сан-Франциско – одна из немногих казачьих объединений, в которое вошли представители практически всех казачьих войск. К тому же В.В. Пономаренко вел довольно активную общественно-политическую деятельность, связанную в первую очередь с казачьим зарубежьем.

Не менее интересна жизнь и деятельность енисейского казака И.К. Окулича. В результате поражения Белого движения в Гражданской войне в России он оказался в Югославии, где организовал Азиатскую казачью станицу. Она была одной из немногих (если не единственная) станиц казаков восточносибирских казачьих войск, созданных в Европе. И уже это можно считать действительно уникальным явлением в жизни казаков-эмигрантов в Европе. Благодаря содействию И.К. Окулича Омский и Хабаровский кадетские корпуса были переведены из Шанхая (Китай) в Сербию. Впоследствии, переехав в Канаду, И.К. Окулич вел активную переписку с казаками и многим из них помог переселиться из Китая в Канаду. В этом плане его фонд представляет, конечно, огромный интерес не только для исследователей казачьего зарубежья, но и для тех, кто в целом интересуется жизнью российских эмигрантов.

Н.Ф. Кострюков был основателем и дирижером одного из самых известных в эмиграции казачьих хоров – Донского казачьего хора имени атамана М.И. Платова. Материалы его фонда содержат различные документы, не только связанные с деятельностью хора, но и познавательные в плане изучения истории казачьего зарубежья. В частности, из документов фонда можно узнать, что Н.Ф. Кострюков был доверенным лицом бывшего донского атамана и писателя генерала П.Н. Краснова, уполномоченным вести переговоры и заключать договоры о переводе и издании его романов в

¹ Хисамутдинов А.А. По странам рассеяния... Владивосток, 2000. Ч. 2. С. 87–88.

государствах Латинской Америки¹. Особый интерес представляет документ, содержащий маршрут Донского казачьего хора с указанием посещаемых государств и количества концертов с 1927 по 1972 г.²

Интересные сведения можно почерпнуть также в фонде Г.К. Гинса, русского ученого и известного общественно-политического деятеля (член правительства А.В. Колчака). В частности биография Г.К. Гинса, хранящаяся в Музее русской культуры в Сан-Франциско, представляет интерес в плане характеристики социально-политической обстановки в Маньчжурии, в частности в Харбине, в 1930–1941 гг.³

Отметим, что фонды Н.Ф. Кострюкова⁴, И.К. Окулича⁵, Г.К. Гинса⁶ были скопированы и переданы в виде микрофильмов Государственному архиву РФ, став более доступными для российских исследователей. При этом в данных фондах содержатся разнообразные по своему видовому составу источники: письма, анкеты, биографии, публикации в эмигрантских журналах и газетах.

Учитывая, что в Сан-Франциско большинство эмигрантов прибыли с Дальнего Востока, в Музее русской культуры имеется богатая коллекция документов, связанных с пребыванием российских эмигрантов в Китае. В рамках изучения казачьего зарубежья особый интерес представляют приказы и распоряжения руководства Дальневосточной казачьей группы⁷.

Коллекция Музея Кубанского казачьего войска в г. Хауэлл (США) была одной из самых значимых по истории казачьего зарубежья после Второй мировой войны (в то же время в ней имелись и уникальные материалы по

¹ МРС. Ф. Кострюков Н.Ф. Вох. 1. Folder 5. Доверенность Н. Кострюкову от 3 сентября 1936 г.

² Там же. Folder 14. Маршрут хора.

³ МРС. Ф. Гинс Г.К. Вох. 1. Folder 3. Биография Г.К. Гинса.

⁴ ГАРФ. Ф. 10143. Коллекция микрофильмов музея Русской культуры в Сан-Франциско. Оп. 38. Н.Ф. Кострюков.

⁵ Там же. Оп. 53. И.К. Окулич.

⁶ Там же. Оп. 16. Г.К. Гинс.

⁷ Капран И.К. «В силу обещаний заботиться о судьбе отряда...» // Владивосток – точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции. Владивосток, 2016. С. 142–143.

межвоенному периоду пребывания казаков в эмиграции). Однако в 2010 г. подавляющее большинство материалов, составляющих эту коллекцию, было передано в Государственный архив Краснодарского края¹. В то же время в музее сохранились некоторые документы, связанные с участием казачества в Гражданской войне и его последующим пребыванием за рубежом. Большинство данных материалов хранится в зале регалий или в библиотеке, располагающейся в полуподвальном помещении музея. Среди уникальных документов отметим оригинал письма атамана Всевеликого войска Донского генерала П.Н. Краснова, адресованного Кубанской раде 26 октября 1918 г.² Анализ этого письма и документов 1920–1940-х гг. позволяет проследить эволюцию общественно-политических взглядов одного из активных деятелей казачьего зарубежья. Здесь же хранится знаменитая картина донского казака С.Г. Королькова «Выдача казаков в Лиенце».

В Музее ККВ в г. Хауэлле сохранилась большая подборка журналов и газет, издававшихся казаками за рубежом. Здесь есть периодические издания не только кубанцев, но и казаков других казачьих войск. Особо отметим наличие изданий, выходивших за рубежом после Второй мировой войны, так как ими располагают далеко не все библиотеки, имеющие фонды по российскому/казачьему зарубежью. Среди изданий представителей донского казачества есть подборки «Донского атаманского вестника», издававшегося в США с 1952 г., «Донского вестника» (1970-е гг.), «Донской целины», «Тихого Дона» (1950-е гг.) и др. Терцы представлены журналами «Терский казак на чужбине» (1920-е гг.), «Кавказский казак» (1930-е гг.) и «Родной Терек» (1970-е гг.). Оренбургские казаки издавали «Оренбургское казачье военное училище» (1960-е гг.) и «Оренбургский казак» (1952 г.). Есть издания казаков-самостийников, казакийцев, причем наиболее полные

¹ Ратушняк О.В. Источники по истории и культуре казачьего зарубежья в Государственном архиве Краснодарского края // Источниковедческие проблемы в исследованиях по истории казачества XX века. Волгоград, 2013. С. 147–151.

² МККВ. Зал регалий. Послание донского атамана генерала П.Н. Краснова Кубанской Раде. 26 октября 1918 г.

подборки журналов «Вольное казачество» (1920–1930-е гг.) и «Казакія» (1930–1960-е гг.). Не менее интересными представляются и общероссийские эмигрантские журналы и газеты: «Часовой» (1930–1960-е гг.), «Вестник первоходника» (1960-е гг.), «Первоходник» (1970-е гг.), «Вестник общества русских ветеранов Великой войны» (1950-е гг.), «Наши вести» (1950–1980-е гг.) и др. Их анализ позволяет увидеть общее положение российского зарубежья, его основные общественно-политические течения и положение российских эмигрантов в различных государствах. Во многих из них встречается информация о жизни казачьего зарубежья.

О положении и деятельности казаков в Бельгии дают представление документы Объединенной казачьей станицы в Бельгии, хранящиеся в Королевском музее армии и военной истории в Брюсселе¹. Так материалы данного музея содержат сведения об учредителях Объединенной казачьей станицы в Бельгии, созданной в январе 1926 г., а также список казаков (77 чел.), входящих в нее в 1926 г.² Согласно документам первый атаман станицы генерал А.Ф. Рафаилович поддерживал тесные контакты с генералом П.Н. Врангелем и великим князем Николаем Николаевичем³. В 1930-е гг. станицу возглавлял генерал В.И. Иловайский, а позже есаул А.Н. Ливенцов и М.Н. Бородин⁴. Из фондов Королевского музея армии и военной истории мы узнаем о существовании в Бельгии казачьего хутора в Шарлеруа и входящих в него казаках⁵. При Объединенной казачьей станице в Бельгии работала библиотека, в которой были собраны как художественные,

¹ Белова Е.И., Седова Е.Е. Документы «Объединенной казачьей станицы в Бельгии» в Королевском музее армии и военной истории в Брюсселе // Отечественные архивы. 2009. № 6. С. 75–82.

² RMMH. F. Объединенная казачья станица в Бельгии. Vox 1. Folder 1. Список учредителей Объединенной казачьей станицы в Бельгии и Список казаков, входящих в нее в 1926 г.

³ Там же. Folder 1A. Поздравительные телеграммы на имя А.Ф. Рафаиловича от генерала П.Н. Врангеля и вел. кн. Николая Николаевича.

⁴ Там же. Vox 2. Folders 5, 7. Письма атаманам Объединенной казачьей станицы в Бельгии В.И. Иловайскому и А.Н. Ливенцов.

⁵ Там же. Folder 5. Список казаков хутора Шарлеруа.

так и исторические книги¹. 20 ноября 1939 г. правление станицы приняло решение ввести плату за пользование книгами (25 сантимов с членов станицы и 50 сантимов с лиц, не входящих в станицу). При этом неимущим и безработным разрешалось пользоваться библиотекой бесплатно². Интерес представляют и сведения о том, что накануне вторжения германских войск в Бельгию (10 мая 1940 г.) Объединенная казачья станица в Бельгии устраивает 4 мая 1940 г. танцевальный вечер с участием казачьего хора³.

Большую роль как в общероссийской эмиграции, так и в жизни казачьего зарубежья играли различные воинские части, многие из которых со временем стали своеобразными общественными организациями, клубами по интересам. Большинство из них на протяжении довольно длительного времени поддерживали традиции воинского братства, сложившиеся в той или иной части. И в этом плане среди материалов Королевского музея армии и военной истории в г. Брюсселе особый интерес для исследователей казачьего зарубежья представляет архив лейб-гвардии Его Величества Казачьего полка. Отметим, что командир полка генерал И.Н. Оприц вел довольно активную деятельность. Так, он переписывался с генералами П.Н. Врангелем, Ф.Ф. Абрамовым, П.Н. Красновым. Сохранились и его телеграммы великому князю Николаю Николаевичу и великому князю Андрею Владимировичу⁴. Из документов архива лейб-гвардии Его Величества Казачьего полка можно также почерпнуть сведения о том, как казаки несли пограничную службу на территории Королевства сербов, хорватов, словенцев⁵, а также об условиях их быта и работы в отделениях железнодорожной компании Est⁶.

¹ RMMH. F. Объединенная казачья станица в Бельгии. Vox 3. Folder 10. Каталог русских книг станичной библиотеки. 1940 г.

² Там же. Информация Объединенной казачьей станицы в Бельгии № 68 от 18 февраля 1940 г.

³ Там же. Объявление о танцевальном вечере.

⁴ RMMH. F. Архив Лейб-гвардии Его Величества Казачьего полка. Vox 1. Folder 1.

⁵ Там же. Vox 2. Folder 9.

⁶ Там же. Vox 1. Folder 4.

Архивохранилища, представляющие интерес для специалистов по российской эмиграции, находятся при различных университетах США. Например, Архив Гуверовского института войны, революции и мира при Стэнфордском университете и Русский (Бахметьевский) архив при Колумбийском университете. По мнению главы славяно-балтийского отдела Нью-Йоркской публичной библиотеки Э. Казинца, коллекции Гуверовского института войны, революции и мира при Стэнфордском университете, Русского (Бахметьевского) архива при Колумбийском университете и Музея русской культуры в Сан-Франциско являются самыми богатейшими по истории российской эмиграции¹.

Так, например, среди коллекций Гуверовского института войны, революции и мира имеются фонды донских генералов И.Ф. Быкадорова (фонд ХХ379) и И.А. Полякова (фонд 2008С66), забайкальского атамана Г.М. Семёнова (фонд ХХ572), кубанского казака Ф.И. Елисеева (фонд 79051) и донского казака В.Г. Улитина (фонд 2009С14). Наибольший интерес для изучения казачьей эмиграции, включая период после Второй мировой войны, представляют фонды активных общественных деятелей казачьего зарубежья И.А. Полякова (после войны был атаманом Донского казачьего войска за рубежом) и В.Г. Улитина. В фонде Ф.И. Елисеева можно почерпнуть интересные сведения о его участии в действиях Французского легиона в Индонезии в 1943–1945 гг. Значимыми для понимания причин казачьего коллаборационизма в ходе Второй мировой войны являются материалы фонда известного историка А. Даллина (фонд 79093), в котором содержатся немецкие военные документы, собранные им в процессе работы над своей книгой².

Не менее значимы и фонды, основанные на коллекциях документов известных деятелей российского зарубежья. Отметим, в частности, фонд

¹ Kasinec E. Russia in the twentieth century: the catalog of Russian and East European history and culture: the rare book and manuscript library, Columbia university // Slavic Review. Cambridge, 1988. Vol. 47. № 2. P. 332–333.

² Dallin A. German Rule in Russia (1941–1945). London, 1957.

баронессы М.Д. Врангель¹ и фонд В.А. Маклакова². М.Д. Врангель – мать знаменитого участника Гражданской войны, командующего Русской армией и руководителя РОВСа генерала П.Н. Врангеля. Особо ценны ее воспоминания, в которых она дает довольно реалистичные картины эмигрантской жизни, а также условий пребывания российских эмигрантов в различных государствах. Кроме того, в конце 1920-х гг. М.Д. Врангель приступила к сбору материалов о жизни русских эмигрантов. При этом целый блок в будущем труде планировалось посвятить казачеству. Многие известные общественно-политические деятели и лидеры казачьего зарубежья прислали ей свои сведения, в том числе генералы П.Н. Краснов, Ф.Ф. Абрамов, А.П. Филимонов³. Все эти материалы вошли в фонд баронессы М.Д. Врангель⁴. В.А. Маклаков – один из наиболее ярких российских общественно-политических деятелей в эмиграции. Он входил в Русское политическое совещание и в Совет послов. Значимую роль В.А. Маклаков играл во Франции вплоть до Второй мировой войны. В его фонде содержатся самые разнообразные документы. Среди них наибольший интерес представляет переписка, которую он активно вел на протяжении 1920–1940-х гг. Значительная часть переписки была в той или иной степени посвящена различным проблемам российского зарубежья.

Замечательная коллекция материалов находится в архиве Свято-Троицкой духовной семинарии в г. Джорданвилле (штате Нью-Йорк, США). В фонде видного общественного деятеля российского зарубежья В.К. Абданк-Коссовского содержится информация о реабилитации атамана Кубанского казачьего войска за рубежом генерала В.Г. Науменко в ходе процесса, который проходил в 1950–1951 гг. в США. Переводчиком на этом процессе выступал известный общественный деятель русский эмигрант

¹ НИА. Ф. Коллекция баронессы Марии Врангель (Baroness Maria Vrangell').

² НИА. Ф. Коллекция В.А. Маклакова.

³ ГАРФ. Ф. 5963. Оп. 1. Д. 17. Л. 3.

⁴ НИА. Ф. Коллекция баронессы Марии Врангель (Baroness Maria Vrangell'). Box 14. Folder 1–21.

Б.В. Сергиевский. Из материалов дела известно, что комиссия американских инспекторов единогласно признала недоказуемыми и ложными обвинения против кубанского атамана генерала В.Г. Науменко¹. Документы фонда В.К. Абданк-Коссовского содержат информацию о том, что 25 декабря 1952 г. атаманом Терского казачьего войска за рубежом был избран генерал К.К. Агоев, за которого было подано 70% голосов², а также о смерти 29 апреля 1956 г. в Австралии атамана Уральского казачьего войска за рубежом генерала В.С. Толстова³. Значимыми в плане исторического анализа жизни казачьего зарубежья представляются и материалы, посвященные выборам атамана Донского казачьего войска за рубежом в 1938 г.⁴, информация о возобновлении деятельности Казачьего союза в декабре 1947 г.⁵

Из переписки генерала В.И. Иловайского, атамана Объединенной казачьей станицы в Бельгии, и донского генерала С.В. Денисова становится известным о жизни казаков, проживавших в Бельгии после Второй мировой войны⁶. Другие материалы отражают отдельные эпизоды, включая политическую борьбу, из жизни казаков в лагере Шляйсгайм в 1948–1949 гг.⁷ Генерал С.В. Денисов был в 1920-х гг. атаманом Донской казачьей станицы в Нью-Йорке, играл важную роль в созданном в США Казачьем союзе. Отдельные аспекты деятельности этих организаций также нашли отражение в его фонде⁸.

Не менее значим при изучении проблемы казачьего зарубежья и фонд бывшего атамана Всевеликого войска Донского генерала П.Н. Краснова. Из

¹ АНТОС. Ф. В.К. Абданк-Коссовский. Вох 28. Реабилитация генерала В.Г. Науменко.

² Там же. Вох 29. К избранию Терского атамана генерала Агоева.

³ Там же. Вох 32. Смерть Уральского атамана генерала Толстова.

⁴ Там же. Вох 42. Материалы по выборам донского атамана в 1938 г.

⁵ Там же. Вох 48. Организация Казачьего Союза.

⁶ АНТОС. Ф. С.В. Денисов. Вох 8. Folder 5. Письма генерала В.И. Иловайского генералу С.В. Денисову. 1951–1952 гг.

⁷ Там же. Материалы о жизни казаков в лагере Шляйсгайм.

⁸ Там же. Вох 18. Folder 21. Жизнь казаков в Нью-Йорке.

материалов этого фонда можно узнать о приглашении П.Н. Краснова принять участие в работе Собора Русской православной церкви в 1938 г. в г. Сремски Карловцы (Королевство Югославия), сделанным лично председателем Архиерейского синода РПЦ за границей митрополитом Анастасием¹.

Интересная подборка документов содержится в фонде русского писателя-эмигранта В.А. Маевского². Он, будучи сам эмигрантом, довольно активно интересовался жизнью русского зарубежья. Его внимание привлекали и казаки-эмигранты, в первую очередь общественно-политическая жизнь казачьей диаспоры.

Заметим, что фонды донского генерала С.В. Денисова, донского атамана П.Н. Краснова, В.К. Абданк-Коссовского и В.А. Маевского были скопированы на микроплёнку и переданы в ГАРФ³.

Кроме того, много интересных документов, касающихся российского (в том числе и казачьего) зарубежья находятся в национальных архивах государств, на территории которых проживали российские эмигранты, в том числе и представители казачества. Автору удалось, в частности, ознакомиться с материалами фондов Национального архива Великобритании, Архива Югославии, Национального архива Чехии и Архива г. Праги.

В фонде Военного министерства (War Office) Национального архива Великобритании содержатся сведения об участии некоторых британских военных частей в пленении казаков на территории Австрии и последующей их выдаче советским войскам⁴. Особый интерес представляют документы 8 Аргильского и Сутерландского шотландского батальона, который участвовал в пленении казаков в районе Толмеццо и последующем их конвоировании в район Лиенца. Так, из дневника подполковника

¹ ГАРФ. Ф. 10243. Коллекция микрофильмов Свято-Троицкой духовной семинарии. Оп. 3. Коллекция документов П.Н. Краснова. Катушка 2. Кадр 0436–0437.

² АНТОС. Ф. Ф. В.А. Маевский. Вох 29.

³ ГАРФ. Ф. 10243. Коллекция микрофильмов Свято-Троицкой духовной семинарии. Оп. 1. Коллекция В.К. Абданк-Коссовского; Оп. 2. Коллекция документов С.В. Денисова; Оп. 3. Коллекция документов П.Н. Краснова; Оп. 6. В.А. Маевский.

⁴ TNA. Fond. WO. Folders 170.4241; 170.4388; 170.4396; 170.4461; 170.4988.

А.Д. Малкольма, командовавшего батальоном, известны по дням события пленения казаков¹. Оперативные сводки по батальону дают представление о численности казаков, количестве лошадей, повозок и техники, об организации их питания².

Учитывая, что практически вся кубанская казачья дивизия была размещена в Югославии и то, что здесь фактически находился штаб и канцелярия атамана ККВ генерала В.Г. Науменко, а также проживали многие другие казаки, естественный интерес вызывают материалы фондов Архива Югославии (АЈ). К сожалению, практически все фонды довоенного периода (до ВМВ) Архива Югославии, за исключением фонда Королевского Двора (Ф. 74), сохранились не полностью в результате бомбардировок Белграда в апреле 1941 г. и послевоенных перемещений. Большую часть документов Архива Югославии составляют документы внутриюгославского происхождения, меньшую часть – материалы, созданные российскими эмигрантами³. Помимо Королевского Двора интерес представляют фонд 138 (Министерского совета и Президиума Министерского совета Королевства Югославии), фонд 334 (Министерства иностранных дел Королевства Югославии), фонд 14 (Министерства внутренних дел Королевства Югославии).

Из материалов Национального архива Чехии автор использовал фонд Министерства иностранных дел (в части дел, касающихся Русской акции помощи) и фонд Президиума областного управления в Праге. В делах данных фондов содержатся материалы о жизни казаков-эмигрантов в Чехословацкой Республике, например, о деятельности Общества кубанцев в ЧСР⁴ и положении казаков-студентов⁵.

¹ TNA. Folder 170.4988. P. 1-10. War Diary 8 Argyll & Sutherland Highlanders. May–July 1945.

² Там же. P. 32-73. Situation report 10–17 May 1945.

³ Алексеева Е.В. Российская эмиграция в Королевстве сербов, хорватов, словенцев (по документам Архива Югославии) // Отечественные архивы. 1995. № 6. С. 20.

⁴ НА. Ф. МZV-RPA. Karton 333, 334.

⁵ Там же. Karton 335.

Отметим, что документы по истории казачьего зарубежья встречаются и в фондах национальных архивов тех государств, которые обычно не рассматриваются как место пребывания казаков-эмигрантов. В качестве примера приведем Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины. В нем, в частности, судя по публикации Ю.С. Готковой, собраны документы по истории пребывания и деятельности кубанских казаков в Чехословакии¹.

Некоторые документы содержатся в фондах различных библиотек. Например, Славянская библиотека в г. Праге (Чешская Республика) хранит уникальные документы о Донском казачьем отделе Русского заграничного исторического архива и Кубанском заграничном архиве².

Российская государственная библиотека располагает материалами, освещающими жизнь казаков-эмигрантов в Латинской Америке. Данные документы размещены преимущественно в фонде И.Т. Беляева и Е.М. Спиридоновой³.

Не менее значимыми являются личные архивы потомков казаков-эмигрантов. Так, в личном архиве Н.Г. Хиля особый интерес представляет переписка его отца с атаманом ККВ за рубежом В.Г. Науменко, а в личном архиве Е.С. Коваленко имеется переписка А.П. Черного с одним из лидеров КНОД В.Г. Глазковым. Отметим личный архив А. Копршиовой-Вуколовой, в котором собраны уникальные материалы не только касающиеся ее деда С.В. Маракуева, но и в целом отражающие жизнь казачьего зарубежья.

Помимо архивных документов значительную группу источников образуют опубликованные материалы по истории российской эмиграции и казачьего зарубежья. В первую очередь это солидное издание,

¹ Готкова Ю.С. Діяльність кубанських організацій ... С. 135–141.

² Русский заграничный исторический архив в Праге – документация: Каталог собраний документов, хранящихся в Пражской Славянской библиотеке и в Государственном архиве Российской Федерации / сост.: Л. Бабка, А. Копршиова, Л. Петрушева. Прага, 2011.

³ НИОР РГБ. Ф. 587.

подготовленное совместно Институтом военной истории Министерства обороны Российской Федерации, Федеральной службой безопасности и Службой внешней разведки Российской Федерации¹. В данном многотомном издании опубликованы редкие документы, недоступные ранее широкому кругу исследователей. Они позволяют проследить преимущественно деятельность российской военной эмиграции. Учитывая, что казачество было широко представлено в вооруженных антибольшевистских формированиях, издание представляет несомненный интерес и для исследователей казачьей эмиграции.

Представление об основных политических процессах, происходивших в российском зарубежье в межвоенный период, дает учебное пособие, изданное под редакцией А.Ф. Киселева². Несмотря на позиционирование его именно в качестве учебного пособия, в данном труде опубликованы разного рода документальные источники, касающиеся истории российского зарубежья. При этом они не только дают возможность увидеть спектр политических направлений эмигрантской мысли, но и частично освещают место и роль казачества в общественно-политической жизни русского зарубежья.

Порой интересные сведения находятся в различных сборниках, опубликованных в странах пребывания российских эмигрантов. Чаше всего казаки в них не упоминаются, но имеется информация, которая позволяет судить в целом о положении в стране русских эмигрантов и их взаимоотношениях с местным населением³. Особенно интересен сборник, содержащий ответы представителей российской эмиграции на вопрос о судьбе казачества⁴. Широкий спектр и значимость лиц, ответивших на

¹ Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов. Документы и материалы. М., 1998–2016. Т. 1–8.

² Политическая история русской эмиграции. 1920–1940 гг.: документы и материалы: учебное пособие / под ред. А.Ф. Киселева. М., 1999.

³ Русские в Болгарии. София, 1923.

⁴ Казачество. Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. Париж, 1928.

данный вопрос, позволяет с разных точек зрения увидеть различные проблемы, стоящие перед казаками-эмигрантами. На это отчасти ориентировались и составители данного сборника, надеявшиеся, что «будущий историк найдет много интересного и ценного в отзывах современников»¹.

Особое значение в рамках изучения казачьего зарубежья имеют источники эпистолярного жанра, содержащиеся в частности в сборнике «Крестная ноша»². Помимо возможности взглянуть на события глазами казака-эмигранта, они содержат большое количество интересных фактов.

Анализу положения казачества на территориях, оккупированных Третьим рейхом, и участия казаков во Второй мировой войне способствует изучение официальных документов германского гражданского и военного руководства, опубликованных в различных сборниках материалов, посвященных Второй мировой войне.

Периоду Второй мировой войны посвящены, изданные в США В.Г. Науменко сборники материалов о выдаче казаков в Лиенце и других местах в 1945 г., а также его двухтомный труд «Великое предательство. Выдача казаков в Лиенце и других местах (1945–1947)». В собранных в них материалах прослеживается судьба части казаков, ушедших в годы Второй мировой войны вместе с отступавшими гитлеровскими войсками на Запад, вплоть до их выдачи советскому военному командованию³. Значительное количество документов, представленных в данных сборниках, составляют воспоминания участников тех событий.

Литература мемуарного характера занимает особое место среди опубликованных материалов. Мемуары и воспоминания, в которых в той или иной степени затронуты проблемы пребывания казаков за рубежом или

¹ Казачество. Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества / вступ. ст. В.Н. Королева. Ростов н/Д, 1992. С. 12.

² Крестная ноша ... Ч. 2. С. 386–464.

³ Науменко В.Г. Великое предательство. Выдача казаков в Лиенце и других местах (1945–1947). Нью-Йорк, 1962. Т. 1; 1970. Т. 2.

причины их ухода в эмиграцию, писались на протяжении всего изучаемого периода. Мемуары 1920–1930-х гг. часто претендовали на роль исследований, в то время как ряд исследований носил фактически мемуарный характер. В этом плане отметим работы А. Слободского¹, И. Лунченкова², А. Булацеля³ и др.

В 1920-е гг. наблюдалась незримая связь между работами эмигрантов и советских исследователей⁴. Но постепенно интерес к эмигрантской литературе в СССР начинает падать. Лишь в 1960-е гг. в Советском Союзе вновь начали издаваться воспоминания бывших эмигрантов, описывавших свою жизнь на чужбине⁵.

В отличие от СССР издание мемуарной литературы за рубежом шло непрерывно. Исключение составили годы Второй мировой войны. В то же время большинство авторов мемуаров, изданных за границей, описывают преимущественно период Гражданской войны, практически не уделяя внимание эмиграции⁶.

Так, Д. Константинов, служивший военным священником в РОА, пишет, что положение духовенства в казачьих частях отличалось от положения духовенства в РОА, «на несколько особом положении... находились почти все без исключения казачьи части»⁷. Следует отметить, что автор воспоминаний подчеркивает, что они «не претендуют на абсолютную точность и беспристрастность»⁸. Он уточняет, что стоит «на позиции

¹ Слободской А. Среди эмиграции (мои воспоминания). Харьков, 1925.

² Лунченков И. Указ. соч.

³ Булацель А. Указ. соч.

⁴ Ушаков А.И. История гражданской войны в литературе русского зарубежья. Опыт изучения. М., 1993. С. 15.

⁵ Шостаковский П.П. Указ. соч.; Вертинский А. Указ. соч.; Любимов Л. Указ. соч.; Мейснер Д. Исповедь старого эмигранта; Мейснер Д. Миражи и действительность; Оболенский П. Указ. соч.; Александровский Б.Н. Указ. соч. и др.

⁶ Деникин А.И. Путь русского офицера. Нью-Йорк, 1953; Жадан П. Русская судьба. Нью-Йорк, 1989; Кравченко В. Дроздовцы от Ясс до Галлиполи. Мюнхен, 1973–1975. Т. 1–2; Лампе А.А. Пути верных. Париж, 1960; Ларионов В. Последние юнкера. Франкфурт-на-Майне, 1984 и др.

⁷ Константинов Д. Записки военного священника. Канада, 1980. С. 13.

⁸ Там же. С. 4.

духовной, моральной и политической правоты Власовского движения», и с этих позиций Д. Константинов анализирует различные проблемы¹.

Некоторые воспоминания помогают увидеть условия жизни и их восприятие глазами эмигранта².

Среди других работ, подготовленных казаками-эмигрантами, назовем сборник «Трагедия казачества», изданный в США в 1984 г., а также книги П.Н. Донскова³ и Г. Солодухина⁴.

В отдельную группу источников можно выделить средства массовой информации, и прежде всего эмигрантскую печать. Характерной чертой эмигрантской печати было наличие как относительно продолжительных изданий (более 5 лет), так и тех, которые насчитывали от 1 до 5 номеров. Отметим также повышенную политизированность и чрезмерную субъективность большинства эмигрантских печатных органов. Однако при этом эмигрантские издания не теряют свою ценность как исторический источник. Эта ценность была осознана и самими эмигрантами⁵. Не случайно в 1990-х гг. печатные издания казачьего зарубежья сами стали предметом отдельных исследований⁶.

Хронологически журналы, издаваемые за рубежом казаками-эмигрантами, охватывают период с 1920-х гг. по конец XX в. Географически это журналы, издававшиеся в Болгарии, Чехословакии, Франции, Китае, Австралии, США, странах Латинской Америки и т.д. Тематически это политические, культурно-исторические, военные, литературные журналы, бюллетени и брошюры. В них отражена как современная жизнь казаков-

¹ Константинов Д. Указ. соч. С. 11.

² Худзинская К. Этапы эмигрантской жизни // Культура русской диаспоры: саморефлексия и самоидентификация: материалы междунар. семинара. Тарту, 1997. С. 410–414

³ Донсков П.Н. Указ. соч.

⁴ Солодухин Г. Указ. соч.

⁵ Белов В. Белая печать: ее идеология, роль, значение и деятельность (материалы для будущего историка). Пг., 1922.

⁶ Зимина В.Д. Эмигрантская казачья пресса 20–30-х гг. как исторический источник // Преподавание и изучение историографии и источниковедения отечественной истории: проблемы, опыт, поиски, решения. Тверь, 1992. С. 70–80.

эмигрантов, так и отдельные моменты их истории. Интерес представляют не только материалы, опубликованные в этих изданиях, но и сам факт их издания, свидетельствующий о бурной общественно-политической и культурной жизни казачьей и российской эмиграции.

Отметим, что в 1920–1930-е гг. подавляющее большинство казачьих журналов издавались в Европе. В основном это были общеказачьи, донские, кубанские, реже терские журналы. Но были и исключения. Так, уральский казак Е.Д. Коновалов организовал в Париже выпуск «Казачьего журнала», номера которого отдавались для публикаций представителям одного из казачьих войск – уральцам, оренбургцам, терцам и т.п.¹ В Китае большинство печатных изданий казачества издавались преимущественно в Маньчжурии².

Интерес представляют издания, выходявшие в годы Второй мировой войны. В первую очередь это журналы «Казачьи ведомости», «На казачьем посту» и газеты «Казак», «Казачья земля», «Казачья лава». Они не только дают некоторую фактологическую информацию и сведения о тех или иных событиях. В них можно найти официальную позицию, в том числе приказы и распоряжения германских властей и таких органов казачьего управления, как Казачье управление Дона, Кубани и Терека и Главное управление казачьих войск. Анализ данного рода источников позволяет выявить направленность, характер и формы проведения идеологической работы руководством Третьего рейха и казачества в отношении казаков-эмигрантов и казаков из состава советских граждан. Не менее интересны и информативны газеты, издававшиеся в Казачьем стане штабом походного атамана казачьих войск «Казак» и «Казачья земля». Издавалась своя еженедельная газета и при штабе 1-й казачьей дивизии – «Казачий клич» (1943–1945 гг.). При анализе печатных изданий, в том числе и эмигрантских, издававшихся в годы Второй

¹ ГАРФ. Ф. 10003. Оп. 12. Катюшка 17. Кадр 059; АНТOS. F. Baronessa M.D. Vrangel, 1915–1944. Vox. 15. Folder 9. Статья Е. Березовского «Казачьи журналы».

² Сергеев О.И. Казачья печать российской эмиграции в Маньчжурии // Казачество Дальнего Востока России в XVII–XXI вв.: к 165-летию Забайкальского казачьего войска: сб. науч. ст. Хабаровск, 2016. Вып. 5. С. 69–73.

мировой войны (особенно в Германии и Китае), следует помнить, что многие из них испытывали жесточайший пресс со стороны германского и японского правительств.

Среди печатных изданий послевоенного времени отметим «Кубанский исторический и литературный сборник», издававшийся с 1959 г. под редакцией первого атамана Кубанского казачьего войска за рубежом В.Г. Науменко. Сборник включает различные материалы, связанные с историей и культурой кубанского казачества. Они позволяют проследить развитие казачьей литературы в эмиграции и сравнить ее с произведениями, издававшимися до революции в казачьих краях. Историческая составляющая сборника в значительной степени посвящена периоду до выхода казаков за рубеж. Однако интерес представляют не только описываемые исторические события и факты, но и отношение к ним авторов и участников, сформированное уже в эмиграции.

Определенным и своеобразным источником являются некрологи, посвященные умершим казакам, а также некрополи. Так, на знаменитом кладбище Сент-Женевьев де Буа под Парижем покоятся тела многих казаков-эмигрантов, в том числе 32 донских генералов¹.

Таким образом, источниковая база по истории казачьего зарубежья крайне широка и разнообразна. При этом документы находятся в архивохранилищах практически всех государств, где проживали казаки-эмигранты. При этом чаще всего наибольшее количество источников отложилось в архивах тех, государств, где было наибольшее количество казаков, а также, где наиболее активно наблюдалась их деятельность как общественно-политическая, так социально-экономическая и культурная. Только максимальный охват всего круга данных источников позволяет в значительной степени повысить объективность анализа заявленной проблемы.

¹ Терещенко А.Г. Казачий некрополь в Сент-Женевьев де Буа // Донской временник. Год 2005-й. Ростов н/Д, 2004. С. 125.

1.3 Историографические проблемы изучения истории казачества за рубежом

В процессе изучения истории казачьего зарубежья выделился круг проблем, ставших наиболее дискуссионными или недостаточно изученными в силу либо отсутствия репрезентативной источниковой базы, либо того, что они просто еще не стали предметом специального внимания исследователей.

К подобного рода проблемам относятся:

- 1) определение объекта исследования;
- 2) выявление численности казачьего зарубежья и его географического размещения;
- 3) анализ общественно-политической деятельности казачьего зарубежья;
- 4) репатриация казачества в 1920-е и 1940-е гг.;
- 5) положение казачества в различных странах, включая политику принимающих государств, процессы адаптации и ассимиляции;
- 6) коллаборационизм, который предполагает ряд вопросов: соотношение коллаборантов и так называемых патриотов, причины коллаборационизма, взаимоотношение с германскими властями, взаимоотношения казачества с КОНР;
- 7) взаимоотношения казаков-эмигрантов первой и второй волн;
- 8) взаимоотношения казаков-эмигрантов с другими представителями российского зарубежья;
- 9) культурные аспекты деятельности казаков-эмигрантов.

Проблема определения объекта исследования. Учитывая, что определение объекта исследования является не только проблемой историографии, но и методологии и представляет первостепенное значение в рамках выполненного исследования, она была изложена отдельно в параграфе 1.1 данной диссертационной работы. Отметим только, что в российской историографии сложилась практика анализировать как в целом

российскую эмиграцию, так и отдельные ее части, включая казачество, с позиций продолжения российской истории (практически большинство диссертационных исследований написаны в рамках специализации – отечественная история). Однако если для периода 1920–1930-х гг. такая постановка исследовательской проблемы представляется вполне уместной, то в отношении послевоенного периода 1940–1960-х гг. не всегда оправданна. Учитывая, что большинство бывших российских эмигрантов и их потомков, а также советские эмигранты после Второй мировой войны активно встраивались в жизнь принявших их государств, став их гражданами, более плодотворным и методологически оправданным является анализ деятельности и адаптации к новым условиям как иммигрантов тех или иных государств. Однако в российской историографии такая практика пока еще крайне редка. Хотя ее истоки также вполне понятны – в традиционной постановке проблемы больше возможности для изучения российской, в том числе и казачьей эмиграции, как целостного явления. В то время, как анализ российской иммиграции нацелен больше на страноведческий исследовательский подход. Не случайно многие зарубежные исследователи зачастую употребляют именно термин «российская эмиграция».

«Диаспора» – еще один термин, который часто используется исследователями, изучающими миграционные процессы. В российской науке с конца 1990-х гг. развернулась оживленная теоретическая дискуссия по проблеме определения понятия «диаспора»¹. Параллельно проводились исследования, направленные на изучение такого социокультурного

¹ Дятлов В. Диаспоры: попытка определиться в понятиях // Диаспоры. 1999. № 1. С. 8–24; Попков В. «Классические» диаспоры: к вопросу о дефиниции термина // Диаспора. 2002. № 1. С. 7–22; Тишков В.А. Исторический феномен диаспоры // Исторические записки. 2000. № 3. С. 207–237; Тишков В. Увлечение диаспорой (о политических смыслах диаспорального дискурса) // Диаспора. 2003. № 2. С. 160–183; Сагитова И.О. Диаспора как исследовательская проблема // Россия и АТР. 2003. № 3. С. 109–115; Жуков А.Ф., Жукова Л.Н. К вопросу о термине «диаспора» // Россия в глобальном мире. Социально-теоретический альманах. Приложение к журналу для ученых «Клио». СПб., 2009. С. 149–154 и др.

феномена, как российская диаспора¹. Однако исследователями казачества данный термин практически не используется. В то же время отметим, что в интерпретации В.А. Тишкова термин «диаспора» вполне может быть использован применительно к зарубежному казачеству².

Проблема выявления численности казаков за рубежом и их географического размещения. В научной литературе до сих пор нет даже общепринятой цифры численности российских беженцев. Нет точных данных и по количеству российских эмигрантов в конкретных государствах, даже относительно таких, которые неоднократно становились предметом изучения как зарубежных, так и местных исследователей. Так, на начало 1920-х гг., определяя количество беженцев в Югославии, югославский исследователь С. Лозо оперирует цифрами 70–75 тыс. чел., из них 40 тыс. чел., входящих в состав воинских контингентов³. Таких же данных придерживается и Б. Глигориевич⁴. Т. Миленкович считает, что военных прибыло в Югославию от 20 до 40 тыс. чел.⁵ Скорее всего, эта цифра (40 тыс. чел.) была завышена Госкомиссией в интересах финансирования ее деятельности. Ведь многие беженцы транзитом через Югославию ехали в другие государства. В то же время сербский историк М. Йованович указывает на 40–45 тыс. человек⁶. Украинский исследователь В.Д. Козлитин также склоняется к цифрам около 70 тыс. чел.⁷ Советские исследователи

¹ Аурилене Е.Е. Российская диаспора в Китае. 1920–1950-е гг. Хабаровск, 2008; Мосейкина М.Н., Мелихов Г.В. Российская диаспора в XIX–XX вв.: выживание или исчезновение // Отечественная история. 2000. № 1. С. 208–213; Пушкарева Н.Л. Возникновение и формирование российской диаспоры за рубежом // Отечественная история. 1996. № 1. С. 53–69 и др.

² Тишков В.А. Исторический феномен диаспоры / Национальные диаспоры ... С. 22.

³ Лозо С. Руска беломиграција у Југославији // Политика-експрес. Београд, 29 јануар 1976.

⁴ Глигориевич Б. Русская православная церковь в период между двумя мировыми войнами // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996. С. 111.

⁵ Миленкович Т. Союз русских инженеров в Югославии (1920–1941 гг.) // Культурное наследие русской эмиграции, 1917–1940. С. 360.

⁶ Йованович М. Русская эмиграция на Балканах: 1920–1940. М., 2005.

⁷ Козлитин В.Д. Русская и украинская эмиграция ... С. 87, 97.

Л.К. Шкаренков¹, Ю.В. Мухачев², В.В. Комин³ определяют численность от 24 до 50 тыс. чел. Таким образом, в определении численности российских эмигрантов в Югославии существует значительное расхождение между исследователями. И это при наличии довольно значительного количества документов, позволяющих выявить численность эмигрантов, прибывших в страну. Попытка определить количество российских эмигрантов в других государствах, а также общую их численность приводит к еще большим расхождениям. При этом исследователи, занимающиеся проблемами российской эмиграции в целом, практически не указывают численность казачества как самостоятельной группы в составе русского зарубежья.

О численности казаков за рубежом можно встретить данные преимущественно у исследователей, изучающих непосредственно казачье зарубежье. Однако и в их исследованиях чаще всего данные статистического характера неполны и разрозненны. Это обусловлено различными факторами. Во-первых, отсутствием организации, занимающейся сбором статистических сведений конкретно о казаках. Во-вторых, миграционными процессами в среде зарубежного казачества. Процесс эмиграции порой протекал одновременно с процессом репатриации казаков, а также переездами казаков из одной страны в другую. В-третьих, рождение и смерть в казачьей среде, пусть и незначительно, но сказывались на изменении количественного состава казачьего зарубежья. В-четвертых, сложность вычленения из состава российских эмигрантов именно казаков, а также выделение казаков конкретных казачьих войск. Например, астраханские казаки воевали в составе Донской, Добровольческой, Уральской и Оренбургской армий⁴. Часть астраханцев ушли за границу в ноябре 1920 г. в составе Терско-Астраханской бригады. Практически ни в одном документе не выделено, сколько в бригаде было терцев и сколько астраханских казаков. Кроме того,

¹ Шкаренков Л.К. Указ. соч. С. 17.

² Мухачев Ю.В. Указ. соч. С. 41.

³ Комин В.В. Политический и идейный крах ... С. 31.

⁴ Антропов О.О. Указ. соч. С. 137.

значительную часть астраханцев составляли калмыки, которые впоследствии отделились от казаков в эмиграции, образовав свою калмыцкую диаспору. При этом часть донских калмыков и после Второй мировой войны входили в казачьи объединения и общества и активно участвовали в жизни войска. В казачьи объединения, организации и общества не всегда входили только казаки. Это могли быть и просто жители казачьих регионов. В то же время часть казаков в эмиграции предпочитали не афишировать свое происхождение и записывались в качестве представителей других народов и государств. Особенно актуально это было после Второй мировой войны, когда казаки, как впрочем, и некоторые другие советские эмигранты, записывались украинцами, поляками, литовцами, сербами.

К концу 1950-х гг. подавляющее большинство казаков-иммигрантов приняли гражданство государств, давших им приют. Одни из них продолжали поддерживать связь со своими станичниками, сослуживцами, земляками, и их численность можно установить по различным казачьим организациям и обществам. Другие практически полностью порвали связь со своими земляками и пытались всеми силами интегрироваться в принявшее их общество. Чаще всего их дети и внуки смутно сознавали свои казачьи корни. Но были и исключения, когда в силу определенных обстоятельств внуки пытались восстановить свою родословную и в ходе данного процесса все больше и больше проникались своим историческим прошлым. Естественно, что подобного рода перипетии создавали и создают значительные сложности для исследователей казачьего зарубежья в установлении его численности.

Анализ общественно-политической деятельности казачества. Различные аспекты общественно-политической деятельности казачества в эмиграции нашли свое отражение в ряде исследований. Преимущественно это работы,

касающиеся анализа общественно-политической жизни казачьего зарубежья 1920–1930-х гг.¹

Относительно подробно в российской историографии проанализировано отношение казаков к будущему казачьих краев, их взаимоотношению с Россией² и к своему историческому прошлому³. В то же время большинство аналитических работ посвящено традиционному противостоянию казаков-единонеделимцев и казаков-самостийников или конкретно одному из этих направлений⁴. Анализ же политических предпочтений чаще всего не выходил за рамки отношения к монархии. Порой исследователи казачьего зарубежья затрагивали конкретную проблему, как, например, сменовеховство⁵ или фашизм⁶. Участие казаков в деятельности общероссийских партий в эмиграции ограничивалось чаще всего констатацией взглядов тех или иных представителей зарубежного казачества.

При анализе политической структуры казачьего зарубежья Г.И. Малышенко выделяет так называемые русофильские казачьи организации, к которым в частности относит в Европе Союз возрождения казачества, а в Китае – Союз казаков Дальнего Востока, Казачий союз в Шанхае и Восточный казачий союз⁷.

¹ Малышенко Г.И. Общественно-политическая жизнь ... С. 148–150; Ратушняк О.В., Худобородов А.Л. Общественно-политические искания казачьего зарубежья // Очерки традиционной культуры казачеств России / под общ. ред. Н.И. Бондаря. Краснодар, 2005. С. 559–569; Стрельников А.Ю. Политические течения в казачьей эмиграции в 1930-е годы. М., 1995 (Рукопись деп. в ИНИОН РАН).

² Зимина В.Д. Казачья эмиграция 20-х–30-х гг. XX столетия о путях развития России // Возрождение казачества (история, современность, перспективы). Ростов н/Д, 1995. С. 76–77; Кириенко Ю.К. Казачество в эмиграции: споры о его судьбах (1921–1945 гг.) // Вопросы истории. 1996. № 10. С. 3–18.

³ Степанченко В.И. Указ. соч. С. 21–27.

⁴ Малышенко Г.И. Политическая программа и тактические установки самостийной казачьей эмиграции, 1920–1930 гг. // Ежегодник Омского государственного педагогического университета. Омск, 1998. С. 205–210.

⁵ Перехов Я.А. Сменовеховство и казачья эмиграция // Возрождение казачества (история, современность, перспективы). Ростов н/Д, 1995. С. 74–76.

⁶ Сергеев О.И. Из истории политической жизни Российской эмиграции в Китае: фашизм и казачество // Вопросы истории гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке: сб. ст. Владивосток, 1994.

⁷ Малышенко Г.И. Общественно-политическая жизнь ... С. 148–150.

Часть исследователей обращаются непосредственно к анализу конкретных общественно-политических организаций¹ или общественно-политических деятелей² казачьего зарубежья.

Большинство исследований общественно-политической деятельности казачьего зарубежья посвящено межвоенному периоду. Общественно-политическая жизнь казачьего зарубежья в послевоенный период практически остается еще белым пятном, как в российской, так и в зарубежной историографии.

Проблема репатриации казачества в 1920-е и 1940-е гг. Проблема репатриации казаков в 1920-е гг. чаще всего рассматривалась в контексте данного процесса в целом. В работах исследователей казачьего зарубежья обычно приводились лишь отдельные факты возвращения казаков на историческую родину. Исключение составляют исследования Я.А. Перехова и О.В. Ратушняка, посвященные непосредственно процессу репатриации казачества из европейских государств³.

Процесс репатриации советских граждан, включая советских военнопленных, довольно подробно показан в британских и американских

¹ Гаврилов А.Н. Казачий союз – самая массовая общественно-политическая организация казачьей эмиграции // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Ростов н/Д, 2013. № 1. С. 39–44; Паршуков В.А. К истории Казачьего союза в Шанхае (некоторая переписка его председателя Г.К. Бологова) // Сибирский исторический альманах. Красноярск, 2012. Т. 2: Сибирь на переломе эпох. Начало XX века. С. 267–271; Фомин В.Н., Фомин К.В. История Казачьего союза в Шанхае // Проблемы социально-политического развития российского общества. Воронеж, 1998. Вып. 3. С. 97–102.

² Дюкарев А.В. Войсковой атаман Кубанского казачьего войска в зарубежье В.Г. Науменко // Военно-исторический журнал. 2012. № 5. С. 71–74; Дюкарев А.В. Общественно-политическая деятельность войскового атамана Кубанского казачьего войска в эмиграции В.Г. Науменко // Научная мысль Кавказа. Ростов н/Д, 2009. № 2. С. 92–97; Корсакова Н.А. Атаман В.Г. Науменко. Страницы биографии // Атаман В.Г. Науменко и его «Хроника». Краснодар, 2006. С. 28–39; Мартынов Б.Ф. Парагвайский Миклухо-Маклай. Повесть о генерале Беляеве. М., 1993; Овчинников И. Казак Мигулинской станицы // Казарла. 2011. № 1. С.40–42; Ратушняк О.В. В.Г. Науменко (1883–1979) – атаман Кубанского казачьего войска за рубежом // Люди и судьбы Русского Зарубежья. М., 2016. Вып. 3. С. 260–277.

³ Перехов Я.А. О реэмиграции казачества (1921–1925 гг.) // Изв. СКНЦ ВШ. Обществ. науки. Ростов н/Д, 1983. № 2. С. 67–72; Ратушняк О.В. Репатриация казаков-эмигрантов из Европы в 1920-е гг. // Российская история. 2015. № 5. С. 157–164.

исследованиях, а также в работах самих казаков-эмигрантов¹. При этом основной упор был сделан на выдаче казаков в Лиенце². Как верно отметил В.А. Перцев, «неоднозначность политического значения данной проблемы определила некоторую научную закрытость ее рассмотрения в исторической литературе³. Если большинство исследователей, изучавших выдачу казаков после Второй мировой войны, находились как бы в плену документов, созданных самими эмигрантами⁴, то С.В. Кудряшов постарался более критически подойти к этой проблеме⁵.

Как пишет Н.М. Маркдорф, понятие «репатриация» после Второй мировой войны получило несколько иной смысл, чем в предыдущие годы, в нем преобладала принудительная составляющая⁶.

Интересную причину того факта, что американские и британские власти активно участвовали в насильственной репатриации советских граждан, в том числе и части эмигрантов первой волны, отметил В.Н. Земсков. По его мнению, это было сделано «с целью недопущения образования в рамках западной цивилизации значительного русско-украинско-белорусского этнического массива»⁷. Он же отмечает и тот факт, что боязнь репрессий

¹ Proudfoot M.G. *European Refugees: 1939–1952. A Study in Forced Repatriation Movement*. London, 1957; Elliot M. *Pawns of Yalta: Soviet Refugees and Americas Role in Their Repatriation*. Urbana, 1982; Bethell N. *Op. cit.*; Толстой-Милославский Н.Д. *Жертвы Ялты*. М., 1996; Кузнецов Б.М. *В угоду Сталину, годы 1945–1946*. Нью-Йорк, 1956. Т. 1; Нью-Йорк, 1957. Т. 2.

² Вербицкий Г.Г. *Выдача в Лиенце // Новый часовой*. 1996. № 4. С.173–182; Казачья Голгофа (Предательство в Тирольских Альпах). Ростов н/Д, 2002; Таболина Т. *Лиенц: казачья Голгофа // Родина*. 2005. № 9. С. 26–30; Улитин В.Г. *Тень Лиенца // Казачья Голгофа (Предательство в Тирольских Альпах)*. Ростов н/Д, 2002. С. 9–15.

³ Перцев В.А. *Реэмиграция и репатриация в СССР в 1950–1960-е годы (на материалах Центрального Черноземья) // Вестник Воронежского университета. Серия: История. Политология. Социология*. 2010. № 1. С. 44.

⁴ Дугас И.А., Черон Ф.Я. *Вычеркнутые из памяти. Советские военнопленные между Гитлером и Сталиным*. Париж, 1994. С. 346.

⁵ Кудряшов С. *На Голгофу со свастикой? Казачьи истерики по поводу послевоенной репатриации // Родина*. 2005. № 9. С. 31–35.

⁶ Маркдорф Н.М. *Иностранные военнопленные, интернированные, власовцы, белоэмигранты в Западной Сибири: 1942–1956 гг.* М., 2001. С. 12.

⁷ Земсков В.Н. «Вторая эмиграция» и отношение к ней руководства СССР, 1947–1955 // *История российского зарубежья. Эмиграция из СССР–России 1941–2001 гг.: сб. ст.* М., 2007. С. 65.

была существенной, но не главной, и уж тем более не единственной, причиной невозвращенчества. По его мнению, правильнее говорить о целом комплексе причин политического и экономического характера¹.

Положение казачества в различных странах, включая политику принимающих государств, процессы адаптации и ассимиляции. Положение казачества в различных государствах нашло отражение в работах, посвященных как российской эмиграции в целом и ее жизни в конкретной стране, так и казачьему зарубежью.

Наиболее изученными являются темы, связанные с пребыванием казаков-эмигрантов в Югославии, Болгарии и Китае² в межвоенный период. Это обусловлено несколькими факторами. Во-первых, в Болгарии и Югославии находилась первоначально большая часть казачьих частей, входивших в Русскую армию генерала П.Н. Врангеля. В силу организованности воинских частей в них велась подробная документация и переписка, позволяющая более детально проанализировать положение казаков в Болгарии и Югославии³. Кроме того, в Югославии до Второй мировой войны проживал кубанский атаман генерал В.Г. Науменко. Здесь же размещалась и его канцелярия. В.Г. Науменко удалось сберечь большую часть документов, связанных с его деятельностью на посту атамана и дающих богатый материал для проведения научных изысканий. В Китае до начала 1950-х гг. также размещались значительные контингенты казаков-эмигрантов, а документы по их деятельности, широко представленные в ГАРФ и ГАХК, доступны российским исследователям. Во-вторых, пребывание большого количества российских эмигрантов, в том числе казаков, в этих государствах привлекло внимание к данной теме местных историков, а также исследователей, занимающихся изучением российского и казачьего зарубежья в целом.

¹ Земсков В.Н. «Вторая эмиграция» и отношение к ней ... С. 76.

² Чапыгин И.В. Казачья эмиграция на территории Китая (1920–1945 гг.). Иркутск, 2013.

³ Арсеньев А.Б. Указ. соч. С. 3–15.

Анализируя пребывание российских эмигрантов в тех или иных государствах, исследователи часто делают выводы, которые касаются и казаков-эмигрантов¹. О.О. Антропов считает, что ассимиляции российских эмигрантов препятствовало создание различных колоний, общин². Как отмечал Л. Спасов, в болгарской историографии причина принятия воинских контингентов Русской армии генерала П.Н. Врангеля болгарским правительством определена категорично и однозначно – это было сделано под давлением государств Антанты, и в первую очередь Франции³.

Учитывая, что отношение правительств принимающих государств к российским эмигрантам в целом и к казакам-эмигрантам в частности в значительной степени зависело от их взаимоотношений с Советской Россией/СССР, представляется важным изучение данных отношений. На данную зависимость обратили внимание болгарские историки В. Василева и С. Лавренов⁴.

Ввиду громадной территории Китая и компактности размещения на ней эмигрантов из России ряд исследователей изучают пребывание эмигрантов в конкретном регионе Китая. Преимущественно это Трехречье⁵, район КВЖД⁶, Шанхай, позже Маньчжоу-Го⁷. Некоторые исследователи акцентируют свое внимание на казаках конкретного казачьего войска⁸.

¹ Белова Е.И. Некоторые аспекты позиции Германии в приеме русских беженцев в начале 1920-х годов // Нансеновские чтения. 2007. СПб., 2008. С. 160–171.

² Антропов О.К. История отечественной эмиграции. Астрахань, 2011. С. 41.

³ Спасов Л. Руската военна емиграция в България (1919–1923) // Бялата емиграция в България. София, 2001. С. 125.

⁴ Василева Н., Лавренов С. Особенности советско-болгарских политико-военных отношений в 20-е годы // Българо-съветски политически и военни отношения 1917–1941. София, 1998. С. 62.

⁵ Аргудяева Ю.В. Русское население в Трехречье // Россия и АТР. 2006. № 4. С. 121–134.

⁶ Аблова Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае. М., 2005; Мелихов Г.В. Белый Харбин: середина 20-х. М., 2003.

⁷ Аурилене Е., Кротова М. Русские в Маньчжоу-Го: «свои» и «чужие» // Родина. 2012. № 12. С. 137–140; 2013. № 2. С. 138–141.

⁸ Богущкий А.Е. Енисейские казаки в эмиграции // Красноярский край: исторические аспекты территориального и культурного развития: тезисы докл. и сообщ. науч. конф. Красноярск, 2006. С. 45–49; Паршуков В.А. Судьбы офицеров Енисейского казачьего

Анализируя степень участия правительств различных государств в судьбе российских эмигрантов, исследователи делают разные акценты на значимости их помощи. Так, по мнению Е.Е. Аурилене, БРЭМ, одна из основных организаций, ведавшая делами российской эмиграции в Маньчжурии, финансировалась преимущественно за счет членских взносов, пожертвований, издательской деятельности и благотворительных мероприятий¹. В то же время Л.И. Галямова считает, что более значимой в плане материальной помощи данной организации была финансовая поддержка со стороны японской военной миссии в Маньчжурии².

По-разному исследователи оценивали и положение российских иммигрантов в Китае в период японской оккупации. Так, О.И. Сергеев полагает, что «период японской оккупации негативно отразился на всех сторонах жизни основной массы казачьего населения Трехречья»³. В то же время Е.Е. Аурилене делает акцент на том, что японская политика в отношении русских эмигрантов была более гибкая и ее нельзя трактовать односторонне-негативно⁴.

Несмотря на относительно краткое пребывание громадной массы казаков в Италии, ряд исследователей обращаются именно к этой проблеме⁵.

войска, оказавшихся в эмиграции // Владивосток – точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции. Владивосток, 2015. С. 83–91; Пушкарев В.А. Амурские казаки в Китае ... С. 17–29; Тарасов М.Г., Дудникова А.В. Формирование енисейской казачьей эмиграции в Китае // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 379. С. 145–149.

¹ Аурилене Е.Е. Российская диаспора в Китае (1920–1950-е гг) ... С. 53.

² Галямова Л.И. К вопросу об освещении деятельности БРЭМ // Владивосток – точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции. Владивосток, 2016. С. 90–91.

³ Сергеев О.И. Казачье Трехречье и японские оккупационные власти в Северо-Восточном Китае // Владивосток – точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции. Владивосток, 2016. С. 283.

⁴ Аурилене Е.Е. Современная историография истории российской эмиграции в Китае: приглашение к дискуссии // Владивосток – точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции. Владивосток, 2016. С. 66.

⁵ Баутдинов Гаммар. Казаки в Италии // Новое время. 1992. № 45. С. 28–31; Талалай М.Г. «Казачья земля» в Италии // Наука, культура и политика русской эмиграции: сб. ст. и материалов всерос. науч. конф. СПб., 2004. С. 53–57; Шкаровский М.В. Казачий стан в Северной Италии и его церковная жизнь // Русские в Италии: культурное наследие эмиграции / сост., науч. ред. М.Г. Талалая. М., 2006. С.190–208.

Научные изыскания итальянских исследователей преимущественно были нацелены на изучение пребывания казаков на севере Италии в период с конца лета 1944 г. и до конца войны. Работы П. Стефанутти¹, Дж. Веньер² и П. Деотто³ были посвящены реконструкции устройства казаков в северо-восточной Италии. Из последних трудов итальянских ученых отметим исследования Р. Росс⁴ и А. Строили⁵. В их работах анализируются взаимоотношения между итальянскими и казаками. В более поздних исследованиях, проведенных Ф. Верардо, внимание фокусируется на различных аспектах итальянского периода части казаков-эмигрантов⁶.

Лишь отдельные небольшие исследования затрагивают пребывание казаков в государствах Латинской Америки и Австралии⁷.

Проблема коллаборационизма. Проблема коллаборационизма включает в себя целый ряд более частных проблем/вопросов, а именно: причины и сущность коллаборационизма, взаимоотношение коллаборационистов с германскими военными и гражданскими властями, соотношение среди эмигрантов коллаборантов/пораженцев и патриотов/оборонцев, а также взаимоотношения казачества с Комитетом освобождения народов России (КОНР).

Согласимся с С.А. Маньковым в том, что различные проявления коллаборационизма «являлись формой социальной адаптации в сложившихся условиях, в которых каждый принимал решение на основании своих

¹ Stefanutti P. Op. cit.

² Venier G. Op. cit.

³ Deotto P. Op. cit.

⁴ Rossa R. Venti cammelli sul Tagliamento. L'avventura cosacca in Friuli dal 1944 al 1945. Udine, 2007.

⁵ Stroili A (a cura di). I cosacchi in Italia, 1944–1945: Atti dei convegni di Verzegnis. Tolmezzo (Ud.), 2008.

⁶ Verardo F. I cosacchi di Krasnov in Carnia. Udine, 2010; Verardo F. Krasnov l'atamano. Storia di un cosacco dal Don al Friuli. Gorizia, 2012; Verardo F. «Otkryt kazačij gospiťal'». L'occupazione cosacco-caucasica della Carnia attraverso le cartelle cliniche dell'Ospedale Sant'Antonio Abate di Tolmezzo // Storia Contemporanea in Friuli. Udine, 2013. № 43. A. XLIII.

⁷ Мартынов Б.Ф. Генерал И.Т.Беляев и «Русский очаг» в Парагвае // Новая и новейшая история. 1992. № 5. С. 41–58.

воззрений, жизненного опыта и надежд, сформировавшихся в прежних событиях российской истории»¹.

А.В. Мартынов, отвечая на вопрос о моральной оправданности коллаборационизма, обращает внимание на то, что эмигранты первой волны не могут считаться изменниками родины, так как формально не были гражданами СССР². Призывая разбирать каждый конкретный случай отдельно, он утверждает, что сотрудничество с нацизмом было трагической ошибкой³. Это его утверждение не распространяется только на тех, кто служил в рядах СС, – организации, осужденной Нюрнбергским трибуналом.

Очень многие исследователи рассматривали службу российских эмигрантов в РОА, национальных батальонах, добровольческих частях при германской армии как продолжение Гражданской войны⁴. Такой подход особенно был характерен для исследователей казачества. Этому, в частности, способствовали призывы различных общественно-политических деятелей и лидеров казачьей эмиграции.

Л.П. Решетников считает, что лишь меньшая часть российских эмигрантов симпатизировала фашистской Германии. По его мнению, их ненависть к большевизму «мешала разграничить интересы Отечества и интересы политического режима, понять, что в 1941 г. речь шла не о судьбе советской власти, а о судьбе России»⁵. Он утверждает, что только 30% российских эмигрантов из числа способных носить оружие, проживавших в государствах – союзниках Германии или оккупированных ею, пошли

¹ Маньков С.А. Бельгийский коллаборационизм и русская правая эмиграция в 1940–1945 гг. // Нансеновские чтения. 2009. СПб., 2010. С. 90.

² Мартынов А.В. Русское зарубежье и движение коллаборации в годы Второй мировой войны: социальные и психологические аспекты // Русское зарубежье и Вторая мировая война. М., 2013. С. 43.

³ Там же. С. 44.

⁴ Бондаренко В. Архипелаг «Ди-пи». Возвращение второй волны // Вече: независимый русский альманах. 1991. Вып. 42. С. 185.

⁵ Решетников Л.П. Любовь к родине оказалась сильнее классовой ненависти (к вопросу о позиции белой эмиграции во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.) // Проблемы национальной стратегии. М., 2010. № 1. С. 133.

служить на стороне Третьего рейха. Большинство эмигрантов (около 60%) заняли позицию неучастия в войне¹.

Исследователи часто разводят такие явления, как Русское освободительное движение (РОД) и КОНР. В частности, А. Казанцев считает, что неправильно ставить знак равенства между ними. Первое, полагает он, было попыткой освободиться как от власти коммунистов в СССР, так и отстоять независимость от внешнего врага в лице Третьего рейха и его сателлитов².

По словам британского исследователя Д. Карова, практически все граждане СССР ненавидели советскую систему³. Считаем, он в корне неправ. Говоря о казачестве, которое пережило тяжелые годы Гражданской войны и последующих репрессий, порой на грани геноцида, отметим, что большая часть казаков, проживавших на территории Советского Союза, все же были активными защитниками родины и борцами с фашистскими войсками.

И.А. Дугас и Ф.Я. Черон считают, что «Власов показал себя патриотом, твердо стоящим на позициях Русского Освободительного Движения»⁴. Такая оценка в целом характерна для тех, кто сам был участником данного движения. Однако в работах отечественных авторов встречаются подобного рода утверждения, в частности, сравнение генерала А.А. Власова с французским генералом Ш. де Голлем и характеристика власовского движения как общенационального, пользовавшегося поддержкой большинства населения оккупированных немцами территорий СССР⁵.

В то же время князь А.А. Трубецкой отмечал, что если белые офицеры переживали за судьбу генералов П.Н. Краснова и А.Г. Шкуро и тех российских эмигрантов, включая казаков, которые выбрали «неправильный

¹ Решетников Л.П. Любовь к родине оказалась сильнее ... С. 134, 135.

² Казанцев А. Третья сила. История одной политики. М., 1994. С. 153.

³ Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000. С. 8.

⁴ Дугас И.А., Черон Ф.Я. Указ. соч. С. 312.

⁵ Ковалев Б.Н. Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы. Новгород, 2009. С. 18.

путь, что часто происходило благодаря сильной немецкой пропаганде», то совсем иначе относились к измене генерала А.А. Власова, дававшего присягу защищать Родину и нарушившего ее¹.

Заслуживает внимания и точка зрения Л.П. Решетникова на причины поддержки частью эмигрантов, в том числе и казаками, Третьего рейха в борьбе с СССР. Он отмечал, что казаки-эмигранты во многом ориентировались на своих атаманов и командиров частей, которые и подтолкнули казаков «к ошибочному шагу»². По мнению Д.Д. Пеньковского, основной причиной активной поддержки казаками германского наступления на СССР было стремление взять реванш за поражение в Гражданской войне и отомстить за казаков, погибших в период репрессий 1920–1930-х гг.³

По мнению П. Крикунова, 15 апреля и 18 августа 1942 г. стали ключевыми датами в истории казачества во Второй мировой войне⁴.

Противоречиво исследователи показывают и взаимоотношения казаков с местным населением в годы Второй мировой войны. Так, итальянские исследователи чаще характеризуют данные отношения как ожесточенное противостояние. Казаки представляются ими такими же жестокими (а порой еще более жестокими) оккупантами, как и немцы. В то же время ряд исследователей, прежде всего эмигрантских, показывают слишком идеалистическую картину взаимоотношений казаков с местным населением⁵. Но были и другие свидетельства. Н.Н. Краснов в своих воспоминаниях отмечал, что некоторые казаки «занимались грабежом и бандитизмом на больших дорогах... насильствовали женщин и жгли селения»⁶. Генерал А.А. Абрамов после инспекционной поездки в 1-ю казачью дивизию

¹ Трубецкой А.А. Недопустимо воевать на стороне врага Отечества // Проблемы национальной стратегии. 2010. № 1. С. 129.

² Решетников Л.П. «А Родина милей...» Белая эмиграция и Великая Отечественная война // Родина. 2010. № 5. С. 65.

³ Пеньковский Д.Д. Казачество: исход и возрождение (1920–2011 гг.). М., 2011. С. 414.

⁴ Крикунов П. Указ. соч. С. 201.

⁵ Беляевский В.А. Дон и Россия. [Сан-Франциско], [1967]. С. 149.

⁶ Краснов Н.Н. Незабываемое. Сан-Франциско, 1957. С. 18.

докладывал начальнику РОВС генералу А.П. Архангельскому, что казаки 5-го казачьего полка отличились как при участии в боевых действиях, так и в грабежах мирного населения¹.

В 1963 и 1964 гг. были опубликованы монографии Э. Керна, в которых анализировалось участие казаков во Второй мировой войне на стороне Третьего рейха². В британской историографии наиболее значимым исследованием в этом плане является монография С. Ньюланда «Казаки в германской армии»³.

Западноевропейские исследователи анализировали так же действия различных воинских казачьих формирований. Особое внимание они уделили наиболее крупной воинской части – 15-му казачьему кавалерийскому корпусу⁴. Для многих зарубежных исследователей при освещении участия казаков во Второй мировой войне был характерен схематический подход⁵.

К роли казачества во Второй мировой войне обращался и германский исследователь С. Стеенберг⁶.

Британский историк Н. Бетелл сосредоточил внимание на выдаче казаков советскому командованию⁷. Своеобразным дополнением к монографии Н. Бетелла, является статья С. Карнера, в которой анализируется процесс репатриации казаков после окончания Второй мировой войны⁸.

Проблема коллаборационизма и пребывания казаков-эмигрантов на территории Италии была освещена в трудах итальянских исследователей Е. Коллотти⁹, Ф. Фабброни¹, А. Иванова² и М. Кошат³. М. Ди Ронко⁴ на

¹ Голдин В.Г. Роковой выбор ... С. 263.

² Kern E. General Pannwitz und seine Kosaken. Göttingen, 1963; Kern E. Les Cosaques de Hitler. Paris, 1964.

³ Newland S. Op. cit.

⁴ Kalben H.-D. Zur Geschichte des XV Kozaken-Kavalerie-Korps. München, V. I–IV. 1963–1966.

⁵ Lannoy F. Les Cosaques de Pannwitz. 1942–1945. Paris, 2000.

⁶ Стеенберг С. Власов. Мельбурн, 1974.

⁷ Bethell N. Op. cit.

⁸ Karner S. Zur zwangsweisen Übergabe der Kosaken an die Sowjets 1945 in Judenburg // Die Kosaken im Ersten und Zweiten Weltkrieg. Innsbruck, 2008. P. 141–149.

⁹ Collotti E. Op. cit.

основе документов итальянских муниципальных архивов провел анализ формирования казачьих частей на севере Италии. Интерес представляет исследование по военной и стратегической деятельности казаков, проведенное С. Ди Джусто⁵.

Положение советских военнопленных довольно подробно освещено в работах немецких историков⁶, хотя в большинстве своем они редко выделяли казаков в отдельную группу. Исключением является исследование Э. Керна, посвященное участию казаков во Второй мировой войне⁷.

Ряд западноевропейских исследователей обращались непосредственно к пребыванию казаков за рубежом⁸.

Взаимоотношение казаков-эмигрантов первой и второй волн. Одним из первых проблему деятельности российского военного зарубежья после Второй мировой войны начал изучать В.Ф. Ершов, который определил «основные направления научного поиска»⁹. Более подробно на этом вопросе остановился А.В. Антошин¹⁰. В то же время анализ взаимоотношений различных групп казачества и вообще истории казачьего зарубежья после Второй мировой войны остается белым пятном как в российской, так и в зарубежной историографии. Исследователи только подходят к изучению данной проблемы¹¹.

¹ Fabbroni F. Op. cit.

² Ivanov A. Op. cit.

³ Koschat M. Op. cit.

⁴ Ronco M. Op. cit.

⁵ Giusto S. Operationszone Adriatisches Küsterland. Udine, Gorizia, Trieste, Pola, Fiume e Lubiana durante l'occupazione tedesca 1943–1945. Udine, 2005.

⁶ Streit Ch. Keine Kameraden. Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen 1941–1945. Stuttgart, 1978; Streim A. Sowjetische Gefangene im Hitlers Vernichtungskrieg: Berichte und Dokumente. 1941–1945. Heidelberg, 1982.

⁷ Kern E. General Pannwitz und seine Kosaken. Göttingen, 1963.

⁸ Longworth Ph. Op. cit.

⁹ Ершов В.Ф. Российское военное зарубежье ... С. 134.

¹⁰ Антошин А.В. Российские эмигранты ... С. 86-90.

¹¹ Антошин А.В. Донские, кубанские и терские казаки ... С. 238–241; Антошин А.В. Казачество Дона, Кубани и Терека ... С. 173-176; Якаев С.Н. Указ. соч. С. 13.

По мнению Л. Фостер (США), вторая волна русской эмиграции была более разнообразной по составу, но в основном такая же политическая по характеру как и первая¹.

Взаимоотношение казаков-эмигрантов с другими представителями русского зарубежья. В условиях эмиграции казаки часто общались с представителями других народов России, оказавшихся за пределами своей родины. Наиболее тесные контакты были у кубанских и терских казаков с горцами, а у донских и астраханских – с калмыками. Казаки из числа самостийников имели тесные контакты с украинцами. Проблема взаимоотношений казаков с горцами отражена в исследовании И.Л. Бабич². Она делает вывод о том, что во время пребывания казаков и горцев в эмиграции произошла постепенная «этнизация» кубанских горцев, которая выразилась в том, что произошел их «отход» от кубанских казаков и «приход» к кавказцам³.

Исследователи указывали на тот факт, что казачество было наиболее сплоченной частью российской эмиграции. Ему удалось в наибольшей степени «сохранить за рубежом свой особый мир, войсковую организацию и традиции»⁴.

После Второй мировой войны казаки периодически контактировали не только с горцами, калмыками и украинцами, но и с представителями других народов СССР. Чаще всего эти контакты сводились к участию в совместных антисоветских акциях и днях поминовений. Однако данная проблема не нашла освещения в трудах исследователей и остается белым пятном как в российской, так и зарубежной историографии.

¹ Фостер Л. Военнопленные во второй волне эмиграции: увиденное и прочитанное // Нансеновские чтения. 2009. СПб., 2010. С. 445.

² Бабич И.Л. Кубанцы и кавказцы: вместе и врозь в европейской эмиграции (1919–1930-е годы) // Научная мысль Кавказа. Ростов н/Д, 2012. № 1. С. 84–92.

³ Там же. С. 91.

⁴ Котюков К.Л. Роковое разделение: Русская военная эмиграция в период Великой Отечественной войны на оккупированных территориях Советского Союза и Югославии. М., 2012. С. 92.

Культурные аспекты деятельности казаков-эмигрантов. Как верно отметила Ю.В. Аргудяева, сохранение традиций казаков-эмигрантов зависело от двух групп факторов: 1) местных природных условий и 2) социально-экономической политики принимающего государства¹. В этом плане интересно исследование Л.П. Муромцевой, посвященное анализу сохранения историко-культурной идентичности русского казачества в эмиграции². Данную проблему на примере амурского казачества рассматривают В.А. Пушкарев³ и О.И. Сергеев⁴. Обобщающие исследования по культуре казачьего зарубежья в 1920–1930-е гг. провели О.В. Ратушняк и А.Л. Худобородов⁵.

Большую работу в исследовании культуры казачьего зарубежья проделал К.Н. Хохульников⁶. Он обратился к проблеме издательской и литературной деятельности казаков-эмигрантов⁷. В.К. Чумаченко, анализируя литературу кубанской эмиграции, акцентирует внимание на отражении в ней идей самосознания казаков⁸.

¹ Аргудяева Ю.В. Трансляция забайкальскими казаками хозяйственного комплекса в Трехречье // Владивосток – точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции. Владивосток, 2016. С. 64.

² Муромцева Л.П. Сохранение историко-культурной идентичности русского казачества в эмиграции // Отечественная история. 2008. № 3. С. 77–86.

³ Пушкарев В.А. Амурские казаки в Китае ... С. 17–29.

⁴ Сергеев О.И. Жизнь казачества в условиях зарубежья (Китай): опыт сохранения традиций // Казачество Дальнего Востока России во второй половине XIX–XX вв.: сб. науч. ст. Хабаровск, 2006. С. 150–160; Сергеев О.И. Казачья эмиграция в Китае: опыт сохранения традиционного уклада жизни // Гуманитарная наука в России: соросовские лауреаты: История. Археология. Культурная антропология и этнография. М., 1996.

⁵ Ратушняк О.В. Культура казачьего зарубежья (1920–1930-е гг.) // Культурная жизнь Юга России. Краснодар, 2015. № 2. С. 52–56; Ратушняк О.В., Худобородов А.Л. Культурное наследие казачьей эмиграции // Очерки традиционной культуры казачеств России / под общ. ред. Н.И. Бондаря. Краснодар, 2005. С. 569–577.

⁶ Хохульников К.Н. Казачью славу приумножив. Казачье зарубежье XX столетия: История, культурно-историческое, духовное наследие. Ростов н/Д, 2009; Хохульников К.Н. Культурно-историческое, духовное наследие казачьего зарубежья // Казачество как фактор исторического развития России. СПб., 1999. С. 228–230.

⁷ Хохульников К.Н. Казачьи литературные объединения и издательства в зарубежье // Вторые кубанские литературно-исторические чтения: Материалы научно-теоретической конференции. Краснодар, 2000. С. 50–57.

⁸ Чумаченко В.К. Идеи самосознания казачества в литературе кубанской эмиграции // Человек в мире искусства: информационные аспекты. Краснодар, 1994. Ч. 2. С. 137–139.

Ряд работ посвящен РПЦ, которая играла большую роль в жизни казачьего зарубежья¹. Особо отметим статью М.В. Шкаровского об организации церковной жизни в Казачьем стане².

Часть исследователей сконцентрировали внимание на отдельных элементах казачьей культуры. В частности, предметом специальных исследований стали знаменитые казачьи хоры³.

Послевоенные годы в плане анализа культуры казачьего зарубежья также практически не изучены. В современной исторической науке представлены только отдельные исследования посвященные культуре российской эмиграции в целом⁴.

Завершая анализ основных историографических проблем казачьего зарубежья, отметим, что в 1990-е гг. в российской исторической науке наблюдаются две тенденции: 1) освобождение ее от идеологических штампов и 2) героизация, романтизация, идеализация Белого движения, казачества и эмиграции. Только к началу XXI в. многим исследователям удастся преодолеть проявления второй тенденции и более взвешенно и объективно подойти к анализу научных проблем, связанных с пребыванием казаков-эмигрантов за рубежом.

В рамках исследований, в той или иной степени связанных с казачеством, остается нерешенной основная методологическая и историографическая проблема – определение самого казачества как объекта исследования. Ни в российской историографии, ни тем более в зарубежной, нет общепринятого определения, что есть казачество как таковое. Исследование казачества как социально-исторической общности XX в. еще

¹ Ратушняк О.В. Казачье зарубежье и церковь // Культурная жизнь Юга России. Краснодар, 2014. № 4. С. 67–69; Ратушняк О.В. Церковь и исторические знания как элементы воспитания подрастающего поколения и сохранения национального самосознания казаков в условиях эмиграции // Вестник ПСТГУ. 2015. № 3. С. 77–87.

² Шкаровский М.В. Казачий стан ... С. 190–208.

³ Клинский Е. Указ. соч.; Хохульников К.Н. Кубанские казачьи хоры в эмиграции // Культурная жизнь Юга России. Краснодар, 2003. № 1. С. 20–21.

⁴ Антошин А.В. Культура российской диаспоры в США (1960-е – 1980-е гг.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. Владивосток, 2011. № 1. С. 43–51.

более усложняет эту проблему. При изучении казачьего зарубежья его анализу способствует определение казачества как самостоятельного социально-исторического феномена, являющегося одновременно составной частью российского зарубежья.

Среди других историографических проблем к наименее изученным и, как следствие, наиболее дискуссионным, относятся: определение численности казачьего зарубежья, участие казаков во Второй мировой войне, взаимоотношения казаков-эмигрантов с другими представителями казачьего зарубежья, адаптационные процессы и культурная жизнь казаков в государствах пребывания после Второй мировой войны. При этом источниковая база по истории казачьего зарубежья многочисленна и разнообразна как по содержанию материала, так и по различным видам источников. Однако, несмотря на активное исследование казачьего зарубежья, громадное количество источников практически еще не введено в научный оборот и требует своего осмысления. В то же время изученные автором источники позволяют в полной мере провести комплексное исследование заявленной темы, а, наличие широкого круга методологических, источниковедческих и историографических проблем позволяет не только принять участие в их исследовании, но и предложить собственные варианты их решения.

2 КАЗАЧЬЕ ЗАРУБЕЖЬЕ В 1920–1930-Е ГГ.: ФОРМИРОВАНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

2.1 Эмиграция казаков за границу: предпосылки, причины, география расселения и численность. Реэмиграция казачества

По окончании Гражданской войны в России за пределами родины оказались более 100 тыс. казаков. Одни из них эмигрировали на запад, другие – на восток.

Основная причина того, что часть казачества оказалась в эмиграции заключается в поражении антибольшевистского движения в ходе Гражданской войны в России. Но констатация данного факта не раскрывает того реального многообразия побудительных мотивов и причин частного, порой личностного, характера, которые воздействовали на казаков, побуждая их покинуть родину. Так, некоторые казаки ушли за границу в силу сложившихся обстоятельств, поддавшись общему порыву, который овладел их «братьями по оружию». Кроме того, особый акцент только на поражении Белого движения в Гражданской войне не дает ответа на вопрос: почему за рубеж ушли не все его участники? Значит, все же были определенные причины у одних казаков, чтобы покинуть родину, а у других – остаться в родных краях. Порой к этим причинам добавлялись и объективные обстоятельства. Впоследствии данные факторы будут иметь важное значение при принятии решения о возвращении на родину. Поэтому целесообразно более подробно остановиться на этих причинах и обстоятельствах.

Пониманию мотивов, которыми руководствовались казаки при принятии решения об уходе в эмиграцию, способствует анализ положения казачества накануне и в ходе Гражданской войны.

Анализ положения казаков накануне Гражданской войны показывает, что само казачество было крайне неоднородным. Эта неоднородность

проявлялась не только в разном положении казаков различных войск в азиатской и европейской частях России, но и в расслоении внутри самого казачества. В свою очередь, данный фактор значительным образом сказывался на отношении казаков к революционным преобразованиям и на взаимоотношении казачества с иногородним населением казачьих районов. Другим значимым фактором являлись сословные привилегии казачества, с которыми оно не хотело расставаться. В первую очередь это касается особого характера землевладения на территории казачьих войск. В то же время само казачество не было единым по своим взглядам на существовавшие принципы землевладения и землепользования¹. Кроме того, стремясь сохранить сословные привилегии, казаки уже давно тяготились сословными обязанностями, возложенными на них государством.

Еще одним значимым фактором, повлиявшим на позицию казачества в годы революции и Гражданской войны и, как следствие, на принятие решения о последующей эмиграции, послужило то обстоятельство, что казаки в большинстве своем были одними из активных участников Первой мировой войны, несли все тяготы и лишения, связанные с войной, и вследствие этого психологически испытывали усталость от боевых действий. Не случайно в большинстве своем они первоначально заняли нейтральную позицию в отношении к власти большевиков. Особенно привлекательным для казаков был большевицкий лозунг о прекращении войны. Не случайно многие фронтовики даже благожелательно смотрели на установление в казачьих краях и областях советской власти. Такое отношение казаков к революционным преобразованиям было в значительной степени связано с тем, что отрыв от своих хозяйств за годы войны «деклассировал казачество, притупил инстинкт мелкого собственника»². И только активные действия иногородних, выступивших при поддержке большевистской власти за

¹ Венков А.В. Донское казачество в гражданской войне // Казачество в революциях и гражданской войне. Черкесск, 1988. С. 207–208.

² Ладоха Г. Очерки гражданской борьбы на Кубани. Краснодар, 1923. С. 23.

земельный передел, смогли пробудить у казаков инстинкт собственника¹. Даже революционные комитеты донского казачества, поддерживавшие в целом советскую власть, выступали против передела земли в пользу иногородних². Такое же отношение к земельному вопросу было и на Кубани³.

Активизация иногороднего населения заставляла казачьи правительства идти на определенные уступки⁴. Однако это уже не могло предотвратить в казачьих регионах разгоравшийся пожар Гражданской войны⁵.

Несмотря на происходящие события, большинство казаков заняли выжидательную позицию, допустив занятие казачьих областей советскими войсками⁶. Не было четкой позиции и у казаков Терека⁷. Казаки азиатской части Российской империи занимали такую же нейтрально-выжидательную позицию. Нейтралитет казачества был обусловлен их стремлением избежать междоусобной борьбы⁸. Это также определило безразлично-враждебное отношение казаков к добровольцам во время «ледяного похода»⁹.

Основная масса казачества старалась придерживаться нейтралитета¹⁰. Особенно стремились избежать военной конфронтации казаки-фронтовики¹¹. Они неохотно вступали как в белогвардейские образования, так и в казачьи

¹ Козлов А.И. Истоки колебаний трудящегося казачества в революции // Актуальные вопросы историографии Октября на Дону и Северном Кавказе. Ростов н/Д, 1986. С. 81.

² Какурин Н.Е. Как сражалась революция. М., 1990. Т. 1. С. 164.

³ Покровский Г. Деникинщина. Год политики и экономики на Кубани (1918–1919). Харьков, 1926. С. 15.

⁴ Гольдентул И. Земельные отношения на Кубани. Краткий очерк. Ростов н/Д; Краснодар, 1924. С. 42.

⁵ Какурин Н.Е. Указ. соч. Т. 1. С. 182.

⁶ Богаевский А.П. 1918 год // Белое дело: Ледяной поход. М., 1993. С. 27, 39.

⁷ Губенко О. Терское казачье войско в XV – XXI вв. Ессентуки, 2007. С. 96.

⁸ Деникин А.И. Поход и смерть генерала Конилова // Гуль Р.Б. Ледяной поход. Деникин А.И. Поход и смерть генерала Корнилова. Будберг А. Дневник. 1918–1919 годы. М., 1990. С. 108.

⁹ Какурин Н.Е. Указ. соч. Т. 1. С. 183.

¹⁰ Венков А.В. Указ соч. С. 208.

¹¹ Трут В.П. Кубанское казачество на начальном этапе гражданской войны // Кубанское казачество: проблемы истории и возрождения. Краснодар, 1992. С. 53.

военные соединения¹. В то же время пролетарские слои казачества, также как и иногороднее население казачьих областей, в большинстве своем поддержали советскую власть².

К осени 1918 г. большинство казаков отказались от поддержки советской власти и готовы были выступить против большевиков. Подобной перемене в настроении казаков способствовали различные факторы. Во-первых, земельная политика большевистского правительства усилила в казачестве собственнических настроений³. Некоторые казаки говорили: «Мы не против Советов, а земельку нашу не трожь – не вами дадена»⁴. Во-вторых, обострилось противостояние казаков и иногороднего населения⁵. Это выразилось в репрессиях иногородних, направленных против казачества⁶. В-третьих, жесткая репрессивная политика советской власти к тем, кто не соглашался ее принимать. Все это, в конечном счете, побудило казаков открыто выступить против советской власти⁷. Набирало, в частности, рост повстанческое движение донских, кубанских, терских, оренбургских, уральских и сибирских казаков.

Однако борьба против большевиков не делала казаков автоматическими сторонниками Белого движения в России. Между его лидерами и казаками было довольно много противоречий, порой антагонистических. Одним из главных узлов противоречий между руководителями казачества и руководителями Белого движения было стремление последнего подчинить себе казачьи силы не только в военном, но и в политических и социально-

¹ Зайцев А.А. Мемуарная литература как источник изучения социальной психологии казачества в годы гражданской войны // Казачество в революциях и гражданской войне. Черкесск, 1988. С. 82.

² Лукомский А.С. Воспоминания // Белое дело: Генерал Корнилов. М., 1993. С. 233.

³ Ермолин А.П. Революция и казачество (1917–1920 гг.). М., 1982. С. 93.

⁴ Цит. по: Буденный С.М. Пройденный путь. М., 1958. Кн. 1. С. 43–44.

⁵ Берлизов А.И. Кубанское казачество в гражданской войне (1918–1920 гг.) // Октябрьская революция и изменения в облике сельского населения Дона и Северного Кавказа. Краснодар, 1984. С. 47.

⁶ Деникин А.И. Белое движение и борьба Добровольческой армии // Белое дело: Дон и Добровольческая армия. М., 1992. С. 255.

⁷ Там же. С. 256.

экономических вопросах. В свою очередь часть казачества (в первую очередь донцы и кубанцы) стремилась отстраниться от событий, происходящих в России, избежать переноса Гражданской войны на казачьи земли. Кроме того, за Уралом антибольшевистский лагерь был крайне не однороден и внутри его существовали не меньшие противоречия, чем с большевиками.

Противоречия внутри антибольшевистского движения стали одной из основных причин его поражения в ходе Гражданской войны в России, а победа большевиков и их дальнейшая политика – одной из главных причин эмиграции части казачества за рубеж.

Большую роль в принятии решения об эмиграции сыграла репрессивная политика большевиков. Целенаправленность политики красного террора угрожала существованию казаков и членов их семей¹. Это, в свою очередь, приводило к распространению страха перед большевиками и, как следствие, к попыткам части казаков и членов их семей избежать возможных репрессий путем эмиграции.

Наряду с уже упомянутыми причинами, влиявшими на казаков при принятии решения об эмиграции, немаловажным был и некий элемент случайности. Он выражался в том, что одни казаки и их семьи в силу различных обстоятельств в большей степени страдали от красного террора, а другие – от белого. Этот факт в значительной степени объясняет ситуацию, когда представитель зажиточного казачества оказывался вдруг в большевистском лагере, а казак-пластун (в пластуны в этот период времени шли преимущественно бедные казаки) уходил в эмиграцию вместе с представителями Белого движения, выступавшего в значительной части за реставрацию и сохранение старых порядков.

Пути выхода казаков за границу были различны. Однако четко прослеживаются два основных направления – западное и восточное. На запад уходили преимущественно представители казачьих войск европейской части

¹ Русская военная эмиграция ... 1998. Т. 1. Кн. 1. С. 78.

России – донцы, кубанцы, терцы, астраханцы. В восточном направлении двигались казаки Оренбургского, Уральского, Сибирского, Семиреченского, Забайкальского и других казачьих войск.

Первые казаки оказались за границей в результате разгрома Вооруженных сил Юга России на Черноморском побережье Кавказа. Около 2–3 тыс. казаков после эвакуации из Новороссийска в феврале 1920 г. разместились в Болгарии, Сербии, Греции, Турции и Румынии¹. Данное размещение зависело в значительной степени не от предпочтений казаков, а от того, в какой порт был направлен тот или иной транспорт с эмигрантами. Среди эмигрантов, выехавших в страны Балканского полуострова, было много гражданских лиц и раненых, так как казаки, находившиеся в строевых частях и готовые продолжать борьбу с большевиками, эвакуировались в Крым. В то же время из Новороссийска в Египет был эвакуирован донской кадетский корпус имени императора Александра III (около 500 чел., преимущественно дети)². Часть казаков (в основном кубанцы и терцы) численностью около 1,5 тыс. чел., отступая весной 1920 г. вдоль Черноморского побережья Кавказа, перешли границу с Грузией. Одни из них впоследствии вернулись обратно (кто-то для продолжения борьбы с большевиками, кто-то с целью воссоединения со своими семьями). Другие после относительно недолгого пребывания в Грузии переехали в Турцию, а затем в Болгарию, Чехословакию, Сербию или Грецию.

Около 500 донцов и некоторое количество кубанцев эмигрировали в Китай³. Еще в конце XIX в. на охрану КВЖД были отряжены одна сотня терских казаков, две сотни кубанских казаков. Некоторые из них впоследствии поселились вдоль линии КВЖД⁴. Часть казаков находилась в

¹ Падалкин А. Сколько донских казаков в эмиграции? // Станица. Париж, 1935. № 16. С. 5–6; Солодухин Г. Указ. соч. С. 45–49.

² Отчет о деятельности Донского правительства за границу по 25.09.21. Константинополь, 1921. С. 36, 58.

³ Падалкин А. Указ соч. С. 6.

⁴ Райан Н.В. Россия–Харбин–Австралия: Сохранение и утрата языка на примере русской диаспоры, проживавшей XX век вне России. М., 2005. С. 34, 48.

Маньчжурии еще до революционных событий 1917 г. В большинстве своем это были лица, состоявшие на службе в Охранной страже КВЖД и после службы оставшиеся там же.

В марте 1920 г. отряд имени атамана А.И. Дутова (бывшая отдельная Оренбургская армия) под командованием генерала А.С. Бакича вступил на территорию Китая, перейдя российско-китайскую границу в районе города Чугучак¹. Некоторое время казаки содержались в лагере для интернированных лиц. На границе Монголии и Китая в лагерь для интернированных лиц был помещен отряд оренбургских казаков во главе с генералом Карнауховым. Примерно в это же время из Семиречья в Китай в условиях сильных мартовских холодов перешли остатки войск атамана Оренбургского казачьего войска А.И. Дутова вместе с частью казаков Сибирского и Семиреченского казачьих войск. 1500 казаков были размещены в лагере для интернированных лиц в Кульдже².

Весной 1920 г. ушла в эмиграцию часть казаков Амурского казачьего войска. Они разместились преимущественно в г. Сахалин в Маньчжурии. Около 200 чел. приняло селение Чикадэ. Некоторые казаки, уйдя в Китай, селились рядом со своими бывшими станицами и хуторами. При этом периодически они тайно посещали своих родственников, оставшихся в советской России³.

В конце 1920 – весной 1921 г. из Дальневосточной республики в Китай ушла большая часть забайкальских казаков, проживавших вдоль рек Аргунь и Онон⁴. Некоторые казаки Забайкальского казачьего войска перешли границу и осели в Маньчжурии недалеко от своих бывших станиц. Другая часть забайкальцев отошла в Приморье, соединившись с казаками других казачьих войск. Из Приморья казаки уходили за рубеж как сухопутным, так и

¹ Ганин А.В. Оренбургское казачье войско ... С. 28.

² История казачества Азиатской России: в 3 т. Екатеринбург, 1995. Т. 3. С. 152.

³ Пушкарев В.А. Исторические судьбы амурского казачества (1917–1945 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2015. С. 152–153.

⁴ Аблажей Н.Н. С востока на восток ... С. 31.

морским путем. Уральские, оренбургские, сибирские и забайкальские казаки под командованием генерала В.А. Бородина были размещены в районе г. Гирин. Общая численность казаков вместе с остатками Земской рати под командованием М.К. Дитерихса составила около 7 тыс. чел.¹ В течение последующего года они в большинстве своем осели в Северной Маньчжурии и районе Трехречья.

Часть казаков оказалась уже осенью 1920 г. в Шанхае. Некоторые из них прибыли в Шанхай в надежде оттуда перебраться к генералу П.Н. Врангелю в Крым для продолжения борьбы с большевиками. Однако крушение Русской армии привело к тому, что одни из них так и осели в Шанхае, как, например, генерал П.Г. Бурлин с семьей², или перебрались в Европу, как генерал И.К. Окулич с семьей³.

Значительная группа казаков эвакуировалась из Владивостока осенью 1922 г. в корейский порт Гензан. Постепенно казаки покинули Гензан. Омский и Хабаровский кадетский корпус (среди воспитанников было много казаков) вместе с группой генерала Д.А. Лебедева отбыли в Шанхай. 120 казаков Оренбургского казачьего войска (школа подхорунжих) устроились на работы в Сеуле. Дальневосточная группа генерала Ф.Л. Глебова, состоявшая из казаков Забайкальского, Оренбургского и Сибирского казачьих войск, около 9 месяцев зарабатывала на жизнь в Гензане рытьем оросительных каналов. В августе 1923 г., опасаясь репатриации, казаки под командованием Ф.Л. Глебова покинули Гензан⁴ и в сентябре 1923 г. прибыли в Шанхай⁵. Местные власти запретили группе Ф.Л. Глебова сходить на берег, а он, в свою очередь, отказался увести суда из

¹ История казачества Азиатской России ... Т. 3. С. 153.

² ГАРФ. Ф. 10003. Оп. 12. Катюшка 15. Кадр 387; НИА. Ф. Baronessa M.D. Vrangell, 1915–1944. Vox 14. Folder 1. Письмо П. Бурлина – М.Д. Врангель от 16 декабря 1932 г., г. Нанкин (Китай).

³ ГАРФ. Ф. 10003. Оп. 12. Катюшка 16. Кадр 084; НИА. Ф. Baronessa M.D. Vrangell, 1915–1944. Vox 14. Folder 19. И.К. Окулич. Мои личные воспоминания. 1917–1931 гг.

⁴ История казачества Азиатской России ... Т. 3. С. 153–154.

⁵ ГАРФ. Ф. 5963. Оп. 1. Д. 15. Л. 10.

Шанхая. В результате корабли «Защитник» и «Охотник» провели на рейде Шанхая более трех лет, хотя за это время многие казаки покинули суда и поселились в Шанхае¹. В составе казачьей группы генерала Ф.Л. Глебова в Шанхай прибыла и часть амурских казаков, которые впоследствии осели в его окрестностях². В августе 1924 г. более 400 казаков вместе с генералом Н.С. Анисимовым (в основном казаки Забайкальского и Оренбургского казачьих войск) вернулись на пароходе «Монгугай» во Владивосток³. Часть забайкальцев из группы генерала Ф.Л. Глебова, не пожелавших возвращаться в Россию, были высажены в Шанхае⁴.

Дальше всех из восточно-российских казачьих войск оказались уральские казаки во главе с атаманом В.С. Толстовым. Совершив тяжелый «ледяной поход», потеряв тысячи убитыми, обмороженными, 214 уральских казаков (включая строевых казаков, а также гражданских лиц) вышли 4 апреля 1920 г. из форта Александровский. Впоследствии от этой группы откололись 11 казаков, которые решили идти в Персию морским путем. На двух небольших ветхих лодках они двигались преимущественно по ночам вдоль восточного берега Каспийского моря и через 10 дней прибыли в персидский порт Мешедерес⁵. Основная группа (162 уральца) 2 июня 1920 г. прибыла в г. Ромиан (Персия/Иран), затем в Тегеран. Часть казаков погибли в дороге. В Тегеране несколько офицеров-уральцев поступили на службу в Персидскую кавалерийскую дивизию. Остальные казаки были размещены в британском военном лагере в г. Хамадан. Осенью 1920 г. уральцы по главе с генералом В.С. Толстовым через Курдистан прибыли в Месопотамию и расположились в Танум – британском лагере для интернированных лиц. Несколько уральцев переправились в декабре 1920 г. в Европу, остальные

¹ Мелихов Г.В. Российская эмиграция в Китае (1917–1924 гг.). М., 1997. С. 76.

² Пушкарев В.А. Исторические судьбы амурского казачества ... С. 153.

³ ГАРФ. Ф. 6679. Оп. 1. Д. 18. Л. 2.

⁴ ГАРФ. Ф. 5963. Оп. 1. Д. 15. Л. 10.

⁵ ГАРФ. Ф. 10003. Оп. 12. Катюшка 16. Кадр 166-167; НИА. F. Baronessa M.D. Vrangel, 1915–1944. Box 14. Folder 21. История 11 уральцев.

вместе с генералом В.С. Толстовым были отправлены англичанами в августе 1921 г. во Владивосток, куда прибыли в сентябре 1921 г. Осенью 1922 г. часть уральцев переместились в Харбин, а часть вместе с атаманом В.С. Толстовым – в Шанхай¹. Из Китая 113 уральцев уехали в Австралию². Первая группа (66 чел.) прибыла через Шанхай и Нагасаки в Брисбен. Постепенно в Австралию перебрались оставшиеся казаки³.

Некоторые казаки оказались за рубежом в результате переплетения нескольких событий. Донцы и кубанцы, попавшие в плен на Черноморском побережье Кавказа после разгрома армии генерала А.И. Деникина, были впоследствии направлены на запад для участия в советско-польской войне. В ходе нее многие из них покинули свои части и были интернированы в Польшу. Всего в польских лагерях находилось до 2,5 тыс. донцов и около 100 кубанцев⁴. В Польшу попали и казаки других казачьих войск. В 1920 г. в составе 3-й Русской армии в Польшу действовал Оренбургский⁵, Уральский и Терский казачьи полки⁶.

Значительную массу казаков-эмигрантов ушедших на запад, дала крымская эвакуация в ноябре 1920 г. По данным источников, Крым покинули более 28,5 тыс. донцов (22 тыс. сторевых казаков и около 6,5 тыс. гражданских лиц)⁷ и 16–18 тыс. кубанцев⁸. Среди выехавших из Крыма находились также представители терского, астраханского, уральского и оренбургского казачеств. Уральские и оренбургские казаки были в свое

¹ Поход уральцев из форта Александровского в Персию. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Поход_уральцев_из_форта_Александровского_в_Персию (дата обращения 28.11.2016).

² ГАРФ. Ф. 6679. Оп. 1. Д. 36. Л. 2 об.

³ Каневская Г.И. Очерки русской иммиграции в Австралии (1923–1947 гг.). Мельбурн, 1998. С. 44.

⁴ Контрреволюционные вооруженные силы за рубежом ... к 1 окт. 1921. М., 1921. С. 16.

⁵ Ганин А.В. Оренбургское казачье войско ... С. 28.

⁶ Ёлкин А.И. Указ. соч. С. 101.

⁷ ГАРФ. Ф. 6899. Оп. 1. Д. 18. Л. 13 а; Д. 20. Л. 119; Ф. 6461. Оп. 1. Д. 284. Л. 1–2.

⁸ Траценко А. Численность казачьей эмиграции // Казачья мысль. Прага, 1935. № 1. С. 16; ГАРФ. Ф. 5935. Оп. 1. Д. 18. Л. 54.

время перевезены в Крым из Грузии, куда до этого они попали после эвакуации войск с Северного Кавказа¹. Отметим, что согласно разведанным Красной армии, многие казаки были против эвакуации за границу и стремились вернуться в родные края².

В Чаталджинском районе Турции расположились более 18 тыс. строевых донцов, а также гражданские беженцы (донцы, 1 880 чел.). На греческом острове Лемнос в декабре 1920 г. разместились 3–3,5 тыс. донцов из состава Русской армии. Помимо этого в лагерь Требинье (Сербия) была направлена 1 тыс. донских казаков с Константинопольского рейда³.

Как следует из секретной сводки разведывательного отдела штаба французской Восточно-Средиземноморской эскадры на 4 декабря 1920 г., расположение частей Русской армии генерала П.Н. Врангеля в Галлиполи, и особенно в Чаталдже, рассматривалось как временное решение, в отличие от Лемноса⁴.

Из-за отсутствия отдельных статистических сведений по гражданским беженцам их расселение проследить гораздо сложнее. В декабре 1920 г. около 1 200 донцов были отправлены в Каттаро (Сербия)⁵. Более 1 100 донцов разместились в одном из лагерей Турции – в Сан-Стефано⁶. В Болгарию на пароходе «Трувор» 12 декабря 1920 г. прибыли 1 730 донцов⁷. В лагере для гражданских беженцев в Салониках (Греция) были размещены около 1 тыс. донских казаков⁸.

В отношении численности кубанцев на острове Лемнос источники дают разные данные. Скорее всего, их было не более 12 тыс. чел. Остальные

¹ Акулинин И.Г. Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками. 1917–1920. Шанхай, 1937. С. 152.

² Карпенко С.В. Эвакуация Русской армии генерала П.Н. Врангеля из Крыма в освещении разведки Красной армии // Владивосток – точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции. Владивосток, 2016. С. 144.

³ ГАРФ. Ф. 6899. Оп. 1. Д. 9. Л. 13.

⁴ Русская военная эмиграция ... 1998. Т. 1. Кн. 1. С. 261.

⁵ Отчет о деятельности Донского правительства ... С. 31.

⁶ ГАРФ. Ф. 5768. Оп. 1. Д. 6. Л. 3.

⁷ Отчет о деятельности Донского правительства ... С. 54.

⁸ ГАРФ. Ф. 6899. Оп. 1. Д. 20. Л. 119.

кубанцы (4–6 тыс. чел.), как и донцы, находились на кораблях вместе с другими российскими беженцами. Одни из них попали в страны Балканского полуострова, а другие разместились в различных турецких лагерях для беженцев.

В силу определенной неразберихи казаки Терско-Астраханской бригады оказались разделенными на две части. Одна группа казаков (более 400 чел.) во главе с генералом К.К. Агоевым была размещена в Чаталджинском районе в лагере Санджак-Тепе (европейская часть Турции). Большинство казаков (около 1 тыс. чел.) во главе с полковником Г.И. Цугулиевым были высажены, как и кубанцы, на острове Лемнос. К сожалению, о так называемых гражданских беженцах из терских и астраханских казаков информацию найти не удалось.

Впоследствии более 8,5 тыс. донских и некоторая часть терских казаков переехали на Лемнос. Казаки, оставшиеся в лагерях Чаталджи, вернулись в Советскую Россию (3 780 чел.)¹, переехали в ЧСР (около 1,5 тыс. донцов), были вывезены на остров Халка (250 донцов), перевезены в Венгрию (86 чел.), переведены в Галлиполи (476 донцов)². Остальные донцы и терцы переехали в Болгарию, Грецию, Сербию или остались в Турции. Некоторое количество казаков умерли от ран и болезней или были убиты при переходе турецкой границы.

Покинули казаки и Лемнос. Одни вернулись в Советскую Россию (4 411 донцов и 3 270 кубанцев), другие уехали в Болгарию (4 200 донцов и 1 460 кубанцев), Сербию (640 донцов и 4 167 кубанцев) и на материковую Грецию (1 746 донцов и 750 кубанцев)³. Остальные кубанские и донские эмигранты перебрались в Турцию, а оттуда впоследствии переезжали в другие страны.

¹ Падалкин А. Указ. соч. С. 7.

² Отчет о деятельности Донского правительства ... С. 33–35; Казаки в Чаталдже ... С. 54, 59.

³ Падалкин А. Указ. соч. С. 7; Казаки в Чаталдже ... С. 160; Отчет о деятельности ... С. 33, 36; ГАРФ. Ф. 6461. Оп. 1. Д. 284. Л. 2; Ф. 5935. Оп. 1. Д. 21. Л. 70.

В конце марта 1921 г. в Советскую Россию выехали 236 чинов Терско-Астраханского полка¹. В июле 1921 г. из состава полка были исключены казаки, убывшие на работы в Болгарию (108 чел.) и Грецию (35 чел.)². В течение всего пребывания в лагерях Санджак-Тепе и на Лемносе терцы в одиночку и небольшими группами переходили на положение беженцев. Встречались случаи, когда некоторые казаки просили зачислить их обратно в полк из беженского лагеря³.

852 донца, 177 кубанцев и не более 30 терцев были перевезены с Лемноса в Бразилию. Часть донских, кубанских и терских казаков записались во французский иностранный легион⁴.

Еще более 1 тыс. казаков (почти все донцы) в ходе советско-польской войны были интернированы в Германии⁵. Часть кубанцев (2–2,5 тыс. чел.) и донцов (около 20 чел.) в ходе подавления кронштадского мятежа ушли в Финляндию. Часть казаков после разгрома армий генералов Н.Н. Юденича и Е.К. Миллера ушли в Финляндию, Эстонию и Латвию. Но в подавляющем большинстве казаки не задерживались в этих государствах и пытались перебраться в другие страны, преимущественно во Францию⁶.

Постепенно казаки разъехались по многим европейским государствам. В большей степени их привлекали Франция, Югославия, Чехословакия, Болгария, Польша. В одиночном порядке и небольшими группами казаки размещались в Бельгии, Великобритании, Германии, Румынии, Венгрии и ряде других европейских государств. Порой и в государствах непродолжительного пребывания казаков они играли определенную роль в структуре российского зарубежья, прежде всего его военной составляющей.

¹ ГАРФ. Ф. 6906. Оп. 1. Д. 1. Л. 35–38.

² Там же. Д. 2. Л. 40–42.

³ Там же. Д. 1. Л. 64.

⁴ Ратушняк О.В. Казачество в эмиграции (1920–1945 гг.). Краснодар, 2013. С. 71.

⁵ Казачьи думы. София, 1923. № 5. С. 20–21.

⁶ ГАРФ. Ф. 5816. Оп. 1. Д. 53. Л. 16–16 об.

Например, есаул Иловайский был помощником генерала А.А. фон Лампе, который возглавлял военное представительство в Венгрии¹.

Италия не относилась к числу стран, наиболее притягательных для казаков-эмигрантов. Одна из главных причин отсутствия у них интереса к стране – господство католической церкви и католической культуры среди местного населения и отсутствие (за редким исключением) православных приходов. Более того, на лиц, исповедующих православие, очень часто местное население и духовенство смотрело как на еретиков². Другой еще более значимый фактор, заключался в том, что при довольно высокой дороговизне жизни в стране было практически невозможно для иммигрантов найти работу, включая самый тяжелый физический труд³. Многие итальянцы сами уезжали на заработки из страны (преимущественно во Францию). Кроме того, в отличие от правительств многих других европейских государств, итальянские власти не оказывали эмигрантам из России никакой финансовой помощи⁴. Поэтому основную массу незначительной колонии выходцев из России составляли лица, имевшие хоть какой-то капитал («бывшие помещики, бывшие коммерсанты, бывшие банковские деятели, бывшие владельцы фабрик, заводов, бывшие бюрократы и т.д.»⁵). Не стоит списывать со счетов и политику итальянского правительства. Утвердившаяся диктатура Б. Муссолини и фашизация страны отпугивали значительную массу российских эмигрантов из так называемого демократического лагеря. В свою очередь, Муссолини и правящие итальянские круги относились к большинству российских эмигрантов подозрительно, считая их

¹ Русская военная эмиграция ... 2010. Т. 5. С. 175.

² Нивьер А. Русское православное духовенство в Италии (1920–1980) // Россия и Италия. М., 2003. Вып. 5: Русская эмиграция в Италии в XX веке. С. 62.

³ Первухин М. Русская колония в Италии (от нашего римского корреспондента) // Россия и Италия. М., 2003. Вып. 5: Русская эмиграция в Италии в XX веке. М., 2003. С. 80.

⁴ Петрушева Л.И. Русская эмиграция в Италии по документам Пражской коллекции Государственного архива Российской Федерации // Русские в Италии: культурное наследие эмиграции: Междунар. науч. конф. М., 2006. С. 119.

⁵ Первухин М. Указ. соч. С. 80.

«зараженными большевизмом»¹. Для тех, кто был не против переехать в Италию, несмотря на все описанные факторы, основным препятствием зачастую было получение итальянской визы на въезд в страну².

В Италии размещались преимущественно эмигранты, имевшие связи со страной еще до революционных событий. Они чаще всего имели здесь родственников или собственность. Естественно, что в стране преобладали представители российской аристократии³. Не случайно А. Перов в путевом очерке «Русские в Италии», опубликованном в 1937 г. в «Новом русском слове» (Нью-Йорк), описывая жизнь русских иммигрантов в стране, отмечает, что «все более или менее устроены»⁴. Русская диаспора в Италии настороженно отнеслась к беженцам периода Гражданской войны. Только отдельные представители казачества надолго задержались в Италии. В 1920–1930-е гг. здесь проживали донские генералы И.П. Астахов и А.А. Карнеев⁵.

В отличие от казаков, эмигрировавших в европейские государства, в Китай казаки уходили практически на протяжении 1920–1930-х гг. Большие группы казаков-амурцев вместе с семьями бежали в Маньчжурию в 1924 г. в результате подавления Зазейского восстания и в период коллективизации 1931–1932 гг. Большинство казаков переходили границу в одиночку⁶. Вообще в период коллективизации наблюдался довольно большой отток казаков из страны. Преимущественно это были казаки азиатской части России, находившиеся в непосредственной близости от Китая⁷. Казаки составляли 17,5% в общей массе российских эмигрантов в Китае⁸.

¹ Талалай М.Г. Организация русских эмигрантов во Флоренции (1917–1949) // Россия и Италия. Вып. 5. Русская эмиграция в Италии в XX веке. М., 2003. С. 34.

² Комолова Н.П. Русское зарубежье в Италии (1917–1945 гг.) // Русская эмиграция в Европе (20-е-30-е годы XX века). М., 1996. С. 53.

³ Волков С.В. Русская военная эмиграция в Италии // Русские в Италии: культурное наследие эмиграции. М., 2006. С. 138.

⁴ Демидова О.Р. «Образы Италии» и Зарубежная Россия (1920–1930-е гг.) // Русские в Италии: культурное наследие эмиграции. М., 2006. С. 270–271.

⁵ Волков С.В. Русская военная эмиграция в Италии ... С. 146–147.

⁶ Пушкарев В.А. Исторические судьбы амурского казачества ... С. 153.

⁷ АВП РФ. Ф. 100. Оп. 34. Папка 132. Д. 48. Л. 59.

⁸ ГАХК. Ф. Р-1128. Оп. 1. Д. 135. Л. 12.

К началу 1930-х гг. только на северо-востоке Китая насчитывалось около 35 тыс. казаков (включая женщин и детей)¹.

Некоторое количество казаков разместилось на северо-западе Китая в провинции Синьцзян (около 5,5 тыс. чел.). В основном это были представители Уральского и Семиреченского казачьих войск².

В Харбине в середине 1930-х гг. насчитывалось 9 казачьих станиц, в которые были объединены казаки по войсковому признаку. 1 станица и 14 казачьих поселков существовали в Трехречье, вдоль западной ветки КВЖД. По восточной линии КВЖД располагались еще 3 казачьи станицы и 3 поселка. Всего в Китае на протяжении 1920–1940-х гг. насчитывалось в разное время 26 казачьих станиц и 27 казачьих поселков. В Маньчжурию переселилось более 10 тыс. казаков-забайкальцев. Это была самая многочисленная казачья группа³.

В Тяньцзине обосновались преимущественно казаки Сибирского казачьего войска. При этом их численность позволила основать в 1929 г. свою станицу⁴.

По мнению В.А. Пушкарева, восточную часть России покинуло около 50 тыс. казаков с членами семей⁵. В целом данная цифра близка к истинной с учетом процесса репатриации и того факта, что в течение 1920–1930-х гг. происходили переходы части казаков, размещавшихся вдоль границы, в Китай и обратно. Большинство из них первоначально располагалось в непосредственной близости от советско-китайской границы. Это было связано и с надеждой на скорое возвращение, и с тем, что здесь фактически сохранялся своеобразный кусок русского мира/России. Так, по данным

¹ ГАХК. Ф 829. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–4.

² Мелихов Г.В. Российская эмиграция в Китае ... С. 117.

³ Аблажей Н.Н. С востока на восток ... С. 143.

⁴ ГАРФ. Ф. 10003. Оп. 12. Катюшка 17. Кадр 068; НИА. Ф. Baronessa M.D. Vrangeli, 1915–1944. Box 15. Folder 9. Тяньцзинская станица.

⁵ Пушкарев В.А. Исторические судьбы амурского казачества ... С. 154.

НКВД, в 1923 г. в полосе отчуждения КВЖД насчитывалось всего 400 тыс. выходцев из России¹.

По данным Л.П. Черниковой, казаки-эмигранты в Китае были по численности на четвертом месте после русских, евреев и украинцев².

Некоторые казаки пытались добраться из Китая в Европу. Так, в 1924 г. в Югославию прибыли кадеты Хабаровского и Сибирского корпусов³.

Местом пребывания казаков-эмигрантов стали также Австралия и ряд государств американского континента, Африки и Ближнего Востока. 4 ноября 1923 г. в Австралию прибыла первая группа казаков. В течение 1920–1940 гг. в Австралию иммигрировали около 700 казаков. Большинство из них поселились в Квисленде и Брисбене⁴. Небольшими группами и в одиночном порядке казаки прибыли в США, Канаду, Аргентину, Бразилию, Парагвай, Чили и ряд других государств. Первые казаки уже летом 1921 г. оказались в странах Латинской Америки. В Бразилию с Лемноса были перевезены 852 донца, 177 кубанцев и около 30 терцев. Есаул Всевеликого войска Донского В. Серебряков из Турции переехал в Аргентину, а впоследствии в 1924 г. вместе с генералом И.Т. Беляевым и несколькими офицерами русской армии переехал в Парагвай⁵.

На африканском континенте и Ближнем Востоке казаки оказались преимущественно в составе иностранного легиона французской армии.

При рассмотрении вопроса о численности казачества за рубежом особое внимание следует уделить проблеме репатриации казаков. Выделяются периоды преобладания стихийной реэмиграции и организованной. В ходе стихийной реэмиграции казаки с помощью рыбаков и контрабандистов

¹ Мелихов Г.В. Российская эмиграция в Китае ... С. 58.

² Черникова Л.П. Национальный и социальный состав российской эмиграции в 1920-е – 50-е гг. XX в. // Владивосток – точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции. Владивосток, 2016. С. 358.

³ Гурковский В.А. Российские кадетские корпуса за рубежом: к десятилетию создания Фонда содействия кадетским корпусам имени Алексея Йордана. М., 2009. С. 33.

⁴ Мартынова О.А. Эмиграция казаков в Австралию // Владивосток – точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции. Владивосток, 2016. С. 189.

⁵ Овчинников И. Указ. соч. С. 41.

предпринимали попытки достичь родной земли по суше или морем. Для организованной реэвакуации характерно официальное возвращение на родину относительно больших партий репатриантов.

Переходным моментом от стихийной (неорганизованной) реэмиграции из Европы к официальной (организованной) является конец 1920 – начало 1921 гг., когда группа казаков, перевозимых на Лемнос с чаталджинских лагерей, отказалась высаживаться на острове. По одной версии, казаки потребовали от французов отправить их на родину, что и было сделано¹. По другой версии, после открытой агитации за возвращение в Россию, французы фактически насильно отправили часть казаков в Новороссийск².

В начале января 1921 г. генерал Ш. Шарпи в своем приказе комендантам лагерей объявил, что одной из главных задач является оказание содействия российским беженцам в возвращении на родину. При этом необходимо было сохранить авторитет командования Русской армии³.

В середине марта 1921 г. французское командование под угрозой прекращения финансирования предложило всем военнослужащим Русской армии выбрать один из вариантов: возвращение на родину, переход на самостоятельное существование или переезд в Бразилию. Отдельным военнослужащим предлагалось вступить во французский иностранный легион. Этот ультиматум вызвал жесткий ответ генерала П.Н. Врангеля. Он попросил высадить части Русской армии на черноморском побережье Кавказа для продолжения борьбы с советской властью. В то же время сам П.Н. Врангель был непротив избавиться от лиц, вносивших в армию дух разложения⁴. Он также не особенно препятствовал возвращению в Россию гражданских беженцев.

¹ Лунченков И. Указ. соч. С. 25–26.

² ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 185. Л. 4–5.

³ Там же. Л. 3–4.

⁴ Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х гг. (гражданские беженцы, армия, учебные заведения). М., 1994. С. 45–46.

Казачьи атаманы и правительства противились в целом процессу репатриации казаков, но делали это не слишком активно в силу того, что сами ничего не могли им предложить в плане устройства жизни в условиях эмиграции. В силу этого они ограничивались преимущественно запугиванием казаков публикациями о репрессиях советской власти в отношении тех, кто вернулся на родину.

Отметим, что советское правительство к марту 1921 г. само еще четко не определилось в своем отношении к процессу репатриации. Это видно, в частности, из аналитической записки, подготовленной НКВД СССР и направленной в ЦК РКП(б)¹.

При анализе репатриации необходимо учитывать и субъективную сторону процесса. Среди казаков, оказавшихся на чужбине, были и пожилые люди, женщины, дети, оторванные от своих родных, оставшихся в России.

Таким образом, успеху французской агитации, побуждавшей казаков вернуться домой, способствовал целый комплекс причин. Результатом этого стало возвращение в Россию в феврале 1921 г. около 4,5 тыс., в марте – более 5,5 тыс. казаков. Французы предлагали им ехать работать на нефтяные работы в Батум. По выполнению двухгодичного контракта казаки амнистировались и получали возможность вернуться на родину. В Батум летом 1921 г. уехали еще около 2 тыс. казаков. Только с Лемноса и из Турции в Россию в 1921 г. вернулись 8 891 донец, 3 270 кубанцев и около 200 терцев².

Наряду с организованными отправками продолжались тайные попытки возвращения казаков на родину, преимущественно мелкими группами. По вполне понятным причинам количество выехавших при помощи рыбаков и контрабандистов, а также тех, кто нелегально перешел границу, установить невозможно. Тем более многие из них погибали в пути.

¹ РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 46. Л. 7.

² Казаки в Чаталдже и на Лемносе ... С. 160; Падалкин А. Указ. соч. С. 7.

Французский период в деле репатриации казаков из Европы заканчивается к августу 1921 г. К участию в расходах по содержанию беженцев французское правительство решает привлечь другие государства, используя Лигу Наций. 27 июня 1921 г. в Совете Лиги Наций было принято решение об избрании верховного комиссара по делам русских беженцев. Ему предписывалось согласовать деятельность как правительственных, так и частных организаций в разрешении беженской проблемы.

16–19 сентября 1921 г. в Женеве на конференции представителей правительств, заинтересованных в разрешении вопроса о беженцах, репатриация была признана наиболее оптимальным средством решения беженской проблемы, с оговоркой о ненасильственном ее характере. Позже на одной из конференций Лиги Наций была попытка пересмотреть данное решение¹.

Однако до мая 1922 г. ничего конкретного в деле репатриации сделано не было. В этот период преобладали неорганизованные и нелегальные отъезды казаков, преимущественно через Болгарию, Грецию, Румынию, Турцию и Польшу. Учитывая, что французы прекратили осенью 1921 г. организованное возвращение эмигрантов за свой счет, период с осени 1921 г. до лета 1922 г. можно отнести к третьему этапу реэмиграции – неорганизованной (по большей части, нелегальной) и не поддающейся какому-либо учету. Известно только, что в этот период только из Болгарии выехало около 1 тыс. донских казаков².

Интересен тот факт, что именно с осени 1921 г. советское правительство начинает активные действия по агитации среди эмигрантов за возвращение на родину. Так, 3 ноября 1921 г. постановлением Президиума ВЦИК РСФСР была объявлена амнистия рядовым участникам Гражданской войны в составе белых армий³. Особое внимание советское правительство уделяло

¹ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 185. Л. 9–14.

² Падалкин А. Указ. соч. С. 7.

³ Русская военная эмиграция ... 1998. Т. 1. Кн. 1. С. 358.

казачеству. Так, предполагалось «принять все меры, чтобы рядовое казачество, обманутое и втянутое разными авантюристами в гражданскую войну, вернулось скорее на родину к здоровому мирному труду»¹. Представители советского правительства в вопросе организации репатриации контактировали с различными представителями казачества, пользовавшимися определенным политическим весом и авторитетом в казачьей среде. В частности велись переговоры с И.П. Тимошенко. Более того, он выдвигал свои условия, при которых кубанцы могли вернуться на родину².

В течение 1921 г. на родину вернулись более 120 тыс. чел. (в том числе казаков)³.

Верховный комиссар по делам русских беженцев не торопился с организацией процесса репатриации. По его мнению, беженцы должны были разместиться в европейских государствах до более благоприятных условий их возвращения в Советскую Россию⁴.

Однако в мае 1922 г. ситуация резко изменилась. Это было связано, как с активизацией деятельности советского правительства в процессе репатриации, так и с набиравшим силу сменовеховским движением.

Активную роль в процессе репатриации сыграли Союзы возвращения на Родину (сокращенно Совнарод) и им подобные организации. Наиболее активно они действовали в Болгарии. Этому благоприятствовали два фактора. Во-первых, заинтересованность правительства А. Стамболийского в сокращении числа российских эмигрантов в государстве. Во-вторых, активная деятельность Болгарской коммунистической партии (БКП), которая была направлена на вытеснение врангелевских контингентов из страны⁵.

¹ Цит. по: Наземцева Е. Тяга в Совдепию. Как большевики возвращали бывших белых из Западного Китая // Родина. 2011. № 10. С. 129.

² РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 35. Л. 146.

³ Шкаренков Л.К. Указ. соч. С. 74.

⁴ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 185. Л. 14–15.

⁵ Спасов Л. Врангеловата Армия в България ... С.168.

Активную деятельность развернул комиссариат по делам русских беженцев при Лиге Наций. Данная активизация была вызвана истощением средств благотворительных организаций, отпущенных на решение беженской проблемы и неудовлетворительных результатов по устройству эмигрантов в европейских государствах. К тому же Советская Россия была признана де-факто рядом государств¹.

В июле 1922 г. между Ф. Нансеном и М. Литвиновым было заключено соглашение, по которому верховный комиссар по делам русских беженцев брал на себя организацию и финансирование репатриации. При этом репатриации подлежали только уроженцы казачьих регионов Юга России, которым советское правительство предоставляло амнистию. Выбор этих регионов определялся их более благоприятными экономическими и «санитарными» условиями². Не исключено, что большевики таким путем планировали повысить авторитет советской власти в казачьих регионах.

С января 1922 г. в Болгарии действовало отделение Общеказачьего сельскохозяйственного союза (ОСХС), созданного в 1921 г. в Константинополе. Руководители ОСХС первоначально выступили против репатриации казаков. Однако впоследствии они объединили с Совнародом свои усилия в вопросе возвращения казаков на родину³.

В плане агитации и пропаганды идеи возвращения на родину использовались различные приемы и методы: обращения и воззвания генералов и офицеров (например, генералов Я. Слащева и А. Секретева), декларации различных объединений эмигрантов и т.п. В них советское правительство признавалось единственной законной властью в России, провозглашалось крушение идеологии Белого движения, осуждались попытки борьбы против советской власти и выражалось желание вступить в

¹ Шейнис З.М. М. Литвинов: революционер, дипломат, человек. М., 1989. С. 186, 202.

² ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 185. Л. 16.

³ Лунченков И. Указ. соч. С. 92.

ряды Рабоче-крестьянской Красной армии¹. Впоследствии подобного рода пропагандистские методы были использованы советским правительством и в отношении дальневосточной эмиграции. Так, весной 1926 г. среди эмигрантов были широко распространены письма и обращения одного из активных участников антибольшевистского движения генерала Б.В. Анненкова. Б.В. Анненков, как и Я.А. Слащев, отличился в годы гражданской войны особыми зверствами и расправами над бойцами Красной армии и мирным населением. В этих письмах Б.В. Анненков обращается как к рядовым казакам, так и к различным общественно-политическим деятелям русского зарубежья (например, к председателю монархической организации в Шанхае Д.И. Казакову) с призывом раскаяния и возвращения на родину².

Важное значение в агитации и пропаганде репатриации придавалось сообщениям тех, кто уже вернулся в Советскую Россию. В них красочно рисовалось хорошее отношение советской власти к репатриантам. Донской казак М. П-ков, вернувшийся в Россию 6 марта 1921 г. через газету «Красное Черноморье» обращался к казакам, оставшимся за рубежом, с призывом «прийти в Советскую Россию с повинной головой»³. В той же газете была опубликована резолюция общего собрания донских и кубанских казаков, в которой казаки благодарят власть Советов за внимание и заботу, оказанную репатриантам⁴. Упомянем и поездку в Советскую Россию 24 членов ОСХС⁵. Целью данной делегации было ходатайство о широкой амнистии и выражение благодарности советской власти за начатое дело репатриации. В Китае казаки также обращались к советским представителям с просьбой разрешить поездку в Москву, с тем, чтобы ознакомиться с условиями жизни в Россию и возможностью возвращения казаков. По словам некоторых

¹ Шкаренков Л.К. Указ. соч. С. 76–77.

² АВП РФ. Ф. 281. Оп. 5. Папка 15. Д. 1. Л. 51.

³ Русская военная эмиграция ... 1998. Т. 1. Кн. 1. С. 330.

⁴ Там же. С. 331.

⁵ Перехов Я.А. О реэмиграции казачества ... С. 70.

членов делегации, многие казаки готовы вернуться, но опасаются репрессий и голода¹.

Усилия советского правительства и тяжелое положение многих эмигрантов привели к тому, что к весне 1922 г. значительное их количество готово было вернуться на родину. Отчеты консульств РСФСР содержали информацию о том, что «большая часть белых заняла сейчас выжидательную позицию с тенденцией к примирению с РСФСР и возврату на Родину»². Обратим внимание на тот факт, что процесс возвращения казаков освещался в прессе, в том числе и советской³. Освещение процесса репатриации с точки зрения советской стороны было ориентировано в меньшей степени на советского гражданина, в большей – на правительства и граждан стран Запада, а также на тех эмигрантов, которые еще были в раздумьях по вопросу возвращения на родину.

Деятельность Совнарода в Болгарии послужила толчком к расширению процесса репатриации, который затронул Францию, КСХС, Венгрию, Румынию и другие государства. Только из Чехословакии в Советскую Россию выехали около 4 тыс. казаков⁴.

В то же время репатриация не во всех государствах развивалась такими темпами, как в Болгарии. Так, в сводке иностранного отдела ГПУ о положении казаков в Германии отмечалось, что казаки непримиримы к советской власти⁵. В Югославии, где были сильны монархические настроения и располагался штаб генерала П.Н. Врангеля, организация Совнарода не получила развития. Более того, именно в Югославии некоторые представители казачества наиболее активно противодействовали репатриации. Так, 12 сентября 1922 г. президиум сбора станичных и

¹ АВП РФ. Ф. 2. Оп. 4. П. 102. Д. 6. Л. 8.

² Там же. Л. 14.

³ Уведенное казачество возвращается в Россию // Огонек. 1923. № 7. 13 мая. С. 14.

⁴ Лунченков И. Указ. соч. С. 87–98; Падалкин А. Указ. соч. С. 8; Шкаренков Л.К. Указ. соч. С. 76–78.

⁵ Русская военная эмиграция ... 1998. Т. 1. Кн. 2. С. 504–505.

хуторских казачьих атаманов в Югославии обратился к руководителю Российского общества Красного Креста (РОКК) в Женеве Ю.И. Лодыженскому с письмом, в котором содержался «энергичный протест против проекта д-ра Нансена о репатриации»¹. В самой Болгарии процесс репатриации также был небезболезненным. В сентябре 1922 г. в Софии состоялось совещание станичных атаманов (преимущественно донцов, так как кубанцев здесь было крайне мало), на котором обсуждались мероприятия, направленные на борьбу с репатриацией казаков². Некоторые из них носили террористический характер. В ноябре 1922 г. был убит активный организатор репатриации, редактор газеты «Новая Россия» П.М. Агеев.

Правительство А. Цанкова, пришедшее к власти в результате июньского переворота 1923 г., свернуло процесс репатриации. ОСХС был распущен, а деятельность Совнарода запрещена. Многие организаторы репатриации подверглись репрессиям со стороны болгарского правительства³. Большинство из них, включая активных участников движения, были арестованы и высланы в СССР. Среди них – 1 300 донцов и некоторое количество кубанцев. Казаки, намеревавшиеся выехать в Советскую Россию, приняли участие в сентябрьском восстании 1923 г. в Болгарии. Многие из них были расстреляны⁴.

Всего при содействии Совнарода из Болгарии вернулись около 5 тыс. донцов, более 1 300 кубанцев и небольшая часть терцев. При этом донцов в 1922–1923 гг. выехало примерно равное количество (по 2,5 тыс. казаков), а кубанцев, соответственно, 200 и 1 100 чел. Подобная статистика объясняется тем, что многие кубанцы расположились в КСХС и, чтобы «всеми правдами и неправдами» добраться до Софии или Варны, им нужно было время.

¹ Политическая история русской эмиграции ... С. 233.

² Русская военная эмиграция ... 1998. Т. 1. Кн. 1. С. 381.

³ Чернявский Г.И., Даскалов Д. Судьбы русской белоэмиграции в Болгарии // История СССР. 1961. № 1. С. 117.

⁴ Русская военная эмиграция ... 2004. Т. 4. С. 63.

В качестве основных причин возвращения казаков домой в сводке иностранного отдела ГПУ назывались: невозможность изыскать средства к существованию за рубежом и тоска по родине¹, и с этим можно согласиться. Хотя были и другие, в том числе сугубо индивидуальные причины. Так, некоторые возвращались, чтобы расправиться с комиссаром, обидевшим кого-то из членов семьи казака. Многие возвращались, получив письма о запустении хозяйства. Другие стремились воссоединиться со своей семьей. Пожилые казаки возвращались для того, чтобы, как они говорили, умереть на родной земле.

С июля 1923 г. по октябрь 1924 г. неофициально Болгарию покинули около 600 казаков. После 1923–1924 гг. реэмиграция продолжалась через советские полпредства в Афинах, Вене и Константинополе или же нелегально. Таким образом, с июня 1923 г. в процессе реэмиграции начался новый этап, который условно можно назвать полулегальным. За пять последующих лет вернулись в Россию более 3 тыс. донцов, примерно 1,5 тыс. кубанцев и часть терцев². Казаки уезжали и после 1928 г., но это были уже одиночки, не оказавшие существенного влияния на изменение численности казачьей диаспоры.

Свертывание репатриации советским правительством к концу 1928 г. связано с рядом моментов. Во-первых, наладились производственные связи внутри страны, и государство уже в меньшей степени было заинтересовано в дополнительных рабочих руках. Во-вторых, укрепившееся советское государство уже не чувствовало такой острой угрозы со стороны военных контингентов Русской армии и других частей, участвовавших в антибольшевистской борьбе. В-третьих, в 1928 г. прекращается легальный выезд советских граждан за рубеж в качестве эмигрантов. Советское правительство тем самым показало нежелание признать права своих граждан

¹ Русская военная эмиграция ... 1998. Т. 1. Кн. 2. С. 599.

² Падалкин А. Указ. соч. С. 8–9.

на эмиграцию и, как следствие, отказывало в таких же правах тем, кто хотел вернуться¹ (напомним, что к этому времени таких практически уже не было).

Репатриация коснулась и тех казаков, которые эмигрировали в Китай. Л.П. Черникова выделяет несколько этапов в репатриации российских эмигрантов из Китая: 1) сразу после окончания Гражданской войны (примерно 3–4 тыс. чел.); 2) после продажи КВЖД (около 25 тыс. чел.); 3) 1937 г. – начало японской агрессии в Китае². Данная периодизация в общих чертах верна и для казачьей эмиграции в Китае. С конца 1921 г. по март 1924 г. проходила первая волна репатриации казаков из Китая. Возвращались преимущественно рядовые участники Белого движения, попавшие под амнистию 1921 г.³ При этом данная репатриация была признана советским правительством как желательной, так и необходимой. Отметим и тот факт, что первоначально китайские власти отправляли эшелоны с репатриантами до китайско-советской границы за свой счет⁴. Большинство репатриантов из казаков и крестьян предпочитали возвращаться на родину с поздней осени до ранней весны. Это косвенно свидетельствует о том, что многие казаки были задействованы в сельском хозяйстве и поэтому предпочитали уезжать после сбора урожая. Они также стремились вернуться в родные края до начала весенних полевых работ. Так, в 1924 г. только из Илийского округа в Китае вернулись около 500 оренбургских казаков, 50 сибирских и до 300 семиреченских⁵.

Постановлением ВЦИК и СНК от 9 июня 1924 г. амнистия участников антибольшевистского движения была распространена на всех рядовых бывших белых армий, расположенных на Дальнем Востоке, в Западном

¹ Фельштинский Ю.Г. К истории нашей закрытости. Законодательные основы советской иммиграционной и эмиграционной политики. Лондон, 1988. С. 121–122.

² Черникова Л.П. Проблемы репатриации в СССР в период 1920–1964 гг. восточной эмиграции из Китая // Владивосток – точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции. Владивосток, 2016. С. 359–360.

³ Аблажей Н.Н. С востока на восток ... С. 57.

⁴ АВП РФ. Ф. 270. Оп. 1. Папка 2. Д. 18. Л. 17.

⁵ АВП РФ. Ф. 304. Оп. 4. Папка 7. Д. 7. Л. 58–59.

Китае и Монголии¹. В Китае создавались комиссии по реэвакуации, в которые входили и представители белой эмиграции, в том числе и казаки². В разъяснении ВЦИК СССР к Постановлению от 9 июня 1924 г. было обращено особое внимание на группы, возглавлявшиеся генералами Ф.Л. Глебовым и Д.А. Лебедевым. В частности, подчеркивалось, что лица, входящие в состав данных групп, должны вернуться на уведенных пароходах³. Возможно, подобное разъяснение, сделанное в октябре 1924 г., стало одной из причин возвращения части казаков. Так, 5 апреля 1925 г. генерал Н.С. Анисимов (бывший атаман Оренбургского казачьего войска) с группой казаков угнал из Шанхая в СССР пароход «Монгугай»⁴. На протяжении 1920-х гг. шел процесс репатриации из Северо-Западного Китая. При этом советское правительство прикладывало определенные усилия, чтобы вернуть обратно как можно больше эмигрантов из России⁵. Так, консул СССР в Кульдже (Синьцзян, Китай) предлагал сократить формальности и время рассмотрения заявлений о восстановлении в советском гражданстве для рядового казачества, так как оно не представляло опасности для советской власти⁶.

Однако в 1930 и 1931 гг. были внесены изменения в процедуру принятия гражданства СССР⁷, в результате которых процесс организованной репатриации на Востоке практически прекратился.

Таким образом, к 1929 г. за границей находились не более 20 тыс. донцов, около 14 тыс. кубанцев и не более 5 тыс. терцев и астраханцев. Эти данные в целом сопоставимы с теми данными, которые приводит генерал

¹ АВП РФ. Ф. 304. Оп. 4. Папка 7. Д. 7. Л. 89.

² АВП РФ. Ф. 2. Оп. 4. П. 102. Д. 6. Л. 19–20.

³ Русская военная эмиграция ... 2015. Т. 7. С. 669, 676.

⁴ Ганин А.В. Оренбургское казачье войско ... С. 29.

⁵ Наземцева Е. Тяга в Совдепию ... С. 128–131.

⁶ АВП РФ. Ф. 2. Оп. 8. П. 111. Д. 23. Л. 10.

⁷ Русские беженцы: проблемы расселения, возвращения на Родину, урегулирования правового положения (1920–1930-е гг.). М., 2004. С. 25.

Ф.Ф. Абрамов в своем письме к баронессе М.Д. Врангель¹. Отметим, что Ф.Ф. Абрамов в своем письме, по-видимому, касался только казаков, которые эмигрировали из России на Запад. На Западе оказались также около 1 500 представителей оренбургского казачества² и некоторое количество казаков других войск Азиатской части России. Определение численности казаков, ушедших на Восток, носит более проблематичный характер, так как многие из них, расположившись недалеко от границы с Россией, часто переходили ее то в одну, то в другую сторону. Кроме того, Китай на протяжении 1920–1930-х гг. сотрясали внутренние конфликты и внешняя агрессия, что делало сложным ведение четкой статистики не только иммигрантов, но и граждан государства. Однако, сопоставляя данные различных эмигрантских обществ и советских консульств в Китае можно предположить, что к началу 1930-х гг. в Китае размещалось более 40 тыс. казаков. Часть казаков умерли в изгнании от старости, болезней и несчастных случаев. Их численность примерно уравнивается с численностью казаков, выехавших из Советской России с целью воссоединения со своими семьями, и с числом казаков, родившихся в эмиграции. В то же время в определенной степени изменилась география расселения казаков за рубежом. Так, со временем казаки выезжали из Финляндии, Германии, Польши, Латвии, Эстонии, Турции, в такие государства, как Франция, Чехословакия, Австралия, США, Канада и некоторые страны Латинской Америки. При этом наблюдались отдельные случаи переезда казаков из Франции в Югославию, из государств американского континента в Европу.

¹ ГАРФ. Ф. 10003. Оп. 12. Катюшка 15. Кадр 287; НИА. F. Baronessa M.D. Vranghel, 1915–1944. Vox. 14. Folder 1. Письмо Ф. Абрамова – М.Д. Врангель от 5 сентября 1928 г., г. София (Болгария).

² Ганин А.В. Оренбургское казачье войско ... С. 30.

2.2 Структура и общественно-политическая жизнь казацкого зарубежья в 1920–1930-е гг.

В эмиграции казачество не стало единым социальным организмом. Среди казаков еще более обострились противоречия, проявившиеся в ходе Гражданской войны. Появились и новые факторы, вызывавшие острую политическую борьбу как среди различных политических групп казаков, так и между ними и представителями других частей российской эмиграции. Отметим, что анализ политической структуры казацкой эмиграции строится на той ее части, которая активно и открыто выражала свои взгляды.

Как и в годы Гражданской войны, борьба между самостийниками и единоподелимцами стала одним из главных направлений политического противостояния среди казацкой эмиграции. Более того, за рубежом в силу целого ряда причин данное противостояние приобрело особую окраску и значимость.

Среди единоподелимцев наибольшей популярностью пользовались идеи федерализма, предусматривавшие определенную самостоятельность казацких территорий в составе России. Наиболее активными проводниками идей федерализма были казацкие атаманы. Будучи в большинстве своем выходцами из российского дворянства и воспитанниками российских военных училищ, они не мыслили себя отделенными от России. В то же время, стремясь сохранить влияние на казацкие массы, атаманы вынуждены были прислушиваться к их чаяниям и стремлениям, а в казацкой среде (особенно среди донцов и кубанцев) еще сильны были воспоминания о бывшей казацкой вольности и об особых казацких привилегиях, включая самостоятельность в решении дел казацких войск.

В годы Гражданской войны среди казаков юго-востока европейской части России, была популярна идея объединения казацких территорий¹.

¹ Ладоха Г. Указ. соч. С. 51.

Тогда же звучала мысль об учреждении казачьей федеративной республики¹. При этом практически всегда подчеркивалось, что подобного рода казачьи автономии – временная мера, вызванная стремлением избежать ужасов Гражданской войны. Очень часто варианты создания самостоятельных государственных образований предусматривали объединение казаков, горцев и степных народов.

За рубежом союз южнороссийских казачьих областей/войск был создан 14 января 1921 г. в форме Объединенного совета Дона, Кубани и Терека (ОСДКТ). Он включал в себя войсковых атаманов и представителей правительств казачьих войск юго-востока европейской части России, которые брали на себя обязательства выступать как одно целое перед правительствами и общественностью зарубежных государств. Позже к объединению присоединились и представители Астраханского казачьего войска².

Данным соглашением войсковые атаманы аннулировали договор с генералом П.Н. Врангелем от 22 июля 1920 г. При этом атаманы подчеркивали, что в случае изменения международной обстановки и положения внутри России, они готовы будут объединиться с общерусскими силами в интересах общей Родины³. В сопроводительной записке на имя генерала П.Н. Врангеля отмечалось, что аннулирование договора не означает полного разрыва отношений с Русской армией⁴. Таким образом, казачьи атаманы, выйдя из подчинения генералу П.Н. Врангелю, пытались сохранить с ним определенные отношения. Это было обусловлено целым комплексом факторов⁵.

¹ Сенцов А.А. Рождение Кубано-Черноморской республики (1917–1918 гг.): Из истории становления советской государственности. Краснодар, 1984. С. 50.

² ГАРФ. Ф. 6461. Оп. 1. Д. 274. Л. 2.

³ Там же. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 61. Л. 29 а.

⁴ Донская летопись. Белград, 1923. № 1. С. 269; Общеказачий журнал. Нью-Джерси, 1952. № 20. С. 50–51.

⁵ Ратушняк О.В. Казачество в эмиграции ... С. 149–150.

«Основные положения казачьей платформы» были утверждены на заседании ОСДКТ в июне 1923 г. Они подтверждали его направленность на свержение диктатуры большевиков, с последующей децентрализацией государственного устройства России¹.

Помимо ОСДКТ в эмиграции было создано много других казачьих объединений и обществ, которые в той или иной степени разделяли идеи федерализма. Одни из них признавали и поддерживали своих атаманов в эмиграции, другие – находились к ним в оппозиции.

Среди казачьих организаций, оппозиционных ОСДКТ, но выступавших за существование казачьих краев в составе российского федеративного государства, наиболее серьезную силу представлял Союз возрождения казачества (СВК), созданный 2 января 1921 г. в Константинополе (Турция). Это было объединение общественно-политических деятелей казачьих регионов, которое занималось созданием за рубежом различных общественно-политических, экономических, культурных объединений казаков. Лидеры СВК стремились охватить возможно больший круг казаков, пытаясь вывести их из под единоличного влияния и контроля войсковых атаманов и правительств².

СВК выступал за освобождение казачьих краев от коммунистической власти и создание самостоятельных казачьих республик Дона, Кубани и Терека, которые впоследствии должны были войти в состав созданной Российской Федерации.

Примерно в 1922 г. в Чехословакии был создан Союз сохранения казачества (ССК). Ее создатель – видный общественно-политический деятель казачьего зарубежья С.В. Маракуев. ССК выступал за сохранение единой и неделимой России с предоставлением незначительной автономии казачьим областям. Несмотря на свою малочисленность ССК выпускал информационный журнал с правым политическим уклоном «Хозяин»,

¹ ГАРФ. Ф. 6473. Оп. 1. Д. 198. Л. 1–1 а.

² ГАРФ. Ф. 6079. Оп. 1. Д. 24. Л. 19.

который пользовался популярностью у части казаков, располагавшихся преимущественно в Чехословакии.

В 1925 г. в Шанхае был образован Казачий союз, объединивший казаков большинства казачьих войск. В него вошли: Амурская, Донская, Енисейская, Забайкальская, Иркутская, Кубанская, Семиреченская, Сибирская, Уральская, Уссурийская казачьи станицы, которые объединяли около 700 казаков. Председателем Союза, возглавившим его правление был избран И.Н. Шендриков¹. Программа Казачьего союза в Шанхае предусматривала «самое широкое самоуправление казачьих краев в составе Великой России». При этом особо подчеркивалось, что «казачьи края – неразрывная составная часть государства Российского»².

Г.М. Семенов весной 1934 г. выступил с программной речью «Казачьи и будущее России». В ней он отмечал, что именно казачеству «принадлежит инициатива в борьбе за национальные идеалы народов России». Будущий государственный строй в России представлялся Г.М. Семенову в форме союзного государства, в основу объединения которого будет положен так называемый имперский россизм³.

Не менее популярны среди казаков-эмигрантов были и идеи полностью самостоятельного существования казачьих краев и областей. Первоначально самостийники в эмиграции были представлены преимущественно кубанскими казаками, которые выступили с идеей отделения Кубани от России еще в годы Гражданской войны. При этом, как и в годы войны, так и в эмиграции, они то выступали за полностью суверенные Кубань, Дон и другие казачьи области, то предусматривали возможность включения казачьих областей в состав федеративного российского государства. Многие из них были противниками восстановления прежней Российской империи и выступали за автономное существование казачьих краев и областей. Так, в

¹ Мелихов Г.В. Российская эмиграция в Китае ... С. 77.

² ГАРФ. Ф. 5963. Оп. 1. Д. 2. Л. 8–10.

³ Семенов Г.М. Казачьи и будущее России // Дальневосточный казак. Харбин, 1934. Март. <№ 3>. С. 7.

октябре 1921 г. в Праге состоялась конференция кубанских политических и общественных деятелей, которые высказались за «независимую Кубань, входящую в Российскую Федерацию, имеющую своими соседями суверенный Дон, Украину, Белоруссию, Горскую республику, Грузию, Азербайджан и Армению»¹. Среди представителей данного течения можно назвать Л.Л. Быча, Т.П. Тимошенко, Ф.А. Щербину, И.Л. и П.Л. Макаренко и др. Одни из них (И.П. Тимошенко) выступали за независимость Кубанской республики. Другие (Ф.А. Щербина) допускали объединение Кубани и Украины в самостоятельное государство.

По мнению С.Ю. Улагая (ярого противника самостийничества), среди самостийников было немало искренних и идейных сторонников идеи независимости казачьих краев. Но при этом он обращал внимание и на тот факт, что немалую роль в расширении социальной базы самостийничества в эмиграции играла «тяжкая, беспросветная, все убивающая жизнь эмигранта – с одной стороны», материальная поддержка данного движения в эмиграции и надежда, что самостоятельность казачьих краев позволит казакам вернуться на родину – с другой².

Однако со временем самостийнические тенденции в эмиграции переродились в мощное вольно-казачье движение (ВКД), которое охватило казаков практически всех казачьих войск бывшей Российской империи. Одним из его инициаторов и активных участников был есаул М.Ф. Фролов³. Свою деятельность он первоначально развернул в Польше, в которой оказался в результате перипетий своего жизненного пути. Фактически с первых дней своего пребывания в Польше самостийники финансировались польскими правящими кругами. Именно с их помощью с августа 1921 г. по май 1922 г. издавалась еженедельная газета «Голос казачества». Во главе

¹ Русская военная эмиграция ... 1998. Т. 1. Кн. 2. С. 445.

² ГАКК. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 37. Воспоминания С.Ю. Улагая. Ч. 3. С. 43.

³ Казачий словарь-справочник. Кливленд, 1966. Т. 1. С. 69–70; Сан-Ансельмо, 1968. Т. 2. С. 234.

газеты стояли активные деятели будущего вольно-казачьего движения И.А. Билый, М.Н. Гнилорыбов, М.Ф. Фролов¹.

Позже ВКД пытался распространить свои идеи среди казаков, располагавшихся в Чехословакии. Кружок казаков-националистов сложился в Праге вокруг журнала «Казачий путь» (позже – «Путь казачества») в середине 1920-х гг. Его представители выступали за объединение казаков в единую организацию националистического характера². Целью данной организации была намечена подготовка казачьих масс к созданию Казакии (единого казачьего государства)³. В начале 1926 г. для достижения заявленной цели были созданы две организации: Общество изучения казачества и Литературная семья. Первая ставила своей целью научную разработку всех вопросов, связанных с жизнью казачества, в том числе доказательство происхождения казаков от одного из славянских племен⁴. Цель второй организации состояла в пробуждении национального самосознания казачества. Деятельность данных организаций привела к созданию и развитию вольно-казачьего движения (ВКД) и образованию летом 1927 г. Союза вольного казачества (Союз ВК). Это была политическая организация, заявившая в качестве основной цели «освобождение казачьих краев и создание из казачьих войск Юго-Востока бывшей России самостоятельного казачьего государства Казакии»⁵.

Самостийники из Союза вольного казачества были недовольны идейной направленностью, которой старался придерживаться редактор журнала «Путь казачества» (В.А. Харламов), и стали издавать свой журнал «Вольное казачество», при этом отдельные публикации в этом журнале печатались на украинском языке. Интересно, что вольно-казачье движение зародилось и получило распространение первоначально в Польше, Чехословакии,

¹ Кириенко Ю.К. Казачество в эмиграции ... С. 6.

² Казакия. София, 1934. № 2. С. 22.

³ Казачий словарь-справочник. Кливленд, 1966. Т. 1. С. 116.

⁴ ГАРФ. Ф. 6473. Оп. 1. Д. 40. Л. 9.

⁵ Там же. Л. 10.

Югославии, т.е. в государствах с преобладанием славянского населения, получивших независимость в результате национально-освободительной борьбы¹.

Созданный как общеказачья организация Союз ВК со временем разделился на две части (донскую и кубанскую), каждая из которых имела своего председателя и секретаря. Это же разделение отразилось и на периодическом издании Союза (журнал «Вольное казачество»), которое с декабря 1927 г. имело двух соредкторов (донца и кубанца)².

Первым пунктом программы Союза ВК было освобождение казачьих земель из-под общероссийской власти. Вторым пунктом планировалось создание Казакии. Разрешение «крестьянского и иногороднего вопроса» предполагалось путем признанием всех (и крестьян, и иногородних) гражданами казачьих республик – казаками³.

Ряд источников указывает, что ВКД финансировалось польскими правящими кругами. На это же обратил внимание и один из его основателей В.Г. Глазков⁴. Польское правительство субсидировало издание печатного органа ВК⁵. Финансирование журнала было одним из факторов того, что он просуществовал вплоть до начала Второй мировой войны (в отличие от большинства других изданий казаков-эмигрантов).

Польское правительство, проводившее полонизацию страны, создавшее по сравнению с другими славянскими государствами максимально неблагоприятную обстановку для проживания российских эмигрантов в стране, в то же время практически открыто поддерживало вольно-казачье движение. Не случайно, открывая III окружной съезд вольных казаков в Варшаве, атаман Ф.М. Штовхань выразил благодарность польскому народу за то, что он не только приютил казаков, но и создал условия для

¹ Кириенко Ю.К. Казачество в эмиграции ... С. 9–10.

² Казакия. София, 1934. № 2. С. 23.

³ Календарь-альманах «Вольного казачества» на 1930. Прага, 1930. С. 24.

⁴ Родимый край. Париж, 1929. № 5. С. 36.

⁵ Казачий словарь-справочник. Кливленд, 1966. Т. 1. С. 116, 117.

деятельности, направленной на освобождение родных краев «от оккупации красных Московитов». Сенатор С. Седлецкий, приветствуя участников съезда, пожелал им «продуктивной работы на освобождение своих краев от оккупации красной Москвы и создания своего независимого государства Казакии»¹.

Регулярное финансирование вольно-казачьего движения, бесплатная массовая рассылка своего журнала создавали условия для расширения его социальной базы. К концу 1920-х гг. вольно-казачьи организации были созданы в Болгарии, Польше и Сербии. При этом в Болгарии и Сербии ВКД столкнулось с сопротивлением монархистски настроенных казаков, генералов и в целом русской диаспоры, поддержку которым оказывали местные правительства.

Интересно, что в Польше, несмотря на материальную помощь со стороны польских правящих кругов, ВКД не получило развития². Возможно причиной этого была незначительная численность казаков в стране, так как в силу антирусской политики польского правительства, многие из них к концу 1920-х гг. переехали в другие государства.

Относительно стабильное финансирование ВКД, с одной стороны, способствовало увеличению его количественного состава, с другой стороны, провоцировало (вкуче с честолюбием отдельных лиц, его возглавлявших) борьбу за руководство движением. Эта борьба, в конечном счете, привела к распаду ВКД на отдельные группировки.

Уже в конце 1928 г. произошел первый раскол³. И.И. Колесов и В.Г. Глазков вышли из состава Союза ВК и основали в начале 1929 г. в Праге журнал-газету «Казачья земля». При этом основные цели ВКД сохранялись⁴,

¹ Кириенко Ю.К. Казачество в эмиграции: споры ... С. 27.

² ГАРФ. Ф. 6473. Оп. 1. Д. 40. Л. 4–6.

³ Там же. Д. 190. Л. 3.

⁴ Казачья земля. Прага, 1929. № 1. С. 1; № 2. С. 1.

и лишь более детально был проработан вопрос об организации и структуре власти в Казакии¹.

В сентябре 1929 г. из Союза ВК вышла кубанская организация во главе с И.А. Билым². Последний провозгласил себя походным атаманом ВКД и сумел удержать в своих руках журнал «Вольное казачество». Донская, терская и калмыцкая организации Союза ВК поддерживали между собой связь, хотя с конца марта 1930 г. действовали фактически самостоятельно³.

25–26 ноября 1933 г. состоялся окружной съезд ВК в Брно⁴, на котором А.А. Билого официально отстранили от руководства ВКД⁵. Была создана новая структура ВКД и учрежден журнал «Казакия».

Часть донцов-самостийников во главе с М.Т. Гребенниковым объединились вокруг журнала «Дон»⁶. По мнению М.Т. Гребенникова и его единомышленников, единой казачьей нации не существует – казачество «разнационально». Они считали создание Казакии неприемлемым. Выступая за независимость Донской республики, М.Т. Гребенников и его сторонники считали, что только скоординированные действия республик Дона, Украины, Кубанского края, Армении, Азербайджана, Грузии и горцев Северного Кавказа помогут им обеспечить независимость⁷. Интересно, что еще в 1928 г. М.Т. Гребенников заявлял: «Наша Родина – Россия, а казачество – составная ее часть»⁸.

Некоторые вольноказачьи организации допускали вхождение казачьих земель в составе российского государства, как, например, Лига возрождения казачества (ЛВК), созданная в начале 1931 г. во Франции⁹. Возможно, подобного рода допущение привело к большей привлекательности ЛВК

¹ Казачья земля. Прага, 1929. № 1. С. 1–2.

² ГАРФ. Ф. 6473. Оп. 1. Д. 189. Л. 46.

³ Там же. Д. 190. Л. 49–58, 67–67 а.

⁴ Вестник ОСХС в ЧСР. Прага, б.г. № 10. С. 16–17.

⁵ Казакия. София, 1934. № 1. С. 3–5.

⁶ Вестник ОСХС в ЧСР. Прага, б.г. № 7. С. 5.

⁷ Дон. Прага, 1933. № 1. С. 2–4.

⁸ Казак. Прага, 1928. № 1. С. 2.

⁹ ГАРФ. Ф. 6079. Оп. 1. Д. 30. Л. 1а; Казачье дело. Париж, 1931. № 1. С. 2.

среди дальневосточного казачества¹. При этом руководители ЛВК заявляли, что казаки отличаются от русского народа и осознают эту обособленность².

Затянувшаяся вражда группировок вокруг журналов «ВК» и «Казакия» привела в конце 1930-х гг. к созданию Союза казаков-националистов (СКН), печатным органом которого стал журнал «Вольный Дон». Инициаторами создания СКН выступали в основном донцы, которые были сторонниками создания отдельных казачьих государств, не исключая их объединение в федеративное государство³.

Дальневосточные казаки, поддержавшие самостийную идеологию, выступили против расколов в среде ВКД, а также против ярко выраженных русофобских тенденций, считая, что все это ослабляет казачье зарубежье⁴.

В Харбине казаки-эмигранты, придерживавшиеся вольно-казачьей идеологии, видя распад ВКД на различные группы, создали свою организацию – Рабоче-крестьянско-казачью партию (РККП). Их политическая программа также предусматривала создание Казакии. В то же время она оставляла место для маневра и сотрудничества с другими общественно-политическими организациями российского зарубежья. Программа предусматривала как выделение Казакии из состава Российского государства, так и возможность существования в нем при принятии принципа федерации⁵.

Большой интерес у казаков на Дальнем Востоке вызвала идея создания Великого княжества Забайкальского, которую продвигали генералы-монархисты А.П. Бакшеев, В.А. Кислицын и В.Ф. Иванов⁶.

Отметим тот факт, что некоторые лидеры и идеологи вольно-казачьего движения, выступавшие за создание самостоятельного государства Казакии,

¹ Малышенко Г.И. Общественно-политическая жизнь ... С. 164–165.

² ГАРФ. Ф. 6079. Оп. 1. Д. 30. Л. 1–1а.

³ Вольный Дон. София, 1937. № 1. С. 1–2.

⁴ Малышенко Г.И. Общественно-политическая жизнь ... С. 166.

⁵ Там же. С. 167.

⁶ Там же. С. 153.

впоследствии отмежевались от него и даже подвергли критике. В 1931 г. генерал И.Ф. Быкадоров заявил о том, что идея Казакии неосуществима и необходимо искать другой путь¹. Позже И.Ф. Быкадоров обратился к казакам с открытым письмом, в котором выступил против самостийнической идеологии².

Вольно-казачье движение пополнялось за счет казаков, которые изначально поддерживали своих атаманов и ОСДКТ. Так, в феврале 1939 г. внутри Общеказачьего союза имени атамана А.М. Каледина в Словакии произошел раскол. В результате казаки-националисты, группировавшиеся вокруг журнала «Казакия», не сумев захватить власть в Союзе, вышли из него, создав Общеказачью станицу в Братиславе во главе с атаманом И.И. Безугловым. Станица была тесно связана с центром казаков-националистов в Праге³.

Естественно, между казаками, поддерживавшими своих атаманов за рубежом, и казаками-националистами, включая «вольных казаков» и «казакийцев», шла ожесточенная борьба. Эта борьба была определена многими причинами, часто взаимосвязанными. И те, и другие боролись за то, чтобы привлечь на свою сторону как можно больше казаков, а также за лояльность и поддержку правительств тех государств, где размещались казаки и казачьи организации, станицы и хутора. Особенно обострилась эта борьба накануне Второй мировой войны. После прибытия в Белград в феврале 1938 г. И.А. Билого в качестве походного атамана вольного казачества в скором времени в югославскую полицию поступило заявление, в котором он обвинялся в покушении на регалии Кубанского казачьего войска, в связях с ГПУ и в шпионаже в пользу Польши. По итогам прошедшего разбирательства вольно-казачьи организации, включая издательство газеты

¹ Кириенко Ю.К. Казачество в эмиграции ... С. 13.

² Там же. С. 14.

³ Гарбулева Л. Очерк из жизни русской эмиграции в Словакии в 1939–1945 гг. // The History of East Central Europe and Russia / ed. By P. Roubal and V. Veber. Prague, 2004. P. 418–419.

«Наша станица» (Белград) и журнал «Вольное казачество» (Париж) были запрещены югославскими властями. Осенью 1938 г. по новому доносу на активных деятелей вольного казачества в Югославии они были высланы из страны¹.

Отметим, что вольно-казачье движение получило широкое распространение преимущественно среди донцов и кубанцев. Ни терские казаки, ни казаки восточно-российских казачьих войск в большинстве своем не поддержали. Так, на собрании казаков-эмигрантов в Шанхае в сентябре 1930 г. было заявлено, что в Шанхае самостийников нет и необходимо положить предел любым сепаратистским устремлениям². В то же время есть данные о том, что вольные казаки существовали и проявляли активность в общественно-политической жизни Харбина³.

Казаки-студенты также приняли активное участие в политических дискуссиях, и особенно в противостоянии единомышленников, федералистов и самостийников. Среди тех казаков, которые получали или продолжили образование за рубежом, многие имели большой жизненный опыт и прошли горнило Гражданской войны. В силу этого радикализм во взглядах был характерен только для части казаков-студентов. Многие из них, считая, что именно политики и политические дискуссии стали причиной революционных событий и последующей Гражданской войны, старались держаться в стороне от политической борьбы, развернувшейся в эмигрантском лагере. Возглавлявший в 1928–1944 гг. Союз русских студентов в Болгарии, донской казак В.С. Голицын отмечал, что более 50% студентов-членов Союза были вне всяких политических обществ, организаций, течений⁴. В то же время среди радикально настроенного студенчества были распространены идеи

¹ Коваленко Е.С. Новое в биографии казака-бандуриста А.П. Черного // Российское казачество: проблемы истории, возрождения и перспективы развития: сб. ст. Краснодар: Традиция, 2016. С. 121.

² Родимый край. Париж, 1930. № 12. С. 28.

³ Малышенко Г.И. Общественно-политическая жизнь ... С. 166–167.

⁴ Хохульников К. Изгнанники // Дон. Ростов н/Д, 1990. № 3. С. 156.

вольно-казачьего движения и образования Казакии как государства казаков. Несмотря на это, значительная часть казаков-студентов поддерживала своих атаманов и политическую платформу ОСДКТ. Одновременно между обоими крылами студенчества шла упорная борьба. Об этом свидетельствуют анализ публикаций и смена состава редколлегии журнала «Казачий сполох», который был официальным печатным органом общеказачьей студенческой станции в Праге¹.

Однако казачество испытывало на себе и перипетии политической борьбы, происходившей в российском зарубежье. Здесь борьба велась преимущественно между монархистами, кадетами и социалистами. При этом политический спектр монархистов был крайне разнообразен. Это не только общеизвестное деление на «николаевцев» и «кирилловцев». В частности, Н. Антоненко выделяет «реставраторов», «конституционалистов», «левых», «легитимистов» и «новых»². Политическая неоднородность казачьего зарубежья подтверждается и данными иностранного отдела ГПУ³. Зарубежное казачество было представлено и яркими монархистами (П.Н. Краснов и М.Н. Граббе), и кадетами (Н.И. Мельников), и эсерами (В.А. Харламов), и меньшевиками (Л.Л. Быч). Отметим, что монархистские идеи были более распространены среди казаков азиатской части России и донских казаков. Так, почти все казачье население Трехречья, состоявшее преимущественно из забайкальцев, позиционировало себя сторонниками монархии. В домах многих казаков стояли портреты императора Николая II и членов его семьи⁴. Не случайно именно в Китае казаки широко поддерживали деятельность Братства Русской Правды – крайне правой законспирированной организации⁵. В Европе казаки-монархисты

¹ Кириенко Ю.К. Казачество в эмиграции ... С. 8.

² Антоненко Н. Прощание с идеализмом. Эволюция русского монархизма // Родина. 2009. № 4. С. 56–58.

³ Русская военная эмиграция ... 1998. Т. 1. Кн. 2. С. 635–651.

⁴ АВП РФ. Ф. 100 «б». Оп. 1. Папка 3. Д. 27. Л. 6.

⁵ ГАРФ. Ф. 5963. Оп. 1. Д. 17. Л. 7.

группировались преимущественно вокруг генералов П.Н. Краснова и М.Н. Граббе, которые политически полностью ориентировались на великого князя Николая Николаевича¹.

Со временем среди казаков-эмигрантов наибольшей популярностью стал пользоваться лозунг «непредрешенчества», суть которого сводилась к тезису о преждевременности решения вопроса о форме государственного устройства России до свержения власти большевиков. В рамках «непредрешенчества» предполагалось, что форму государственного устройства России должен определить весь российский народ. В то же время в эмиграции разгорелась борьба за признание общенационального лидера российского зарубежья, который смог бы объединить и возглавить большую часть российских эмигрантов. Не остались в стороне от этой борьбы и казаки-эмигранты.

В период, предшествовавший Зарубежному съезду, донской атаман А.П. Богаевский попытался добиться согласия великого князя Николая Николаевича о совместных действиях². Однако великий князь высказал пожелание о роспуске ОСДКТ и подчинении казаков ему. В этом его полностью поддержал бывший атаман ВВД П.Н. Краснов. В результате на совещании ОСДКТ было принято решение отказаться от участия в Зарубежном съезде³. Парижская резидентура иностранного отдела ОГПУ сообщала, что «политически Объединенный Совет стоит в оппозиции к Николаю Николаевичу. ... идеологически солидаризуется с П.Н. Милюковым, расходясь с ним только в тактике»⁴. Действительно, П.Н. Милюков предпринимал шаги для установления контактов с казачьими атаманами Дона, Кубани и Терека⁵, которые в свою очередь, как и кадеты, выступали против реставрации абсолютной монархии в России. В программе

¹ Русская военная эмиграция ... 2010. Т. 5. С. 258.

² Там же. 2004. Т. 4. С. 480–481.

³ Общеказачий журнал. Нью-Джерси, 1953. № 20. С. 53–54.

⁴ Русская военная эмиграция ... 2013. Т. 6. С. 181.

⁵ Там же. С. 423.

Казачьего союза, созданного по инициативе атамана ВВД А.П. Богавеского, отмечалось, что в вопросе о форме государственной власти в России казачество подчинится воле русского народа, но «будущее управление страной должно быть построено на началах народоправства», без всякой возможности восстановления в России абсолютной монархии¹.

Казачи на Зарубежном съезде представлены все же были. Казачью фракцию на съезде возглавлял бывший атаман ВВД генерал П.Н. Краснов. В работе съезда принимал участие и атаман Оренбургского казачьего войска генерал И.Г. Акулинин, который выступал в качестве представителя Восточного Казачьего союза в Европе. Впоследствии он представил Совету Восточного казачьего союза подробную информацию о работе съезда. На заседании Совета действия И.Г. Акулинина были признаны правильными и одобрены, за что ему была объявлена благодарность². Идея проведения Зарубежного съезда, а также признание на нем великого князя Николая Николаевича в качестве национального лидера была одобрена и Казачьим союзом в Шанхае³, и Русским национальным объединением на Дальнем Востоке (г. Харбин), в которое вошли Восточный казачий союз и три крупные казачьи станицы – Амурская, Забайкальская, Оренбургская⁴. Уже на первом общем собрании Казачьего союза в Шанхае было принято решение признать, что борьба с большевиками и III Интернационалом за освобождение родины возможна только «под единым водительством ЕИВ великого князя Николая Николаевича, как Верховного Главнокомандующего»⁵. Позже правление Казачьего союза в Шанхае подчеркивало, что имелось в виду подчинение только в военном плане⁶.

¹ ГАРФ. Ф. 6344. Оп. 1. Д. 94. Л. 8–9.

² ГАРФ. Ф. 5963. Оп. 1. Д. 24. Л. 83–84.

³ Там же. Д. 2. Л. 122.

⁴ Там же. Д. 24. Л. 77.

⁵ Там же. Д. 2. Л. 16.

⁶ ГАКК. Коллекция документов ККВ за рубежом. Пер. 1. Кор. 7. Ед.хр. 49. Обращение Правления Казачьего союза в Шанхае. 22.06.1926.

Примерно через полгода после Зарубежного съезда была сделана попытка примирить войсковых атаманов Дона, Кубани и Терека с великим князем Николаем Николаевичем. 12 октября 1926 г. в Монтгарни (Франция) он устроил прием войсковым атаманам Дона, Кубани и Терека¹. Однако атаманы высказали мнение, что в данное время обстановка не дает оснований для внесения каких-либо изменений во взаимоотношения ОСДКТ с великим князем, подчеркнув в то же время, что они готовы, когда наступит благоприятный момент для активных действий, следовать за великим князем в случае поддержки его как русским народом, так и населением казачьих областей². Тем не менее П.Н. Краснов утверждал, что атаманы, ведомые идеей казачьей вольности, «пошли за врагами России»³. В открытом письме к донским казакам он давал им совет «во всех трудных своих обстоятельствах искать помощи у своего Великого князя Николая Николаевича – казака»⁴. Следует иметь в виду, что с ноября 1923 г. П.Н. Краснов по распоряжению великого князя Николая Николаевича находился при нем. Он обращается с очередным открытым письмом к казакам, в котором призывает их объединяться «подле великого князя»⁵.

Часть лидеров казачества, в том числе генерал А.Г. Шкуро, предпочли поддержать великого князя Кирилла Владимировича⁶. Атаман Терского казачьего войска генерал Г.А. Вдовенко в 1923 г. агитировал терских казаков поддержать кандидатуру великого князя Кирилла Владимировича как «единственного законного претендента на Российский престол»⁷. Определенное количество легитимистов было и среди казаков, ушедших в

¹ ГАРФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 61. Л. 39.

² Там же. Л. 8–8 а.

³ Политическая история русской эмиграции ... С. 139–141.

⁴ ГАРФ. Ф. 10003. Оп. 12. Катюшка 15. Кадр 526; НИА. Ф. Baronessa M.D. Vrangel, 1915–1944. Вох 14. Folder 14. Открытое письмо казакам на Дон. 27 февраля (12 марта) 1927 г., дер. Сантени (Франция).

⁵ ГАРФ. Ф. 10003. Оп. 12. Катюшка 15. Кадр 576; НИА. Ф. Baronessa M.D. Vrangel, 1915–1944. Вох 14. Folder 14. Биографические данные донского генерала П.Н. Краснова.

⁶ Русская военная эмиграция ... 2013. Т. 6. С. 24, 30.

⁷ Там же. 2010. Т. 5. С. 280.

Китай. Отметим, что многие общественно-политические деятели и лидеры казачества неоднократно меняли свою политическую позицию в зависимости от общей обстановки, личных амбиций и корыстных интересов. Ярким примером является генерал А.Г. Шкуро¹. А.Г. Шкуро относился к тем казакам-эмигрантам, которым был свойственен дух авантюризма, служащий реализации собственных амбиций и честолюбивых планов. Так, в ноябре 1931 г. он предпринимает попытку установить связи с атаманом Г.М. Семеновым, уверяя его в том, что около 10 тыс. казаков, раскинутых по разным европейским государствам, готовы выступить по приказу А.Г. Шкуро². В 1932 г. А.Г. Шкуро убеждает одного из лидеров русских фашистов в Харбине генерала В.Д. Косьмина, что «все его силы в количестве 20 000 кавалеристов могут сняться в течение трех суток» для выступления вместе с японцами против СССР³. Кроме того, он активно разрабатывает вопрос о переселении казаков из Европы в Маньчжурию⁴. В то же время Г.М. Семенов, ранее, в мае 1924 г. изъявил желание подчиниться великому князю Кириллу Владимировичу и действовать в зависимости от указаний последнего⁵. Позже он пытался (безуспешно) установить связь с генералом П.Н. Красновым и донским атаманом М.Н. Граббе⁶.

Командующий Русской армией генерал П.Н. Врангель, поддержавший великого князя Николая Николаевича, получил от него в начале апреля 1925 г. указания о полном подчинении ему казачьих частей в военном отношении, оставив при этом за казаками право в бытовом отношении подчиняться своим атаманам. Такое компромиссное решение, по мнению П.Н. Врангеля, делало ненормальными и запутанными отношения между казаками и РОВС⁷. Отметим, что борьба за казаков велась также между

¹ Русская военная эмиграция 2013. Т. 6. С. 525–526.

² Там же. 2016. Т. 8. С. 298.

³ Там же. С. 355.

⁴ Там же. С. 531–535.

⁵ Там же. 2015. Т. 7. С. 89.

⁶ Там же. 2016. Т. 8. С. 709.

⁷ ГАРФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 61. Л. 78, 111.

генералом П.Н. Врангелем и генералом П.Н. Красновым, которые оба поддерживали великого князя Николая Николаевича¹.

Несмотря на приказы генерала П.Н. Врангеля, обращения ОСДКТ о невмешательстве Русской армии и казаков в политику, их постоянно использовали (или пытались использовать) как определенную политическую силу². П.Н. Врангель, как и казачьи атаманы, выступал за «непредрешение формы будущего политического устройства России»³. ОСДКТ неоднократно подчеркивал об отсутствии стремления выступить в качестве партийной организации⁴. Его представители призывали казаков в попытках разобраться в политической ситуации доверять своим атаманам⁵. При этом и генерал П.Н. Врангель и войсковые атаманы активно участвовали в политической жизни российского зарубежья.

Если чисто монархистских и кадетских казачьих объединений за рубежом не существовало, несмотря на тягу некоторых из них, в том числе и атаманов, к тому или иному политическому течению, то эсеровская направленность некоторых казачьих организаций была неоспорима. Эсеровских воззрений придерживались, в частности, руководители Союза возрождения казачества. Так, в одной из резолюций ЦК Союза (май 1921 г.) было признано, что для достижения своих целей казачество может и должно координировать свои действия с демократическими силами российской эмиграции, которые отражают их интересы⁶. Как видно из той же резолюции основной упор делался на эсеров⁷. В начале июня 1921 г. на I съезде СВК было решено начать активную борьбу против монархистов⁸. При этом борьба

¹ Русская военная эмиграция ... 2010. Т. 5. С. 609.

² Ратушняк О.В. Казачество в эмиграции ... С. 154.

³ ГАРФ. Ф. 6906. Оп. 1. Д. 8. Л.42–42 а.

⁴ Казачьи думы. София, 1923. № 7. С. 37.

⁵ Там же. № 12. С. 2.

⁶ ГАРФ. Ф. 6079. Оп. 1. Д. 29. Л. 32, 35.

⁷ Там же. Л. 37–38.

⁸ Там же. Д. 24. Л. 2.

велась не только с монархистами и большевиками, но и с другими казачьими группировками, в том числе с войсковыми атаманами¹.

Центром эсеровских организаций казачества стала Прага, поскольку правящие круги Чехословакии наиболее активно поддерживали среди иммигрантов именно представителей эсеровских воззрений².

Со временем СВК раскололся на отдельные небольшие организации. Причиной распада стали честолюбие, амбициозность отдельных его членов и их борьба из-за власти и денег³. Кроме того, раскол СВК на две части в начале 1925 г. произошел из-за вопроса о степени сотрудничества организации с партией социалистов-революционеров (ПСР). Одна группа была согласна даже на подчинение СВК данной партии⁴. В марте 1925 г. лидеры группы заключили соглашение с ПСР о совместных действиях⁵.

Те члены СВК, которые не согласились с таким подчиненным положением в отношении ПСР, образовали Союз единства казачества (СЕК). Со временем из рядов СЕК вышла часть казаков, которые объединились вокруг журнала «Путь казачества», но особой программы у этого объединения не было⁶.

Левое крыло казачества в эмиграции представляло также большинство бывших членов казачьих кругов и рад, созданных в годы революции и Гражданской войны в России. Часть казаков-дальневосточников вошли в состав Крестьянской трудовой партии, образовав в ней казачью группу⁷.

В эмиграции помимо монархистов, кадетов, эсеров в казачьей среде появились и новые политические течения. Одни из них были вызваны к жизни новыми взглядами и воззрениями, сложившимися в условиях

¹ ГАРФ. Ф. 6079. Оп. 1. Д. 25. Л. 4.

² Сладек З. Русская и украинская эмиграция в Чехословакии // Советское славяноведение. 1991. № 6. С. 31.

³ ГАРФ. Ф. 6473. Оп. 1. Д. 196. Л. 52.

⁴ Там же. Л. 35; Д. 40. Л. 9.

⁵ ГАРФ. Ф. 6079. Оп. 1. Д. 23. Л. 1.

⁶ ГАРФ. Ф. 6473. Оп. 1. Д. 40. Л. 8.

⁷ ГАРФ. Ф. 10003. Оп. 12. Катюшка 17. Кадр 075.

эмиграции (сменовеховцы, младороссы). Другие появились в силу заимствования политических идей у организаций и партий, получивших распространение в ряде государств (фашисты).

Определенное распространение среди казаков-эмигрантов получили идеи движения младороссов, началом которого стал Союз «Молодая Россия», переименованный в 1925 г. в Союз младороссов. Выступая за монархическое устройство Российского государства, младороссы в то же время рассматривали сохранение института Советов и создание социальной монархии. В определенном плане младороссы стояли на позициях сменовеховцев, рассчитывая на перерождение социально-политического строя в СССР. Осенью 1927 г. при пражском отделении Союза младороссов был создан Совет казачьего центра, который в 1931 г. стал издавать газету «Казачий набат». В скором времени Совет казачьего центра начал работу по учреждению своих представительств, в том числе и на территории Китая¹. При этом возникновение групп казаков-младороссов в районе КВЖД привело к столкновению между ними и другими казаками. Особенно активно противодействовал распространению младоросских тенденций среди казаков-дальневосточников генерал А.П. Бакшеев. Отметим, что казаки восточнороссийских казачьих войск, приняв идею восстановления монархии, довольно настороженно и скептически отнеслись к идее сохранения Советов в качестве органов власти².

В поисках политических союзников СКДВ одно время тесно сблизился с Русской фашистской партией (РФП). В качестве политической трибуны руководству данной партии предоставлялась возможность публикации своих статей и заявлений в печатном органе СКДВ «Дальневосточный казак». В свою очередь, генеральный секретарь РФП К.В. Родзаевский обращал внимание на то, что фашистская идеология близка идеологии казачества, а

¹ Казачий набат. Прага, 1933. 1 ноября.

² Малышенко Г.И. Общественно-политическая жизнь ... С. 175–176.

призывы русских фашистов нашли отклик в казачьей среде¹. В фашистской газете «Наш путь» существовала так называемая казачья страница, на которой в частности ген. А.П. Бакшеев еще в 1933 г. призывал к единству фашистов с атаманом Г.М. Семёновым². В то же время сам Г.М. Семёнов в мае 1934 г. заявляет о том, что и фашизм, и национал-социализм являются чуждыми и неприменимыми в России учениями, и предостерегает молодежь от излишнего увлечения ими³. Интересно, что одна из причин исключения из Всероссийской фашистской партии (ВФП) одного из ее лидеров А.А. Вонсяцкого была связана с его конфликтом с Г.М. Семёновым⁴.

Отметим, что фашисты и младороссы были наиболее популярны среди политических организаций и движений в Бразилии в 1930-х гг.⁵

Не прошло мимо казаков-эмигрантов и сменовеховское движение, получившее распространение среди части русской эмиграции, и тесно связанный с ним процесс репатриации⁶.

Наиболее активно в процессе репатриации казаков-эмигрантов участвовало отделение ОСХС в Болгарии. К примирению с советской властью и за возвращение на родину выступали и некоторые известные генералы и атаманы времен Гражданской войны, такие как Я.А. Слащев, Б.В. Анненков, Н.С. Анисимов и др.

Однако большинство казачьих атаманов за рубежом выступали против репатриации. Причин было несколько, но основная заключалась в том, что атаманы не хотели лишиться социальной базы, которая придавала им политический вес. Кроме того, чем больше рядовых казаков возвращалось на

¹ Родзаевский К.В. Фашизм и казачество // Дальневосточный казак. Харбин, март 1934. <№ 3>. С. 18.

² АВП РФ. Ф. 100. Оп. 17. Папка 33. Д. 27. Л. 40.

³ Политическая история русской эмиграции ... С. 316–317.

⁴ А. Вонсяцкий исключен из фашистской партии // Харбинское время. Харбин, 1934. 10 декабря. С. 2.

⁵ Хисамутдинов А.А. По странам рассеяния ... С. 135.

⁶ Перехов Я.А. Сменовеховство и казачья эмиграция ... С. 75.

родину, тем под большее сомнение ставился антинародный характер советской власти.

Не менее важным в политической жизни казачьего зарубежья был вопрос об отношении к тем или иным объединениям и обществам, созданным российскими эмигрантами.

Считая себя представителями государственной власти своих краев и областей, войсковые атаманы и правительства воздерживались от представительства ОСДКТ в различных общественно-политических и экономических организациях. В Меморандуме Генуэзской конференции ОСДКТ, называя себя представителем высшей власти казачества юго-запада России, заявлял о готовности сотрудничества с иностранным капиталом при условии, что казачьи земли будут освобождены от большевистской власти¹.

Отметим, что далеко не все атаманы казачьих войск за рубежом придерживались такой позиции. Так, атаман Оренбургского казачьего войска генерал И.Г. Акулинин довольно активно участвовал в жизни российского зарубежья. Он входил в Российское центральное объединение в Париже², принимал участие в работе Зарубежного съезда, был избран представителем Русского комитета в Париже в комиссии по вопросу о представительстве русских организаций в составе Нансеновского комитета при Лиге Наций, был членом Главного совета Российского национального объединения, входил в правление Союза Георгиевских кавалеров, в правление и суд чести Общества русских офицеров Генерального штаба. И.Г. Акулинин активно сотрудничал с различными периодическими изданиями российского зарубежья. В частности, он был одним из учредителей газеты «Возрождение», а также редактором казачьего отдела в журнале «Часовой»³. «Для эмигрантских

¹ Русская военная эмиграция ... 1998. Т. 1. Кн. 2. С. 291.

² ГАРФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 94. Л. 67.

³ Ганин А.В. Казак в эмиграции: судьба генерала И.Г. Акулинина (1920–1944 гг.) // Новый исторический вестник. 2004. № 2. С. 145–146.

организаций в Европе Акулинин являлся своего рода экспертом по Дальнему Востоку»¹.

Созданные в Китае Восточный казачий союз в Харбине и Казачий союз в Шанхае активно сотрудничали с различными русскими организациями, действовавшими за рубежом. При этом их основной заботой было, конечно, казачество. Так, согласно Уставу Казачий союз в Шанхае ставил своей целью объединение казаков всех казачьих войск, проживавших в Шанхае, для взаимной поддержки, сохранения казачьего единства и традиций, и разработки решения насущных задач казачества². К ноябрю 1925 г. в Казачий союз в Шанхае входили уже 7 казачьих станиц и групп, а также отдельные казаки различных казачьих войск: Сибирского, Оренбургского, Семиреченского, Иркутского, Астраханского, Донского, Забайкальского, Уссурийского, Амурского и Енисейского³. В Восточный Казачий союз в Харбине входили казаки 9 станиц: Уссурийской, Забайкальской, Сибирской, Иркутской, Амурской, Енисейской, Кубано-Терской, Молодой имени атамана Семенова и присоединившейся к Союзу позднее Оренбургской имени атамана Дутова. Членами союза были также казаки, проживавшие в наиболее крупных пунктах русского эмигрантского населения: Бухади, Цинцинаре, Аньде, Пограничной, Маньчжурии и др. Союз казаков издавал ежемесячный журнал «Казачий клич», а по праздникам и знаменательным датам – однодневную газету⁴.

Некоторые рядовые казаки не только входили в те или иные общероссийские объединения, организации и общества, но и занимали там определенное положение. Например, войсковой старшина Елисеев в 1924 г. состоял в правлении Общества галлиполийцев в Венгрии⁵.

¹ Ганин А.В. Казак в эмиграции ... С. 145.

² ГАРФ. Ф. 5963. Оп. 1. Д. 16. Л. 2.

³ Там же. Д. 1. Л. 61.

⁴ Апрельков А.В., Попов Л.А. Оренбургские казаки в эмиграции ... С. 139-140.

⁵ Русская военная эмиграция ... 2010. Т. 5. С. 184.

Ряд российских эмигрантских организаций в своей деятельности охватывал и казаков. Например, Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии (БРЭМ), учрежденное в 1934 г., «охватило все слои эмигрантов, в том числе и казаков»¹.

Нежелание входить в общероссийские эмигрантские объединения и одновременно необходимость сотрудничества с ними, обусловило создание ОСДКТ таких организаций, как «Казачья помощь» и Казачий союз. Они должны были помочь ОСДКТ расширить свое влияние на казаков.

Комитет «Казачья помощь» позиционировался как аполитичная организация, созданная для оказания помощи и поддержки казакам-эмигрантам, а также защиты их интересов. Для решения этих задач необходимо было установить связи с различными объединениями российских эмигрантов. Помимо председателей донского, кубанского и терского правительств, в состав учредителей Комитета входил генерал И.Г. Акулинин, представлявший Оренбургское казачье войско². Комитет имел представителей во Всероссийском земском союзе, Всероссийском союзе городов и обществе Российского Красного Креста, располагавшихся в Константинополе.

Решение о создании Казачьего союза было принято на съезде казаков, проживавших во Франции, в августе 1924 г.³ На съезде по поручению ОСДКТ А.П. Богаевский обратился к казакам с призывом к объединению для сохранения своих традиций⁴. Через год после образования Казачьего союза в нем числилось 68 казачьих организаций (станций, хуторов, групп), находящихся в 8 европейских странах: во Франции (31), КСХС (11), Болгарии (10), Румынии, Чехословакии, Венгрии, Польше и Германии⁵. О

¹ ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

² Худобородов А.Л. Общественная и политическая деятельность оренбургских казаков в эмиграции (1920 – середина 1940-х гг.) // Оренбургское казачье войско: воинская служба и общественная жизнь. Челябинск, 1997. С. 160.

³ Ратушняк О.В. Казачество в эмиграции ... С. 160.

⁴ ГАРФ. Ф. 6711. Оп. 2. Д. 5. Л. 2.

⁵ ГАРФ. Ф. 6679. Оп. 1. Д. 9. Л. 1–2.

желании войти в Казачий союз, как объединяющую всех казаков организацию, высказалось и правление Казачьего союза в Шанхае¹.

К 15 декабря 1933 г. в Казачий союз вошли более 90 казачьих организаций из 13 стран².

В конце декабря 1933 г. Общеказачий съезд в Париже принял новый Устав Казачьего союза, в котором не было даже упоминания об ОСДКТ. Данные изменения были вызваны противоречиями, существовавшими между представителями казачьей общественности, входившими в Казачий союз и атаманом ВВД А.П. Богаевским, пытавшимся еще больше подчинить казаков своему влиянию³. Однако формально необходимость реорганизации Союза была обоснована вхождением в него организаций кубанского, терского и уральского войск и необходимостью соответственно распределить их представительство в руководящих органах⁴.

Боязнь потерять влияние в Казачьем союзе и, как следствие, влияние на казаков во Франции подтолкнули А.П. Богаевского на создание Казачьего совета, который должен был представлять интересы всех казаков, размещенных во Франции. В состав Совета генералом А.П. Богаевским были приглашены представители донского, терского, уральского и оренбургского казачьих войск⁵.

В Китае с целью противодействия деятельности Казачьего союза в апреле 1924 г. в Шанхае был создан Совет войсковых атаманов казачьих войск, который возглавил генерал Ф.Л. Глебов⁶.

Бок о бок с казаками в эмиграции оказались и представители народов, проживавших ранее совместно или по соседству с казаками. Первоначально некоторые представители горских народов и калмыки входили в различные

¹ ГАКК. Коллекция документов ККВ за рубежом. Пер. 1. Кор. 7. Ед.хр. 49. Обращение Правления Казачьего союза в Шанхае. 22.06.1926.

² ГАРФ. Ф 6679. Оп. 1. Д. 184. Л. 79.

³ Ратушняк О.В. Казачество в эмиграции ... С. 163–168.

⁴ Казак. Париж, 1933. № 1. С. 10–11.

⁵ Там же. С. 12.

⁶ Русская военная эмиграция ... 2015. Т. 7. С. 87.

казачьи объединения и организации, а казаки являлись членами украинских и горских обществ и объединений. Например, украинцы были широко представлены в Союзе кубанцев в Чехословакии, а кубанские и терские казаки входили в Союз кавказских горцев¹. В этом плане интересен анализ их взаимоотношений в эмиграции. На первый взгляд, оказавшись в тяжелом положении, они должны были еще более сблизиться. Однако далеко не всегда это происходило так. Постепенно стали выделяться в самостоятельные организации и общества калмыки. Несмотря на существование ряда кубано-горских станиц, во взаимоотношениях казаков с горцами также начали проявляться разного рода разногласия. Так, в 1922 г. бывший член Кубанской рады А. Намиток разошелся во взглядах на будущее казачьих и горских краев с Л.Л. Бычом и перестал поддерживать отношения с другими представителями кубанского казачества за рубежом². В 1920–1930-е гг. можно было наблюдать острую полемику между горцами и казаками, развернувшуюся на страницах эмигрантской прессы. Интересно, что со стороны казаков в полемике участвовали преимущественно казакийцы, представители «вольного казачества». Основные споры вызывал территориальный вопрос. Горцы активно протестовали против включения их исконных земель в так называемую Казакию³.

Отметим, что порой казаки входили в общественно-политические и социально-экономические объединения, созданные по принципу землячества. Таково, например, было Общество кубанцев в ЧСР, которое объединяло всех выходцев с Кубани, хотя подавляющее большинство его составляли казаки-черноморцы. Многие из членов правления этого общества входили одновременно в Украинский общественный комитет⁴.

Кроме того, весной 1934 г. в Харбине была сделана попытка объединить казаков азиатской части России в единую Общеказачью станицу, имевшую

¹ Бондаренко И.И., Долейши Й. Указ. соч. С. 196.

² Бабич И.Л. Кубанцы и кавказцы ... С. 89.

³ Там же. С. 90–91.

⁴ Готкова Ю.С. Указ. соч. С. 136-137.

свой печатный орган «Казачество в Азии». Программа данного объединения предусматривала: 1) объединение всех казаков; 2) выработку казачьей идеологии; 3) возрождение самобытности казачества; 4) подготовку общественно-политических деятелей из казаков; 5) воспитание молодого поколения в казачьем духе; 6) борьбу «с поработителями и угнетателями казачества»; 7) благоустройство казаков в эмиграции¹. Союзом казаков на Дальнем Востоке (СКДВ), который возглавлял атаман Г.М. Семёнов, была сделана попытка объединить казаков в Синьцзяне в Сводно-казачью станицу, которая в марте 1938 г. насчитывала около 100 чел. из разных казачьих войск².

Все попытки атаманов и различных общественно-политических деятелей казачьего зарубежья объединить казачество в эмиграции оказались напрасными. Интересна позиция по вопросу объединения и сохранения казачества за рубежом атамана Оренбургского казачьего войска генерала И.Г. Акулинина. В декабре 1922 г. в статье, посвященной проблемам казачества в Югославии, он осудил разрозненность казаков за границей и высказал мысль, что корень всего – в решении экономического вопроса существования казаков в условиях эмиграции³. При этом сам И.Г. Акулинин с целью облегчения жизни казаков-оренбургцев за границей обращался за помощью к различным организациям, включая Лигу Наций, Американский Красный Крест, Русский комитет в Нью-Йорке⁴.

Не остались вне политики и представители Русской православной церкви, окормлявшие казаков и казачьи организации. Владыка Гермоген (викарий Донской епархии и архипастырь Всевеликого войска Донского, родившийся в семье священника донской станицы Нагавской, вместе с казаками отступил к Новороссийску, затем провел полгода на о. Лемнос)

¹ От редакции // Казачество в Азии. Харбин, 1934. № 1. С. 1.

² Сводно-казачья станица в Синьцзяне // Дальневосточный казак. Харбин, 1938. 30 марта. С. 8.

³ Акулинин И.Г. Общеказачья организация // Руль. Берлин, 1922. 7 декабря.

⁴ Ганин А.В. Казак в эмиграции ... С. 142.

1 января 1922 г. обратился к донским казакам с призывом, в котором говорил о готовности благословить их на борьбу с большевиками за восстановление в России монархии¹.

Находясь на положении иммигрантов в различных странах, казаки часто вынуждены были реагировать на политические события в принимаемых государствах. В свою очередь некоторые правительства учитывали нахождение в их государствах контингентов лиц, среди которых были активные участники Первой мировой и Гражданской войн.

Известен случай непосредственного использования военных навыков и умений казаков. В декабре 1924 г. несколько отрядов, сформированных из казаков-добровольцев, приняли активное участие в государственном перевороте в Албании. Действуя по распоряжению военного министерства КСХС, казаки под командованием полковника Миклашевского свергли Фан Ноли и тем самым помогли прийти к власти Ахмета Зогу, занимавшему просербскую позицию².

Во время военного переворота в Болгарии 9 июня 1923 г. атаманы Донского, Кубанского и Терского казачьих войск издали приказ, в котором говорилось о недопустимости для казаков вмешательства во внутренние дела государств, их приютивших³. Судя по сообщениям из Болгарии, казаки выполняли данное распоряжение⁴. По данным ОГПУ, некоторые казаки впоследствии приняли активное участие в подавлении коммунистического восстания в Болгарии⁵.

Острая политическая борьба велась среди казаков, находившихся в Польше, на территории которой еще летом 1920 г. было создано несколько

¹ Цит. по: Косик В.И. Русские в Хорватской православной церкви (1942–1944) // Русское зарубежье и Вторая мировая война. М., 2013. С. 142–144.

² ГАКК. Коллекция документов ККВ за рубежом. Пер. 1. Кор. 4. Д. 7-10. Письмо К.К. Улагая – В.Г. Науменко. Тирана, 22.05.1925 г., Приказ по русскому отряду в Албанской армии. № 1. Дебар, 16.12.1924 г.

³ ГАРФ. Ф. 6906. Оп. 1. Д. 8. Л. 18.

⁴ ГАРФ. Ф. 6461. Оп. 1. Д. 229. Л. 1 а.

⁵ Русская военная эмиграция ... 2010. Т. 5. С. 276.

казачьих частей¹. По окончании советско-польской войны они были интернированы и распределены по лагерям.

28 мая 1921 г. в лагере Остров Ломжинский состоялся съезд делегатов от казачьих частей, находившихся в Польше. Отметим, что разрешение на проведение съезда было получено от начальника отдела пленных и интернированных, созданного при МИД Польши². На съезде делегаты приняли Положение о самоуправлении казаков (донских, кубанских, терских, уральских, оренбургских и астраханских), находящихся на территории Польши³. Представлять казаков в Польше было поручено полковнику М.Н. Гнилорыбову. Казаки ходатайствовали перед польскими властями о принятии их на польскую службу. В поддержку этого ходатайства выступил, в частности, председатель ликвидационной комиссии Русского эвакуационного комитета в Польше Б.В. Савинков⁴.

К началу июля 1921 г. четыре донских казачьих полка, урало-оренбургский и кубанско-астраханский полки и два дивизиона (донской и кубанско-астраханский) были сведены в казачью дивизию, численностью более 3 тыс. казаков⁵.

Еще до начала работы съезда Б.В. Савинков делился с министром польского правительства С. Домбровским соображениями по поводу принятия казаков на польскую службу в виде пограничной стражи. Б.В. Савинков выделил ряд условий, при которых большинство казаков готово было пойти на польскую военную службу. Среди этих условий были, в частности: назначение командирами подразделений от сотни до полка казачьих офицеров, учреждение должности казачьего представителя при начальнике дивизии, сохранение некоторых элементов казачьей формы,

¹ ГАРФ. Ф. 6899. Оп. 1. Д. 18. Л. 25 а.

² Русская военная эмиграция ... 1998. Т. 1. Кн. 2. С. 384.

³ ГАРФ. Ф. 6899. Оп. 1. Д. 18. Л. 26–27, 32, 36, 38.

⁴ Русская военная эмиграция ... 1998. Т. 1. Кн. 2. С. 392–393.

⁵ Контрреволюционные вооруженные силы за рубежом и на территории Советской России: состояние, организация и деятельность: периодический обзор Разведуправления РККА. М., 1922. Вып. 3. С. 14, 16.

содействие казачьим частям в возвращении на родину в случае государственного переворота в России¹.

Вскоре после съезда среди казаков в Польше началась активная борьба между сторонниками Б.В. Савинкова и казаками во главе с М.Н. Гнилорыбовым, с одной стороны, и их противниками, опиравшимися на авторитет донского атамана А.П. Богаевского, – с другой².

Для борьбы с инакомыслящими Б.В. Савинков и М.Н. Гнилорыбов прибегали к различным мерам воздействия. Одной из наиболее действенных, была угроза высылки в лагеря, где содержались пленные красноармейцы, и отправка с последними в Советскую Россию.

Отметим, что со временем М.Н. Гнилорыбов полностью себя дискредитировал, и от него отмежевались практически все организации.

В Польше размещение эмигрантов из России, в том числе и казаков, имело свою специфику. В силу исторического прошлого польское население и правительство в целом относились отрицательно к русскоязычному населению страны, проживавшему еще до революционных событий на территории Польши. Негативно поляки относились и к иммигрантам из России. Кроме того, Польша – страна католическая, что также привносило определенное своеобразие в процесс адаптации в ней российских эмигрантов, в том числе и казаков. И наконец, поляки двойственно относились к представителям белой эмиграции. С одной стороны, большинство из них воспринимались как монархисты и сторонники единой и неделимой России. С другой стороны, в большинстве своем это были участники недавней борьбы с большевиками – противниками Польши в ходе польско-советской войны. Среди иммигрантов были и участники этой войны, которые в ходе ее перешли на сторону поляков и были интернированы в польских лагерях, не пожелав впоследствии вернуться на родину. Среди

¹ Контрреволюционные вооруженные силы за рубежом и на территории Советской России: состояние, организация и деятельность: периодический обзор Разведуправления РККА. М., 1922. Вып. 3. С. 385–387.

² ГАРФ. Ф. 6461. Оп. 1. Д. 226. Л. 55.

последних был значительный процент казаков. Данные факторы в значительной степени объясняют, почему польское правительство довольно благожелательно относилось к деятельности эсеров на своей территории, воспринимая их противниками как большевиков, так и русских националистов и монархистов, преобладавших среди белогвардейцев. Кроме того, эсеры не были сторонниками восстановления Российской империи. Не последнюю роль играло и стремление польских правящих кругов к созданию Великой Польши, но при этом вынужденных оглядываться на Англию и Францию. Это также отражалось не только на внешнеполитических действиях польского правительства, но и на его политике в отношении российской эмиграции. Так, например, после того как французский премьер Э. Эррио взял курс на установление дипломатических отношений с СССР, в польской печати сразу же появились заметки о необходимости сближения с Советской Россией и нежелательности присутствия на территории Польши российских иммигрантов и их враждебности к полякам. А польское правительство призвало представителей российской эмиграции смягчить антисоветскую риторику и резкий тон в адрес Э. Эррио¹.

В конце октября 1921 г. Б.В. Савинков и его сторонники (в том числе и М.Н. Гнилорыбов) были высланы из Польши. Определенную роль в этом сыграло давление, оказанное советским правительством². Однако в целом отношение польских властей к белогвардейцам было благоприятным, руководители белоэмигрантских организаций в большинстве поддерживались как морально, так и материально. Со второй половины марта 1922 г. польское правительство изменило политику в этом вопросе. Ряд представителей генерала П.Н. Врангеля в Польше были арестованы и

¹ Амфитеатров и русские в Польше (1922–1932) / публ. Д.И. Зубарева // Минувшее: Исторический альманах. СПб., 1997. Т. 22. С. 410.

² Контрреволюционные вооруженные силы за рубежом и на территории Советской России: состояние, организация и деятельность за период с 1 октября 1921 г. по 1 янв. 1922 г.: периодический обзор Разведуправления штаба РККА: материалы стратегической разведки. М., 1922. С. 16–17.

высланы из страны¹. Кроме того в Польше наблюдалось притеснение православных лиц и склонение их к переходу в католицизм².

Небольшая часть казаков в результате Гражданской войны оказалась в Грузии (в основном кубанцы и терцы), которые 17 февраля 1921 г. объединились в Комитет освобождения Кубани (КОК). Впоследствии в него вошли представители терского казачества³. Члены Комитета выступали за освобождение территории Кубани и Терека от власти большевиков и создание независимой Кубанской демократической республики, в которой предполагалось равноправие казаков, иногородних и горцев. При этом КОК исключал сотрудничество с белогвардейскими формированиями и их руководителями⁴.

Добившись официального признания со стороны меньшевистского правительства Грузинской республики, КОК заявил о готовности вести совместную борьбу с большевиками⁵. Две кубанские сотни и отдельный терский взвод (210 чел.) приняли активное участие в отражении наступления советских войск. Однако уже через несколько дней было принято решение о эвакуации из Грузии⁶. Большинство казаков выехали в соседнюю Турцию, а оттуда разъехались по всей Европе.

В Германии казаки, как и все другие иммигранты, прошли вместе со страной все перипетии ее социально-экономического и политического развития. Отметим, что приход к власти германских национал-социалистов некоторые казаки встретили весьма положительно. Упразднение Организации защиты интересов русских беженцев (до 1922 г. – Делегация по делам русских беженцев) и создание в мае 1936 г. Управления по делам

¹ Контрреволюционные русские политические группы и вооруженные силы за рубежом и на территории Советской России: состояние, организация и деятельность за период с 1 января по 1 апреля 1922 г. М., 1922. С. 5–6.

² Черняев В.Ю. О факторах формирования русских беженцев и изгнанников с властями и населением приютивших стран // Нансеновские чтения. СПб., 2008. С. 141–142.

³ Ратушняк О.В. Казачество в эмиграции (1920–1945 гг.). Краснодар, 2013. С. 134.

⁴ ГАРФ. Ф. 6689. Оп. 1. Д. 10. Л. 1, 5.

⁵ Там же. Д. 6. Л. 4; Д. 30. Л. 2.

⁶ Там же. Д. 9. Л. 11; Д. 17. Л. 26.

русских эмигрантов в Германии (во главе с генералом В.В. Бискупским) некоторые представители казачества даже приветствовали. Отчасти это было связано с тем, что ряд российских эмигрантов, в том числе и казаков, связывали с Гитлером освобождение родного края от советской власти. Кроме того, в рамках данного управления казакам уделялось особое внимание, что импонировало некоторым руководителям и лидерам казачества (например, П.Н. Краснову).

Анализируя положение русских эмигрантов в Берлине, германский исследователь К. Шлегель отмечает, что русские эмигранты оказались «предметом внутривосточного конфликта» между немецкими коммунистами и представителями буржуазных партий¹. Соглашаясь с этим наблюдением, подчеркнем, что подобного рода ситуация была характерна для большинства стран пребывания русских эмигрантов. В государствах, где проживало много казаков, предметом такого конфликта часто становились казачьи организации и общества, особенно в Болгарии, Польше, Югославии, Чехословакии и Китае.

В определенной степени на отношение к казакам-иммигрантам повлияло установление дипломатических отношений между государствами, принявшими казаков, и СССР. В одних случаях эти изменения были более значимыми (в Чехословакии, Германии, Болгарии), в других – менее (во Франции, Польше, США и Канаде).

В то же время многие казаки часто проявляли высокую лояльность к политике государства, принявшего их. Так, накануне вторжения германских войск в Чехословакию казачье объединение «ДОН» обратилось к министерству национальной обороны Чехословакии с предложением создать казачий полк из добровольцев, готовых защищать страну².

¹ Шлегель К. Русский Берлин: попытка подхода // Русский Берлин. 1920–1945. М., 2006. С. 14.

² Цит. по: Бондаренко И.И., Долейши Й. Указ. соч. С. 161–162.

Наиболее остро изменения в политической обстановке в стране, а также колебания во взаимоотношениях государства, принявшего казаков, с СССР сказывались на казаках-иммигрантах в Китае, который переживал в межвоенные годы острые внутренние катаклизмы, включая гражданскую войну.

Периодически китайские власти вынуждены были даже вводить военное положение на той или иной территории с целью обеспечения безопасности населения¹.

Руководство Восточного казачьего союза высказалось категорически против участия казаков в гражданской войне в Китае². В то же время настороженное отношение местных китайских властей к казакам приводило к тому, что Союз казаков в Восточной Азии находился на полулегальном положении³.

Некоторые казаки входили в состав отряда под командованием генерала К.П. Нечаева, принявшего активное участие в гражданской войне в Китае в составе армии генерала Чжан Цзо-Лина⁴. Отметим, что большинство казаков, особенно из рядового состава, участвовали в гражданской войне в Китае преимущественно из соображений материального характера⁵.

Смерть В.И. Ленина и восстание на Амуре в начале 1924 г. привели к оживлению в лагере белоэмигрантов. Однако последовавшие соглашения, подписанные советским правительством 1924 г. с китайским правительством в Пекине и с автономным правительством трех провинций (мукденской, гириньской и хэйлунцзянской) в Мукдене, были восприняты российскими эмигрантами как катастрофа, ударившая сильно по их надеждам на успешное продолжение борьбы с советской властью⁶. В соответствии с ними между

¹ АВП РФ. Ф. 281. Оп. 4. Папка 12. Д. 1. Л. 96.

² ГАРФ. Ф. 5963. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

³ Мелихов Г.В. Российская эмиграция в Китае ... С. 75.

⁴ ГАРФ. Ф. 5963. Оп. 1. Д. 15. Л. 45.

⁵ Русская военная эмиграция ... Т. 7. С. 534.

⁶ АВП РФ. Ф. 270. Оп. 1. Папка 2. Д. 25. Л. 6–10, 91, 93.

СССР и Китайской республикой устанавливались дипломатические отношения, а КВЖД находилась под управлением и обслуживанием советского государства. Работать на КВЖД могли только советские и китайские граждане. Все это привело к тому, что часть бывших сотрудников КВЖД были уволены, а многие поспешили принять советское гражданство. Установление советско-китайских отношений в 1924 г. привело со временем к разграничению русских, проживавших в Китае, на три категории – советские граждане, китайские граждане и граждане страны, не имевшей с Китаем никаких договоров. Последние рассматривались китайскими властями как иммигранты¹.

В 1924–1925 гг. активизировалась эмигрантская молодежь. Все чаще стали происходить стычки между белогвардейской молодежью, молодыми казаками, с одной стороны, и советской молодежью, комсомольцами и пионерами, с другой стороны².

Политическую жизнь Внутреннего Китая в значительной степени определяла борьба между различными милитаристскими группировками/кликками, среди которых наиболее крупными были фэньтянская и чжилийская. При этом фэньтянская клика была в определенной зависимости от Японии, а чжилийская финансировалась США и Великобританией. В южной провинции Гуаньчжоу политическая власть находилась в руках Гоминьдана, возглавляемого сначала Сунь Ятсеном, а впоследствии Чан Кайши. С 1922 по 1926 г. Гоминьдан активно сотрудничала как с китайскими коммунистами, так и с СССР. Однако впоследствии между ними произошел разрыв. Только в августе 1937 г. между СССР и правительством Чан Кайши был подписан договор о ненападении, с которого начинается новая полоса в сотрудничестве Китая и СССР.

Казачья, располагавшиеся в Китае, вынуждены были ориентироваться в своих политических взглядах на политику не только китайского

¹ Аблажей Н.Н. С востока на восток ... С. 76.

² АВП РФ. Ф. 281. Оп. 1. Папка 1. Д. 3. Л. 23–24.

правительства, но и Японии. Так, генерал Е.Г. Сычев, призывая готовиться «к предстоящей страшной и великой борьбе», обращал внимание на то, что казаки «с величайшей осторожностью должны подходить к национализму великих и могучих наций и особенно тех, покровительством которых» они пользуются в эмиграции¹.

Оккупация Японией Маньчжурии и антисоветская деятельность японского правительства привели к возрождению среди белоэмигрантов, в том числе и казаков, надежды на продолжение антисоветской борьбы и возвращение на родину. Некоторые из них стали переселяться из Шанхая и других районов Центрального Китая обратно в Маньчжурию на территории, приграничные с СССР. Так, в 1932 г. японские власти организовали на северо-востоке Китая две колонии для поселения белоэмигрантов – в провинции Жахэ и Трехречье. Большинство из них предпочитали селиться в Трехречье, где проживало значительное количество казаков, ведущих свое хозяйство и пользующихся относительной экономической независимостью².

Тяжелое положение иммигрантов в Китае привело к некоторому разочарованию в Японии как потенциальном союзнике в борьбе с СССР. Тем более что японцы также настороженно относились к российским эмигрантам, зная патриотичную направленность большинства из них. Деятельность большинства эмигрантских объединений свелась правительством Маньчжоу-Го к минимуму. Атаман Г.М. Семенов вынужден был даже выступить в сентябре 1933 г. с интервью в харбинской газете «Рупор», призвав российских эмигрантов сотрудничать с японскими властями³. Отметим, что разочарование эмигрантов было связано и с установлением дипломатических отношений между СССР и США, которое значительно ослабило внешнеполитические позиции Японии во взаимоотношениях с СССР.

¹ Сычев Е. Мысли старого казака // Иркутский казак. Харбин, 1935. № 2. С. 42–43.

² АВП РФ. Ф. 100. Оп. 18. Папка 40. Д. 28. Л. 4.

³ Там же. Оп. 17. Папка 33. Д. 27. Л. 25.

Однако большинство лидеров зарубежного казачества в Китае по-прежнему рассчитывали на войну Японии с СССР и всячески подчеркивали, что казаки в этой войне однозначно и безоговорочно должны поддержать японское правительство. Подобную позицию занимали, в частности, генералы В.А. Кислицын (глава легитимистов в Маньчжоу-Го), А.П. Бакшеев (председатель Союза казаков на Дальнем Востоке), Е.Г. Сычев (председатель Восточного казачьего союза)¹.

Кроме того, эмигрантам в Китае приходилось постоянно не только лавировать между китайскими и японскими властями, но и учитывать позиции других государств. Так, например, английские власти запретили регистрацию и деятельность Дальневосточного общества белых русских офицеров на территории своей концессии в Тяньцзине, где отделение общества возглавлял есаул Пастухин². И, конечно, определяющим в положении казаков-иммигрантов в Китае, впрочем, как и вообще российских иммигрантов, было развитие советско-китайских взаимоотношений. Анализ политических сводок советских консульств в Китае показывает, как менялись не только настроения, но и активность российских иммигрантов. Они то пытались получить советское гражданство и выехать на родину, то, напротив, отказывались от советского гражданства и развивали бурную антисоветскую деятельность или занимали выжидательную позицию³.

Как и на Западе, в Китае казаки-эмигранты вплоть до Второй мировой войны жили надеждой на возвращение в родные края. Практически в начале каждого года и весной эмигрантские газеты пестрели статьями, содержащими призывы готовиться к походу на СССР. В Китае к казакам с такими призывами обращались атаман Г.М. Семенов, генералы А.П. Бакшеев, В.А. Кислицын и др.⁴ Начальник Союза казаков на Дальнем

¹ Какую позицию займет дальневосточная эмиграция в случае войны? Анкета среди лидеров дальневосточной эмиграции // Харбинское время. Харбин, 1934. 4 мая. С. 1.

² АВП РФ. Ф. 100. Оп. 19. Папка 43. Д. 32. Л. 1.

³ Там же. Ф. 270. Оп. 1. Папка 4. Д. 52. Л. 1–217.

⁴ Там же. Ф. 100. Оп. 4. Папка 21. Д. 15. Л. 8.

Востоке неоднократно издавал приказы о подготовке казаков к борьбе с III Интернационалом¹.

В местах проживания небольшого числа казаков-иммигрантов они были мало заметны в общественно-политической жизни принявших их государств. В ряде государств в силу специфики политики, проводившейся правительством вообще общественно-политическая жизнь эмигрантов была практически незаметна. Это касается, в частности, Италии, в которой установился фашистский режим. К началу 1921 г. в Италии было около 20 тыс. российских эмигрантов. Однако, как отмечал М.К. Первухин (собкор газеты «Новая русская жизнь»), в стране отсутствовал какой-либо центр общественно-политической направленности и фактически отсутствовала общественная жизнь².

В 1920-е гг. в Австралии и государствах американского континента российские эмигранты практически не вели политическую деятельность в связи малочисленностью колонии и удаленностью от основных центров политической жизни российского зарубежья. Немаловажным фактором был и социальный состав русских эмигрантов – преимущественно рабоче-крестьянский. Однако с появлением новой значительной массы русских эмигрантов из Китая в 1930-е гг. политическая жизнь русской диаспоры стала более насыщенной и активной³. В то же время представители казачества по-прежнему крайне редко появлялись на политическом горизонте российской диаспоры в Австралии и государствах Латинской Америки. Это объяснялось как малочисленностью казаков, так и тем, что большинство из них вынуждены были вести крайне тяжелую борьбу за выживание.

Громадное значение в адаптации иммигрантов в новых условиях, в новой социальной среде имели психологические факторы. Особенно

¹ АВП РФ. Ф. 100 «б». Оп. 4. Папка 21. Д. 14. Л. 21–22.

² Первухин М. Указ. соч. С. 80.

³ Шатилов А.Б. Эмигранты из России в Австралии в 20–30-е годы // Славяноведение. 1997. № 5. С. 11.

значимым было переплетение естественного стремления к самоуважению и признанию со стороны других (как эмигрантов, так и представителей местного населения) с осознанием своего действительного положения в статусе беженца. Как верно заметил О.К. Антропов, такое положение порождало среди российских эмигрантов стремление повысить свою значимость путем убежденности в своем предназначении определить дальнейшую судьбу России¹. Не случайно в это время мы видим претензии различных политических кругов российской эмиграции на роль спасителей России. При этом, чем меньшую общественно-политическую роль играл эмигрант на своей родине, чем ниже был его социальный статус, тем меньшее давление на него оказывали данные социально-психологические факторы. Таких эмигрантов в большей степени занимали вопросы выживания в новых, зачастую суровых, социально-экономических условиях и надежда на возвращение в родные края (без претензии на определение их судьбы). Упомянутые социально-психологические факторы особым образом проявились и среди казаков-эмигрантов. Так политически активная часть казачества в эмиграции также искала обоснование своей значимости и исторической роли. И, конечно, наибольшая значимость придавалась при обсуждении проблем, связанных с возвращением в родные края и их обустройством, в том числе политическом и социально-экономическом. При этом среди казачьей политической элиты были и те, кто связывал будущее казачьих территорий с отделением от России. Преимущественно это были представители Кубанского и Донского казачьих войск. Большинство же казаков в эмиграции видели казачьи края в составе России, но с определенной долей автономности.

Однако часть даже активных участников Гражданской войны в эмиграции отходит постепенно от общественно-политической жизни, уделяя больше внимания обычным бытовым вопросам, и в первую очередь

¹ Антропов О.К. Указ. соч. С. 36.

необходимости обустроиться (пусть и временно) в государствах их приютивших. Так, атаман Амурского казачьего войска (с апреля 1917 г. по февраль–март 1919 г.) И.М. Гамов, будучи по образованию педагогом, основное внимание сосредоточил на труде на педагогическом поприще¹. Интересно, что это стремление в значительной степени коснулось и части молодежи, которая обычно более склонна к различным видам протеста, и прежде всего политического. Донской казак Н.А. Келин в своих воспоминаниях отмечал, что студенческая молодежь во многом отошла от политики и больше внимания уделяла учебе².

Большинство казаков привлекали организации, общества и объединения преимущественно социально-экономической (различные общества взаимопомощи) и культурной направленности. Многие вообще сторонились политики. Так, весной 1924 г. 59 уральских казаков вышли из Казачьего объединения, созданного в Чехословакии генералом В.И. Сидориным, на том основании, что данное объединение «из учреждения беспартийного и профессионального превратилось в учреждение узкопартийное»³.

Разнообразие и подвижность политических взглядов среди общественно-политических деятелей казачьего зарубежья определили расплывчатость его социально-политической структуры, для которой была характерна не только многоуровневость, но и многомерность.

Значительная часть казачества ориентировалась традиционно на своих атаманов. Но и эта ориентация была иногда обманчива в силу различных причин (как объективных, так и субъективных).

7 февраля 1921 г. в Суйдине (Китай) был убит бывший атаман Оренбургского казачьего войска А.И. Дутов. Судя по всему, он являлся той цементирующей основой, на которой держалась часть казаков в Западном

¹ Крюков В.В. Атаман Гамов. Биографическая справка. URL: <http://svgbdvr.ru/istoriya/ataman-gamov> (дата обращения: 03.11.2016).

² Келин Н.А. Казачья исповедь // Келин Н.А. Казачья исповедь. Толстой Н.Д. Жертвы Ялты. М., 1996. С. 88.

³ Русская военная эмиграция ... 2010. Т. 5. С. 223.

Китае, прежде всего в Суйдине. После его гибели «пьянство, кражи, драки и разврат стали чертами повседневной жизни» казаков-эмигрантов в этом районе¹. В марте 1921 г. на собрании оренбургских казаков в Харбине атаманом был избран генерал Н.С. Анисимов. Однако позже, когда выяснилась растрата им войсковой казны, ему было выражено недоверие, сопровождавшееся отстранением от войсковой власти. 16 февраля 1923 г. оренбуржцы избрали войсковым атаманом Оренбургского казачьего войска за рубежом генерала И.Г. Акулинина (бывшего помощника А.И. Дутова)². В это время генерал И.Г. Акулинин находился в Европе, куда в свое время эвакуировался в ноябре 1920 г. вместе с Русской армией генерала П.Н. Врангеля. О своем избрании в качестве атамана Оренбургского казачьего войска он узнал только в июне 1923 г.

Фактически отстранились от руководства казаками атаман Енисейского казачьего войска А.П. Кузнецов и атаман Семиреченского казачьего войска А.М. Ионов³.

Таким образом, в эмиграции не только с новой силой обострились старые противоречия, но добавились к ним и новые. По-прежнему у казаков-эмигрантов наблюдалось деление на сторонников монархии и ее противников, хотя, как и в среде общероссийской эмиграции, часть казаков заняла позицию так называемого непредрешенчества. Однако данная позиция не отменяла тяготения одних казаков к правому лагерю – монархистам, других – к левому лагерю, представленному преимущественно эсерами. Своеобразный центр при таком раскладе составляли кадеты, которые пользовались поддержкой определенной части казаков-эмигрантов. По-прежнему одной из основных линий политической борьбы в казачьей среде оставалось противостояние единомышленников и самостийников. Однако оно приобрело в эмиграции новую окраску. Так, среди самостийников набирало

¹ Ганин А.В. Оренбургское казачье войско ... С. 29–30.

² Там же.

³ ГАРФ. Ф. 6679. Оп. 1. Д. 18. Л. 9; История казачества Азиатской России ... Т. 3. С. 154.

силу движение «казакийцев», которые вынашивали идею не только самостоятельного существования своих краев и областей, но и их потенциального объединения в единое казачье государство – Казакию. В то же время политическая борьба, стремление перетянуть на свою сторону большую часть казаков, условия политической жизни в местах пребывания заставляли лидеров и идеологов казачества лавировать, менять свои политические программы, в разных кругах провозглашать разные цели и намерения. Поэтому лозунг «единой и неделимой России» все чаще, даже у ее сторонников, заменяется призывами к федерализму.

2.3 Казаки-иммигранты в принимающих государствах: социально-экономическая адаптация и культурная жизнь

Исследователи традиционно выделяют два основных географических направления выхода казаков в эмиграцию – Запад и Восток.

Фактически с первых дней пребывания казаков в Турции начались изменения в соотношении строевых казаков и гражданских лиц. В соответствии с приказом генерала П.Н. Врангеля от 21 ноября 1920 г. воинские чины вне штатного расписания и все военнослужащие 3-го и 4-го разрядов были переведены на положение гражданских лиц¹. Поводом для перевода строевых казаков на беженское положение служили также нарушение воинской дисциплины и поведение, не совместимое с воинским званием. Данные меры привели к увеличению гражданских беженцев².

Нахождение в одних лагерях строевых казаков и гражданских лиц приводило к разложению воинских частей и дезертирству. Казаки бежали преимущественно в Болгарию и Грецию. Конечной целью некоторых из них было возвращение в родные края. Многие погибли в пути от болезней,

¹ Казаки в Чаталдже и на Лемносе ... С. 16, 24, 26, 45, 54.

² Отчет о деятельности Донского правительства ... С. 35.

голода, холода или были убиты¹. Побег из чаталджинских лагерей участился после получения известия о переводе казачьих частей на остров Лемнос². Командование Донского корпуса боролось с кражами, дезертирством, распродажей казенного имущества опираясь как на военно-полевой суд, так и на уважаемых стариков, параллельно поощряя тех, кто занимался различными ремеслами³. Помощь в этом оказывал и Всероссийский земский союз, благодаря которому были открыты различные мастерские – портняжная, сапожная, слесарная, столярная. Ремеслом занимались не только рядовые казаки, но и офицеры. В лагерях также организовывались школы, где казаки обучались грамоте, курсы изучения иностранного языка, общеобразовательные курсы для офицеров. Для организации досуга были устроены библиотеки и читальни, а также открыты театры. Наибольшей популярностью пользовались пьесы, содержащие сюжеты лагерной жизни. Театр посещали как казаки, так и французы, а также турки из окрестных деревень⁴.

Основные тенденции жизни в чаталджинских лагерях были характерны и для казаков, разместившихся на острове Лемнос. Жизнь на острове была невыносимой и вследствие оторванности, как от основных источников информации, так и от остальных казачьих частей⁵. Командование лемносской группы всячески пыталось занять казаков различными мероприятиями. В частности был проведен концертно-гимнастический праздник, организовывались футбольные матчи, работал кинематограф, шло обучение юнкеров⁶.

¹ ГАРФ. Ф. 5768. Оп. 1. Д. 6. Л. 5.

² ГАРФ. Ф. 5935. Оп. 1. Д. 15. Л. 31, 37–38; Ф. 5881. Оп. 2. Д. 273. Л. 10, 12, 15–20.

³ ГАРФ. Ф. 6711. Оп. 3. Д. 75. Л. 2.

⁴ Ратушняк О.В. Казаки-эмигранты в Чаталджинских лагерях в 1920–1921 гг. // Известия Сочинского государственного университета. 2015. № 1. С. 58–63.

⁵ Ратушняк О.В. Казаки в Чаталджинских лагерях и на Лемносе // Кубанский сборник: сборник научных статей по истории края / под ред. О.В. Матвеева. Краснодар, 2006. Т. 1. С. 195–209.

⁶ ГАРФ. Ф. 6899. Оп. 1. Д. 12. Л. 53–54; Д. 9. Л. 99; Гулевич Т.М. Воспитательный потенциал казачества в инокультурной среде российского зарубежья в 20-е годы XX века

Эффект разорвавшейся бомбы произвел приказ командующего французскими войсками генерала А. Бруссо от 25 марта 1921 г. о прекращении финансирования русских беженцев, с предложением им вернуться в Советскую Россию, переехать в Бразилию или самим обеспечивать свое существование¹.

Несмотря на попытки П.Н. Врангеля, казачьих атаманов и командиров казачьих частей удержать казаков в составе Русской армии, тяжелые условия жизни способствовали принятию некоторыми казаками решения об оставлении частей, возвращении на родину или отъезде в другие государства.

Командир Терско-Астраханского полка генерал-майор К.К. Агоев 6 апреля 1921 г. обратился в приказе к казакам, призвав их остаться под знаменами Русской армии². Однако, несмотря на столь горячее обращение, 30 апреля 1921 г. в Бразилию убыли 30 чел. из состава Терско-Астраханского полка³.

В силу сложившейся ситуации генерал П.Н. Врангель принял решение об организации перевозки войск в славянские страны⁴. 2 апреля 1921 г. с просьбой о принятии казаков обращался к депутатам парламентов Болгарии и КСХС и командир Кубанской казачьей дивизии генерал М.А. Фостиков. Он подчеркнул, что в финансовом плане это не причинит особых неудобств правительствам данных государств⁵. 12 апреля 1921 г. к председателю Совета министров КСХС обратился начальник штаба Русской Армии генерал П.Н. Шатилов, заявивший, что «все надежды лучших сынов России направлены только на Королевство сербов, хорватов и словенцев»⁶.

// Вестник Владимирского государственного гуманитарного университета. 2011. № 8. С. 29.

¹ Казаки в Чаталдже и на Лемносе ... С. 82–83.

² ГАРФ. Ф. 6906. Оп. 1. Д. 1. Л. 45–45 об.

³ Там же. Л. 60–61.

⁴ Назаров М.В. Миссия русской эмиграции. Ставрополь, 1992. С. 26.

⁵ Спасов Л. Врангеловата Армия в България ... С. 81.

⁶ АЖ. Ф. 138. Д. 87. Письмо П. Шатилова – Председателю Совета министров КСХС от 12 апреля 1921 г. г. Белград. № 1225.

В отличие от генерала П.Н. Врангеля войсковые атаманы и правительства вынуждены были заботиться не только о строевых казаках, но и гражданских беженцах. Так, уже в конце ноября 1920 г. к представителям Франции, КСХС и Соединенных Штатов обратился А.П. Богаевский с просьбой о приеме казаков¹. Заботились о казаках и другие эмигрантские организации (например, ОСХС). В мае 1921 г. вопрос о перевозке казаков в Болгарию и КСХС был решен благополучно.

Александр Карагеоргиевич – принц-регент, а позже король Королевства сербов, хорватов, словенцев – совместно с главой правительства Н. Пашичем согласились на прием части воинских контингентов Русской армии, в том числе и казаков, как только был удовлетворительно разрешен вопрос о материальных гарантиях обеспечения русских эмигрантов. Это было в значительной степени связано с тяжелым финансовым положением молодого югославянского государства.

Более сложный и затяжной характер носили переговоры П.Н. Врангеля с болгарским правительством, которое, лавируя между командованием Русской армии и французами, стремилось извлечь максимальную выгоду из решения вопроса о дислокации в стране воинских частей².

С мая по сентябрь 1921 г. более 11 тыс. казаков были перевезены с Лемноса в КСХС и Болгарию. При этом кубанские части разместились преимущественно в Сербии, а донцы и терцы попали в основном в Болгарию³. В сентябре 1921 г. в Болгарию был перевезен Терско-Астраханский полк в количестве 472 чел. (19 офицеров, 122 обер-офицера, 19 чиновников, 1 священник, 306 казаков и 5 женщин)⁴.

С расселением казаков из чаталджинских лагерей и с Лемноса основными государствами пребывания казаков в Европе стали Болгария, КСХС, Чехословакия и Польша, а впоследствии – Франция. Часть казаков

¹ ГАРФ. Ф. 5768. Оп. 1. Д. 6. Л. 6–6а.

² Йованович М. Русская эмиграция на Балканах ... С. 97–99.

³ Казаки в Чаталдже и на Лемносе ... С. 160.

⁴ ГАРФ. Ф. 6906. Оп. 1. Д. 2. Л. 83.

разместились в Греции и европейской части Турции. В 1922–1924 гг. почти 50% всего зарубежного казачества, прибывшего в европейские государства, находились в КСХС и Болгарии. В последующие годы казаки ориентировались преимущественно на Францию. Она привлекала более качественным уровнем жизни и высокой заработной платой¹.

В отличие от других государств, принявших эмигрантов, Болгария и КСХС, славянское население которых преимущественно исповедовало православие, были более расположены сравнительно легкой адаптации казаков-иммигрантов. Болгарию и КСХС объединяло и то, что здесь размещался большой процент бывших военных – активных участников Белого движения на Юге России, а среди гражданских беженцев преобладали семейные, в большинстве своем не имевшие средств к существованию. Здесь же располагались и различные учебные заведения, эвакуированные из России². В Польше и Словакии, которые тоже относились к славянским странам, преобладал католицизм, а в Чехии – протестантизм. Греция, напротив, представлена преимущественно православным, но не славянским населением.

В Сербии казаки нашли наиболее теплый прием со стороны государственных властей. Отчасти это было обусловлено тем, что правительство КСХС во внешней политике занимало антисоветскую позицию³. Не малую роль сыграло и отношение короля Александра Карагеоргиевича, который крайне благоприятно и радушно отнесся к иммигрантам из России⁴.

В декабре 1924 г. в КСХС из Китая прибыла последняя крупная партия российских эмигрантов – 220 воспитанников Омского и Хабаровского

¹ ГАРФ. Ф. 6461. Оп. 2. Д. 39, 43, 47, 93, 95, 98.

² Алексеева Е.В. Российские научные и образовательные традиции в культурной жизни Балкан (на примере Греции, Болгарии и КСХС) // Актуальные аспекты истории и современности русского зарубежья: параллели и антитезы. М., 2007. С. 56.

³ Шмелев И. Душа родины. Париж, 1967. С. 217.

⁴ Назаров М.В. Указ. соч. С. 31.

кадетских корпусов, 35 представителей педагогического персонала, 20 членов их семейств и около 100 других лиц¹.

В КСХС была создана Государственная комиссия по делам русских беженцев. Она выплачивала различные пособия российским эмигрантам и участвовала в организации для них гимназий, театров, библиотек, столовых, домов престарелых. Югославское правительство частично финансировало некоторые эмигрантские организации, такие например, как Казачий союз, и Штаб/канцелярию Кубанского казачьего войска². Кроме того, правительство КСХС предоставляло российским беженцам кредиты по относительно невысоким ставкам³. Государственная комиссия по делам русских беженцев взяла под свой контроль и судьбу выпускников кадетских корпусов. Особо большое значение такая опека имела в первые годы, когда еще не была налажена система приема выпускников русских образовательных учреждений в вузы КСХС, и многие выпускники еще плохо владели сербским языком⁴.

Большинство казаков поселились в Сербии, население которой наиболее лояльно относилось к иммигрантам. Однако казаки были и в Словении, и в Черногории, и в других частях Югославии, где размещались казаки как европейской части России, так и азиатской части России. Например, в общеказачьей станице в г. Целье (Словения) было 25 представителей казачьих войск восточной части России, в том числе: 15 – Сибирского, 4 – Уссурийского, 2 – Оренбургского, по одному – Семиреченского, Уральского, Забайкальского и Амурского казачьих войск⁵.

В КСХС казаки фактически сумели сохранить свою воинскую организацию⁶. Части казачьих офицеров и рядовых казаков удалось

¹ Козлитин В. Русская и украинская эмиграция ... С. 50–51.

² Хохульников К. Изгнанники // Дон. Ростов на/Д, 1990. № 3. С.154.

³ Козлитин В. Русская и украинская эмиграция ... С.87.

⁴ Гурковский В.А. Указ. соч. С. 36.

⁵ ГАРФ. Ф. 6679. Оп. 1. Д. 11. Л. 54–55.

⁶ Русская военная эмиграция ... 2004. Т. 4. С. 214–215.

устроиться на службу в королевскую жандармерию и полицию. Казаки-гвардейцы в первый год своего пребывания в Югославии служили в пограничной страже. Однако большинство казаков, в составе своих подразделений трудились преимущественно на постройке дорог, на заводах и в рудниках. Впоследствии министерство путей сообщений оставило некоторые группы казаков на работах по обслуживанию железных дорог¹.

Казаки из числа гражданских беженцев были разбросаны группами по 10–70 чел. по всей Югославии (преимущественно в Сербии). Большинство из них работали в качестве вольнонаемных рабочих в крестьянских хозяйствах.

В январе 1929 г. в КСХС произошел государственный переворот. В результате переворота в соответствии с новым законом о королевской власти и государственном управлении вся полнота власти была сосредоточена в руках короля².

Переворот существенно не повлиял на положение основной массы российских иммигрантов в стране. Большее значение имел экономический кризис, который затронул население Югославии в конце 1920-х – начале 1930-х гг. Однако и в годы кризиса и после него югославское правительство не оставляло без внимания российских иммигрантов. Так, в Югославии, благодаря усилиям В.Н. Штрандтмана, во второй половине 1930-х гг. русские иммигранты из числа участников Первой мировой войны могли получать пенсию в размере 900 динар³. Среди тех, кто попадал под действие данного закона, были и казаки.

¹ ГАРФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 20. Л. 10, 89; Ф. 6899. Оп. 1. Д. 6. Л. 5а; Ф. 6711. Оп. 2. Д. 3. Л. 6; Ф. 6899. Оп. 1. Д. 20. Л. 120 а; Ф. 6461. Оп. 1. Д. 228. Л. 2, 4; Контрреволюционные русские политические группы и вооруженные силы за рубежом и на территории Советской России: состояние, организация и деятельность за период с 1 апреля по 1 июля 1922 г. М., 1922. С. 25, 41–42.

² Сумарокова М.М. Кризис буржуазного парламентаризма в Королевстве сербов, хорватов и словенцев // Социальная структура и политические движения в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (межвоенный период). М., 1986. С. 119.

³ Миронова Е.М. Совет послов накануне Второй мировой войны // Нансеновские чтения. 2009. СПб., 2010. С. 35.

Несмотря на благоприятное отношение югославских властей к иммигрантам из России, некоторые из них, в том числе и казаки, со временем покинули страну. Уезжали преимущественно во Францию. Но были и другие направления отъезда. Например, в 1929 г. часть кубанцев устроились на работы в Перу¹. В причинах отъезда в равной степени проявлялись как социально-экономические, так и общественно-политические (идеологические) факторы. Казаки выезжали либо туда, где были более хорошие материальные условия, как во Франции, или в те страны, где можно было осесть на землю (например, в государства Южной Америки или Австралию). Покидали КСХС и казаки, несогласные с политикой П.Н. Врангеля, который пытался поставить под свой контроль всех эмигрантов, находившихся в государстве.

На Соборе Русской зарубежной церкви, который состоялся в августе 1938 г. в г. Белграде, было заявлено о том, что «Сербия и Сремски Карловцы продолжают оставаться духовным центром русской эмиграции»².

В Болгарии даже после репатриации части казачества располагалось около 8–10 тыс. казаков, преимущественно донцов³. Военские части находились в стране на основании соглашения, подписанного военным представителем генерала П.Н. Врангеля генералом В.Е. Вязьмитиновым с начальником штаба болгарской армии полковником Н.Т. Топалжиковым⁴.

Первоначально болгарское правительство категорически отказалось принимать беженцев из числа военнослужащих Русской армии. Это было отмечено и в решении Министерского совета Болгарии от 13 апреля 1921 г. Однако в скором времени под давлением Франции, в частности французского посла Дж. Пико, правительство Болгарии согласилось на прием казаков с острова Лемнос⁵. При этом болгарское правительство готово было принять

¹ Родимый край. Париж, 1929. № 5. С. 39.

² Глигориевич Б. Указ. соч. С. 117.

³ Спасов Л. Врангеловата Армия в България ... С.99–102.

⁴ ГАРФ. Ф. 6711. Оп. 2. Д. 3. Л. 7 а.

⁵ Даскалов Д. Бялата емиграция в България. С. 19.

только около 3 тыс. российских эмигрантов и то при условии материальной поддержки их со стороны Франции¹. Впоследствии количество эмигрантов, принятых Болгарией, значительно выросло.

Причин принятия такого решения было несколько. Во-первых, давление, оказанное державами – победительницами в Первой мировой войне, и в первую очередь Францией. Во-вторых, боязнь Советской России и принятие воинских контингентов Русской армии как своеобразную гарантию безопасности от большевиков. В-третьих, армия генерала П.Н. Врангеля рассматривалась и как потенциальный союзник в борьбе с местными болгарскими коммунистами, которые активизировали свою деятельность в начале 1920-х гг. В-четвертых, пример других государств, в частности Королевства сербов, хорватов, словенцев. В то же время при принятии решения о приеме воинских контингентов Русской армии генерала П.Н. Врангеля Министерский совет официально руководствовался двумя основными мотивами: гуманистическим – крайне тяжелое положение казаков на острове Лемнос и историческим – дружеские связи с Россией, освободившей Болгарию от турецкого владычества².

Отметим, что отрицательное отношение болгарского правительства к иммигрантам в целом было связано также с социально-экономическими условиями, сложившимися в стране после окончания Первой мировой войны. По Нейскому мирному договору 1919 г. Болгария потеряла часть своих земель. В результате десятки тысяч болгар были вынуждены переселиться с этих территорий в Болгарию. Это в определенной степени сказалось на социально-экономической обстановке в стране, в том числе и в плане приема других мигрантов, включая казаков.

Казачьи подразделения занимали преимущественно казармы болгарских вооруженных сил, которые были сокращены по Нейскому договору 1919 г. между державами Согласия и Болгарией. Здесь казаки открыли различные

¹ Спасов Л. Врангеловата Армия в България ... С.73.

² Даскалов Д. Бялата емиграция в България. С. 20.

мастерские, а по весне разбивали огороды. К 1 сентября 1922 г. казачьи части, как и вся Русская армия, перешли на собственное обеспечение, за исключением, немногих оставшихся на своих должностях и инвалидов. Были созданы своеобразные кассы взаимопомощи¹. Казаки, остававшиеся в составе воинских частей, трудились преимущественно небольшими группами, разбросанными по всей стране. В казармах размещались только штабы полков, а также временно безработные и больные казаки².

Болгария, в которой в межвоенный период сельское хозяйство преобладало над промышленностью³, была довольно комфортной страной в плане трудоустройства казаков. Большинство казаков устроились на сельскохозяйственные работы, строительство железных дорог, на шахты. Кроме того, казаки образовывали артели рыбаков и грузчиков. Часть донцов устроились в коневодческие хозяйства. Немногим представителям казачьей интеллигенции удавалось найти работу по специальности (врачи, учителя, инженеры)⁴. Помогало найти работу и то, что большинство казаков были подготовлены к тяжелому физическому труду⁵. Отдельные казаки довольно успешно занимались торговлей⁶.

Основной тенденцией в большинстве эмигрантских организаций в Болгарии была адаптация эмигрантов к условиям жизни в стране. Практически при всех русских организациях в Болгарии работали службы трудоустройства и взаимопомощи⁷.

¹ ГАРФ. Ф. 6711. Оп. 3. Д. 72. Л. 16 а.

² Русская военная эмиграция ... 2004. Т. 4. С. 214–215.

³ Гришина Р.П. Особенности социально-экономической структуры и политического развития межвоенной Болгарии // Социальная структура и политические движения в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (межвоенный период). М., 1986. С. 17.

⁴ ГАРФ. Ф. 6461. Оп. 1. Д. 284. Л. 3; Отчет о деятельности Донского правительства ... С. 55–56.

⁵ ГАРФ. Ф. 6711. Оп. 1. Д. 345. Л. 2.

⁶ ГАРФ. Ф. 6461. Оп. 1. Д. 232. Л. 10.

⁷ Солнцева-Накова Е. Деятельность русских эмигрантских организаций в Болгарии в конце 1920-х – середине 30-х гг. // Русское зарубежье и славянский мир. Белград, 2013. С. 119.

Несмотря на широко развитую благотворительную деятельность разными организациями, обществами и отдельными частными лицами, жизнь в Болгарии была довольно тяжелой, особенно в годы экономических кризисов, тем более что помощь оказывалась преимущественно больным, инвалидам, учащимся¹.

В то же время отношения между болгарскими и русскими иммигрантами, включая казаков, в годы послевоенного кризиса несколько ухудшились. Психологическую причину этого ухудшения отметил Д. Алопеус, который сравнил российских иммигрантов с загостившимися гостями².

Для поддержания связи и общения казаки создавали свои станицы и хутора, которых к 1923 г. в Болгарии насчитывалось 28 (18 станиц и 10 хуторов)³. Хотя были и одиночки, и небольшие группы, не входившие ни в какие объединения. Например, в Болгарии в 1922 г. в составе станиц значилось только 25%, находившихся в стране казаков (немногим более 2 тыс. чел.)⁴.

Казаки различных казачьих войск поддерживали связь как друг с другом, так и с другими российскими эмигрантами. Например, Рождество Христово в январе 1925 г. казаки Терско-Астраханского полка праздновали вместе с казаками Атаманского училища, размещавшимися с ними в одной казарме, а также с болгарскими и представителями русской колонии в Болгарии⁵.

Стремление улучшить свое материальное положение и культурные условия жизни вызвало переезд части казаков-эмигрантов из Болгарии и Сербии во Францию и Бельгию⁶. Франция и Бельгия после окончания послевоенного экономического кризиса крайне нуждались в рабочих руках.

¹ Ивинский Б. Среди братьев // Русские беженцы в Болгарии. София. 1923. С. 50.

² Алопеус Д. Канун // Русские беженцы в Болгарии. София. 1923. С. 23–24.

³ ГАРФ. Ф. 6461. Оп. 1. Д. 284. Л. 5–8.

⁴ Там же. Д. 280. Л. 58.

⁵ ГАРФ. Ф. 6046. Оп. 1. Д. 46. Л. 29.

⁶ Политическая история русской эмиграции ... М., 1999. С. 21.

Франция в качестве центра российского зарубежья была своеобразным магнитом для многих эмигрантов из России. Стремление покинуть Болгарию особенно ярко проявилось во время гражданского противостояния в 1923 г. Не спешили покидать страну те казаки, кто имел хорошую работу и женившиеся на болгарках¹.

В 1930-е гг. выезд казаков из Болгарии был связан с экономическим кризисом, вызвавшим безработицу и применение болгарским правительством ст. 45 Закона об охране труда, предоставлявшей преимущество болгарским рабочим. Последнее порой подталкивало тех, кто остался в стране, принять болгарское гражданство². Побуждало к отъезду казаков из Болгарии и установление в 1934 г. советско-болгарских отношений, а также политика болгарского правительства, направленная на натурализацию и ассимиляцию иммигрантов из России³.

В 1930-е гг. в Болгарии, как и в ряде других государств, наблюдалась смена поколений в среде казачества, что сказывалось как на их активности, так и на процессе интеграции в принимающее сообщество⁴. Остро чувствовалась в Болгарии и проблема получения образования на русском языке⁵.

Безработица, усилившаяся конкуренция приводили к тому, что доброжелательное отношение болгар к иммигрантам из России сменялось порой на неприязнь и враждебность⁶.

В отличие от генерала П.Н. Врангеля и войсковых атаманов, ОСХС организовал переезд казаков в Чехословакию, в политической жизни которой

¹ ГАРФ. Ф. 6461. Оп. 1. Д. 229. Л. 4, 7.

² Казаки за границей. София, 1933. С. 8.

³ Черняев В.Ю. Указ. соч. С. 145.

⁴ Бирман М. Русская эмиграция в Болгарии (в науке, культуре и просвещении) // Новый журнал. 2000. Кн. 218. С. 178–179.

⁵ Там же. С. 173.

⁶ ГАРФ. Ф. 6046. Оп. 1. Д. 34. Л. 65 а; Д. 46. Л. 47.

широко были представлены различные социалистические партии¹. Отметим, что последствия Первой мировой войны в ЧСР «преодолевались относительно быстрее и успешнее, чем в ряде других государств»². Уже 20 июня 1921 г. в Братиславу прибыли первые 80 казаков – членов ОСХС.

К концу 1921 г. министр иностранных дел ЧСР Э. Бенеш озвучил концепцию проведения акции помощи русским беженцам. Он обратил внимание на то, что «русская акция» не должна иметь политический характер³. Основное внимание было сосредоточено на том, чтобы предоставить возможность русским эмигрантам закончить или получить образование в чехословацких учреждениях. Немаловажным представлялось и создание для русских эмигрантов благоприятных социально-экономических условий проживания в стране. При этом в качестве побудительных мотивов для проведения «русской акции помощи» было убеждение в том, что гуманитарная по своему характеру акция может впоследствии принести и ряд политических выгод⁴.

В сентябре 1921 г. представительство ЧСР в Стамбуле получило от министерства иностранных дел ЧСР разрешение о приеме 1 тыс. студентов и 4 тыс. земледельцев из Турции и Греции, при этом не менее половины из них должны были быть казаки⁵. Министр иностранных дел Чехословакии В. Гирса четко указывал своему представителю в Константинополе о приеме в Республике только земледельцев (не менее половины из которых должны были составлять казаки). При этом материальная сторона обустройства

¹ Ратушняк О.В. Общеказачий сельскохозяйственный союз: образование, цели и задачи, деятельность (1921–1923 гг.) // Проблемы историографии и истории Кубани. Краснодар, 1994. С. 191.

² Дейл З. Проблемы социальной политики буржуазной Чехословацкой республики // Социальная структура и политические движения в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (межвоенный период). М., 1986. С. 64.

³ Сладек З. Русская и украинская эмиграция в Чехословакии ... С. 25.

⁴ Сладек З. Русская эмиграция в Чехословакии ... С. 32.

⁵ Сладек З. Русская и украинская эмиграция в Чехословакии ... С. 25.

последних возлагалась на чешское земледельческое объединение, а культурная – на МИД ЧСР¹.

Всего в Чехословакию в конце 1921 – начале 1922 г. въехали около 3 тыс. казаков².

В целях содействия трудоустройству прибывших в ЧСР российских эмигрантов при Центральном сельскохозяйственном обществе Чехословакии была создана административная комиссия, которую возглавил генерал Г.И. Долгопятов (донец). Комиссия фактически помогала эмигрантам адаптироваться к новым условиям существования в стране. Ее деятельность поддерживалась правительством ЧСР и была направлена преимущественно на оказание помощи в решении юридических, материальных и бытовых проблем эмигрантов, задействованных в сельскохозяйственном производстве³. Подавляющее большинство из них были представителями казачества.

Послевоенный экономический кризис в ЧСР был одной из причин того, что далеко не все казаки смогли найти работу. В то же время он не сильно повлиял на поток иммигрантов, прибывавших в Чехословакию, так как многих из них привлекала возможность получить или завершить образование, рассчитывая на материальную поддержку чехословацкого правительства⁴. По мнению Д. Мейснера, помощь оказанная им превзошла ожидания как русских эмигрантов, так и чехов⁵.

Несомненно, Прага была крупным центром общественно-политической, культурной и научной жизни. Однако, как верно заметила А.В. Копршилова, «аналогичные очаги эмигрантской жизни существовали и в других городах» Чехословакии: в Моравии – Брно, в Словакии – Братислава, в Чехии –

¹ Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. М., 1973. Т. 1. С. 443.

² ГАРФ. Ф. 5768. Оп. 1. Д. 6. Л. 16, 18, 21.

³ Хохульников К. Изгнанники. С. 157.

⁴ Шкаренков Л.К. Указ. соч. С. 34.

⁵ Мейснер Д. Миражи и действительность ... С. 136.

Пшибрам и др.¹ К 1923 г. в различных городах Чехословакии были созданы объединения казаков-студентов. Поддержку учащимся эмигрантам оказывал также и чехословацкий Красный Крест. Правительство ЧСР обеспечивало стипендией почти 87% учащихся казаков, выделяло дотации конкретно казачьим организациям, находившимся на территории страны². Среди русских эмигрантских организаций наибольшую помощь казакам в Чехословакии оказал Земгор. Преимущественно это была культурно-просветительная работа и содействие в трудоустройстве³.

В то же время казаки-студенты, получившие образование в ЧСР, вынуждены были в поисках работы по специальности выехать из страны. Это было связано с несколькими факторами. Во-первых, они сразу с получением диплома об образовании, лишались материальной поддержки со стороны чехословацкого правительства, которая предназначалась для обучающихся. Во-вторых, зачастую такой диплом выдавался с печатью на обратной стороне: «Выдал реверс, что отказывается от врачебной практики на территории Чехословацкой Республики, не будучи ее гражданином»⁴.

Президент ЧСР Т. Масарик в 1923 г. заявил, что Чехословакия обязана собрать и сохранить культурные силы в эмигрантской среде. В результате был окончательно определен характер «акции русской помощи» как ориентированной в основном на культурно-образовательную сферу⁵. По мнению К.Б. Егоровой «русская акция» «сделала Прагу крупным культурным и образовательным центром русской эмиграции первой волны»⁶.

Несмотря на помощь чехословацкого правительства и в целом лояльное отношение чехов и словаков к российским эмигрантам, были и негативные

¹ Копршилова А. Российские эмигранты во Вшенорах-Мокропсах-Черношицах (двадцатые годы 20-го века). Прага, 2000. С. 3.

² Сладек З. Русская и украинская эмиграция С. 31.

³ NA. F. MZV-RPA. Karton 612. Ruské a ukrajinské spolky a organizace v ČSR.

⁴ Келин Н.А. Указ. соч. С. 92.

⁵ Сладек З. Русская и украинская эмиграция ... С. 26.

⁶ Егорова К.Б. «Русская акция» Т.Г. Масарика в поддержку образования детей из семей русских эмигрантов // Мир детства в русском зарубежье. М., 2011. С. 28.

моменты, с которыми сталкивались последние¹. Были конфликты и у казаков, занятых на сельскохозяйственных работах, со своими чешскими нанимателями, так как хозяева часто не выполняли своих обязательств перед работниками в части их содержания и оплаты труда².

В Чехословакии, как и в Югославии, и Болгарии, были образованы различные казачьи организации и общества. Преимущественно это были станицы и хутора³. Эти организации и чехословацкие власти пытались облегчить жизнь казаков-эмигрантов.

подавляющее число казаков были задействованы в сельскохозяйственном производстве Чехословакии⁴. Отрыв на долгое время от связи со своими соотечественниками был одной из причин ассимиляции части казачества⁵. В середине 1920-х гг. в Праге было основано Общество по изучению казачества, деятельность которого была направлена на сохранение казачьих традиций и препятствие ассимиляции⁶.

Со второй половины 1920-х гг. отношение чешских властей к эмигрантам несколько изменилось. Связано это было, прежде всего, с установлением дипломатических отношений с СССР. В Чехословакии появляются такие организации, как Общество культурных и политических связей с СССР, а позже – Союз друзей СССР. Окончательному свертыванию «русской акции помощи» способствовал мировой экономический кризис. В 1928 г. в Чехословакии был принят закон об охране национального рынка труда, который усложнил трудоустройство иммигрантов из России. В период кризиса некоторые казаки выезжали из Чехословакии в поисках работы в другие государства или принимали чешское гражданство⁷. Многие казаки-

¹ Келин Н.А. Указ. соч. С. 86, 90.

² Сладек З. Русская эмиграция в Чехословакии ... С. 33.

³ Казак. Прага, 1928. № 1. С. 35; Гарбулева Л. Указ. соч. С. 414, 418; Лунченков И. Указ. соч. С. 82.

⁴ Казак за границей. София, 1933. С. 83.

⁵ Казачья земля. Прага, 1929. № 2. С. 3–4.

⁶ ГАРФ. Ф. 6473. Оп. 1. Д. 196. Л. 1.

⁷ ЛА Р. Интервью с Капшиковой. 12.05.2015, г. Прага (Чехия).

эмигранты считали, что основной причиной изменения отношения чехословацких властей к ним было именно расширение советско-чехословацких связей. Атаман казачьей станицы в Моравской Остраве С.Н. Попов вспоминал: «Когда Чехословакия к Советскому Союзу стала относиться дружески, нас почти не поддерживали»¹. Особенно явно эта тенденция проявилась после 1935 г., когда между СССР и ЧСР был заключен договор о взаимопомощи, в соответствии с которым чехословацкое правительство брало на себя обязательство не поддерживать антисоветски настроенные организации и общества². Тем не менее, и в 1930-е гг. чешское правительство поддерживало ряд эмигрантских обществ и учреждений, в том числе ОСХС и Донской исторический архив.

А. Копршилова выделяет три этапа во взаимоотношениях чехов и словаков в качестве хозяев и русских иммигрантов в качестве гостей: восторженного отношения; разочарования и охлаждения; привыкания, взаимопонимания и сближения³.

Особенность взаимоотношений местного населения с казаками можно объяснить тем, что второй этап был менее выражен в силу того, что отрицательные черты характера, которые отмечали чехи и словаки у представителей российской эмиграции в целом, были менее свойственны казакам: легкомысленное отношение к деньгам и имуществу, неэкономность, ленность, склонность к фантазерству, презрительное отношение большого народа к малому. Отметим и тот факт, что казаки были более приспособлены к проживанию в сельской местности и в пригородах крупных городов и потому легче находили контакт с местным населением.

Небольшая часть казаков оказались в Румынии, хотя в силу национальных, экономических и санитарных причин румынское

¹ Цит. по: Хохульников К. Изгнанники. С. 158.

² Бондаренко И.И., Долейши Й. Указ. соч. С. 155.

³ Копршилова А. Российские эмигранты ... С. 10.

правительство всеми силами сопротивлялось притоку иммигрантов¹. К лету 1921 г. в Румынии находилось около 1 500 донцов², размещенных в нескольких лагерях³. Ограниченные в передвижении они все получали паек, а офицеры и чиновники – еще и небольшую денежную сумму (300 лей в месяц)⁴. Как и в других государствах казаки со временем устроились на различного рода работы. Полицейский надзор местных властей, отрыв от основной массы казачества и своих атаманов, ограничение в передвижении по стране вызывали стремление у большинства казаков переехать из Румынии в другие государства.

В таком же положении, как и в Румынии, казаки находились в Венгрии. Из 4,5 тыс. российских эмигрантов казаков было около 300 чел. (преимущественно донцы и кубанцы). Они создали Венгерскую казачью станицу и кубанский казачий хутор. Большинство из них работали в основном на различных предприятиях, хотя предпринимались отдельные попытки осесть на земле. В середине 1920-х гг. многие казаки выехали из страны, но были и те, кто обзавелся семьями, женившись на венгерских девушках⁵.

Как и в ряде других государств, в Финляндии казаки первоначально содержались в лагерях. Однако уже в первый год своего пребывания в стране большинство казаков устроились на различные работы (в основном к местным фермерам). Часть казаков были приняты на государственные и частные предприятия. Причем до 1923 г. иммигрантам в Финляндии запрещалось самовольно менять место работы⁶.

В 1923 г. кубанские казаки, проживавшие в Фридрихсгамме, создали Кубанско-финляндский хутор, расширившийся впоследствии до станицы.

¹ Черняев В.Ю. Указ. соч. С. 141.

² ГАРФ. Ф. 6461. Оп. 1. Д. 284. Л. 2 а.

³ Отчет о деятельности Донского правительства ... С. 57.

⁴ ГАРФ. Ф. 6899. Оп.1. Д. 20. Л. 121.

⁵ ГАКК. Коллекция документов ККВ за рубежом. Пер. 1. Кор. 4. Ед. хр. 7-10. Кубанцы в Венгрии. Будапешт. 26.11.1925 г.

⁶ Солодухин Г. Указ. соч. С. 57, 63.

При поддержке владельца лесопильного завода казаки станицы организовали хор. Отрыв от основной массы казачества и стремление быть под крылом своего войскового атамана приводили к стремлению кубанцев выехать в КСХС¹. Однако только осенью 1924 г. им удалось выехать из Финляндии, но не в Сербию, а во Францию². Часть молодых казаков, женившиеся на финских девушках, остались в стране.

В Германии первоначально основную массу казаков составили военнопленные Первой мировой войны и интернированные в ходе советско-польской войны, размещавшиеся в нескольких лагерях, разбросанных по всей стране. В 1922 г. многие лагеря были закрыты, а оставшиеся казаки (около 2,5 тыс. чел.) перешли на положение эмигрантов, расселившись по всей стране.

В Германии казаки трудились преимущественно на сельскохозяйственных работах и на добыче торфа. Большинство из них находились в очень тяжелом положении, так как устроиться на работу было чрезвычайно тяжело. Не менее значимым был и тот факт, что германские власти старались фактически выдвинуть из страны беженцев из России³.

Постепенно многие казаки покинули Германию. Большую помощь казакам в вопросе их переезда из Германии во Францию оказывал созданный в Берлине Кружок помощи казакам⁴.

В Польше положение казаков было не менее тяжелым. После окончания советско-польской войны казаки разместились на территории Польши в лагерях для интернированных лиц⁵. По подсчетам А.И. Елкина, на территории Польши находилось около 4 400–5 000 казаков. При этом в

¹ ГАКК. Коллекция документов ККВ за рубежом. Пер. 1. Кор. 4. Ед. хр. 7. Письма Ф.И. Елисеева – В.Г. Науменко. 1921.

² Солодухин Г. Указ. соч. С. 65, 74–77.

³ Черняев В.Ю. Указ. соч. С. 140.

⁴ Русская военная эмиграция ... 2004. Т. 4. С. 657.

⁵ ГАРФ. Ф. 6461. Оп. 1. Д. 226. Л. 5–7, 23.

интернированных частях сохранялись воинская организация и воинская дисциплина¹.

К концу 1921 г. многие казаки покинули лагеря и устроились на работы различного рода. Некоторые из них вернулись в Советскую Россию². Остальные стремились покинуть страну и перебраться в Болгарию, КСХС, Францию или Чехословакию³. Отдельные казаки женились на местных крестьянках⁴. Оставшиеся в Польше казаки, как и в других странах, организовывались в станицы и хутора. Так, в 1924 г. были образованы 1 станица и 6 хуторов. При станице имелись касса взаимопомощи и библиотека⁵. Определенную материальную поддержку казакам в Польше оказывало донское правительство. В первую очередь помощь получали больные, инвалиды и учащиеся казаки⁶.

Примерно с лета 1923 г. наблюдалась тяга казаков к переезду во Францию и Бельгию. При этом казачьи атаманы, командование Русской армии, а впоследствии руководство РОВС содействовали этому переезду⁷. Данные государства наиболее нуждались в рабочих руках. Кроме того, как отмечал генерал П.Н. Краснов, «казаки отовсюду пытаются попасть во Францию, потому что тут условия жизни легче, более культурные и заработок больше»⁸. Здесь, как и во многих других государствах, казаки объединялись в станицы и хутора. Уже в 1924 г. во Франции было образовано несколько казачьих станиц⁹, а в 1926 г. появилась Объединенная казачья станица в Бельгии¹⁰. Казаки остро реагировали на различные

¹ Ёлкин А.И. Указ. соч. С. 102.

² ГАРФ. Ф. 5814. Оп. 1. Д. 15. Л. 133.

³ ГАРФ. Ф. 6899. Оп. 1. Д. 18. Л. 25.

⁴ ГАРФ. Ф. 6461. Оп. 1. Д. 226. Л. 10–19, 57, 66.

⁵ Ёлкин А.И. Указ. соч. С. 105.

⁶ Русская военная эмиграция ... 2004. Т. 4. С. 659.

⁷ Там же. С. 215, 657–659, 682.

⁸ Там же. 2010. Т. 5. С. 307.

⁹ Русская военная эмиграция ... 2007. Т. 4. С. 430.

¹⁰ РММН. Ф. Архив Объединенной казачьей станицы в Бельгии. Вох. 1. Folder 1.Список учредителей Объединенной казачьей станицы в Бельгии и Список казаков, входящих в нее в 1926 г.

изменения в политике европейских государств в отношении СССР. Так, обращение/декларацию Русского эмигрантского комитета к председателю французского правительства Э. Эррио в связи с признанием французским правительством Советского Союза подписали представители ОСДКТ, Лиги казаков во Франции, комитета «Казачья помощь», 6 казачьих станиц и 18 казачьих групп, располагавшихся во Франции¹. Иногда наблюдался и возврат казаков из Франции, например, в Болгарию, в основном из-за того, что далеко не всем казакам удалось адаптироваться к языковой среде во Франции². И в этом плане Сербия и Болгария были более предпочтительны.

Одной из особенностей пребывания казаков-эмигрантов в Китае в 1920–1930-е гг. было отсутствие единой государственной политики, в том числе и в отношении эмигрантов. Как следствие – разное правовое положение эмигрантов, что влекло за собой определенные особенности условий их социально-экономической жизни. В первую очередь это касается Маньчжурии, Синьцзяна, Внутреннего Китая (Пекин, Шанхай, Тяньцзинь).

Синьцзян фактически до 1949 г. был независимым как во внешней, так и во внутренней политике. Кроме того, значительную часть его населения составляли уйгуры, исповедовавшие мусульманство. С 1933 г. в Синьцзяне наблюдалось определенное влияние СССР, который помог местному губернатору Шэн Шицаю укрепить свою власть в этой провинции.

Маньчжурия характеризовалась тем, что в ней еще до начала эмиграции из России проживало большое количество российских подданных, концентрировавшихся преимущественно вдоль КВЖД. Наличие КВЖД было важным фактором и последующего пребывания в данном регионе российских эмигрантов, в том числе и казаков. Вплоть до осени 1928 г. здесь сосуществовали сторонники и противники Советской России (СССР). Осенью 1931 г. Маньчжурия подверглась японской оккупации, следствием

¹ Русская военная эмиграция ... 2007. Т. 4. С. 531.

² Там же. С. 656.

которой стало создание весной 1932 г. марионеточного государства Маньчжоу-го, просуществовавшего вплоть до августа 1945 г.

Казаки-эмигранты жили в Китае в условиях постоянно меняющейся политической ситуации. Естественно, что это приводило их к крайне нестабильному положению.

Центральное правительство в Пекине периодически пыталось руководить ситуацией в стране. В марте 1921 г. китайские власти приняли закон «О порядке регистрации русских эмигрантов», согласно которому все иммигранты, прибывшие из России на территорию Китая, должны были регистрироваться в полицейских управлениях. Никаких законодательных ограничений по въезду в страну введено не было. В сентябре 1923 г. МИД Китая издал Положение о проживании русских подданных, в соответствии с которым обязательным условием для получения разрешения на проживание в Китае выходцами из России являлась «непричастность к экстремистским политическим организациям»¹.

Положение казаков-иммигрантов в Китае усугублялось и злоупотреблениями со стороны местных властей, которые произвольно увеличивали налоги и всячески притесняли иммигрантов². Последние в силу такой практики были практически бесправными.

Амурские казаки, поселившиеся вдоль рек Сунгари и Амур, занимались земледелием, рыболовством и рубкой леса³. Часть казаков разместились в городах. Преимущественно это были представители интеллигенции и офицеры. Сфера их деятельности была разнообразна: служащие различных предприятий, шоферы, сторожа, чернорабочие. Некоторые казаки давали частные уроки в основном детям российских эмигрантов.

В Трехречье большинство составляли казаки-забайкальцы. Вдоль Восточной линии КВЖД расположились преимущественно казаки-

¹ Аблажей Н.Н. С востока на восток ... С. 73.

² ГАРФ. Ф. 5963. Оп. 1. Д. 30. Л. 13.

³ Пушкарев В.А. Исторические судьбы амурского казачества ... С. 154.

уссурийцы. На юге Маньчжурии осели представители практически всех казачьих войск, образовавшие сводные казачьи станицы¹.

В Трехречье (бассейн рек Ган, Тэлбур и Хаул) казаки занимались главным образом земледелием и скотоводством. Анализируя хозяйственную деятельность казаков-забайкальцев в Трехречье, Ю.В. Аргудяева приходит к выводу, что схожесть природной среды и «приемлемые условия местной власти» способствовали трансляции своего хозяйственного комплекса в новых условиях².

В Синьцзяне казаки жили в основном в сельской местности и занимались сельским хозяйством. До середины 1930-х гг. китайцы создавали условия, при которых казаки вынуждены были арендовать землю без права покупки. Однако после того как русские иммигранты (в том числе 1 750 казаков) помогли подавить мусульманское восстание в провинции, китайские власти приняли программу, предусматривавшую возможность получения казаками земли. В результате реализации данной программы казаки вместе с семьями были расселены «в нескольких районах Синьцзяна: Пичан-Чиктынском, Лань-Сянском, Карашар-Курлинском, Тарбагатайском и Илийском»³.

Казаки составляли значительную часть российской колонии в Шанхае⁴. Более трех лет на рейде Шанхая провели казаки, входившие в Дальневосточную группу генерала Ф.Л. Глебова. С одной стороны, было крайне тяжело все время находиться на судах в море. Но, с другой стороны, казаки группы были обеспечены продовольствием и заняты работой по содержанию кораблей в надлежащем порядке. Казаки, находившиеся на берегу, в большинстве своем вынуждены были бороться за свое существование. Тяжелые условия и традиционная тяга казаков к жизни в казачьем обществе привели их, как и во многих других странах, к

¹ Мелихов Г.В. Российская эмиграция в Китае ... С. 76.

² Аргудяева Ю.В. Трансляция забайкальскими казаками ... С. 65.

³ Аблажей Н.Н. С востока на восток ... С. 46.

⁴ Аблова. КВЖД и российская эмиграция в Китае. С. 183–184.

образованию казачьих станиц и хуторов, многие из которых впоследствии вошли в Казачий союз в Шанхае¹.

В июне 1927 г. иностранный отдел ОГПУ сообщал, что в русской колонии в Тяньцзине, насчитывавшей около 7 тыс. чел., имеется большое количество казаков, многие из которых «материально необеспеченны, заняты разными работами по погрузкам и другой черновой работой, часть из них попрошайничает»². В 1929 г. в Тяньцзине сибирские казаки создали свою станицу³. К осени 1929 г. в Тяньцзине были образованы Амурская и Оренбургская казачьи станицы и Забайкальское землячество⁴.

Первоначально в Китае казаки создавали различного рода артели, кооперативные товарищества, которые помогали выживать в трудных условиях эмиграции. Жить старались общинами, напоминая устройство казачьих станиц. К 1923 г. более 10 подобного рода общин возникли на севере Китая, преимущественно вдоль Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). Со временем большинство из них чаще именовались станицами, основателями которых являлись казаки Забайкальского, Амурского и Уссурийского казачьих войск. Однако были станицы сибирская, оренбургская, енисейская и другие, в том числе и общеказачьи, именовавшиеся по месту размещения казаков – Трехреченская, Якешенская, Найджин-Булакская и Цаганская⁵.

В Китае казакам было довольно тяжело конкурировать с местными чернорабочими-кули, которые выполняли громадные объемы любой работы за довольно низкую оплату. Все это приводило к тому, что основную работу казаки могли найти только у иностранцев и российских предпринимателей⁶. В этом плане положение казаков в Шанхае и Тяньцзине было намного хуже,

¹ ГАРФ. Ф. 5963. Оп. 1. Д. 15. Л. 10.

² Русская военная эмиграция ... 2015. Т. 7. С. 615.

³ ГАРФ. Ф. 10003. Оп. 12. Катюшка 17. Кадр 068; НИА. F. Baronessa M.D. Vrangel, 1915–1944. Box 15. Folder 9. Тяньцзинская станица.

⁴ Русская военная эмиграция ... 2015. Т. 7. С. 105.

⁵ Малышенко Г.И. Общественно-политическая жизнь ... С. 84–85.

⁶ Мелихов Г.В. Российская эмиграция в Китае ... С. 59.

чем в Харбине и Северо-Восточном Китае в целом, где русская диаспора имела довольно развитую социально-экономическую базу. Из иностранцев наибольшую помощь русским в Китае, в том числе и казакам, оказывало французское консульство¹.

Казачья в Китае получали помощь от различных российских беженских организаций, таких как Харбинский комитет помощи русским беженцам, Главное бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжоу-го, Русское благотворительное общество в Шанхае, Бюро по русским делам в Шанхае и др. Кроме того, представители казачества входили в состав подобных организаций. Так, 24 июля 1924 г. в Шанхае был создан Комитет защиты прав и интересов русских в Шанхае под председательством бывшего генерального консула России В.Ф. Гроссе. В состав Комитета входили командующий Дальневосточной казачьей группой генерал Ф.Л. Глебов и председатель временного правления Казачьего союза в Шанхае И.Н. Шендриков².

Порой и сами казаки оказывали помощь нуждающимся в ней. Так, казаки Тяньцзинской станицы через газету «Наша Заря» сделали денежный перевод Комитету помощи беженцам, прибывшим из России³.

Казачья занимались земледелием, скотоводством. Только в Трехречье казаки обрабатывали около 10 тыс. десятин земли, содержали более 5 тыс. лошадей и 17 тыс. голов крупного рогатого скота. При этом они удовлетворяли не только потребности 19 казачьих станиц, размещенных в Трехречье, но и других жителей, не входивших в станицы⁴. В Трехречье казакам удалось полностью сохранить свой быт и традиции. Практически во всех казачьих поселениях действовали православные храмы, которые были своеобразными центрами духовной жизни. Казачьи дети получали

¹ Мелихов Г.В. Российская эмиграция в Китае ... С. 114.

² ГАРФ. Ф. 5963. Оп. 1. Д. 15. Л. 38.

³ Мокин Л.Н. Тяньцзинская станица // Сибирский казак. Харбин, 1932. 19 декабря. С. 7.

⁴ Малышенко Г.И. Общественно-политическая жизнь С. 85.

образование в начальных школах, имевшихся практически в каждом поселении. Для желающих продолжить образование работала прекрасно оборудованная средняя школа¹. Основу казачьего населения Трехречья составляли забайкальские казаки, которые образовали к 1926 г. 21 поселение (станции и хутора), где проживали около 2,5 тыс. чел. Помимо скотоводства и земледелия, казаки занимались также охотой и рыболовством. Так, только в Маньчжурии более 2,5 тыс. эмигрантов занимались охотой (большинство из них были казаки)². При этом зажиточные казаки устраивали свои собственные хозяйства и предприятия, а более бедные работали преимущественно в качестве наемных работников³. Даже экономический кризис и последующая депрессия мало сказались на экономике и жизни казаков Трехречья. К 1934 г. здесь насчитывалось 23 станции с общей численностью населения около 10 тыс. чел.⁴

Поставка сельскохозяйственных товаров населению, размещавшемуся вдоль КВЖД, способствовала усилению здесь позиций российских коммерсантов. Только в двух городах (Харбине и Маньчжурии) к началу 1925 г. российскими эмигрантами было основано 1 200 предприятий. В свою очередь управляющий КВЖД инженер Б.В. Остроумов оказывал содействие казакам в трудоустройстве на железной дороге⁵.

Несмотря на установление советско-китайских отношений исполняющий обязанности генерального консула СССР в Харбине В. Аболтин в ноябре 1927 г. отмечал враждебность китайских властей⁶. Подобное положение наблюдалось и в Синьцзяне, где местные власти более негативно относились к тем иммигрантам, которые приняли советское гражданство. Так управляющий генеральным консульством СССР Урумчи

¹ Райан Н.В. Указ. соч. С. 48–49.

² ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 1. Д. 4. Л. 8.

³ ГАРФ. Ф. 5963. Оп. 1. Д. 30. Л. 12.

⁴ Трехреченский рай – культурные хлебоборобы // Харбинское время. Харбин, 1934. 17 октября. С. 6; АВПР. Ф. 100 «б». Оп. 1. Папка 3. Дело 27. Л. 6.

⁵ Малышенко Г.И. Общественно-политическая жизнь ... С. 85.

⁶ АВП РФ. Ф. 308. Оп. 1. Папка 3. Д. 20. Л. 8.

Н. Замятин писал: «Стоит же кому-нибудь из бывших российских подданных зарегистрироваться в Консульстве, как его положение сразу ухудшается»¹.

Такое положение дел приводило к тому, что в Синьцзяне и Маньчжурии представителям белой эмиграции, в том числе казакам, было проще найти работу, чем эмигрантам из России, принявшим советское гражданство. И в этом плане положение российских иммигрантов в Маньчжурии и отчасти в Синьцзяне было первоначально лучше, чем в Шанхае. Однако и в Шанхае большинство казаков-иммигрантов сумели со временем получить различного рода работу. До 95% офицеров и рядовых казаков имели постоянный заработок, дающий возможность скромного, но вполне благополучного существования. Преимущественно они выполняли функции сторожей и охранников предприятий и богатых китайцев, работали водителями и разнорабочими².

Отметим, что далеко не все эмигранты из России мирно встраивались в жизнь китайского общества. Часть эмигрантов, в основном на северо-востоке Китая, в Маньчжурии, занимались разбойничеством и бандитизмом. По всей вероятности, большинство из них первоначально были объединены в отряды и группы для антисоветских действий. Они переходили китайско-советскую границу, терроризировали местное население, пытались поднять восстания. Подобные отряды чаще всего грабили и терроризировали советских служащих КВЖД и их семьи. Особенно активизировались они летом 1929 г. в период кризиса советско-китайских отношений, вызванных конфликтом на КВЖД. Белогвардейские отряды в этот период активно использовались фактическим правителем Маньчжурии маршалом Чжан Сюэляном. Однако 22 декабря 1929 г. после подписания в Хабаровске советско-китайского протокола, предусматривавшего восстановление мирных отношений на границе, заинтересованность китайцев в вооруженных белогвардейских

¹ АВП РФ. Ф. 311. Оп. 1. Папка 5. Д. 20. Л. 37. Л. 51.

² ГАРФ. Ф. 5963. Оп. 1. Д. 17. Л. 6.

отрядах отпала¹. К тому же последующее обострение отношений между Китаем и Японией делало нежелательным наличие таких отрядов на китайской территории ввиду того, что некоторые известные деятели российского, в том числе и казачьего, зарубежья в Китае (например, атаман Г.М. Семёнов) занимали прояпонскую позицию. В то же время китайское правительство сначала весьма спокойно смотрело на набеги казачьих отрядов на территорию СССР. Чаще всего подобные набеги совершались небольшими группами – от 6 до 12 чел.² Особенно активизировались набеги в 1930 г., с приходом в Харбин из Шанхая начальника Дальневосточного отдела РОВС генерала М.К. Дитерихса. Одной из целей поездки генерала была организация связи РОВСа с отрядами белоэмигрантов в районе КВЖД³.

Отметим, что и советское правительство через генерального консула СССР в Харбине неоднократно настаивало на выполнении китайским правительством пункта 4 Хабаровского протокола, в котором говорилось о том, что «китайские власти немедленно разоружают русские белогвардейские отряды и высылают из пределов Трёх Восточных Провинций их организаторов и вдохновителей»⁴. Кроме того, необходимость обеспечивать себе продовольствие, обмундирование, оружие заставляли белогвардейские отряды совершать грабежи как зажиточных китайцев, так и российских эмигрантов. Все это заставило китайское правительство начать активную борьбу с вооруженными отрядами белоэмигрантов. Фактически накануне оккупации Маньчжурии Японией большинство этих отрядов были разбиты китайскими войсками под командованием генерала Су Бин-Вэня. В частности, в 1931 г. были разгромлены крупные отряды, состоявшие преимущественно из казаков под командованием Зыкова и И.А. Пешкова⁵.

¹ История дипломатии. М., 1965. Т. 3. С. 527–528.

² АВП РФ. Ф. 308. Оп. 3. Папка 7. Д. 4. Л. 1–2.

³ Там же. Л. 74–75.

⁴ Там же. Ф. 100. Оп. 14. Папка 24. Д. 19. Л. 5.

⁵ Там же. Оп. 15. Папка 26. Д. 21. Л. 1–2.

Отметим, что особоуполномоченный МИД Китая Ван Цзин-хуан доложил об этом генеральному консулу СССР А.А. Знаменскому¹.

В тоже время китайские власти совершенно не изъявляли желания бороться с общественными и общественно-политическими организациями белоэмигрантов в стране, несмотря на требование советских властей, ссылавшихся на Хабаровский протокол². Так, в списке различных организаций, занимающихся антисоветской деятельностью на территории Китая, подготовленном консулом СССР в Китае, был ряд казачьих организаций и объединений: Уссурийское и Оренбургское казачьи войска, амурское, иркутское и уссурийское землячества, Амурская и Донская казачьи станицы и Рабоче-крестьянско-казачья партия³. Более того, китайские власти порой арестовывали тех российских иммигрантов, которые сообщали о готовящихся белоэмигрантами антисоветских провокациях⁴. Все это приводило к тому, что создавались новые отряды, в том числе из казаков, которые периодически совершали набеги на советскую территорию⁵.

В Китае, и особенно в Маньчжурии, также чувствовались отголоски мирового экономического кризиса и последующей депрессии, хотя, конечно, и не в таких масштабах, как в США и ряде европейских государств. Традиционные способы сборов денег и пожертвований эмигрантов в виде благотворительных концертов, вечеров, балов перестали приносить значимые доходы. Власти Маньчжурии стремились использовать данный факт для объединения российских эмигрантских организаций⁶. При этом японцы первоначально предпочитали, чтобы подобное объединение

¹ АВП РФ. Ф. 308. Оп. 4. Папка 9. Д. 3. Л. 20–24.

² Там же. Ф. 100. Оп. 15. Папка 26. Д. 21. Л. 8–12.

³ Там же. Оп. 14. Папка 24. Д. 19. Л. 87–102.

⁴ Там же. Оп. 15. Папка 26. Д. 21. Л. 64–65.

⁵ Брянский С. Трагический рейд партизан, погибших от руки красных палачей // Рупор. Харбин, 1934. 15 июля. С. 1.

⁶ Танака С. Мудрое решение // Харбинское время. Харбин, 1934. 33 ноября. С. 2.

проводилось не властями, как в Германии, а по инициативе самих эмигрантских организаций¹.

Сложная социально-экономическая обстановка наблюдалась в Маньчжурии в связи с оккупацией ее японскими войсками. В 1935 г. СССР был вынужден продать КВЖД марионеточному государству Маньчжоу-Го. Японская оккупация Маньчжурии и продажа КВЖД привели к тому, что часть русского населения северо-востока Китая вернулась в СССР, а часть переселилась во Внутренний Китай. И в первой, и во второй группе были представители казачества. В то же время многие белоэмигрантские газеты убеждали казаков не уезжать в Шанхай, а остаться в Маньчжурии. В качестве основного аргумента приводилось то, что в Шанхае гораздо труднее найти работу². Причем большинство антисоветски настроенных лидеров белой эмиграции просто не хотели терять потенциальных участников продолжения борьбы с большевиками.

Немало казаков осталось на прежних местах своего поселения в Маньчжурии. Отметим также, что часть эмигрантов, принявших ранее советское гражданство, но не пожелавших выехать в СССР, в 1935–1936 гг. стремились отказаться от советского гражданства³. Лидеры казачества, сделавшие ставку на сотрудничество с японскими властями, выражали всячески свою преданность как марионеточному правительству Маньчжоу-Го, так и японскому правительству. Они пытались убедить казаков в том, что «Великая маньчжурская империя, в искреннем единении с великой и благородной соседкой Японской империей, несут миру – мир, а всем народам, в том числе и русским, населяющую эту благодатную страну, возможность свободно жить, трудиться и служить высоким принципам «Ван-Дао»⁴. Они всячески пропагандировали то, как прекрасно живет казак в

¹ Танака С. Объединение эмиграции – дело самой эмиграции // Харбинское время. Харбин, 1934. 23 ноября. С. 2.

² АВП РФ. Ф. 100. Оп. 16. Папка 32. Д. 21. Л. 20.

³ Там же. Ф. 100 «б». Оп. 4. Папка 23. Д. 40. Л. 48.

⁴ Бакшеев А. Казачество // Дальневосточный казак. Харбин, март 1934. <№ 3>. С. 8.

Маньчжурской империи, в том числе и в плане ведения ими общественной деятельности, подчеркивая, что подобная «любезность» со стороны властей Маньчжоу-Го вызвана лояльностью казаков к правящему режиму¹. Часть казаков поддались на эту агитацию и не только остались в Маньчжурии, но и сотрудничали с японскими оккупационными властями. В районе Северо-Маньчжурской железной дороги казаки вместе с японцами и маньчжурами входили в кавалерийские отряды, одной из целей которых было поддержание порядка и борьба с хунхузами². Казачья станица, состоявшая из 180 учеников русской гимназии в Хайларе, в качестве почетного атамана станицы избрала директора гимназии полковника Мацузаки³.

Генеральный консул СССР в Харбине М. Славуцкий, ссылаясь на китайско-советские соглашения, заключенные в Пекине и Мукдене в 1924 г., неоднократно выражал протест в отношении того, что власти Маньчжурии поощряют деятельность белоэмигрантов в организации враждебных действий против СССР⁴. Но эти протесты чаще всего оставались без внимания.

Большую роль в среде дальневосточного казачества играла церковь. В Китае существовали две митрополии – Маньчжурская с центром в Харбине и Китайская с центром в Пекине, которые тесно сотрудничали между собой. В Маньчжурии, где располагалась основная масса эмигрантов из России с 1922 по 1945 г. было открыты 48 православных храмов. Имелись храмы также в Пекине, Шанхае, Тяньцзине⁵.

¹ Радиоречь, произнесённая 11 марта 1934 г. с харбинской широкопередаточной станции членом правления Союза казаков на Дальнем Востоке и бывших чинов Дальневосточной армии И.И. Почекуниным // Дальневосточный казак. Харбин, март 1934. <№ 3>. С. 89.

² Кавалерийский отряд для борьбы с хунхузничеством // Харбинское время. Харбин, 1935. 10 апреля. С. 5; АВПР. Ф. 100 «б». Оп. 2. Папка 12. Д. 17. Л. 54.

³ АВП РФ. Ф. 100 «б». Оп. 4. Папка 21. Д. 14. Л. 50.

⁴ Там же. Ф. 308. Оп. 9. Папка 16. Д. 5. Л. 1.

⁵ Мелихов Г.В. Российская эмиграция в Китае ... С. 67.

Однако крайне тяжелое социально-экономическое положение иммигрантов, а также окружавшая их среда привели к тому, что часть казаков переехали из Китая в Австралию, Канаду, США и даже в Европу.

Судьбу рядовых казаков во многом разделяли и атаманы войск (бывшие и избранные в эмиграции). Бывший атаман Амурского казачьего войска И.М. Гамов преподавал историю и математику в русских школах, располагавшихся вдоль Северо-Маньчжурской железной дороги, входя в состав правления Русского учительского общества. Впоследствии он занимал должность директора в ряде школ. При этом сам атаман также учился, в 1937 г. окончил в Харбине юридический факультет. Проживал И.М. Гамов преимущественно в казенных квартирах (предоставляемых школами) в крайне скромной обстановке¹.

Бывший атаман Енисейского казачьего войска А.Н. Тялшинский во время своего пребывания в Харбине зарабатывал на жизнь случайными подработками и службой в полиции, билетером автобуса, на бензоколонке, служащим в Нефтяном союзе, преподавал древние языки в Духовной семинарии, заведовал курсами по изучению японского языка и др.²

До Второй мировой войны численность российских эмигрантов в Австралии, в том числе и казаков, была невелика. Так, анализ переписи населения 1921 и 1933 гг. показывает, что численность русской общины в Австралии выросла незначительно – с 4 138 до 4 873 чел. Большинство переселенцев прибыли из Китая. Особенно активно шло переселение в 1925 г. (после подписания советско-китайского соглашения) и в середине 1930-х гг., когда русское население бежало из Маньчжурии после ее оккупации японскими войсками³.

¹ Крюков В.В. Атаман Гамов. Биографическая справка. URL: <http://svgbdvr.ru/istoriya/ataman-gamov> (дата обращения 12.09.2016).

² Тимофеев А.Н. Тялшинский А.Н. – атаман Енисейского казачьего войска и Енисейской зарубежной казачьей станицы в г. Харбине // Владивосток – точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции. Владивосток, 2016. С. 305.

³ Рудницкий А.Ю. Указ. соч. С. 137.

Большинство казаков размещались в Австралии в двух штатах – Квисленде и Новом Южном Уэльсе. Как и в Европе, они предпочитали держаться вместе и работать преимущественно на земле. Так, уральские казаки (около 60 чел.), одни из первых прибывшие в Австралию, купили участок земли на окраине Брисбена, создав там овощеводческое хозяйство. Однако оно не могло прокормить всех казаков, и они вынуждены были подрабатывать на различных работах в окрестностях Брисбена. Казаки трудились на фруктовых фермах, собирали хлопок, рубили сахарный тростник. Рабочие артели казаков считались одними из наиболее продуктивных. Во время экономического кризиса часть казаков перебралась на Северную территорию, где шло строительство железной дороги. Практически все казаки жили надеждой накопить денег для покупки фермы. Так, фермером-хлопководом стал и атаман уральских казаков В.С. Толстов. Став крепко на ноги, некоторые казаки выписывали свои семьи из Советской России и Китая. Постепенно казаки, особенно семейные, в поисках лучших условий жизни разъезжались в разные места, создавая свои станицы. В 1920–1930-х гг. были созданы казачьи станицы в Брисбене, Кордальбо и Талли. Но основным центром казачьей жизни по-прежнему оставался Брисбен¹. На окраинах Сиднея поселились казаки, прибывшие с греческого острова Лемнос. Они занимались в основном разведением птицы².

Как уже отмечалось, некоторые казаки уже в 1920-е гг. оказались в Латинской Америке, преимущественно в Аргентине, Бразилии и Парагвае. В большинстве случаев желающие казаки получили участки земли для обработки и освоения. Очень часто это была земля в труднодоступных и малоосвоенных районах. В силу этого некоторые казаки вынуждены были вернуться обратно в Европу. В 1929 г. около 200 казаков выехали на работы в Перу. Однако в течение первых двух лет больше половины из них вернулись

¹ Каневская Г.И. «Я – бездомный, но зато на воле...» ... С. 55; Каневская Г.И. Очерк русской иммиграции в Австралии ... С. 45–46.

² Рудницкий А.Ю. Указ. соч. С. 138.

обратно, не выдержав тяжелых климатических условий¹. В Парагвае помимо земли правительство оказало казакам-иммигрантам материальную помощь, включая выделение необходимых стройматериалов. Впоследствии ряд офицеров были приняты Парагваем на военную службу. Так, есаул В. Серебряков в парагвайской армии в чине майора командовал батальоном. При этом денежное довольствие было очень хорошим, особенно у офицеров, которые заняли командные должности². Генералу И.Т. Беляеву парагвайским правительством было поручено обследование района р. Чако. Военный министр Парагвая Л.А. Риарт в 1924 г. передал И.Т. Беляеву подробную инструкцию, в которой содержались главные задачи экспедиции в указанный район: 1) обследование территории на предмет постройки там оборонительных укреплений и 2) изучение местных индейских племен и установление с ними контактов³. Интересно, что И.Т. Беляев был приглашен переехать из Аргентины в Парагвай бывшим президентом Парагвая М. Гондра⁴.

И.Т. Беляеву принадлежит и крайне фантастический план, связанный с обустройством в Парагвае казаков-иммигрантов. Ознакомившись с положением дела в приграничной области Чако, из-за которой у Парагвая был конфликт с Боливией, И.Т. Беляев предложил заселить данный район казаками. При этом он исходил из того, что казаки изначально предрасположены к проживанию на фронтире. Они могли бы одновременно осваивать и защищать данную территорию. Кроме того, соседство с индейскими племенами привело бы к бракам между казаками и индейцами, обеспечив первых устойчивостью к местным заболеваниям и навыками жизни в местных условиях, а вторых – навыками и умениями казаков как

¹ Хохульников К. Изгнанники. С. 154.

² Овчинников И. Указ. соч. С. 41.

³ НИОР РГБ. Ф. 587. Картон 1. Д. 34. Л. 1–2.

⁴ Там же. Д. 30. Л. 268.

воинов-земледельцев. И.Т. Беляев даже предполагал, что через 30 лет могло бы появиться племя казаков-индейцев¹.

Добрались казаки и до США и Канады, хотя тоже в небольшом количестве и преимущественно одиночки. Одна из основных причин малочисленности казаков в государствах американского континента заключалась в значительной отдаленности его от России и от мест первоначального размещения казаков в эмиграции. У большинства казаков не было ни средств для преодоления такого значительного расстояния, ни желания уходить далеко от родины и своих братьев-казаков. Многие руководители зарубежного казачества, не желая терять казаков в качестве социально-политической базы для реализации своих амбиций и планов, были против как распыленности казачества, так и их переезда далеко от границ России. Так, некоторые руководители казачества встретили в штыки проекты переселения казаков в США и Канаду, имевшие место в 1920-х гг.² Жизнь тех казаков, которые все-таки иммигрировали в США и Канаду, была не намного лучше тех, кто остался в европейских государствах и Китае. В 1931 г. И.К. Окулич характеризовал жизнь казаков-эмигрантов в Канаде как безотрадную и грустную³.

Практически везде, где существовали хотя бы небольшие группы казаков, они объединялись в станицы и хутора. Начавшийся стихийно данный процесс получил впоследствии свое закрепление в Положении об управлении станицами и хуторами за границей, зафиксировавшем цели и задачи данных объединений, главными из которых были: сплочение казачества за рубежом, сохранение казачьих традиций и культуры, оказание правовой, медицинской и материальной помощи⁴. К созданию объединений в форме станиц призывал и бывший атаман Забайкальского казачьего войска

¹ НИОР РГБ. Ф. 587. Картон 7. Д. 30. Л. 4.

² ГАРФ. Ф. 10003. Оп. 12. Катюшка 16. Кадр 081; НИА. F. Baronessa M.D. Vrangel, 1915–1944. Box 14. Folder 19. И.К. Окулич. Мои личные воспоминания. 1917–1931 гг.

³ Там же.

⁴ ГАРФ. Ф. 6461. Оп. 1. Д. 273. Л. 14.

Г.М. Семенов. По его мнению, необходимо было сохранить атаманскую власть как орган административного управления, а также традицию избрания станичных атаманов общим сходом станичников¹.

Чаще всего образованные станицы и хутора носили общеказачий характер. Однако в тех, местах, где было сосредоточено много казаков одного войска, они создавали свои отдельные объединения. Иногда создавались студеческие станицы и хутора. Кроме того, в Китае практиковалось создание казачьих станиц из казаков нескольких поселков. Так, в состав атаманской сводно-казачьей станицы, созданной на станции Яблонька, были включены поселки Кондова и Шитуухэцзы². В Маньчжурскую станицу входили казаки, проживавшие в городах и поселках Чжалайнор, Цаган, Хорхонтэ. Трехреченская станица охватывала поселки Найлумту, Попирай, Покровка, Тулунтуй, Усть-Урга, Верх-Урга, Верх-Кули, Караганы, Барх-Жакон, Ключевая, Черлоту, Щучья, Лабардин, Дубовая и др. С другой стороны только в Харбине в 1920-е гг. существовало «9 казачьих станиц: Кубано-Терская, Оренбургская, Сибирская, Забайкальская, Амурская, Уссурийская, Иркутская, Енисейская и Молодая имени Г.М. Семенова станица»³. В Китае получило распространение и объединение казаков в так называемые землячества. Например, в 1920-е гг. в Харбине существовали землячества уссурийских, забайкальских и оренбургских казаков⁴.

Согласно распоряжению генерала П.Н. Врангеля, казачьи станицы и хутора не входили в подчинение главнокомандующего Русской армии⁵. Позже было разъяснено, что «указание это относится к казачьим станицам,

¹ Малышенко Г.И. Общественно-политическая жизнь ... С. 88.

² ГАХК. Ф. 829. Оп. 1. Д. 9. Л. 2.

³ Мелихов Г.В. Российская эмиграция в Китае ... С. 76.

⁴ Русская военная эмиграция ... 2015. Т. 7. С. 101.

⁵ Там же. 2013. Т. 6. С. 18–19.

составленным из лиц, не числящихся в войсковых частях и в составе Русской армии»¹.

Большинство казаков-эмигрантов были заняты в сфере сельского хозяйства. Многие из них трудились на сезонных работах в составе артелей. Некоторые сумели открыть свое дело, но таковых было крайне мало. Большинства казаков испытали все тяготы и лишения жизни эмигранта. Особенно в тяжелом положении оказывались семейные, пожилые и нетрудоспособные казаки, так как заработок иммигранта чаще всего давал возможность обеспечить существование только самому работающему².

Статистические данные на 1923 г. зафиксировали, что среди казаков кубанцев подавляющее большинство составляли мужчины (93%) и крайне незначительное число женщины (4%) и дети (3%). Почти 80% кубанских казаков были в возрасте от 20 до 40 лет³. Можно предположить, что подобные пропорции были характерны и для донцов. Преобладание мужчин в расцвете сил способствовало более легкой адаптации казаков за рубежом. Тот факт, что за границей оказалось достаточно много казаков в возрасте от 20 до 40 лет, способствовал тому, что многие казаки женились в эмиграции, а учитывая небольшой процент женщин-казачек, браки заключались преимущественно с эмигрантами из России или представительницами местного населения. Особенно часто казаки женились на славянских девушках из Болгарии и Югославии. Так, по некоторым данным, к началу 1930-х гг. около 40% казаков обзавелись семьями⁴. Отметим, что дети в смешанных браках чаще всего лучше знали язык матерей⁵. Впоследствии это станет одним из факторов ассимиляции казаков в принимающих сообществах.

¹ Русская военная эмиграция ... 2013. Т. 6. С. 19.

² Там же. С. 11–12.

³ Казачьи думы. София, 1923. № 16. С. 20.

⁴ Козлитин В. Русская и украинская эмиграция ... С. 161.

⁵ ЛА Р. Интервью с А.В. Капшиковой. 12.05.2015, г. Прага (Чехия).

Поскольку большая часть населения Югославии и Болгарии проживала в сельской местности, вполне понятно, почему многим казакам в определенной степени удалось осесть на земле. Однако большинство попыток получить землю на казачье общество и осесть целиком станицей или хутором не увенчались успехом. Редким исключением была группа уральцев, уехавшая в Австралию, и небольшие группы казаков, получившие землю в государствах Латинской Америки. В то же время большинство казаков, осевших в качестве самостоятельных хозяев на земле, часто теряли связь со своими станичниками и однополчанами¹.

Более безболезненной адаптации к жизни в условиях эмиграции косвенным образом способствовал и низкий образовательный уровень основной массы казачества (около 75%), а также привычка к тяжелому физическому труду. Среди казаков было гораздо меньше безработных, чем среди других российских эмигрантов². Отметим, что ряд организаций, объединений и обществ прилагали значительные усилия для повышения образовательного уровня казаков за рубежом³.

Более успешную адаптацию казаков к новым, зачастую очень тяжелым, условиям эмигрантской жизни отчасти объясняет теория ценности ожиданий. Согласно ей, «адекватность ожиданий мигрантов от жизни в новой стране прямо влияет на их адаптацию», а именно «низкие ожидания приводят к лучшему приспособлению, а завышенные ожидания влекут за собой жестокие разочарования и, как следствие, худшую адаптацию»⁴. И, действительно, у большинства казаков не было особенно завышенных ожиданий по отношению к условиям жизни в государствах, давшим им приют. Более того, они часто принимали данные тяготы жизни как вполне

¹ ГАРФ. Ф. 10003. Оп. 12. Катушка 15. Кадр 337; НИА. F. Baronessa M.D. Vrangeli, 1915–1944. Box 14. Folder 1. Письмо Ф. Абрамова – М.Д. Врангель от 24 января 1935 г.

² Казачьи думы. София, 1923. № 16. С. 21.

³ НА. МЗВ-РРА. Kart. 334. Письмо Общества кубанцев в ЧСР – МИД ЧСР от 26 декабря 1928 г. № 1792.

⁴ Эмиграция и репатриация в России. С. 153.

нормальное явление, любого рода физический труд – как вполне нормальный и привычный.

Анализируя специфику психологической ситуации, в которую попадают эмигранты, исследователи выделяют среди прочих факторов отсутствие стабильности особенно в первые годы их жизни в условиях эмиграции¹. Однако следует учесть, что практически большая часть казаков-эмигрантов накануне эмиграции пережила все ужасы Гражданской войны. И в этом плане отсутствие состояния войны воспринималось ими как своеобразная стабильность. Это в значительной мере отличает казаков-эмигрантов от многих других представителей российской эмиграции, которые уехали за границу в первые годы гражданской смуты и практически не испытали всех перипетий Гражданской войны.

Анализируя положение и морально-психологическое состояние эмигрантов, генералы Русской армии, казачьи атаманы, общественно-политические деятели часто отмечали, что «главным фактором, влияющим... на устойчивость и мораль, является материальная обеспеченность»².

Некоторые исследователи выделяют такой психологический феномен, характерный для эмигрантов первой волны, как своеобразное раздвоение личности. Данный феномен выражается в том, что наблюдается разрыв между реальным положением эмигранта и его представлениями о себе и окружающем мире. Последние часто порождали иллюзии, навеянные прошлым. Фактически это своеобразная психологическая защита, способ сохранить свою социальную значимость. В большей степени это было связано с неумением, а зачастую и с нежеланием адаптироваться к новым условиям эмигрантской жизни³. Подобного рода феномен был характерен и для казачества. Именно в силу данных условий существования казаки-эмигранты в большинстве своем стремились сохранить в эмиграции свои

¹ Михайлова Н.Б. Психологическое исследование ситуации эмиграции // Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 1. С. 26.

² Русская военная эмиграция ... 2013. Т. 6. С. 12.

³ Эмиграция и репатриация в России. С. 111–112, 117.

традиционные институты и формы организации, адаптируя их порой к новым условиям существования. К таким формам, в частности, относятся институт атаманства и казачьи объединения в форме станиц и хуторов. Более того, для казаков как никогда становятся значимыми формы народоправства – круги, рады, войсковые сборы, выборы атаманов и должностных лиц. Не менее важную роль в адаптации казаков-иммигрантов и в их стремлении сохранить и укрепить традиционные вехи прошлого играла православная церковь. Православие было своеобразным духовным стержнем для тех, кто пытался сохранить прежний жизненный уклад и верил в его возрождение.

Отметим, что попытки воссоздания прошлого были естественными в условиях первой эмиграции. Они были вызваны стремлением сохранить свой мир, а, следовательно, сохранить и себя в этом мире. Большую роль в этом играла культурная память, которая в свою очередь выступала как образ коллективного прошлого и тем самым выполняла в условиях распыленности эмигрантов объединительную функцию¹.

Т.В. Партаненко, анализируя стереотипы поведения и ментальности русских эмигрантов во Франции, делает вывод, что взаимное отторжение французов и русских эмигрантов в результате близких контактов стало причиной изолированности русской общности, пытавшейся отгородить себя от окружающей реальности и, как следствие, создание «Русского Парижа»². Соглашаясь с данными выводами исследователя, добавим, что подобная ситуация была характерна и для российских эмигрантов в других государствах, в том числе Болгарии, Чехословакии и Югославии. Заметим также, что у казаков такое стремление к изолированности проявилось в создании своих казачьих станиц и хуторов.

Несмотря на в целом невысокий уровень образованности, среди казачьей эмиграции были и представители интеллигенции. К тому же некоторые

¹ Ковалев М.В. Исторические праздники русской эмиграции как способ сохранения коллективной культурной памяти // Диалог со временем. 2008. № 25. С. 120.

² Партаненко Т.В. Указ. соч. С. 170.

казаки сумели завершить или получить образование за рубежом. Так, 90% казаков, входивших в ОСХС, получили высшее образование в эмиграции¹.

Центрами притяжения казачьей интеллигенции до Второй мировой войны являлись Белград, Варшава, Париж, Прага, София, Харбин, Шанхай. Особенно много объединений и обществ казачьей интеллигенции было образовано в Праге, где выходцы из казачьих краев и областей получали всемерную поддержку со стороны чехословацких властей². Выпускники русских гимназий в Болгарии, а с 1923 г. и в КСХС приравнивались законодательством к выпускникам соответствующих болгарских образовательных учреждений³. Порой русские гимназии были для болгар более привлекательны, чем местные школы. Наиболее развитая сеть русских учебных заведений была в КСХС – около 24 учебных заведения, включая 3 кадетских корпуса и 2 женских института, в том числе Донской кадетский корпус и Донской Мариинский институт⁴. Два последних заведения субсидировались югославским правительством. Оно же выплачивало стипендии студентам, получавшим образование в образовательных учреждениях государства⁵. Кроме того, «в Европе только Югославия признавала полученные эмигрантами в России (до февраля 1917 г.) воинские звания, дипломы и свидетельства об образовании»⁶. Интересен тот факт, что И.К. Окулич в 1923 г. специально переехал с семьей из Америки в Югославию для того, чтобы его дети могли получить образование в русской школе⁷.

¹ ГАРФ. Ф. 6473. Оп. 1. Д. 209. Л. 23–24.

² НА. МZV-RPA. Kart. 316. Письмо Калмыцкой комиссии культурных работников в ЧСР – МИД ЧСР от 18 августа 1924 г. № 51.

³ Алексеева Е.В. Российские научные и образовательные традиции ... С. 58–59.

⁴ Там же. С. 59.

⁵ Тесемников В.А. Российская эмиграция в Югославии. С. 129.

⁶ Жуков В.Ю. Зарубежная Россия: эмиграция и эмигранты // Русская эмиграция и фашизм: статьи и воспоминания. СПб., 2011. С. 13.

⁷ ГАРФ. Ф. 10003. Оп. 12. Катюшка 16. Кадр 084; НИА. Ф. Baronessa M.D. Vrangel, 1915–1944. Vox 14. Folder 19. И.К. Окулич. Мои личные воспоминания. 1917–1931 гг.

Почти 90% учащихся на курсах сельскохозяйственной кооперации, организованных в Праге, были представителями донского, кубанского и терского казачеств¹.

В 1937 г. учащиеся русской гимназии в Хайларе организовали казачья станица².

Одним из ярких представителей казачьей интеллигенции был известный ученый и общественно-политический деятель Кубани Ф.А. Щербина, проживавший в Праге с 1921 по 1936 г. 12 российских (в основном казачьих) организаций избрали его своим действительным членом. Ф.А. Щербина содействовал основанию Украинской сельскохозяйственной академии в Подебрадах. Он также проявил себя и на литературном поприще, создав, в частности, две поэмы на историческую тематику³.

Многие казаки, не будучи профессиональными историками, обращались к различным историческим сюжетам, преимущественно в той или иной степени связанным с историей казачества. Так, например, в 1933 г. в Париже была издана монография атамана Оренбургского казачьего войска генерала И.Г. Акулинина «Ермак и Строгановы. Историческое исследование по сибирским летописям и царским грамотам»⁴. Довольно много работ было посвящено революционным событиям и Гражданской войне в России. Тот же И.Г. Акулинин подготовил и издал труды, посвященные участию Оренбургского и Уральского казачьих войск в Гражданской войне⁵.

Казачья эмиграция дала немало талантливых писателей и поэтов, таких, например, как П. Краснов, В. Курганский, А. Пивень, Н. Туроверов, Г. Щавель и многие другие. Почти все их произведения были пронизаны

¹ НА. МЗВ-РПА. Kart. 315. Отчет сельскохозяйственных кооперативных курсов в Праге за 1921–1932 гг.

² АВР РФ. Ф. 100 «б». Оп. 4. Папка 21. Д. 14. Л. 50.

³ Кавказский казак. Белград, 1932. № 6. С. 27, 29.

⁴ Ганин А.В. Три жизни генерала И.Г. Акулинина: Часть 3 // Известия Лаборатории древних технологий. 2016. № 1. С. 107.

⁵ Акулинин И.Г. Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками, 1917–1920. Шанхай, 1937; Акулинин И.Г. Уральское казачье войско в борьбе с большевиками // Белое дело. Берлин, 1927. Кн. II. С. 127–147.

тоской по родине и верой в возвращение домой. Они также пытались понять причины Гражданской войны и поражения антибольшевистского движения, искали свой казачий путь в условиях эмиграции.

Исторические и литературно-художественные произведения казаков-эмигрантов часто публиковались в различных журналах и газетах (и не только казачьих). Кроме того, некоторые казачьи объединения и общества издавали свои литературные журналы и сборники. Отметим и существование литературной критики в казачьей среде¹.

Казачья творческая интеллигенция объединялась в различные общества и кружки. Так, в Парижский кружок казаков-литераторов входили: И. Акулинин, А. Ачаир, М. Волкова, В. Крюков, Н. Туроверов и многие другие представители казачьей интеллигенции. Члены кружка на своих собраниях, которые проходили в первую субботу каждого месяца, читали и обсуждали новые произведения, устраивали авторские вечера². В Югославии было образовано Объединение литературных казачьих сил. В 1920–1930-х гг. в Чехословакии существовал Союз казачьих писателей и журналистов, объединявший преимущественно казаков, разделявших идеи вольно-казачьего движения. Там же в 1925–1939 гг. работало издательство «Литературная казачья семья», которое ежегодно издавало 2–3 сборника стихов и прозы казаков-эмигрантов. Во главе его стоял донской казак И.И. Колесов³. Однако произведения казачьих поэтов и писателей публиковались не только в казачьих изданиях, но и в других издательствах российского зарубежья.

Учитывая определенную ассимиляцию среди казаков-эмигрантов, становится понятным, почему творческие силы казачьей интеллигенции были направлены в первую очередь на сохранение казачьего национального

¹ Казакия. София, 1934. № 2. С. 15.

² Ганин А.В. Три жизни генерала И.Г. Акулинина ... С. 111.

³ Донские казаки в прошлом и настоящем / под общ. ред. проф. Ю.Г. Волкова. Ростов н/Д, 1998. С. 456.

самосознания¹. На противодействие ассимиляции была направлена и деятельность различных культурных обществ и объединений казачества². Они организовывали культурные вечера, открывали казачьи библиотеки, проводили лекции на культурно-историческую тематику. Порой подобная деятельность финансировалась правительственными структурами принимающих государств. Например, МИД ЧСР финансировал деятельность Общества кубанцев в Чехословацкой Республике³.

Задачу сохранения и распространения исторических знаний о прошлом казачества преследовали Донской казачий архив (ДКА) и исторические комиссии Донского и Кубанского казачьих войск⁴. Донская историческая комиссия была создана в марте 1923 г. распоряжением атамана ВВД А.П. Богаевского⁵. В ее распоряжении находилось, в частности, имущество Донского казачьего архива и Донского казачьего музея⁶. В начале 1925 г. ДКА был размещен в Праге и впоследствии (в 1934 г.) вошел в состав РЗИА⁷ (до этого он значился на балансе ОСХС)⁸. Во главе его стояли преимущественно казаки, представлявшие левое крыло общественно-политической мысли казачьего зарубежья. Но, несмотря на это, с ДКА поддерживали связь практически все казачьи организации (за исключением представителей вольного казачества и самостийников) и даже правых взглядов⁹.

¹ Казачья земля. Прага, 1929. № 2. С. 4.

² ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 879. Л. 1.

³ НА. МЗВ-РПА. Kart. 333. Письмо Общества кубанцев – МИД ЧСР от 17 января 1927 г. № 67.

⁴ ГАРФ. Ф. 6532. Оп. 1. Д. 81. Л. 179–179 об., 193.

⁵ Русские в Праге. 1918–1928. Прага, 1928. С. 52–53.

⁶ НА. МЗВ-РПА. Kart. 42. Письмо В.А. Харламова в МИД ЧСР от 17 июня 1929 г.

⁷ Русский заграничный исторический архив при МИД ЧСР в 1936. Прага, 1936. С. 42–43.

⁸ ASL. Ф. Донской казачий архив. Karton 1. Письмо заведующего Донским архивом П. Скачкова – полномочному представителю МИД при РЗИА Я. Славику. 21.06.1930.

⁹ ГАРФ. Ф. 10003. Оп. 12. Катюшка 15. Кадр 310; НИА. Ф. Baronessa M.D. Vrangel, 1915–1944. Vox 14. Folder 1. Письмо Ф. Абрамова – М.Д. Врангель от 22 февраля 1933 г., г. София (Болгария).

Отметим разделение функциональных обязанностей и задач в деятельности Донского казачьего архива и Донской исторической комиссии. Архив преимущественно ведал сбором и хранением материалов по истории Дона и донского казачества, а Комиссия занималась их публикацией¹. При этом В.А. Харламов разработал конкретные задачи деятельности ДКА, которые должны были способствовать его более четкой и научной организации².

В 1925 г. некоторые общественно-политические деятели кубанского казачества создали Кубанский заграничный архив (КЗА) с целью сбора, хранения и анализа архивных материалов о Кубани. Для управления КЗА был создан Совет во главе с профессором Ф.А. Щербиной (его заместитель – Л.Л. Быч) и секретарем П.Л. Макаренко³.

Сбором материалов, посвященных истории Кубани и Кубанского казачьего войска, занималась Историческая комиссия ККВ, созданная в 1936 г. распоряжением кубанского войскового атамана генерала В.Г. Науменко, который стал и ее председателем⁴.

В 1926 г. председатель правления Восточного казачьего союза в г. Харбине Е.П. Березовский обратился с письмом к правлению Казачьего союза в Париже. В нем он поддержал идею создания «особого Общества для изучения и разработки вопросов истории, быта и экономики казачьих краев»⁵.

В 1937 г. с призывом оказать содействие в сборе и издании материалов по истории войска обратился к казакам и атаман Оренбургского казачьего

¹ ГАРФ. Ф. 6532. Оп. 1. Д. 136. Л. 3 а.

² ASL. Ф. Донской казачий архив. Karton 1. В.А. Харламов. Докладная записка по вопросу об автономном устройстве и управлении Донского архива в г. Праге. 21.11.1929 г.

³ ASL. Ф. Кубанский казачий архив. Karton 1. Письмо Общества кубанцев в Чехословацкой Республике – Министерству иностранных дел Республики Чехословакия. 1935 г.

⁴ Вольная Кубань. Белград, 1936. С. 27–28.

⁵ ГАРФ. Ф. 5963. Оп. 1. Д. 29. Л. 55.

войска генерал И.Г. Акулинин¹. Атаман Оренбургского казачьего войска, наблюдая разлагающее влияние эмигрантской жизни на казаков, считал необходимым направить все усилия на сохранение связи между казаками, разбросанными по всему миру и не допустить их ассимиляцию².

Особый взгляд на возросший среди казаков-эмигрантов интерес к своему историческому прошлому выразил С.Ю. Улагай. Среди причин обращения казаков к недавнему прошлому (особенно к событиям Первой мировой войны и Гражданской войны) он выделил безотрадную жизнь в условиях эмиграции и старение части казачества, чье время жить воспоминаниями³.

Несмотря на сложные условия пребывания в эмиграции, казаки уделяли внимание и воспитанию подрастающего поколения. Так, в 1929 г. при Казачьем союзе в Шанхае было решено создать просветительский отдел. Одна из главных его задач – воспитание казачат «в духе старых, славных традиций, обучая стрельбе, фехтованию и устраивая различные военные игры»⁴. Казаки Тяньцзинской станицы в честь 350-летия Сибирского казачьего войска учредили стипендию «Сибирский казак» для лучших учеников 1-й русской гимназии⁵.

Отметим громадную роль, которую сыграла в эмиграции церковь. Прежде всего, она выразилась в сохранении национального самосознания казаков. Церковь и вера были нитью, которая связывала казаков с родиной, с их культурой, их предками. Именно поэтому казаки первым делом возводили церкви и часовни везде, куда забрасывала их судьба. Церковные казачьи хоры и песнопения были, помимо всего прочего, приобщением населения

¹ Акулинин И.Г. Справка по истории Оренбургского казачьего войска // Луч Азии. Харбин, 1937. № 6. С. 14.

² ГАРФ. Ф. 5872. Оп. 1. Д. 214. Л. 2.

³ ГАКК. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 37. Воспоминания С.Ю. Улагая. Ч. 3. С. 41.

⁴ ГАРФ. Ф. 5963. Оп. 1. Д. 17. Л. 8.

⁵ Мокин Л.Н. Тяньцзинская станица // Сибирский казак. Харбин, 1932. 19 декабря. С. 7; ГАРФ. Ф. 10003. Коллекции микрофильмов Гуверовского института. Оп. 12. Катюшка 17. Кадр 068.

принимающих государств к казачьей культуре. Не случайно и в знаменитых казачьих хорах Н. Кострюкова и С. Жарова церковное песнопение составляло значительную часть репертуара. За границей существовала и традиция воскресных школ для казачат. Так, при Казачьем доме в Шанхае под наблюдением и руководством епископа Симона велось преподавание Закона Божьего для детей казаков, обучающихся в иностранных школах¹.

Составной частью казачьей культуры, с которой имели возможность познакомиться жители государств, принявших казаков, были знаменитые казачьи хоры. Казачий хор – событие неординарное для жителей Европы и Америки, поэтому не случаен успех многочисленных групп певцов и танцоров, выступавших отдельно или чаще в смешанном составе. Некоторые высокопрофессиональные группы были известны практически во всем мире, например, созданный в Праге в 1927 г. Донской казачий хор имени атамана М.И. Платова. Хор давал концерты более чем в 65 государствах (за два года более 1 тыс. концертов)². Знаменитая американская компания «Коламбия концерт корпорейшн» организовала запись нескольких граммофонных пластинок с песнями хора.

Не менее знаменит и Донской казачий хор, организатором и руководителем которого был С.А. Жаров. О его заслугах свидетельствует включение в Русско-американскую палату славы, основанную Конгрессом русских американцев. В нее входили только те русские деятели, которые оставили значимый вклад в науке, культуре и общественной жизни США³. Среди кубанских хоров отметим хор под руководством Г. Таранца, пользовавшийся популярностью у европейской публики. Казачьи хоры были известны и пользовались популярностью не только в Европе и США, но и в Китае⁴.

¹ ГАРФ. Ф. 5963. Оп. 1. Д. 42. Л. 2.

² Казаки. Прага, 1929. № 1. С. 32.

³ Русский американец. Нью-Йорк, 1995. № 20. С. 112.

⁴ ГАРФ. Ф. 5963. Оп. 1. Д. 17. Л. 7.

В то же время отметим, что большинство казачьих хоров не всегда состояли только из казаков. Это, в частности, отмечал и генерал Ф.Ф. Абрамов в письме баронессе М.Д. Врангель: «Хоры больше именуются “казачьими”, по составу же – они чисто русские; к примеру, хотя бы хор Жарова, где казаков не более 25%»¹. Однако казачья форма, казачий репертуар и восприятие данных коллективов зрителями, в том числе и иностранными, позволяют рассматривать данные хоры именно как составную часть культуры казачьего зарубежья. Тот факт, что порой так называемые казачьи хоры, группы кубанских казаков-джигитов и танцоров кубанскими «были лишь по названию и одежде», отмечал и атаман ККВ за рубежом В.Г. Науменко².

В конце 1930-х гг. в Европе пользовался популярностью квинтет терских казаков «Пять Светлановых», а также ансамбль казаков-балалаечников под руководством А.А. Скрыбина. Концерты народных песен с успехом давали и казачки А.В. Кольчевская и Н.А. Чарова. Отметим, что культура пения, характерная для казаков (особенно донцов и кубанцев), способствовала тому, что часть казаков добилась значительных успехов на оперной сцене. В 1920–1930-е гг. известный оперный певец донской казак Н. Мельников с успехом выступал на сценах ведущих театров и концертных залов Европы и Америки, включая всемирно известные Ла Скала в Италии и Метрополитен-опера в США. На казачьих вечерах и концертах в Чехословакии часто пел бывший солист Императорских Московской и Петербургской опер донской казак В.А. Левицкий. В Чехословакии было также хорошо известно и имя его сына, музыканта А.В. Левицкого. В 1934 г. в Праге была образована оперная труппа, в которую входили казаки-солисты Е.Н. Эльберт, Я.В. Тетеревятников, Ю. Залесский, аккомпаниатор

¹ ГАРФ. Ф. 10003. Оп. 12. Катюшка 15. Кадр 287; НИА. Ф. Baronessa M.D. Vrangeli, 1915–1944. Vox 14. Folder 1. Письмо Ф. Абрамова – М.Д. Врангель от 5 сентября 1928 г., г. София (Болгария).

² ГАКК. Коллекция документов ККВ за рубежом. Пер. 1. Кор. 18. Ед. хр. 228. Приказ ККВ № 70. 30.11.1943.

С.А. Траилин и балетмейстер Е. Никольский. Я.В. Тетеревятников выступал также в Чешской и Словацкой операх. Не менее известны были и некоторые казачки. Так, солисткой Ла-Скала и Метрополитен-опера была донская казачка А.И. Кузнецова. В Румынской опере выступала Л.И. Елисеева, а в Словацкой – Е.Н. Еверт¹.

В Югославии узнали и о знаменитой казачьей бандуре. После блестящего выступления в Белграде в 1929 г. кубанского бандуриста А.П. Черного часто приглашало руководство Кубанского казачьего войска за рубежом для выступлений на различных мероприятиях. При этом он не только давал сольные концерты, но и создал в мае 1931 г. казачий хор при Белградской казачьей станице имени атамана С. Белого. После перехода А.П. Черного на сторону вольно-казачьего движения он продолжал давать концерты и выступать на различных мероприятиях, но уже организованных вольно-казачьими организациями. Его выступления были отмечены не только в казачьей, но и в югославской прессе².

Анализируя культуру и традиции казачьего зарубежья, отметим такое уникальное явление как джигитовка. Многочисленные группы кубанских казаков-джигитов покоряли своим выступлениям население Европы, Северной и Южной Америки³. Интересно, что джигитовку освоили и казаки восточно-российских казачьих войск. Группа енисейских казаков-джигитов совершила даже турне по Юго-Восточной Азии и Филиппинским островам⁴. Иногда группы джигитов были укомплектованы музыкантами, певцами и танцорами. Например, группа сотника С.И. Проценко состояла из 50 джигитов, 35 певцов, 30 музыкантов и 5 танцоров. Американские киностудии часто задействовали казаков-джигитов в съемках разнообразных

¹ Донские казаки в прошлом и настоящем. С. 459–461.

² Коваленко Е.С. Указ. соч. С. 120–121.

³ ГАРФ. Ф. 10003. Оп. 12. Катюшка 16. Кадр 190–195; НИА. F. Baronessa M.D. Vranghel, 1915–1944. Vox 14. Folder 22. Различные материалы о генерале И.Д. Павличенко и его группе джигитов.

⁴ ГАРФ. Ф. 10003. Оп. 12. Катюшка 16. Кадр 104; НИА. F. Baronessa M.D. Vranghel, 1915–1944. Vox 14. Folder 19. Письмо И.К. Окулича – М.Д. Врангель от 11 января 1932 г.

кинофильмов¹. В 1930-х гг. казаки участвовали также в съемках некоторых фильмов в Италии. Актрисами кино были казачки К. Колобова, М. Филиппова и Н. Цыганова².

Проявили себя казаки и в области балета. На сценических площадках довоенной Европы и США выступали с успехом казачки Е.Н. Никольская, Е.С. Болдырева, Е.И. Иловайская, а донской казак И.Г. Костин был солистом, а затем балетмейстером в Метрополитен-опера³.

Свой вклад в культуру принявших государств внесли также различные актеры, ученые, художники, скульпторы и многие другие деятели культуры и науки, вышедшие из среды казачьего зарубежья.

Ряд казаков получили за рубежом образование в области искусства и впоследствии с успехом проявили полученные знания и умения. В.В. Перфильев окончил в 1924 г. Академию художеств в Филадельфии (США), С.А. Попов в 1926 г. – Художественный институт в Чикаго (США). В 1920-е гг. в Италии и Франции получил блестящее образование еще один донской казак – К.В. Попов, впоследствии работавший художником-декоратором в одном из парижских театров. Во второй половине 1930-х гг. он участвовал в росписе Дворца танцов и театра «Бабилония» в Буэнос-Айресе (Аргентина)⁴.

Анализ процесса адаптации казаков-эмигрантов в 1920–1930-е гг. к условиям существования за рубежом сквозь призму теории аккультурации показал, что для них преимущественно была характерна сепарация, т.е. сохранение своей культуры и традиций. В значительной степени этому способствовало создание казаками за границей своих станиц и хуторов, сохранение православной культуры и войсковой организации. И лишь для небольшой части зарубежного казачества была характерна ассимиляция, то

¹ Солодухин Г. Указ. соч. С. 85, 90–92.

² Донские казаки в прошлом и настоящем. С. 464.

³ Там же. С. 462.

⁴ Там же.

есть идентификация с культурой принимающего сообщества. В основном это касалось казачек, вступивших в смешанные браки.

Таким образом, анализ жизни и деятельности казаков за рубежом в 1920–1930-е гг. дает возможность сделать ряд выводов относительно структуры, географии и численности казачьего зарубежья, а также общественно-политической, социально-экономической и культурной жизни казаков-эмигрантов.

По окончании Гражданской войны в России за границей оказалось более 100 тыс. казаков. При этом примерно около 55 тыс. казаков эмигрировали на Запад и более 50 тыс. казаков ушли на Восток (преимущественно в Китай).

Среди причин эмиграции казаков за рубеж можно выделить как общие – поражение антибольшевистского движения в Гражданской войне, так и частные – непримиримое отношение к советской власти, боязнь репрессий со стороны большевиков. Кроме того, причиной эмиграции были не только объективные, но и субъективные факторы. Например, неприятие большевистской политики со стороны зажиточной части казачества, стремление сохранить свои сословные привилегии. В немалой степени принятие решения об эмиграции было обусловлено случайным стечением обстоятельств.

Процесс репатриации казаков начался практически с первых же дней их пребывания за рубежом. На Западе он проходил преимущественно до конца 1920-х гг. За это время в Россию вернулось около 30 тыс. казаков. На Востоке репатриация растянулась до конца 1930-х гг. В течение этого времени на родину вернулось также около 30 тыс. казаков. При этом отметим, что на Востоке процесс реэмиграции казаков был более растянут по времени, так как представители ряда казачьих войск России жили практически на границе и часто переходили с одной территории на другую.

Большинство казаков предпочитали разместиться ближе к границам бывшей Российской империи. Это было обусловлено и надеждой на

возвращение домой, и социально-экономическими возможностями (дороговизна переезда в более отдаленные государства). Казаки располагались преимущественно в Болгарии, Югославии, Чехословакии и Китае. Однако со временем, в силу общественно-политических и социально-экономических причин, определенная часть казачества переехала во Францию. Кроме того, отдельные группы казаков переехали в США, Канаду, Австралию и государства Южной Америки.

Большинство политических организаций казаков-эмигрантов были крайне малы и в силу этого не могли претендовать на представление интересов всего казачьего зарубежья. Среди казаков можно было наблюдать сторонников монархии, кадетов и эсеров. Одни из них создавали свои организации и общества, другие входили в общероссийские политические партии и организации.

В противостоянии атаманов и казачьей общественности как в Европе, так и в Китае остро стоял вопрос об ответственности войсковых атаманов перед казаками и, как следствие, о легитимности их власти. В противовес институту атаманства в эмиграции возникли альтернативные движения, организации и общества, которые претендовали на объединение и представление интересов или всего казачества (как, например, казакийцы), или отдельных казачьих войск.

Самостийные тенденции, проявившиеся в годы революции и Гражданской войны, в эмиграции вылились в вольно-казачье движение. Со временем оно распалось на несколько групп и направлений. В политическом плане в нем можно выделить два основных течения – сторонников самостоятельного существования казачьих областей и сторонников создания единого казачьего государства – Казакии.

В социально-экономическом плане казакам в целом было проще адаптироваться к условиям эмигрантской жизни, так как они старались жить группами, создавая свои казачьи станицы и хутора, а также легче адаптировались к выполнению тяжелого физического труда.

В значительной степени условия жизни казаков были определены политикой и социально-экономическими условиями конкретных государств. При этом сами казаки порой были участниками тех или иных политических процессов, протекавших в принявших их государствах.

Несмотря на тяжелые условия эмигрантской жизни, казаки пытались сохранить свои традиции и культуру. В этом была заслуга не только атаманов, но и отдельных представителей казачества, благодаря которым многие народы получили возможность познакомиться с казачьей культурой и традициями.

3 ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ЗАРУБЕЖНОГО КАЗАЧЕСТВА В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1939–1945 ГГ.)

3.1 Казачье зарубежье: проблемы общественно-политической и социально-экономической жизни

До начала Второй мировой войны, а также в первые ее годы (вплоть до нападения Германии на СССР) многие эмигранты, в том числе и казаки, рассматривали возможность продолжения борьбы с советским режимом как своеобразное продолжение Гражданской войны. Такой позиции придерживалось практически все казачество, находившееся за рубежом. При этом, если в первые годы эмиграции, по инерции часть российских эмигрантов ориентировались на Великобританию и Францию, то со временем некоторые из них стали считать, что инициатором этой борьбы должна выступить и выступит Германия. Особые надежды в этом им давали риторика Гитлера и выступления лидеров германского национал-социализма, позиционирующих себя как последовательных борцов против коммунистической угрозы. Среди представителей данного направления можно выделить бывшего Донского атамана П.Н. Краснова и его сторонников, атамана донских казаков в эмиграции М.Н. Граббе, а на Дальнем Востоке – Г.М. Семёнова, который фактически поддерживал Японию, союзника фашистской Германии.

В то же время Договор 1939 г. между Германией и СССР, совместный раздел ими Польши давали надежду на борьбу с советским режимом и сторонникам Антанты, проживавшими во Франции, Великобритании и ряде других государств. Более того, сторонники Германии после ее Пакта с СССР стали обращать внимание на поиски других потенциальных союзников. Например, некоторые сторонники атамана Забайкальского казачьего войска

Г.М. Семёнова связывали надежды с Англией¹. Сменовеховские взгляды о возможности самостоятельного перерождения советской власти в силу внутривластных и внутриэкономических причин постепенно отходили на второй план. Практически большинство эмигрантов были солидарны с великим князем Владимиром Кирилловичем в том, что не верили в перерождение советской власти в национальную и не признавали ее как хранительницу российских рубежей и защитницу российских интересов².

Накануне и в годы Второй мировой войны произошла реорганизация ряда политических объединений эмигрантов. В 1939 г. Национальный союз нового поколения был реорганизован в Народно-трудовой союз нового поколения (главный идеолог М.А. Георгиевский). Среди его членов были и казаки. В рамках данной организации действовала отдельная казачья секция, издававшая «Казачий вестник»³. Фактически с первых же дней образования НТСНП его деятельность была под контролем МИД Германии, а члены организации часто привлекались к сотрудничеству министерством пропаганды Третьего рейха. Не случайно в открытой пропаганде НТСНП наблюдалась полная поддержка германского национал-социализма⁴. Казачьи объединения и общества по-прежнему делились на три основных течения: 1) казаки, группировавшиеся возле своих казачьих атаманов; 2) казаки, входившие в те или иные общероссийские организации; 3) казаки-самостийники («вольные казаки», выступавшие за полное отделение от России казачьих краев и областей или за создание самостоятельного государства – Казаккии). Однако представители всех трех течений казачества в большинстве своем также делали ставку на свержение советской власти

¹ Балакшин П.П. Финал в Китае... С. 202, 313, 314; Урядова А.В. СССР и Германия накануне войны: восприятие эмиграции // Русское зарубежье и Вторая мировая война. М., 2013. С. 28.

² Часовой. 1939. № 234. С. 2; Волков С.В. Характер и перспективы Второй мировой войны // Русское зарубежье и Вторая мировая война. М., 2013. С. 12.

³ Галас М.Л. В союзе с фашистами и масонами против большевизма. Праворадикальное течение российской военной эмиграции в 1930–1940-х годах // Военно-исторический журнал. 2008. № 10. С. 59.

⁴ Там же. С. 60.

при помощи активной поддержки извне, со стороны одного или группы государств.

Нападение Германии на Польшу поставило казаков-эмигрантов перед необходимостью более отчетливо сделать выбор между Германией (с ее союзниками) и ее противниками (Англией, Францией и др.). Этого выбора не избежало и казачество. Зачастую этот выбор обуславливался местонахождением эмигрантов. Среди некоторых эмигрантов было распространено мнение, что необходимо выполнить долг перед государством, которое им дало приют¹. Так, многие молодые-эмигранты, уже принявшие гражданство того или иного государства, были наравне со всеми призваны в армии своих государств и вынуждены были (иногда вопреки своим убеждениям) воевать на стороне страны, их приютившей и давшей гражданство. К слову сказать, среди казаков-эмигрантов большинство их по разным причинам оставались с нансеновскими паспортами. Часть эмигрантов в силу симпатий Германии или державам Антанты предпочитали в преддверии войны селиться в соответствии со своими предпочтениями в той или иной стране. Хотя, конечно, значительная часть эмигрантов расселялась преимущественно исходя из социально-экономических условий принимающих государств и своих возможностей.

Впечатление о том, что в странах, входивших в Третий рейх, являвшихся его сателлитами или оккупированных германскими войсками, российские эмигранты, включая казаков, в большей степени симпатизировали Германии и ее политике, сложилось под влиянием еще одного обстоятельства, верно подмеченным А.П. Вельминым. Анализируя взгляды русской колонии в Варшаве, он отмечал, что «германофилов» было меньшинство, однако только они одни могли открыто проявлять себя, и в

¹ Йованович М. Те, кто за Сталина, и те, кто за Гитлера. Российская эмиграция в Югославии в годы Второй мировой войны // Родина. 2012. № 11. С. 14–15.

силу этого создавалось впечатление об их многочисленности¹. Думается, что подобное положение было характерно в целом и для других территорий проживания казаков-эмигрантов, где в зависимости от официальной внешнеполитической позиции наиболее активно проявляли себя сторонники проправительственного курса. Исключение составляли казаки, проживавшие в Китае, так как значительная часть страны была оккупирована японскими войсками. Преимущественно это были районы и города, в которых и размещались казаки-иммигранты – Маньчжурия, Шанхай. Кроме того, один из лидеров восточно-российского казачества генерал Г.М. Семенов изначально в своей политике ориентировался на Японию и был тесно связан с некоторыми представителями японских военных и политических кругов. Так, весной 1940 г. Г.М. Семёнов в обращении к начальнику Союза казаков на Дальнем Востоке генералу А.В. Зуеву и к забайкальским, амурским, уссурийским казакам отмечал, что «близится время тяжелой расплаты советской власти»².

Среди российской эмиграции в оценке сначала возможного, а затем и реального противостояния между Германией и СССР четко проявилось два направления – «пораженцы» и «оборонцы». Первые видели в агрессии Германии на Восток путь к ликвидации сталинского режима в СССР и всячески желали поражения СССР в данном противостоянии. Они прекрасно понимали ту опасность, которая угрожала их исторической родине с оккупацией ее германскими войсками. Однако многие из них делали выбор в пользу меньшего зла, считая, что опасность со стороны сталинского режима – внутреннего врага – большая, чем со стороны Третьего рейха – врага внешнего. Вторые отчетливо понимали, что любая иностранная агрессия и, в первую очередь германская (учитывая национал-социалистические взгляды

¹ Вельмин А.П. Русское население в Польше во время немецкой оккупации // Новый журнал. Нью-Йорк, 1946. № XIV. С. 295.

² Дальневосточное казачество. Харбин, 1940. Март. <№ 3>. С. 1.

расового превосходства арийцев над славянами), является угрозой для России в целом, и призывали к защите своей исторической родины.

По мнению В.В. Комина, большинство российских эмигрантов (преимущественно правое монархическое крыло российского зарубежья) связывали свои надежды с поражением СССР в войне с Германией. В то же время по мере изменения хода боевых действий все более увеличивалась численность «оборонцев»¹. О.К. Антропов выделяет три группы среди российских эмигрантов. Одни из них (большая часть российской эмиграции) были на стороне Родины. Другие (меньшая, наиболее агрессивная группа) поддержали Германию. Третью группу составляли те эмигранты, кто занял выжидательную позицию².

На наш взгляд, рассуждения на тему, кого было больше, «оборонцев» или «пораженцев», могут вестись только в области гипотез. К сожалению, у исследователей нет достаточно точных данных, на основании которых можно сделать подобные выводы. Рассуждая о большей или меньшей части, мы можем приблизительно говорить только о политически активных эмигрантах, которые открыто выражали свою позицию. Но и в этом плане необходимо учитывать место и время. Ведь в странах профашистского блока «оборонцы» далеко не всегда имели возможность, а порой и мужество открыто высказать свою точку зрения. С распространением власти Третьего рейха в Европе подобных государств становилось все больше и больше.

Большинство членов РОВСа (включая казаков, входивших в те или иные его отделы) по своим идейно-политическим взглядам на войну Германии с СССР принадлежали к «пораженцам». За месяц до нападения Германии на Советский Союз, генерал А. фон Лампе от имени Объединения русских воинских союзов обратился к генералу В. фон Браухичу (главнокомандующему сухопутными силами вермахта) с письмом, в котором предоставлял себя и возглавляемое Объединение в распоряжение

¹ Комин В.В. Белая эмиграция и вторая мировая война. Калинин, 1979. С. 11, 23.

² Антропов О.К. Указ. соч. С. 103–104.

германского верховного командования. При этом им было высказано пожелание дать возможность чинам объединения непосредственно принять участие в войне против СССР¹. В этом его полностью поддержал начальник III отдела РОВСа донской генерал Ф.Ф. Абрамов². Позже генерал Ф.Ф. Абрамов провел большую работу в Болгарии по подготовке и отправке членов РОВС и, в первую очередь, казаков в Русский охранный корпус³. В то же время 1 сентября 1939 г. был издан приказ председателя РОВС генерала А.П. Архангельского, в котором говорилось, что все входящие в РОВС обязаны быть на стороне того государства, которое дало им приют⁴. Несмотря на лояльность к германскому режиму большинства чинов РОВС и казачества и даже поддержки данного режима, некоторые представители РОВС и казачества подверглись впоследствии репрессиям с его стороны. Так, в ноябре 1944 г. в германском концлагере погиб полковник лейб-гвардии казачьего полка Г.А. фон Моллер⁵.

«Пораженцы» испытали своеобразный шок, когда стало известно о подписании 23 августа 1939 г. договора о ненападении между Германией и СССР, более известного как пакт Молотова–Риббентропа. Представители данного лагеря в прямом смысле слова не знали, что делать, на кого теперь делать ставку и ориентироваться в плане определения дальнейших своих действий. Некоторые из них пытались найти ответы путем анализа международной обстановки в целом, а также путем анализа политики и

¹ ГАРФ. Ф. 5953. Оп. 1. Д. 69. Л. 244.

² Котюков К.Л. Российские военные эмигранты и «пораженческое» движение в период второй мировой войны // История российского зарубежья. Эмиграция из СССР–России 1941–2001 гг.: сб. ст. М., 2007. С. 25.

³ Котюков К.Л. Формирование и боевая деятельность Русского охранного корпуса в Югославии в 1941–1945 годах // Отечественная история. 2008. № 3. С. 91.

⁴ Цит. по: Свириденко Ю.П., Ершов В.Ф. Белый террор? Политический экстремизм российской эмиграции в 1920–45 гг. М., 2000. С. 166.

⁵ Александров К.М. Белая военная эмиграция в Европе 1930–1945 гг. Новые документы, материалы, суждения // Зарубежная Россия. 1917–1945: сб. ст. СПб., 2004. Кн. 3. С. 44.

военно-экономического потенциала отдельных государств¹. В Китае идеологи казачества все чаще и чаще связывали надежды с Японией².

Конечно, была и масса казаков-эмигрантов, которые не могли определиться, сделать такой непростой выбор. Большинство из них трудно назвать аполитичными. Просто сложность политического самоопределения, а также необходимость постоянно думать о хлебе насущном приводили к тому, что многие казаки-эмигранты были в стороне от активного участия в политической борьбе либо молчаливо поддерживали группировку, наиболее крепкую в данной конкретной стране.

Начало войны Германии с СССР еще более отчетливо выявило среди российской эмиграции такое направление, как «оборончество», наиболее ярко представленное генералом А.И. Деникиным, который в ходе противостояния Германия – СССР высказывался за поддержку последнего, но в надежде, что Красная армия выступит не только против Гитлера и его союзников, но и свергнет диктаторский режим коммунистической партии. Среди казаков были те, кто разделял точку зрения генерала А.И. Деникина, например, генералы И.Т. Беляев³ и Ф.С. Марков⁴. Совет казачьего центра, располагавшийся в Праге и возглавляемый генералом В.И. Сидориным, в журнале «Оборона России», упомянув о воссоздании в СССР казачьих дивизий, заявил о том, что не поддержит агрессивные действия, направленные против Советского Союза⁵. Уроженец области Всевеликого

¹ Морская программа США // Дальневосточное казачество. Харбин, 1941. Март-апрель. <№ 3>. С. 27–28; Военные силы Италии // Дальневосточное казачество. Харбин, 1941. Март-апрель. <№ 3>. С. 28–31; Зуев А.В. Национальная Россия и казачество в свете мировых событий // Зарубежное казачество. Харбин, 1940. Ноябрь. С. 4–8; Сумерки Европы и возрождение Азии // Зарубежный казак. Харбин, 1940. Сентябрь. <№ 1>. С. 20–24.

² Дарвин М. Под знаком трех // Зарубежное казачество. Харбин, 1940. Ноябрь. С. 9–10.

³ Мартынов Б.Ф. Русский Парагвай: Повесть о генерале Беляеве, людях и событиях прошлого века. М., 2006. С. 193.

⁴ Ростова О.А. Противостояние. Русские в годы оккупации // Русское зарубежье и Вторая мировая война. М., 2013. С. 67.

⁵ Цит. по: Бондаренко И.И., Долейши Й. Указ. соч. С. 160.

войска Донского Е.В. Саблин, возглавлявший в 1920–1930-е гг. русскую колонию в Лондоне, писал, что он, как и некоторые его соотечественники, выступает за целостность России и, в силу этого готов поддержать даже сталинский режим¹. При этом речь шла не только о моральной, но порой и о материальной поддержке. Так, кубанский казак И. Шевяков, проживавший в Аргентине и являвшийся владельцем аптеки, пожертвовал 1 000 песо деньгами и лекарствами в пользу советских граждан, защищающих родину от германской агрессии². Но в целом среди казаков-эмигрантов данная точка зрения совершенно не пользовалась популярностью.

Многие казаки были не против возвращения на родину на штыках германской армии. При этом старшее поколение, хотя и рассматривало войну с СССР как продолжение Гражданской войны, но многие настороженно относились к помощи в этом Германии. С одной стороны, в памяти еще было противостояние с немцами в годы Первой мировой войны, с другой стороны, сама мысль оккупации родных краев чужеземцами не могла не настораживать. В то же время казачья молодежь, знавшая о своей прародине преимущественно по описаниям из книг и воспоминаниям старшего поколения, оказалась менее щепетильна в данном вопросе. Видимо, поэтому именно молодежь в своем большинстве составляла «социальную базу белого экстремизма в 1935–45 годах»³.

Однако была и другая тенденция, выразившаяся в том, что основную массу участников движения Соппротивления из числа российских эмигрантов составляли молодые люди, которые оказались за пределами родины в очень юном возрасте или вообще родились за границей. Как верно заметил Ю.С. Цурганов, данный факт объяснялся тем, что молодые эмигранты крайне абстрактно представляли большевизм и существовавший в СССР

¹ Цит. по: Миронова Е.М. Совет послов ... С. 40.

² Мосейкина М.Н. Белая эмиграция в странах Латинской Америки в годы Второй мировой войны // Русское зарубежье и Вторая мировая война. М., 2013. С. 165.

³ Свириденко Ю.П., Ершов В.Ф. Указ. соч. С. 151.

политический строй, но четко понимали, что родина, пусть и далекая, нуждается в защите от нападения извне¹.

Скорее всего, преобладание молодежи и среди сторонников Третьего рейха, и среди участников движения Сопротивления связано в первую очередь с ее большей социальной и политической активностью. А тот факт, кого поддерживали молодые эмигранты – Третий рейх или его противников – определялся указанными выше факторами, а также соответствующими настроениями и взглядами окружающих (семья, казачье общество и т.п.).

Атаман донского казачества за рубежом граф М.Н. Граббе в приказе по Войску от 28 июня 1941 г. объявил о том, что с нападения Германии на СССР началась «великая борьба», которая является и борьбой донских казаков. Целью войны было заявлено ликвидация советской власти, возвращение в родные края и их возрождение при поддержке Германии². Эта война рассматривалась им как продолжение Гражданской войны с советской властью. В этом же приказе войсковой атаман отдал распоряжение атаманам всех станиц произвести полный учет донских казаков, находящихся за рубежом. Тем казакам, которые не состояли в казачьих обществах и объединениях, следовало в них записаться³. С одной стороны, большая численность казаков увеличивала политический вес и значимость донского атамана и казачества в целом. С другой стороны, сложившаяся обстановка давала шанс более сплотить казаков под войсковыми знаменами и выяснить хотя бы для себя их общую численность. Отметим, что накануне Второй мировой войны М.Н. Граббе имел тесные связи с германской и японской разведками, а также с военными штабами Великобритании и Франции. При этом везде он предлагал использовать казачество как антисоветскую силу. В

¹ Цурганов Ю.С. Указ. соч. С. 145–146.

² ГАРФ. Ф. 6532. Оп. 1. Д. 89. Л. 97–97 об.

³ ГАРФ. Ф. 6461. Оп. 2. Д. 3. Л. 54.

частности войсковой атаман планировал с помощью казаков-эмигрантов организовать повстанческое движение в казачьих регионах СССР¹.

Высказал свое отношение к начавшейся германо-советской войне и Казачий Совет во Франции, в состав которого входили представители донского, кубанского, терского, оренбургского, уральского и астраханского войск. В обращении Совета к казакам 3 июля 1941 г. содержался призыв принять участие в борьбе с большевиками².

Руководитель Общеказачьего объединения в Германской империи генерал Е.И. Балабин с первых дней начала войны Германии с СССР получал письма от казаков, которые просили иметь их в виду в случае необходимости привлечения к участию в этой войне. Некоторые казаки пытались найти свои прежние части, рассчитывая в их составе принять участие в войне против СССР³.

О поддержке Германии в ходе ее войны с СССР заявили и некоторые представители Оренбургского казачьего войска во главе с атаманом – генералом И.Г. Акулининым⁴.

Нападение гитлеровской Германии на СССР дало основание казакам-националистам переименовать Казачий национальный центр (КНЦ) в Казачье национально-освободительное движение (КНОД). Его руководитель В.Г. Глазков 22 июня 1941 г. направил телеграмму Гитлеру и другим лидерам Третьего рейха, в которой выражал «радостное чувство верности и преданности», а также веру в то, что непобедимая германская армия поможет казакам возродить государственность на казачьих землях⁵. Отметим тот факт, что еще в период мирового экономического кризиса в 1929 г. в журнале

¹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1090. Л. 80–81.

² ГАРФ. Ф. 6461. Оп. 2. Д. 18. Л. 274.

³ ГАРФ. Ф. 5761. Оп. 1. Д. 4. Л. 116.

⁴ Ганин А.В. Оренбургское казачье войско ... С. 30.

⁵ Казачий вестник. 1941. № 1. С. 1.

«Вольное казачество» была опубликована статья, в которой пелись дифирамбы итальянскому фашизму¹.

Впоследствии казаки-националисты активно приветствовали победы германского оружия в начале войны с СССР. Руководитель КНОД В.Г. Глазков приветствовал в частности вступление германских войск на исторические места проживания казаков, а также захват ими Таганрога. Он прямо заявлял о том, что германские войска несут свободу казачьему народу². В честь вступления германских войск на казачью территорию казаки-националисты преподнесли Гитлеру символический подарок – гобелен ручной работы, на котором были изображены немецкий солдат, вступающий на казачью землю и приветствующий его как освободителя казак³.

Руководство казаков-националистов в Словакии в сентябре 1941 г. обратилось с воззванием к своим станичникам, в котором утверждалось, что «ведя бой за свободу народов, войска оси несут свободу и казачеству»⁴.

Казаки-националисты не только приветствовали начало войны с СССР и выражали свою преданность Гитлеру, но и активно включились в работу, направленную на реализацию своих целей при поддержке Третьего рейха. Так, представитель КНОД в Болгарии И.М. Евсиков в письме к руководителю КНОД В.Г. Глазкову предлагал вести активную пропаганду национальной казачьей идеи среди пленных казаков с целью создания из них воинских частей будущей армии независимого казачьего государства⁵.

Обратим внимание на то, что анализ идейно-политических взглядов и позиций казаков-эмигрантов касается только их активной части. Как верно отметил В.И. Голдин, многие офицеры и рядовые белых армий стремились остаться в стороне от бурь Второй мировой войны, так как не видели

¹ Цит. по: Кириенко Ю.К. Казачество в эмиграции ... С. 6.

² Казачий вестник. 1941. № 4. С. 25; № 5. С. 16.

³ Котюков К.Л. Роковое разделение ... С. 96.

⁴ Цит. по: Гарбулева Л. Указ. соч. Р. 420.

⁵ ГАРФ. Ф. 5762. Оп. 1. Д. 2. Л. 60–61.

благоприятного исхода ни в случае победы Германии, ни в случае победы СССР¹. Князь А.А. Трубецкой отмечал, что русская эмиграция во Франции и в других государствах Западной Европы «в основном молча переживала вторжение врага в страну Отечества. Молча потому, что они жили в оккупированных странах»². Такая ситуация была характерна в целом для российской эмиграции и в том числе для казаков-эмигрантов, многие из которых были вовлечены в водоворот событий, вызванный Второй мировой войной, и основной задачей большинства из них было выжить в этих непростых, суровых, а порой опасных условиях. По мнению П.Н. Крикунова, простых казаков, не входивших ни в какие политические группировки, был наибольший процент тех, кто не желал принимать никакого участия в войне³. Так, из лейб-гвардии казачьего полка во Франции только единицы пошли на сотрудничество с нацистским режимом⁴.

Отметим также тот факт, что в государствах, находившихся под контролем Третьего рейха, казаки, принявшие гражданство государств проживания, значились именно как граждане этих государств. Отдельно учитывались только те иммигранты, которые имели нансеновские паспорта⁵. Однако и среди них многие записывались как русские, поляки и представители других национальностей, так как в первоначальных регистрационных карточках германских властей не предусматривалось казачество в качестве отдельного народа⁶.

Важным представляется учитывать разницу между взглядами, желаниями, настроениями и конкретными действиями. В этом плане понастоящему активная часть казаков-эмигрантов была гораздо меньше тех, кто просто высказывал свое мнение относительно тех или иных событий.

¹ Голдин В.И. Русское военное зарубежье в XX веке. С. 170.

² Трубецкой А.А. Указ. соч. С. 129.

³ Крикунов П. Указ. соч. М., 2005. С. 72.

⁴ Чеботарев Г. Правда о России. Мемуары профессора Принстонского университета, в прошлом казачьего офицера (1917–1959). М., 2007. С. 370.

⁵ ЛА Р. Интервью с А.В. Капшиковой. 12.05.2015, г. Прага (Чехия).

⁶ ЛА Р. Интервью с З.А. Барбаруновой. 23.02.2015, г. Краснодар (Россия).

При этом количество эмигрантов, выступавших активно в поддержку стран антигитлеровской коалиции и участвовавших в движении Сопротивления, было гораздо меньше, чем тех, кто поддерживал Третий рейх, доказывая это не только словом, но и делом. Хотя разница между первыми и вторыми в процентном соотношении несколько сократилась в 1943 г., когда во Второй мировой войне произошел коренной перелом¹. По мнению М.К. Кулика, занимавшего после Второй мировой войны должность Председателя Войскового Совета ККВ, почти все казачество поддержало германскую армию в борьбе против коммунистов за исключением нескольких десятков лиц, проживавших в США и Франции².

Вторая мировая война с ее бедствиями, страданиями, потерями, ухудшением положения значительной части населения привела к тому, что проблемы российской эмиграции отошли на второй план. Не случайно еще в декабре 1940 г. П.Н. Краснов обращал внимание А.А. фон Лампе на то, что война нанесла мощный удар по русской эмиграции, расколов ее, поставив вопрос о новой России, в которой казакам-эмигрантам места не будет³.

В годы войны наиболее активными представителями казачьей общественности за рубежом опять стали активно разрабатываться различные проекты будущего существования казачьих земель. Так, в подготовленном документе «К вопросу о восстановлении области Войска Донского (меры переходного периода)» излагалась программа проведения политических, экономических, финансовых и других преобразований с целью налаживания жизнедеятельности ВВД после окончания Второй мировой войны. Авторы проекта выражали уверенность в том, что в связи с грядущим захватом казачьих земель германской армией, необходимо продумать вопрос об организации власти в Донской области⁴. Программа предполагала передачу высшей власти в области ВВД войсковому атаману, который должен был

¹ Цурганов Ю.С. Указ. соч. С. 147–149.

² ГАКК. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 15. Л. 74.

³ ГАРФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 69. Л. 417–417 об.

⁴ ГАРФ. Ф. 6461. Оп. 2. Д. 33. Л. 160.

организовать управление областью. Планировалось сочетать принцип назначения (для областных органов власти) и принцип выборности (для местных органов власти). Большое внимание уделялось экономическим вопросам, в первую очередь – землевладению и землепользованию. Колхозы и совхозы реорганизовывались в трудовые сельскохозяйственные артели с последующим их упразднением и восстановлением права собственности на мелкие и средние земельные наделы. Программа предусматривала репрессии против коммунистов и комсомольцев, вплоть до высшей меры наказания для тех, кто принимал участие в расстрелах мирных граждан. Видимо, понимая, что подобного рода мероприятия вызовут недовольство и противодействие местного населения, особое внимание уделялось поддержанию общественного порядка. С этой целью планировалось создание охранных подразделений. Их основу должны были составить казаки, вернувшиеся из эмиграции. Авторы проекта отмечали, что подобные мероприятия возможны также и на территории кубанского и терского казачьих войск¹.

О необходимости организации управления и власти в казачьих областях говорил и атаман Оренбургского казачьего войска генерал И.Г. Акулинин. При этом он предусматривал, что данная власть может быть организована как немецким командованием, так и самими казаками, проживавшими на родине². По мнению руководителя Общеказачьего объединения в Германской империи генерала Е.И. Балабина, в интересах как Германии, так и казаков была бы передача власти в казачьих землях в руки войсковых атаманов, проживающих за рубежом³.

П.Н. Краснов, несомненно, также размышлял о будущем устройстве власти в казачьих краях. По его мнению, это зависело от того, как будут развиваться события. Он видел три наиболее вероятных варианта развития событий: 1) восстание внутри СССР, в результате которого будет свергнута

¹ ГАРФ. Ф. 6461. Оп. 2. Д. 33. Л. 152–160.

² Там же. Д. 34. Л. 89.

³ ГАРФ. Ф. 5761. Оп. 1. Д. 4. Л. 186.

коммунистическая власть и заключен мир с немцами; 2) оккупация германскими войсками территории России; 3) оккупация германскими войсками части территории СССР с образованием на другой части нового российского правительства. Исходя из этих вариантов, П.Н. Краснов предполагал, что в первом случае все будет в руках нового российского правительства, во втором случае – в руках германского правительства и в третьем случае – в зависимости от территории (в руках германских властей – на оккупированных землях и в руках российской власти – на не оккупированных территориях). О судьбе же казаков-эмигрантов говорить до окончания войны вообще бессмысленно¹. Более того, в письмах П.Н. Краснова, написанных осенью 1941 г. сквозит неуверенность в том, что казаки на Дону, Кубани и Тереке поддержат вторжение германских войск. 18 сентября 1941 г. он пишет Е.И. Балабину о том, что если казаки в СССР благожелательно встретят германские войска, то сохранится казачество в новой России². Через месяц, когда германские войска подошли к бывшим землям Всевеликого войска Донского, П.Н. Краснов опять пишет Е.И. Балабину, что их благожелательная встреча со стороны местных казаков, даст надежду на возрождение казачества, а в противном случае оно исчезнет³.

В то же время создание в декабре 1942 г. Казачьего управления Дона, Кубани и Терека, во главе с Н.А. Гимпелем, и привлечение к работе этого управления бывшего атамана Всевеликого войска Донского генерала П.Н. Краснова, способствовало еще большей активизации последнего. В первом номере официального печатного органа КУДКТ «На казачьем посту» 25 апреля 1943 г. он обратился к казакам с призывом вступать в германскую армию и идти вместе с ней на восток⁴.

¹ ГАРФ. Ф. 5761. Оп. 1. Д. 5. Л. 212.

² Там же. Д. 16. Л. 38.

³ Там же. Л. 40.

⁴ На казачьем посту. 1943. № 1. С. 4.

Победы Красной армии вносили корректировку в осмысление происходящих событий. Так, А.И. Деникин в ноябре 1944 г. в своем обращении к бывшим участникам добровольческого движения периода Гражданской войны заявил, что судьба России важнее судьбы российской эмиграции, а, следовательно, российские эмигранты должны желать победы России над Германией¹. Годом ранее (в ноябре 1943 г.) в Париже был создан «Союз русских патриотов» – нелегальная антифашистская организация, поставившая целью борьбу с оккупационным режимом².

Начавшаяся Вторая мировая война внесла существенные коррективы в общественно-политическую и социально-экономическую жизнь государств, прямо или косвенно затронутых ею. В зависимости от степени участия в войне эти коррективы были более или менее существенны. Особенно остро перемены ощутили жители стран, вступивших в войну. Ее влияние коснулось и российской эмиграции, в среде которой наблюдалось «оживление возвращенческих настроений и реставраторских планов». При этом наиболее динамичными в плане изменений в жизненных установках и поведении российских эмигрантов были первые годы войны³.

Российская эмиграция оказалась, словно между молотом и наковальней. Данная аллегория отражает не только и не столько выбор между СССР и его потенциальными противниками, двойственным было и само ее положение. Отстаивая и сохраняя свою самобытность, российское зарубежье воспринималось зачастую как часть России/СССР. В силу этого Договор о ненападении, подписанный между Германией и СССР в 1939 г., привел к тому, что с началом Второй мировой войны не только СССР, но и российское зарубежье воспринималось населением и правительством ряда государств как потенциальные союзники Германии. Это вызывало негативное

¹ Обращение генерала А. Деникина к добровольцам 15 ноября 1917–1944 гг. / публ. В.Г. Бортневского // Родина. 1991. № 6–7. С. 105.

² Комин В.В. Белая эмиграция и вторая мировая война. С. 31.

³ Бочарова З.С. Повседневная жизнь русской эмиграции в годы Второй мировой войны // Русское зарубежье и Вторая мировая война. М., 2013. С. 49.

отношение к российским эмигрантам, а порой даже и репрессии. Так, во многих префектурах Франции с началом Второй мировой войны большинство представителей российского зарубежья были арестованы. Впоследствии в период военного противостояния держав Оси с СССР представители российского зарубежья опять подверглись репрессиям, но уже со стороны Германии¹. В социально-экономическом плане многие русские иммигранты во Франции также терпели лишения. Особенно сильно ударил по российским иммигрантам закон, принятый 27 августа 1940 г. правительством А. Петена, направленный на защиту национальной рабочей силы², и это при том, что в сложившихся условиях иммигрантам вообще было сложно найти или сохранить своё рабочее место. В свою очередь, это привело к тому, что российские эмигранты вынуждены были не только наниматься на службу к немцам во Франции, но и уезжать на работы в Германию. Очевидец тех событий Г.К. Граф отмечает, что русские эмигранты могли найти работу только в германских учреждениях, так как в отличие от французов, немцы им доверяли, а французы их не брали³.

В государствах, более удаленных от основных театров военных действий Второй мировой войны, отношение к российским эмигрантам также определялось прежде всего политикой местных правительств. Однако резких изменений в положении эмигрантов в этих странах не наблюдалось. Многие из них довольно открыто высказывали свои симпатии и антипатии к государствам – участникам военных столкновений. Так, в большинстве государств Южной Америки были представители как «пораженцев», так и «оборонцев». Местные правительства редко вмешивались в противостояние внутри эмигрантского лагеря. Хотя были и исключения. Например, весной

¹ Бочарова З.С. Повседневная жизнь русской эмиграции ... С. 50–51.

² Урицкая Р.Л. Правовое положение русской эмиграции в оккупированной Франции // Нансеновские чтения. 2009. СПб., 2010. С. 77.

³ Граф Г.К. Париж времен оккупации и освобождения: 1942–1944. Из неопубликованных воспоминаний / предисл., подгот. текста и коммент. В.Ю. Черняева // Русская эмиграция и фашизм: статьи и воспоминания. СПб., 2011. С. 213.

1942 г. австралийская полиция штата Квисленд арестовала несколько российских эмигрантов, которых обвинили в профашистских и антисоветских настроениях¹.

В Польше социально-экономическое положение казаков во время германской оккупации было таким же тяжелым, как и коренных поляков, и представителей российской эмиграции. Никакими привилегиями в материальном плане ни русские, ни казаки не пользовались. Однако в целом отношение немцев к русскому и украинскому населению Польши (среди которых были и казаки) было первоначально несколько лучше, чем к местному польскому населению. Так, во время облав с целью вывоза людей на работы в Германию, русских и украинцев обычно отпускали, также их редко брали в заложники в ходе борьбы германских властей с польским движением Сопротивления². Подчеркнем, что речь идет о времени до начала нападения Германии на СССР. И именно Пакт Молотова – Риббентропа и взаимоотношения Германии и СССР в этот период сыграли определенную роль в большей лояльности германских оккупационных властей к русскоязычному населению Польши, в том числе и к казачеству. Впоследствии многие казаки в Польше вошли в состав КНОД, надеясь на определенную лояльность германских оккупационных властей. В какой-то мере их надежды оправдались³.

Жизнь российских эмигрантов изменилась после нападения Германии на СССР. Оккупационными властями 22 июня 1941 г. около тысячи российских эмигрантов во Франции были арестованы и помещены в Компьенский лагерь⁴. Подобного рода аресты прошли и на территории других государств, оккупированных Третьим рейхом.

¹ Пул Т. Русские фашисты в Квисленде (1935–1945) // Русская эмиграция и фашизм: статьи и воспоминания. СПб., 2011. С. 156.

² Вельмин А.П. Указ. соч. С. 296–297.

³ ЛА К. Письмо А.П. Черного – В.Г. Глазкову. Варшава, Польша. 28 октября 1942 г.

⁴ Ковалев М. «Мы все с генералом де Голлем!» Русские герои французского Сопротивления // Родина. 2006. № 12. С. 117.

Немцы неслучайно настороженно относились к русской эмиграции. Многие ее представители участвовали в движении Сопротивления вместе с народами государств, их приютивших. Особенно большое количество российских эмигрантов было во французском Сопротивлении, среди них – и представители казачества. Так, донской казак, известный поэт казачьего зарубежья Н. Туроверов отважно сражался в Северной Африке в звании капитана французской армии. Активным участником французского Сопротивления стал и бывший командир 9-й донской бригады генерал-майор Ф. Марков¹.

Ввод немецких, итальянских, венгерских и болгарских войск на территорию Югославии расколол не только коренное население этой страны, но и иммигрантов, в том числе представителей российской эмиграции. Отметим, что еще «к началу Второй мировой войны численность русской эмиграции в Югославии сократилась до 26–30 тыс. человек (в том числе, около 10 тыс. проживали в Белграде)»². Часть эмигрантов, преимущественно получивших уже югославское гражданство, были призваны в югославскую армию и либо погибли, либо попали в плен. Среди русских эмигрантов находились и те, кто ушел в партизаны, примкнул к движению Сопротивления, и те, кто вступил в Русский охранный корпус и принес присягу Третьему рейху и лично фюреру. Большинство же казаков-эмигрантов выступили в поддержку Германии. Отказ некоторых казаков вступать в ряды Русского охранного корпуса был связан лишь с нежеланием воевать под началом русских эмигрантов. Казаки-националисты в Югославии и Чехословакии, ведомые своими лидерами В.Г. Глазковым и П.С. Поляковым, выразили полную преданность Третьему рейху и желание сотрудничать с ним на всех направлениях. В то же время среди тех, кто вступил в Русский охранный корпус, было немало таких, которые сделали

¹ Решетников Л.П. Любовь к родине оказалась сильнее ... С. 136.

² Шкаровский М.В. Русская церковная эмиграция в Югославии в годы Второй мировой войны // Русское зарубежье и Вторая мировая война. М., 2013. С. 112.

это не по идейным, политическим соображениям, а для того, чтобы дать возможность выжить своим семьям, учитывая относительно неплохое жалование, которое платилось чинам данного корпуса.

Разделяя вместе с гражданами принимающих государств все тяготы и лишения военного времени, казаки, как и многие другие российские эмигранты, часто находились в более тяжелом положении. Это было связано с тем, что ухудшение социально-экономической жизни в первую очередь било по иммигрантам, к каковым относились и большинство представителей зарубежного казачества, имевших на руках преимущественно только нансеновские паспорта. Конечно, иммигрантам чаще всего приходилось тяжелее, чем местным жителям. Однако были и исключения из этого правила. Например, в Польше русскоязычное население не подвергалось таким преследованиям, как поляки¹. Не случайно в годы войны можно было увидеть переезд в Польшу некоторых казаков, в том числе и из Югославии и Болгарии.

В то же время на положении казачества в значительной мере сказывались такие факторы, как степень участия того или иного государства в войне, и особенно позиция правительства (в первую очередь выбор одной из противоборствующих сторон). Так, в Югославии руководство РПЦЗ и русской эмиграции в лице митрополита Анастасия и В.Н. Штрандмана (глав делегации по защите интересов русских беженцев в Югославии) открыто поддержали антигерманский переворот 27 марта 1941 г., выразив преданность пришедшему к власти королю Петру II. Многие русские эмигранты вступили в ряды югославской армии². Командиры кубанской казачьей дивизии и лейб-гвардии казачьего дивизиона – генерал В.Э. Зборовский и полковник А.И. Рогожин – выразили готовность предоставить свои части в распоряжение югославского командования (хотя вследствие скоротечности боевых действий до практического их применения

¹ Вельмин А. Указ. соч. С. 296–297.

² Шкаровский М.В. Русская церковная эмиграция. С. 113–115.

дело не дошло)¹. В значительной степени такое поведение было определено признательностью королевской династии Карагеоргиевичей и сербскому народу за гостеприимство, оказанное русским эмигрантам. Хотя тот же митрополит Анастасий обрушился с критикой на митрополита Кентерберийского, который призвал свою паству молиться о победе советского оружия. В то же время часть русских эмигрантов, включая большинство казаков, рассматривая Германию как силу, способную свергнуть советскую власть в СССР, не менее восторженно приветствовали приход гитлеровских войск в Югославию и выразили желание сотрудничать с новым режимом, вплоть до создания воинских частей. В. Маевский отмечает, что соглашение между Германией и Югославией, заключенное в марте 1941 г., было встречено русскими эмигрантами положительно, в силу их симпатий к сербам и понимания того факта, что в противном случае братья-славяне понесли бы значительные потери и, что лишь «незначительная часть русских возгорелась “симпатиями” к немцам в надежде, что сможет поехать на восточный фронт “освободить” свою родину»².

В самой Югославии еще в 1940 г. наблюдались симпатии к СССР³, которые еще более усилились после оккупации Сербии германскими войсками. Германская оккупация Югославии привела к тому, что российские эмигранты, включая казачество, оказались в двойственном, крайне тяжелом положении. С одной стороны, они подвергались репрессиям со стороны профашистского сербского правительства, которое боялось их патриотической настроенности и, как следствие, возможных симпатий к СССР в ходе германо-советского противостояния. С другой стороны, белые эмигранты стали объектом террора со стороны югославских коммунистов,

¹ Шкаровский М.В. Духовенство Русского корпуса ... С. 115.

² Маевский В. Русские в Югославии (Взаимоотношения России и Сербии). Нью-Йорк, 1966. Т. 2. С. 246, 285, 297.

³ Симонова Т.М. Российская военная эмиграция и фашизм // Нансеновские чтения. 2009. СПб., 2010.

которые, напротив, видели в них сторонников фашистского режима и противников установления коммунистической власти в стране¹. Особенно сильно этот террор проявился в провинции, где было больше возможностей для ведения партизанской борьбы. Много казаков было убито, в частности в Мачве, при том, что зачастую «это были казаки, которые жили по селам и слыли, как исключительно сердечные и мирные люди»². Как вспоминал В.Г. Науменко, многие сербы с вводом германских войск уходили в леса и там организовывали повстанческие отряды. В районе Кральево, где проживал кубанский атаман, располагалось около 40 тыс. югославских партизан³. В отличие от провинции в самом Белграде положение русских эмигрантов было относительно неплохое и даже в некоторой степени более привилегированное, чем у сербов⁴. Хотя и здесь были случаи убийства русскоязычного населения, в том числе казаков⁵. Все это привело к еще более четкому разделению в Югославии российских эмигрантов на «пораженцев» и «оборонцев». И здесь, как и в других государствах, среди казаков-эмигрантов большей популярностью пользовалась точка зрения «пораженцев». Немаловажной в качестве авторитета была и позиция, которую заняла РПЦЗ во главе с митрополитом Анастасием, поддержавшим формирование из числа эмигрантов воинских частей, в том числе и Русского охранного корпуса в Югославии. Однако позднее, когда из России стали доходить сведения о тех проявлениях жестокости, которые были следствием нацистской оккупационной политики на Востоке, митрополит Анастасий стал обращаться с призывами к прекращению войны и признаниями об ошибочности некоторых своих чаяний⁶. Служба безопасности

¹ Шкаровский М.В. Русская церковная эмиграция ... С. 113–118.

² Маевский В. Указ. соч. С. 312.

³ ГАКК. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 28. Л. 48.

⁴ Трушнович Я.А. Русские в Югославии и Германии, 1941–1945 гг. // Новый часовой. 1994. № 2. С. 145.

⁵ Шкаровский М.В. Духовенство Русского корпуса ... С. 116.

⁶ Шкаровский М.В. Русская церковная эмиграция ... С. 131.

профашистского режима в Сербии отмечала, что с нападением Германии на СССР «среди русских усилились настроения в пользу Советов»¹.

Однако были случаи, когда казаки не только участвовали в антифашистской борьбе, но и даже вступали в ряды местных коммунистических партий. Так, полковник Оренбургского казачьего войска Ф.Е. Махин с 1939 г. числился в рядах коммунистической партии Югославии. В 1941 г. он вступил в Народно-освободительную армию Югославии, где был одним из руководителей отдела пропаганды штаба армии и начальником исторического отдела, достигнув звания генерал-лейтенанта².

На протяжении 1942–1944 гг. поляризация в среде российской эмиграции в Югославии еще более усилилась. При этом образовалось три центра притяжения – германофилы, англофилы и советофилы. Полностью согласимся с В. Козлитиним в том, что наиболее активными были германофилы и советофилы, но при этом большая часть эмигрантов остались в стороне от политических баталий и больше думали о хлебе насущном³. В то же время заметим, что для казаков-эмигрантов в Югославии при четко выраженной политической позиции более характерна была германофильская ориентация.

Особенность взаимоотношения казаков с местным населением в Югославии определялась не только политическими и идеологическими установками, но и этническими факторами. Этническая неоднородность населения Югославии в сочетании с определенными историческими претензиями различных народов друг к другу создавала конфликтогенную обстановку в стране. Еще более ее усложняла противоречивая политика немцев на территории Югославии: «немцы тоже вели себя странно: то они выдавали оружие четникам, то они давали награду за голову Драже

¹ Цит. по: Решетников Л.П. Любовь к родине оказалась сильнее ... С. 133.

² Крикунов П. Указ. соч. М., 2005. С. 74.

³ Козлитин В. Русская и украинская эмиграция ... С. 385–386.

Михайловича (руководитель движения четников. – О.Р.)»¹. Этим отчасти объясняется различие сведений об отношении казаков к местному населению. Так, многие источники сообщают о жестокости казаков в отношении сербского населения. Однако встречаются сведения и о том, как казаки защищали жителей сербских селений от террора усташей².

Под репрессии немцев попадали и казаки-эмигранты. Даже атаман ККВ генерал В.Г. Науменко одно время был арестованным и содержался в качестве заложника на случай расстрела³. Однако и в этих условиях он не переставал думать о судьбе войска. Не имея возможности руководить им, В.Г. Науменко назначил генерала В.М. Ткачева Походным атаманом ККВ. После своего освобождения В.Г. Науменко упраздняет данную должность. Несмотря на то, что он оставил В.М. Ткачева председателем комиссии по подготовке возвращения на Кубань казаков и сохранил ему жалованье, которое тот получал как Походный атаман, данная отставка привела к значительным трениям между В.Г. Науменко и В.М. Ткачевым. Последний распространил циркулярное письмо с протестом против освобождения его от должности⁴. Конфликт между В.Г. Науменко и В.М. Ткачевым является ярким подтверждением того, что даже в условиях опасности, нависшей над родными краями и миром в целом, в среде казачьей эмиграции продолжались склоки, порой совершенно не связанные с политическими воззрениями и политической борьбой. В большинстве своем они определялись лишь честолюбием и властными желаниями отдельных лиц.

Отметим, что и в годы Второй мировой войны казачьи войска, сохранившие институт атаманства, продолжали жить по своим порядкам. По-прежнему атаманы издавали приказы и распоряжения, производили

¹ Трушнович Я.А. Русские в Югославии и Германии, 1941–1945 гг. // Новый часовой. 1994. № 2. С. 143.

² Шкаровский М.В. Духовенство Русского корпуса ... С. 120–121.

³ ГАКК. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 28. Л. 48.

⁴ Там же. Д. 15. Л. 110.

отличившихся казаков в очередные воинские чины и в целом пытались руководить жизнью войска¹.

Постепенно начали все сильнее и сильнее сказываться социально-экономические проблемы. Так, весной 1942 г. один из руководителей казаков-националистов в Югославии П.С. Поляков отмечает ухудшение социально-экономического положения в стране, особенно в части организации питания, сообщая, что большинство казаков в Сербии голодали прошедшую зиму².

Примерно такая же картина наблюдалась и в Болгарии. «В 1940 г. общее число русских в Болгарии насчитывало 18 397 человек (10 000 мужчин, 5 397 женщин и 3 000 детей)»³. Еще в начале войны среди российской эмиграции в Болгарии наблюдался раскол на «оборонцев» и «пораженцев». В стане «пораженцев» было большинство членов РОВС и НТСНП. Однако при этом добровольцев служить в Русском корпусе оказалось не так уж и много⁴. Нападение Германии на СССР еще более углубило раскол среди российских эмигрантов. Реакция эмигрантов была различной – от радости до беспокойства за судьбу родины и даже до симпатии к Советскому Союзу⁵. Как говорилось в отчете болгарской полиции, недавние противники коммунизма среди российских эмигрантов стали сторонниками победы СССР⁶. Дирекция болгарской полиции объясняла это патриотизмом русских эмигрантов⁷. В то же время большая часть казаков в Болгарии были в лагере «пораженцев». Более того, именно в Болгарии генерал Ф.Ф. Абрамов

¹ ГАКК. Коллекция документов ККВ за рубежом. Пер. 1. Кор. 1. Ед. хр. 1. Выписка из приказа Кубанскому казачьему войску № 64.

² ГАРФ. Ф. 5762. Оп. 1. Д. 9. Л. 3.

³ Кьосева Ц. Русские эмигранты из Болгарии в Русском охранном корпусе в Югославии (По документам болгарских активов) // Русская эмиграция и фашизм: Статьи и воспоминания. СПб., 2011. С. 100.

⁴ Горяинов А.Н. Панорама жизни русских эмигрантов ... С. 376–377.

⁵ Ревякина Л. Съветската Легация в България и Бялата емиграция (1934–1944) // Бялата емиграция в България. София, 2001. С. 103.

⁶ Цит. по: Решетников Л. «А Родина милей...» С. 64.

⁷ Цит. по: Решетников Л.П. Любовь к родине оказалась сильнее ... С. 135.

поставлял Германии и Румынии подготовленные кадры казаков-диверсантов¹.

С нападением Германии на СССР активизировались казаки в Словакии. Большинство из них открыто приветствовали вторжение германских войск на территорию Советского Союза. На этот факт обратила внимание даже словацкая пресса². Отметим, что после создания Протектората Чехии и Моравии и образования Словацкой Республики из последней были выдавлены практически все чехи. Это привело к образованию большего количества рабочих мест, часть из которых была занята российскими иммигрантами, в том числе и казаками³.

Однако и в Болгарии, и в Чехословакии, и в других государствах были казаки, которые активно участвовали в движении Сопротивления, в том числе в составе местных партизанских отрядов. Так, донской казак В.П. Каклюгин ушел в словацкий партизанский отряд, а его дочь Ирина была радисткой в партизанском отряде в Болгарии⁴.

В июле 1940 г. по распоряжению германских властей были ликвидированы все организации, существовавшие в Польше. Позже были созданы комитеты, которые являлись представителями народов, проживавших на территории страны. В частности были созданы Русский, Украинский и Кавказский Комитеты. При этом председатели и члены правлений данных организаций назначались германскими властями⁵. С этого момента все русское и украинское население должно было взаимодействовать с германскими властями только через свои комитеты. Они в частности выдавали удостоверения о русском или украинском происхождении, которые только и имели силу, так как прежние удостоверения, выданные польскими властями, и нансеновские паспорта

¹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1090. Л. 72.

² Гарбулева Л. Указ. соч. С. 422.

³ ЛА Р. Интервью с А.В. Капшиновой. 12.05.2015, г. Прага (Чехия).

⁴ Крикунов В. Указ. соч. С. 74.

⁵ Вельмин А.П. Указ. соч. С. 292.

считались немцами потерявшими силу¹. Казачество как отдельный народ немцы в Польше не признавали, и казаки вынуждены были определяться, в каком качестве им необходимо было зарегистрироваться. К сожалению, точных сведений по определению казаков нет, но, судя по косвенным данным (письмам, воспоминаниям), часть казаков (преимущественно донцы, терцы, представители астраханского, уральского, сибирского и дальневосточного казачества) регистрировались в Русском Комитете. Часть кубанцев предпочли зарегистрироваться как украинцы.

После нападения Германии на СССР положение казаков в Польше несколько изменилось. Те из них, которые значились как русские, оказались в более тяжелом положении, так как немцы теперь коренным образом изменили отношение к представителям русского зарубежья. Теперь русских также стали арестовывать во время облав, ссылать в Германию на принудительные работы, отправлять в концентрационные лагеря, держать в качестве заложников, расстреливать². В то же время, примерно в 1943 г. отношение к представителям казачества у германских властей стало меняться. С одной стороны, это было связано с деятельностью КНОД, доказавшего полную лояльность германским оккупационным властям и пользовавшегося популярностью у казаков в Польше. С другой стороны, с тем, что в силу катастрофического положения на советском фронте немцы решающим образом изменили свое отношение к казачеству, стремясь использовать его в качестве своеобразного союзника. Не случайно в мае 1943 г. казаки на собрании в Августове обратились к германским властям «с просьбой о беспрепятственном получении продовольственных карточек и о повышении их зарплаты по сравнению с поляками на 60–70%»³. Некоторые из них выразили желание служить в Казачьей национальной армии, которую пытался организовать лидер казаков-националистов В. Глазков. Не спеша с

¹ Вельмин А.П. Указ. соч. С. 293.

² Там же. С. 297–300.

³ Ёлкин А.И. Указ. соч. С. 106.

созданием подобной армии, немцы все же планировали использовать казаков для охраны военных объектов и борьбы с партизанами. Так, в городе Белостоке при местном гестапо был сформирован казачий конный отряд жандармерии численностью 45 человек. Поощряя лояльность казаков, германские власти летом 1943 г. разрешили открыть в Августове казачий дом¹.

С началом войны потеряли значение многие специальности, профессии, виды заработка, в том числе и в тех сферах, где были заняты многие российские иммигранты². Данная ситуация в целом была характерна не только для Франции, но и для многих других европейских государств. В то же время положение казаков-эмигрантов несколько отличалось от положения других представителей российской эмиграции. Многие казаки были заняты в сфере сельского хозяйства и промышленного производства, а именно они дольше оставались востребованными в качестве работников.

Одним из способов обеспечить свое существование в годы войны было вступление в ряды вооруженных сил. Военнослужащие и их семьи получали определенное довольствие: вещи, продукты питания. Так, во Франции семьи российских эмигрантов, призванных во французскую армию, получали правительственное пособие, а также имели различные льготы (например, при квартирной плате)³.

Определенную помощь мобилизованным и их семьям оказывали различные эмигрантские организации. Так, правление Союза казаков-комбатантов во главе с генералом С.Д. Позднышевым организовало отправку пасхальных посылок мобилизованным казакам⁴.

Многие эмигранты принимали решение об участии в военных действиях против фашистской Германии исходя из своих идейно-политических установок и воззрений. Это видно и по многочисленным случаям героизма и

¹ Ёлкин А.И. Указ. соч. С. 107.

² Цит. по: Антошин А.В. На фронтах Второй мировой ... С. 58–59.

³ Антошин А.В. На фронтах Второй мировой ... С. 91.

⁴ Там же. С. 92.

отваги, проявленным в боях с врагом. Например, известный поэт казачьего зарубежья есаул ВВД Н. Туроверов, будучи капитаном французской армии, за героические действия в Северной Африке был награжден французским орденом¹. Ряд казаков погибли во время антигерманских восстаний населения оккупированных Третьим рейхом земель. Так, во время восстания в Словакии (август–ноябрь 1944 г.) был расстрелян партизанами есаул Донского учебного полка А.И. Чеботарев².

Порой судьба разводила членов семьи по разным лагерям. Так, С.Н. Краснов был активным помощником бывшего донского атамана генерала П.Н. Краснова и вместе с ним был выдан в Австрии советским властям. В то же время брат жены С.Н. Краснова, кубанский казак К. Марченко, воевавший во французской армии, попал в германский плен³.

Оккупация государств фашистской Германией и ее сателлитами, естественно, еще более ухудшила положение основной массы населения и в первую очередь иммигрантов. Это была одна из причин, почему большинство представителей российской эмиграции (в том числе и казаки) старались покинуть государства, оккупированные Третьим рейхом. Вторая причина заключалась в политических и идеологических воззрениях эмигрантов. Та часть российского зарубежья, которая видела в действиях Германии шанс свергнуть большевистскую власть в СССР, естественно, не только поддерживала ее политику, но и стремилась пойти на всяческие контакты и сотрудничество с руководством Третьего рейха. Среди политически активной части казачества преобладала данная тенденция⁴.

В Германии еще накануне Второй мировой войны российские эмигранты через различные свои структуры подчинялись специально созданному Управлению делами русской эмиграции, которое возглавил генерал В.В. Бискупский. Это было связано не только с

¹ Решетников Л. «А Родина милей...» ... С. 65.

² Александров К.М. Белая военная эмиграция ... С. 44.

³ Энцина Ж. Казак М.С. Краснов. Пленник за службу Чили. Ростов н/Д, 2010. С. 52.

⁴ Антошин А.В. На фронтах Второй мировой ... С. 65.

«незаинтересованностью в существовании независимых эмигрантских структур» со стороны нацистского руководства¹, но в первую очередь с общей политикой Третьего рейха, направленной на ликвидацию самостоятельности любых социальных структур внутри государства.

Стремление германских властей к унификации в различных областях жизни привело и к объединению ряда казачьих организаций. На базе казачьих обществ и организаций в Праге в конце 1939 г. было создано Общеказачье объединение в протекторате Чехия и Моравия. На должность атамана этого объединения был назначен генерал Е.М. Балабин. Назначен он был начальником Управления делами русской эмиграции в Германии генералом В.В. Бискупским после консультации его с генералом П.Н. Красновым. С 1940 г. данное Объединение распространило свою деятельность на всю территорию Третьего рейха, что отразилось в его названии. В сентябре 1941 г. решение о вступлении в Общеказачье объединение в Германии приняли члены Общеказачьего союза имени атамана А.М. Каледина в Братиславе². В Праге в 1941–1942 гг. функционировал центр, занимавшийся вербовкой казаков и формированием из них различных антисоветских вооруженных групп. Его работой руководили Н. Каледин и И. Вишлянцев³.

Подобное стремление к контролю над организациями, обществами и объединениями российских эмигрантов, в том числе и казачества, наблюдалось и в политике, проводимой нацистами на оккупированных территориях. Так, после оккупации Польши германскими войсками в Варшаве было создано Управление делами русской эмиграции. В июле 1940 г. были ликвидированы все русские организации, существовавшие до начала оккупации, а Управление делами русской эмиграции преобразовано в Русский комитет. 28 августа 1940 г. во Франции были распущены «все

¹ Антошин А.В. На фронтах Второй мировой ... С. 67.

² Гарбулева Л. Указ. соч. Р. 418.

³ Свириденко Ю.П., Ершов В.Ф. Указ. соч. С. 165.

ассоциации русских эмигрантов, потенциально могущие противодействовать нацистской пропаганде»¹. В то же время накануне, с разрешения германских властей, был создан Организационно-представительский комитет русской национальной эмиграции во Франции, в состав которого входил донской атаман М.Н. Граббе, представлявший казачество². 9 апреля 1941 г. немцы создали Комитет взаимопомощи русских эмигрантов во Франции, преобразованный через год (21 апреля 1942 г.) в Управление делами русских эмигрантов во Франции³. В Югославии с момента оккупации страны деятельность практически всех русских эмигрантских организаций была приостановлена⁴. В апреле 1941 г. германские оккупационные власти создали Бюро по делам русских беженцев, упразднив Державную комиссию. В состав Бюро входили и представители казачества – бывший командир кубанской дивизии генерал В.Э. Зборовский и атаман Кубанского казачьего войска за рубежом генерал В.Г. Науменко⁵.

В несколько ином положении находились казаки, разместившиеся на территории Китая. Казаки, находившиеся на территории Маньчжурии, проживали преимущественно в районе Хайлара (более 7,5 тыс. чел.), Трехречья (около 7 тыс. чел.) и частично на восточной линии КВЖД. В социально-экономическом плане их жизнь изменилась мало. Казаки, как и до войны, размещались в станицах и хуторах и занимались в основном земледелием, скотоводством и лесозаготовками. Как видно из отчетов, собранных Союзом казаков на Дальнем Востоке, казаки разводили крупный и мелкий рогатый скот и лошадей, выращивали пшеницу, овес, ячмень и гречиху⁶.

¹ Урицкая Р.Л. Указ. соч. С. 75.

² Там же. С. 76.

³ Бочарова З.С. Повседневная жизнь русской эмиграции ... С. 53–54.

⁴ Шкаровский М.В. Русская церковная эмиграция ... С. 117.

⁵ Козлитин В. Русская и украинская эмиграция ... С. 379.

⁶ Как живут казаки в Маньчжоу-Ди-Го // Дальневосточное казачество. Харбин, 1940. Март. <№ 3>. С. 19–22.

К началу войны большинство казачьих организаций, объединений и обществ, включая станицы и хутора, а также различные казачьи союзы находились под контролем атамана Забайкальского казачьего войска генерала Г.М. Семёнова, возглавлявшего одну из самых крупных организаций – Союз казаков на Дальнем Востоке. Накануне Второй мировой войны Союз объединял более 20 тыс. казаков. Г.М. Семёнов был также провозглашен походным атаманом казаков Урала, Сибири и Дальнего Востока.

Как и в 1920–1930-е гг., накануне и в годы Второй мировой войны казаки, проживавшие в Китае, вынуждены были во много учитывать политику, проводившуюся японскими властями. В планах же японского правительства была оккупация части территории СССР (преимущественно Западная Сибирь и Дальний Восток) и создание на этой территории марионеточного государства. Учитывая ту роль, которую играл Г.М. Семенов в годы Гражданской войны и в эмиграции, его ориентацию в течение всего этого времени на Японию, японцы рассчитывали использовать его и казаков в реализации своих планов. Так, во время вооруженного конфликта на р. Халкин-Гол в 1939 г. отряды, сформированные Г.М. Семеновым, находились в полной боевой готовности. В случае успешного развития событий японцы планировали использовать их для вторжения на советскую территорию. Кроме того, в военных планах японского командования предусматривалось широкое использование белоэмигрантов, и в первую очередь казаков, в качестве диверсантов, шпионов, проводников, переводчиков при различных воинских частях японской армии. Японцы также видели в белоказаках отличный материал для проведения агитации и пропаганды среди населения Западной Сибири и Дальнего Востока¹. Казаки, проживавшие в Маньчжоу-Го во второй половине 1930-х – первой половине 1940-х гг., часто участвовали в почетных

¹ Цурганов Ю.С. Указ. соч. С. 65.

караулах в ходе визитов в Харбин командующего Квантунской армии, японского посла и монархических особ¹. Японская военная миссия в Маньчжурии оказывала значительную финансовую помощь БРЭМ², в том числе и казакам-иммигрантам. При этом японцы всячески старались поставить жизнь российских иммигрантов под свой контроль. Об этом, в частности, свидетельствует открытие летом 1942 г. в г. Маньчжурии Дома российской эмиграции, в котором под одной крышей были собраны различные общества, включая правление казачьей станицы³. В то же время жизнь большинства российских иммигрантов, в том числе и казаков, на территории Маньчжоу-Го в годы Второй мировой войны была крайне тяжелой как в экономическом, так социально-политическом и психологическом отношениях. В годы оккупации японцы ликвидировали практически все русские учебные заведения. Администрацией Маньчжоу-Го взамен был учрежден только один Северо-Маньчжурский университет. При этом в китайском его наименовании не было иероглифа, обозначающего высшее учебное заведение. Во всех других высших учебных заведениях в Маньчжоу-Го преподавание велось только на китайском или японском языках⁴.

Раскол среди российских эмигрантов, в том числе и казаков, на «оборонцев» и «пораженцев» произошел и в Китае. В большей степени это проявилось после первых крупных побед советских войск на западном фронте⁵.

Не менее сложным было положение казачества в государствах Латинской Америки. Как отмечала Е. Спиридонова: «Даже в Аргентине, где

¹ Аблажей Н.Н. С востока на восток ... С. 143.

² Главное бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии. Справка, составленная УКХБ по Хабаровскому краю // Российская эмиграция в Маньчжурии: военно-политическая деятельность (1920–1945): сб. док. Южно-Сахалинск, 1994. С. 86–104.

³ ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 1. Д. 64. Л. 2.

⁴ ГАРФ. Ф. 10143. Оп. 16. Катушка 1. Кадр 046; МРС. Ф. Гинс Г.К. Вох 1. Folder 3. Биография Г.К. Гинса.

⁵ АВП РФ. Ф. 100. Оп. 34. Папка 132. Д. 48. Л. 60.

мы были почти полноправны, большинство из нас в общественных местах стесняется своего языка и своей национальности»¹.

В годы Второй мировой войны не только не прекратилась, но еще более обострилась борьба между различными группировками казачества за рубежом. В первую очередь это борьба между «единонеделимцами» и «самостийниками», представленными в эмиграции «вольными казаками», «казакийцами», казаками-националистами. Особую активность проявило, возглавляемое В.Г. Глазковым, Казачье национально-освободительное движение (КНОД). Печатным органом этого объединения был журнал «Казачий вестник». В борьбе с «единонеделимцами» руководители КНОДа убеждали казаков, что только те из них, кто вступит в КНОД, могут рассчитывать на благосклонность германского правительства и на последующее возвращение в родные края. Интересно, что пытаясь заслужить благосклонное внимание со стороны руководства Третьего рейха, лидеры КНОД демонстрировали не только лояльность и одобрение его внешней политики, но и отмечали факт близости национально-социалистических установок традиционным воззрениям казачества². Возможно, это была одна из причин, по которой В.Г. Глазков пользовался определенной поддержкой и защитой в правительственных кругах Третьего рейха³. Так, генерал П.Н. Краснов отмечает, что, как только он в своей статье хотел обратить внимание на КНОД, ему вычеркнули это место с указанием «нераздражать глазковцев»⁴.

В борьбе со своими оппонентами казаки-националисты опирались на соответствующие структуры Третьего рейха, в частности на гестапо. Это было относительно несложно, учитывая, что в правящих кругах Германии

¹ Спиридонова Е. Мы и Они (Еще о нашем эмигрантском вопросе) // Русский в Аргентине. Буэнос-Айрес, 1940. 1 апреля.

² Казачий вестник. 1941. № 3. С. 5.

³ ГАКК. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 98. Л. 57–58.

⁴ Там же. Д. 13. Л. 2.

существовали различные точки зрения на восточную политику и использование казачества.

После опубликования знаменитой декларации от 10 ноября 1943 г., в которой казаки признавались союзниками Германии, и им обещалась защита фюрера, в скором времени Министерством оккупированных восточных территорий был разработан проект создания казачьих опорных пунктов. Такие пункты планировалось создать в Германии, Протекторате Чехия и Моравия, Франции и Сербии. При этом предполагалось упразднить Общеказачье объединение в Германской империи, а также все станицы и хутора. Данный проект согласовывался одновременно с П.Н. Красновым, Е.И. Балабиным и лидером казаков-националистов В.Г. Глазковым. Последний после поездки в Берлин развернул активную деятельность по согласованию кандидатур на должности начальников казачьих опорных пунктов. Он вел переговоры об этом как с Е.И. Балабиным, так и с М.И. Зарецким. Интересно, что с руководителем Общеказачьего объединения Е.И. Балабиным В.Г. Глазков согласовывал только кандидатуру начальника казачьего опорного пункта в Праге. Кандидатура начальника опорного пункта в Берлине согласовывалась с представителем Е.И. Балабина в Германии. Однако данные согласования ни к чему не привели. В.Г. Глазков пытался поставить на должность начальников опорных пунктов представителей КНОДа. Естественно, что Е.И. Балабин всячески выступал против такого решения вопроса¹. Все это способствовало еще большему обострению отношений между казаками, поддерживавшими генерала П.Н. Краснова и своих войсковых атаманов, и казаками-националистами. П.Н. Краснов писал в апреле 1944 г. генералу В.Г. Науменко о том, что В.Г. Глазкова поддерживает гестапо и поэтому бороться с ним будет трудно, но бороться надо². Бывший донской атаман пытался в борьбе с казаками-националистами опереться на руководителя Казачьего управления

¹ ГАРФ. Ф. 5761. Оп. 1. Д. 14. Л. 189.

² ГАКК. Ф. Р.-1864. Оп. 1. Д. 13. Л. 2.

Н.А. Гимпеля. Однако, как отмечал генерал П.Н. Краснов, он «в полном курсе этих дел, но ничего пока не может сделать, ибо тут есть какая-то злая рука»¹.

В то же время не думаем, что главной целью германского правительства в проведении подобного рода политики в отношении казаков было стремление внести раскол в их ряды. Скорее всего, это было следствием противоречий в самом руководстве Третьего рейха, в том числе и по вопросам использования казаков. Так, фельдмаршалу В. Кейтелю казаки представлялись силой, способной укрепить военные части вермахта, крайне нуждавшиеся в пополнении. А. Розенберг рассматривал казаков как одно из сепаратистских движений, которое можно использовать для проведения политики на оккупированных восточных территориях Третьего рейха. Была еще и третья очень мощная сторона – Г. Гиммлер, рейхсфюрер СС и министр внутренних дел Германии. Его, как рейхсфюрера СС, казаки интересовали, прежде всего, как военная сила, и он прикладывал большие усилия, чтобы включить их в состав охранных отрядов. Впоследствии Г. Гиммлеру удалось добиться преобразования 1-й Кавалерийской казачьей дивизии вермахта в 15-й Казачий кавалерийский корпус СС. В то же время объединение казачества в единую могучую силу настораживало Г. Гиммлера. Поэтому, будучи министром внутренних дел Германии, он не только стремился также поставить казаков под свой контроль, но и внести в их среду раскол и раздробленность. Кроме того, Г. Гиммлеру как политическому игроку не хотелось делиться влиянием на казачество ни с вермахтом, ни с ведомством А. Розенберга. Е.И. Балабин, рассуждая о необходимости перевода казаков из немецких подразделений вермахта и СС в казачьи части, отмечал, что ни вермахт, ни СС казаков не отдадут².

Конечно, главным лейтмотивом германской политики в отношении казачества было желание поставить его под свой контроль. С этой целью, как

¹ ГАКК. Ф. Р.-1864. Оп. 1. Д. 13. Л. 2.

² ГАРФ. Ф. 5761. Оп. 1. Д. 14. Л. 101.

отмечалось выше, в 1940 г. Общеказачье объединение в Протекторате Чехия и Моравия было преобразовано в Общеказачье объединение Германской империи.

Созданное в декабре 1942 г. Казачье управление Дона, Кубани и Терека проводило работу по организации воссоединения семей казаков-эмигрантов и казаков, прибывавших в Европу с оккупированных территорий СССР. Параллельно велась работа по получению подробной информации о казаках, оказавшихся за пределами своей родины¹. К середине 1943 г., благодаря усилиям и действиям Казачьего управления, около 7 тыс. казаков из числа остарбайтеров получили иммиграционные паспорта, а с ними и новый статус².

Активное использование казачьих отрядов из казаков оккупированных земель и бывших советских военнопленных, а также расширение сотрудничества с казаками-эмигрантами привело к созданию 31 марта 1944 г. Главного управления казачьих войск (ГУКВ). В это управление вошли как представители казачьей эмиграции – П.Н. Краснов и В.Г. Науменко, так и представители казаков, проживавших на территории СССР – С.В. Павлов и Н.Л. Кулаков. В то же время сами казаки рассматривали ГУКВ как орган, который будет представлять и защищать их интересы перед германским командованием³.

Впоследствии казаки вынуждены были определиться и по отношению к образованному в ноябре 1944 г. Комитету освобождения народов России (КОНР). Одними из первых в КОНР вошли генералы Ф.Ф. Абрамов и Е.И. Балабин. По их инициативе через несколько дней после образования КОНР в Праге состоялось собрание, на котором присутствовали представители донского, кубанского и терского войсковых атаманов, атаманы двух донских, одной кубанской и одной общеказачьей станиц.

¹ Казачьи ведомости. 1943. № 3. 5 октября. С. 15.

² Крикунов П. Указ. соч. С. 273.

³ На казачьем посту. 1944. № 23. 1 апреля. С. 3.

Председательствовал на этом собрании генерал Е.И. Балабин. В ходе сбора были оглашены письма, присланные от Пильзенской и Моравско-Остравской станиц. Общий смысл писем и выступлений свелся к приветствию и поддержке КОНР, а также вступления в КОНР генералов Ф.Ф. Абрамова и Е.И. Балабина. На этом же собрании подверглись осуждению действия казаков-националистов, придерживавшихся сепаратистских воззрений¹.

В то же время, несмотря на определенные попытки Е.И. Балабина добиться союза генерала А.А. Власова и генерала П.Н. Краснова, переговоры между ними не привели к сотрудничеству, а посредническая деятельность Е.И. Балабина потерпела неудачу.

Генералы Е.И. Балабин, В.Г. Науменко, Г.В. Татаркин, И.А. Поляков 23 марта 1945 г. подписали Положение об управлении казачьими войсками. Они признавали казачество составной частью России и констатировали вхождение в подчинение генералу А.А. Власову как председателю и главнокомандующему вооруженными силами КОНР². Вскоре, 28 марта 1945 г., был учрежден Совет казачьих войск³. Некоторые структуры казачьего зарубежья продолжали функционировать вплоть до окончания Второй мировой войны. Среди них, конечно, в первую очередь выделялись казачьи станицы и хутора. Так, фактически за две недели до начала Пражского восстания в Праге прошло заседание правления Донской казачьей станицы, на котором было решено «условно станицу распустить». При этом речь шла не о полном прекращении ее деятельности, а лишь о временной приостановке ее работы в связи с изменившимися условиями. Параллельно было решено принять в состав станицы двух казаков⁴. Как верно отметил А.В. Антошин, анализируя переписку эмигрантов (в том числе и казаков) 1944–1945 гг., некоторые российские эмигранты, сотрудничавшие с Третьим рейхом, в условиях приближающегося разгрома Германии «стремились

¹ Цурганов Ю.С. Указ. соч. С. 187–188.

² Там же. С. 195.

³ Там же. С. 65.

⁴ Антошин А.В. На фронтах Второй мировой ... С. 96.

убедить себя в том, что скоро произойдет перелом в войне и немецкая армия начнет одерживать победы»¹. По его мнению, такие настроения были следствием самовнушения в ситуации неминуемой военной катастрофы, попыткой сохранить хотя бы малейшую надежду на благоприятный исход войны².

В условиях Второй мировой войны культурная жизнь казачьего зарубежья была практически парализована. Только отдельные представители казачества проявили себя на культурном поприще. Так, в 1939–1944 гг. в Праге и Братиславе успешно выступал оперный певец донской казак Н. Мельников. На сценах концертных залов и оперных театров Европы можно было слышать голос другого донского казака, солиста «Русской оперы» В.И. Браминова (Жидкоблинова)³. В 1944 г. в Германии был издан сборник «Казачьи песни» под редакцией бывшего атамана ВВД генерала П.Н. Краснова⁴.

Особую категорию представляли казаки, оказавшиеся в германском плену и в германских концентрационных лагерях. В большинстве своем это были советские военнопленные. Положение их было такое же тяжелое, как и в целом, положение советских военнопленных. Однако, анализ политики немецких властей в отношении советских военнопленных, проведенный украинским исследователем А.А. Маринченко, показывает, что данная политика не была единой и дифференцировалась в зависимости от этнической/национальной принадлежности лиц, попавших в плен. В частности он отмечает тот факт, что отношение германцев к украинцам в целом было несколько лучшим вплоть до освобождения из плена⁵. Это помогает понять, почему некоторые казаки (преимущественно кубанцы)

¹ Антошин А.В. Российские эмигранты ... С. 69.

² Там же.

³ Донские казаки в прошлом и настоящем. С. 459.

⁴ Там же. С. 461.

⁵ Маринченко А.А. «Внести раздоры между народами...»: расовая политика немецких властей в отношении советских военнопленных, 1941 – начало 1942 года // Новая и новейшая история. 2014. № 2. С. 82–85.

порой предпочитали выдавать себя за украинцев. Кроме того, исследование А.А. Маринченко показывает, что при проведении политики дифференциации немцы не выделяли казаков в какую-то отдельную этническую группу. Это отчасти объясняет и довольно значительные колебания в политике германских властей в отношении к казачеству, от полного игнорирования, до выделения в отдельную группу как народа – союзника Третьего рейха во Второй мировой войне.

Коренным образом изменилось положение российских эмигрантов, в том числе и казаков, в восточноевропейских государствах с приходом в них советских войск. В годы войны немцы организовывали эвакуацию всех желающих на Запад, подальше от наступавшей Красной армии. Порой эта эвакуация проходила довольно успешно и в соответствии с принятым планом. Однако можно было наблюдать и случаи, когда желающие эвакуироваться не могли это сделать или делали в спешке в последний момент. Так, например, генерал-майор Е.И. Балабин, возглавлявший в годы войны Общеказачье объединение в Германской империи в декабре 1944 г. получил письмо от казаков из Братиславы. Казаки жаловались, что вынуждены будут эвакуировать свои семьи в неизвестность, так как не было никаких организованных отправок¹.

Польша, Чехословакия, Болгария, Югославия фактически превращались в сателлитов СССР, который в значительной степени определял как внутреннюю, так и внешнюю политику этих государств. В большинстве своем советские представители направляли деятельность правительств данных государств по решению вопросов, связанных с российскими эмигрантами. Кроме того, органы советской военной контрразведки СМЕРШ напрямую занимались арестом всех эмигрантов, кто в той или иной мере подозревался в сотрудничестве с немцами. В первую очередь это касалось лиц, входивших в различные военные формирования Третьего рейха,

¹ ГАРФ. Ф. Р-5761. Оп. 1. Д. 13. Л. 279.

например (Русский охранный корпус), а также члены РОВС и различных казачьих организаций. Так, по сведениям начальника управления контрразведки СМЕРШ 3-го Украинского фронта от 28 декабря 1944 г. на территории Югославии было выявлено и задержано 68 эмигрантов, обвиненных в контрреволюционной деятельности, в том числе 6 представителей казачьих организаций. Среди них – казак станицы Новониколаевской ВВД И.П. Перекопский (1888 г. р.), занимавший должность начальника подотдела по формированию Русского охранного корпуса. Были задержаны также представители казаков-националистов, которые выступали за свержение советской власти и создание самостоятельного казачьего государства, в том числе и руководитель новосадской станицы Г.Ф. Голобородько (1899 г.р.), уроженец Кубанской области¹.

СМЕРШ работал в тесном контакте с Союзными контрольными комиссиями, созданными по соглашению между странами, проигравшими во Второй мировой войне, и странами-победительницами. Так, по требованию советских разведывательных органов областные дирекции болгарской полиции составляли списки российских эмигрантов и передавали их в Союзную контрольную комиссию. Впоследствии часть российских эмигрантов из этих списков были репатриированы в СССР, где также подверглись репрессиям, а другие – направлены в трудовые воспитательные общежития, созданные в Болгарии в конце 1944 г.² Эта судьба постигла и тех немногих казаков, которые к тому времени еще находились на территории Болгарии.

Деятельность органов СМЕРШ отмечалась и в Китае. Так, в августе 1945 г. ими был арестован и депортирован в СССР бывший атаман Енисейского казачьего войска, атаман Енисейской казачьей станицы в

¹ Черные дела «белого движения» / публ. В.П. Ямпольского // Военно-исторический журнал. 1995. № 5. С. 79–82.

² Кьосева Ц. Русские эмигранты из Болгарии ... С. 105–111.

г. Харбин А.Н. Тялшинский. Впоследствии он был осужден Приморским военным трибуналом на 10 лет лишения свободы, которые провел в Краслаге (Красноярский край) и Озерлаге (Иркутская область). Только в ноябре 1955 г., освободившись, он вернулся в родной город Черногорск (Красноярский край), где проживал его старший сын Георгий, приехавший вместе со своей семьей из Китая во время освоения целинных земель¹.

В рамках исследования казачьего зарубежья накануне и в годы Второй мировой войны основное внимание было сосредоточено на европейских государствах и Китае. Это объясняется тем, что именно в данных регионах размещалось наибольшее количество казаков. В то же время казаки в силу разного рода причин проживали и на других континентах – в первую очередь в государствах Северной и Южной Америки и в Австралии.

Особенность положения казаков-эмигрантов в Австралии, США, Канаде и государствах Латинской Америки определялась их удаленностью как от основных центров казачьего (и российского) зарубежья, так и от центров боевых действий периода Второй мировой войны. В силу этого политическая борьба здесь не проходила так остро, как в Европе и Китае. Хотя здесь также были и «оборонцы», и «пораженцы». Например, в бразильском секторе Всероссийской фашистской организации был создан Казачий отдел, который возглавлял генерал И.Д. Павличенко². Были те, кто надеялся на победу Германии в расчете на возвращение прежнего строя и прежних привилегий. Это видно по таким высказываниям российских иммигрантов в Бразилии: «Дела идут хорошо, может быть скоро и домой поедем. Отдадут нам дом и землю нашу... Немцы быстро идут вперед»³. В то же время генерал И.Т. Беляев, входивший в различные белоэмигрантские организации и объединения, в годы Второй мировой войны находился в лагере «оборонцев»

¹ Тимофеев А.Н. Указ. соч. С. 305–306.

² Мосейкина М.Н. Деятельность русской колонии города Сан-Пауло по оказанию помощи соотечественникам в годы Второй мировой войны (по личным воспоминаниям И.Ф. Лихоманова) // Нансеновские чтения. 2009. СПб., 2010. С. 159.

³ НИОР РГБ. Ф. 587. Картон 3. Д. 21. Л. 9.

и называл Сталина русским богатырем¹. Однако, как верно заметила Г.И. Каневская, в Австралии не было крупных общественно-политических деятелей, которые смогли бы объединить эмигрантов, чьи идеологические взгляды в большинстве не имели четких установок². Это же замечание в целом верно и для американского континента, хотя в латиноамериканских государствах противостояние «оборонцев» и «пораженцев» было более острым, чем в Австралии. Эта особенность определялась в том числе и активной национал-социалистической пропагандой, развернутой в ряде государств Южной Америки. В результате этого эмигранты государств Америки и Австралии, в большинстве своем, проявляя лояльность к местным властям, поддерживали преимущественно официальный курс правительств данных государств.

Таким образом, общественно-политическая жизнь казачьего зарубежья в годы Второй мировой войны определялась преимущественно событиями на фронтах и отношением к воюющим сторонам. Культурная деятельность казаков-эмигрантов отошла на второй план и практически была незаметна. Социально-экономическое положение иммигрантов в значительной степени, по-прежнему, зависело от сложившихся в государстве пребывания общественно-политических и социально-экономических условий. В целом большая часть казачьей эмиграции держалась в стороне от политических баталий и была занята заботами о хлебе насущном.

3.2 Коллаборационизм и участие казаков во Второй мировой войне

Большинство казаков-эмигрантов выступили в поддержку наступления германской армии на СССР. Идеологи и лидеры казачьего зарубежья заявили об этом практически с первых же дней войны. Более того, некоторые казаки

¹ НИОР РГБ. Ф. 587. Картон 3. Д. 18. Л. 5.

² Каневская Г.И. Политическая палитра русской диаспоры в Австралии накануне и в годы Второй мировой войны // Нансеновские чтения. 2009. СПб., 2010. С. 136.

рвались принять участие в войне против Советского Союза. Однако первоначально данное рвение не нашло одобрения со стороны руководства Третьего рейха. В день нападения фашистской Германии на СССР генералу В.В. Бискупскому, возглавлявшему Управление по делам русской эмиграции в Германии, было поручено ознакомить российских эмигрантов с тем, что их не планируется использовать в текущих событиях. На следующий день данная информация была доведена до представителей российской эмиграции, с указанием оставаться на местах своего жительства и работать там, где они работали¹. 30 июня 1941 г. состоялось первое совещание, на котором рассматривался вопрос об использовании добровольцев для борьбы с СССР. На этом совещании присутствовали представители: МИД Германии, вермахта, главного управления войск СС и управления по внешнеполитическим связям НСДАП. Было решено использовать добровольцев, сведенных в отдельные подразделения и подчиненных командованию вермахта или СС. При этом особо отмечалось недопустимость использования добровольцев из числа русских эмигрантов и чехов². На совещании 16 июля 1941 г. Гитлер заявил, что кроме немцев никто не имеет право владеть оружием³. Германское руководство не нуждалось в поддержке и помощи казаков, так как рассчитывало на успешное наступление и молниеносную победу. По мнению П.Н. Краснова, немцы негативно встретили идею участия российских эмигрантов в войне против Советского Союза, так как боялись усилить тем самым сопротивление Красной армии и местного населения, которое видело в эмигрантах возвращение помещичьих порядков⁴. На это же обращал внимание и Й. Геббельс в инструкции от

¹ ГАРФ. Ф. 5796. Оп. 1. Д. 5. Л. 133.

² Зюзин Е.И. Малоизвестные страницы войны. М., 1990. С. 30.

³ Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне Третьего рейха против СССР. Секретные речи. Дневники. Воспоминания. Смоленск, 2000. С. 277.

⁴ ГАРФ. Ф. 5761. Оп. 1. Д. 5. Л. 212.

5 июня 1941 г., отмечая, что в германской пропаганде на СССР не должно быть «никакого антисоциализма, никакого возвращения царизма»¹.

Часть верхушки Третьего рейха (преимущественно из числа выходцев с территории бывшей Российской империи) считали не только возможным, но и необходимым использовать народы, населявшие СССР, в ходе войны на Востоке. Одним из сторонников такого подхода был министр по делам оккупированных территорий А. Розенберг². В то же время сам А. Розенберг не был склонен относить казачество к отдельной национальности³. А. Гитлер 16 июля 1941 г. на одном из совещаний призывал проводить политику на оккупированных территориях таким образом, чтобы не «превращать преждевременно кого-либо в своих врагов» и всячески подчеркивать, что германские войска несут свободу народам СССР⁴.

Война с СССР со временем привела к дискуссии о том, кого выгоднее использовать в борьбе со сталинским режимом: русское население или представителей нерусских национальностей. Представителями первой точки зрения были в частности В. фон дер Шуленбург и К. фон Штауффенберг, которые не верили в силу и способность националистических движений справиться с уничтожением большевистской системы. Вторую точку зрения представляли преимущественно эксперты по национальным движениям – Г. фон Менде, О. Бротигам, Г. Кох, Т. Оберлендер и др. Делая ставку на представителей сепаратизма, они считали, что их легче будет привлечь на сторону Третьего рейха, в первую очередь признанием их права на национальный суверенитет⁵. Но и сторонники первого направления, и сторонники второго направления анализировали преимущественно политику

¹ Цит. по: Ржевская Е.М. Геббельс. Портрет на фоне дневника. М., 1994. С. 13.

² Преступные цели – преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944). М., 1985. С. 41.

³ Dallin A. Op. cit. P. 301.

⁴ «Совершенно секретно! Только для командования!» Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. М., 1967. С. 104.

⁵ Маринченко А.А. Указ. соч. С. 64.

в отношении народов, проживающих на территории СССР, и практически не принимали в расчет представителей российской эмиграции.

В то же время Министерство по делам оккупированных восточных территорий рассматривало возможность образования на территориях исторического проживания донского и кубанского казачества отдельного полуавтономного района «Дон и Волга», который должен был стать своеобразным мостом между Украиной и Кавказом и одновременно уменьшить территорию «Московии»¹. Интересно, что Г. Гиммлер даже рассматривал возможность создать после войны из казаков своеобразный заслон между Европой и Азией, поселив их в приграничных крепостях². Однако в процессе проведения политики на оккупированных территориях СССР было принято решение о включении территории проживания донских казаков в состав рейхскомиссариата «Украина», а территории проживания кубанских и терских казаков – в состав рейхскомиссариата «Кавказ» (последний так и не был создан)³.

Анализируя отношение руководства Третьего рейха к российской эмиграции, А.А. фон Лампе писал: «Мы не только не субъект, мы даже не объект – мы в русском вопросе в лучшем случае ничто, а в худшем мы мешаем нашими взглядами»⁴. Конечно, немцы опасались и того, что патриотизм русской эмиграции перевесит ненависть к коммунистическому режиму в СССР (тем более, что в планах германского руководства места славянскому миру не было вовсе)⁵. Но были казаки, которые не поддержали поход Гитлера на Восток и отказывались сотрудничать с германскими

¹ Dallin A. Op. cit. P. 298.

² Стеенберг С. Власов. С. 144.

³ Dallin A. Op. cit. P. 299.

⁴ Цит. по: Бочарова З.С. «...Больше не суетиться и не шуметь» (Российская эмиграция на начальных этапах Второй мировой войны в переписке А.А. фон Лампе) // Нансеновские чтения. 2009. СПб., 2010. С. 187.

⁵ Там же. С. 189.

властями. Так, генерал П.Х. Попов отказался взять на себя формирование казачьих частей, за что и был арестован гестапо¹.

Особенно активизировали свою деятельность в годы войны казаки-националисты, выступавшие изначально за свержение советской власти и образование Казакии. Ориентировавшиеся первоначально на Великобританию и Польшу, с началом вступления германской армии на территорию Советского Союза, они переориентировались на Германию². Их активность спровоцировала очередное обострение отношений с единонеделимцами. Хотя, последние, в большинстве своем также поддержали вторжение германских войск в СССР. Однако националисты не только поддержали Третий рейх, но и симпатизировали национал-социализму в целом, считая его пригодным и для казачеств³. Если единонеделимцы с недоверием относились к сотрудничеству с советскими военнопленными, то националисты с самого начала были за их активное использование и развернули в лагерях пропаганду идеи создания Казакии⁴.

Отрицательное отношение германского руководства к использованию сил как российских эмигрантов, так и советских военнопленных привело к тому, что первые воинские части были созданы по инициативе самих эмигрантов, а привлечение военнопленных проводилось только по личной инициативе командиров германских частей и подразделений. Так, Русский корпус – первая воинская часть из русских эмигрантов был сформирован в Белграде в сентябре 1941 г. по инициативе М.Ф. Скородумова. Он набирался из добровольцев, годных к воинской службе. Впоследствии его чины были поставлены на содержание германской армии⁵.

¹ Ростова О.А. Указ. соч. С. 68.

² Черные дела «белого движения» (Публ. В.П. Ямпольского) // Военно-исторический журнал. 1995. № 5. С. 82.

³ Цурганов Ю.С. Указ. соч. С. 58.

⁴ ГАРФ. Ф.5762. Оп. 1. Д. 2. Л. 60–61.

⁵ ГАРФ. Ф. 5761. Оп. 1. Д. 6. Л. 81.

Узнав о разрешении германского командования сформировать Русский корпус, атаман Кубанского казачьего войска В.Г. Науменко, проживавший в Кральево (недалеко от Белграда), тут же приехал в Белград для прояснения обстановки. После обсуждения вопроса со своими сподвижниками, участвовавшими в управлении Кубанским казачьим войском за границей, было решено одобрить вступление казаков в данный корпус. Однако такое решение казаки должны были принимать добровольно, а не в обязательном порядке¹.

Решение атамана нашло отклик среди казаков и в скором времени они стали подавать прошения о вступлении в Русский корпус, первым полком которого командовал генерал В.Э. Зборовский (казак ст. Ладожской). В состав полка входили также казаки лейб-гвардии дивизиона Собственного Его Императорского Величества Конвоя. При этом чинам дивизиона было разрешено сохранить свою историческую форму. В конце ноября 1941 г. полк принял участие в первых боях². Создание отдельного казачьего подразделения в составе Русского охранного корпуса было произведено по предложению генерала Ф.Ф. Абрамова (представителя донского атамана в Болгарии) и генерала В.Г. Науменко (атамана Кубанского казачьего войска за рубежом)³.

Со временем название Отдельного русского корпуса было изменено. Сначала он назывался Русская охранная группа, затем (с 1942 г.) – Русский охранный корпус, а позже (с 1944 г.) – Русский корпус⁴.

В.И. Косик, ссылаясь на воспоминания В.Е. Генералова, сообщает, что определенное количество казаков, были против вступления в Русский охранный корпус⁵. Однако причиной было не несогласие воевать в союзе с

¹ ГАКК. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 28. Л. 47.

² Русский корпус / сост. Д. Вертепов. Нью-Йорк, 1960. С. 21, 27.

³ ГАРФ. Ф. 5796. Оп. 1. Д. 9. Л. 6.

⁴ Котюков К.Л. Российские военные эмигранты ... С. 37.

⁵ Косик В.И. Русская Югославия: фрагменты истории, 1919–1944 // Славяноведение. 1992. № 4. С. 31.

немцами против СССР. Это были так называемые вольные казаки, казаки-националисты, которые были категорически против всяких контактов с русскими эмигрантами, считая, что казачество должно самостоятельно решать свою судьбу.

Германское руководство даже не допускало мысли об использовании Отдельного русского корпуса на восточном фронте. Поэтому местом его назначения были Балканы.

Только после провала блицкрига командиры воинских частей вермахта стали привлекать к участию в войне советских военнопленных и сочувствующих лиц. В сентябре 1941 г. офицер армейской контрразведки Х. фон Клейст выступил с идеей использования казаков для борьбы с партизанами. Данная инициатива имела продолжение. Генерал-квартирмейстер генерального штаба сухопутных войск генерал Э. Вагнер разрешил командующим тыловыми районами групп с 1 ноября 1941 г. формировать вспомогательные воинские подразделения (в первую очередь казачьи) из числа советских военнопленных и местного населения. Создание указанных подразделений должно было согласовываться с командованием войск СС¹. В ноябре 1941 г. в армейские части были разосланы указания по созданию вспомогательных команд, которыми впоследствии руководствовались командиры германских частей и подразделений².

В октябре 1941 г. в Могилёве бывший майор Красной армии И.Н. Кононов (донской казак), добровольно перешедший на сторону немцев, сформировал 102-й казачий эскадрон – первую казачью часть из советских военнопленных. Формируя личный состав, И.Н. Кононов обычно расписывал успехи германских войск, обещал питание и обмундирование по нормам германской армии и по окончании войны земельные наделы и денежные субсидии. Хотя в большинстве своем многие были просто рады вырваться из плена. Так, при посещении только одного лагеря военнопленных в Могилёве,

¹ Котюков К.Л. Роковое разделение. ... С. 333–334.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 96. Л. 21–22.

И.Н. Кононов из почти пяти тысяч желающих отобрал 500 человек, из которых 400 являлись казаками. Затем он посетил еще несколько подобных лагерей в Бобруйске, Орше, Смоленске, Гомеле. В конечном счете ему удалось набрать 77 офицеров и 1 799 рядовых, из которых казаков было немногим более половины¹. Другие исследователи также утверждают, что в эскадроне, а позже дивизионе И.Н. Кононова было только 60% казаков². С февраля 1942 г. эскадрон И.Н. Кононова начал использоваться в ходе военных операций против партизан в окрестностях Могилёва³. Как следует из показаний майора вермахта Г. Риттберга, И.Н. Кононов действительно командовал эскадроном, но сам подчинялся Г. фон Риттбергу, который фактически давал оперативные указания и наблюдал за их выполнением, исполняя функции представителя немецкого командования при И.Н. Кононове. В августе 1942 г. эскадрон был развернут в 600-й отдельный казачий дивизион⁴. В немецких документах дивизион И.Н. Кононова значился иногда как батальон, в то время как сами казаки его чаще именовали полком. Позже летом 1943 г. И.Н. Кононов возглавил 5-й Донской кавалерийский полк, входивший в состав 1-й Казачьей кавалерийской дивизии генерала Г. фон Паннвица.

15 апреля 1942 г. Гитлер согласился с использованием казачьих воинских подразделений⁵. По одной из версий некоторые казачьи лидеры поддержали Гитлера на начальном этапе его политической карьеры. Впоследствии именно поэтому он согласился с теорией, что казаки – потомки готов, а не славян, и благосклонно смотрел на казачьи воинские формирования⁶. На наш взгляд, все же определяющими были два момента: тяжелое положение германских войск, нуждавшихся в подкреплении, и то,

¹ Стеенберг С. Власов. С. 88.

² Littlejohn D. The patriotic traitors. A history of collaboration in German occupied Europe. London, 1972. P. 298.

³ Крикунов П. Указ. соч. М., 2005. С. 345.

⁴ Решин Л. «Казаки» со свастикой // Родина. 1993. № 2. С. 73.

⁵ Dallin A. Op. cit. P. 299.

⁶ Longworth P. Op. cit. P. 332.

что часть казаков и их лидеров сумели зарекомендовать себя в качестве преданных союзников Третьего рейха. В целом большинство главарей Третьего рейха по-прежнему не рассматривали казачество в качестве отдельного народа. Так, 10 апреля 1942 г. П.К. Харламов (управляющий иностранным отделом КНОД) сообщает руководителю КНОД В.Г. Глазкову, что для германских властей казаки как народ не существуют, ими совершенно не интересуются и отношение к ним такое же скверное, как и к другим представителям русской эмиграции¹.

18 августа 1942 г. была издана директива Верховного командования вермахта № 46, согласно которой казаков вместе с представителями тюркских народов планировалось использовать как на фронте, так и в тылу (в борьбе против партизан). В соответствии с этой директивой было разработано и разослано в части «Положение об использовании местных вспомогательных формирований на Востоке», в котором казаки рассматривались как равноправные союзники германской армии². В отдельных частях германской армии принимались свои приказы, направленные на увеличение боевого состава частей и подразделений за счет военнопленных и добровольцев³.

В работу по агитации военнопленных и формированию из них казачьих подразделений вовлекались представители эмигрантского казачества. При этом в данном направлении были задействованы как казаки, ориентирующиеся на своих атаманов и генерала П.Н. Краснова, так и представители казаков-националистов. Так, А.А. Маринченко, ссылаясь на данные разведсводки, сообщает о том, что некоторые советские военнопленные вступали в националистическую организацию «Вільне козацтво»⁴.

¹ ГАРФ. Ф. 5762. Оп. 1. Д. 39. Л. 15; Д. 45. Л. 51.

² Newland S. Op. cit. P. 58.

³ ЦАМО РФ. Ф. 406/407. Оп. 9839. Д. 39. Л. 79.

⁴ Маринченко А.А. Указ. соч. С. 87.

Летом 1942 г. центром формирования казачьих частей из советских военнопленных стала Украина (Винница, Славута, Шепетовка). При этом в Славуте казаки проверялись на благонадежность, а в Шепетовке непосредственно формировались воинские части. К весне 1943 г. было сформировано около 15 казачьих полков общей численностью 15–20 тыс. чел.¹ Казачьи части из военнопленных и сочувствующих использовались для борьбы с партизанами и охраны стратегически важных объектов (склады, железные дороги, мосты). Не случайно многие из них входили в состав так называемых охранных дивизий. С. Стеенберг сообщает даже об образовании в 1943 г. 17-го Казачьего танкового батальона в составе 3-й германской армии².

Отдельные казачьи подразделения использовались различными спецслужбами Третьего рейха. В структуру разведывательно-диверсионной организации «Цепелин» входило специальное казачье подразделение, занимавшееся подготовкой диверсантов. За период своего существования оно подготовило около 100 диверсантов для действий в советском тылу (преимущественно на Кавказе). Казачий полк особого назначения под командованием полковника Т. Хорошенко (Хоруженко. – О.Р.) использовался диверсионно-разведывательной группой Абвера № 210³. По данным А.К. Ленинова, Т.К. Хоруженко возглавлял казачий боевой отряд Абвер № 201, который в феврале 1943 г. принимал участие в обороне Новочеркаска от наступающих советских войск⁴. На Украине группа Абвер № 204 для борьбы с партизанами использовала казачий взвод из 80 чел. Позже в Чехословакии, также для борьбы с партизанами, при группе Абвер № 218 был сформирован специальный казачий отряд из 45 чел.⁵

¹ На казачьем посту. 1943. № 12. С. 4.

² Стеенберг С. Власов. С. 88.

³ Пятницкий В.И. Казаки в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 2007. С. 62.

⁴ Ленинов А.К. Под казачьим знаменем // Кубанец. 1992. № 1. С. 29.

⁵ Крикунов П. Указ. соч. С. 366.

Увеличение численности казаков, готовых служить на стороне Третьего рейха, послужило фактором формирования казачьих частей исходя из войсковой принадлежности. При этом форма казаков из числа военнопленных и тех, кто действительно добровольно высказался за поддержку германской армии, различалась. Первые носили преимущественно немецкую военную форму, а вторые – казачью¹. Бывшие военнопленные носили белую повязку с лотарингским крестом, а добровольцы – повязку с надписью «На службе германских вооруженных сил»².

Необходимо учитывать, что одной из главных причин согласия большинства военнопленных казаков на сотрудничество с германскими властями было стремление избежать ужасов германских лагерей. Условия содержания советских военнопленных в прямом смысле были бесчеловечными. У большинства советских воинов, попавших в германский плен, была только одна цель – выжить, и они использовали для этого все возможные средства и способы³. В одном из сообщений разведки с оккупированной Украины отмечалось, что условия содержания в германских лагерях неизбежно ведут к смерти от голода⁴. О положении советских военнопленных к весне 1942 г. явственно говорит докладная записка на имя начальника штаба верховного командования вермахта фельдмаршала В. Кейтеля, в которой сообщалось, что судьба советских военнопленных крайне трагична и приводит к гибели подавляющего большинства из них⁵. В справке начальника разведывательного отдела Центрального штаба партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандования отмечалось также, что большинство пошли на службу в германскую армию

¹ ЦАМО РФ. Ф. 406/407. Оп. 9839. Д. 38. Л. 37.

² Там же. Л. 79.

³ Ерин М.Е. Советские военнопленные в Германии в годы второй мировой войны // Вопросы истории. 1995. № 11–12. С. 143–147.

⁴ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 740. Л. 9.

⁵ Цит. по: Штрайт К. «Они нам не товарищи...»: Вермахт и советские военнопленные в 1941–1945 гг. М., 2009. С. 7.

по принуждению или в силу безысходного положения¹. Партизаны с мест также сообщали о принудительном вступлении военнопленных в германские воинские подразделения, и их стремлении попасть на передовую с целью перехода на советскую сторону².

Зачастую военнопленные, не являясь казаками, выдавали себя за них, чтобы вырваться из германских лагерей. Необходимость пополнения личного состава полков заставляла немцев не быть слишком педантичными в плане этнической однородности формируемых подразделений. В так называемом платовском полку майора Э. Томсена командные должности занимали: немец (бывший рядовой Красной армии), азербайджанец, русский, украинец и казак³. Вербовка военнопленных для службы в частях вермахта не всегда была успешной. Так, командир одного из казачьих полков (360-й казачий полк) Э. фон Рентельн сообщал, что пополнение личного состава полка путем вербовки военнопленных не было успешным, так как только немногие военнопленные выражали добровольное согласие на службу⁴. Неслучайно во время боев с частями Красной армии и партизанами многие из них переходили на советскую сторону. В 1943 г. к партизанам перешли 1 645 казаков⁵. Переходам способствовали также жестокости, творимые оккупантами и все «прелести германского нового порядка». Так, 15 апреля 1943 г. значительная часть 3-го и 4-го эскадронов дивизиона И.Н. Кононова перешли на сторону местных партизан, перебив перед этим своих командиров из числа немцев и казаков. 18 июня 1943 г. дивизион покинули еще 16 человек во главе с заместителем командира одного из эскадронов Н.М. Гагариным. Последний во время допроса объяснил причину своего

¹ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 739. Л. 30–31.

² ЦАМО РФ. Ф. 406/407. Оп. 9839. Д. 38. Л. 125 об.

³ Решин Л. «Wlassow-Aktion», или как германское командование пыталось разложить Советскую армию и ее тыл в 1941-1945 гг. // Военно-исторический журнал. 1992. № 3. С. 25.

⁴ Крикунов П. Указ. соч. С. 360.

⁵ Донские казаки в прошлом и настоящем. С. 332.

перехода тем, что видел жестокость германских порядков на русских землях¹. Уходили, в том числе, и казаки, которые были поставлены охранять лагеря для военнопленных. Порой они бежали вместе с заключенными данных лагерей². Особенно участились побег из частей, составленных из советских военнопленных, и переход последних на сторону Красной армии в 1944–1945 гг., когда положение Третьего рейха стало катастрофически быстро ухудшаться³.

Набору в казачьи части вермахта способствовала и организация работы с военнопленными, включавшая как физическое, так и идеологическое воздействие. Тех, кто писал заявление о согласии служить в казачьих частях, сразу отделяли от остальной массы пленных, выдавали обмундирование и значительно улучшали питание⁴. Параллельно велась идеологическая обработка, в ходе которой военнопленных пугали тем «горячим приемом», который ждет их в случае перехода обратно в Красную армию, включая ужасы лагерей НКВД и расстрелы⁵.

Однако среди казаков были и убежденные борцы с советской властью, которые, с точки зрения немцев, показали себя с лучшей стороны. Примером этого служит 82-й казачий эскадрон под командованием кубанского казака М. Загородного (по другим данным – Завгородний). Первоначально он руководил конвоированием военнопленных красноармейцев в тыл германской армии, а отряд его также состоял из советских военнопленных. После выполнения данного поручения, казаки эскадрона обратились к немцам с просьбой дать им возможность участвовать в боевых действиях. Впоследствии казаки эскадрона проявили себя с лучшей стороны в

¹ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 20. Л. 114.

² Там же. Д. 710. Л. 26.

³ Косенко О.Н. Советские военнопленные в Германии. 1944–1945 гг. // Военно-исторический журнал. 2006. № 7. С. 22.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 96. Л. 38–39.

⁵ Синицын Ф.Л. «Сначала морят голодом... потом... заставляют под диктовку писать прошения». Национальный фактор в военном коллаборационизме народов СССР (июнь 1941 г. – ноябрь 1942 г.) // Военно-исторический журнал. 2014. № 1. С. 21.

разведывательных и карательных операциях немецкой боевой группы, как надежный союзник в качестве разведывательного отряда немецкого подразделения¹. М. Загородний 22 ноября 1942 г., докладывая об успехах своего эскадрона, высказал пожелание о командовании казачьей армией в количестве 40 тыс. человек².

Сформированный из военнопленных Красной армии на территории Смоленской области весной 1942 г. казачий отряд № 448 активно участвовал в операциях против партизан Брянской, Калужской, Псковской и Смоленской областей. При этом казаки отряда отличались крайней жестокостью по отношению к мирному населению. Впоследствии из них была сформирована казачья сотня СС³.

Наиболее крупными подразделениями казаков, входивших в состав германской армии, были казачьи полки под командованием полковника И. фон Юнгшульца, майора Э. Томсена, майора Э. фон Рентельна, Леманна и фон Вольфа. Каждый полк состоял из почти 2 тыс. казаков⁴. Большинство германских офицеров, командовавших казачьими частями и подразделениями, были из числа так называемых русских немцев (чаще всего прибалтийских немцев). Так, Э. фон Рентельн в свое время был ротмистром Северо-Западной армии генерала Н.Н. Юденича.

Германское военное командование в целом было удовлетворено использованием добровольческих формирований и их деятельностью. Так, в донесении командования 4-й германской армии в штаб группы армий «Центр» от 18 декабря 1942 г. отмечалось успешное использование казаков при охране железных дорог и борьбе с партизанами. При этом подчеркивалось, что казаки охотно принимали участие в карательных акциях⁵.

¹ Крикунов П. Указ. соч. С. 354–356.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 165. Л. 41.

³ Ковалев Б.Н. Указ. соч. С. 35.

⁴ Ланнуа де Ф. Указ. соч. С. 17.

⁵ Ковалев Б.Н. Указ. соч. С. 35–36.

Не все полки, сформированные на востоке, воевали против СССР. Летом 1943 г. началась ротация – переброска частей сформированных на востоке в Европу, а высвобожденные на западе германские части перебрасывались на советский фронт. Переброска частей продолжалась вплоть до весны 1944 г. Так, 360-й казачий полк Э. фон Рентельна вместе с некоторыми другими восточными формированиями летом 1943 г. был переброшен во Францию. Здесь казакам пришлось воевать как с французскими партизанами, так и с наступающими американскими войсками¹. Сформированная в Польше преимущественно из советских военнопленных, 1-я казачья дивизия осенью 1943 г. была переброшена в Югославию.

К 5 сентября 1942 г. германские войска оккупировали территорию Кубани. Ранее были оккупированы территории проживания донского и терского казачества. Целый комплекс причин лежал в основе благоприятного отношения к немецким оккупантам со стороны части населения казачьих областей. Среди этих причин, несомненно, на первом месте была репрессивная политика советского государства в отношении казаков в 1920–1930-е гг.² В. Мирошниченко (1917 г.р.) вспоминал в эмиграции, что рассказы старших казаков, коллективизация и «страшный голодный год» сделали его непримиримым противником советской власти³. И таких казаков было довольно много. Одни видели в победе германской армии разгром ненавистных большевиков и коммунистов, другие – освобождение от страха перед НКВД, третьи – надежду на возвращение конфискованного в свое время имущества⁴. Стоит согласиться с П.Н. Крикуновым в том, что благожелательное отношение населения казачьих областей к немецким оккупантам определялось относительно лояльной оккупационной политикой,

¹ Крикунов П. Указ. соч. С. 360–361.

² ЛА Р. Интервью с А.М. Певневым. 27.07.2010, г. Фарминдейл (шт. Нью-Джерси, США).

³ ГАКК. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 86-13. Л. 1об; Мирошниченко В. Не утерпел и я // Казак. Нейи-сюр-Сен (Франция), 1965. № 86. С. 2.

⁴ Двинов Б. Власовское движение в свете документов. Нью-Йорк, 1950. С. 23–24.

проводимой немцами в отношении казачества¹. Многие не могли забыть голод и репрессии, устроенные в казачьих областях советской властью в начале 1930-х гг.

В исследовательской и особенно в публицистической литературе часто встречается утверждение, что с агитационными целями на Дону и Кубани были генералы П.Н. Краснов и А.Г. Шкуро². К сожалению, ни один из авторов не приводит достоверных источников, которые могли бы подтвердить данный факт. Считаем, что П.Н. Краснов однозначно не был на территории Северного Кавказа в годы войны. В противном случае этот факт стал бы общеизвестен и растиражирован как казачьей, так и германской прессой. Ни в одном письме П.Н. Краснова этого периода автор также не встречал даже упоминания о данной поездке. Подобного рода информация чаще всего связана с обращением бывшего донского генерала к братьям-казакам. Но, скорее всего, это обращение было сделано только в казачьей и германской прессе³.

На территориях традиционного проживания казачества начинают формироваться первые казачьи полки из местного населения: 1-й Донской казачий полк (в Новочеркасске), 1-й Синегорский казачий полк (в Миллерово), 1-й Кубанский казачий полк (в ст. Уманской), 1-й Волгский казачий полк (преимущественно из терских казаков)⁴. В сентябре 1942 г. на Кубани началось формирование 7-й добровольческой казачьей дивизии. Семьям казаков, вступивших в дивизию, предоставлялись земельные наделы, две лошади на хозяйство, денежное вознаграждение в размере 500 руб., а также снижение в два раза взимаемого оккупационными властями налога⁵. Исходя из разного рода льгот, которые предоставлялись казакам,

¹ Крикунов П. Указ. соч. С. 219.

² Ковалев Б.Н. Указ. соч. С. 34.

³ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1090. Л. 79.

⁴ Линец С.И., Януш С.В. Оборона Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны (июль–декабрь 1942). М., 2010. С. 570.

⁵ Семиряга М.И. Указ. соч. С. 461.

вступившим в дивизию, и их семьям, Б.Н. Ковалев делает вывод, что название «добровольческая» может считаться условным¹. Первоначально дивизия использовалась для борьбы с партизанами. Однако со временем она участвовала и в боях против частей Красной армии. В станице Крымской началось формирование еще одной казачьей дивизии, именовавшейся «Свободная Кубань», руководил которой бывший полковник Красной армии М.М. Шаповалов. Процесс формирования дивизии был еще на начальной стадии, когда казакам, входящим в нее (около 400 чел.) пришлось отражать наступление войск РККА².

В.И. Пятницкий утверждает, что практически все терские казаки перешли на сторону фашистских захватчиков. В то же время он указывает, что «на территории проживания терского казачества были сформированы две конные сотни Волжского полка Терского казачьего войска», и что «большинство казаков не пошли на сотрудничество с оккупантами и боролись с ними»³.

Несомненно, много казаков встретили немецких захватчиков с оружием в руках. Подтверждение этому можно найти в частности в масштабной партизанской войне и подпольной деятельности, развернувшихся на территории казачьих территорий, захваченных немецкими оккупантами. К приходу германских войск на Кубани было создано 123 партизанских отряда, численностью около 5,5 тыс. чел.⁴ Многие отряды состояли из казаков⁵. При этом партизаны вели борьбу не только с фашистскими оккупантами, но и с коллаборационистами. Они не только уничтожали отдельных изменников Родины, но и совершали нападения на полицейские подразделения, составленные из местных коллаборационистов. Только на Кубани за период

¹ Ковалев Б.Н. Указ. соч. С. 34.

² Черкасов А.А. Предисловие // Коллаборационизм на территории Краснодарского края в период немецкой оккупации (1942–1943 гг.): малоизвестные страницы: сб. док. Сочи, 2003. С. 10–11.

³ Пятницкий В.И. Указ. соч. С. 63–64.

⁴ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 623. Л. 3.

⁵ Крикунов П. Указ. соч. С. 216.

фашистской оккупации был зафиксирован разгром 15 полицейских подразделений¹.

Были и те, кто с первых же дней прихода фашистов, выказал свою готовность к тесному сотрудничеству с ними. Немцы отмечали две основные причины добровольного сотрудничества местного населения с германскими властями – материальная и идейная (антисоветская направленность). В Наставлении о поведении в отношении добровольцев отмечалось, что разнообразие причин сотрудничества требует тщательного подхода к пропагандистской работе с добровольцами. Особый упор делался на убеждении добровольцев в том, что «доброволец сражается на стороне немцев также и за будущее своего народа... Победа Германии – единственная надежда добровольца»².

Многие из тех, кто сознательно из определенных убеждений пошел на сотрудничество с оккупационным режимом, и особенно тех, кто добровольно вступил в ряды казачьих частей вермахта, были убежденными и идейными противниками советской власти и сторонниками «нового порядка». Это видно, в том числе, и из писем, которые они писали домой³, а также из того, с каким рвением некоторые казаки воевали в составе германских войск. Так, в одном из донесений командованию 17-й армии вермахта отмечалось, что румынские части не в состоянии также успешно обеспечивать охрану аэродрома, как это делал казачий полк имени атамана М.И. Платова⁴. В конце войны данное рвение было обусловлено не только и не столько ненавистью к советскому режиму, сколько отчаянным положением, пониманием того факта, что проигрыш Третьего рейха в войне катастрофическим образом отразится и на тех, кто его поддерживал. Скорее

¹ Журавлев Е.И. Борьба с проявлениями коллаборационизма на Юге России в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 годы) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Ростов н/Д, 2010. № 5. С. 62.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 165. Л. 66–67.

³ Сеницын Ф.Л. Указ. соч. С. 22.

⁴ Hoffman J. Die Kaukasien 1942–1943: Das deutsche Heer und die Ostvolker der Sowjetunion. Freiburg, 1991. P. 361.

всего, именно это было причиной отчаянных вылазок казаков при обороне Кенигсберга в феврале 1945 г., о которых впоследствии вспоминал О. Скорцени – один из наиболее знаменитых диверсантов Второй мировой войны. Отметил он и то, что эти казаки входили в состав войск СС¹.

Коллаборационизм проявлялся в военной или гражданской форме. В свою очередь, и военное, и гражданское сотрудничество подразделялось на вынужденное и добровольное. Вероятно, правы те исследователи, которые отмечали, что более распространенным типом сотрудничества было вынужденное, вызванное стремлением выжить в условиях немецкой оккупации и немецкого плена. Как верно отмечает Е.И. Журавлев: «От населения, желающего остаться на местах своего жительства, а таковых было большинство, сразу же требовалось проявление лояльности к оккупационным властям»². Лояльность же в свою очередь подразумевала и определенное взаимодействие с оккупантами, которое часто выливалось в ту или иную форму сотрудничества. К вынужденному сотрудничеству приводила в целом политика Третьего рейха на оккупированных территориях. В частности фашистский «новый порядок» предусматривал организацию системы всеобщей трудовой повинности. Эта система охватывала практически все население оккупированных территорий. Нарушение приказа о принудительном труде приравнивалось к саботажу с последующим заключением в концентрационные лагеря и даже смертной казнью³. Стремление вырваться из немецких концентрационных лагерей и избежать смерти также заставляло часть советских военнопленных идти на сотрудничество с врагом.

¹ Скорцени О. Диверсия – мое ремесло. С. 226.

² Журавлев Е.И. Гражданский коллаборационизм на Юге России в годы Великой Отечественной войны // Российская история. 2009. № 6. С. 73.

³ Журавлев Е.И. Оккупационная политика фашистской Германии на Юге России (1941–1943 гг.): цели, содержание, причины краха // Научная мысль Кавказа. Ростов н/Д, 2001. № 1. С. 39.

Коллаборационизм носил и добровольный характер, когда отдельные представители местного населения сами проявляли инициативу в плане сотрудничества с оккупационными властями. При этом побудительные мотивы были различны. Наиболее распространенной среди казаков побудительной причиной к сотрудничеству с германским режимом была ненависть к советской власти, вызванная ее репрессивной политикой в отношении казачества в ходе Гражданской войны и в последующие годы. Дополнительным стимулом к проявлению добровольного коллаборационизма являлось материальное поощрение коллаборационистов германскими властями¹.

Летом 1942 г. после взятия германскими войсками Новочеркаска несколько донских казаков обратились к представителям оккупационных властей с предложением сотрудничества. В скором времени в Новочеркасске был создан Штаб Всевеликого войска Донского². Некоторые бывшие офицеры российской и Добровольческой армий были приняты на службу в городское управление и полицию г. Таганрога³. Фельдмаршал Э. Манштейн, описывая события осени 1942 г., отметил тот факт, что в г. Новочеркасске казакам-добровольцам была доверена охрана германского штаба. Более того, сами казаки воспринимали это поручение как особую честь⁴.

Осенью 1942 г. казаки объединились в Краснодаре в инициативную группу, целью которой было провозглашено возрождение Кубанского казачьего войска. Группу возглавили Г.П. Тарасенко и И.И. Белый. Они создали штаб и канцелярию. Группа стремилась наладить связь как со станичными атаманами, так и с германским военным руководством на Северном Кавказе. Была организована регистрация казаков. Однако успешными эти мероприятия не были в силу противоречивой политики германских властей и того факта, что со временем население Кубани увидело

¹ Журавлев Е.И. Гражданский коллаборационизм ... С. 72.

² На казачьем посту. 1943. 1 сент. № 9. С. 12.

³ ГАРФ. Ф. 5761. Оп. 1. Д. 9. Л. 107.

⁴ Манштейн Э. Утерянные победы. С. 370.

все «прелести нового немецкого порядка». Х. Умбрайт, анализируя германскую оккупационную политику в казачьих областях, верно заметил, что немцы не оправдали ожидания населения оккупированных областей, и оно в большинстве своем было разочаровано как политическими, так и экономическими мероприятиями оккупантов¹.

Учитывая, что на Дону, в отличие от Кубани, формирование казачьих отрядов проходило более организованно и массово, можно предположить, что степень лояльности донских казаков к немецким властям была выше. Хотя и на Дону, видимо, многие казаки уклонялись от поддержки германских войск и не желали вступать в формируемые добровольческие отряды, поэтому они пополнялись как калмыками, так и советскими военнопленными².

В определенной степени развитию коллаборационизма в казачьих регионах способствовала и проводившаяся здесь политика оккупационных властей. А. Розенбергом 18 декабря 1942 г. было организовано совещание. В нем приняли участие представители как вермахта, так и гражданских ведомств Третьего рейха, ответственные за организацию и проведение оккупационной политики. В ходе данного совещания представители вермахта в очередной раз заявили о необходимости привлечения населения для борьбы с партизанами. С этой целью было признано необходимым пойти на смягчение оккупационного режима и создание условий для более широкого сотрудничества местного населения с военной и гражданской администрацией на оккупированных землях³. Первое время как военные, так и гражданские власти Третьего рейха старались соблюдать рекомендации о проявлении уважения к обычаям и традициям казачества, о поддержке

¹ Цит. по: Крикунов П. Указ. соч. С. 267.

² Цит. по: Решин Л. «Кзаки» со свастикой ... С. 74.

³ Мюллер Н. Вермахт и оккупация (1941–1944). М., 1974. С. 200–201.

стремления казаков в их борьбе с большевизмом и содействию в восстановлении традиционных институтов казачьего самоуправления¹.

Подполковник Р. Маркони разработал подробную инструкцию «Об отношении к казакам». Отмечая то, что казаки в целом хорошо встречают войска Германии и ее союзников, он обращал внимание, что продолжительность подобных хороших настроений будет зависеть от взаимоотношений между германскими и союзными войсками, с одной стороны, и казаками, с другой стороны. В этом плане, по мнению Р. Маркони, «необходимо считаться с религией и обычаями казаков», что «даст возможность избежать лишних потерь и поможет в деле снабжения продовольствием»².

Среди мероприятий германских оккупационных властей на казачьих землях выделим: восстановление института станичных и хуторских атаманов, казачьего самоуправления. Своеобразным экспериментом такой политики стало создание автономного казачьего округа на северо-западе Кубани. В него были включены 6 районов общей численностью около 160 тыс. чел. Практически полностью было восстановлено казачье самоуправление и выстроена вертикаль власти от станичного до верховного атамана. В обмен на самоуправление и благожелательное отношение, казаки округа должны были создать вооруженные отряды для борьбы, как с партизанами, так и регулярными частями Красной армии³.

Значительные потери германской армии привели к изданию в августе 1942 г. Положения об использовании местных вспомогательных формирований на Востоке, в котором казаки упоминались в качестве равноправных союзников Германии⁴.

¹ Журавлев Е.И. Политика нацистов по развитию коллаборационизма и попытка ее реализации на Юге России в годы Великой Отечественной войны (1941–1943) // Научная мысль Кавказа. Ростов н/Д, 2012. № 1. С. 61.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 174. Л. 52–53.

³ Крикунов П. Указ. соч. С. 261–263.

⁴ Newland S. Op.cit. P. 58.

С лета 1942 г. руководство Третьего рейха начало постепенно использовать в военных целях и казаков из числа белоэмигрантов. Они участвовали в отборе для казачьих подразделений кандидатов из числа военнопленных, вступали сами в казачьи части, а иногда даже привлекались для несения службы на оккупированной территории в родных краях. В казачьи части просились служить и белоэмигранты, не являвшиеся казаками. Так, в мае 1942 г. в дивизион И.Н. Кононова прибыл из Югославии князь Н.М. Гагарин, изъявивший желание воевать против ненавистного коммунизма и СССР¹. Казаки-эмигранты выступали и в качестве пропагандистов и агитаторов. В 1942 г. в «Казачьем вестнике» (печатном органе казаков-националистов) было опубликовано воззвание к донцам, кубанцам, терцам и калмыкам, подписанное одним из активных деятелей казачьего зарубежья Ш. Балиновым (в качестве начальника казачьих боевых звеньев). В нем казаков призывали оказывать всякое содействие германской армии и противодействовать Красной армии, а также не исполнять распоряжения советских властей².

На встрече представителя донского атамана в Болгарии генерала Ф.Ф. Абрамова и кубанского атамана генерала В.Г. Науменко с главнокомандующим германскими войсками в Югославии, которая состоялась 19 октября 1942 г. в Белграде, была достигнута договоренность о формировании казачьей части в составе Русского охранного корпуса³. Этот корпус был единственной крупной частью, сформированной из эмигрантов, в том числе и казаков. В целом немцы предпочитали формировать более мелкие подразделения, преимущественно из казаков-военнопленных и тех, кто поддержал их на оккупированных территориях. Так, в ноябре 1942 г., после очередной беседы с немцами на предмет использования казаков-эмигрантов, генерал П.Н. Краснов писал о том, что в доверительной беседе

¹ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 20. Л. 114.

² Казачий вестник. 1942. № 16. С. 1–3.

³ ГАРФ. Ф. 5796. Оп. 1. Д. 9. Л. 6.

до него было доведено о намерениях германских властей сотрудничать с казаками на Дону, Кубани и Тереке, а не с эмигрантами¹.

В ноябре 1942 г. по инициативе генерала Ф.Ф. Абрамова была выдвинута идея возрождения Донского корпуса в Новочеркасске и создания специального Центра подготовки казаков к воинской службе². Впоследствии генерал Ф.Ф. Абрамов, так же как и атаманы Г.В. Татаркин (донской), В.Г. Науменко (кубанский), Г.А. Вдовенко (терский), Н.В. Ляхов (астраханский), неоднократно участвовали в инспектировании казачьих воинских частей.

Увеличение числа так называемых восточных батальонов привело к созданию 15 декабря 1942 г. штаба Восточных войск, во главе с генералом Г. Хельмихом. В декабре 1942 г. при Министерстве по делам оккупированных восточных территорий было создано Казачье управление, которое возглавил Н.А. Гимпель. Среди задач Казачьего управления Н.А. Гимпель выделял: освобождение военнопленных казаков-красноармейцев и тех, кого вывезли в Германию на работы, оказание материальной и юридической помощи казакам и членам их семей, проживавших в Германии и на территориях, подконтрольных Третьему рейху, координацию и руководство казаками, отступавшими вместе с германскими войсками на Запад, установление их связи с казаками-эмигрантами в Европе и контроль за общественно-политической жизнью казачества в целом³. Кроме того, Казачье управление занималось созданием временного казачьего правительства за границей.

Успешное использование казачьих подразделений и постепенное изменение отношения к казачеству в руководстве Третьего рейха привело к тому, что 12 марта 1943 г. Главный штаб формирования казачьих войск был выведен из подчинения командования лагерями военнопленных и передан

¹ ГАРФ. Ф. 5761. Оп. 1. Д. 17. Л. 14.

² ГАРФ. Ф. 5796. Оп. 1. Д. 9. Л. 61–62.

³ Ленивов А.К. Под казачьим знаменем // Кубанец. Екатеринодар, 1992. № 2. С. 41–42.

под управление командира Восточных войск на Украине¹. 31 марта 1944 г. приказом генерала Э. Кестринга, отвечавшего за добровольческие формирования в составе вермахта (1 января 1944 г. Э. Кестринг сменил генерала Г. Хельмиха на его посту, а штаб Восточных войск был переименован в штаб Добровольческих войск) было официально утверждено Главное управление казачьих войск (ГУКВ) во главе с генералом П.Н. Красновым². Данное управление фактически стало своеобразным казачьим правительством. В его состав входил и атаман ККВ генерал В.Г. Науменко, который в своем приказе отмечал, что одной из главных задач, возложенных на ГУКВ, является собрать и организовать казаков находящихся в различных европейских государствах³. Однако ГУКВ не забывало и о казаках-эмигрантах, привлекая их также к комплектованию созданных и создаваемых казачьих частей. В Управление также входили Походный атаман донского казачества полковник С.В. Павлов и Походный атаман терского казачества полковник Н.Л. Кулаков. При этом, с одной стороны, был соблюден паритет между белоэмигрантами и «подсоветскими» казаками, с другой стороны, руководство находилось в руках представителей первой волны эмиграции. С.В. Павлов руководил Казачьим станом, а Н.Л. Кулаков принимал деятельное участие в создании 1-й казачьей кавалерийской дивизии.

Интересна характеристика, которую генерал П.Н. Краснов дал генералу Э. Кестрингу, курировавшему казачьи части: «Он произвел на меня чарующее впечатление человека понимающего казачьи нужды и болеющего ими. С ним были затронуты все наши больные вопросы, и по всем мы пришли к самым благоприятным результатам. И в первую очередь вопрос о земле»⁴. Отметим, что по данным НКГБ СССР сам П.Н. Краснов пользовался

¹ Крикунов П. Указ. соч. С. 382–383.

² Полян П.М. Жертвы двух диктатур: Жизнь, труд, унижения и смерть советских военнопленных и оstarбайтеров на чужбине и на родине. М., 2002. С. 107–108.

³ ГАРФ. Ф. 5761. Оп. 1. Д. 13. Л. 27.

⁴ ГАКК. В. Р-1864. Оп. 1. Д. 13. Л. 2.

доверием «некоторых деятелей фашистской партии (в частности Геббельса)» и именно при их поддержке сумел развернуть большую работу по организации казаков в качестве союзников Третьего рейха¹.

Учитывая сложившуюся обстановку, казаки-эмигранты пытались взять в свои руки командование создаваемыми казачьими частями, потеснив при этом командиров из числа бывших советских военнопленных. Войсковой старшина М.И. Зарецкий в своем письме от 3 мая 1943 г. на имя генерала Е.И. Балабина сообщал о необходимости активнее привлекать на командные должности казаков из числа белоэмигрантов, уверяя германское командование в том, что бывшие офицеры Советской армии не пользуются доверием казачьей массы². Отметим, что сами немцы и часть казаков обращали внимание на недостаточный уровень подготовки белоэмигрантов и неспособность их руководить подразделениями в условиях современной войны.

Использование казаков германским руководством сопровождалось большой идеологической работой. В Берлине с 1 августа 1943 г. по 15 марта 1945 г. издавался журнал «Казачьи Ведомости», являвшийся официальным печатным органом Казачьего управления Дона, Кубани и Терека. Там же в Берлине с 1 января 1944 г. по 15 марта 1945 г. выходил журнал «На казачьем посту» в качестве официального органа Главного управления казачьих войск. Главное управление казачьих войск выпускало также с 1943 по 1945 г. еженедельную газету «Казачья лава». Кроме того, при штабе Походного атамана казачьих войск, который последовательно возглавляли С.В. Павлов и Т.И. Доманов издавались газета «Казак» (с 1 октября 1943 г. по 28 июня 1944 г.) и газета «Казачья земля» (с 1 октября 1944 г. по 26 апреля 1945 г.).

Большинство казачьих подразделений не выходили за рамки полка. Дивизии, создаваемые на Дону и Кубани являлись таковыми лишь номинально. Однако весной 1943 г. в районе г. Млава (Польша) началось

¹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1090. Л. 78.

² ГАРФ. Ф. 5796. Оп. 2. Д. 9. Л. 61–62; Ф. 5761. Оп. 1. Д. 9. Л. 211.

формирование первой крупной регулярной воинской части – 1-й казачьей кавалерийской дивизии. Ее бессменным командиром стал полковник Г. фон Паннвиц, произведенный позже в генерал-майоры. В составе дивизии были казачьи полки Х. фон Вольфа, Э. Томсена, И. фон Юнгшульца и эскадрон И.Н. Кононова. На командные должности в дивизии назначались немцы, за исключением И.И. Кононова, который возглавил 5-й донской казачий полк. Из казаков, участвовавших в Гражданской войне была сформирована конвойная сотня¹. Однако на уровне более мелких подразделений – эскадронов и взводов – командирами чаще были представители казачества и практически все команды отдавались на русском языке². Интересно, что и сам Г. фон Паннвиц «в кратчайший срок основательно ознакомился со всеми казачьими традициями и выучил вызывающе звучащие русские словесные обороты казаков»³. Для комплектования дивизии привлекались также и остарбайтеры. Большую роль в этом сыграл лично Н.А. Гимпель, которому к середине 1943 г. удалось добиться выдачи германским правительством иммиграционных паспортов 7 тыс. казакам, работавшим на различных предприятиях Третьего рейха. Многие из них вскоре после получения паспортов были включены в личный состав 1-й казачьей кавалерийской дивизии⁴. Значительную часть дивизии составляли бывшие советские военнопленные. Как отмечал П.Н. Краснов, комментируя поездку генерала Г. фон Паннвица в запасной казачий полк, «там собран самый махровый цвет советских лейтенантов»⁵.

К 1 ноября 1943 г. в 1-й казачьей кавалерийской дивизии насчитывалось 18 555 чел., в том числе 222 немецких офицера и 3 827 немецких нижних чинов⁶. В дивизию входили казаки практически всех казачьих войск:

¹ Крикунов П. Указ. соч. С. 467.

² Науменко В.Г. Великое предательство ... 1962. Т. 1. С. 51.

³ Фрелих С. Генерал Власов. Русские и немцы между Гитлером и Сталиным. Кёльн, 1990. С. 137.

⁴ Полян П.М. Указ. соч. С. 113.

⁵ ГАКК. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 13. Л. 2.

⁶ Хоффманн Й. История власовской армии. Париж, 1990. С. 69.

«кубанцы, терцы, донцы, уральцы, астраханцы, семиреченцы, амурцы, оренбургцы, уссурийцы, забайкальцы, сибирцы»¹. Большинство были представлены донскими, кубанскими и терскими казаками. Однако был и отдельный полк, составленный из казаков восточнороссийских казачьих войск.

Осенью 1943 г. дивизия была направлена в Югославию. Основная ее задача состояла в борьбе с местными партизанами. Источники сообщают противоречивую информацию о действиях казаков на Балканах. Заслуживают внимания показания бывшего командира 1-й казачьей кавалерийской дивизии генерала Г. фон Паннвица, которые он давал в ходе допросов в Главном управлении контрразведки СМЕРШ. Он говорил, что казачьи части являлись серьезной угрозой для югославских партизан. Он также отмечал, что казаки грабили население и при малейшем сопротивлении убивали жителей, а их дома и имущество сжигали. Г. фон Паннвиц подчеркивал, что конкретных приказов о подобном насилии им не отдавалось, а это была целиком инициатива казаков, как мести партизанам. При этом генерал обращал внимание на то, что в соответствии с приказами командования дивизия сама должна была себя обеспечивать продовольствием и фуражом. Естественно это проводилось в форме реквизиций у местного населения, выливавшихся фактически в его грабеж и приводивших к насилию².

Помимо участия в военных операциях, казаки дивизии проводили и различные мероприятия пропагандистского характера, такие как показательная охота на кабанов с использованием традиционных казачьих охотничьих приемов и знаменитая казачья джигитовка³.

Казаки дивизии не были обделены вниманием со стороны казачьих атаманов. Только в начале 1944 г. дивизию посетили: донской войсковой

¹ На казачьем посту. 1943. № 12. С. 6.

² Решин Л. «Казаки» со свастикой ... С. 77.

³ Крикунов П. Указ. соч. С. 493.

атаман генерал Г.В. Татаркин, кубанский войсковой атаман генерал В.Г. Науменко, астраханский войсковой атаман генерал Н.В. Ляхов, глава Казачьего управления Дона, Кубани и Терека Н.А. Гимпель. Большое внимание уделял казакам дивизии и генерал Г. фон Паннвиц, который буквально проникся казачьими традициями и казачьим духом. В свою очередь казаки, видя такое отношение к себе, выступили с инициативой о присвоении генералу Г. фон Паннвицу звания почетного казака Кубанского казачьего войска, что и было сделано¹.

Заигрывание с казаками было в значительной степени вызвано резким ухудшением положения германской армии на Восточном фронте и начавшимся отступлением гитлеровских войск. Вместе с оккупантами уходила и часть населения казачьих земель. Хотя казаков, оставшихся на своих землях, было несравненно больше. Среди основных причин ухода выделим: стремление покинуть государство, которое, по их мнению, было причиной гибели и тяжелого положения значительного количества казаков, а также боязнь новых репрессий². По сравнению с предыдущей волной эмиграции было большое количество казаков, уходивших целыми семьями без всякой надежды на возвращение в родные края. Интересен тот факт, что уходили и те, чьи мужья, отцы, братья в это время сражались в рядах Красной армии³. Как говорили некоторые казаки: «Если бы черт пришел на наши земли, то мы бы и с ним ушли, только, чтобы здесь не оставаться, т.к. с ним все равно было бы лучше, чем под советской властью»⁴.

В начале января 1943 г. германские комендатуры на Северном Кавказе получили предписание генерала фон Клейста об оказании всякого рода помощи отступающим вместе с германскими войсками казакам и горцам⁵.

¹ ГАКК. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 28. Л. 49.

² ЛА Р. Интервью с Н.В. Дубовским. 01.07.2011, г. Хауэлл (шт. Нью-Джерси, США).

³ ЛА Р. Интервью с А.М. Певневым. 27.07.2010, г. Фарминдейл (шт. Нью-Джерси, США).

⁴ ЛА Р. Интервью с М. Сухенко. 25.07.2010, г. Винелэнд (шт. Нью-Джерси, США).

⁵ Ленивов А.К. Под казачьим знаменем // Кубанец. 1992. № 1. С. 23.

Только с одной станицы Владимирской выехали 130 подвод¹. При этом некоторые казаки рассчитывали, что ситуация на фронте изменится, и они снова вернутся в свои станицы². Среди уходивших наметилась своеобразная борьба за право возглавить уходящих казаков. На должность походного атамана Кубанского казачьего войска претендовали сразу несколько человек, в том числе И.И. Саломеха и И.И. Белый, на должность руководителя донцов – П.М. Духопельников, С.В. Павлов и др. По мнению атамана Кубанского казачьего войска за рубежом В.Г. Науменко, практически никто из тех, кто претендовал на руководство отступавшими казаками, не были готовы к этой роли³. Нелестно отзываясь о «возглавителях» казачества, В.Г. Науменко отмечает: «Главное – это масса казачья. А она была несравненно выше в моральном и идейном отношении, чем “вожди”... и не ее вина, что она попала в руки таких вождей»⁴.

Через Керчь на Украину с 25 января по 20 февраля 1943 г. ушли 93 957 кубанских казаков (мужчин, женщин, детей)⁵. Только в районе Херсона оказалось около 12 тыс. казаков, с которыми были их семьи⁶. В это время создаются различные штабы по управлению данными массами. Так, 30 июня 1943 г. Штаб формирований казачьих войск Кубани, Терека и Дона (интересно, что в приказе войска упоминаются именно в такой последовательности) в г. Мелитополе издал приказ № 1 о регистрации всех казаков и лиц неказачьего происхождения, эвакуированных с Северного Кавказа и Дона, в Штабе и его сборных пунктах, а также о недействительности приказов «всякого рода уполномоченных по так

¹ ЛА Р. Интервью с А.М. Певневым. 27.07.2010, г. Фарминдейл (шт. Нью-Джерси, США).

² ЛА Р. Интервью с М. Сухенко. 25.07.2010, г. Винелэнд (шт. Нью-Джерси, США).

³ ГАКК. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 15. Л. 156.

⁴ Там же.

⁵ Александров К.М. Казачество России во Второй мировой войне: К истории создания Казачьего Стана (1942–1943 гг.) // Новый часовой. 1997. № 5. С. 171.

⁶ Littlejohn D. Op. cit. P. 319.

называемой вербовке казаков»¹. Здесь же, в Мелитополе, формировались казачьи части для охраны обозов с беженцами от нападений партизан².

В декларации от 10 ноября 1943 г., подписанной начальником штаба германского верховного командования В. Кейтелем и имперским министром Восточных областей А. Розенбергом, казаки признавались в качестве соратников и союзников германской армии. За ними признавались различные права и привилегии. Кроме того, германское руководство обещало помочь казакам обустроить свою жизнь в Восточной Европе, до того времени, как они смогут вернуться в родные края³. В апреле 1944 г. генерал П.Н. Краснов сообщал генералу В.Г. Науменко о том, что вопрос о земле решается, но крайне медленно. Причиной этой медлительности были различные межведомственные трения и противоречия⁴. Возможно, признание казаков в качестве союзников привело к тому, что отступавшие на Запад казаки и их семьи снабжались немецкими пайками наравне с солдатами германской армии⁵.

Скопление громадной массы людей, стремившихся на Запад, требовало решение различных организационных вопросов. Это было особенно насущным в связи с громадным количеством атаманов и их штабов, которые претендовали на возглавление казачества⁶. В результате в конце ноября 1943 г. был создан так называемый Казачий стан, который возглавил в качестве походного атамана С.В. Павлов. На совещании 27 ноября 1943 г. было решено, что основным местом сбора казаков, отступавших на Запад вместе с германскими войсками, станет г. Проскурово. Далеко не все, кто претендовал на руководство казаками, согласились сразу подчиниться

¹ ГАКК. Коллекция документов ККВ за рубежом. Пер. 1. Кор. 21. Ед. хр. 271. Приказ № 1 Штаба формирований казачьих войск Кубани, Терека и Дона. 30.06.1943.

² ЛА Р. Интервью с А.М. Певневым. 27.07.2010, г. Фарминдейл (шт. Нью-Джерси, США).

³ На казачьем посту. Берлин. 1943. № 14. С. 2.

⁴ ГАКК. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 13. Л. 2.

⁵ ЛА Р. Интервью с А.М. Певневым. 27.07.2010, г. Фарминдейл (шт. Нью-Джерси, США).

⁶ ГАКК. Коллекция документов ККВ за рубежом. Пер. 1. Кор. 21. Ед. хр. 271.

С.В. Павлову. Как отмечал в своем дневнике один из участников тех событий: «Это было время, когда каждый урядник хотел быть самостоятельным атаманом и никому не подчиняться»¹. Категорически отвергли такое подчинение полковники И.И. Белый и П.Р. Духопельников, возглавлявшие крупные группы казаков. Несогласие первоначально выразил и полковник Г.П. Тарасенко, возглавлявший в качестве председателя Казачий комитет Кубани, Дона и Терека. Однако позже в декабре 1943 г. на совещании в г. Николаеве представителю Казачьего управления Дона, Кубани и Терека Э.Э. Радтке удалось убедить Г.П. Тарасенко и руководителей различных казачьих штабов и сборных пунктов о подчинении С.В. Павлову². После образования Главного управления казачьих войск, С.В. Павлов был подчинен генералу П.Н. Краснову.

Интересен тот факт, что Казачий стан, как и формируемая 1-я казачья кавалерийская дивизия, пополнялся и представителями эмиграции, прибывшими из Франции, Германии, Югославии и других европейских государств. При этом не всегда это были казаки, но просто офицеры, участники Гражданской войны в России. Некоторые из них выражали свое желание служить именно в Казачьем стане, а не в 1-й казачьей дивизии³. Основной причиной такого решения, скорее всего, было нежелание служить под командованием немецких офицеров. Хотя, конечно, основу Казачьего стана составляли казаки, проживавшие до Второй мировой войны на территории СССР. Первые крупные группы, составившие впоследствии основу Казачьего стана, формировались с лета 1943 г. сначала в Кировограде (до 3 тыс. чел.), затем с осени 1943 г. в Проскурове (около 7 тыс. чел.)⁴.

¹ Казачья трагедия (1940–1945 гг.). Воспоминания руководителя и организатора в г. Ростове и Ростовском округе казачьего освободительного на Дону движения против большевиков. Нью-Йорк, 1959. С. 76.

² Ленивов А.К. Под казачьим знаменем // Кубанец. 1992. № 2. С. 36–37.

³ Медынский А.И. Воспоминания // Мемуары власовцев. М., 2011. С. 131, 137.

⁴ Шкаровский М.В. Казачий Стан в Северной Италии ... С. 191.

10 января 1944 г. С.В. Павлов издал приказ о переброске Казачьего стана из Проскурова во Львов¹.

Первоначально казаков планировалось разместить в Каменец-Подольской области. Однако в силу стремительного наступления советских войск, казаки в скором времени вынуждены были покинуть эту территорию.

Следующим местом расположения Казачьего стана стал район г. Новогрудок в Белоруссии. Здесь была создана стройная система гражданского и военного управления. Казаки, принадлежавшие к одному войску, селились своими станицами, которые объединялись в отделы и округа. Строевые казаки были объединены в 11 казачьих полков²: 4 – донские, 3 – кубанские, 2 – терские и 2 – сводные казачьи полки³. Согласно воспоминаниям А.И. Медынского, именно в г. Новогрудок с созданием Штаба казачьих войск был официально оформлен Казачий стан⁴. Была создана и своеобразная Казачья епархия, которую возглавил протоиерей В. Григорьев⁵. 1 мая 1944 г. в районе дислокации Казачьего стана состоялся съезд духовенства и церковных старост казачьих церквей⁶.

По поручению Главного управления казачьих войск Казачий стан в Новогрудке в мае–июне 1944 г. посетил атаман Кубанского казачьего войска за рубежом генерал В.Г. Науменко. В Новогрудке он был дважды: с 31 мая по 24 июня и с 27 июня по 2 июля 1944 г.⁷ Такое длительное пребывание в Казачьем стане (около месяца) дало ему возможность довольно обстоятельно ознакомиться с жизнью казаков, узнать их настроения и проблемы, ближе познакомиться с руководством в лице С.В. Павлова. Позже В.Г. Науменко характеризует его как хорошего человека, но совершенно не опытного,

¹ Ленивов А.К. Под казачьим знаменем // Кубанец. 1992. № 2. С. 37.

² Крикунов П. Указ. соч. С. 437–438.

³ Ленивов А.К. Указ. соч. № 2. С. 48.

⁴ Медынский А.И. Воспоминания. С. 135.

⁵ Шкаровский М.В. Казачий стан в Северной Италии ... С. 191–192.

⁶ Казачья лава. 1944. 8 июня. № 9. С. 4.

⁷ ГАКК. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 12–46. Л. 115; Д. 12–47. Л. 63.

которому к тому же вскружило голову его положение на посту походного атамана¹.

Скорее всего, Белоруссия была выбрана в качестве места дислокации Казачьего стана, как территория, наводненная партизанскими отрядами². Стараясь обеспечить защиту себе и своим семьям, казаки просто вынуждены были вести активную борьбу с партизанами. При этом борьба была упорной и беспощадной с обеих сторон. По утверждению комиссара г. Новогрудок казаки сумели поставить под свой контроль пути сообщения, очистив часть территории от партизан³. В конце мая 1944 г. группенфюрер СС фон Готтберг заключил с казаками соглашение, в соответствии с которым казаки приравнивались к другим союзникам Германии. Обеспечение казаков провизией, обмундированием и вооружением проводилось на тех же условиях, что и обеспечение германской полиции, независимо от того, находились ли они в боевых подразделениях или обеспечивали охрану своих поселений. Казачьи семьи получали довольствие на тех же условиях, что и семьи представителей германской полиции⁴. По мнению германского руководства, это должно было также способствовать повышению боевого духа казаков и их более успешным и активным действиям в боях с партизанами и частями Красной армии.

В июне 1944 г. в одной из стычек с партизанами С.В. Павлов был убит. До сих пор в исторической науке нет единой версии смерти С.В. Павлова. Отметим, что и современники тех событий также указывают на существование различных версий⁵. Сменил С.В. Павлова на посту походного атамана Т.И. Доманов.

¹ ГАКК. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 15. Л. 156.

² Дудников В.С. Воспоминания старого казака о пережитом и размышления о настоящем // Материалы по истории русского освободительного движения 1941–1945 / под общ. ред. А.В. Околькова. Вып. 1. М., 1997. С. 331.

³ На казачьем посту. Берлин. 1945. № 43. С. 2.

⁴ Казачья лава. 1944. 8 июня. № 9. С. 4.

⁵ ЛА Р. Интервью с А.М. Певневым. 27.07.2010, г. Фарминдейл (шт. Нью-Джерси, США).

В июле 1944 г. под угрозой окружения казаки стали прорываться из Белоруссии на территорию Польши. В августе 1944 г. три сотни 3-го кубанского казачьего полка (по другим источникам – 5-й кубанский полк. – О.Р.), после отступления Казачьего стана с территории Белоруссии использовались немцами для подавления восстания в Варшаве совместно с войсками СС. При этом многие казаки были награждены Железными крестами, а генерал П.Н. Краснов поблагодарил весь личный состав полка «за проявленное мужество, за доблесть и казачье умение побеждать и без достаточного снаряжения и подготовки»¹. В скором времени германское командование приняло решение о переброске Казачьего стана и казачьих частей в Северную Италию, которая была наводнена итальянскими партизанами. Не исключено, что относительно успешная борьба казаков с партизанами была принята во внимание при определении очередного места дислокации Казачьего стана и казачьих частей. Тем более данная территория имела важное стратегическое значение для германского командования, обеспечивая связь между Балканами и Центральной Европой.

А.И. Медынский в воспоминаниях сообщает, что весь Казачий стан радостно воспринял решение о переброске в Италию, так как казакам хотелось погреться под итальянским солнцем². Представляется более вероятной причиной радости казаков (если таковая и была) возможность как можно дальше быть от стремительно наступающих советских войск.

Первые казаки прибыли на выделенную им землю в Северную Италию 20 июля 1944 г. При этом вместе с ними были перевезены кони, коровы и даже верблюды, которые проделали с казаками весь путь от родных краев до итальянских земель³. Перевозили вместе с бричками и со всем скарбом, который вывезли с родных краев⁴. Первоначально большинство казаков

¹ На казачьем посту. 1944. 15 октября. № 36. С. 10–11.

² Медынский А.И. Воспоминания. С. 141.

³ Баутдинов Г. Казаки в Италии ... С. 29.

⁴ ЛА Р. Интервью с А.М. Певневым. 27.07.2010, г. Фарминдейл (шт. Нью-Джерси, США).

разместились в Джемоне. Однако со временем их дислокация распространилась на ряд небольших итальянских поселений: Амаро, Буйе, Казарсе, Майано, Озоппо, Сан-Даниеле, Чивадалезе и др.¹

В Италии Казачий стан был подчинен командующему войсками СС и полиции побережья Адриатического моря генералу СС и обергруппенфюреру О. Глобочнику².

На 30 сентября 1944 г. в Италии в составе Казачьего стана числилось 7 155 строевых казаков и 8 435 гражданских лиц³. В октябре 1944 г. казаков в Италии насчитывалось 15 590 чел., из которых: донцов – 7 252 чел., кубанцев – 5 422 чел., терцев 2 503 чел. и остальных – 413 чел.⁴ В октябре–ноябре 1944 г. численность Казачьего стана выросла еще на 6 700 строевых казаков и насчитывала около 22 тыс. 300 казаков вместе с женщинами и детьми⁵.

В ноябре 1944 г. во время личного приема П.Н. Краснов и Т.И. Доманов доложили А. Розенбергу о завершении переброски Казачьего стана в Италию⁶.

Здесь в Северной Италии произошло своеобразное воссоединение казаков, оказавшихся в эмиграции в 1920 г., с казаками, ушедшими за границу вместе с отступающими фашистскими войсками. Были даже случаи воссоединения семей. Казаки, как и в Белоруссии, размещались по войсковому принципу. Предназначенная под заселение территория была разделена на округа и станицы. При этом казаки дали свои названия итальянским селам. Так Алессио, Каваццо и Тразагис стали неофициально

¹ Литворния А. Казачьи станицы во Фриули // Россия и Италия. Вып. 5: Русская эмиграция в Италии в XX веке. М., 2003. С. 49.

² Ленинов А.К. Под казачьим знаменем // Кубанец. 1992. № 3. С. 50.

³ ГАКК. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 16. Л. 10.

⁴ ГАКК. Коллекция документов ККВ за рубежом. Пер. 1. Кор. 7. Ед.хр. 49. Программа собеседования с казаками станицы в Лейквуде. 29.12.1949.

⁵ Шкаровский М.В. Казачий Стан в Северной Италии ... С. 193.

⁶ Казачья лава. 1944. 19 ноября. № 32. С. 1.

называться Новочеркасском, Краснодаром и Новороссийском (соответственно)¹.

Своеобразной столицей Казачьего стана стал итальянский городок Толмеццо. Здесь размещались: штаб походного атамана, епархиальное, санитарное, ветеринарное управления, продовольственные склады, ремесленные мастерские. В Толмеццо были также организованы своеобразные казачий музей и кафедральный собор, размещавшиеся в бывших казармах итальянских карабинеров². Практически в каждом полку были свой священник и походная церковь вместе с хором певчих³. Согласно рапорту временно управляющего Казачьей епархией протоиерея В. Григорьева, представленному им 12 декабря 1944 г. генералу П.Н. Краснову и походному атаману Т.И. Доманову, в Казачьей епархии вели церковную службу 34 священника, 4 дьякона, 1 протодьякон и около 30 псаломщиков⁴.

Казакам были предложены не пустые земли. На них находилось 26 населенных пунктов. Местное население было вынуждено принять к себе на постой целые семьи. Некоторые здания были полностью заняты казаками. Преимущественно в них размещались штабы и другие учреждения Казачьего стана. Естественно, что такое сосуществование часто приводило к различным конфликтам. Тем более местные жители видели в казаках оккупантов, занявших их землю⁵. Как вспоминала Е.Б. Польская: «Итальянцы ненавидели казаков-грабителей больше, чем немцев»⁶. Хотя были и случаи мирного сосуществования. Например, жительница Джемона Дж. Гравина вспоминала о том, что казаки ей запомнились своей деликатностью и дружелюбием, а когда они вынуждены были уйти, то на прощание подарили ее семье ряд

¹ Баутдинов Г. Казаки в Италии ... С. 29.

² Беляевский В.А. Дон и Россия. С. 152.

³ Шкаровский М.В. Казачий Стан в Северной Италии. С. 198.

⁴ Там же. С. 200.

⁵ TNA. F.26. WO. Folder 170.4241. 5 Corps interrogation report № 6. P. 3.

⁶ Польская Е.Б. Это мы, Господи, пред Тобой... Невинномыск, 1995. С. 18.

предметов¹. А.М. Певнев отмечал в свою очередь дружелюбие итальянцев, принявших казаков в своих домах². В то же время из ряда населенных пунктов, например, из Алессо, Каваццо, Озоппо, практически все жители были выселены³.

Взаимоотношения казаков с итальянцами являлись своеобразным контактом двух разных культур, который вызывал не только отторжение, но и интерес, удивление. Особенно большой интерес вызывали церковные богослужения, проводившиеся на территории Казачьего стана, а также некоторые праздники (например, Рождество), которые проводились по казачьим обычаям широко. Привлекали итальянцев и театральные постановки в исполнении казаков. При этом в созданном в г. Толмеццо казачьем войсковом театре представления давали как профессиональные актеры, так и любители из числа казаков. Казаками были также созданы войсковой музей, хор и оркестр⁴.

Казаки пытались объяснить итальянцам причину своего пребывания на их территории с тем, чтобы найти возможность для сотрудничества. В частности, в одном из обращений к итальянцам руководство Казачьего стана говорило, что казаки, как и итальянцы борются против «фальшивой иудео-коммунистической доктрины»⁵.

Штаб Походного атамана Казачьих войск издавал газету «Казачья земля». Одним из наиболее популярных авторов ее был П.Н. Краснов, подписывавшийся порой как «казак станицы Каргинской». Последний номер газеты был издан 29 апреля 1945 г.⁶

Почти все казаки мужского пола несли службу или в составе воинских частей (те, кому было от 18 до 45 лет), или в составе специального охранного

¹ Литворния А. Казачьи станицы во Фриули ... С. 49.

² ЛА Р. Интервью с А.М. Певневым. 27.07.2010, г. Фарминдейл (шт. Нью-Джерси, США).

³ Талалай М.Г. «Казачья земля» в Италии ... С. 55.

⁴ Ленивов А.К. Под казачьим знаменем // Кубанец. 1992. № 3. С. 50.

⁵ Carnier P.A. L'armata cosacca in Italia ... 1993. P. 56–57.

⁶ Баутдинов Г. Казаки в Италии ... С. 29–30.

батальона, который отвечал за охрану поселений (те, кому было от 45 до 70 лет), Молодежь в возрасте от 16 до 17 лет проходили подготовку в кадетской школе и юнкерском училище. Вероятным инициатором создания кадетской школы и юнкерского училища был П.Н. Краснов¹. Юнкерское училище располагалось в небольшом итальянском городке Вилла Сантино. Перед руководством училища ставилась цель – подготовка офицеров не только для полков Казачьего стана, но и для 1-й казачьей дивизии. К поступлению в училище допускались только коренные казаки. Преподавателями были преимущественно кадровые офицеры-эмигранты и даже один советский офицер, окончивший Военную академию².

В момент прибытия казаков в Северную Италию в ней разворачивалось мощное движение Сопротивления, преимущественно в форме действий партизанских отрядов. Немцы довольно часто вынуждены были привлекать казаков для борьбы с итальянскими партизанами. Данный факт также не способствовал налаживанию отношений между казаками и местным населением. Кроме того, сами казаки часто вынуждены были брать в руки оружие, защищая от нападений партизан землю, на которой был размещен Казачий стан³. Среди участников итальянского Сопротивления были и русские, в том числе казаки, которые порой создавали свои собственные отряды, например батальоны имени В. Чапаева и имени И. Сталина. Это были преимущественно представители первой волны эмиграции и их дети. К осени 1944 г. казакам удалось в определенной степени навести порядок на занятой территории и обеспечить относительную безопасность. Затишье со стороны партизан было вызвано и выпадением глубокого снега. Он мешал совершать быстрые набеги, а главное – скрытно исчезать после проведенного рейда.

¹ Медынский А.И. Воспоминания. С. 143.

² Там же. С. 145.

³ TNA. F.26. WO. Folder 170.4241. 5 Corps interrogation report № 6. P. 1.

В феврале 1945 г. в Карнию (на севере Италии) было переведено из Берлина и ГУКВ во главе с генералом П.Н. Красновым. Оно располагалось в местечке Вилла-ди-Верценьис в гостинице «Савойя»¹. Вскоре недалеко от Толмеццо было размещено Казачье управление Дона, Кубани и Терека во главе с Н. Гимпелем².

Весной 1945 г. положение казаков в Северной Италии снова ухудшилось. Опять начались набеги партизан, поддержанные к тому же начавшимся наступлением англо-американских войск. Так, учащиеся юнкерского училища начали совмещать теорию с практикой. Они не только участвовали в охране казачьих поселений, но и сами совершали ежедневные вылазки в горы и в ближайшие селения³. «Итальянцы ненавидели казаков больше, чем немцев. Многие казачьи части использовались для борьбы с партизанами, скрывавшимися в горах»⁴. Однако можно найти и другие примеры. Так, по воспоминаниям М. Сухенко, ее отец по прибытию в Италию сразу дал наказ казакам не обижать и не грабить местных жителей. Впоследствии, когда его семья была арестована итальянскими партизанами, то сами итальянцы (в том числе католические священники) вступились за них и добились их освобождения⁵.

В конце апреля 1945 г. в Казачьем стане насчитывалось 31 463 чел., в том числе 18 485 строевых казаков, офицеров и чиновников, 6 304 нестроевых казаков, 4 222 женщины, 358 детей в возрасте от 14 до 17 лет и 2 094 ребенка в возрасте до 14 лет⁶. По другим данным, на этот период Казачий стан состоял из 18 060 строевых казаков и 13 570 гражданских лиц⁷.

¹ Шкаровский М.В. Казачий Стан в Северной Италии. С. 194–195.

² Крикунов П. Указ. соч. С. 261.

³ Медынский А.И. Воспоминания. С. 146.

⁴ Бондаренко М. Путь из казаков в зеки (интервью с Е.Б. Польской) // Новое время. 1996. № 3. С. 43.

⁵ ЛА Р. Интервью с М. Сухенко. 25.07.2010, г. Винелэнд (шт. Нью-Джерси, США).

⁶ Решин Л. «Казаки» со свастикой ... С. 72.

⁷ Шкаровский М.В. Казачий Стан в Северной Италии ... С. 193.

Тяжелое положение германской армии и необходимость пополнения казачьих частей послужили причинами создания в сентябре 1944 г. Резерва казачьих войск, который возглавил генерал А.Г. Шкуро. Уже к середине сентября 1944 г. в Берлине были созданы вербовочный штаб, комендатуры, этапный лагерь для приема мобилизованных казаков. 17 сентября 1944 г. вышел приказ начальника ГУКВ генерала П.Н. Краснова о формировании Казачьего корпуса¹. Основу Казачьего корпуса составили: 1-й казачья кавалерийская дивизия, а также военные подразделения казаков, перебрасываемые с различных участков фронта. Пока генерал А. Шкуро вербовал казаков в Казачий освободительный корпус, 25 февраля 1945 г. 1-я казачья кавалерийская дивизия была официально преобразована в 15-й кавалерийский корпус войск СС. Корпус насчитывал около 25 тыс. чел.². В апреле 1945 г. на собрании делегатов полков корпуса Г. фон Паннвиц был избран походным атаманом казачьих войск. В скором времени было объявлено о включении корпуса в состав Русской освободительной армии генерала А.А. Власова³.

Практически с самого момента своего создания казакам 15-го корпуса приходилось вести тяжелые бои, преимущественно сдерживая натиск Народно-освободительной армии Югославии и болгарских войск. Под давлением превосходящих сил противника в мае 1945 г. было принято решение об отводе 15-го корпуса в Австрию.

Юго-западная часть Австрии стала своеобразным местом сбора всех казаков. Сюда был направлен не только 15-й казачий корпус, но и казачьи части Русского охранного корпуса, «казачий резерв» во главе с генералом А.Г. Шкуро, а также казаки-эмигранты, разбросанные по территории Третьего рейха и сопредельных с ним государств. В частности атаман Кубанского казачьего войска за рубежом генерал В.Г. Науменко вместе с

¹ Крикунов П. Указ. соч. С. 505–507.

² Там же. С. 513–515.

³ Ланнуа де Ф. Указ. соч. С. 64.

несколькими кубанскими казаками также в конце апреля – начале мая 1945 г. пытался добраться до Казачьего стана. Несмотря на то, что кубанский атаман заранее позаботился о том, чтобы спрятать казачьи регалии, он буквально разрывался между двумя стремлениями: охранять регалии или в такое тяжелое время быть вместе со своими казаками. В дневнике он описывал это как «страшную душевную драму»¹. Вскоре стало понятно, что пробиться ни к 15-му казачьему корпусу, ни к Казачьему стану невозможно. Более того, вообще всякое передвижение в условиях наступления советских и англо-американских войск становилось затруднительным. 10 мая 1945 г. В.Г. Науменко записал в дневнике: «Боже, какую глупость я сделал, что ушел из Ройте! Этого простить себе не могу. Что получилось теперь! Как были оторваны от казаков, так и остались. Регалии оставил, что стало с ними!»²

Если 15-й казачий корпус, преследуемый югославскими партизанами, отходил, то Казачий стан подвергался не менее частым нападениям итальянских партизан и бомбардировкам союзной (англо-американской) авиации. Казаки прикладывали все усилия, чтобы вырваться из Югославии и Италии на территорию Австрии. Это приводило подчас к довольно ожесточенным боям с местными партизанами. Зачастую страдало и мирное население тех населенных пунктов, которые находились на пути движения казачьих частей. Кроме того, было несколько случаев убийства казаками германских офицеров³.

Руководство Казачьего стана и командование 15-го казачьего корпуса стремились соединить свои силы, рассчитывая впоследствии получить более благоприятные условия при переговорах о сдаче англо-американским войскам. Сам вопрос о сдаче уже практически не подлежал обсуждению, так как она была признана единственным способом, дающим надежду на спасение.

¹ Науменко В.Г., Назаренко Н.В. Указ. соч. С. 65.

² Там же. С. 72.

³ Шкаровский М.В. Казачий Стан в Северной Италии ... С. 203.

К маю 1945 г. по сведениям Главного управления казачьих войск за границей находилось более 100 тыс. казаков, из которых бывшие советские граждане составляли около 75 тыс. чел.¹ Немецкие источники сообщают о 70 тыс. казаков-коллаборационистов². По мнению К.Л. Котюкова, в германской армии было около 20 тыс. российских эмигрантов³.

Практически все казаки (Казачий стан, 15-й Казачий корпус и другие казачьи части) в мае 1945 г. капитулировали перед британскими войсками и были расположены в районе Лиенца. Британский фельдмаршал Г. Александер в письме от 17 мая 1945 г. к генералу Д. Эйзенхауэру давал понять, что не собирается вводить строгий контроль за пленными и будет смотреть сквозь пальцы на их попытки рассеяться⁴. При этом первое время, как вспоминает Н.Н. Краснов, можно было уйти одиночным порядком из расположения лагерей. Этим воспользовались преимущественно те, кому было куда идти, кто крайне страшился как советского, так и английского плена, а также те, кто уходил на поиски родственников, оказавшихся поблизости⁵. Остальные остались дожидаться своей участи в лагерях.

28 мая 1945 г. почти все казачьи офицеры (2 756 чел.), половина из которых относились к первой волне эмигрантов (1 430 чел) под предлогом проведения совещания были вывезены англичанами из лагерей и переданы представителям НКВД и советского военного командования. Выдан был и командир 15-го казачьего кавалерийского корпуса генерал Г. фон Паннвиц. Отметим, что он отказался от предложения англичан остаться в числе британских военнопленных, хотя не подлежал выдаче как гражданин Германии. Однако он предпочел разделить судьбу казаков, с которыми

¹ Котюков К.Л. Роковое разделение ... С. 110.

² Minoz A. Hitler's Eastern Legions. Vol. 1. The Baltic Schutzmannschaft 1941–1945. N.Y., 1998. P. 10–11.

³ Котюков К.Л. Российские военные эмигранты ... С. 42.

⁴ Полян П.М. Указ. соч. С. 414.

⁵ Краснов Н.Н. Незабываемое ... С. 18.

сблизился за годы службы, заявив: «Я делил со своими казаками счастливое время, я останусь с ними и в несчастье»¹.

Выдача казаков в Лиенце и других местах проходила насильственным путем. Порой британцы пускали в ход оружие и военную технику. Частое использование британскими военнослужащими дубинок отразилось в названии, которое было дано казаками данным событиям – «лиенцевское палкование»². Выдача казаков советским военным властям длилась практически всю первую половину июня 1945 г. Предполагая, что ждет их в СССР, казаки всячески пытались избежать выдачи. Они бежали в горы, прыгали в ледяную Драву, протекавшую вдоль лагерей для военнопленных. Было несколько случаев самоубийств. Наиболее повезло тем, кто смог доказать британцам свое гражданство, полученное в стране пребывания в годы эмиграции. Но большинство были переданы советским военным властям и впоследствии возвращены в Советский Союз, где из всех казаков Казачьего стана, выданных британцами, в советских лагерях дождались своего освобождения в середине 1950-х гг. только 200 человек³. Практически все их руководители, включая П.Н. Краснова, А.Г. Шкуро, Т.И. Доманова и Г. фон Паннвица были казнены.

Отметим, что были случаи, когда местные жители и те же самые британские солдаты и офицеры помогали спастись некоторым казакам или членам их семей. В частности, британские офицеры спасли жену С.Н. Краснова (кубанскую казачку Дину Марченко) и ее мать. Впоследствии один из чилийских дипломатов помог им и нескольким другим казакам получить чилийской гражданство⁴.

В большей степени повезло казакам Русского корпуса. Англичане не выдали из него практически ни одного человека. В середине 1946 г. все чины

¹ Цит. по: Стеенборг С. Власов. С. 236.

² ЛА Р. Интервью с А.М. Певневым. 27.07.2010, г. Фарминдейл (шт. Нью-Джерси, США).

³ Ланнуа де Ф. Указ. соч. С. 187.

⁴ Энзина Ж. Указ. соч. С. 47–48.

корпуса получили разрешение на свободное избрание своего местожительства¹. Причина такого отношения англичан к Русскому корпусу крылась не только в способности А.И. Рогожина убедить британское командование в том, что все его подчиненные являются старыми русскими эмигрантами, а следовательно, не подлежат выдаче². Она заключалась и в общей политике британского правительства, состоявшей в том, чтобы по возможности оказывать содействие всем, кто желал остаться на Западе и избежать выдачи в СССР.

Отдельного внимания заслуживают взаимоотношения казаков с Комитетом освобождения народов России (КОНР), созданным в ноябре 1944 г. в Праге и возглавляемым генералом А.А. Власовым. Активное участие в деятельности КОНР принимал генерал С.К. Бородин (донской казак). Поддержку КОНР и Русской освободительной армии (РОА) оказывали донские казаки – генералы Ф.Ф. Абрамов, Е.И. Балабин, С.К. Бородин, И.А. Поляков, атаман Донского казачьего войска за рубежом генерал Г.В. Татаркин и атаман Кубанского казачьего войска за рубежом генерал В.Г. Науменко³.

В силу существовавших противоречий между представителями новой российской эмиграции и старой белоэмиграции их сотрудничество в рамках КОНР и РОА было довольно сложным и порой натянутым. Преимущество имели и главную роль играли как в КОНР, так и в РОА в основном бывшие советские военнопленные. Видимо, понимая это, генерал П.Н. Краснов категорически отказывался от любых форм сотрудничества с генералом А.А. Власовым. Более того, он пытался через генерала Э. Кестринга убедить рейхсфюрера СС Г. Гиммлера в необходимости создания самостоятельной казачьей армии, включавшей казаков, которые поддержали А.А. Власова и

¹ Полян П.М. Указ. соч. С. 418.

² Шкаровский М.В. Духовенство Русского корпуса ... С. 137.

³ Хоффманн Й. История власовской армии. С. 63.

вошли в РОА¹, но попытки согласовать свои позиции были. В конце 1944 г. и в начале 1945 г. А.А. Власов и П.Н. Краснов несколько раз встречались друг с другом, хотя и без положительного результата². Причинами разногласий между П.Н. Красновым и А.А. Власовым были различные взгляды на взаимоотношения с Третьим рейхом и на будущее России и казачьих краев. Оба считали себя (казаков и РОА) союзниками Германии. Однако, П.Н. Краснов придерживался взгляда на необходимость подчинения казачьих частей германскому военному командованию, а А.А. Власов отстаивал идею самостоятельности РОА. А.А. Власов рассчитывал (по крайней мере, декларировал) при помощи немцев добиться освобождения России от сталинской тирании с целью дальнейшего ее самостоятельного и независимого существования. П.Н. Краснов мечтал лишь об освобождении казачьих земель и даже допускал существование их в составе Третьего рейха³. Подобного рода разногласия были подкреплены также взаимным недоверием между А.А. Власовым и белоэмигрантами⁴, которое преодолевалось с очень большим трудом и, в первую очередь, пониманием необходимости объединения своих сил.

Не придя к согласию с П.Н. Красновым, генерал А.А. Власов в феврале 1945 г. создает при КОНР Управление казачьих войск как противовес Главному управлению казачьих войск, возглавляемому П.Н. Красновым. Был также создан Совет казачьих войск. В него вошли войсковые атаманы Дона, Кубани и Терека и представители других казачьих войск: оренбургского, уральского, астраханского, семиреченского, сибирского, забайкальского, амурского и уссурийского. В задачу Совета казачьих войск входили как руководство казачьими войсками, так и координация их действий в

¹ Котюков К.Л. Роковое разделение ... С. 110.

² Полян П.М. Указ. соч. С. 107.

³ Хоффманн Й. История власовской армии. С. 64.

⁴ Штрик-Штрикфельд В. Против Сталина и Гитлера. Генерал Власов и Русское Освободительное Движение. Б. м., 1981. С. 254.

соответствии с приказами и предписаниями ВС КОНР. Председателем Совета казачьих войск был избран атаман ВВД генерал Г.В. Татаркин¹.

Многие лидеры казачества были не согласны с П.Н. Красновым в плане игнорирования КОНР и РОА. Все более тяжелое положение на фронтах заставило обе стороны (казачество и КОНР) пойти навстречу друг другу. 28 марта 1945 г. генерал А.А. Власов утвердил Совет казачьих войск.

В марте 1945 г. в состав КОНР фактически вошел Казачий стан, несмотря на всяческие препятствия этому союзу со стороны генерала П.Н. Краснова и генерала Т.И. Доманова. После того как 22 марта 1945 г. кубанский атаман В.Г. Науменко объявил о подчинении Кубанского казачьего войска генералу А.А. Власову, Т.И. Доманову, чтобы не допустить раскола в Казачьем стане пришлось также признать подчинение А.А. Власову². В то же время генерал П.Н. Краснов издал 23 марта 1945 г. Приказ № 12 казачьим войскам, в котором объявил незаконным приказ кубанского атамана о подчинении ККВ генералу А.А. Власову³.

25 марта 1945 г. в Вировитице (Хорватия) состоялся съезд делегатов от подразделений 15-го казачьего кавалерийского корпуса. На съезде было принято решение о подчинении корпуса генералу А.А. Власову и вхождению его в состав РОА⁴. 20 апреля 1945 г. был издан приказ Вооруженным силам Комитета освобождения народов России (ВС КОНР), в котором говорилось о том, что все казачьи войска входят отныне в состав ВС КОНР и поступают в подчинение генерала А.А. Власова как председателя КОНР и Главнокомандующего ВС КОНР. Этим же приказом генерал Г. фон Паннвиц был назначен походным атаманом⁵. Данные распоряжения были официально

¹ Хоффманн Й. История власовской армии. С. 64–65.

² Там же. С. 66.

³ ГАКК. Коллекция документов ККВ за рубежом. Пер. 1. Кор. 10. Ед. хр. 109. Приказ № 12 от 23.03.1945.

⁴ Хоффманн Й. История власовской армии. С. 67.

⁵ Шатов М.В. Материалы и документы освободительного движения народов России в годы Второй мировой войны (1941-1945). Нью-Йорк, 1966. С. 44.

одобрены рейхсфюрером СС Г. Гимлером¹. Наверное, это единственный случай, когда походным атаманом назначался не казак и тем более иностранец. Отчасти это было связано не только с тем, что в распоряжении Г. фон Паннвица было наиболее крупное и боеспособное воинское соединение. За время совместной службы с казаками Г. фон Паннвиц проявил себя не только как опытный командир, но и как командир, заботящийся о своих подчиненных. Он не только пытался овладеть русским языком, но и вникал в казачьи обычаи, традиции, стремился понять казачью культуру, прочувствовать казачий дух. Не случайно «казаки на всех служебных уровнях обожали его»², а большинство представителей казачьей старшины одобрили его назначение походным атаманом.

В начале мая 1945 г. казаки входили в вооруженные силы КНОР в составе следующих формирований: Казачий стан (8 400 чел.), 1-е казачье юнкерское училище (300 чел.), 15-й казачий кавалерийский корпус (более 40 тыс. чел.), 1-й казачий полк Русского корпуса (1 075 чел.), Казачий резерв под командованием генерала А.Г. Шкуро (около 10 тыс. чел.) и 3 отдельных полка, располагавшихся в районе Виллаха, Линца (Австрия) и Любляны (Словения) общей численностью 5 200 чел. Таким образом, к концу войны в составе казачьих формирований, расположенных в районе Австрии и Словении, насчитывалось около 65 тыс. чел., большинство из которых были представителями казачеств Дона, Кубани и Терека. Часть казаков находились в составе других подразделений вермахта³. Несколько казаков были в составе так называемой 1-й Русской национальной армии (РНА), созданной российским эмигрантом Б.А. Хольмстоном-Смысловским.

В несколько иных условиях находились казаки, располагавшиеся в Китае.

¹ Полян П.М. Указ. соч. С.107.

² Фрелих С. Генерал Власов ... С. 137.

³ Свириденко Ю.П., Ершов В.Ф. Указ. соч. С. 184–185.

Атаман Забайкальского казачьего войска и походный атаман казаков Урала, Сибири и Дальнего Востока генерал Г.М. Семёнов был одним из первых, кто отреагировал на нападение Германии на СССР, заявив о необходимости сотрудничества с Германией¹. Такое обращение к русским националистам, отождествление себя с ними было в целом характерно для Г.М. Семёнова. Во-первых, для казаков Сибири и Дальнего Востока, как уже отмечалось выше, не было характерным резкое противопоставление казачества русскому населению в этническом плане. Во-вторых, это было связано с тем, что Г.М. Семёнов позиционировал себя как руководитель всей русскоязычной эмиграции на Дальнем Востоке.

О поддержке Германии в ходе ее войны с СССР заявили и некоторые представители Оренбургского казачьего войска во главе с атаманом генералом И.Г. Акулининым².

В течение 1943 г. атаманом Г.М. Семеновым, генералом А.П. Бакшеевым и Л.Ф. Власьевским были сформированы 5 полков, 2 дивизиона и 1 отдельная сотня, состоявшие преимущественно из казаков. Впоследствии они были сведены в Захинганский казачий корпус. Командиром корпуса был назначен генерал А.П. Бакшеев, но фактически корпус находился в ведении подполковника Таки – начальника японской военной миссии в Тайларе³.

Фактически с началом первых боевых операций на территории Китая японцы пытались наладить контакты и взаимодействие с российскими эмигрантами. Еще в 1938 г. японская военная миссия объявила о формировании русского отряда из белоэмигрантов при Квантунской армии. Его командиром стал полковник Асано Макото. Формально данный отряд находился в подчинении командования Маньчжурской императорской армии. Со временем отряд был развернут в бригаду, состоящую из

¹ Цурганов Ю.С. Указ. соч. С. 65.

² Ганин А.В. Оренбургское казачье войско ... С. 30.

³ Свириденко Ю.П., Ершов В.Ф. Указ. соч. С. 187–188.

кавалерийского и пехотного полков. Отметим, что пополнение рядов отряда «Асано» только первоначально проводилось на добровольной основе. Впоследствии новые рекруты шли в отряд добровольно-принудительно. Бойцы отряда «Асано» принимали участие в боях у о. Хасан (июль–август 1938 г.) и в районе р. Халхин-Гол (май–сентябрь 1939 г.)¹.

В конце 1943 г. бригада «Асано» была преобразована в Российские воинские отряды армии Маньчжоу-Го, в которые входили и казачьи формирования. В начале августа 1945 г. во всех российских отрядах армии Маньчжоу-Го числилось около 4 тыс. чел. В начале 1944 г. был сформирован Хайларский отряд (довольно небольшой по численности). В него входили преимущественно казаки, размещавшиеся в Трехречье. Во всех сформированных отрядах проводилось обучение по огневой и строевой подготовке, подрывному делу².

Всего к концу войны в составе казачьих частей, подчиненных генералу Г.М. Семенову, находились около 60 тыс. чел.³

В то же время согласимся с Е.Е. Аурилене в том, что в некоторых публикациях «часто преувеличены масштабы угрозы, которую представляла для советского Дальнего Востока белая эмиграция, организованная японцами в воинские и диверсионные отряды»⁴.

После вступления советских войск на территорию Китая основные центры пребывания казачества со временем были ликвидированы.

Таким образом, часть казаков как из числа эмигрантов, так и из числа советских граждан оказались в годы Второй мировой войны на стороне фашистской Германии. Несмотря на различные причины подобного положения, их позиция, как объективно, так и в исторической перспективе

¹ Земдиханов В.А. *Униформа и снаряжение бригады Асано Маньчжурской императорской армии // Владивосток – точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции. Владивосток, 2016. С. 129.*

² Цурганов Ю.С. *Указ. соч. С. 143.*

³ Свириденко Ю.П., Ершов В.Ф. *Указ. соч. С. 185.*

⁴ Аурилене Е.Е. *Современная историография истории ... С. 66.*

была направлена против собственной родины, собственного народа. Многие исследователи считают, что казаков-эмигрантов нельзя причислять к коллаборантам в силу того, что они не были гражданами Советского Союза. Однако, по нашему мнению, сотрудничество с врагами своей родины также является проявлением коллаборационизма безотносительно факта гражданства.

Среди коллаборационистов четко выделяются две категории – военнослужащие и гражданские лица. Различаются они не только по данному формальному признаку, но и по степени и форме участия в войне. Отметим, что оставлением родины и уходом вместе с германскими войсками многие казаки и их семьи не столько демонстрировали поддержку Третьему рейху, сколько стремились просто избежать возможных репрессий со стороны сталинского режима, а также высказывали крайнее неприятие такового.

Сотрудничество с казаками и использование их как потенциальной силы в ходе Второй мировой войны со стороны германских властей (как гражданских, так и военных) было вынужденной мерой в силу ряда объективных причин и, в первую очередь, громадных потерь вермахта.

Среди казаков, как и в целом в российской эмиграции, произошло деление на «пораженцев» и «оборонцев». При этом, если среди российских эмигрантов преобладали «оборонческие» настроения, то среди активной части казачества многие готовы были принять прямое участие в войне против СССР.

Очень часто участие казаков во Второй мировой войне определялось государством их пребывания. Так, казаки, проживавшие на территории Франции, Бельгии, Великобритании, США, зачастую служили в армиях этих государств или, как во Франции, участвовали в движении Сопротивления. В то время, как казаки, находившиеся в Германии и государствах-сателлитах, воевали на стороне государств Оси.

4 СТРУКТУРА И ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ КАЗАЧЬЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ В 1945–1960-Е ГГ.

4.1 География расселения, миграционные потоки и численность казаков за рубежом после Второй мировой войны.

Репатриация казачества

В ходе Второй мировой войны за пределами своего государства оказалась часть представителей казачества и выходцев из казачьих регионов СССР. Причины данного явления были различны:

1) казаки были вывезены вместе с другими гражданами оккупированных земель СССР в пределы Третьего рейха. Большинство подобного рода высылки носили принудительный характер;

2) казаки оказались за границей в результате плена. Одни из них содержались в концентрационных лагерях, другие – выразили свое согласие сотрудничать с германскими властями, вплоть до службы в специально созданных воинских частях (преимущественно вспомогательного характера);

3) казаки добровольно отступали вместе с германскими войсками на Запад, где впоследствии были пленены союзниками СССР по антигитлеровской коалиции. Часть отступавших были гражданские лица, другие – высказали желание отступить с оружием в руках и активно использовались немцами, особенно для борьбы с партизанами.

К сожалению, установить точную численность казаков, оказавшихся за рубежом в результате каждого из данных процессов, не представляется возможным. Главная причина этого заключается в том, что в советских документах ни среди попавших в плен, ни среди тех, кто был вывезен в Третий рейх на работы, казаки как отдельная этническая группа не выделялись. Немецкие источники позволяют определить только численный состав тех, кто согласился служить в казачьих частях. Однако среди данных

лиц были не только казаки и даже не всегда жители из казачьих регионов. Зачастую представители других этносов и регионов СССР, спасая себя от неминуемой гибели в концентрационных лагерях для военнопленных, выдавали себя за представителей казачества, чтобы быть записанными в казачьи части и вырваться из лагерей. К тому же эти данные были весьма условны. Некоторые казаки и не казаки, записанные во вспомогательные отряды германской армии, впоследствии бежали из них. Однако точной статистики подобного рода побегов нет, за исключением различных сведений о том, что такие случаи были.

Более точные сведения касательно численности казаков и жителей казачьих регионов имеются относительно тех, кто отступал на Запад вместе с частями германской армии. Эти сведения содержатся как в немецких документах, так и в эмигрантских источниках, хотя и в них есть некоторые расхождения, чаще всего связанные со стремлением завысить численность казачьих групп и отрядов. Кроме того, во время продвижения на Запад Казачьего стана к нему порой примыкали красноармейцы, которые находились на данной территории, видимо, еще со времени отступления Красной армии¹. Они боялись как немцев, так и возможности оказаться в руках НКВД. Видимо это и приводило к тому, что они предпочитали примкнуть к Казачьему стану.

В 1943 г. на советско-германском фронте в составе германской армии воевали не менее 20 тыс. казаков². Примерно столько же казаков числилось в составе 1-й казачьей дивизии и Русском охранном корпусе, воевавших на Балканах³. Не менее 100 тыс. казаков (мужчин, женщин и детей) ушли на Запад вместе с отступавшими германскими войсками⁴. В течение последующих двух лет часть казаков погибли, часть – попали в советский плен. К сожалению, точной численности погибших и попавших в плен

¹ Медынский А.И. Воспоминания. С. 139.

² На казачьем посту. 1943. № 12. С. 4.

³ Хоффманн Й. История власовской армии. С. 69.

⁴ Александров К.М. Казачество России ... С. 171.

казаков установить не удалось. Однако потери были довольно большие. Так, например, из числа казаков, отступавших на Запад, в Северной Италии в составе Казачьего стана оказалось около 32 тыс. чел.¹ Среди них были и эмигранты первой волны. Всего же к концу войны в европейских государствах проживало не более 30 тыс. казаков, прибывших в 1920-х гг.

По сведениям В.Г. Науменко, к концу войны в Казачьем стане, насчитывалось 25 тыс. чел., в 15-м казачьем кавалерийском корпусе Г. фон Паннвица – до 30 тыс. чел., казаков в Русском охранном корпусе – 1,5 тыс. чел., плюс старые и новые эмигранты в Австрии, Германии, Франции и единицы казаков в Англии и Бельгии².

Несмотря на объективные трудности в подсчете казаков, оказавшихся за рубежом в годы и после окончания Второй мировой войны, некоторые исследователи приводят примерные цифры их численности. Так, П. Крикунов предполагает, что на территории Германии и подконтрольных ей государств находилось от 70 до 110 тыс. казаков, в том числе женщин и детей³. Думается, что цифра 110 тыс. чел. предполагает как казаков-эмигрантов первой волны, так и тех, кто отступил вместе с германской армией, а также казаков из числа советских граждан, которые были вывезены во время оккупации казачьих регионов в Германию на работы.

Впоследствии все оказавшиеся за границей советские граждане, в том числе казаки и жители казачьих регионов, подлежали репатриации (добровольной или принудительной). Однако среди них были те, кто не хотел (по разным причинам) возвращаться в СССР. Особенно много их было среди тех, кто уходил на Запад с отступавшими германскими войсками и сотрудничавших с германскими властями. Практически все, кто сумел избежать репатриации, составили вторую волну казаков-эмигрантов из

¹ Решин Л. «Казаки» со свастикой ... С. 72; Шкаровский М.В. Казачий Стан в Северной Италии ... С. 193.

² ГАКК. Коллекция документов ККВ за рубежом. Пер. 1. Кор. 7. Ед. хр. 49. Программа собеседования с казаками станицы в Лейквуде. 29.12.1949.

³ Крикунов П. Указ. соч. С. 12.

России/СССР. Остались на Западе и некоторые казаки из числа лиц, вывезенных на работу во время германской оккупации.

Данные в целом о второй волне российской (советской) эмиграции имеются в распоряжении историков и, хотя содержат некоторые разночтения, дают общее представление об этом явлении. Разночтения связаны преимущественно с определением численности этнических групп эмигрантов, а также с учетом или, напротив, без учета жителей западных областей СССР, не входивших до сентября 1939 г. в его состав. Так, И.А. Дугас и Ф.Я. Черон говорят о 529 тыс. чел., оставшихся за рубежом¹. В.Н. Земсков и А.А. Шевяков, основываясь на данных советских органов репатриации, указывают, что за границей оказалось 451,5 тыс. чел., которые составили вторую волну эмиграции². При этом В.Н. Земсков говорит о 31 704 чел. русских, 144 934 чел. украинцев и 9 856 чел. белорусов. В.Д. Поремский называет 100–130 тыс. чел. только русских эмигрантов, оставшихся за рубежом после ВМВ³. По мнению В.Н. Земскова, этнических русских во второй волне эмиграции было около 7%. Среди них были и представители казачества. Кроме того, значительное количество казаков с целью остаться на Западе часто выдавали себя за украинцев (особенно хорошо это удавалось кубанским казакам из числа так называемых черноморцев), представителей других государств и народов, а также представителей первой волны эмиграции.

Причины стремления такого значительного количества людей избежать возвращения в СССР были различны и порой обоснованы субъективным характером.

Среди причин, имевших под собой определенную объективную почву, выделим несколько основных. На родину не желали возвращаться преимущественно те, кто опасался последующих по возвращении репрессий

¹ Дугас И.А., Черон Ф.Я. Указ. соч. С. 359.

² Земсков В.Н. Репатриация и вторая волна эмиграции // Родина. 1991. № 6–7. С. 111; Шевяков А.А. «Тайны» послевоенной репатриации // Социс. 1993. № 8. С. 8.

³ Поремский В.Д. Указ. соч. С. 147.

со стороны советских властей. Это были прежде всего лица, сотрудничавшие в годы войны с германскими властями, а также те, кто воевал на стороне Третьего рейха. Хотя характер данного сотрудничества был различным (от участия в полицейских карательных экспедициях до вынужденной работы в годы германской оккупации на полях и предприятиях), и те, и другие имели основания опасаться репрессий со стороны советских органов власти. В СССР проживали и откровенные противники советского режима еще со времен Гражданской войны. Некоторые из них все это время находились на нелегальном или полулегальном положении и, конечно же, не преминули воспользоваться возможностью покинуть страну победившего большевизма¹. При этом многие из них были активными помощниками германских оккупационных властей. Часть казаков, фактически смирившись с победой советской власти, уходили на Запад, увлекаемые потоком ее активных противников, и, как следствие, в дальнейшем также имели все основания опасаться репрессий. Были нежелающие возвращаться в СССР и среди тех, кого вывезли на работы в Третий рейх. Часть из них также опасались возможных репрессий, иные предпочли остаться на Западе в силу экономических причин (последние либо были в браке с иностранными гражданами, либо рассчитывали, что смогут устроиться в более комфортных материальных условиях, чем в разоренном войной СССР, хотя процент их был крайне низок).

Многие причины имели под собой равное основание. Так, например, отдельные советские эмигранты, предпочитавшие остаться на Западе в силу экономических причин, рассчитывая на получение некоторых преференций, выдавали себя за убежденных и последовательных врагов коммунизма и СССР. При этом порой особых причин недовольства советской властью у них могло и не быть. Хотя среди казаков, особенно юго-восточных регионов европейской части России, таковых практически не было. Подавляющая

¹ ЛА Р. Интервью с Н.П. Сухенко. 25.07.2010, г. Винелэнд (шт. Нью-Джерси, США).

часть казачества в той или иной степени в силу политики, проводившейся советской властью в отношении казачества, имела причины для недовольства советской властью и неприятия ее как таковой. Отметим, что даже в конце XX в. некоторые российские исследователи акцентировали внимание на сохранившейся в казачьей памяти обиде на некоторые мероприятия советской власти¹. В 1940-х гг. данные обиды воспринимались казаками еще острее.

Итак, за желанием избежать возвращения на родину стояли преимущественно объективные причины. Редко можно выделить только одну причину нежелания возвращаться. Чаще всего причин было несколько, и они порой были взаимосвязаны между собой. Но даже в этой взаимосвязи акценты ставились по-разному и часто были сугубо индивидуальные.

Анализируя побудительные мотивы к эмиграции казачьего населения СССР, четко выделим следующие особенности. Во-первых, среди казаков практически не было тех, кто остался за границей по экономическим мотивам, надеясь на более комфортную жизнь за рубежом в плане лучшего благосостояния. Во-вторых, среди казаков в качестве побудительной силы остаться за пределами родины большую роль играли репрессии на уровне геноцида, которые в свое время затронули практически каждую казачью семью. Память об этих репрессиях, с одной стороны, пробуждала ненависть к советской власти, с другой – заставляла именно казаков наиболее сильно опасаться новой волны подобных репрессий. Хотя, как показывает анализ некоторых источников, порой опасение репрессий и ненависть к советской власти не всегда являлись единственной причиной, а лишь внешним обоснованием своего решения покинуть родину и искать лучшей жизни за рубежом. Были и такие казаки, которые принимали решение об эмиграции,

¹ Рвачева О.В. Роль памяти в казачьем возрождении конца XX – начала XXI в. // Российское казачество: история, проблемы возрождения и перспективы развития. Краснодар, 2012. С. 84.

исходя из солидарности с родными и близкими, не имея других убедительных обоснований подобного шага.

Говоря о репатриации, отметим, что большинство советских граждан все-таки были возвращены домой. Многие из них вернулись вполне добровольно. Интуитивно-логический метод позволяет предположить, что среди казаков процент добровольно возвратившихся был крайне низок. В значительной степени это связано с тем, что большая часть второй волны эмиграции казачества состояла из тех, кто изначально был настроен на оставление родины и отступал вместе с германскими войсками. Подтверждением этого является и выдача казаков в районе Лиенца, которая носила явно принудительный характер. О принудительности этой выдачи и нежелании возвращаться в СССР свидетельствуют как воспоминания очевидцев тех событий¹, так и официальные документы британского военного командования, осуществлявшего данную выдачу².

Анализ целей, преследовавшихся советским правительством, в рамках проводимой репатриации, а также методов ее проведения, позволяет понять, каким образом и почему часть советских граждан, в том числе и казаков, оказавшись за границей, предпочли и смогли остаться за рубежом.

Вопрос о репатриации прорабатывался советским руководством уже как минимум в 1944 г. В октябре 1944 г. было создано управление Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации граждан СССР из Германии и оккупированных ею стран. Возглавил его уполномоченный СНК СССР по делам репатриации генерал-полковник Ф.И. Голиков, который до войны занимал должность начальника Главного разведывательного управления РККА. Созданный аппарат по вопросам репатриации включал в себя как репатриационные миссии СССР на территории других государств, так и целую сеть различных сборно-пересыльных и проверочно-

¹ ЛА Р. Интервью с А.М. Певневым. 27.07.2010, г. Фарминдейл (шт. Нью-Джерси, США).

² TNA. F.26. WO. Folder 170.4388. Message from Main 78 Div to Main 5 Corps. 302330B, 312230B. P. 49–50.

фильтрационных пунктов и лагерей, которых только за пределами СССР было около 200.

11 ноября 1944 г. Ф.И. Голиков дал интервью корреспонденту ТАСС, в котором назвал слухи о репрессиях против репатриантов «чудовищной ложью» и «нелепостями». В интервью говорилось о том, что даже те советские граждане, которые явно сотрудничали с врагом будут реабилитированы в том случае, «если они станут честно выполнять свой долг по возвращении на Родину»¹. Из этого интервью видно, что уже в 1944 г. советское правительство пыталось создать максимально благоприятные (с точки зрения агитации и пропаганды) условия для репатриации своих граждан. Оно также показывает большую заинтересованность советского руководства в репатриации.

Анализируя причины проводимой СССР репатриации, следует признать, что одновременно существовало несколько побудительных мотивов для принятия и проведения в жизнь подобного решения советским руководством. Принимая бывших сограждан, в том числе тех, кто покинул СССР еще после революции и Гражданской войны, советское правительство показывало всему миру, что, с одной стороны, оно готово простить бывших врагов советской власти, а с другой – бывшие враги признали ее успехи, достижения и, в конечном счете, оправданность. Тем самым повышался авторитет Советского Союза на международной арене, неизмеримо выросший в результате победы над Третьим рейхом и его сателлитами. Однако то, что репатриация зачастую принимала насильственный характер и еще некоторое время после окончания Второй мировой войны представители НКВД и СМЕРШа рыскали по Европе в поисках бывших советских граждан, наталкивает на мысль о попытках Сталина обезопасить себя от использования западными государствами значительной части антисоветски настроенных людей в идеологической, а возможно и в вооруженной борьбе

¹ Цит. по: Полян П.М. Указ. соч. С. 338.

против СССР. Так, на совещании в НКВД в апреле 1945 г. Л.П. Берия, говоря о советских военнопленных, а также о тех, кто покинул вынуждено или добровольно страну, обращал внимание присутствующих на то, что «каждый из них, оставшись в руках противников СССР, может принести больше вреда, чем тысячи вредителей внутри страны»¹.

Практически никто из исследователей не выделяет еще одного побудительного мотива по организации репатриации, который заключался в острой необходимости послевоенного Советского Союза в рабочих руках. На наш взгляд, данная точка зрения также имеет право на существование, хотя, в любом случае, это не было основным мотивом при принятии и реализации решения о репатриации. Несомненным было то, что советское руководство стремилось вернуть на родину как можно больше своих граждан и эмигрантов и сделать это в кратчайшие сроки.

Во время Ялтинской (Крымской) конференции 11 февраля 1945 г. были заключены советско-американское и советско-английское соглашения о взаимной репатриации граждан данных государств². Интересно, что генерал Ш. де Голль ещё в 1944 г. подписал в Москве согласие на обязательную репатриацию всех советских граждан. В мае 1945 г. в г. Галле (Саксония, Германия) союзники повторно подписали документ о репатриации³. При этом в ходе переговоров в Галле союзники сделали попытку о принятии принципа добровольности в отношении репатриантов⁴. Но данная попытка провалилась. Выделяют несколько причин подобного провала. Во-первых, жесткая позиция руководства СССР по этому вопросу. Во-вторых, заинтересованность союзников (в первую очередь, американцев) в советской помощи в войне с Японией. В-третьих, опасения союзников, что СССР могут

¹ Цит. по: Ульянкина Т.К. «Дикая историческая полоса...». Судьбы российской научной эмиграции в Европе (1940–1950). М., 2010. С. 33.

² Земсков В.Н. «Вторая эмиграция» ... С. 64.

³ Синкевич В. Вторая волна русской эмиграции // Новый журнал (Нью-Йорк), 2012. Кн. 267. С. 310.

⁴ Земсков В.Н. Рождение «второй эмиграции» 1944–1952 // Социологические исследования. 1991. № 4. С. 6.

в противном случае не отпустить их военнопленных, освобожденных советскими войсками¹. В то же время в ответе на запрос коменданта репатриационного лагеря Ганакер о том, кто подлежит репатриации, Главное военное управление оккупационной армии США 31 мая 1945 г. сообщило, что репатриантами являются только те лица, которые изъявили желание вернуться на родину. При этом было пояснено, что принудительная репатриация не допустима². Отметим, что в указаниях британского военного командования от 21 мая 1945 г. казачьи военные формирования относились к советским гражданам, а командирам частей предлагалось руководствоваться следующим:

«а) Любое лицо, находящееся в наших руках, которое на момент присоединения к германским силам или присоединившееся к подразделению, ведущему боевые действия совместно с германскими войсками, жившее на момент 1938 г. на территории (в границах) СССР, считается советским гражданином с целью его передачи.

в) Любое лицо, несмотря на русское происхождение, которое до вступления в германские войска не проживало в СССР с 1930 г., не считается советским гражданином до поступления иных указаний.

с) В случае любых сомнений любое лицо считается советским гражданином» (пер. с англ. – О.Р.)³.

26 июня 1945 г. было заключено советско-французское соглашение о репатриации граждан⁴.

Несмотря на заключенные соглашения, обязательность репатриации не распространялась американцами и англичанами на жителей западных территорий СССР, которые до 1 сентября 1939 г. не входили в его состав, а

¹ Синкевич В. Указ. соч. С. 310–311.

² ГАКК. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 42. Л. 62; Кузнецов Б.М. В угоду Сталину. Годы 1945–1946. Ч. I. Нью-Йорк, С. 62.

³ TNA. F.26. WO. Folder 170.4241. Definition of Russian Nationals. № 405/g. 21 May 1945.

⁴ Земсков В.Н. «Вторая эмиграция» ... С. 64.

также на представителей белой эмиграции. Это породило среди перемещенных лиц вынужденное биографическое мифотворчество и производство в значительных масштабах подложных документов¹. И.В. Халафова вспоминала, что менялось все: имена, документы, биографии². В архивных материалах встречается множество документов, из которых видно, как, в частности, казаки пытались выдать себя за поляков, литовцев, украинцев из западных областей Украины, а также за представителей белой эмиграции, ставших гражданами Югославии, Болгарии, Чехословакии.

Желание вернуть как можно больше граждан на родину по указанным выше причинам объясняет и стремление советского руководства приравнять к военным преступникам всех тех, кто в той или иной форме сотрудничал с врагом. Видя, что значительное число граждан не желает возвращаться на родину (некоторые из них не попадали под соглашения, заключенные в ходе Ялтинской конференции), советским представителем в ООН в феврале 1946 г. был внесен проект резолюции, в котором коллаборационисты фактически приравнивались к военным преступникам и не должны были пользоваться покровительством ООН³. В договорах, заключенных СССР с Болгарией, Венгрией, Италией, Румынией и Финляндией было также указано о необходимости выдачи коллаборационистов⁴.

Советское руководство делало попытки склонить мнение мировой общественности в сторону необходимости и обязательности репатриации перемещенных лиц. На протяжении 1946–1947 гг. официальные представители СССР неоднократно выступали с обвинениями в адрес западных держав в умышленном затягивании репатриации и укрывательстве лиц, которые, по мнению советского правительства, подлежали выдаче⁵. Так,

¹ Синкевич В. Указ. соч. С. 316.

² Цит. по: Каневская Г.И. «Мы еще мечтаем о России...» ... С. 89.

³ Внешняя политика Советского Союза. 1946 год. Документы и материалы. М., 1952. С. 226.

⁴ Внешняя политика Советского Союза. 1947 год. Документы и материалы. М., 1952. Ч. 1. С. 85, 211, 253, 292, 331.

⁵ Там же. С. 408; Ч. 2. С. 166.

15 декабря 1946 г., выступая на заседании Генеральной Ассамблеи ООН в качестве постоянного представителя СССР, А.А. Громыко обращал внимание на то, что дальнейшее переселение перемещенных лиц, во-первых, дает возможность военным преступникам и коллаборационистам избежать наказания, а, во-вторых, является негуманным в связи с тем, что обрекает беженцев на тяжелое существование вдали от родины¹. Интересно, что желание вернуть как можно больше людей приводило к таким, несколько противоречивым заявлениям: с одной стороны, забота о беженцах, с другой – желание наказать тех, кто сотрудничал с врагом (а ведь порой это были одни и те же лица). Но, несмотря на принятую в ноябре 1947 г. резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН, в которой в качестве главной задачи признавалась необходимость скорейшего возвращения перемещенных лиц на родину, в страны их происхождения, кардинальных перемен в данном вопросе не произошло². Тем более в мире все сильнее и сильнее разгоралось «холодное» противостояние СССР и США.

В ходе первых месяцев репатриации СССР были выданы и некоторые эмигранты первой волны, включая их детей, которые не являлись гражданами СССР и, следовательно, не подпадали под действие упомянутых соглашений и договоров. Значительный процент среди них составляли казаки. Большое количество казаков было выдано во время передачи СССР лиц, входящих в состав Казачьего стана и 15-го казачьего кавалерийского корпуса в конце мая – начале июня 1945 г. Всего за это время советским властям союзники выдали 41 тыс. казаков и членов их семей. Еще около 4 тыс. остались в распоряжении британского военного командования и впоследствии были размещены вне сферы советского влияния³. Анализ

¹ Брюханов А.И. Вот как это было: О работе миссии по репатриации советских граждан: воспоминания советского офицера. М., 1958. С. 127–128.

² Земсков В.Н. «Вторая эмиграция» ... С. 76.

³ Кудряшов С. Указ. соч. С. 35.

документов 5-го британского корпуса показывает, что только через Юденбург прошли около 35 тыс. казаков выданных советским властям¹.

Данные событий освещены довольно подробно во многих исторических исследованиях и документальных источниках того времени. В то же время как в исследованиях, так и в источниках, на которых они базируются, существуют значительные расхождения и в трактовке событий, и в анализируемых фактах. Яркий пример – выдача казаков в Лиенце английским военным командованием советским военным властям. На наш взгляд, в материалах, собранных и опубликованных после Второй мировой войны В.Г. Науменко, посвященных выдаче казаков советским войскам, содержится некоторое преувеличение жестокости британских войск и случаев самоубийств со стороны казаков в ходе выдачи. Хотя данные британских архивов подтверждают и факты объявления голодовки казаками, протестующими против возвращения в СССР под лозунгами «Лучше голод и смерть, чем возвращение в СССР», и факты самоубийств и побегов, и факты применения силы со стороны британских воинских частей².

Скорая выдача англичанами казаков была отчасти обусловлена тем, что союзники опасались вооруженного конфликта в данном регионе в связи с настойчивыми требованиями Б. Тито (поддержанными И. Сталиным) своей доли в оккупации Австрии и сопровождавшими их угрозами. Союзники явно не хотели, чтобы в случае конфликта в этом регионе размещались большие контингенты еще боеспособных соединений³. Во время обсуждения вопроса о передаче казаков советскому командованию английская сторона заявила о том, что нет «никакого смысла в содержании такого количества советских граждан, которые, несомненно, представляют источник разногласий между

¹ TNA. F.26. WO. Folder 170.4241. 5 Corps G. May–Jun 45.

² Ibid. Folder 170.4388. Message from Main 78 Div to Main 5 Corps. 302330B, 312230B. P. 49–50.

³ Кудряшов С. Указ. соч. С. 35.

Советами и нами» (пер. с англ. – О.Р.)¹. Немецкий историк А. Каппелер считает, что англичане руководствовались реальной политикой. С одной стороны, они сами были заинтересованы, чтобы избавиться от казаков, считая многих из них военными преступниками. С другой стороны, они опасались, что советские власти задержат у себя британских военнопленных, освобожденных советскими войсками². Поэтому англичане довольно быстро приняли решение о передаче СССР большинства казаков, входивших в состав Казачьего стана и 15-го кавалерийского корпуса СС. При этом быстрота передачи обусловила тот факт, что были переданы не только бывшие советские граждане, но и представители белой эмиграции. Более того, были переданы и некоторые казаки, имевшие к тому времени гражданство Германии, Югославии, Болгарии и других государств. Так, в лагере МВД № 525 находился как военный преступник представитель белой эмиграции, служивший с 1944 г. в казачьих частях вермахта³. И подобных казаков-белоэмигрантов было выдано значительное количество.

В то же время британцами было принято решение не передавать солдат и офицеров, входящих в 1-ю Украинскую дивизию и Русский охранный корпус⁴, в которых также было некоторое количество представителей казачества. Почти два года казаки Русского охранного корпуса просидели в британском лагере и впоследствии переехали в другие государства, преимущественно в Аргентину, Австралию и Канаду⁵. Командир корпуса полковник А.И. Рогожин объяснял отношение англичан тем, что они оценили чистоту и возвышенность побуждений эмигрантов, входивших в состав

¹ TNA. F.26. WO. Folder 170.4241. Message from Main 5 Corps for Main 8 Army. 140015B.

² Каппелер А. Казачество. История и легенды. Ростов н/Д, 2014. С. 67.

³ Маркдорф Н.М. О физическом состоянии и трудовом использовании казаков-эмигрантов и власовцев в лагерях НКВД-МВД СССР Западной Сибири (1945–1955 годы) // Сибирское казачество: история и современность: сб. науч. ст. Омск, 2011. С. 194.

⁴ TNA. F.26. WO. Folder 170.4241. Definition of Russian Nationals. № 405/g. 21 May 1945.

⁵ Кудряшов С. Указ. соч. С. 34.

Русского корпуса, в их патриотической борьбе¹. В приказе № 129 по Русскому корпусу от 1 ноября 1945 г. А.И. Рогожин объявил об учреждении Союза бывших чинов «Белого Русского Корпуса в Сербии»². Учитывая, что в Русском корпусе было довольно много представителей казачества, казаки впоследствии поддерживали довольно тесную связь с данным объединением. Этому способствовало и то обстоятельство, что председатель Союза бывших чинов Русского корпуса А.И. Рогожин сам был терским казаком, родившимся в семье казачьего офицера ст-цы Червленной Терской области³. Кроме того, будущие атаманы ККВ за границей войсковой старшина Б.И. Ткачев и полковник В.И. Третьяков состояли в годы войны в рядах Русского охранного корпуса⁴.

Некоторым казакам удалось избежать выдачи в силу разных причин. Кто-то незаметно сумел уйти из лагеря. Так спаслись многие подростки, например, будущий атаман Кубанского казачьего войска за рубежом А.М. Певнев⁵. Некоторых спасли местные жители. Иногда помощь оказывали и солдаты союзнических армий, например, помощника и заместителя начальника казачьего резерва Г.В. Иноземцева спас французский офицер, когда узнал на допросе, что тот служил во время Первой мировой войны в армии генерала А.В. Самсонова, которая своими действиями косвенно способствовала срыву наступления германских войск во Франции. Впоследствии Г.В. Иноземцев возглавил центральное правление содружества «Лиенц» при Казачьем союзе во Франции⁶. Одного из донских казаков спас лично комендант Лиенца⁷.

¹ Русский корпус / сост. Д. Вертепов. Нью-Йорк, 1960. С. 95.

² Там же.

³ Русский корпус на Балканах (1941–1945): сб. воспоминаний и документов / под ред. Н.Н. Протопопова, И.Б. Иванова. СПб., 1999. С. 428.

⁴ ГАКК. Коллекция документов ККВ за рубежом. Пер. 1. Кор. 10. Ед. хр. 112. В ограждение от клеветы и в защиту доброго имени полковника Третьякова. 22.06.1966.

⁵ ЛА Р. Интервью с А.М. Певневым. 27.07.2010, г. Фарминдейл (шт. Нью-Джерси, США).

⁶ ГАКК. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 15. Л. 32–32 об.

⁷ Там же. Л. 35.

Случаи насильственной выдачи имели место не только на Западе, но и на Востоке, в Китае. Репатриацию казаков из Китая и Кореи обеспечивали органы военной контрразведки и репатриации. Подразделения СМЕРШ в ходе Маньчжурской стратегической операции и вплоть до конца 1945 г. производили массовые аресты среди эмигрантов из России (СССР)¹. Отдельную группу арестованных составляли казаки². В то же время согласимся с А.В. Антошиным в том, что «не следует преувеличивать насильственный характер репатриации представителей российской диаспоры в Китае»³. Действительно большая часть российских эмигрантов, среди них также были и представители казачества, вернулись в СССР добровольно. Добровольному возвращению на родину способствовали отчасти особенность советской политики в отношении репатриации российских граждан из Китая, а также позиция, занятая китайским руководством. Учитывая, что Чан Кайши не собирался выдавать российских эмигрантов помимо их воли, в октябре 1945 г. Президиумом Верховного Совета СССР был принят указ, согласно которому всем эмигрантам, жившим в Китае, давалась возможность беспрепятственного возвращения на родину⁴. Этим указом не преминули воспользоваться многие эмигранты, особенно, когда в значительной степени ухудшилось их социально-экономическое положение в стране. Добровольная репатриация проводилась преимущественно силами МИД СССР. Советские консульские учреждения в Китае проводили активную кампанию по советизации бывших белоэмигрантов, в том числе и казаков. В скором времени данная кампания дала свои плоды, и еще несколько тысяч бывших российских эмигрантов вернулись в СССР. Помимо

¹ Аблажей Н.Н. С востока на восток ... С. 153.

² Черникова Л.П. Депортация из Китая русских эмигрантов в послевоенные годы (1945–1946): неизвестные архивные документы // Общество и государство в Китае. М., 2016. Т. 46. № 20-1. С. 705.

³ Антошин А.В. На фронтах второй мировой ... С. 73.

⁴ Охендушко С.С. Русское зарубежье в 1920–1953 гг. Тула, 2008. С. 115–116.

официальной репатриации были и случаи нелегального возвращения на родину¹.

Возвращению на родину способствовали и указы Верховного Совета СССР от 10 ноября 1945 г. и 20 января 1946 г. о предоставлении советского гражданства эмигрантам первой волны². Так, только в Китае на 30 октября 1946 г. было подано более 155 тыс. заявлений о приеме и восстановлении в гражданстве СССР. Хотя, представляется, что, в силу указанных выше причин, среди казаков тех, кто воспользовался данными указами, было небольшое количество лиц. Кроме того, многие из тех, кто написал заявление о приеме в советское гражданство, сделали это преимущественно с целью избежать репрессий со стороны советских военных властей. Свидетельством этого является тот факт, что большинство вновь принятых советских граждан не спешили возвращаться в СССР. Это понимали и советские власти, отмечавшие, что среди них были в том числе и «махровые белогвардейцы»³, с которыми предстоит «большая и длительная культурно-просветительная работа... для превращения их в сознательных граждан СССР»⁴.

С началом холодной войны союзники постепенно подменяют принцип обязательности принципом добровольности и для выходцев из так называемых восточных областей, в первую очередь – коллаборационистов⁵. Весной 1946 г. начальник штаба (главнокомандующий) сухопутных войск США генерал Д. Эйзенхауэр издал приказ о прекращении насильственной репатриации перемещенных лиц⁶. По данным Т.К. Ульяновской, Д. Эйзенхауэр негласно распорядился временно приостановить

¹ Аблажей Н.Н. С востока на восток ... С. 154.

² Эмиграция и репатриация в России. С. 211.

³ АВП РФ. Ф. 308. Оп. 1. Папка 8. Д. 55. Л. 12.

⁴ Там же. Ф. 100. Оп. 34. Папка 132. Д. 48. Л. 60.

⁵ Земсков В.Н. «Вторая эмиграция» ... С. 64–65.

⁶ Меняйленко М.К. Указ. соч. С. 97.

принудительную выдачу лиц, не желавших возвращаться в СССР еще 4 сентября 1945 г.¹

21 декабря 1945 г. вышла «Директива Мак-Нарни – Кларка». Она была принята Государственным координационным военно-морским комитетом США и передана для исполнения главнокомандующим американскими войсками в Германии и Австрии – Д.Т. Мак-Нарни и М.В. Кларку. В соответствии с этой директивой репатриации подлежали: лица, взятые в плен в германской военной форме, дезертиры из Красной армии и лица, добровольно оказывавшие помощь и поддержку врагу, при предоставлении убедительных доказательств их вины. Остальные ди-пи – перемещенные лица (displaced persons) должны были поощряться к репатриации, но без применения силы, угрозы или принуждения. Одновременно приказывалось всячески препятствовать любой пропаганде, направленной против репатриации².

Все большее обострение отношений между СССР и западными государствами, переход их в стадию холодной войны явились одной из причин свертывания репатриации советских граждан. Этому же способствовало и возрастающее давление общественности западных государств, в том числе и российских иммигрантов. Так, в 1947 г. было аннулировано советско-французское соглашение о взаимной репатриации, а французское правительство ликвидировало репатриационные лагеря для советских граждан³. В августе 1951 г. американские и британские власти запретили в своих зонах деятельность советских миссий по репатриации⁴.

Наиболее полно провести обязательную репатриацию перемещенных лиц советское правительство смогло из тех государств, где стояли советские

¹ Ульяновкина Т.К. «Дикая историческая полоса...». Судьбы российской научной эмиграции в Европе (1940–1950). М., 2010. С. 44.

² Полян П.М. Указ. соч. С. 422–423.

³ Антошин А.В. Российские эмигранты ... С. 44.

⁴ Шевяков А.А. «Тайны» послевоенной репатриации // Социологические исследования. 1993. № 8. С. 10.

войска. Под давлением СССР правительствами Венгрии, Польши, Румынии и Чехословакии были изданы специальные распоряжения, согласно которым местные органы власти обязывались оказывать содействие представителям СССР в выявлении и возвращении советских граждан, незаконно проживающих в этих государствах. В силу такого отношения репатриация в данных государствах проходила наиболее успешно¹.

В Югославии большинство российских эмигрантов, получивших ранее югославское гражданство, были его лишены. В июне 1945 г. все русские, проживавшие в стране, должны были подать заявления о получении особых «временных удостоверений». Многие из них впоследствии принуждены были получить советские паспорта и выехать в СССР².

В то же время в плане численности значительное число репатрируемых граждан возвращались из районов, контролируемых союзниками. Из так называемых зон действий английских и американских войск к весне 1946 г. было репатрировано около 2 млн 300 тыс. чел., заявленных как советские граждане, из них менее 1 млн военнопленных, остальные – гражданские лица³. Военными властями было выдано 564 170 чел. (англичанами), 342 500 чел. (американцами) и 200 чел. (французами)⁴.

Как верно отметил В.А. Перцев, проведение репатриации зависело как от политической и социально-экономической обстановки внутри СССР, так и от отношения к нему других государств⁵.

Отметим, что многие репатрируемые возвращались на родину добровольно. При этом среди добровольных репатриантов были и представители первой послереволюционной волны эмиграции. Так, к 1952 г. в СССР вернулись около 4,5 млн советских граждан и более 430 тыс. чел.,

¹ Земсков В.Н. Рождение «второй эмиграции» ... С. 19.

² Косик В. Столица одиночества. Русские изгнанники в Югославской столице // Родина. 2006. № 4. С. 85.

³ Антропов О.К. Указ. соч. С. 276.

⁴ Синкевич В. Указ. соч. С. 312.

⁵ Перцев В.А. Указ. соч. С. 43.

ранее не являвшихся гражданами СССР (в основном – представителей первой волны эмиграции из Советской России)¹. Однако основная масса советских граждан были репатриированы в первый год после окончания войны. В.Н. Земсков отмечает, что до 1 марта 1946 г. было возвращено в СССР 4,2 млн чел. Около 105 тыс. чел. были репатриированы с 1 марта 1946 г. по 1 января 1952 г.² В последующие несколько лет в СССР вернулись еще около 20 тыс. бывших советских граждан, преимущественно через образованный весной 1955 г. комитет «За возвращение на Родину»³.

Возвращались в СССР и казаки, проживавшие в государствах Южной Америки. Так, часть бывших российских эмигрантов вернулась в 1950-х гг. из Аргентины. При этом их отъезд сопровождался митингами и плакатами, враждебными СССР⁴.

В Китае советская группа по репатриации граждан, занимавшаяся преимущественно возвращением эмигрантов 1920-х гг., действовала с июля до конца декабря 1947 г.⁵

Для стимулирования возвращения эмигрантов первой волны были изданы несколько Указов Президиума Верховного Совета СССР о предоставлении им советского гражданства. Эти указы касались лиц, проживавших на территории Франции, Болгарии, Югославии (указы от 14 июня 1946 г.), Чехословакии (указ от 5 октября 1946 г.) и Бельгии (указ от 28 мая 1947 г.)⁶. Подобные меры также способствовали возвращению на родину бывших эмигрантов. Учитывая, что действие данных указов было ограничено по времени несколькими месяцами, эмигранты, впоследствии могли попробовать получить гражданство СССР на общих основаниях.

¹ Антошин А.В. Российские эмигранты ... С. 50.

² Земсков В.Н. Репатриация и вторая волна эмиграции ... С. 111.

³ Полоскова Т.В. Судьбы перемещенных лиц // Дипломатический вестник. 1996. № 10. С. 78.

⁴ НИОР РГБ. Ф. 587. Картон 5. Д. 32. Л. 4.

⁵ Полян П.М. Указ. соч. С. 381.

⁶ Галас М. Еду я на родину... Советская репатриация и ее государственно-правовое регулирование // Родина. 2008. № 6. С. 98.

Однако среди казаков, принявших советское гражданство и вернувшихся на родину, таких лиц было крайне мало. Хотя и в 1950-е гг. некоторые казаки еще продолжали возвращаться домой в СССР (добровольно).

Отметим массовый вывоз советских граждан (в числе которых были и казаки) из Китая в середине 1950-х гг. В 1954 г. из Китая в СССР было вывезено около 30 тыс. чел., а в 1955 г. – более 87 тыс. чел. Почти все они были направлены в районы освоения целинных и залежных земель¹. При этом советское правительство аргументировало данное возвращение желанием самих эмигрантов. Так, консул СССР в г. Алтае В. Кавалеров в своем письме заведующему Дальневосточным отделом МИД СССР Н.Т. Федоренко обращал внимание на недопустимость ссылок на потребность в рабочих руках, так как это «может создать у местных советских граждан неправильное представление о целях репатриации советских граждан в районы освоения целинных и залежных земель»².

Возвращались не только из государств Восточной Европы и Китая, но и из дальнего зарубежья, например, из Великобритании³. Большинство эмигрантов, принявших решение о возвращении, вернулись в первые годы после окончания Второй мировой войны. Хотя в целом процесс репатриации растянулся до конца 1960-х гг.

В середине 1960-х гг. число бывших российских и советских граждан, стремившихся вернуться на родину, резко уменьшилось и свелось практически к единицам. Это связано с тем, что, с одной стороны, закончились миграционные процессы, вызванные Второй мировой войной, с другой – окончанием оттепели и началом нового витка холодной войны⁴.

Причины, по которым российские и советские эмигранты принимали решение о возвращении на родину, были различны. Это и чувство ностальгии по родине, и моральная усталость от жизни в чужом обществе, и вера,

¹ АВП РФ. Ф. 100. Референтура по Китаю. Оп. 42. Папка 166. Д. 15. Л. 1.

² Там же. Л. 17.

³ ГАКК. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 16. Л. 30 об.

⁴ Перцев В.А. Указ. соч. С. 50.

надежда на то, что жизнь в СССР действительно изменилась в лучшую сторону, и чувство патриотизма, особенно обострившееся в годы Второй мировой войны, и др. При этом доминирование той или другой причины у казаков-эмигрантов первой волны и второй было различным.

Интересен и тот факт, что эмигранты, которые были лояльны к фашистскому режиму, также возвращались на родину и, напротив, некоторые участники движения Сопротивления предпочли остаться за рубежом.

Эмигрантами, которые находились на территории государств оккупированных союзниками СССР, занимались различные организации. Наиболее значимой из них была Администрация Объединенных Наций по оказанию помощи и восстановлению (United Nations Relief and Rehabilitation Administration), созданная еще в ноябре 1943 г. и сокращенно именуемая УНРРА (UNRRA). Т.К. Ульянкина, опираясь на сведения, почерпнутые из энциклопедии, изданной Колумбийским университетом (США), отмечает, что соглашение о создании УНРРА было подписано в Вашингтоне еще 9 декабря 1943 г.¹ П.М. Полян указывает, что УНРРА была учреждена 9 ноября 1943 г. в Вашингтоне 44 государствами, включая СССР².

Одним из объектов деятельности УНРРА являлись так называемые ди-пи. Для подтверждения статуса ди-пи «необходимо было доказать, что до 1 сентября 1939 г. допрашиваемый не был гражданином СССР, насильственно привезен в Германию на работы, не сотрудничал с нацистами и не был в частях РОА, а также доказать знание языка страны, в которой проживал»³.

В компетенцию УНРРА входили: регистрация и идентификация перемещенных лиц, их материальная поддержка, а также вопросы, связанные

¹ Ульянкина Т.К. «Дикая историческая полоса...». Судьбы российской научной эмиграции в Европе (1940–1950). М., 2010. С. 27.

² Полян П.М. Указ. соч. С. 374.

³ Родионова Н.А. Жизнь лагеря для перемещенных лиц Менхегоф и судьба его обитателей (на основе воспоминаний К.В. Болдырева, И.И. Халафовой, А.И. Жедилягиной) // Нансеновские чтения. 2009. СПб., 2010. С. 461.

с проведением репатриации. УНРРА активно сотрудничала, в том числе и с советскими властями. Предметом сотрудничества были не только репатриация советских граждан, но и помощь в восстановлении Украины и Белоруссии¹. Однако в силу целого ряда причин по инициативе США УНРРА прекращает свою деятельность летом 1947 г., а ей на смену приходит Международная организация по делам беженцев – ИРО (IRO – International Refugee Organization), учрежденная ООН. ИРО полностью должна была сосредоточиться на организации помощи ди-пи и оказании содействия их размещению в различных странах. При этом, оказывая правовую и политическую поддержку перемещенным лицам, ИРО не только организовывала их перевозку в различные государства, но и заботилась об их устройстве в местах переселения².

Фактически ИРО была создана, когда США и Великобритания, вступая в полосу холодной войны, начинают сворачивать свое участие в процессе репатриации советских граждан. ИРО должна была заниматься судьбой тех советских эмигрантов, которые не желали возвращаться на родину. СССР отказался войти в состав ИРО и, напротив, обвинил ее в срыве процесса репатриации, антисоветской деятельности и удовлетворении различных государств в дешевой рабочей силе³.

ИРО заключала соглашения о принятии перемещенных лиц с правительствами тех государств, которые были заинтересованы, прежде всего, в рабочей силе: Англия, Австралия, Бельгия, Канада, США, Франция, ряд государств Латинской Америки. ИРО выдавала паспорта с указанием, что их владельцы относятся к перемещенным лицам. Ди-пи предоставлялось

¹ Антошин А.В. Российские эмигранты ... С. 53.

² Ульянкина Т.К. «Дикая историческая полоса...». Судьбы российской научной эмиграции в Европе (1940–1950). М., 2010. С. 28.

³ Земсков В.Н. К вопросу о репатриации советских граждан 1944–1951 гг. // История СССР. 1990. № 4. С. 27.

право выбора страны, в которую они хотели уехать, однако конечное решение принималось властями принимающего государства¹.

Первоначально ИРО предлагала ди-пи работы на шахтах Бельгии, Франции и Эфиопии, а позже – работы (преимущественно сельскохозяйственного характера) в Австралии, Аргентине, Канаде, Парагвае, Уругвае, Бразилии и Венесуэле. Естественно основным спросом пользовались крепкие здоровые одинокие мужчины².

С 1 января 1951 г. главной организацией, занимавшейся перемещенными лицами, стало Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев. Хотя, ИРО действовала еще на протяжении почти всего 1951 г. Отметим, что СССР не подписал международную Конвенцию о статусе беженцев 1951 г., которая лежала в основе работы Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев³.

При содействии ИРО по всему миру были расселены около 150 тыс. русских и украинцев, в том числе в США – 77,4 тыс. чел. (53,4%), Австралии – 25 тыс. чел. (17,4%), Канаде – 23, 2 тыс. чел. (16%), Бразилии – 6,4 тыс. чел. (4,4%), Аргентине – 4,4 тыс. чел. (3%), других государствах – 8,4 тыс. чел. (5,8%)⁴. Отметим, что данное процентное соотношение расселения бывших советских граждан по странам в целом совпадает с процентным соотношением расселения казаков-эмигрантов. Так, наибольшая часть казаков после окончания Второй мировой войны переселилась в США, Австралию, Канаду и государства Латинской Америки (Аргентина, Бразилия, Парагвай). При этом в Австралию переселялись не только казаки, проживавшие в Китае, но и часть казаков, выехавших из Европы⁵. В Европе остались преимущественно казаки, которые к 1950-м гг. имели или получили

¹ Каневская Г.И. «Мы еще мечтаем о России...» ... С. 88.

² Меняйленко М.К. Указ. соч. С. 98.

³ Ионцев В.А. Мировые миграции. М., 1992. С. 12–13.

⁴ Каневская Г.И. «Мы еще мечтаем о России ... С. 89.

⁵ ЛА Р. Интервью с А.М. Певневым. 27.07.2010, г. Фарминдейл (шт. Нью-Джерси, США).

гражданство государств проживания. Из Китая выехали, за редким исключением, практически все представители казачества. И хотя говорить о численном распределении казаков по странам и регионам можно только лишь приблизительно, но в целом география размещения казаков за рубежом сопоставима с географией российского зарубежья в целом.

К моменту окончания деятельности ИРО на 1 января 1952 г. в западных зонах Германии и Австрии размещалось еще более 100 тыс. чел. из числа советских беженцев¹. Только в одной Баварии в 26 лагерях находилось около 26,5 тыс. беженцев². Среди них были и представители казачества. Как и все российские иммигранты (советские, а также большинство иммигрантов с нансеновскими паспортами), казаки были размещены в лагерях для перемещенных лиц.

Вторая мировая война и последующие события привели к новым масштабным миграциям казачества. Ключевым моментом в этих перемещениях было стремление большинства казаков уехать как можно дальше от сферы влияния СССР. Казаки, отступавшие вместе с германскими войсками, в большинстве своем покинули Польшу, Болгарию, Чехословакию, Югославию. Оказавшись в фильтрационных лагерях и лагерях для перемещенных лиц на территории Германии, Австрии и Италии, они стремились вырваться не только из них, но и зачастую вообще с территории Европы. Это стремление касалось как бывших советских граждан, так и эмигрантов первой волны и их потомков.

А. Копршилова довольно точно описала причины, побудившие одних эмигрантов уходить из стран проживания при приближении советских войск, а других – оставаться (хотя, ее анализ касается лиц, проживавших на территории Чехословакии, но в целом он верен и для большинства других занятых советскими войсками государств, принявших российских

¹ Земсков В.Н. Репатриация и вторая волна ... С. 111; Земсков В.Н. «Вторая эмиграция» Табл. 3.

² ГАКК. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 89-1. Л. 3 об.; Хроника // Казачий вестник. Мюнхен, 1957. № 108. С. 6.

эмигрантов). Уходили на Запад те, кто продолжал опасаться советской власти, а также те, кто имел возможность рассчитывать достаточно комфортно устроиться на новом месте (в силу родственных, дружеских или профессиональных связей). Оставались те, кто не был готов (в силу возраста, болезни, характера) начать жизнь на новом месте, а также те, кто надеялся, что с ними ничего не случится, так как они приняли гражданство стран пребывания и антисоветской политикой не занимались¹.

Были и те, кто не успел уйти. Так, 19 февраля 1945 г. из Словакии выехала большая группа российских эмигрантов, среди которых были и казаки. Следующая организованная эвакуация планировалась на 3 марта, однако она так и не состоялась, некоторые эмигранты уезжали поодиночке, а те, кто не успел уехать, стали объектом пристального внимания со стороны СМЕРШ и НКВД. Уже в феврале 1945 г. в Словакии начались аресты представителей российской эмиграции. Некоторые из арестованных были депортированы в СССР². Однако небольшое количество депортированных говорит о том, что все же многим удалось покинуть страну до прихода советских войск.

Наиболее привлекательными для иммиграции после Второй мировой войны являлись США. Переезд туда значительного числа эмигрантов был ограничен преимущественно иммиграционными законами США и регулировался различными квотами. Конгрессом США были приняты два основных закона, благодаря которым в страну прибыло значительное количество бывших российских и советских граждан. Это – Акт помощи перемещенным лицам 1948 г. и Акт помощи беженцам 1953 г. По первому закону в США въехали 31 373 российских эмигранта. По второму – 3 993³.

Не можем согласиться с утверждением некоторых советских историков, что при принятии решения о предоставлении иммиграционной визы

¹ Ульянкина Т.К. «Дикая историческая полоса...». Судьбы российской научной эмиграции в Европе (1940–1950). М., 2010. С. 140–141.

² Гарбулева Л. Указ. соч. Р. 427–428.

³ Петров В. Русские в Америке. XX век. Вашингтон, 1992. С. 20.

правительство США и американские чиновники на местах руководствовались в качестве главного таким критерием, как антикоммунизм¹. Судя по требованиям, предъявляемым к эмигрантам, основными критериями были: лояльность к американскому правительству и американской внешней и внутренней политике, а также желание и возможность работать на благо американского общества. Что касается коммунистической составляющей, то точнее было бы утверждение о том, что приверженность ей закрывала въезд в США, согласно Закону о внутренней безопасности, принятому в 1950 г.²

Джон Кеннеди (будущий президент США), являясь сенатором, был инициатором законопроекта и легализации тех иммигрантов, которые предоставили неверные сведения о себе с целью избежать депортации во исполнение Ялтинских соглашений. Данная поправка в закон дала возможность для многих российских эмигрантов легализоваться в США³.

Представителями «старой» послереволюционной эмиграции в апреле 1946 г. был создан Комитет содействия иммиграции в США⁴. Существовало много и других организаций, которые содействовали переезду в страну, среди них – и казачьи, действовавшие или самостоятельно, или в тесном контакте с другими организациями, обществами и комитетами.

Для оформления визы на въезд в США требовались письма с гарантией финансовой поддержки приглашенных и помощи в их трудоустройстве. Данные письма могли выдавать как различные организации, так и отдельные граждане (последние могли оформить не более 12 подобных гарантийных писем)⁵. Большинство казаков прибыли в США из Европы по приглашениям и гарантийным письмам таких организаций, как Русско-американский союз

¹ Шамшур О.В. «Проблема» беженцев: кому это выгодно? // США: Экономика, политика, идеология. 1985. № 2. С. 16.

² Антошин А.В. Российские эмигранты ... С. 56.

³ Синкевич В. Указ. соч. С. 321.

⁴ Антошин А.В. Российские эмигранты ... С. 57.

⁵ Меняйленко М.К. Указ. соч. С. 98.

защиты и помощи русским вне России (возглавлял князь С.С. Белосельский), Толстовский фонд, различные религиозные организации (например, Союз мировых церквей/Всемирный совет церквей – The Church World Service) и казачьи организации (например, Общеказачий центр в США). Были приглашения и от частных лиц, как казаков, обустроившихся в США еще до Второй мировой войны, так и от американских граждан-неказаков. Благодаря деятельности Толстовского фонда из послевоенной Европы удалось вывезти в США около 13 тыс. ди-пи¹. Особенно активно Толстовский фонд помогал в перевозке в США так называемых невозвращенцев. В тот период, когда правительство США и УНРРА еще придерживались практики возвращения в СССР бывших советских граждан, А.Л. Толстая писала князю С.С. Белосельскому, что организация помощи невозвращенцам из СССР должна проводиться с большой осторожностью, их необходимо проводить по документам как поляков, латышей и лиц другой национальной принадлежности². Большое значение имел закон, принятый Конгрессом США 7 августа 1953 г., в соответствии с которым беженцам достаточно было иметь поручителя в лице американского гражданина для получения визы в США³.

В то же время последнее слово при принятии решения о выдаче разрешения на въезд в США было за американским консулом, который руководствовался как объективными критериями (прежде всего, здоровьем), так и субъективными (личным восприятием лица, претендующего на получение визы)⁴.

¹ Ульяновкина Т.К. «Дикая историческая полоса...». Судьбы российской научной эмиграции в Европе (1940–1950). М., 2010. С. 15.

² Цит. по: Ульяновкина Т.К. «Дикая историческая полоса...». Судьбы российской научной эмиграции в Европе (1940–1950). М., 2010. С. 84-85.

³ Ульяновкина Т.К. «Дикая историческая полоса...». Судьбы российской научной эмиграции в Европе (1940–1950). М., 2010. С. 97.

⁴ ГАКК. Коллекция документов ККВ за рубежом. Пер. 1. Кор. 7. Ед. хр. 42. Письмо В.Г. Науменко. 9.05.1949.

Очень часто решение о переезде в ту или иную страну принималось не на основании условий пребывания в данной стране (в силу того, что иногда не было достоверной информации), а на стремлении как можно раньше и как можно дальше вырваться из Европы, подальше от влияния СССР¹. Именно поэтому большинство казаков после Второй мировой войны переселились в Австралию и государства Американского континента. Отметим также, что были и те, кто первое время после Второй мировой войны надеялись на преобразование в СССР и не хотели уезжать за океан, рассчитывая на скорое возвращение домой².

Отчасти принятию решения о переселении способствовала и иммиграционная политика того или иного государства. Так, лейбористское правительство Австралии в 1945 г. провозгласило плановую иммиграционную политику. С этой целью было создано Федеральное министерство иммиграции. Хотя предпочтение отдавалось выходцам из Великобритании и государств Северной Европы, принимались и иммигранты из других стран, в том числе и в рамках программы по переселению ди-пи. Однако последние брали на себя обязательство отработать в течение двух лет на работах, указанных австралийским правительством. Чаще всего это был низкооплачиваемый труд в тяжелых климатических условиях, связанный с освоением континента и развитием его инфраструктуры. При этом австралийским правительством предусматривалось оказание им определенной финансовой помощи³.

21 июля 1947 г. в Женеве между правительством Австралии и подготовительным комитетом ИРО было подписано соглашение о переселении в Австралию беженцев и перемещенных лиц. В соответствии с ним ИРО оплачивала проезд иммигрантов из Европы в Австралию

¹ Кромиади К. За землю, за волю. Сан-Франциско, 1980. С. 264.

² ЛА Р. Интервью с М. Сухенко. 25.07.2010, г. Винелэнд (шт. Нью-Джерси, США). Аудиозапись.

³ Леперванш М. Иммиграция в Австралию в 1947–1979 гг. // Советская этнография. 1981. № 4. С. 64–65.

(австралийское правительство доплачивало только по 10 фунтов стерлингов за каждого иммигранта). С момента прибытия иммигрантов в Австралию они получали вид на жительство и полностью переходили под ответственность австралийских властей. До получения австралийского гражданства иммигранты были под политической и юридической защитой ИРО¹. Предпочтение австралийское правительство отдавало молодежи, семьям с детьми и мужчинам работоспособного возраста. Хотя впоследствии иммигранты могли вызвать своих родственников при условии состояния их содержания².

Отдаленность от СССР и оказание финансовой помощи были крайне привлекательны для представителей как российской, так и советской эмиграции. Особенно много их переселилось в Австралию из Китая, что помимо всяких других условий определялось относительной географической близостью и налаженными путями сообщений между этими двумя странами. Так, в 1951–1961 гг. из Китая в Австралию прибыло около 7 тыс. русских иммигрантов, в том числе и казаков³. Однако в эти же годы казаки выезжали в Австралию и из Европы, преимущественно из портов Италии. Так, например, в Австралию из Италии переселилась семья нынешнего атамана Кубанского казачьего войска за рубежом А.М. Певнева⁴.

В Италии до Второй мировой войны казаков было крайне мало. Практически единицы. Только в годы войны, когда часть земли на севере Италии была отдана немцами для размещения там Казачьего стана, можно говорить о проживании на территории страны значительной части казачества. Однако это был крайне кратковременный период. После перехода казаков через Альпы на территорию Австрии в Италии опять их насчитывались единицы. В то же время Италия после войны стала

¹ Каневская Г.И. «Мы еще мечтаем о России...» ... С. 84-85.

² Там же. С. 85-86.

³ Леперванш М. Указ. соч. С. 66.

⁴ ЛА Р. Интервью с А.М. Певневым. 27.07.2010, г. Фарминдейл (шт. Нью-Джерси, США).

своеобразной перевалочной базой для многих ди-пи, в том числе и казаков. Покинув места своего первоначального проживания, они использовали порты Италии для убытия в другие государства. При этом некоторые из них проживали в стране по несколько лет вплоть до начала 1950-х гг. Во второй половине 1950-х гг. большинство казаков выехали из Италии в другие страны¹. Преимущественно они переселялись в Северную Африку, Южную Америку и Австралию. Хотя были случаи переселения казаков из других государств в Италию. Определенное количество казаков переехали в нее из Германии, Австрии, Югославии. В большинстве своем казаки использовали Италию как транзит для переезда в другие государства. В 1950 г. в Италию вместе с семьей (жена, сын и дочь) бежал из Югославии донской казак генерал-майор К.Т. Калиновский. Однако впоследствии он также выехал из страны². Наиболее долго в Италии сохранялся лагерь для перемещенных лиц под Триестом – до 1956 г. включительно³. Часть казаков из этого лагеря остались впоследствии в стране, другие – переселились преимущественно в США.

Среди государств Южной Америки, принявших казаков, отметим Бразилию, Аргентину, Парагвай и Боливию. Для части казачества, особенно из числа первой волны эмиграции, данные государства были привлекательны тем, что в них уже проживали казаки, многие из которых были объединены в станицы и хутора. Среди казаков в лагерях ди-пи была даже распространена песня «После дождичка в четверг я уезжаю в Аргентину»⁴. В целом же переезд на американский континент был обусловлен не только отдаленностью его от СССР, но и тем, что ряд американских государств испытывали нужду в рабочих руках и переезд в них был организован ИРО. Но, нуждаясь в рабочих руках, не все государства Южной Америки могли обеспечить переезд иммигрантов. Так, например, парагвайское

¹ Волков С.В. Русская военная эмиграция в Италии ... С. 150–151.

² Там же. С. 147–148.

³ Нивьер А. Указ. соч. С. 72.

⁴ ЛА Р. Интервью с М. Сухенко. 25.07.2010, г. Винелэнд (шт. Нью-Джерси, США).

правительство, не располагая достаточными средствами, всемерно поддерживало и всячески поощряло частную инициативу со стороны иммигрантов в вопросе о переезде из Европы в данную страну¹. Были и случаи перемещения казаков-эмигрантов из Латинской Америки в Европу. Так, в 1960-е гг. в Европу вернулся генерал Е.И. Балабин. Он поселился в семье своей дочери, которая проживала в Вене, где и прожил до своей смерти в 1973 г.²

В то же время после Второй мировой войны значительно возросла численность казаков в Великобритании. Отметим, что и в целом число российских иммигрантов здесь выросло к 1952 г. более чем на 100 тыс. чел.³ Основная причина подобного роста российских иммигрантов в Великобритании заключалась в том, что далеко не все из них имели возможность перебраться на другой континент (в страны Северной и Южной Америки, Австралию). Британские острова воспринимались ими как определенная защищенность от влияния советского правительства и угрозы насильственного возврата в СССР, чему способствовала и политика британского правительства. В районе Лондона в 1957 г. жили около 30 кубанских казаков⁴. И это были только те, кто объединился в станицу и заявил о себе как о казаках. Кроме того, многие казаки жили в Великобритании не только как русские, но и как украинцы, поляки, чехи и др. К тому же казаки часто проживали вне пределов крупных городов, занимаясь более привычным для них сельским хозяйством в качестве наемных работников. В середине 1950-х гг. в Великобритании действовали четыре казачьи станицы⁵.

¹ ГАКК. Коллекция документов ККВ за рубежом. Пер. 1. Кор. 10. Ед. хр. 98. Письмо В.Г. Науменко от 29.10.1948.

² Чичерюкин-Мейнгардт В.Г. Предисловие // Балабин Е.И. Далекое и близкое, старое и новое. М., 2009. С. 8.

³ Земсков В. Репатриация и вторая волна ... С. 111.

⁴ ГАКК. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 16. Л. 30об.

⁵ ГАКК. Коллекция документов ККВ за рубежом. Пер. 1. Кор. 16. Ед. хр. 203. Обращение к казакам в Англии от 15.12.1955.

Казачьи, не сумевшие выбраться из Европы, сосредоточились преимущественно в Бельгии и Франции – государствах, нуждавшихся в рабочих руках и находившихся наиболее отдаленно (из европейских государств) от советской сферы влияния. Кроме того, на своих довоенных местах остались эмигранты, принявшие гражданство данного государства и крепко осевшие в той или иной стране. В силу этого некоторые казаки остались также и в государствах, освобожденных советскими войсками – в Польше, Болгарии, Чехословакии и Югославии. Порой, покидая территории, освобожденные советскими войсками, казаки оставляли также на них свои семьи. Так, кубанский казак И.Е. Дробот, эмигрировавший в Югославию еще в 1920 г., покинул ее территорию вместе с отступающими немецкими войсками, оставив жену черногорку и троих детей, обосновавшись в Бельгии¹. Некоторые казаки остались в государствах своего пребывания просто в силу возраста и, возможно, определенной психологической усталости. Например, в Югославии остались 80-летний атаман Терского казачьего войска Г.А. Вдовенко, дальнейшая судьба которого сложилась трагично, а также атаман Астраханского казачьего войска Н.В. Ляхов².

Из Китая массовый переезд казаков в другие государства начался практически с первых же дней вступления СССР в войну с Японией. Казаки отступали на юг Китая по мере продвижения советских войск по его территории. Те, кто не успел отступить, попадали в руки СМЕРШ и НКВД или принимали советское гражданство в надежде спасти свою жизнь. В справке, составленной по отчетам консульств в Китае, сообщается, что за годы войны поступило несколько десятков просьб о предоставлении советского гражданства³. Однако большинство их не намерены были возвращаться в СССР. Образование в 1949 г. КНР и особенно принятие в 1953 г. китайским руководством официального курса «на строительство

¹ ЛА Р. Интервью с Н. Дробот. 20.05.2015, с. Придворице (Сербия). Аудиозапись.

² ГАКК. Коллекция документов ККВ за рубежом. Пер. 1. Кор. 7. Ед. хр. 42. Письмо В.Г. Науменко от 24 марта 1949 г.

³ АВП РФ. Ф. 100. Оп. 34. Папка 132. Д. 48. Л. 57.

социализма советского образца»¹ привели к массовому выезду российских иммигрантов (и в первую очередь казаков) из Китая. Большинство из них выезжали в Австралию и государства Латинской Америки. Некоторые оказались в Новой Зеландии и даже создали Общеказачью станицу в Веллингтоне². Другие использовали данные страны как транзит для переезда в США и Канаду. При этом конечный пункт прибытия определялся чаще всего наличием родственников, а для казаков – еще и станичников, и однополчан в том или ином государстве³.

Отметим и факт возвращения за границу некоторых казаков, которые в свое время были репатриированы и отбыли наказание в тюрьмах и лагерях СССР⁴. Из наиболее знаковых фигур в этом плане было возвращение Н.Н. Краснова-младшего. Хотя, конечно, в силу целого ряда условий число таких вернувшихся было незначительным и не сильно сказалось на количественном изменении казачьего зарубежья. Главным условием для выезда за границу после отбытия наказания являлось гражданство какого-либо государства, а также соответствующий запрос данного государства. Так, Н.Н. Краснов-младший сумел выехать из СССР благодаря наличию у него югославского гражданства. Те, кто выезжал за границу, пытались в первую очередь найти своих родных и близких. Однако не всегда это удавалось. Кроме того, учитывая долгий срок пребывания в казачьих лагерях, многие узнавали, что их жены (реже мужья) создали новые семьи. Так, Н.Н. Краснов-младший в поисках жены и дочери доехал сначала до Парижа, а затем до Буэнос-Айреса. В конечном счете он узнал, что его дочь пропала в последние дни войны (или погибла, или была отправлена в СССР), а жена, не имея никаких вестей от мужа, вторично вышла замуж⁵. А.И. Медынский

¹ Песчаный Д.Г. Очерки новейшей истории стран Востока после Второй мировой войны (1945–1990-е гг.). Краснодар, 1998. С. 71.

² ГАКК. Коллекция документов ККВ за рубежом. Пер. 1. Кор. 5. Ед. хр. 12. Письмо атамана Общеказачьей станицы в г. Веллингтоне. 6.11.1966.

³ АВП РФ. Ф. 308. Оп. 1. Папка 8. Д. 55. Л. 19–21.

⁴ Клименко А. Казаки за рубежом // Международная жизнь. 1996. № 4. С. 102.

⁵ Энзина Ж. Указ. соч. С. 45–46.

(начальник юнкерского училища в Казачьем стане) после выдачи в Лиенце пробыл в лагерях до 1955 г. Затем был определен на поселение и стал хлопотать визу на выезд во Францию, которую получил только через 6 лет, и в 1962 г. вернулся во Францию¹.

Отметим, что значительная часть казаков погибла в тюрьмах и лагерях. Кроме того, некоторые казаки в силу разных причин предпочли остаться на родине. В этом плане показателен пример М.К. Соломахина. Являясь одним из сподвижников кубанского войскового атамана В.Г. Науменко, выполняя функции начальника кубанского штаба за рубежом, он был в числе тех казачьих офицеров, которых англичане выдали советскому военному командованию. Впоследствии, отбыв наказание в лагере, М.К. Соломахин принял решение остаться на родине, в то время как его жена проживала в Парагвае, и он мог получить разрешение на выезд из СССР². Хотя, конечно, можно предположить, что решение М.К. Соломахина остаться на родине было не совсем добровольным. Вероятно, учитывая его активную деятельность за рубежом, соответствующие советские органы не могли допустить его выезд за границу. Принял решение остаться в СССР и другой кубанский казак, известный летчик В.М. Ткачев³. По сведениям В.Г. Науменко от 4 ноября 1956 г., В.М. Ткачев принял советское гражданство и настаивал на приезде к нему из Франции жены, которая, в свою очередь, напротив, ходатайствовала о его выезде во Францию. Он же сообщает о том, что М.К. Соломахин живет в родной станице Некрасовской и работает в местном совхозе пчеловодом⁴. Редактор газеты «Казачья лава» и его жена – сотрудница этой же газеты были выданы в Лиенце. Провели в лагерях более 10 лет. Затем жили в Ставрополе⁵.

¹ Медынский А.И. Воспоминания. С. 178.

² ГАКК. Коллекция документов ККВ за рубежом. Пер. 1. Кор. 7. Ед. хр. 36. Письмо В.Г. Науменко Г.Н. Хилю. 30.07.1970.

³ ГАКК. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 76-1. Некролог Ткачеву В.М.

⁴ Там же. Д. 15. Л. 157.

⁵ Бондаренко М. Путь из казаков в зеки // Новое время. 1996. № 3.

В то же время некоторым казакам, обосновавшимся после Второй мировой войны за рубежом, удавалось вызвать к себе из СССР на постоянное жительство свои семьи. Так, в 1966 г. жена и дочь есаула ККВ, представителя кубанского войскового атамана за рубежом Г. Голинского, переехали из СССР в Мексику¹.

Таким образом, Вторая мировая война и вызванные ею процессы (миграция, репатриация) не только повлияли на изменение количественного и качественного состава казачьего зарубежья, но и привели к изменению географии расселения казачества. Главным лейтмотивом при принятии решения о месте пребывания для казаков являлось наибольшая удаленность от СССР и государств, находившихся под его влиянием. Факторами, влиявшими на выбор страны пребывания, являлись: возможность переезда в данную страну (получение разрешения на въезд и возможность добраться до места назначения), гарантии получения работы, социально-экономические и политические условия, а также отношение к иммигрантам. Часть казаков в силу различных причин остались в государствах, освобожденных советскими войсками. Кроме того, некоторая часть казаков приняла решение переехать в СССР. В то время как небольшое количество казаков, оказавшихся в советских лагерях, впоследствии выехали из СССР с целью воссоединения со своими семьями.

4.2 Интеграция казаков в социально-экономическую и культурную среду принимаемых государств

Условия пребывания казаков в различных государствах после Второй мировой войны отличались. Они определялись как социально-экономической обстановкой в данных государствах и политикой их правительств, так и

¹ ГАКК. Коллекция документов ККВ за рубежом. Пер. 1. Кор. 1. Ед. хр. 1. Письмо Г. Голинского – А.В. Бублику. 17.05.1976.

положением самих казаков и их способностью адаптации к жизни в новых условиях.

Отметим и тот факт, что некоторые казаки на протяжении 5–7 лет после окончания Второй мировой войны находились в лагерях для перемещенных лиц.

Как верно заметил П.Н. Базанов, лагеря ди-пи стали местом непосредственных контактов между эмигрантами первой и второй волны¹. При этом положение беженцев в разных лагерях было различным. Так, наиболее благоприятная обстановка была в лагерях для перемещенных лиц в американской и британской зонах Германии. Здесь в значительной степени действовало самоуправление, поощряемое руководством лагерей. Была развита инфраструктура в виде библиотек, школ, различных образовательных курсов и издательств². В ряде лагерей казаки выполняли разные работы, за которые получали определенную плату³. Жили преимущественно в бараках и больших комнатах по 15–20 человек⁴.

Создание лагерей для перемещенных лиц было вызвано необходимостью положить конец неконтролируемой миграции населения по территории Германии и ее сателлитов, а также потребностью организации помощи мигрантам. Судя по документам, после проведения определенной фильтрации по выявлению нацистов и их пособников, пребывание в большинстве лагерей было добровольным. Поэтому одни казаки предпочитали гарантированный кров, пищу и работу и оставались в лагерях, другие уходили на вольные хлеба, хотя зачастую располагались рядом с лагерями и поддерживали связь с теми, кто находился в них.

¹ Базанов П.Н. Вторая волна русской эмиграции в лагерях Ди-Пи // Нансеновские чтения. 2009. СПб., 2010. С. 469.

² Ульянкина Т.И. «Дикая историческая полоса»: иммиграция русских ученых в США из послевоенной Европы // Русский Берлин: 1920–1945. М., 2006. С. 452.

³ ЛА Р. Интервью с М. Сухенко. 25.07.2010, г. Винелэнд (шт. Нью-Джерси, США).

⁴ ЛА Р. Интервью с Н.П. Сухенко. 3.09.2014, г. Винелэнд (США) – г. Краснодар (Россия).

Большинство лагерей ди-пи окормлялись русскими православными священниками, входившими в юрисдикцию РПЦЗ¹.

В ряде лагерей для перемещенных лиц были открыты и работали школы и даже гимназии, например, в Менхегофе, Мюнхене, Регенсбурге, Шляйсхайме². При этом казаки, устроившиеся относительно хорошо в других государствах оказывали посильную помощь тем, кто находился в лагерях. Так, А.И. Скрылов, получивший диплом геодезиста в 1928 г. в Югославии и переехавший затем в США, выслал для Политехнической школы лагеря в Фюссене и Шляйсхайме теодолит и учебные пособия³. 15 октября 1945 г. казаками была произведена закладка памятника на казачьем кладбище в лагере Пеггец⁴. Вообще казаки, как и другие российские и советские эмигранты, вели в лагерях довольно активную общественно-культурную жизнь. Они проводили разного рода собрания, на которых обсуждали не только сложившуюся ситуацию, но и вопросы, касающиеся исторического прошлого казачества и выбор будущего пути. На протяжении нескольких лет в лагере Шляйсгайм (недалеко от Мюнхена, Германия) издавался журнал общеказачьей станицы «На пикете». По-прежнему значительную роль в жизни казаков играла церковь⁵. Отмечали в лагерях и войсковые праздники.⁶

Казаки принимали самое активное участие в решении вопроса о дальнейшей судьбе лагерей ди-пи. Так, представители Казачьего национального центра в Германии в 1957 г. участвовали в совещании по вопросу о судьбе лагерей для перемещенных лиц, размещенных в Баварии. К

¹ Шкарковский М.В. Русская церковная эмиграция ... С. 313–314.

² Седова Е.Е. Деятельность русских учебных заведений в Европе в военное и послевоенное время // Нансеновские чтения. 2009. СПб., 2010. С. 336.

³ ГАКК. Коллекция документов ККВ за рубежом. Пер. 1. Кор. 1. Ед. хр. 1. Письмо И. Свицова – А.И. Скрылову. 24.07.1947.

⁴ ГАКК. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 15. Л. 24.

⁵ Науменко В.Г. Великое Предательство; Стрелянов (Калабухов) П.Н. Как погибли казаки. М., 2009. С. 413.

⁶ ГАКК. Коллекция документов ККВ за рубежом. Пер. 1. Кор. 10. Ед. хр. 98. Письмо В.М. Заривного В.Г. Науменко. 18.10.1948.

этому времени в Баварии оставалось еще 6 лагерей, в которых содержалось около 2 тыс. чел.¹

Сразу после войны в Германии можно было наблюдать книжный бум². Одним из солидных издательств, появившихся в 1946 г. в Байроте (Бавария), было издательство донского казака Н.Е. Парамонова. Он занимался книгоиздательством еще до революции в Ростове-на-Дону. Но, несмотря на то, что в эмиграции Н.Е. Парамонов находился с 1920 г., вновь вернуться к книгоиздательству он решил только в 1946 г., при этом печатал преимущественно классиков, издавая их типографским способом³, что для послевоенного времени было редкостью среди эмигрантских издательств.

Большинство печатных изданий ди-пи тиражировались в американской зоне⁴. И хотя некоторые издания выходили только в количестве 1–2 номеров, издательская деятельность, развернувшаяся в лагерях ди-пи, поражает. Так, в течение 1947–1951 гг. казаками издавались следующие издания: ежедневный бюллетень «Антикоммунист» (издавался Всеказачьим антикоммунистическим зарубежным объединением), «Казачья смена» (журнал для молодежи), «Казачий Союз», «Казачий вестник», «Казакия» (литературно-исторический и информационный журнал казаков-националистов), «На пикете» (информационно-бытовой журнал общеказачьей станицы). Большинство этих изданий выходили в Мюнхене – своеобразной столице эмигрантской, ди-пийской прессы⁵. Атаман ККВ за рубежом генерал В.Г. Науменко еще в лагере организовал издание информационного листа «Казак»⁶.

¹ ГАКК. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 89-1. Л. 3 об.; Хроника // Казачий Вестник. Мюнхен, 1957. № 108. С. 6.

² Полчанинов Р.В. Русский книжный «бум» в Германии в 1945–1948 гг. // Нансеновские чтения. 2009. СПб., 2010. С. 383–401.

³ Там же. С. 388.

⁴ Синкевич В. Указ. соч. С. 317.

⁵ Штейн Э. Русская печать лагерей «Ди-Пи». Antiquary, 1993. С. 118, 122.

⁶ ГАКК. Коллекция документов ККВ за рубежом. Пер. 1. Кор. 7. Ед. хр. 42. Письмо В.Г. Науменко М.А. Таратухину. 27.04.1949.

Во главе лагеря ИРО стоял офицер оккупационной администрации и комендант лагеря, назначаемый из среды ди-пи. Избирался лагерный комитет. Были созданы различные центры и курсы по обучению иностранным языкам и различным специальностям. После прекращения деятельности ИРО ее лагеря были переданы местным властям, а оставшиеся в них ди-пи жили на пособие по безработице¹.

Отметим, что с первых же дней, когда бывшие советские граждане оказались за пределами своей страны, начались их контакты с эмигрантами предыдущих волн. Характер этих контактов зачастую определялся факторами субъективного плана. Так, с одной стороны, между казаками первой волны эмиграции и казаками второй волны наблюдалось несколько настороженное отношение друг к другу, порой даже враждебное². С другой стороны, сказывалось заложенное во многих из них отношение к любому казаку, как представителю своего социума, связанного общностью исторического прошлого. Чаще всего первоначально такое отношение наблюдалось у казаков первой волны эмиграции. Это видно и из того факта, что с размещением Казачьего стана на севере Италии многие казаки первой волны эмиграции потянулись туда. Большинство из них ехали в надежде воссоединения со своими родственниками, бежавшими из СССР. И нередко такие примеры воссоединения семей действительно наблюдались. В свою очередь тяжелое положение, неясное будущее заставляли бывших советских граждан смотреть на эмигрантов первой волны как на тех, кто способен протянуть руку помощи. И в этой ситуации на первое место опять-таки выступал тезис: «казак казаку брат и товарищ».

В плане взаимоотношений эмигрантов первой и второй волн показательны наблюдения И.В. Халафовой: «...обе эти эмиграции, несмотря на то, что многое различало и разделало их, несмотря даже на стычки и конфликты, за пять лет общей сознательной борьбы и труда, в главном

¹ Полян П.М. Указ. соч. С.564–565.

² ЛА Р. Интервью с М. Сухенко. 25.07.2010, г. Винелэнд (шт. Нью-Джерси, США).

слились воедино. Одним из самых наглядных примеров этого слияния была полная взаимопомощь и сотрудничество обеих эмиграций во времена так называемых “скринингов”, в течение которых еще наивные союзники сотрудничали с СССР в вывозе бывших русских подданных, которых Советское правительство хотело вернуть на родину. В то время опасность была актуальной, и перед глазами стоял насильственный вывоз казаков из Лиенца»¹. Стремление избежать выдачи любой ценой сближало оба эмигрантских потока. Пытаясь избежать возвращения в СССР, многие новые казаки-эмигранты выдавали себя за эмигрантов первой послереволюционной волны, а своих детей – как родившихся на Западе (в Югославии, Болгарии и т.п.)². Однако, как показал опыт Лиенца, эмигранты первой волны не были также застрахованы от выдачи советским властям, как и бывшие советские граждане³. Однако позже противоречия между представителями двух волн эмиграции вновь обострились. Причин для этого было несколько, почти все они носили идеологический характер. Как вспоминает В.Г. Улитин, «трудно было нам понимать друг друга, найти общий язык для определения сущности нашего общего врага»⁴. По мнению Е.М. Макаренковой, существовавшая порой между двумя волнами эмиграции вражда и взаимное отторжение вытекали «прежде всего из различного понимания родины, которую часть эмигрантов покинула вынужденно и с горечью, а другая добровольно»⁵. В то же время отметим, что в казачьей среде данные противоречия порой сглаживались осознанием принадлежности к некоему особому социуму и общим историческим прошлым⁶, хотя и в казачьей среде наблюдалось противостояние между казаками-белоэмигрантами и советскими казаками-эмигрантами («подсоветских»).

¹ Цит. по: Каневская Г.И. «Я – бездомный ... С. 111.

² ЛА Р. Интервью с А.М. Певневым. 27.07.2010, г. Фарминдейл (шт. Нью-Джерси, США).

³ ЛА Р. Интервью с Н.В. Дубовским. 29.11.2008, г. Хауэлл (шт. Нью-Джерси, США).

⁴ Улитин В.Г. За Курганом... Очерки, статьи. Ростов н/Д, 2000. С. 107.

⁵ Макаренкова Е.М. Указ. соч. С. 242.

⁶ ЛА Р. Интервью с Н.П. Сухенко. 25.07.2010, г. Винелэнд (шт. Нью-Джерси, США).

Уход из лагерей на собственное обеспечение (желательно без всякой регистрации) был одним из способов избежать репатриации. Главная задача – дождаться прекращения репатриации. Тех, кто сумел это сделать к концу 1947 г., когда принудительные репатриации фактически прекратились, стали считать лицами, проживающими в стране по собственному волеизъявлению, другой способ – записаться во французский иностранный легион¹.

Некоторые казаки-эмигранты, боясь репатриации, не только жили вне лагерей для перемещенных лиц, но и предпочитали первое время не регистрироваться в УНРРА, несмотря на то, что в этом случае их социально-экономическое положение в большинстве своем было значительно хуже². В то же время можно было наблюдать процессы перемещения эмигрантов не только из одного лагеря в другой (проводимые чаще всего администрациями данных территорий), но и из лагерей «на вольные хлеба» и обратно.

Казаки, находившиеся как в лагерях для перемещенных лиц, так и в целом в Европе, старались выехать в государства, располагавшиеся за пределами евразийского континента. Практически везде для выезда необходимо было заключить с принимающей стороной контракт на работу. В Канаде, Австралии и государствах Латинской Америки преобладали сельскохозяйственные работы, которые в целом были привлекательны для казаков, привыкших к сельскохозяйственному труду³. Подавляющее большинство казаков (особенно эмигрантов второй волны) выезжали практически без ничего. Так, М. Сухенко вспоминала, что, когда они выезжали в США, у них с собой был сундук, в котором лежала сковородка, пара кастрюль и бурка отца⁴. Некоторое количество казаков осталось в

¹ Полян П.М. Указ. соч. С. 441, 443.

² Ульянкина Т.И. «Дикая историческая полоса»: иммиграция русских ученых в США из послевоенной Европы // Русский Берлин: 1920–1945. М., 2006. С. 428.

³ ЛА Р. Интервью с Н.П. Сухенко. 3.09.2014, г. Винелэнд (США) – г. Краснодар (Россия).

⁴ ЛА Р. Интервью с М. Сухенко. 25.07.2010, г. Винелэнд (шт. Нью-Джерси, США).

Европе, преимущественно в Германии, Бельгии, Франции и Великобритании. В целом это совпадает с географией расселения всего русского зарубежья¹.

Условия пребывания казаков в принимающих государствах определялись также влиянием на политику этих государств со стороны СССР. И в этом плане, конечно, выделяются государства, освобожденные СССР в годы Второй мировой войны, так как именно здесь влияние советского правительства было наиболее значимым, порой даже определяющим в плане политики местных правительств в отношении казаков-иммигрантов.

Практически во всех освобожденных СССР странах работали органы СМЕРШ, которые вылавливали как советских граждан, ушедших с отступающими германскими войсками, так и эмигрантов первой волны. И в большинстве случаев местные правительства либо помогали им в этом, либо как минимум не препятствовали. При этом представители СМЕРШ забирали не только эмигрантов с нансеновскими паспортами, но и тех, кто получил гражданство государств пребывания (чешское, польское, югославское, болгарское). Многие впоследствии были вывезены в СССР, где отбывали наказание в лагерях. В частности из Чехословакии был вывезен один из активных общественных деятелей казачьего зарубежья С.В. Маракуев². Наиболее активно подобная работа велась в Югославии. С мая 1945 г. после освобождения Югославии и установления коммунистического режима в стране советские военные органы начали проводить проверку и чистку среди бывших российских эмигрантов и их детей. Среди прочих категорий лиц, к которым особенно внимательно присматривались органы советской контрразведки, были и казаки. Многие из них были арестованы за участие в антисоветских объединениях и депортированы в СССР³. После того, как 8 мая в Загреб вошли части Й.Б. Тито, в городе начались расправы с теми,

¹ Дугас И.А., Черон Ф.Я. Указ. соч. С. 370.

² ЛА Р. Интервью с А.В. Капшиковой. 12.05.2015, г. Прага (Чехия).

³ Козлитин В. Русская и украинская эмиграция ... С. 390–391.

кто сотрудничал с немцами и усташами¹. При этом под каток репрессий попадали все противники коммунистического режима. Не случайно многие казаки-эмигранты пытались всяческими путями уйти из Югославии. Одни из них отступили вместе с 15-м казачьим кавалерийским корпусом в Италию, другие с частями Русского корпуса и германской армии в Австрию, третьи пытались уйти самостоятельно и как можно дальше от наступающих советских войск².

Как отмечалось выше, большинство российских эмигрантов в Югославии, получивших ранее югославское гражданство, его лишились. Впоследствии многие из них вынуждены были получить советские паспорта в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 июня 1946 г.³ После ухудшения отношений Й.Б. Тито с И.В. Сталиным некоторые казаки были высланы из страны вместе с другими российскими иммигрантами, получившими советские паспорта. Иммигрантов обвиняли в шпионаже и саботаже в пользу СССР, арестовывали и судили по обвинению в антигосударственной деятельности⁴. Интересно, что советские паспорта выдавались им только для жительства за границей и не предусматривали возвращение в СССР. Видимо советское правительство опасалось принимать подобных граждан на родине. Часть из них попала в Триест. В дальнейшем они разместились в западных государствах, вне сферы советского влияния. Часть была выслана в соседние государства, находившиеся в так называемой советской зоне – Болгарию, Венгрию, Румынию. Лишь немногим удалось остаться в Югославии. Однако судьба большинства из них была незавидна. В период конфликта между Югославией и СССР многие обрели клеймо

¹ Цит. по: Косик В.И. Русские в Хорватской православной церкви ... С. 154.

² ЛА Р. Интервью с З. Дробот. 21.05.2015, с. Придворице (Сербия).

³ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14 июня 1946 г. «О восстановлении в гражданстве СССР подданных бывшей Российской империи, а также лиц, утративших советское гражданство, проживающих на территории Югославии». URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4596.htm (дата обращения: 11.03.2017).

⁴ Козлитин В. Русская и украинская эмиграция в Югославии (1919–1945 гг.). Харьков, 1996. С. 390–391.

«советского шпиона», несмотря на то, что большинство из них были белоэмигрантами и враждебно относились ко всему советскому¹.

В целом казаков-эмигрантов в Югославии остались единицы, и они чаще всего предпочитали забыть на какое-то время о своем казачьем происхождении. Многие со временем женились на сербках, черногорках, и постепенно казачество растворилось в местном этносе². Среди оставшихся в Югославии был и бывший председатель кубанского правительства, член краевой и законодательной рад П.И. Курганский. После освобождения Югославии советскими войсками, он провел 10 месяцев в концлагере. Затем проживал в Белграде, где и умер 31 августа 1957 г.³ Его сын в 1939–1944 гг. преподавал историю и русский язык в 1-м русском кадетском корпусе в Белграде, затем в 1946–1949 гг. – русскую литературу в русской гимназии в Мюнхене⁴.

Примерно в таком же положении находились казаки и в других странах социалистического лагеря. Отличие заключалось только в том, что правительства Болгарии и Чехословакии были более лояльны к российским эмигрантам. Особенно это касалось тех из них, кто еще до Второй мировой войны принял гражданство данных государств. Отметим, что таких было относительно немного. Но после освобождения данных государств советскими войсками, казаков, принявших к этому времени чешское или болгарское гражданство, было больше, чем казаков с нансеновскими паспортами. Первоначально болгарское и чехословацкое правительство преследовало казаков, подозревавшихся в сотрудничестве с фашистским режимом. Так, имевший чешское гражданство донской казак Н.А. Келин с декабря 1945 г. по май 1946 г. был арестован. Как он сам объясняет, за

¹ Косик В. Столица одиночества ... С. 85.

² ЛА Р. Интервью с Н. Дробот. 20.05.2015, с. Придворице (Сербия).

³ Курганский Павел Иванович. URL: <http://ru.rodovid.org/wk/%D0%97%D0%B0%D0%BF%D0%B8%D1%81%D1%8C:677461> (дата обращения: 12.06.2017).

⁴ ГАКК. Коллекция документов ККВ за рубежом. Пер. 1. Кор. 6. Ед. хр. 23. Письмо В.П. Курганского редактору «Общеказачьего журнала».

публикацию трех его статей в «Казачьем вестнике», выходившем в годы Второй мировой войны¹. Кроме того, некоторые казаки (и не только казаки), получившие в годы Второй мировой войны образование в немецких образовательных учреждениях, были лишены дипломов (дипломы немецкого образца считались недействительными) и преследовались как те, кто сотрудничал с режимом Третьего рейха².

Фактически большинство казаков, избежавших выдачи и репрессий, оставшихся в Польше, Болгарии, Чехословакии, Югославии, были, лица имевшие гражданство данных государств, и практически не афишировавшие свое казачье происхождение на протяжении второй половины 1940-х – в 1980-е гг.

В июне и октябре 1946 г. Президиум Верховного Совета СССР издал указы о восстановлении в гражданстве СССР подданных бывшей Российской империи, а также лиц, утративших советское гражданство, проживающих на территории Болгарии³ и Чехословакии⁴. При этом не отменялась и возможность принятия гражданства СССР на общих основаниях.

С 1949 г. болгарское правительство оказывало помощь тем русским, проживавшим в стране, которые приняли советское гражданство. В силу тяжелого положения после Второй мировой войны многие русские эмигранты, проживавшие в Болгарии, вынужденно принимали советское гражданство. При этом те, кто не принял советское гражданство, привлекали более пристальное внимание органов госбезопасности⁵.

¹ Келин Н.А. Указ. соч. С. 122–124.

² ЛА Р. Интервью с А.В. Капшиковой. 12.05.2015, г. Прага (Чехия).

³ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14 июня 1946 г. «О восстановлении в гражданстве СССР подданных бывшей Российской империи, а также лиц, утративших советское гражданство, проживающих на территории Болгарии». URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4595.htm (дата обращения: 11.03.2017).

⁴ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 5 октября 1946 г. «О восстановлении в гражданстве СССР подданных бывшей Российской империи, а также лиц, утративших советское гражданство, проживающих на территории Чехословакии». URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4623.htm (дата обращения: 11.03.2017).

⁵ Косик В.И. Русские изгнанники в Болгарии в 1920–1950-х годах // Вестник ПСТГУ. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви. 2007. Вып. 1. С. 21.

Часть казаков, принявших советское гражданство, выехали из Чехословакии и Болгарии в СССР. Однако было много и тех, кто остался в данных государствах¹, но это не означало, что последние пытались порвать связь с родиной. Часто это выражалось в том, что, будучи гражданами других государств, казаки порой пытались получить возможность побывать в родных краях. Так, донской казак Н.А. Келин дважды был в СССР. Первый раз он начал хлопотать о поездке в Советский Союз в 1956 г. После смерти И.В. Сталина некоторым эмигрантам казалось, что ситуация на родине резко изменится. Конечно, такая поездка в значительной степени стала возможной в силу того, что Н.А. Келин был гражданином ЧСР, к тому же, по его словам, он вступил в партию. Однако, несмотря на это и на хлопоты сестры Анфисы, которая вместе с его матерью проживала в это время в СССР, добиться разрешения на выезд из ЧСР и въезд в Советский Союз оказалось нелегко. Его встреча с родными показала, что затяжная разлука, а также существование в разных социально-политических условиях в значительной степени разорвала родственные узы. Как отмечал Н.А. Келин, он был как бы в прошлом, а они – только в настоящем и совершенно не хотели вспоминать и говорить о прошлой жизни².

Тяжело пришлось казакам с советским гражданством в Чехословакии в 1968 г. Многие из них подверглись гонениям со стороны чехословацких властей и были вынуждены принять чехословацкое гражданство³.

В странах, не входивших в сферу влияния СССР, положение казаков, как и в целом российских (советских) иммигрантов, было не менее сложным, хотя и не столь опасным.

После освобождения Франции союзными войсками в стране началось острое противостояние французов, боровшихся в годы Второй мировой войны с Германией, с французами, которые в той или иной степени

¹ ЛА Р. Интервью с А.В. Капшиевой. 12.05.2015, г. Прага (Чехия).

² Келин Н.А. Указ. соч. С. 125–126.

³ ЛА Р. Интервью с А.В. Капшиевой. 12.05.2015, г. Прага (Чехия).

сотрудничали с немцами. Данное противостояние коснулось и русских иммигрантов, многие из которых в определенной мере сотрудничали с оккупационными властями в годы войны¹. Несмотря на это многие казаки, стремясь вырваться из лагерей ди-пи и не имея возможности выехать за океан, переезжали во Францию, Бельгию и Англию, так как данные государства остро нуждались в рабочих руках. Именно поэтому они часто устанавливали возрастной ценз для иммигрантов. Хотя в послевоенной неразберихе казаки меняли документы не только, чтобы скрыть свое советское происхождение, но и с целью изменить свой возраст². Чаще всего с иммигрантами заключали рабочие контракты сроком на 5–10 лет, отработка которых была обязательной.

Гибель части российских эмигрантов в годы войны, отъезд других за океан привели к разрушению сложившейся в 1920–1930-е гг. инфраструктуры российского зарубежья в Европе³. Особенно усилилась тяга казаков к отъезду из Германии после проведения в государстве денежной реформы, вызвавшей резкое ухудшение положения иммигрантов⁴.

Атаман ККВ за рубежом В.Г. Науменко прикладывал значительные усилия для того, чтобы организовать массовую перевозку казаков за океан. При этом он руководствовался, прежде всего, желанием организации компактного проживания большей части казаков⁵. И в этом плане В.Г. Науменко видел наиболее перспективную страну для поселения казаков – Парагвай⁶. Интересно, что он предпринимал попытки организовать массовую перевозку казаков не только на американский и австралийский материки, но и в Африку. Так, в 1947 г. В.Г. Науменко обратился лично к

¹ Граф Г.К. Указ. соч. С. 222.

² ЛА Р. Интервью с М. Сухенко. 25.07. 2010, г. Винелэнд (шт. Нью-Джерси, США).

³ Антошин А.В. На фронтах второй мировой ... С. 77.

⁴ Свиридов П. Общественно-политическое шарлатанство // Казакия. Мюнхен, 1949. № 12. С. 24.

⁵ ГАКК. Коллекция документов ККВ за рубежом. Пер. 1. Кор. 20. Ед. хр. 252. Письмо В.Г. Науменко – В.И. Третьякову. 5.03.1948.

⁶ Там же.

премьер-министру Южно-Африканского Союза Я.Х. Смэтсу с просьбой о приеме около 2–3 тыс. казаков с их семьями «в качестве переселенцев, желающих заняться сельскохозяйственным трудом»¹. Однако все его попытки не увенчались успехом. Тогда он решил сам выехать на место предполагаемого сбора казаков².

США одни из последних открыли свои двери перемещенным лицам. В основном это были люди, которым частные спонсоры или организации выписывали приглашения, подкрепляя их контрактами по трудоустройству. Среди них особенно большую работу по организации въезда в США проводили христианская организация протестантского толка World Church Service и Фонд А. Толстой³. С помощью этих организаций в США переехало и определенное количество казаков. Так, А.Л. Толстая отмечала, что благодаря ее фонду только в США прибыли более 22 тыс. соотечественников⁴. Кроме того, казаков приглашали их бывшие соотечественники, обосновавшиеся ранее в США и получившие гражданство, а также Общеказачий центр. Впоследствии те казаки, которые переехали в США в конце 1940-х – начале 1950-х гг. и смогли крепко встать на ноги, оказывали помощь и поддержку тем казакам, которые приехали в страну несколько позднее⁵.

Казаки из лагерей слали письма во все инстанции с просьбой оказать содействие в переезде из Европы в государства американского континента или Австралию. При этом казаки из числа старых эмигрантов (эмигрантов первой волны), сохранившие свои объединения и организации, старались и выехать также совместно. Так, офицеры кубанского гвардейского казачьего дивизиона, находящиеся в английской зоне оккупации в лагере Парш

¹ ГАКК. Коллекция документов ККВ за рубежом. Пер. 1. Кор. 20. Ед. хр. 252. Науменко – Я.Х. Смэтсу. 1947.

² Там же. Кор. 7. Ед. хр. 42. Письмо В.Г. Науменко – М.А. Таратухину. 27.04.1949.

³ Синкевич В. Указ. соч. С. 319.

⁴ ГАКК. Коллекция документов ККВ за рубежом. Пер. 1. Кор. 7. Ед. хр. 33. Обращение А.Л. Толстой. 10.04.1971.

⁵ ЛА Р. Интервью с М. Сухенко. 25.07.2010, г. Винелэнд (шт. Нью-Джерси, США).

(Австрия), ходатайствовали перед Общеказачьим центром в штате Нью-Джерси (США) об оказании помощи для переселения в США. При этом они отмечали, что не претендуют на какие-либо особые условия работы, а единственное их желание – всегда быть вместе¹. В конечном счете, атаман ККВ за рубежом В.Г. Науменко также решил переехать в США, хотя и после мучительных размышлений². Решая вопрос о выезде в США, атаман ККВ В.Г. Науменко опасался, что там будет сложно осуществлять руководство Кубанским казачьим войском в силу разных причин³.

Видя, что в США сосредоточилась основная масса казачества, и данное государство стало фактически общественно-политическим центром казачьего зарубежья, в 1958 г. из Франции в США прибыл и верховный атаман КНОД И.А. Билый⁴.

26 июня 1953 г. в Кубанской войсковой канцелярии было зарегистрировано около 600 кубанских казаков, проживавших в США. Практически больше половины их жили в Нью-Джерси (149 чел.), Калифорнии (114 чел.) и Нью-Йорке (76 чел.), остальные были разбросаны по 20 штатам США или не указали штат проживания (137 чел.)⁵. Таким образом, в США были фактически два центра пребывания казаков – Калифорния и Нью-Джерси с Нью-Йорком. Такая картина характерна и для последующих лет.

Если основу зарубежного казачества в восточной части США составляли донские и кубанские казаки, то в западной преобладали представители восточных казачьих войск России (сибиряки и забайкальцы). В значительной степени это было связано с тем, что одни эмигрировали преимущественно из Европы, а другие – из Китая. При этом, если среди донцов, кубанцев, терцев

¹ ГАКК. Коллекция документов ККВ за рубежом. Пер. 1. Кор. 11. Ед.хр. 127. Письмо А. Лекторского и П. Луговского председателю Казачьего центра. 19.09.1948.

² Там же. Кор. 7. Ед. хр. 42. Письмо В.Г. Науменко – Ф.И. Елисееву. 19.04.1949.

³ Там же.

⁴ ГАКК. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 84-8. Л. 2; Приезд в Америку Верховного атамана // Казак. Нейи-сюр-Сен (Франция), 1958. № 43. С. 3.

⁵ Там же. Д. 20. Л. 1–14.

были представители как первой волны эмиграции, так и второй, то среди восточных казачьих войск России были преимущественно эмигранты первой волны и их потомки. Наибольшее количество казаков на востоке США размещались в Нью-Джерси, а на западе – в Калифорнии (эти штаты получили неофициальное наименование русских штатов).

Казачьим центром в Калифорнии стал Сан-Франциско, в котором в 1945 г. была организована Общеказачья станица (ее организаторами выступили забайкалец И.И. Мамонтов и сибиряк Г.В. Первухин), а в 1951 г. – Общеказачий союз, объединивший 7 казачьих станиц, расположенных на западном побережье США. При этом одной из задач данной организации было не просто объединение казаков и казачек, проживающих в Сан-Франциско и его окрестностях, а объединение с целью оказания помощи казакам, находившимся в Европе и на Дальнем Востоке. В частности представители станицы сумели организовать сбор более одной тысячи гарантийных писем для получения соотечественниками въездных виз в США. Кроме того, для особо нуждавшихся собирались и денежные средства для оплаты переезда. С этой целью Общеказачья станица вошла в Федерацию благотворительных организаций Сан-Франциско¹.

Часть казаков-эмигрантов второй волны вступали в казачьи общества, созданные казаками за рубежом еще в 1920–1930-е гг. Однако некоторые казаки организовывали новые объединения чаще всего в виде тех же станиц и хуторов. Показательным является создание казачьего хутора в Глендоре (Калифорния, США). В 1950 г. около 120 казаков, прибыв из Европы, устроились недалеко от Лос-Анджелеса на плантациях, занимаясь сбором цитрусовых – работа, не требовавшая специальных знаний, однако предполагавшая некоторую сноровку и рассчитанная на крепких здоровых людей. Переездом этой группы из Европы в США занимались преимущественно церковные организации. С окончанием контракта многие

¹ Хисамутдинов А.А. По странам рассеяния... Владивосток, 2000. Ч. 2. С. 96–97.

казаки довольно быстро нашли другую работу. В большинстве это были или дети казаков первой волны, родившиеся и выросшие в эмиграции, или бывшие военнослужащие Красной армии, перешедшие на сторону немцев и оставшиеся за рубежом. Молодым казакам было проще найти работу и в плане своих физических возможностей, и в силу более легкого освоения основ разговорного английского языка. Однако почти четверть казаков были в возрасте около 50 лет. Им было сложнее найти работу и в целом адаптироваться в незнакомой, порой чуждой, среде. Казаки организовали хутор, зарегистрировав его как общество взаимопомощи. Эта форма организации не только освобождала от налогов, но и облегчала, по американскому законодательству получение кредитов и займов. Хуторяне приобрели около 8 гектаров заброшенной земли. Расчистили ее и частично использовали под кукурузу и картофель. На другой части земли был построен большой общественный дом с часовней, дома казаков, а также организован детский лагерь для детей эмигрантов из России, преимущественно казаков. В течение двух лет были проведены газ, вода, электричество, и хутор получил статус поселения. Со временем, помимо детского лагеря, казаки организовали практику для иностранных студентов, желавших совершенствовать знания русского языка и приобщиться к казачьей культуре, проживая в казачьих семьях.

Интересно, что до настоящего времени на хуторе в Глендоре имеется Казачья площадь и улица Святого Владимира, а также памятник, поставленный казаками в память о своих предках, погибших в боях или репрессированных¹. В целом история создания данного хутора является типичной для обустройства в США казаков-эмигрантов второй волны, включая организацию переезда за океан с помощью различных церковных и благотворительных организаций. Один из основателей хутора в Глендоре В.Г. Улитин (представитель казачьей эмиграции первой волны) впоследствии

¹ Улитин В.Г. Казачий хутор в Калифорнии... // За Курганом... Очерки, статьи. Ростов н/Д, 2000. С. 117–118.

получил диплом преподавателя русского языка, закончив Калифорнийский университет¹.

Отметим, что даже наличие приглашения и контракта на работу в США не являлось гарантией получения визы².

На рынке труда в послевоенной Европе и ряде государств американского континента большим спросом пользовалась преимущественно неквалифицированная дешевая рабочая сила. С одной стороны, это приводило к тому, что представители интеллигентских профессий не могли устроиться по специальности, с другой – создавало возможность найти работу всем нуждающимся. В то же время низкооплачиваемый труд занимал практически все время и все силы эмигрантов. К тому же эмигранты из России и СССР уже практически не верили в возможность своего возвращения на родину, а также в «перерождение» советского строя, поэтому они прилагали максимальные усилия для того, чтобы интегрироваться в социальную среду принимающих государств. Процесс интеграции занимал практически все время и внимание большинства российских (советских) эмигрантов, в том числе и казаков. В послевоенном мире ни казачье, ни российское зарубежье не имело такой насыщенной общественно-политической и культурной жизни, как в довоенное время.

Все казаки были настолько заняты зарабатыванием хлеба насущного, что атаман ККВ за рубежом В.Г. Науменко в 1958 г. сокрушался: «Все наши “переобременены” работой. Ведь срам – не можем найти библиотекаря! Ведь там работы немного, но и этого никто делать не желает»³.

Председатель войскового совета М.К. Кулик, проживавший в США, несмотря на пенсионный возраст, днем работал в мастерской, а после шести

¹ Улитин В.Г. Годы работы-службы // За Курганом... Очерки, статьи. Ростов н/Д, 2000. С. 156.

² ГАКК. Коллекция документов ККВ за рубежом. Пер. 1. Кор. 7. Ед. хр. 42. Письмо В.Г. Науменко. 09.05.1949.

³ ГАКК. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 15. Л. 73 об.

часов вечера и до темноты – в своем огороде и цветнике, затем вел переписку по делам Войска¹.

Представитель кубанского войскового атамана в Великобритании М.А. Таратухин так описывал в марте 1955 г. бытовые условия своей жизни: «Я перешел в магазин, работа точка ножниц, ножей, пил, столярного инструмента, нарезка ключей и ремонт замков. Поступил работать учеником, первые 4 недели получал жалованье 5 фунтов 4 шиллинга. После четырех недель получал 6 фунтов 4 шиллинга на руки. Ставка 7 фунтов в неделю. Со мною работает один человек, который учит меня, но он должен уйти. Когда уйдет, моя ставка будет 10 фунтов в неделю. Но это еще не скоро, я имею еще не достаточный опыт и сам не успеваю делать всю работу. Условия работы хорошие, в магазине тепло, светло и чисто, все механизировано. Хозяйка принимает работу, я работаю, других рабочих нет, и мой учитель приезжает на половину дня после обеда. На протяжении этого времени деньгами как раз укладываюсь, не отказывая себе ни в чем, включая театры, но и не позволяю большой роскоши»². В 1959 г. М.А. Таратухин (ему было 47 лет) женился на правнучке донского наказного атамана княжне Ирине Семеновне Святополк-Мирской, которой был 21 год. Женившись гражданским браком накануне Великого поста, супруги некоторое время жили раздельно (в разных комнатах), так как венчание согласно церковным канонам разрешалось только после Пасхи. Впоследствии у них родились четверо детей (три сына и дочь), которых с детства воспитывали в православных казачьих традициях. И.С. Таратухина пела в церковном хоре в соборе Успения Пресвятой Богородицы в Лондоне, а подростки сыновья прислуживали в алтаре. Позже двое из них стали православными священниками³.

¹ ГАКК. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 15. Л. 115.

² Там же. Д. 16. Л. 20 об.

³ Там же. Л. 50; Протоиерей Михаил Таратухин. URL: <http://www.russianchurchlondon.org/protoierej-mihail-taratuhin> (дата обращения 18.05.2016).

Однако далеко не всем повезло так, как М.А. Таратухину. Например, казак ст-цы Старокорсунской С.И. Грузин после Второй мировой войны также оказался в Англии (в годы войны он был вывезен на работы в Германию). Работая на текстильной фабрике в Йоркшире, он приобрел множество профессиональных заболеваний: бронхит, дерматит, болезнь ног и со временем стал чахнуть¹.

После Второй мировой войны казакам стало проще заключать браки внутри казачьей диаспоры, учитывая, что в годы войны за рубежом оказалось довольно много женщин из казачьих краев, а стремление создавать казачьи семьи было сильным. Так, отец Н.П. Сухенко в поисках невесты для сына специально из Канады приехал в США, в штат Нью-Джерси, где было много казаков-эмигрантов².

Несмотря на возможности, которые открывались перед иммигрантами в различных государствах, рассчитывать на успех могли преимущественно молодые казаки и их семьи. В этом плане важность личности того или иного казака в эмигрантской среде редко когда имела значение. Так, атаман ККВ за рубежом В.Г. Науменко практически большую часть своей жизни в США проработал на куриной ферме. Семья Науменко поселилась недалеко от Нью-Йорка. Шестидесятилетний бывший боевой генерал устроился работать на птицеферму при женском монастыре в полутора километрах от места проживания. В его обязанности входило содержание в порядке здания фермы, уход за птицей, сбор яиц, отопление здания (в том числе растопка и чистка печей), приготовление завтрака для рабочих птицефермы. Работа начиналась в 5 утра и продолжалась до 4 дня. За свой труд В.Г. Науменко получал 100 долл. в месяц (в 1960 г. – уже 160 долл.), продовольственный паек, комнату в одном из зданий монастыря и разрешение отлучаться с

¹ ГАКК. Коллекция документов ККВ за рубежом. Пер. 1. Кор. 1. Ед. хр. 1. Некролог памяти С.И. Грузина. 25.01.1978.

² ЛА Р. Интервью с Н.П. Сухенко. 3.09.2014, г. Винелэнд (США) – г. Краснодар (Россия).

работы по праздничным дням¹. Эти условия устраивали атамана – по вечерам он мог спокойно работать в своей комнате и даже самостоятельно готовить на ротаторе выпуски кубанского войскового журнала «Казак». Когда, вывозя тачки с куриным пометом с фермы, он надорвал спину, то очень переживал, что не сможет продолжать работу и принужден будет ее оставить².

Практически все время семья В.Г. Науменко жила вместе с ним. Первое время работали только он сам и его зять, который устроился на картонную фабрику. Дочь Наталия смогла получить относительно доходную работу только после того, как окончила курсы и освоила делопроизводство. К этому времени они все жили в четырехкомнатной квартире с кухней и ванной, за которую платили 50 дол. (половину заработка атамана на ферме)³. Определенное подспорье для В.Г. Науменко составляла публикация книг и сборников. Так, в одном из писем в сентябре 1970 г. он пишет: «Если мне удастся переработать мою книгу (“Великое предательство”. – О.Р.) и издать на английском языке, то можем поправить финансовый вопрос»⁴. В январе 1971 г. он констатирует: «Безденежье – это моя стихия за все время пребывания в эмиграции... Моим положением не огорчайся, оно для меня привычно за долгие годы эмиграции»⁵.

В то же время некоторым казакам удавалось довольно хорошо поправить свое материальное положение. Г.Н. Хиль, женатый на француженке «из бедной семьи», отмечал, что «так как я по пивным не шлялся, то мы имели две свои “хаты”. Одна здесь, а другая “дача” на берегу моря, вернее, на берегу Атлантического океана, где мы проводим несколько месяцев»⁶. Определенного благополучия достиг и его сын, получивший

¹ ГАКК. Коллекция документов ККВ за рубежом. Пер. 1. Кор. 8. Ед. хр. 67.

² Там же. Кор. 6. Ед. хр. 22; Ед. хр. 24. Письмо В.Г. Науменко – Н.Л. Киселю. 22.11.1961.

³ Там же. Кор. 7. Ед. хр. 53.

⁴ Там же. Кор. 6. Ед. хр. 20.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Кор. 7. Ед. хр. 36. Письмо Г.Н. Хилья – В.Г. Науменко. 12.08.1970.

юридическое образование и работавший в крупной французской корпорации¹.

Казачьи семьи, в которых поддерживались традиции и обычаи, сложнее встраивались в ритм принимающих обществ, но зато легче переносили все трудности и невзгоды. В основном это семьи казаков – эмигрантов первой волны. В этих семьях старики в большей степени могли рассчитывать на помощь и поддержку со стороны детей. Так, В.Г. Науменко на старости лет был окружен заботой и вниманием со стороны дочери и зятя: «Теперь я доживаю свой век в семье моей Наталочки, которая, как и ее муж, Николай Григорьевич, заботятся о моей старости, и я не одинок»². В то же время он с грустью констатирует: «Внучка как-то отбилась от дома и становится чужой»³. Внучка В.Г. Науменко вышла в начале 1970-х гг. замуж за американца и проживала в соседнем штате, в относительной близости от родителей и деда.

Большинство одиноких казаков доживали свой срок в домах для инвалидов и престарелых во Франции, Великобритании, Австрии, США. Часть этих домов содержалась за счет государства, другие – за счет пожертвований частных лиц. Например, в США в сентябре 1970 г. был открыт дом для больных и престарелых в Центре Толстовского фонда, рассчитанный почти на 100 чел. При этом для работы в нем старались подобрать персонал, говорящий на русском языке⁴. Казаки также заботились о престарелых, не имевших семей. В 1959 г. группа кубанских казаков приобрела гостиницу на берегу Атлантического океана. Войсковой атаман Б.И. Ткачев предпринял меры для устройства в ней пожилых казаков⁵. Общеказачья станица в доме для престарелых в Абодане (Франция)

¹ ЛА Р. Интервью с Н.Г. Хилем. 30.05.2016, г. Сочи (Краснодарский край, РФ).

² ГАКК. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 15. Л. 164.

³ ГАКК. Коллекция документов ККВ за рубежом. Пер. 1. Кор. 6. Д. 19.

⁴ Там же. Кор. 7. Ед. хр. 33. Обращение А. Толстой и Т. Шауфус. Октябрь 1970.

⁵ ГАКК. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 70-1. Л. 51 об.

образовала похоронную кассу для похорон и последующего содержания могил умерших¹.

Наиболее хорошо устраивались те казаки, кто владел иностранными языками или обладал востребованной специальностью. Так, Т. Смирнова (кубанская казачка, родившаяся в Югославии), знавшая четыре языка (рус., англ., фр., серб.), служила в ВМС США². Жена С.Н. Краснова Д.В. Марченко, зная хорошо испанский, французский и итальянский языки, смогла устроиться в МИД Чили переводчиком³. Жизнь ее самой, сына и брата является прекрасным примером интеграции казаков-иммигрантов в принявшее их общество. Так, К.В. Марченко после возвращения из германского плена перебрался к своей сестре в Чили. Здесь он начал свой путь с простого чернорабочего, пользуясь первоначально материальной поддержкой своей сестры. Однако впоследствии ему удалось получить хорошую профессию и работу, и уже он материально помогал своей сестре и ее семье. Для сына Д.В. Марченко – М.С. Краснова адаптация прошла еще более благоприятно, учитывая то, что он буквально младенцем оказался в Чили, и то, что его мать прекрасно владела испанским языком и смогла научить ему своего сына⁴.

Жизнь М.С. Краснова – пример адаптации к новым условиям казаков, родившихся за рубежом после Второй мировой войны. Его семья смогла дать ему хорошее образование в Чили, но при этом сохранить свои традиции и обычаи. Проживая в католической стране, общаясь преимущественно на испанском языке, М.С. Краснов был глубоко верующим православным прихожанином, хорошо знал историю России и казачества, как и его предки, казаки, выбрал военную службу⁵. Кстати, в Чили эмигрировал и К.К. Улагай, возглавлявший в годы Второй мировой войны «Мусульманский комитет по

¹ ГАКК. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 70-2. Л. 10.

² Там же. Д. 85-5. Л. 2; Казачка // Казак. Нейи-сюр-Сен (Франция), 1960. № 58. С. 3.

³ Энсина Ж. Указ. соч. С. 51.

⁴ Там же. С. 52.

⁵ Там же.

освобождению Кавказа», а также боевую группу «Северный Кавказ». В г. Сантьяго он практически до конца жизни был атаманом Общеказачьей станицы¹.

В то же время даже в смешанных семьях казаки старались, чтобы их дети и внуки знали и сохраняли русский язык. Так, Н.Л. Кисель радовался тому, что его невестка-американка пригласила «русскую даму присматривать за детьми» и «внуки – мальчик Андрюша 3 лет и Наташа 5 лет начали уже говорить по-русски»².

Особое положение сложилось в Китае. Причин такого положения было несколько. Во-первых, большую часть Маньчжурии заняли советские войска в процессе борьбы с Квантунской армией Японии и отрядами Маньчжоу-Го. А именно на территории Маньчжурии находилось значительное количество российских эмигрантов, в том числе и казаков. В отношении казаков в Маньчжурии советское командование фактически проводило политику репрессий. Часть казаков в Трехречье были расстреляны японскими войсками, часть – советскими. При этом советское командование в Хайларе запретило отпевать погибших казаков, и панихида по убитым была отслужена только после ухода советских войск из Маньчжурии в 1946 г.³ Впоследствии Маньчжурия на некоторое время была оккупирована войсками Гоминьдана и репрессиям уже подверглись те иммигранты, которые приняли советское гражданство. Это привело к тому, что часть из них потянулась в южные районы Китая, занятые войсками КПК⁴. По некоторым данным в середине 1950 г. советские войска были вновь введены в Маньчжурию и Северный Китай «для защиты Пекина и промышленных объектов на северо-

¹ Брацун Е.В. Горцы Северо-Западного Кавказа на службе России: история и генеалогия рода полковника К.К. Улагая. URL: <http://adygi.ru/index.php?newsid=12716> (дата обращения 01.08.2017).

² ГАКК. Коллекция документов ККВ за рубежом. Пер. 1. Кор. 6. Ед. хр. 24. Письмо Н.Л. Киселя – В.Г. Науменко. 27.11.1961.

³ Кротова М.В. Август 1945 г. в Маньчжурии в воспоминаниях русской эмиграции // Нансеновские чтения. 2009. СПб., 2010. С. 120.

⁴ АВП РФ. Ф. 100. Референтура по Китаю. Оп. 35. Папка 138. Д. 20. Л. 10–13.

востоке страны»¹. Победа китайских коммунистов в гражданской войне и образование Китайской Народной Республики во главе с Коммунистической партией Китая привели к значительным изменениям в сфере внутренней политики, в том числе и в плане российских иммигрантов. Фактически с этого момента можно говорить о конце Русского мира в Китае. Большинство российских эмигрантов покинули страну, не приняв коммунистический режим². В первую очередь это касалось представителей казачества. При этом зачастую основной путь казаков, бежавших от «коммунистической заразы», пролегал с севера на юг по маршруту: Мукден–Пекин–Тяньцзинь–Шанхай. Большая их часть выезжала в другие страны мира именно из Шанхая – крупнейшего порта Китая. Определенную помощь русским эмигрантам в их стремлении покинуть Китай оказывали американские консульства в Китае³.

Наиболее резко ситуация в Китае изменилась с образованием осенью 1949 г. КНР и приходом к власти коммунистов. Как отмечали русские староверы, проживавшие в Китае, «ежели бы коммунистическая власть не пришла, так бы и жили в Китае. Там нравилось всем жить. Климат хороший, земли хорошие...»⁴. Однако староверам, жившим довольно замкнуто и закрыто от окружающего их мира, было проще адаптироваться к условиям пребывания в Китае, в отличие от других групп российских эмигрантов, в том числе и казаков. Поэтому у последних было еще больше причин покинуть Китай и искать себе новое пристанище.

В целом революционные перемены в Китае 1947–1949 гг. не изменили кардинально положения казаков в этой стране. Китайцы первое время практически всех русских называли старшими братьями и не делали особой разницы между русскими из России и русскими из СССР. Такое отношение к

¹ Ахалкаци Д.С. Корейская война (1950–1953) и советско-американские отношения // Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945–1985). Новое прочтение. М., 1995. С. 198.

² Антошин А.В. На фронтах второй мировой ... С. 73.

³ Наземцева Е.Н. На дипломатическом уровне ... С. 288.

⁴ Цит. по: Дынникова И. Годы странствий. Русские староверы в Бразилии // Родина. 2013. № 10. С. 74.

российским эмигрантам сохранялось примерно до смерти Сталина и последовавшего вскоре XX съезда КПСС, но затем произошло охлаждение во взаимоотношениях между СССР и Китаем. Многие китайцы, вдохновляемые идеями Мао, стали считать изменения в СССР отходом от правильной линии. Обвинялось в этом все русскоязычное население КНР. Особенно агрессивно вела себя китайская молодежь. Изменилась и политика китайского правительства: стали закрываться русские школы и учреждения, русскоязычное население Китая увольняли с различных предприятий. Все это также стало фактором, вызвавшим оставление страны казаками вместе с другими представителями российской диаспоры в Китае. В целом согласимся с Е.Н. Наземцевой в том, что «решающую роль в причинах, приведших к исходу русских из Китая, сыграл именно политический фактор»¹. Часть российских эмигрантов приняли решение о репатриации. Этому способствовала и развернувшаяся в СССР кампания по освоению целины и политика китайского правительства, которое первоначально неохотно выдавало визы на выезд из страны в другие страны за исключением СССР. Кроме того, выезжавшие в другие государства должны были все свое имущество жертвовать китайскому правительству, в то время как возвращавшимся в СССР разрешалось его продать. К середине 1960-х гг. практически все русскоязычное население покинуло Китай². После 1965 г. немногие оставшиеся в Китае казаки стали гражданами КНР в результате централизованного оформления гражданства³.

Особенность положения казачьей эмиграции в Китае после Второй мировой войны была в том, что она не испытала прилива новых групп казаков, прибывших из СССР, как это было в Европе. Поэтому большинство

¹ Наземцева Е.Н. На дипломатическом уровне ... С. 310.

² Райан Н.В. Указ. соч. С. 119–120.

³ Чуньхэ С. Проблемы вступления в китайское гражданство русских апатридов в приграничных районах верхнего и среднего течения реки Хэйлунцзян (Амур) в 1960-е гг. // Владивосток – точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции. Владивосток, 2016. С. 279–280.

казаков в Китае были российскими эмигрантами первой волны (и их потомками). Среди тех советских граждан, которые в конце 1940-х – начале 1950-х гг. приняли решение не возвращаться в СССР, казаков практически не было.

Большинство казаков, отказавшихся от репатриации в СССР, перебрались в Австралию. Здесь, как и во многих других странах своего пребывания, казаки младшего поколения, потомки эмигрантов первой волны, многие из которых родились уже в эмиграции, сравнительно легче старшего поколения адаптировались к новым условиям. В Австралии произошла встреча казаков, прибывших из Китая, с казаками из Европы. Последние в большинстве своем представляли вторую волну казачьей эмиграции, покинувшей СССР в годы Второй мировой войны. Кроме того, в Австралии к прибытию обеих групп уже находились казаки первой волны эмиграции, обосновавшиеся здесь еще в 1920-е гг. В Австралии и Новой Зеландии в среде казаков так же можно было видеть как недоверие и вражду между двумя волнами казачьей эмиграции, так и сотрудничество их между собой.

Часть казаков из Китая переехали в страны Латинской Америки, Канаду и США (преимущественно в Калифорнию). Отметим, что атаман Кубанского казачьего войска В.Г. Науменко первоначально также планировал переехать в Австралию или какое-либо государство Южной Америки¹. Многие казаки рассматривали государства Южной Америки и Австралию как хорошую возможность не только вырваться из Европы, подальше от СССР, но и получить возможность работы на земле. Например, только на выезд в Парагвай записались более 9 тыс. чел.²

Несмотря на то, что многие казаки стремились ехать группами, порой им приходилось не только отрываться от своих станичников, но также и от своих родственников. Так, амурские казаки братья Кореневы после Второй

¹ ГАКК. Коллекция документов ККВ за рубежом. Пер. 1. Кор. 7. Ед. хр. 42. Письмо В.Г. Науменко гг. Комарову и Кутенцову. 27.04.1949.

² Там же. Ед.хр. 49. Программа собеседования с казаками станицы в Лейквуде. 29.12.1949.

мировой войны оказались на разных материках: Илья – в Сиднее (Австралия), а Василий – в Сан-Франциско (США)¹. В то же время после Второй мировой войны, как и в межвоенный период, казаки стремились воссоединиться с семьями и поселиться рядом со своими станичниками. Так, например, постепенно почти вся семья нынешнего атамана Кубанского казачьего войска за рубежом А.М. Певнева переместилась из Австралии в США. При этом они поселились в районе так называемых куриных ферм в штате Нью-Джерси, где находилось значительное количество казаков и, в первую очередь, кубанцев².

В государствах Латинской Америки к прибытию казаков после Второй мировой войны уже проживали казаки, переехавшие сюда в 1920–1930-е гг. Только в Бразилии было более 1 тыс. казаков³. Все они устроились по-разному. Так, например, генерал И.Д. Павличенко, пользовавшийся определенным уважением в бразильском обществе, многое сделавший для казаков в Перу и Бразилии, к концу жизни оказался в сложной ситуации. Два грузовика, которые принадлежали ему и приносили доход путем перевозки различных материалов, пришли в негодность. Хозяин дома, в котором семья И.Д. Павличенко снимала квартиру, отказал ему в продлении аренды. Все это привело к сердечному приступу и смерти генерала. Отметим, что и в казачьей среде, и в бразильском обществе нашлись люди, которые из уважения к И.Д. Павличенко и сочувствия к его жене и сыну, как могли, поддерживали семью. Сын был устроен в кадетский корпус на казенный счет⁴. Бывший атаман ККВ за рубежом В.Г. Науменко обратился к казакам с просьбой оказать посильную помощь семье И.Д. Павличенко, а также казаку И. Дыбову, который в качестве ординарца и помощника всегда был рядом с

¹ Пушкарев В.А. Исторические судьбы амурского казачества ... С. 156.

² ЛА Р. Интервью с А.М. Певневым. 27.07.2010, г. Фарминдейл (шт. Нью-Джерси, США).

³ ГАКК. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 82-4. Л. 2 об.

⁴ ГАКК. Коллекция документов ККВ за рубежом. Пер. 1. Кор. 6. Ед. хр. 24. Письмо В.Г. Науменко – Н.Л. Киселю. 06.10.1961 г.

генералом¹. И подобного рода оказание помощи встречалось довольно часто в казачьем сообществе.

Некоторые казаки оставили значительный след в истории принявших их государств, как, например, генерал И.Т. Беляев. Кубанский казак был не только отмечен правительством Парагвая, но и местным населением. Это, в частности, проявилось в его похоронах (И.Т. Беляев скончался в Асунсьоне в 1957 г.) и последующем отношении к его могиле².

В Латинской Америке, как на других континентах, казаки организовывались в станицы и хутора. Так, вскоре после Второй мировой войны была создана Общеказачья станица в Чили (ее возглавляли в разное время генерал Е.И. Балабин и К.К. Улагай)³. В 1951 г. в Бразилии был образован первый казачий хутор, позже преобразованный в станицу⁴.

В то же время не следует идеализировать казачье сообщество. В нем также встречались и равнодушные к проблемам ближнего, и стремление вообще оторваться, дистанцироваться от казачьей среды. Психологически чаще всего это было связано с разным пониманием процесса адаптации, а также с менталитетом конкретных представителей казачества. Одни казаки пытались всячески встроиться в жизнь принимавших их государств, дать своим детям хорошее знание иностранных языков, порой, даже за счет отрыва от родного языка и родной культуры. Другие старались всеми силами сохранить свои традиции, культуру, язык. Более того, стремились, чтобы их сыновья женились на казачках, а дочери выходили замуж за казаков. Бывший атаман ККВ за рубежом В.Г. Науменко также поощрял браки внутри казачьего сообщества⁵.

¹ ГАКК. Коллекция документов ККВ за рубежом. Пер. 1. Кор. 6. Ед. хр. 26. Обращение В. Науменко. 02.11.1961.

² НИОР РГБ. Ф. 587. Картон 3. Д. 18. Л. 5–6.

³ В далеком Чили // Казак. Нейи-сюр-Сен (Франция), 1952. № 6. С. 6.

⁴ Слюсарь Ф. Казаки в Бразилии // Казак. Нейи-сюр-Сен (Франция), 1951. № 4. С. 4.

⁵ ГАКК. Коллекция документов ККВ за рубежом. Пер. 1. Кор. 5. Ед. хр. 12. Письмо В.Г. Науменко – В.И. Бублику. 18.01.1966.

Нередко жены казаков, взятые не из казачьей среды, приобщались к казачьей культуре и казачьим традициям, в том числе принимая православную веру. О последнем, в частности, свидетельствуют многочисленные надгробия на казачьих православных кладбищах на территории США (автору лично удалось побывать на некоторых из таких кладбищ)¹.

После Второй мировой войны небольшая часть казаков оказалась в Аргентине благодаря настойчивым попыткам Б.А. Хольмстона-Смысловского устроить вместе солдат своей армии. Помощь в их переезде и размещении оказывали Русская зарубежная православная церковь и лично президент Аргентины Х.Д. Перон. В Аргентине казаки основали поселок, получивший со временем название Казачья долина. Условия жизни были очень трудные. В поселке не было даже электричества, но зато имелась земля и возможность зарабатывать на жизнь. Интересно, что в сложных условиях жизни иммигранта, добывая непосильным трудом хлеб насущный, казаки не забывали и о других вещах. Они поддерживали связь с казаками в других государствах, получали казачью прессу, проводили совместные мероприятия. А.П. Чёрный, известный на Кубани и в эмиграции бандурист, по ночам после трудового дня при свете свечи занимался изготовлением бандур², пользовавшихся популярностью в казачьей среде, как один из символов казачества, принадлежности к казачьей культуре.

Активность в привлечении иммигрантов, наряду с некоторыми латиноамериканскими государствами, проявляли Австралия и Новая Зеландия. При этом особенностью условий иммиграции в Новой Зеландии было то, что страна принимал пожилых эмигрантов, чей возраст превышал 50 лет³.

¹ ГАКК. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 84-2. Л. 3; Хлебова Е.А. От «Союза казачек в Америке» // Казак. Нейи-сюр-Сен (Франция), 1957. № 37. С. 6.

² ЛА Р. Интервью с З.А. Барбаруновой. 23.02.2015, г. Краснодар (Россия).

³ Антошин А.В. Российские эмигранты ... С. 58.

Данные об организациях, обществах и объединениях казаков, участвовавших в выборах, и об их численном составе помогают косвенно уточнить картину расселения казачества и его численность (по крайней мере его политически активной части). В ноябре 1956 г. в выборах Донского войскового совета участвовало 24 организации/объединения донских казаков из США, Франции, Германии, Австрии, Аргентины, Бразилии, Великобритании. Кроме того, ряд донских казачьих объединений не успели прислать своих представителей. Среди них организации из Чили, Парагвая, Канады, Марокко и Австралии¹. Анализ материалов мандатной комиссии по выборам атамана ККВ в 1966 г. показывает, что только несколько казачьих станиц (в Нью-Йорке, Патерсоне и Лос-Анджелесе), а также Объединение кубанцев в Париже, имели в своем составе более 50 чел. От 30 до 40 чел. насчитывали казачьи станицы в Аргентине, Бельгии, во Франции (2 станицы) и США (3 станицы). Остальные казаки объединялись в группы численностью около 20 чел. (60 станиц, объединений и групп). Больше всего кубанских казаков из числа принявших участие в выборах проживали в США (более 500 чел.), Франции (более 500 чел.), Австралии (около 260 чел.), Австрии (около 100 чел.). Казачьи общества и объединения размещались также в Аргентине, Бельгии, Бразилии, Великобритании, Венесуэле, Германии, Новой Зеландии, Чили². Годом ранее в выборах донского войскового атамана за рубежом приняли участие казаки из Австралии, Австрии, Аргентины, Бельгии, Бразилии, Великобритании, Венесуэлы, Германии, Канады, США, Франции, Чили³. Избран был Н.В. Федоров, исполнявший до выборов обязанности донского атамана в связи с болезнью И.А. Полякова. В то же время П.И. Медведев, занявший пост донского атамана после смерти генерала П.Х. Попова, в качестве заместителя атамана и председателя

¹ ГАКК. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 96. Л. 23.

² ГАКК. Коллекция документов ККВ за рубежом. Пер. 1. Кор. 10. Ед. хр. 112. Протокол заседания мандатной комиссии Особого выборного сбора по выборам кубанского войскового атамана. 14.08.1966.

³ Там же. Кор. 11. Ед.хр. 127. От донского войскового совета.

правительства ВВД в зарубежье, своим приказом лишил прав донского казачества И.А. Полякова и Н.В. Федорова¹.

Список членов отделения Кубанского объединения на юге Франции, составленный 30 мая 1970 г. для особого войскового сбора по выборам войскового атамана, насчитывает 163 казака (85 мужчин и 78 женщин, из них 11 француженок)².

Не всегда списки казаков дают верную картину их численности. Иногда в силу тех или иных причин численность казаков в обществах, организациях, станицах и хуторах завышалась. Так, в преддверии выборов кубанского войскового атамана представитель атамана ККВ в Новой Зеландии выслал список из 29 чел. Однако кубанцы, проживающие в Новой Зеландии, утверждали, что список вымышленный – их всего около 10 чел. В то же время подобного рода сведения все равно помогают определиться с географическим размещением казаков³.

Послереволюционные российские эмигранты «держались обособленно, почти не сливались с русскими, давно укоренившимися в зарубежье, редко растворялись в иной среде»⁴. В отличие от них эмигранты второй волны чаще пользовались помощью тех эмигрантов, которые оказались за рубежом ранее и в целом были более настроены на ассимиляцию. Особенностью второй волны казаков-эмигрантов было то, что они еще более тесно сотрудничали с казаками – эмигрантами предыдущей волны. Они входили в общие организации и, в первую очередь, в войсковые структуры, станицы и хутора. В то же время многие из них, став гражданами приютивших их государств, старались сохранить свою культуру и традиции, хотя и в меньшей степени, чем первое поколение эмигрантов.

¹ ГАКК. Коллекция документов ККВ за рубежом. Пер. 1. Кор. 11. Ед.хр. 127. Приказ заместителя донского атамана от 23 сентября 1965 г.

² Там же. Кор. 5. Ед. хр. 12. Список членов отделения Кубанского объединения на юге Франции. 30.05.1970.

³ Там же. Письмо атамана Общеказачьей станицы в г. Веллингтоне. 06.11.1966.

⁴ Черняев В.Ю. Указ. соч. С. 138.

Взаимную неприязнь и отторжение между эмигрантами первой и второй волны некоторые исследователи объясняют существовавшими морально-психологическими и идеологическими различиями¹. В целом согласимся с подобным утверждением, однако отметим, что данные факторы среди казаков-эмигрантов играли меньшую роль, так как зачастую сглаживались другим факторами, о которых говорилось ранее.

Казаки второй волны эмиграции активно включились и в образование своих станиц и хуторов, а также старались войти в уже созданные казаками – эмигрантами первой волны.

Создавая станицы и хутора, казаки вынуждены были ориентироваться на законы, существовавшие в том или ином государстве. Так, в США казакам приходилось регистрировать свои организации в соответствии с имевшейся юридической практикой. Например, кубанские казаки зарегистрировали в 1959 г. «Kuban Cossacks Community Incorporation» (Общественное объединение кубанских казаков), в которое вошли кубанцы, проживавшие в США². Согласно Уставу членами общества могли быть те лица, которые родились на Кубани (а также их дети), достигшие 18-летнего возраста, разделяющие антикоммунистические взгляды, проявившие лояльность к правительству США и уплачивающие членские взносы³. Отдельным пунктом значилось: «культивирование среди членов общества идеалов Конституции США»⁴. По мнению В.Г. Науменко, «членские карточки-легитимации кубанской организации в США будут служить для американских властей гарантией лояльности и политической благонадежности их владельцев»⁵.

¹ Эмиграция и репатриация в России. С. 178–179.

² ГАКК. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 68-1; МККВ. Ф. Войсковой совет ККВ за рубежом. Д. Протокол 5-го Кубанского войскового сбора. 24 февраля 1957. С. 6.

³ ГАКК. Коллекция документов ККВ за рубежом. Пер. 1. Кор. 11. Ед. хр. 121. Устав Общества кубанских казаков в США. 22.02.1959.

⁴ Там же.

⁵ ГАКК. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 68-1; МККВ. Ф. Войсковой совет ККВ за рубежом. Д. Протокол 5-го Кубанского Войскового сбора. 24 февраля 1957. С. 7.

Большинство казачьих организаций, как, впрочем, и общероссийских, ставили основной целью своей деятельности за рубежом благотворительность, оказание помощи своим членам, попавшим в трудные материальные условия существования. Это было одной из причин появления множества новых казачьих объединений сразу после окончания Второй мировой войны. Другой причиной объединения казаков за рубежом было стремление к общению, которое порой было очень сложным в инородной, иноязычной среде. Это отмечалось и самими казаками¹.

В соответствии с Положением об управлении Кубанским войском в эмиграции его основной целью заявлялось «сохранение кубанского казачества от распыления и гибели», а в качестве задач выдвигались: «продолжение борьбы с коммунизмом; защита казачьих прав; хранение войсковых регалий и других исторических ценностей Войска; объединение кубанцев, находящихся за границей, и подготовка к возвращению на родину; взаимопомощь и взаимная выручка»². Согласно Положению, Кубанское войско составляли: природные и приписные казаки, коренные иногородние и горцы Кубани, участники 10-го Кубанского похода, лица, служившие в кубанских частях и учреждениях в мирное время, во время Первой мировой и Гражданской войн, а также члены их семей³.

Количество станиц, хуторов, других объединений казачества и их численность со временем все более и более сокращаются. Как верно отметил В.Ф. Ершов, различные воинские объединения российских эмигрантов в 1960-е гг. «вступили в стадию распада и угасания»⁴. Это было характерно и для ряда казачьих воинских объединений. Например, Союз казаков-комбатантов в Париже уже в 1950-е гг. с трудом организовывал собрания

¹ Вестник Казачьего Союза. Париж, 1948. № 1. С. 1.

² ГАКК. Коллекция документов ККВ за рубежом. Пер. 1. Кор. 18. Ед. хр. 223. Положение об управлении Кубанским войском в эмиграции.

³ Там же.

⁴ Ершов В.Ф. Эволюция военной диаспоры в 1920–1970-е гг. // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв. М., 2001. С. 111.

своих членов¹. Н.Л. Кисель писал в 1962 г. В.Г. Науменко из Сан-Франциско: «Наш Общеказачий союз находится в стадии человеческого кризиса: нет людей. Нет людей ни в Союзе, нет людей для выбора председателя Союза»². В то же время казачьи общества и организации, образованные не по воинскому, а по войсковому признаку, имели еще надежду на выживание, так как часть казачьей молодежи вступала в них, хотя, конечно, и не в значительном количестве. Но и войсковые организации казаков постепенно приходили в упадок. В сентябре 1955 г. С.А. Пахомов в письме Б.Н. Уланову обращал внимание на то, что в ходе выборов донского атамана в 1954 г. большинство казаков остались в стороне. Он с грустью констатировал: «Мы вымираем физически. Не хватает интеллектуальных сил. Нет смены»³. И действительно, во многих станицах оставались преимущественно пожилые казаки, в то время как их дети и внуки разъезжались в поисках лучшей жизни. Так, в станице «Родная Кубань» (США) в октябре 1968 гг. значилось 33 (21 мужчин и 12 женщин) чел., средний возраст которых составлял около 70 лет⁴.

Многие казачьи организации и общества ставили в качестве своих основных целей и задач оказание благотворительной помощи и материальной поддержки своим членам, а также создание условий для общения казаков между собой. Последнее было не менее важным, что находило подтверждение в многочисленных письмах казаков. В уставе Общественного объединения кубанских казаков в США (под таким названием в США было зарегистрировано ККВ) в качестве основных целей значились: поддержание связи между казаками, оказание помощи членам общества, издание печатного органа, хранение исторических документов и исторических

¹ Антошин А.В. Российские эмигранты ... С. 85.

² ГАКК. Коллекция документов ККВ за рубежом. Пер. 1. Кор. 6. Ед. хр. 24. Письмо Н.Л. Киселя – В.Г. Науменко. 11.11.1962.

³ Там же. Кор. 18. Ед. хр. 225. Письмо С.А. Пахомова – Б.Н. Уланову (сент. 1955 г.).

⁴ МККВ. Ф. Третьяков В.И. Список членов станицы «Родная Кубань». 16.10.1968; ГАКК. Коллекция документов ККВ за рубежом. Пер. 1. Кор. 20. Ед. хр. 257. Список членов станицы «Родная Кубань». 16.10.1968.

реликвий¹. Трансформировались и казачьи организации, образованные по признаку принадлежности к той или иной воинской части. Основной упор их деятельности также делается на благотворительность, собирание и сохранение материалов исторического характера (прежде всего связанного с историей данной воинской части), а также поддержание общения между их членами. Данные целевые ориентиры и задачи были характерны и в целом для военных организаций российского зарубежья после Второй мировой войны на всем протяжении их дальнейшего существования².

Казачьи организации различных войск оказывали помощь друг другу. Например, в 1964 г. казаки Донской станицы в Мельбурне (Австралия) приняли решение выделить часть средств, вырученных «от устройства бала в честь войскового праздника, на благотворительные цели», на поддержку Кубанского войскового музея³.

Акцент на благотворительность большинства российских и казачьих эмигрантских организаций приводил к росту преимущественно мероприятий благотворительного характера. Чаще всего это были так называемые культурные вечера, посвященные тому или иному памяtnому событию.

Вообще традиция проведения различного рода культурных вечеров была характерна для всей российской эмиграции, но казачество придавало ей особенный колорит⁴.

Культура продолжала быть значимым фактором жизни казачьего зарубежья. В 1950–1960-е гг. можно отметить определенные достижения представителей казачества в области культуры. В этой сфере наблюдались как развитие традиционной культуры казачества, так и вклад в общемировую культуру и науку.

¹ ГАКК. Коллекция документов ККВ за рубежом. Пер. 1. Кор. 11. Ед. хр. 121. Устав Общества кубанских казаков в США. 22.02.1959.

² Ершов В.Ф. Российское военное зарубежье ... С. 135.

³ ГАКК. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 75-2. Л. 48.

⁴ Казачьи вести. Краснодар, 1995. № 9. С. 8.

В послевоенной Европе с успехом продолжал давать концерты донской казак, солист «Русской оперы» В.И. Браминов (Жидкоблинов), проживавший во Франции. Донская казачка Е.Н. Еверт, жившая после Второй мировой войны в США, активно пропагандировала народную музыку. Солистом и одним из основателей Национальной оперы в Южноафриканской Республике был донской казак В.А. Иванов. В 1950–1960-е гг. он активно публиковал свои стихи в журнале «Родимый край», а также проявил себя как художник-карикатурист. Другой донской казак И.М. Моисеев, закончив консерваторию в Аделаиде (Австралия), успешно давал концерты в Австралии. Известны также были солист Метрополитен-опера и Королевской оперы Швеции Н. Гедда (Н. Устинов) и солист опер в Вене и Зальцбурге Б. Рубашкин¹.

После Второй мировой войны по-прежнему граждане многих государств могли познакомиться со знаменитой джигитовкой и казачьими песнями и танцами. Так, уже в 1949 г. атаман ККВ за рубежом В.Г. Науменко предложил Н.С. Цакоеву (осетин, терский казак) организовать команду джигитов для выезда в США. При этом он подчеркивал, что при наборе в команду необходимо принимать во внимание не только способность к джигитовке, но также политическую благонадежность и поведение кандидатов. Войсковой атаман считал, что пьяницам, лицам аморального поведения и образа жизни не должно быть места в команде, так как она фактически представляет кубанских казаков и, следовательно, выступления и поведение джигитов должны способствовать сохранению «добраго имени казака и приумножению славы казачьей»².

Некоторые казаки-джигиты устроились на работу в цирки Европы, США и Канады. В 1950-х гг. в Ганновере в цирке выступал Г.П. Тарасенко,

¹ Донские казаки в прошлом и настоящем. С. 459–460.

² ГАКК. Коллекция документов ККВ за рубежом. Пер. 1. Кор. 7. Ед. хр. 42. Письмо В.Г. Науменко – Н.С. Цакоеву. 08.05.1949.

занимавший короткое время при немцах в годы Второй мировой войны пост походного атамана ККВ¹.

В 1950 г. в память о пребывании казаков на чужбине была создана одна из казачьих святынь – икона Покрова Пресвятой Богородицы, помещенная в соборе Святого Александра Невского в Париже. Написала ее известная как иконописец донская казачка С.Я. Чекунова². В Париже писала свои картины и другая донская казачка В.И. Момзикова. В США в 1950–1960-е гг. трудились художник и скульптор донской казак С.Г. Корольков и художник П.И. Чегиренцев³. В 1960-х гг. в США был опубликован сборник казачьих песен, собранных Н.Н. Туроверовым⁴.

Казачья жизнь оставила свой след в науке и промышленности принявших их государств. Г.Н. Хиль, получивший образование за рубежом, стал довольно известным проектировщиком в авиационной промышленности Франции, он принимал участие в конструировании знаменитого сверхзвукового самолета «Конкорд»⁵.

Мало кто знает, что архитектором и руководителем строительства знаменитого «Атомиума» – 115-метровой модели атома железа как символа XX в., используемого в качестве помещения для различных офисов, был донской казак А.А. Заханевич. Это уникальное архитектурное и инженерно-техническое сооружение было построено в 1958 г. к открытию Всемирной выставки в Брюсселе⁶.

Атаман ВВД Н.В. Федоров, проживавший в США, выступал с лекциями по гидравлике и гидродинамике в университетах Европы⁷ и Австралии¹.

¹ ГАКК. Коллекция документов ККВ за рубежом. Пер. 1. Кор. 8. Ед. хр. 70. Письмо А. Шпаренго – В.Г. Науменко. 1959.

² Донские казаки в прошлом и настоящем. С. 462.

³ Там же. С. 463.

⁴ Там же. С. 461.

⁵ ГАКК. Коллекция документов ККВ за рубежом. Пер. 1. Кор. 7. Ед. хр. 36. Письмо Г.Н. Хилья – В.Г. Науменко. 12.08.1970; Интервью с Н.Г. Хилем. 30.05.2016, Сочи (Краснодарский край, РФ).

⁶ Донские казаки в прошлом и настоящем. С. 464.

⁷ Донской атаманский вестник. Лейквуд (США). 1965. № 56. С. 3.

Супруга Н.Ф. Кострюкова, руководителя Донского казачьего хора имени атамана М.И. Платова, была модисткой семьи президента США Г. Трумэна².

Отметим, что интерес к традиционной казачьей культуре со временем терялся в казачьей среде. Дети казаков, все активнее интегрируясь в жизнь принявших государств, порой плохо владели родным языком и практически не проявляли интереса к своей истории, своему прошлому. В сер. 1950-х гг. И. Билый отмечал, что те казаки, которые живут за рубежом, скоро все станут американцами, англичанами, канадцами, бразильцами, австралийцами, а те, кто остался в СССР – русскими³. В конце 1950-х гг. В.Г. Науменко, сложивший к этому времени полномочия атамана Кубанского казачьего войска за рубежом, с грустью констатировал падение интереса казаков к своему историческому прошлому и отход их от жизни Войска, что большинство кубанцев заняты только устройством личного благополучия и больше интересуются телевизором и рок-н-роллом⁴. На это же обращает внимание и казак В. Еремеев, отмечая угрозу денационализации казачьей молодежи, многие из которых не только не знают своего исторического прошлого, но и вообще забывают, что они казаки⁵.

В 1960 г. при Кубанском казачьем войске был создан отдел молодежи. Отдел включал в себя казачат трех возрастных групп: 1) казачата – мальчики от 6 до 10 лет; 2) старшие казачата – мальчики от 10 до 14 лет; 3) юные казачата – подростки от 14 до 18 лет. Отдел создан «для воспитания молодежи в русском национальном и в казачьем духе, как и казачьих традициях»⁶. Все казачата должны были иметь походную и парадную форму

¹ Донской атаманский вестник. Лейквуд (США). 1967. № 65–66. С. 9.

² ГАРФ. Ф. 10143. Оп. 38. Катюшка 1. Кадр 024; МРС. Ф. Кострюков Н.Ф. Вох 1. Folder 2. Анкета Музея-архива русской культуры.

³ Билый И. Пора положить конец распылению казачества // Казак. Нейи-сюр-Сен (Франция), 1955. № 25. С. 2.

⁴ ГАКК. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 16. Л. 54, 56–56 об.

⁵ Еремеев В. Надо больше думать о смене // Казак. Нейи-сюр-Сен (Франция), 1956. № 30. С. 2.

⁶ ГАКК. Коллекция документов ККВ за рубежом. Пер. 1. Кор. 11. Ед. хр. 129. Положение об отделе молодежи в Кубанском казачьем войске. 25.08.1960.

одежды. С казачатами всех трех групп были предусмотрены занятия, которые велись преимущественно по субботам и праздничным дням. В ходе военных занятий проводилось обучение строевой подготовке, стрельбе, фехтованию, верховой езде, джигитовке, рубке, топографии и т.д. Во время классных занятий изучали историю России и казачества, географию, структуру и организацию ККВ и т.п.¹

Атаманы всячески пытались поощрять молодых казачат, стимулируя их интерес к традициям и культуре казачества. Так, атаман ККВ Б.И. Ткачев производил молодых казаков в соответствующие чины за «изучение и перенятие казачьих обычаев и традиций»². Поощрялись и родители «за воспитание своих сыновей в казачьем духе»³.

Старшее поколение казаков стремилось через воспитательную работу среди казачат сохранять казачью культуру. Однако со временем большая часть молодежи все больше и больше ассимилировалась, теряя свои исторические корни, забывая язык дедов и прадедов и их традиции⁴.

В вопросе о сохранении войсковых традиций и самих казачьих войск в условиях эмиграции большую роль играли личностные качества атаманов. Так, В.Г. Науменко лично вел большую работу в этом направлении. В тяжелых условиях жизни на положении иммигранта, заботясь всячески о хлебе насущном, он много усилий прикладывал к ведению работы на посту войскового атамана. В частности, ему пришлось научиться работать на ротаторе, чтобы самому печатать и брошюровать сотни экземпляров «Казака», «Сборника о выдаче в Лиенце», «Кубанского сборника», а затем еще все это относить на почту и рассылать по десяткам адресов⁵. Все это он делал, прежде всего, ради сохранения ККВ в тяжелых условиях

¹ ГАКК. Коллекция документов ККВ за рубежом. Пер. 1. Кор. 11. Ед. хр. 129. Положение об отделе молодежи в Кубанском казачьем войске. 25.08.1960.

² Казак. Нью-Йорк. 1960. № 143. С. 19.

³ Там же. 1961. № 160. С. 19.

⁴ Каневская Г.И. «Мы еще мечтаем о России...» ... С. 146.

⁵ ГАКК. Коллекция документов ККВ за рубежом. Пер. 1. Кор. 5. Ед. хр. 12. Письмо В.Г. Науменко – В.И. Бублику. 20.03.1967.

эмигрантского бытия. Приняв решение покинуть пост атамана Кубанского казачьего войска, В.Г. Науменко беспокоился о его дальнейшей судьбе¹. Одна из причин, по которой В.Г. Науменко считал, что необходимо провести выборы атамана, заключается в стремлении «выбить почву из под ног» тех казаков, которые упрекали его в узурпации власти².

Заботились о сохранении исторического прошлого и казаки-националисты. В частности, в 1952 г. верховный атаман КНОД принял решение о создании заграничного казачьего архива. При этом предполагалось, что, пока не определены место (страна) и хранители архива, задачу собирания материалов должны были взять на себя окружные правления и организации казаков-националистов³.

Интерес представляет исследование А. Инкелса, проведенное им в 1958 г. С помощью различных тестов (Роршаха, Кеттела и др.) он провел анализ психологии представителей советской эмиграции, оставшихся на Западе после Второй мировой войны⁴. А. Инкелс выделял ключевые позиции стереотипного поведения русского эмигранта, в том числе сильную потребность в аффиляции и потребность в зависимости от кого-либо. Проведенный нами анализ показывает, что подобного рода потребность присуща была и казакам-эмигрантам (и не только второй волны эмиграции). Однако конкретизация этих базисных стереотипов поведения показывает, что у казаков потребность в аффиляции в значительной степени стимулировала поиск или создание различных казачьих групп, объединений, обществ. Представители же неказачьей части российской эмиграции удовлетворялись в большей степени принадлежностью к профессиональной или образовательной группе, коммунальному сообществу. Потребность в

¹ ГАКК. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 15. Л. 54.

² ГАКК. Коллекция документов ККВ за рубежом. Пер. 1. Кор. 7. Ед. хр. 40. Письмо В.Г. Науменко – Б.И. Ткачеву. 21.04.1953.

³ ГАКК. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 82-10. Л. 2; Билый И. Казачий архив // Казак. Нейи-сюр-Сен (Франция), 1952. № 10. С. 3.

⁴ Inkels A. National character and modern political system // Psychological Anthropology. Homewood, 1961. P. 172–208.

зависимости находила свое выражение в признании руководящей роли казачьих атаманов, войсковой старшины. При этом даже те казаки, которые были в оппозиции к войсковым атаманам, за рубежом создавали свои аналогичные структуры (например, походные атаманы казаков-националистов).

Анализ процесса адаптации казаков-эмигрантов в 1950–1960-е гг. к условиям существования за рубежом сквозь призму теории аккультурации показал, что для них были характерны две основные стратегии аккультурации – ассимиляция и интеграция. При этом ассимиляция как идентификация себя с новой культурой была более характерна для казаков, ушедших за рубеж после Второй мировой войны, и их потомков, а также для третьего и четвертого поколений казаков – эмигрантов первой волны. Сохранение казачьих традиций и культуры зависел от большого количества факторов и, в первую очередь, от желания самих казаков сохранить казачество как таковое, или, напротив, быстрее раствориться в принявшем их государстве. Как отмечал Н.П. Сухенко, проживавший после Второй мировой войны в США: «Казаки в эмиграции ассимилировались и стали сначала русскими, затем американцами»¹. Интеграция была характерна преимущественно для части казаков – эмигрантов первой волны и их второго поколения. От большого количества факторов (в том числе и субъективного характера) зависела и степень обустройства казаков в принявших их государствах.

4.3 Проблемы общественно-политической жизни и структура казачьего зарубежья

Конечно, говорить о какой-либо общественно-политической жизни казаков в восточноевропейских государствах, оказавшихся под контролем

¹ ЛА Р. Интервью с Н.П. Сухенко. 03.09.2014, г. Винелэнд (США) – г. Краснодар (Россия).

СССР, не приходится. Однако и в ряде западных государств первые годы после Второй мировой войны российская эмиграция находилась под пристальным контролем различных советских органов и учреждений.

По мнению Д. и И. Гузевич, советское правительство в конце 1944–1947 гг. прилагало значительные усилия для того, чтобы установить контроль над российской эмиграцией во Франции. Этот контроль проходил по различным каналам, таким, например, как дипломатические, военные, репатриационные миссии, Французская коммунистическая партия, а также через различные организации, созданные как правительствами, так и самими эмигрантами. Учитывая значимость религиозных обрядов в жизни российских эмигрантов, агитация и пропаганда велись и через церковь. По воспоминаниям М. Сухенко, когда на один из церковных праздников они с семьей хотели посетить храм в Лионе, то в нем среди икон стоял и портрет И.В. Сталина¹.

Советский контроль влиял отрицательно на существование российского зарубежья, пространство которого «сокращалось как шагреновая кожа»². Сокращению российских иммигрантов во Франции способствовал и Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14 июня 1946 г. «О восстановлении в гражданстве СССР подданных бывшей Российской империи, а также лиц, утративших советское гражданство, проживающих на территории Франции»³. Часть эмигрантов (и их потомков) первой волны не преминули воспользоваться этим указом, чтобы получить советское гражданство. Но далеко не все из них, получив советский паспорт, переехали в СССР. Так, бывший председатель Кубанской краевой рады Д.Е. Скобцов принял

¹ ЛА Р. Интервью с М. Сухенко. 25.07.2010, г. Винелэнд (шт. Нью-Джерси, США).

² Гузевич Д., Гузевич И. Российская эмиграция во Франции в 1940-е годы, или Почему Париж не возродился как столица российского изгнания // Закат российской эмиграции во Франции в 1940-е годы: история и память. Париж; Новосибирск, 2012. С. 158–160.

³ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14 июня 1946 г. «О восстановлении в гражданстве СССР подданных бывшей Российской империи, а также лиц, утративших советское гражданство, проживающих на территории Болгарии». URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4594.htm (дата обращения: 11.03.2017).

советское гражданство, но впоследствии не продлил действие советского паспорта и лишился его. По его словам, принять гражданство его побудило стремление отыскать своего сына, который, по словам советского представителя, проживал в СССР¹. Отметим, что сын Д.Е. Скобцова и знаменитой Матери Марии (Е.Ю.Скобцовой), Юрий (Георгий) Данилович Скобцов погиб в германском концлагере. В 2004 г. он был канонизирован Константинопольским патриархом². Были отдельные случаи, когда казаки-эмигранты не принимали никакого гражданства. Примером этого является Г.Н. Хиль, по словам которого, ему три раза предлагали принять французское гражданство, но он отказался, «так и остался казаком, хотя это и приносило ущерб в материальном отношении»³. Решая вопрос о приеме гражданства государства пребывания, казаки беспокоились и о том, как это скажется на их положении в войсковой структуре: «не повлечет ли принятие казаками кубанцами английского подданства исключения их из войсковой организации?»⁴. В 1956 г. на заседании Кубанского войскового совета было принято решение, что все кубанцы, независимо от принятого ими гражданства (кроме, разумеется, советского), остаются в войсковой организации и могут беспрепятственно избираться на все должности в Войске, включая должность войскового атамана⁵.

Естественно, что подобного рода процессы (смена гражданства) были еще более значимыми в государствах, находящихся под влиянием СССР после Второй мировой войны – в Болгарии, Польше, Чехословакии и ряде других восточноевропейских государств. С началом холодной войны влияние

¹ ГАКК. Коллекция документов ККВ за рубежом. Пер. 1. Кор. 6. Ед. хр. 24. Письмо В.Г. Науменко – Н.Л. Киселю. 27.05.1961.

² Скобцов, Ю.Д. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BA%D0%BE%D0%B1%D1%86%D0%BE%D0%B2,%D0%AE%D1%80%D0%B8%D0%B9_%D0%94%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87 (дата обращения: 13.06.2017).

³ ГАКК. Коллекция документов ККВ за рубежом. Пер. 1. Кор. 7. Ед. хр. 36. Письмо Г.Н. Хиля – В.Г. Науменко. 12.08.1970.

⁴ ГАКК. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 67-1. Л. 5.

⁵ Там же.

советского правительства во Франции прекращается, но еще более усиливается в государствах советского лагеря.

Накануне и в годы Второй мировой войны востребованность и значимость русской эмиграции сильно понизились, а русский вопрос практически исчез из общественно-политической жизни многих государств. После Второй мировой войны картина резко изменилась. Как верно заметил И.Н. Толстой: «сама русскость оказывалась возможной профессией»¹. Этому способствовал ряд обстоятельств. Во-первых, востребованность русского языка в условиях, с одной стороны, роста авторитета СССР после разгрома гитлеровской Германии, с другой – приближавшейся холодной войны и потребности в тех, кто мог быть использован на новом фронте противостояния Запада и СССР. Кроме того, участие в этой борьбе щедро финансировалось, особенно со стороны Запада (в первую очередь США), и российские эмигранты, порой остро нуждавшиеся хоть в какой-нибудь материальной поддержке, охотно шли на сотрудничество. Так, по данным Управления НКГБ СССР, американские и китайские спецслужбы прилагали определенные усилия для вербовки русских эмигрантов и использовании их в противосоветских целях².

Холодная война пробудила интерес к эмигрантам из СССР. Однако интерес этот был двояким. С одной стороны, советские эмигранты оказались востребованными в контексте борьбы с СССР. Их политические и идеологические акции поддерживались правительствами западных государств. С другой стороны, на Западе получили развитие русофобские настроения³. В значительной степени последний фактор объяснялся тем, что и «в общественном мнении и правительственной политике Запада все чаще ставился знак равенства между СССР и Россией, синонимами стали термины

¹ Толстой И.Н. Борьба за Американский комитет: к политической предыстории Радио «Свобода» // Нансеновские чтения. 2009. СПб., 2010. С. 401.

² Наземцева Е.Н. На дипломатическом уровне ... С. 287.

³ Базанов П.Н. Вторая волна русской эмиграции и лагеря Ди-Пи ... С. 467–468.

«коммунизм» и «русские»¹. Как отмечал Г. Чеботарев: «Понятный страх перед дальнейшей антикоммунистической агрессией наложился на антирусские предубеждения новых иммигрантов (имеются в виду евреи, поляки, украинцы и представители других народов бывшей Российской империи. – О.Р.) – и в результате слова “русский”, “коммунистический” и “империалистический” совершенно перепутались. В некоторых случаях, похоже, такая путаница даже создавалась искусственно...»².

Несомненно, что казачество, которое популяризировало себя как непримиримого противника советской власти, как борец с коммунизмом еще с периода Гражданской войны в России, вызывало интерес у определенных политических кругов Запада. Не случайно уже во второй половине 1940-х гг., находясь на положении перемещенных лиц, казакам удалось наладить выпуск различных печатных изданий как культурно-просветительской, так и общественно-политической направленности. Да и сами казаки в условиях лагерей для перемещенных лиц, в обстановке, когда агенты СМЕРШ рыскали по многим государствам Европы, вели довольно активную общественно-политическую жизнь.

Особую активность проявляли самостийники (вольные казаки, казакийцы, националисты). В октябре 1946 г. вышел первый послевоенный номер их печатного органа «Казакия»³. Самостийники провели несколько съездов казаков. На состоявшемся 25–26 мая 1947 г. съезде присутствовало 114 представителей различных казачьих объединений, преимущественно располагавшихся на территории западных зон Германии и Австрии. На съезде было принято решение создать Общеказачий центральный комитет взаимопомощи и добиваться образования казачьей автокефальной православной церкви⁴. 19–20 июня 1948 г. состоялся съезд казаков из

¹ Базанов П.Н. Вторая русская эмиграция и «дипийская» печать в Италии (1945–1951) // Русские в Италии: Культурное наследие эмиграции. М., 2006. С. 181.

² Чеботарев Г. Указ. соч. С. 12.

³ Казакия. Б/м., 1946. № 1.

⁴ Казакия. Брюссель, 1947. № 5. С. 23.

западных зон Германии и Австрии. На съезде был создан верховный казачий круг во главе с верховным атаманом И.А. Белым (так в источнике, но скорее всего Билым. – О.Р.) и его заместителями – В.Г. Глазковым и И.И. Безугловым¹. 20 июня 1948 г. И.А. Белый был избран верховным атаманом на верховном казачьем круге, который состоялся в Мюнхене². К 1951 г. казаки-националисты выстроили уже довольно четкую структуру своего объединения. В большинстве стран, где было три и более казачьих организаций (станец и хуторов), были созданы казачьи округа во главе с окружным атаманом, который являлся связующим звеном между верховным атаманом и местными казачьими обществами (станицами и хуторами). Окружные атаманы избирались на окружных съездах и утверждались верховным атаманом (а при невозможности провести съезд – назначались напрямую верховным атаманом)³. Судя по активности казаков-националистов, у них опять появились спонсоры, как и в довоенный период (хотя документально установить это не представляется возможным).

Эксплуатировали антикоммунистическую тематику и войсковые казачьи общества и войсковые атаманы. Так, в уставе Общественного объединения кубанских казаков (так было зарегистрировано в США Кубанское казачье войско) на первом месте было заявлено: «объединение всех кубанских казаков-антикоммунистов, не признававших над собой коммунистической власти, эмигрировавших и проживающих вне пределов России»⁴.

После Второй мировой войны Белград, Варшава, Прага, София перестали быть центрами казачьей эмиграции. Большинство российских эмигрантов или ушли на Запад, или были вывезены в СССР. Лишь немногие

¹ Полян П.М. Указ. соч. С. 446.

² ГАКК. Коллекция документов ККВ за рубежом. Пер. 1. Кор. 7. Ед. хр. 49. Программа собеседования с казаками станицы в Лейквуде. 29.12.1949.

³ От Верховного атамана // Казак. Нейи-сюр-Сен (Франция), 1951. № 1. С. 3.

⁴ ГАКК. Коллекция документов ККВ за рубежом. Пер. 1. Кор. 11. Ед. хр. 121. Устав Общества кубанских казаков в США. 22.02.1959.

из них остались в восточноевропейских государствах. Судьбы оставшихся были различны¹.

После Второй мировой войны на некоторое время «в Европе неформальной столицей российского военно-политического зарубежья стал г. Мюнхен, где осело значительное количество русских военных беженцев и Ди-Пи»². Мюнхен также стал на некоторое время и центром казачества в Европе. Одной из причин этого являлось, по-видимому, географическое расположение центра Баварии. Сюда, на запад Германии, уходили преимущественно все те, кто не жаждал встречи с советскими войсками. Это были как представители послереволюционной (преимущественно белой) эмиграции, так и коллаборационисты, советские граждане, уходившие вместе с отступавшими германскими войсками. Большое скопление людей, а также их политический настрой, антисоветская по преимуществу направленность способствовали тому, что именно в эту зону выделялись западными державами финансовые и материальные средства, которые способствовали развитию здесь эмигрантской («ди-пи-шной») печати и, как следствие, деятельности различных политических и неполитических обществ, объединений, групп. В Мюнхене появились в большом количестве различные казачьи комитеты, представительства, общества, станицы.

Позже центр общественно-политической деятельности казачества переместился в США, куда со временем переселилась часть казаков из Европы и Китая. Кроме того, США воспринимались большинством казаков после Второй мировой войны как страна, «которая самым ходом вещей и событий стала во главе сопротивления русскому большевистскому империализму. Страна эта будет играть первую роль и в самой будущей борьбе»³.

¹ Антошин А.В. Российские эмигранты ... С. 63.

² Ершов В.Ф. Российское военное зарубежье ... С. 136.

³ Шпак Г. Открытое письмо казакам в Америке // Казак. Нейи-сюр-Сен (Франция), 1951. № 3. С. 1.

Наряду с казаками-националистами из числа эмигрантов первой волны, активность проявляли также и некоторые казачьи деятели из послевоенной эмиграции. При этом многие из них были близки по своим идейно-политическим установкам к казакам-националистам (представитель Кубанского войскового атамана в Англии М. Таратухин отмечал, что «самостийники выращены не на своих землях, а на чужих “дрожжах” взошли»)¹. Не исключено, что порой данное сближение было обусловлено только лишь повышенной активностью последних и их готовностью расширять свои ряды за счет вновь прибывших эмигрантов из СССР². В конце 1951 г. главной задачей газеты «Казак» как органа КНОД была объявлена: активизация политической деятельности среди казаков-эмигрантов новой волны, с тем, чтобы постепенно передать ей знамя борьбы за реализацию казачьей национально-освободительной программы³. И данная задача решалась довольно успешно⁴. Старые казаки-эмигранты, группировавшиеся вокруг своих атаманов, часто с недоверием и подозрительностью относились к тем казакам, которые провели почти 20 лет под руководством советской власти.

Как верно отметил А.В. Антошин со ссылкой на Ю. Денике, многие представители послевоенной эмиграции подозрительно или враждебно относились к социализму, в силу того, что сами имели возможность воочию увидеть его реализацию в СССР⁵. И в этом плане они вроде могли рассматриваться как естественный союзник эмигрантов первой волны и их потомков. Особенно близки своими антисоветскими взглядами они были казакам-эмигрантам, так как среди них социалистические идеи были

¹ ГАКК. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 76-1. Л. 40.

² Наши задачи // Казак. Нейи-сюр-Сен (Франция), 1951. № 1. С. 1.

³ И.Б. Десятое декабря // Казак. Нейи-сюр-Сен (Франция), 1951. № 5. С. 1.

⁴ ГАКК. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 85-2. Л. 2; Сухенко Н. Дополнительные поправки // Казак. Нейи-сюр-Сен (Франция), 1960. № 55. С. 3; ЛАР. Интервью с Н.П. Сухенко. 03.09.2014. г. Винелэнд (США) – г. Краснодар (Россия).

⁵ Антошин А.В. Меншевики в эмиграции после Второй мировой войны // Отечественная история. 2007. № 1. С. 113; Денике Ю. В поисках программы // Социалистический вестник. Нью-Йорк, 1947. № 12. С. 232.

особенно непопулярны (по крайней мере, среди тех, кто остался за рубежом). В то же время данная близость взглядов не всегда и не сразу приводила к сближению в совместных действиях. Это было обусловлено комплексом причин. Одна из причин заключалась в том, что в целом социальный состав активной части эмигрантов первой волны и эмигрантов второй волны был различен. Так, по мнению В.Ф. Ершова, большинство военных эмигрантов второй волны не являлись носителями традиционной российской культуры и были настроены враждебно по отношению к белоэмигрантам¹.

На наличие глубоких ментальных и культурно-политических противоречий между военной эмиграцией первой волны и эмигрантами второй волны обратил внимание, в частности, В.Ф. Ершов. По его мнению, данные противоречия стали одной из причин раскола «зарубежного военно-оппозиционного движения», развития «центробежных тенденций внутри военной диаспоры» и «одним из факторов политической деградации российского военного зарубежья в 1950–1980-е гг.»². Подобного рода социально-политические (в плане взглядов) и психологические противоречия были характерны и для казачьей эмиграции. Порой из-за этого возникало недоверие, противостояние, что зачастую выливалось в открытую вражду и борьбу. В то же время казачья эмиграция испытывала и влияние факторов, которые способствовали сближению представителей первой и второй волны эмиграции. В первую очередь это осознание своей сопричастности (исторической, культурной, порой этнической) к единой общности – казачеству и, как следствие, стремление к единению на основе этой сопричастности, а также на основе некоторых проектов в отношении будущего казачества и казачьих краев и областей. Так, в 1957 г. в преддверии выборов атамана ККВ за рубежом председатель Войскового совета М.К. Кулик рекомендовал атаману В.Г. Науменко отказаться от резких высказываний в отношении советских казаков-эмигрантов и даже

¹ Ершов В.Ф. Российское военное зарубежье ... С. 141.

² Там же. С. 136–137.

рекомендовал вставить в одно из его выступлений фразу: «не считая жизнь в Советском Союзе за преступление»¹.

Старая казачья эмиграция фактически не была единым целым. Практически перестали существовать старые организации, такие как Казачий союз в Париже, Казачий союз в Шанхае, Восточный казачий союз в Харбине, ОСХС, СВК и многие другие казачьи объединения. ОСДКТ фактически распался. Терский и астраханский атаманы генералы Г.А. Вдовенко и Н.В. Ляхов остались в Югославии. У донцов после смерти Г.В. Татаркина вновь обострился раскол между сторонниками П.Х. Попова и сторонниками И.А. Полякова. Из атаманов восточносибирских казачьих войск имел полное признание только уральский атаман В.С. Толстов, проживавший в Австралии в окружении небольшого числа казаков. Одним из наиболее активных общественно-политических деятелей казачьего зарубежья был кубанский атаман В.Г. Науменко. Он пытался наладить связь с казаками-кубанцами, оставшимися после выдачи в СССР, а также найти потерявшиеся в смуте военного времени регалии ККВ. К тому же он, как и многие представители старой эмиграции, крайне подозрительно относился к советским казакам-эмигрантам. Именно поэтому последним пришлось создавать свои собственные объединения или включаться в деятельность казаков-националистов. Отметим, что речь идет о политически активной части казачества.

Часть организаций, существовавших до Второй мировой войны, продолжали действовать и после ее окончания. Преимущественно это были организации, сосредоточившие свое внимание на оказании помощи эмигрантам. Так, в Китае после изгнания японских оккупантов и ввода в страну советских войск в Маньчжурии продолжало существовать Бюро по делам российских эмигрантов, хотя, конечно, его активность значительно снизилась. Кроме того, в результате работы, проводившейся с российскими

¹ ГАКК. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 15. Л. 72 об.

эмигрантами советскими представителями, им удалось добиться самороспуска Бюро по делам российских эмигрантов в Тяньцзине и Бэйпине¹. После разгрома Японии на большей части Китая установилась власть Гоминьдана во главе с Чан Кайши, который первоначально даже сделал попытку сближения с СССР². Однако после ухода советских войск из Китая в нем опять активизировалась деятельность белоэмигрантов, которые пользовались поддержкой со стороны Чан Кайши. Были воссозданы различные антисоветские организации³. Победа КПК и образование в октябре 1949 г. КНР привели к полному затуханию политической жизни белоэмигрантов в Китае, а дальнейшая политика китайских властей вызвала новую волну исхода из Китая. Особенно ярко это проявилось в 1953 г., когда «в китайском руководстве окончательно возобладал курс на строительство социализма советского образца»⁴.

Как верно заметил М.Г. Шендерюк, среди русских эмигрантов первой (послереволюционной) волны можно было увидеть и течение, которое с одинаковой силой клеймило как коллаборантов («пораженцев», в той или иной мере сотрудничавших с Третьим рейхом и его союзниками), так и совпатриотов («оборонцев», пошедших после окончания Второй мировой войны на сотрудничество с СССР). С ним можно согласиться в том, что такая позиция объясняется не только политическими и идеологическими мотивами, но и мотивами психологического характера⁵. При этом в среде казаков-эмигрантов первой волны коллаборанты вызывали настороженное отношение только в том случае, когда они воспринимались как лица, принявшие в свое время советский режим, служившие ему и оказавшиеся за рубежом только в силу обстоятельств.

¹ АВП РФ. Ф. 100. Референтура по Китаю. Оп. 34. Папка 132. Д. 48. Л. 60.

² Песчаный Д.Г. Указ. соч. С. 65.

³ АВП РФ. Ф. 100. Референтура по Китаю. Оп. 34. Папка 132. Д. 48. Л. 64–65.

⁴ Песчаный Д.Г. Указ. соч. С. 71.

⁵ Шендерюк М.Г. Совпатриоты и коллаборанты: возможен ли знак равенства? // Нансеновские чтения. 2009. СПб., 2010. С. 298.

В конце 1940-х – начале 1950-х гг. были организованы различные объединения бывших участников лиенцевских событий в Германии, Австрии, Франции, США. Казаками бережно хранились воспоминания о лиенцевской трагедии, которая стала символом выдачи казаков советскому командованию. Так, Центральное правление содружества «Лиенц», созданного во Франции, учредило памятную медаль – «Крест Лиенца, 1945» для ношения его на груди 1 июня в память о трагических событиях. Данной медалью в 1955 г. был награжден и атаман Кубанского казачьего войска В.Г. Науменко за работу по розыску и публикации материалов, посвященных лиенцевской трагедии¹. Общеказачья станица в Мельбурне по образцу обелиска в Лиенце воздвигла в 1952 г. памятник казакам и всем воинам, павшим в борьбе с большевизмом в 1917–1945 гг. На долгие годы это место на кладбище Фоукнера в Мельбурне стало местом проведения траурных панихид². В 1953 г. в Калифорнии, недалеко от Лос-Анджелеса, члены казачьего хутора в Глендоре поставили памятный крест казакам, погибшим в борьбе с большевиками, коммунизмом, жертвам насильственной репатриации³. Отметим, что и в СССР в 1956 г. группа казаков в Озерлаге (Иркутская область) тайно учредила особый памятный знак, посвященный лиенцевской трагедии – «каторжный крест 2-х видов: для осужденных на 25 лет и на 10 лет, который носился на шее»⁴.

Стремление, с одной стороны, использовать антисоветскую риторику и тем самым получить моральную и материальную поддержку от определенных политических кругов Запада, а с другой стороны, необходимость наладить каналы взаимопомощи и защиты своих интересов в условиях эмиграции привело к созданию организаций типа Всеказачьего антикоммунистического зарубежного объединения (ВАЗО). Данная организация была создана в июне 1948 г. на I Всеказачьем

¹ ГАКК. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 15. Л. 42–42 об.

² Каневская Г.И. «Мы еще мечтаем о России...» ... С. 146.

³ Улитин В.Г. Тень Лиенца ... С. 9–10.

⁴ Клименко А. Указ. соч. С. 102.

антикоммунистическом зарубежном съезде. В ст. 1 Устава ВАЗО позиционировалось как военно-политическая организация казаков-эмигрантов. Главной целью ВАЗО провозглашалось объединение, «впредь до возвращения на родные Земли, всех казаков, казачек и близких им иногородних и сослуживцев для создания условий возрождения казачества, воспитании его в казачьих традициях и сохранения и развития казачьей культуры»¹. Своими задачами ВАЗО ставило: взаимопомощь и защиту прав и интересов своих членов, их подготовку к борьбе с большевиками, сотрудничество с антикоммунистическими организациями².

За организационную структуру Объединения принята структура казачьего Войска с делением на отделы, станицы, хутора и курени во главе с атаманами³. Интересно, что в приложении к Уставу ВАЗО был размещен текст так называемого Пражского манифеста КОНР от 14 ноября 1944 г.⁴

В августе 1955 г. вместо прекратившего существование ОСДКТ был создан Объединенный совет казачьих войск (ОСКВ). Данное объединение произошло на совещании войсковых атаманов и старших представителей казачьих войск в Сан-Франциско. В состав ОСКВ вошли войсковые атаманы, а в случае их отсутствия – представители казачьих войск и их заместители. Они представляли: Донское, Кубанское, Астраханское, Оренбургское, Сибирское, Забайкальское и Енисейское казачьи войска. В качестве целей данного объединения были заявлены: «а) сохранение цельности казачества зарубежья, как такового; б) решение обще-казачьих вопросов; в) защита и представительство казачьих интересов; г) решение вопросов казачьей взаимопомощи»⁵.

¹ МККВ. Ф. Науменко В.Г. Устав ВАЗО. 1948 г. С. 1–2.

² Там же. С. 2–3.

³ МККВ. Ф. Науменко В.Г. Устав ВАЗО. 1948 г. С. 10–11.

⁴ Там же. С. 17–20.

⁵ ГАКК. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 84-9. Л. 3 об; «Объединенный совет казачьих войск» // Казак. Нейи-сюр-Сен (Франция), 1958. № 44. С. 6.

В середине 1950-х – начале 1960-х гг. руководители Донского и Кубанского казачьих войск (самых многочисленных и организованных в зарубежье) практически дистанцировались от казаков, оставшихся в СССР. В преддверии выборов донского атамана в 1954 г. главная центральная избирательная комиссия по выборам донского атамана в Париже довела до сведения донских казаков и казачек, что согласно Основным законам ВВД и воли донского казачества, выраженной всеобщим голосованием при выборах 1935 и 1938 гг., донские казаки выбирать могут только донского атамана, а не «зарубежного» или под другим названием донского атамана¹. Председатель Войскового совета ККВ за рубежом М.К. Кулик в августе 1958 г. констатировал, что от Кубанского казачьего войска за рубежом осталось только несколько тысяч кубанцев, разбросанных по всему миру. При этом он считал, что только эти кубанцы, сохранившие свои идеи и традиции могут считаться преемниками ККВ, так как в СССР казаки потеряли всякую связь с казачьими корнями и традициями в силу господства коммунистической идеологии².

Многие рядовые казаки также считали, что только зарубежное казачество способно сохранить культуру и традиции, и в целом казачество как таковое³.

После Второй мировой войны в политическом отношении российская эмиграция была разбита примерно на те же политические группы и направления, которые существовали и до войны. Однако в количественном плане и в соотношении этих групп произошли определенные изменения. Так, посол СССР во Франции А.Б. Богомолов следующим образом характеризовал политический спектр российского зарубежья к концу Второй мировой войны: «около 5–10% правых, т.е. твердолобых монархистов, которые даже для эмигрантов представляют касту одичалых зубров,

¹ ГАКК. Коллекция документов ККВ за рубежом. Пер. 1. Кор. 16. Ед. хр. 191. Инструкция № 3 по выборам донского атамана. 16.11. 1954 г.

² Там же. Ед. хр. 195. Кулик М.К. Войско или партия? 1958.

³ Там же. Кор. 6. Д. 22. Письмо П.Д. Кучери – В.Г. Науменко. 04.03.1960 г.

бездарных и бесполезных»; «около 5–10% фашистов национал-социалистического толка или лиц, безнадежно замаранных сотрудничеством с немцами. Эти люди объята страхом и готовы сейчас продать себя любой разведке, чтобы только избежать ответственности за свои преступления»; около 5–10% «антинемецкие “нейтралы”, т.е. эмигранты, которые считают, что СССР был и остается врагом эмигрантов, но бороться с СССР пока не следует, т.к. нельзя не признать заслуг СССР в борьбе с немцами и освобождении Европы от угрозы немецкого господства... Люди этой группы неустойчивы и могут легко прийти к своеобразному сменевеховству... четвертой группой являются милюковцы и маклаковцы – эта группа охватывает от 20 до 30% эмиграции и включает в себя наиболее активных эмигрантских политических деятелей. ...Это наиболее политически подготовленная группа и, безусловно, наиболее политиканствующая группа эмиграции»¹.

Анализируя группы российской эмиграции в Европе в начале 1950-х гг., американский советолог Р.Ф. Келли отметил, что русские иммигранты практически не участвуют в политической жизни, а их политические организации малочисленны, но при этом имеют много сочувствующих². Анализ общественно-политической жизни как российской эмиграции в целом, так и казачьего зарубежья подтверждает этот факт. Действительно, большая часть российских и казачьих объединений, организаций и обществ после Второй мировой войны носили преимущественно социально-культурный характер и создавались прежде всего для оказания взаимопомощи, поддержки своим членам и поддержания связей и общения между ними. И если большинство казачьих организаций, объединений и

¹ Из письма посла СССР во Франции А.Б. Богомолова заместителю народного комиссара иностранных дел СССР В.Г. Деканозову // Чему свидетели мы были... Переписка бывших царских дипломатов 1934–1940: сб. док.: в 2 кн. Кн. 2: 1938–1940. М., 1998. С. 583–584.

² Келли Р.Ф. Группы российской эмиграции в Европе в начале 1950-х годов // Нация, культура и политика русской эмиграции: сб. ст. и материалов. СПб., 2004. С. 225.

обществ были таковыми и до Второй мировой войны, то в российском зарубежье в этом плане произошли более заметные изменения, ввиду значительного сокращения политических организаций и их членов после войны. Подобное положение связано с тем, что эмигранты первоначально не знали, как общественно-политические круги принимающих государств отнесутся к их политическим взглядам. Кроме того, общественно-политическая деятельность, развернутая казаками-эмигрантами в лагерях д-пи, вызывала опасения ввиду близости советских войск. Да и политика ведущих европейских государств колебалась от ярко выраженной конфронтации до линии, по крайней мере, декларированного сотрудничества. Последнее также пугало как старых, так и новых (советских) эмигрантов. Не случайно многие казачьи журналы в 1940-х гг., издававшиеся в Европе, не указывали сведения о редакторе и издателе, а статьи на политическую тематику публиковались без указания автора или с использованием псевдонимов.

Для многих белых эмигрантов, в том числе казаков, Запад не всегда воспринимался как союзник. У них в памяти были англичане и французы, предавшие, по мнению казаков, их в годы Гражданской войны. Г.Н. Хиль видел в англичанах главных виновников развязывания, как Первой, так и Второй мировых войн¹. Более того, казаки не могли забыть ту роль, которую сыграли Великобритания и США в выдаче казаков в Лиенце, да и в ряде других мест в годы Второй мировой войны. Это послужило причиной того, что казачество (его политически активная часть) дистанцировалось от участия в некоторых антисоветских организациях, финансируемых представителями Запада. В то же время именно то, что порой это был единственный способ получить признание среди западных политических деятелей и соответственно материальную поддержку, определяло то, что это дистанцирование было непостоянным и не твердым. Данная позиция

¹ ГАКК. Коллекция документов ККВ за рубежом. Пер. 1. Кор. 7. Ед. хр. 36. Письмо Г.Н. Хиль – В.Г. Науменко. 12.08.1970.

характерна не только для казаков-эмигрантов, но и для ряда других представителей русской эмиграции, в первую очередь монархистов¹.

В условиях распада антигитлеровской коалиции и обострения международных отношений после Второй мировой войны, проявившегося, в частности, в Берлинском кризисе 1948–1949 гг. и войне в Корее 1950–1953 гг., возродились чаяния российских эмигрантов на развязывание борьбы Запада с СССР и последующее свержение советского строя. Более того, часть российской эмиграции пыталась всячески подтолкнуть Запад к конфликту с СССР, они были очень недовольны, когда в отношениях СССР с западными государствами наблюдалось некоторое снятие напряженности. Данная позиция была характерна и для части казаков-эмигрантов и их потомков².

Один из видных общественно-политических деятелей казачьего зарубежья генерал С.К. Бородин разработал план по свержению коммунистических правительств. Он предусматривал разрыв дипломатических и торговых отношений государств свободного мира с государствами коммунистического мира и создание из эмигрантов и военнослужащих коммунистических армий «Освободительных армий России, Прибалтики, Китая, Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии». Командный состав этих Освободительных армий должен пройти стратегическую, тактическую и теоретическую подготовку. Из эмигрантов должен быть подготовлен административный аппарат, обеспечивающий тыл данных армий, а впоследствии приступивший к административным функциям на освобожденных территориях. Когда Освободительные армии будут подготовлены в военном, материальном и моральном отношениях, то правительства государств свободного мира должны потребовать проведение в коммунистических странах свободных выборов под контролем ООН. В случае отказа от принятия данного ультиматума предполагалось

¹ Антошин А.В. Российская эмиграция и апогей «холодной войны» // История российского зарубежья. Эмиграция из СССР–России 1941–2001 гг.: сб. ст. М., 2007. С. 94.

² МККВ. Ф. Кубанское казачье войско за рубежом. Обращение С.К. Бородина к казакам. 1953 г. С. 1.

использование Освободительных армий уже как вооруженной силы для освобождения своих государств от коммунистического владычества. В противном случае, по мнению С.К. Бородина, была неизбежна или ядерная война, или победа коммунизма во всем мире¹.

В период Корейской войны 1950–1953 гг. активизировались и казаки-националисты, которые также выступали за создание казачьих воинских частей и подготовку кадров будущей администрации в казачьих землях. Предполагалось иметь также казачьих военных атташе в армиях тех государств, которые вступят в борьбу с СССР². В 1950-е гг. уже ряд казаков, получивших американское гражданство, служили в рядах американских вооруженных сил³.

Осенью 1965 г. казаки-националисты участвовали в массовой демонстрации в Нью-Йорке в поддержку политики американского правительства во Вьетнаме, позиционируемой как антикоммунистической⁴. Отметим, что некоторые казаки, будучи уже гражданами США, приняли участие в этой войне⁵.

Часть казаков активно участвовали и в выборах в Конгресс США. Так, в 1964 г. многие казаки-националисты голосовали за представителей Республиканской партии. В республиканском национальном комитете в Вашингтоне была создана казачья секция. Представители казачества были также во многих гражданских комитетах, образованных для поддержки кандидатов Республиканской партии США⁶.

¹ МККВ. Ф. Кубанское казачье войско за рубежом. Письмо С.К. Бородина – Крюкову В.С. от 20 июня 1953 г. С. 9–10.

² ГАКК. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 82-7. Л. 1; Шпак Г. С чем нам идти в Казакию // Казак. Нейи-сюр-Сен (Франция), 1952. № 7. С. 1.

³ Первые казаки Ди-Пи в американской армии // Общеказачий журнал. США, 1950. № 10. С. 34.

⁴ ГАКК. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 87-1. Л. 1 об; Билый И. Большая патриотическая манифестация в Нью-Йорке // Казак. Нейи-сюр-Сен (Франция), 1966. № 89. С. 2.

⁵ Последний земной путь молодого кубанца // Казак. Наяк (США), 1967. № 223. С. 38.

⁶ Казаки в выборах США // Казакия. Мюнхен, 1964. № 11. С. 11.

Анализируя политические взгляды российских эмигрантов в годы холодной войны, А.В. Антошин обращает внимание на то, что и монархисты, и солидаристы (деятели НТС), призывая к наступлению на СССР, в то же время предостерегали от повторения оккупационной политики Третьего рейха. При этом они опасались как ослабления и порабощения своей родины, так и усиления коммунистической власти в условиях западной интервенции и оккупации¹. Подобные взгляды разделяли и представители казачьего зарубежья.

Интересно, что среди казаков-эмигрантов первой волны можно было встретить высказывания о том, что «нечего нам отсюда указывать нашим братьям, находящимся под большевиками, что им делать, и не нам решать здесь их долю, у них тоже есть голова на плечах, и они обойдутся там и без нашей указки»². Некоторые казаки-эмигранты второй волны и в середине 1960-х гг. считали необходимым сделать все возможное для помощи казакам, проживавшим в СССР, чтобы избавиться от коммунистической власти³.

Порой и определенные политические круги западных государств раздували антисоветскую кампанию с вовлечением в нее представителей различных народов, проживавших на территории СССР, в том числе и казаков. Так, 22–23 февраля 1952 г. по инициативе американских конгрессменов О. Армстронга и Дж. Керстена в Вашингтоне (США) прошла конференция по психологической стратегии. На ней присутствовало около 500 чел., включая сенаторов и конгрессменов США, дипломатов, представителей различных американских общественных организаций и национальных объединений/обществ, включая казаков. Целью конференции было: обратить внимание американской общественности на борьбу народов СССР за свое национальное освобождение из под коммунистического рабства и разработать план помощи им, дав возможность создать свои

¹ Антошин А.В. Российская эмиграция ... С. 98.

² ГАКК. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 86-13. Л. 1 об.

³ Мирошниченко В. Не утерпел и я // Казак. Нейи-сюр-Сен (Франция), 1965. № 86. С. 2.

собственные национальные демократические организации¹. Естественно, что такие мероприятия не могли не поддерживать надежду на освобождение родных краев от советской власти среди определенной части казачества. Не случайно в 1954–1955 гг. КНОД разрабатывает Конституцию Казакии².

В 1958 г. делегация КНОД участвовала во 2-м Конгрессе американских друзей антибольшевистского блока народов³.

В июле 1959 г. Конгрессом США была принята резолюция о Неделе порабощенных народов (US. Public Law 86-90). В резолюции отмечалось, что агрессивная политика СССР обрекла на потерю национальной независимости ряда государств, среди которых была указана и Казакия⁴. Поддержка народов данных государств обосновывалась необходимостью обеспечения национальной безопасности США и построения «справедливого и длительного мира»⁵. В соответствии с данной резолюцией президент США Д. Эйзенхауэр издал соответствующий указ, в котором призвал американцев отметить Неделю порабощенных народов «соответствующими церемониями и деятельностью, а также... изучать борьбу порабощенных Советами народов и поддержать справедливые стремления тех порабощенных народов»⁶. Подобного рода указы в соответствии с законом американского Конгресса (US. Public Law 86-90) издавали и последующие президенты США. Конечно, казаки-националисты активно приветствовали данную резолюцию и указ, так как в них среди прочих государств, попавших под власть и влияние СССР, упоминалась и Казакия⁷. В феврале 1964 г., в связи с 25-летним юбилеем общественно-политической деятельности американского конгрессмена

¹ ГАКК. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 82-7. Л. 3; Армстронг О. На конференции психологической стратегии // Казак. Нейи-сюр-Сен (Франция), 1952. № 7. С. 5.

² Программа КНОД // Казак. Нейи-сюр-Сен (Франция), 1954–1955. № 21–25.

³ ГАКК. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 84-11. Л. 1–2.

⁴ Там же. Д. 87-4. Л. 1; Американский закон 86-90, установивший Неделю порабощенных народов // Казак. Нейи-сюр-Сен (Франция), 1967. № 98. С. 1.

⁵ Там же.

⁶ Первый Указ Президента США // Казак. Нейи-сюр-Сен (Франция), 1967. № 98. С. 1.

⁷ ГАКК. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 84-16. Л. 1; Неделя порабощенных народов // Казак. Нейи-сюр-Сен (Франция), 1959. № 51. С. 1.

М. Фигена (одного из инициаторов закона о Неделе поработанных народов), И.А. Билый послал ему приветственную телеграмму¹.

Однако далеко не все казаки разделяли радость и восторг в связи с принятием закона 86-90. Некоторые из них видели в нем лишь реализацию политики, направленной на расчленение и ослабление России (СССР)². Хотя в целом антикоммунистическая риторика была поддержана большинством казаков зарубежья.

Визит Н.С. Хрущева в США в сентябре 1959 г. был очередным ударом по надеждам казаков-эмигрантов на единый антисоветский фронт.

Особенностью 1950-х гг. (в отличие от 1960-х гг.) было поддержание в среде российских эмигрантов, в том числе и казаков, иллюзии возможности «скинуть большевизм». Этой теме посвящалось множество публикаций. Она была одной из главных тем в разговорах и дискуссиях в среде казачьего зарубежья. Однако при этом какой-нибудь реальной работы в этом направлении не велось, да и не могло вестись. В 1962 г. Н.Л. Кисель сообщает В.Г. Науменко из Сан-Франциско о том, что у казаков практически нет общих интересов, казачья жизнь остановилась, а казачьи станицы за исключением кубанской, фактически прекратили свою деятельность. При этом, отмечает он, казаки-кубанцы собираются только на панихиды и годовые заседания станицы³.

После окончания Второй мировой войны прекратил свое существование и Объединенный совет Дона, Кубани, Терека и Астрахани. Атаман Донского казачьего войска генерал Г.В. Татаркин умер в лагере для перемещенных лиц в Австрии, атаманы Терского и Астраханского казачьих войск генералы Г.А. Вдовенко и Н.В. Ляхов остались в Югославии. На роль руководителя донского казачества претендовали генералы П.Х. Попов и И.А. Поляков. Сторонники П.Х. Попова доказывали, что он единственно законно

¹ ГАКК. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 86-7. Л. 2.

² Чеботарев Г. Указ. соч. С. 12.

³ ГАКК. Коллекция документов ККВ за рубежом. Пер. 1. Кор. 6. Ед. хр. 24. Письмо Н.Л. Киселя – В.Г. Науменко. 24.11.1962.

избранный войсковой атаман за рубежом. Генерал И.А. Поляков в своих претензиях на пост и.д. донского атамана за рубежом опирался на возложение на него этой обязанности генералом Г.В. Татаркиным незадолго до смерти¹. Многие казачьи войска Азиатской части России еще до Второй мировой войны фактически остались без своих атаманов. Малочисленность и неорганизованность казаков восточносибирских казачьих войск привели к тому, что часто они просили руководителей донского и кубанского казачества быть их представителями при решении тех или иных казачьих вопросов². Только атаман Кубанского казачьего войска за рубежом генерал В.Г. Науменко продолжал руководить им. Хотя находились те, кто пытался оспорить и его право на руководство Войском, или обвинить в узурпаторстве поста войскового атамана.

Разбросанность казаков по всему миру угрожала их полному распылению и исчезновению казачества, как такового. Это понимали многие общественно-политические деятели, лидеры казачьего зарубежья, войсковые атаманы и казакийцы. И.А. Билый в 1955 г. писал: действительность неумолимо свидетельствует о том, разбросанные по всему миру казаки, оторванные друг от друга, вряд ли сумеют сохранить свою национальную идентичность³.

После Второй мировой войны были неоднократные попытки некоторых деятелей и отдельных групп казаков выступить в качестве центра собирания всего казачества, а не только одного определенного войска. В частности, один из лидеров ВКД И.А. Билый именуется себя верховным атаманом, ссылаясь на Верховный казачий круг, облачивший его этой властью⁴. При этом им производятся некоторые казаки в какие-то фантастические чины.

¹ ГАКК. Коллекция документов ККВ за рубежом. Пер. 1. Кор. 10. Ед. хр. 108.

² Там же. Кор. 17. Ед. хр. 211. Доклад Кубанского войскового атамана, сделанный на Кубанском войсковом сборе в г. Нью-Йорке 27 марта 1960 г.

³ Билый И. Надо положить конец распылению казачества // Казак. Нейи-сюр-Сен (Франция), 1955. № 25. С. 2.

⁴ ГАКК. Коллекция документов ККВ за рубежом. Пер. 1. Кор. 1. Ед. хр. 1. Приказ от 1 октября 1950 г. (копия).

Так, И.А. Билый своим приказом произвел войскового старшину А.И. Скрылова в чин генерал-есаула¹. В.Г. Глазков провозгласил себя председателем Верховного казачьего представительства за рубежом. В декабре 1957 г. Верховное казачье представительство провело в Нью-Йорке IV Верховный казачий круг, на котором в качестве верховного атамана был избран кубанский казак, полковник Н.И. Посохов². В борьбе с И.А. Билым у казаков-националистов появился еще один верховный атаман генерал С.М. Макеев³. Кроме того, появились и новые претенденты на руководство казачеством за рубежом из числа казаков, оказавшихся за границей в годы Второй мировой войны (например, И.Н. Кононов). Как отметил один из казаков: «скоро будет так, что атаманов будет больше, чем простых казаков»⁴. Помимо этого, в местах пребывания казаков, включая лагеря для перемещенных лиц, было организовано множество различных казачьих организаций и обществ: Общеказачья и Кубанская станицы в лагере Шляйсгайме, Терское объединение в лагере Мемминген, Казачий союз и Союз комбатантов в Париже и др.⁵ В Баварии действовал Казачий национальный центральный комитет⁶. В Канаде был создан Казачий национальный фронт во главе с атаманом Н.В. Быкадоровым⁷.

В 1947 г. в США был образован Общеказачий центр во главе с С.Г. Елатонцевым (в англоязычных документах центр назывался World Cossack Association). К августу 1949 г. в него входили: 6 казачьих станиц в

¹ ГАКК. Коллекция документов ККВ за рубежом. Пер. 1. Кор. 1. Ед. хр. 1. Приказ от 1 октября 1950 г. (копия).

² ГАКК. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 89-2. Л. 1; Четвертый Верховный казачий круг за рубежом // Казачий вестник. Мюнхен, 1958. № 109. С. 3.

³ ГАКК. Коллекция документов ККВ за рубежом. Пер. 1. Кор. 13. Ед. хр. 163. Информация Казачьего национального независимого объединения. Мюнхен, декабрь 1956.

⁴ Там же. Кор. 17. Ед. хр. 215. Дорогие донцы, в рассеянии сущие!

⁵ Там же. Кор. 7. Ед. хр. 42. Письмо В.Г. Науменко – А.П. Архангельскому. 24.03.1949.

⁶ ГАКК. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 89-1. Л. 3 об.; Хроника // Казачий вестник. Мюнхен, 1957. № 108. С. 6.

⁷ ГАКК. Коллекция документов ККВ за рубежом. Пер. 1. Кор. 16. Ед. хр. 199. Выборы донского атамана в Канаде. 30.04.1953.

США, а также станицы, общества и организации из Франции, Греции, Китая, Австралии, Аргентины, Венесуэлы. Кроме того, представители Общеказачьего центра были в Англии, Швеции, Канаде, Бразилии, Иране, Египте, Марокко, Ираке, на Филиппинах¹.

Анализируя группы российской эмиграции, существовавшие в начале 1950-х гг., Р.Ф. Келли упоминает только одну казачью организацию – Всемирную ассоциацию казаков (на русском языке она позиционировалась как Общеказачий центр. – О.Р.). При этом он характеризует ее как «хорошо организованную и активную антикоммунистическую русскую организацию», которая является наиболее демократичной по сравнению с другими группами². Данная организация была создана с претензией на объединение всего казачества безотносительно принадлежности к войскам и политических взглядов. Ее организаторы, действительно, пытались занять нейтральную позицию и в споре единомышленников со самостийниками, предоставляя и тем, и другим возможность изложить свои взгляды на страницах «Общеказачьего журнала», издававшегося Общеказачьим центром.

После Второй мировой войны активную деятельность развернули казаки-самостийники. При этом Казачье национально-освободительное движение иногда именовалось ими как Казачье народное движение. Пользуясь тем, что в Донском войске опять проявилось двуатаманство, казаки-националисты под предлогом прекращения распрей в казачьей среде предлагали казакам объединиться под их знаменами³. В апреле 1951 г. во Франции начинает выходить журнал «Казак», позиционирующийся как орган казачьего национально-освободительного движения. В нем говорилось, что

¹ ГАКК. Коллекция документов ККВ за рубежом. Пер. 1. Кор. 11. Ед. хр. 131. Обращение World Cossack Association. 27.08.1949.

² Келли Р.Ф. Указ. соч. С. 227.

³ ГАКК. Коллекция документов ККВ за рубежом. Пер. 1. Кор. 10. Ед. хр. 109. Обращение КНД. Декабрь 1947 г.

«задачей настоящего издания будет продолжать дело журнала «Вольное казачество – Вильне козацтво» в новых условиях и в новой обстановке¹.

Со временем в рядах казачьего национально-освободительного движения начались расколы. На первый план выдвинулось противостояние между верховным атаманом И.А. Билым и председателем верховного представительства КНОД В.Г. Глазковым². По-прежнему основными причинами расколов, как и до Второй мировой войны, были личные амбиции руководителей движения и стремление представлять казачество перед государственными органами и различными объединениями, обществами, организациями принимающих государств. Последнее давало надежду на получение и распределение определенной материальной поддержки. Однако были и некоторые идеологические, политические аспекты разногласий. Так, сторонники И.А. Билого обвиняли В.Г. Глазкова в антисемитских настроениях³.

Казачьи эмигранты второй волны чаще в целом разделяли идеи казаков-националистов⁴. Отметим, что в 1965 г., когда Общеказачий центр возглавлял В.В. Черешнев, он по своим идейным установкам и в плане контактов сблизился с Казачьим (в других источниках – Общеказачьим. – О.Р.) национальным представительством, имевшим самостоятельную направленность⁵. При этом Общеказачье представительство во главе с верховным атаманом Мажаевым выступило как против казаков-националистов во главе с И.А. Билым и В.Г. Глазковым, так и против ККВ во главе с атаманом Б.И. Ткачевым. Одним из побудительных мотивов создания подобного представительства был расчет на то, что объединение всех казаков в рамках единой организации поможет им стать более мощной политической силой и

¹ Наши задачи // Казак. Нейи-сюр-сен (Франция). 1951. № 1. С. 1.

² ГАКК. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 82-3. Л. 1об. – 2; Д. 82-4. Л. 1–2.

³ Лидин М. Мелочи, но важные // Казак. Нейи-сюр-Сен (Франция), 1957. № 36. С. 2.

⁴ Интервью с Н.П. Сухенко. 25.07.2010, г. Винелэнд (шт. Нью-Джерси, США).

⁵ Казачий словарь-справочник. Сан-Ансельмо, США, 1968. Т. 2. С. 228.

рассчитывать на определенные материальные дивиденды¹. Казачье национальное представительство за рубежом имело также свой печатный орган – газету «Казачье слово».

Судя по переписке между атаманом ККВ за рубежом Б.И. Ткачевым и председателем Войскового совета ККВ за рубежом М.К. Куликом, в середине 1960-х гг. наметилась возможность сближения казаков-националистов с ККВ. В то же время многие другие документы позволяют предположить, что это была просто политическая игра с целью внедрения казаков-националистов в ККВ и перетягивание его на свои общественно-политические и идеологические позиции². Возможно, за этим стояло также желание казаков-националистов завладеть регалиями ККВ.

Казаками-националистами был поставлен вопрос о создании автономной казачьей епархии. Было даже предложено Временное положение о православных приходах казачьей епархии³. В скором времени первый такой приход был образован в Англии на окружном съезде православных мирян-казаков⁴. В 1960 г. в США был зарегистрирован и первый казачий православный Свято-Покровский монастырь, целью которого было заявлено: «создание казачьего религиозного и культурного центра для удовлетворения духовных потребностей казаков, для сохранения казачьих обычаев и особенностей и для оказания помощи нуждающимся»⁵.

Довольно много казаков-националистов (самостийников, казакийцев) проживало в Канаде. Анализ списков кубанских казачьих объединений и обществ, принявших участие в 1966 г. в выборах атамана ККВ за рубежом, позволяет отметить, что в выборах практически не принимали участие

¹ ГАКК. Коллекция документов ККВ за рубежом. Пер. 1. Кор. 10. Ед. хр. 112. Письмо Б.И. Ткачева – М.К. Кулику. 08.09.1965.

² Там же. Письмо М.К. Кулика – Б.И. Ткачеву. 22.03.1964.

³ Временное положение о православных приходах Казачьей Епархии // Казак. Нейи-сю-Сен (Франция), 1952. № 10. С. 2.

⁴ ГАКК. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 82-10. Л. 3.

⁵ Там же. Д. 85-6. Л. 3; Казачий монастырь // Казак. Нейи-сю-Сен (Франция), 1960. № 59. С. 5.

казаки, проживавшие в Канаде¹, хотя достоверно известно, что в Канаде также проживало значительное количество казаков-кубанцев². Это косвенно подтверждает тот факт, что в Канаде, принявшей много украинцев после Второй мировой войны, более комфортно чувствовали себя казаки-националисты и кубанцы, разделявшие идею вхождения Кубани в состав Украины.

После Второй мировой войны ряд казачьих обществ и объединений продолжал активно контактировать с различными общероссийскими обществами, объединениями и организациями. Преимущественно это были совместные балы, вечера и взаимные поздравления с различными праздниками. Однако порой проводились и мероприятия общественно-политического характера. Например, День непримиримости, который рассматривался многими российскими эмигрантами, в том числе и казаками, как важнейшее антикоммунистическое мероприятие³. Особенно активно в подобном мероприятии участвовали атаманы Донского, Кубанского и Терского казачьих войск, а также представители РОВС.

В то же время большинство казаков по-прежнему дистанцировались от вступления в различные общероссийские эмигрантские организации. Но были и те (преимущественно среди представителей послевоенной эмиграции), которые вступали в разнообразные объединения и общества как политического, так и не политического характера. Так, атаман Общеказачьей станицы в Штутгарте Д.М. Реуцкий был избран в 1952 г. делегатом на 4-й съезд Центрального представительства российской эмиграции (ЦПРЭ). Данная организация позиционировала себя как «внепартийное общественно-

¹ ГАКК. Коллекция документов ККВ за рубежом. Пер. 1. Кор. 10. Ед. хр. 112. Протокол заседания мандатной комиссии Особого выборного сбора по выборам кубанского войскового атамана. 14.08.1966.

² ЛА Р. Интервью с Н.П. Сухенко. 25.07.2010, г. Винелэнд (шт. Нью-Джерси, США).

³ ГАКК. Коллекция документов ККВ за рубежом. Пер. 1. Кор. 6. Ед. хр. 28. Письмо С.Н. Ряснянского – В.Г. Науменко. 14.10.1967.

административное объединение». При этом прослеживалась явная связь ЦПРЭ с правыми кругами российского зарубежья¹.

Войсковые атаманы, сотрудничая с различными российскими объединениями и обществами, предпочитали не занимать в них никаких должностей, считая, что «это войсковому атаману делать не надлежит, ибо это роняет его атаманское достоинство, как и теряет престиж казачьего Войска»².

КазакИ, особенно казакИЙЦЫ, знакомили со своими политическими взглядами и программой общественность принявших их государств, а также представителей народов, входивших в состав СССР. В первую очередь это касалось тех народов, территории которых располагались на границе с территорией предполагаемой КазакИИ. Так, учитывая, что украинская общественность в Аргентине (отметим, что в государствах Латинской Америки проживало довольно много выходцев из Украины) имела слабое представление о казачестве и его стремлениях в эмиграции и мало была знакома с КНОД, атаман вольноказачьей станицы в Буэнос-Айресе Н. Дмитренко 23 ноября 1957 г. сделал доклад по этим вопросам в помещении Украинского клуба в Буэнос-Айресе³. В 1963 г. другой станичный атаман Т.И. Манжула издал в Буэнос-Айресе за свой счет небольшую брошюру на испанском языке «Меморандум по казачьему вопросу». В ней кратко освещалась история казачества в периоды революции, гражданской войны и эмиграции, рассказывалось о КазакИИ и деятельности КНОД. Брошюра распространялась практически по всей Южной Америке, где были казакИ⁴. В газете «Грузинская нация»,

¹ Антошин А.В. На фронтах второй мировой ... С. 101.

² ГАКК. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 71-1. Доклад Кубанского войскового атамана, сделанный на Кубанском войсковом сборе в г. Нью-Йорке 27 марта 1960 г.

³ Там же. Д. 84-7. Л. 2 об; Казачья жизнь в Аргентине // Казак. Нейи-сюр-Сен (Франция), 1958. № 42. С. 4.

⁴ ГАКК. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 86-2. Л. 3; Билый И. Хорошее и полезное дело // Казак. Нейи-сюр-Сен (Франция), 1963. № 73. С. 5.

выходившей в Париже на французском языке, казаки-националисты периодически выкупали страничку, в которой печатали свои материалы¹.

Интересно, что зять кубанского войскового атамана В.Г. Науменко Н.Г. Назаренко, активно участвуя в общественно-политической жизни как казачьего, так и американского общества, был активным сторонником самостийничества и вольного казачества, сотрудничал с казаками-националистами².

Часть казаков, участвовавших во Второй мировой войне, ассоциировалась в глазах представителей западной общественности и других российских эмигрантов, в том числе и казаков, как власовцы. При этом одни из них пытались дистанцироваться от подобного ярлыка, другие, напротив, бравировали этим. Многие власовцы позиционировали себя за рубежом как продолжатели вооруженной антибольшевистской борьбы, которая велась в период Гражданской войны, годы коллективизации и массового раскулачивания, в то время как их меньшая часть позиционировали себя как продолжатели Белого движения³. Казаки новой эмиграции были в основном представлены этим меньшинством. Это в определенной степени облегчало их адаптацию в новых условиях, позволяя рассчитывать на поддержку и связи казаков-эмигрантов первой волны. Однако последние первоначально не всегда охотно шли на подобную помощь, видя в большинстве эмигрантов второй волны представителей коммунистической России, пусть и порвавших с ним в годы Второй мировой войны.

Позиционирование себя как борцов с социализмом и коммунизмом делало привлекательными власовцев среди антикоммунистически настроенных кругов российской, в том числе и казачьей эмиграции. Но

¹ ГАКК. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 86-7. Л. 2; Билый И. Наша пропаганда на внешнем фронте // Казак. Нейи-сюр-Сен (Франция), 1964. № 78. С. 3.

² ГАКК. Коллекция документов ККВ за рубежом. Пер. 1. Кор. 7. Ед. хр. 36. Письмо В.Г. Науменко – Г.Н. Хилу. 10.10.1970.

³ Александров К.М. «Не обольщаем себя надеждами о скорой реабилитации...» Судьбы офицеров власовской армии в послевоенной эмиграции // Нансеновские чтения. 2009. СПб., 2010. С. 258.

отличительной особенностью казачества, которая помогала сближению казаков разных волн и поколений, было осознание единого исторического прошлого, общих традиций, культуры. Принадлежность к казачеству была своеобразным маркером по принципу «свой – чужой». Только одно это способствовало оказанию взаимопомощи и поддержки казаков разных волн эмиграции¹.

Учитывая, что многие казаки активно пытались встроиться в жизнь принявших их государств, и в силу социально-экономических причин все более выпадали из жизни казачьего зарубежья, войсковые атаманы казачьих войск за рубежом искали различные механизмы и инструменты сохранения своих Войск. Этому должно было способствовать, в частности, занятие позиции непредрешенчества в отношении будущего казачьих краев. Так, войсковой атаман ККВ за рубежом В.Г. Науменко в 1957 г. заявлял, что непредрешенчество – один из путей сохранения единства казаков за рубежом, а общие для всех казаков идеи должны быть – антикоммунизм и любовь к Войску, стремление к его сохранению и развитию². Казаки-националисты с сожалением отмечали, что большинство казаков за рубежом разделяют идею непредрешенчества³. В итоге делался вывод о том, что «если взять казачью эмиграцию в целом, нужно признать, что она не сыграла до сих пор своей роли, не оправдала надежд на нее возлагаемых “там”»⁴. В сентябре 1955 г. С.А. Пахомов писал Б.Н. Уланову: «Эмиграция никогда не решала судеб народа, не решит и сейчас. Бросьте ретроспективный взгляд в прошлое, и наглядная картина отмирания органов эмигрантского организма предстанет перед Вами. Где некогда многочисленные и мощные казачьи организации? Где казачья пресса? Остались единицы вместо сотен, и

¹ ЛА Р. Интервью с Н.В. Дубовским. 01.07.2011, г. Хауэлл (шт. Нью-Джерси, США).

² ГАКК. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 68-1; МККВ. Ф. Войсковой совет ККВ за рубежом. Д. Протокол 5-го Кубанского Войскового сбора. 24 февраля 1957. С. 8.

³ Еремеев В. Верю и других зову верить // Казак. Нейи-сюр-Сен (Франция), 1956. № 34. С. 1.

⁴ Еремеев В. Куда идешь ты, казачья эмиграция? // Казак. Нейи-сюр-Сен (Франция), 1957. № 36. С. 1.

ротаторный журнал – тетрадка, вместо типографских журналов. Это никуда не спрячешь!»¹.

За объединение казаков выступал и один из активных общественно-политических деятелей казачьего зарубежья генерал С.К. Бородин. По его мнению, единой платформой такого объединения могла стать антикоммунистическая борьба. При этом С.К. Бородин призывал и самостийников, и единонеделимцем отложить в сторону вопросы дальнейшего будущего казачьих краев и областей до окончательного свержения советского строя в СССР².

Казачьи-националисты призывали к объединению казачьей интеллигенции с рядовой казачьей массой в целях общей борьбы за освобождение казачьих краев и отстаивания интересов казаков за рубежом³.

Порой попытки войсковых атаманов собрать казаков под свои знамена, напротив, приводили к расколу казачьих обществ. Например, после прибытия казаков в Аргентину ими была основана довольно крупная (более 100 чел.) станица, в которую входили казаки различных войск и политических взглядов. Однако призывы войсковых атаманов объединяться под их знаменами привели к тому, что единая станица раскололась на шесть организаций⁴.

В то же время далеко не все казаки стремились участвовать в политической жизни. Отличительной особенностью существования казаков-эмигрантов после Второй мировой войны было желание максимально встроиться в жизнь принявших их государств, адаптироваться и стать полноправными их гражданами. Связано это было с усталостью, накопившейся за годы Второй мировой войны, и желанием пожить

¹ ГАКК. Коллекция документов ККВ за рубежом. Пер. 1. Кор. 18. Ед. хр. 225.

² МККВ. Ф. Науменко В.Г. Обращение С.К. Бородина к казакам. 20 июня 1953 г. С. 2.

³ Соколовский Б. Наше взаимопонимание // Казак. Нейи-сюр-Сен (Франция), 1951. № 5. С. 1.

⁴ ГАКК. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 83-17. Л. 2.

спокойной жизнью, а также с неверием в возможность своего возвращения на родину и необходимостью не только устроиться самим, но и создать максимально благоприятные условия для будущего своих детей. При этом стремление благополучно устроиться порой приводило к вопиющим случаям крайне недостойного поведения. Так, есаул Панасенко пытался в 1957 г. получить с ККВ за рубежом деньги по долговым обязательствам представителей Кубанского правительства от ноября 1919 г., угрожая в том числе и продажей регалий ККВ¹.

В.Г. Науменко отмечал, что страницы русской прессы в Нью-Йорке пестрят объявлениями и различных вечерах, балах и других развлечениях, а настоящей деловой работы, направленной на борьбу с большевизмом не ведется, хотя разговоров об этом много². Характеристика, данная В.Г. Науменко в 1954 г., общественной жизни казаков-эмигрантов в Нью-Йорке в целом была характерна и для других центров казачьего зарубежья. Часть казаков отходили от жизни Войска из боязни последующих репрессий. Так, Г. Галинский в письмах к войсковому атаману ККВ неоднократно указывал на возможную слежку со стороны коммунистов за казаками-иммигрантами в Мексике³.

Отход ряда казаков от жизни Войска и новые условия существования казаков за границей привели к такому явлению, как активное участие в жизни войсковых казачьих организаций женщин. Одной из форм такого участия было создание женских благотворительных комитетов, которые организовывали различные мероприятия с целью получения дохода, идущего на нужды Войска или в качестве благотворительной помощи конкретным казакам. Так, женские казачьи комитеты занимались сбором средств и отправкой посылок казакам, находившимся в лагерях ди-пи. Казаки-националисты в 1957 г. организовали Союз казачек в Америке, задачами

¹ ГАКК. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 15. Л. 70.

² Там же. Д. 16. Л. 10 об.

³ ГАКК. Коллекция документов ККВ за рубежом. Пер. 1. Кор. 1. Ед. хр. 1. Письмо Г.Галинского – А.В. Бублику. 25.07.1977.

которого были: «а) благотворительность: помощь инвалидам, старикам, больным, вдовам, сиротам; б) воспитание детей дошкольного возраста»¹.

Отрыв ряда казаков от жизни Войска и активное участие в ней женщин-казачек привели к тому, что со второй половины 1950-х гг. в выборах войсковых атаманов стали принимать участие и женщины. Подчеркивая возросшую в эмиграции роль женщины-казачки, председатель Войскового совета ККВ за рубежом М.К. Кулик отмечал: «Она (женщина-казачка. – О.Р.) разделила труд по содержанию семьи со своим мужем, в общественной же жизни без ее участия невозможно представить ни устройства наших празднеств, ни благотворительных вечеров, ни вообще работу в поддержку наших обездоленных братьев. Некоторые из них (женщин-казачек. – О.Р.) своей жертвенностью как на благотворительность, так и на нашу Кубанскую организацию, жизнью которой они интересуются, не в пример многим казакам, оставили далеко позади себя многих из тех, кто борется против их права голосовать»². Учитывая, что за рубежом многие казаки со временем женились на иностранках, М.К. Кулик обратил внимание и на этот факт, отметив, что жены казаков иностранного происхождения сделали много полезного для организации кубанцев за рубежом³.

На роль женщин в жизни казачьего зарубежья обращали внимание и казаки-националисты: «В жизни эмиграции политической должно быть отведено место и для участия жен-казачек в работе общественной»⁴.

Для поддержания связи с казаками, разбросанными по всему миру, донской и кубанский атаманы, а также казаки-националисты создали институт представительства. В 1954 г. представители кубанского атамана за рубежом были в 11 государствах: Англии, Франции, Германии, Австрии,

¹ ГАКК. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 84-2. Л. 3; Хлебова Е.А. От «Союза казачек в Америке» // Казак. Нейи-сюр-Сен (Франция), 1957. № 37. С. 6.

² Там же. Д. 68-2; МККВ. Ф. Войсковой совет ККВ за рубежом. Кулик М.К. О праве голоса казачкам.

³ Там же.

⁴ Там же. Д. 84-2. Л. 3; Хлебова Е.А. От «Союза казачек в Америке» // Казак. Нейи-сюр-Сен (Франция), 1957. № 37. С. 6.

Бельгии, Италии, Бразилии, Венесуэле, Аргентине, Австралии, США (в Калифорнии)¹. Представители атаманов, с одной стороны, выступали от их имени перед правительствами государств пребывания, а с другой – являлись передаточным звеном между войсковыми атаманами и казачьими объединениями и обществами, станицами и хуторами, а также отдельными казаками. При этом, когда после Второй мировой войны был реанимирован/возрожден Объединенный совет казачьих войск (ОСКВ), то войсковые атаманы поддерживали связь с казаками в других государствах через представителей ОСКВ. Однако в силу разного рода разногласий с отдельными представителями ОСКВ кубанский атаман Б.И. Ткачев отказался от их услуг и назначил своих представителей в различных государствах (10 чел.)².

В политическую борьбу порой невольно включались и казаки, оказавшиеся за рубежом после отбытия 10-летнего срока наказания в лагерях³. За них разворачивалась ожесточенная борьба между различными казачьими группировками, в первую очередь между казаками-националистами и единомыслителями. Так, В.Г. Науменко сообщает, что в сентябре 1955 г. в Австрию из советского плена прибыло несколько казаков, в том числе два кубанца и один донец. Донской казак А. Протопопов был сразу же «взят под крыло» лидером казаков-националистов В.Г. Глазковым⁴.

В конце 1950-х гг. некоторым казакам, проживавшим вне пределов СССР, удалось посетить свою родину. Впечатления от этих поездок были различные. Так, Г. Чеботарев, побывавший в СССР в составе американской научной делегации в 1959 г., вспоминал: «Покидая СССР, я испытывал счастливое чувство: моя родина, Россия, жива и оправляется от выпавших на

¹ ГАКК. Коллекция документов ККВ за рубежом. Пер. 1. Кор. 16. Ед. хр. 195. От кубанского атамана. 1954.

² ГАКК. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 71-1; МККВ. Ф. Ткачев Б.И. Доклад кубанского войскового атамана, сделанный на Кубанском войсковом сборе в г. Нью-Йорке 27 марта 1960 г.

³ Клименко А. Указ. соч. С. 102.

⁴ ГАКК. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 15. Л. 45.

ее долю ужасных испытаний»¹. В то же время Г.Н. Хиль отмечал: «По рассказам приезжающих оттуда (СССР – О.Р.) людей, там у них царит вроде полуголода, везде хвосты за покупкой продуктов, и не удивительно. Это ведь результат ихней идиотской коммунистической системы»².

В это же время у части казаков возникло стремление получить советское гражданство и вернуться в родные края³. В 1960-х – начале 1970-х гг. была налажена регулярная почтовая связь между казаками за границей и их родными и близкими в СССР. Судя по всему, в 1960-х – начале 1970-х гг. у эмигрантов была возможность посетить СССР, и некоторые из них этим воспользовались. В то же время были и те, кто опасался подобных поездок, преимущественно эмигранты второй волны. Так, казак из ст-цы Васюринской В.С. Бурзак сообщал в октябре 1970 г. В.Г. Науменко о том, что получил письмо с родины, из которого узнал, что семья жива, сын работает в колхозе, а жена нянчит внуков. Сообщал он и о том, что жена обиделась на него из-за того, что его станичник Д.С. Комешный нашел возможность побывать на родине, а он нет. В.С. Бурзак объяснил ей это следующим образом: «не хочу быть на севере, а Комышний старый иммигрант, он летал як турист»⁴.

По-прежнему казаки живо интересовались тем, что происходит в СССР, а также его внешней политикой. Так, переговоры советского правительства с правительством Бразилии в начале 1963 г. по вопросам социально-экономических и торговых связей между государствами рассматривались некоторыми представителями казачества как подготовка почвы «для общего наступления на Южную Америку, в целях использования ее природных ресурсов и, главное, – в целях стратегического “окружения” Северной

¹ Чеботарев Г. Указ. соч. С. 434.

² ГАКК. Коллекция документов ККВ за рубежом. Пер. 1. Кор. 7. Ед. хр. 36. Письмо Г.Н. Хиля – В.Г. Науменко. 12.08.1970.

³ ГАКК. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 70-2. Л. 1.

⁴ ГАКК. Коллекция документов ККВ за рубежом. Пер. 1. Кор. 6. Ед. хр. 18. Письмо В.С. Бурзака – В.Г. Науменко. 05.10.1970.

Америки»¹. В журнале «Казакия», выходившем в Мюнхене в конце 1940-х – 1960-е гг. в разделе «Хроника» часто публиковалась информация о жизни в СССР. Информация была совершенно разная по своему содержанию. В частности, сообщалось о том, что футболисты Ростова-на-Дону выиграли матч у ереванского «Спартака»².

Порой эмигранты совершенно по-разному оценивали жизнь в СССР и за рубежом. Приведем пример из письма В.Г. Науменко И.Г. Малышевской (24 мая 1969 г.), который довольно четко иллюстрирует разные взгляды: «Из написанного Вами (3 тетрадки записок для публикации. – О.Р.) у читателя может создаться впечатление о Вашем недоброжелательном отношении ко всему американскому, особенно к характеру американцев. И как бы в противовес этому Вы часто отмечаете прекрасный характер русских людей, которых Вам пришлось видеть во время Вашего пребывания в СССР. Вы пишете о них, как о весьма приветливых и услужливых людях, но ведь это были главным образом служащие в советских учреждениях (в Интуристе, в магазинах, столовых...), люди специально вымуштрованные, обязанные показывать себя с самой лучшей стороны. Но, как я смог усмотреть из Ваших записок, Вам почти не пришлось встречаться с рядовым советским обитателем, жизнь которого во многом отличается в худшую сторону от людей партийных и разного рода служащих. В задачу советского возглавления и всего правительственного аппарата входит подбирать и дрессировать тех служащих, которым приходится встречаться и иметь дело с приезжающими в СССР иностранцами. Читая же Ваши записки, создается впечатление, что Вы противопоставляете советских людей и американцев, и сопоставление Ваше говорит в пользу советчиков. В то время как Вы в СССР видели главным образом вышколенных и обработанных в известном направлении людей, а в Америке видите рядового обывателя. Мне кажется,

¹ ГАКК. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 86-3. Л. 3; Черныш М. Советское наступление на Латинскую Америку // Казак. Нейи-сюр-Сен (Франция), 1963. № 74. С. 5.

² Хроника // Казакия. Мюнхен, 1961. № 1. С. 21.

что если Ваша книжка будет выпущена в свет в таком виде, как Вами написано в Ваших записках, то это может принести Вам много неприятностей. Я уж не говорю о наших соотечественниках, у которых о Вас сложилось совершенно иное мнение и они... постараются принести Вам неприятности. Но, главное дело не в них. Вы знаете о настоящих взаимоотношениях США и СССР и, что можно ожидать их разрыв в любое время... Поэтому надо быть весьма осторожными в своих высказываниях об американцах и особенно воздерживаться от приведения сравнений не в пользу США. ...Надо также не забывать, что при въезде в Америку, мы давали клятвенное обещание не выступать против существующего режима в США. Вы же, в своих записках, сравнивая республиканский и монархический строй, находите у республиканцев много недостатков, которых нет у монархистов. Это опасный момент... Вы отмечаете, что население в Екатеринодаре живет зажиточно и весело, а в то же время многое противоречит этому и говорит о том, что даже в таких богатых краях как Кубань, Бессарабия и др. жизнь населения безотрадная и убогая. Что зажиточно и весело там живут только власть имущие да коммунистическая головка с разными партийцами, которых на Руси многие миллионы, а народ повсеместно страдает и особенно в таких краях как Кубань, Бессарабия и пр. Я Вам приведу несколько примеров того, как говорят побывавшие там мои хорошие знакомые (и далее следуют примеры. – О.Р.)»¹.

Таким образом, общественно-политическая жизнь казачьего зарубежья в 1945–1960-е гг. определялась в значительной степени противостоянием двух социально-политических систем, известным как холодная война. При этом вопрос о возвращении в родные края, если и стоял, то только как очень отдаленная перспектива, а большинство дискуссия в казачьей среде потеряли свою актуальность.

¹ ГАКК. Коллекция документов ККВ за рубежом. Пер. 1. Кор. 6. Ед. хр. 25. Письмо В.Г. Науменко – И.Г. Малышевской. 24.05.1969.

Анализ казачьего зарубежья после Второй мировой войны показывает, что большинство казаков начали активно интегрироваться в социально-экономическую и культурную среду принявших их государств. Этому способствовали такие факторы, как фактическое расплысение казачества в связи с расселением по всему земному шару, а также мысль о невозможности возвращения на историческую родину. При этом определенная политически активная часть казачества продолжала вести общественно-политическую работу, связанную с интересами и потребностями казачьих войск. Особенно активно данная работа велась представителями донского и кубанского казачества, сумевшими сохранить основы войсковой организации. Отметим, что значительную долю казачьего зарубежья после Второй мировой войны составили казаки, проживавшие до ее начала на территории СССР. Многие из них, оказавшись за рубежом, также приняли активное участие в жизни казачьего зарубежья.

Сохранить свою культуру, свои традиции, знания исторического прошлого казачества удалось лишь не большому числу казаков, преимущественно из эмигрантов первой волны. И лишь немногие из них сумели передать эти знания детям и внукам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование истории казачьего зарубежья позволяет сделать ряд выводов.

Конкретизация казачьего зарубежья в качестве объекта исследования сталкивается с рядом методологических проблем, таких как: происхождение казачества, определение самого казачества, раскрытие понятий казачье зарубежье и зарубежное казачество и т.д. В тоже время констатация факта, что, находясь за пределами своей исторической родины, казаки сумели в определенной степени сохранить ряд традиционных социальных институтов (пусть и переживших определенную трансформацию в условиях эмигрантского бытия), позволяет определять казачество за рубежом в качестве самостоятельного социально-исторического феномена, для которого вполне приемлемо использование таких терминов как казачье зарубежье и диаспора.

Источниковая база исследования широка и разнообразна как по типовому и видовому составу источников, так и по географии их размещения. Практически в большинстве государств, где находились казаки, можно встретить материалы, связанные с их пребыванием в данной стране. В тоже время наиболее крупными архивохранилищами, содержащими документы по истории казачьего зарубежья, являются Государственный архив Российской Федерации и Государственный архив Краснодарского края. Значимость последнего особенно возрастает при изучении периода 1940–1960-х гг.

Наименее изученными и наиболее дискуссионными среди историографических проблем в рамках обозначенной тематики, являются: определение численности казачьего зарубежья, участие казаков во Второй мировой войне, взаимоотношения казаков-эмигрантов с другими представителями казачьего зарубежья, адаптационные процессы и

культурная жизнь казаков в государствах пребывания после Второй мировой войны.

В рамках данного исследования анализировались две основные волны эмиграции казаков. Первая волна была связана с революционными событиями и последующей Гражданской войной в России. Однако революция и Гражданская война создали лишь предпосылки для эмиграции части населения России.

В качестве основной причины эмиграции явилась не сама война, а поражение антибольшевистского движения и наличие среди казачьего населения значительного количества людей не согласных с политикой проводимой большевиками. Политика эта порой заключалась в проведение ряда мероприятий (в том числе и репрессивного характера), направленных на так называемое расказчивание населения казачьих краев и областей. Одним из побудительных мотивов к эмиграции казаков был страх перед последующими репрессиями уже победившей советской власти.

Отметим и элемент случайности и субъективности в принятии решения об эмиграции. В частности, он выражался в том, что одни казаки и их семьи, в силу различных обстоятельств, в большей степени пострадали от красного террора, а другие – от белого. Этот факт в значительной степени объясняет ситуацию, когда представитель зажиточного казачества оказывается вдруг в большевистском лагере, а казак-пластун (в пластуны в этот период времени шли преимущественно бедные казаки) уходил в эмиграцию вместе с представителями белого движения, выступавшего в значительной части за реставрацию и сохранение старых порядков.

Четко выделяются два основных потока первой волны казачьей эмиграции. Один двигался на запад, другой на восток. Первый образован преимущественно донскими, кубанскими, терскими и астраханскими казаками. Основная их масса (около 45 тыс. чел.) эвакуировалась в ноябре 1920 г. с остатками Русской армии генерала П.Н. Врангеля и была размещена на греческом острове Лемнос и на европейской части Турции. Еще около

10 тыс. казаков оказались на Западе другими путями. Первыми государствами их принявшими стали Грузия, Польша, Финляндия, Египет. Впоследствии казаки разместились преимущественно в Болгарии, Югославии, Чехословакии и Франции. Отдельные небольшие группы казаков были в Германии, Греции, Польше, Румынии и в ряде других европейских государств и стран Ближнего Востока.

Второй поток образовали преимущественно казаки Азиатской части России. Практически все они (около 50 тыс. чел.) ушли первоначально в Китай. Лишь небольшие группы казаков оказались в Корее, Японии, Австралии.

Процесс репатриации казаков начался вскоре после эмиграции. Из европейских государств казаки возвращались примерно до 1929 г. При этом можно выделить как этапы стихийной (никем не организованной) репатриации, так и этапы организованные французским и советским правительствами. За этот период времени в Россию вернулось более 15 тыс. казаков. В Китае процесс репатриации проходил и в 1930-е гг., хотя, основная масса казаков вернулись на родину в 1920-х гг. В это же время некоторые казаки (преимущественно забайкальские) уходили в Китай. Таким образом, в 1930-е гг. за рубежом находилось около 40 тыс. казаков в европейских государствах и странах Ближнего Востока и более 40 тыс. казаков в Азиатско-Тихоокеанском регионе (преимущественно в Китае).

Вторая волна казачьей эмиграции пришлась на годы Второй мировой войны. Основные причины, по которым казаки оказались за границей в годы Второй мировой войны, следующие: казаки были вывезены вместе с другими гражданами оккупированных земель СССР в пределы Третьего рейха; казаки оказались за границей в результате плена; казаки добровольно отступали вместе с германскими войсками на Запад. Хотя побудительных мотивов к принятию решения остаться за рубежом было гораздо больше, но довлел над большей массой казаков один основной мотив – боязнь очередной волны

репрессий со стороны советской власти. Репрессий боялись и вывезенные на работу в Германию, и оказавшиеся в плену, и те, кто находился на оккупированной немцами территории. Ну и, конечно, те, кто с оружием в руках воевал на стороне гитлеровской Германии. Среди тех, кто остался за рубежом в результате Второй мировой войны, были преимущественно донские и кубанские казаки (всего более 50 тыс. чел.). Естественно, что вторая волна эмиграции шла только в западном направлении.

Первое послевоенное десятилетие было отмечено новой волной репатриации. В отличие от довоенной репатриации, она проходила организованно и носила не только добровольный, но и насильственный характер. Правда, небольшое количество казаков, насильственно вывезенных в СССР, после отбытия срока наказания в лагерях воспользовались возможностью опять выехать за рубеж. Однако их количество было незначительным.

Особенностью второй волны эмиграции казаков был тот факт, что в ней процент женщин и детей был значительно выше, чем среди казаков-эмигрантов первой волны.

Вторая мировая война и вызванные ею процессы (миграция, репатриация) повлияли не только на изменение количественного и качественного состава казачьего зарубежья, но и привели к изменению географии расселения казачества. Так, к середине 1950-х гг. казаки практически полностью покинули Китай, переехав в Австралию, США, Канаду и государства Латинской Америки. Из Европы большинство казаков также стремились выехать за океан. Те же, кто остался, размещались преимущественно в Великобритании, Бельгии, Германии и Франции. Небольшое количество казаков оказались в государствах советского блока, а также в Греции, Италии и государствах Ближнего Востока.

Главное отличие географии казачьего зарубежья до Второй мировой войны и после ее окончания определялось одним значимым фактором. До Второй мировой войны казаки-эмигранты жили надеждой на скорое

возвращение в родные края и старались держаться ближе к российским (советским) границам. После окончания Второй мировой войны казаки, боясь насильственного возвращения на родину, стремились обосноваться как можно дальше от границ СССР. В то же время география расселения казаков-эмигрантов определялась и политикой принимающих государств. В силу этого до Второй мировой войны казаки размещались преимущественно в Болгарии, Китае, Югославии, Чехословакии и Франции, после ее окончания – в США, Канаде, Австралии, Бразилии, Аргентине, Боливии, Парагвае и Чили.

Социально-экономические, политические и правовые условия пребывания казаков за рубежом определялись преимущественно законами, социально-экономической обстановкой и политикой принявших их государств. Например, Королевство сербов, хорватов, словенцев и Чехословакия были своеобразными образовательными и культурными центрами казачьего зарубежья, в силу помощи, которую правительства данных государств оказывали учащимся казакам. При этом и между ними были различия. Так, в КСХС приветствовались монархически настроенные круги российской (в том числе и казачьей) эмиграции. В свою очередь в ЧСР правительство было более благосклонно к эмигрантским организациям и лицам, которые придерживались эсеровских взглядов. Естественно, что данные тенденции определялись преимущественно внутривнутриполитической ситуацией в данных государствах.

До Второй мировой войны в большинстве государств казаки были заняты преимущественно в сфере сельскохозяйственного производства. Особенно это было характерно для Чехословакии. Но, были и различия. Например, в Болгарии многие казаки-эмигранты трудились в рудниках, шахтах, портах, а в Югославии они были задействованы на постройке железных и шоссейных дорог, мостов, линий электропередач. Во французских городах казаков-эмигрантов можно было встретить во всех сферах городской инфраструктуры. После Второй мировой войны также наблюдалось стремление основной массы казаков получить работу

связанную с сельским хозяйством, хотя, далеко не всегда это им удавалось. Так, в Великобритании и Бельгии казаки трудились преимущественно на рудниках, в шахтах и на промышленных предприятиях. Отметим, что определенной части казаков удалось крепко встать на ноги, обзавестись собственным хозяйством или наладить свой бизнес.

В силу различных факторов некоторые эмигранты подверглись ассимиляции и аккультурации. Наиболее значительными эти процессы были в славянских государствах (Болгарии, КСХС, Польше и ЧСР). В первую очередь это определялось близостью культур данных государств и казачества. Способствовал ассимиляции и тот факт, что почти 90% казаков-эмигрантов составляли мужчины, большинство из которых были холостыми. Женившись на местных уроженках, они постепенно утрачивали свои традиции, перенимая местные обычаи. Хотя, чаще случалось, что, напротив, их жены приобщались к культуре и традициям казаков.

Иногда политика принявших казаков-иммигрантов государств определялась внешними факторами. Так, например, Болгария приняла воинские контингенты Русской армии генерала П.Н. Врангеля преимущественно под нажимом французского правительства. Зачастую политика государств в отношении российских иммигрантов (в том числе и казаков) определялась их взаимоотношениями с советским государством. Наиболее яркий пример – политика Болгарии, Югославии, Чехословакии в отношении российских иммигрантов после Второй мировой войны.

За границей казаки создали множество культурно-бытовых и общественно-политических организаций. При этом, если первые чаще способствовали сплочению казачества за рубежом, то вторые – приводили к политическим разногласиям, распрям и, как следствие, к расколу в казачьей среде, хотя большинство из них выступали за объединение казачьих сил в условиях эмиграции. Среди казаков-эмигрантов были представители и сторонники практически всех политических партий и направлений от монархистов до социалистов. В руководящие органы различных казачьих

объединений, организаций, обществ входили преимущественно лица, которые занимались активной общественно-политической деятельностью еще в России. Большинство простых казаков были аполитичны и инертны в плане общественно-политической жизни. В значительной степени это было определено условиями и трудностями жизни на положении иммигрантов.

В эмиграции значительное развитие получило так называемое вольно-казачье (националистическое) движение, представлявшее собой одну из разновидностей самостийничества, зародившегося и получившего развитие еще в годы революции и Гражданской войны в ряде казачьих регионов. Однако в годы Гражданской войны наиболее яркими самостийниками были представители черноморского казачества, в то время как за рубежом его поддерживало немало донцов. Такие перемены среди донских казаков были обусловлены противостоянием между руководством Донской армии и Всевеликим войском Донским, с одной стороны, и командованием ВСЮР – с другой, которое наблюдалось в ходе Гражданской войны. Вопрос о будущем казачьих краев и их взаимоотношениях с Россией придавал особую окраску и остроту политическим спорам в казачьем зарубежье. В годы Второй мировой войны вольно-казачье движение получило распространение в форме казачьего национализма. Отметим, что после окончания войны казачье национальное движение получило значительную подпитку со стороны второй волны эмиграции казаков из СССР. Были казаки-националисты и среди представителей других казачьих войск.

Разногласия по политическим вопросам порой заставляли казаков искать другие факторы, способствующие сплочению и объединению их за рубежом. И такими факторами стали казачья культура и казачьи традиции. Нависшая угроза ассимиляции и трудности, сопровождавшие жизнь казаков-эмигрантов, также заставляли их искать спасение в сплочении казачьих рядов. Именно это и позволило им сохранить самобытность и не раствориться в среде российской эмиграции и среди народов принимающих государств. До Второй мировой войны это им удалось в большей степени.

После окончания войны процессы аккультурации и ассимиляции казаков-иммигрантов стали набирать значительные обороты. Данное явление было связано преимущественно с тем фактом, что после окончания Второй мировой войны большинство казаков уже не верили в возможность возвращения в родные края и пытались влиться в структуру принимающих их сообществ. Детям пытались привить язык принявшего их государства, а также дать образование в местных школах. В то время, как до Второй мировой войны большинство казачьих детей получали образование в образовательных учреждениях, созданных русскими иммигрантами.

После Второй мировой войны казачья диаспора представляется менее спаянной и сплоченной, но все же определенная часть казаков-эмигрантов стремились поддерживать связь между собой. В значительной степени этому способствовал сохранившийся институт атаманства, а также различные общественно-культурные и общественно-политические организации зарубежного казачества. Именно благодаря наличию в эмиграции данных институтов у донских и кубанских казаков им удалось сохраниться как центрам казачьей диаспоры вплоть до настоящего времени.

Характерна и сама войсковая организация казачеств России. До революционных событий и Гражданской войны (1917–1920 гг.) казачьи войска Российской империи представляли собой уникальную социально-политические и социально-экономические организмы, которые органично были встроены в сословную структуру российской монархии.

Процесс создания казачьих войск был крайне противоречив и неоднозначен. Главное противоречие заключалось в том, что, с одной стороны, казаки часто выступали против российской монархии, с другой стороны, часть казачества выступала в качестве своеобразной пограничной стражи границ Российской империи. Эту противоречивость казачество сохранило на протяжении всего XX в.

Четко выделяются несколько основных причин определивших стремление рядовых казаков и атаманов сберечь войсковую организацию

казачьего сообщества. Во-первых, исторически почти все казачьи сообщества изначально возникали и развивались в форме войсковых организаций. Не случайно, войсковая структура казачьего сообщества в значительной степени была одной из важных составляющих казачьего самосознания. В эмиграции значимость ее стала еще более важной для сохранения казачества как социально-исторического явления. Во-вторых, как в среде российской эмиграции, так и среди казаков проявился механизм своеобразной консервации в сознании образа дореволюционной России со всеми ее атрибутами и символикой. В-третьих, войсковая организация казачьих обществ стала своеобразным центром, объединившим значительную часть казаков-эмигрантов.

Важную роль играл в среде казачьего зарубежья и институт атаманства. Его важность и значимость в организации казачьего сообщества за рубежом и функционировании в последующем казачьей диаспоры подтверждаются тем фактом, что на протяжении XX в. более жизнеспособными оказались те казачьи войска, которые сумели сохранить данный институт, пусть и в несколько трансформированной форме. В качестве наиболее яркого примера в этом плане являются Кубанское и Донское казачьи войска. Значимость данного института в жизни казаков-эмигрантов демонстрировала острота выборов атаманов войск за рубежом. Данное событие в той или иной степени затрагивало основную массу казаков-эмигрантов.

Институт атаманства в казачьем зарубежье сохранил свои основные черты и функции – выборность атаманской должности, руководящую роль атаманов и их представительные функции.

Третий институт, характерный для казачьего зарубежья, выражался в станичной и хуторской форме социально-бытовых объединений казаков, каковыми являлись станицы и хутора. Разница между ними заключалась в численном составе данных объединений. Они создавались казаками в местах их проживания. При этом сосредоточение в одном месте относительно значительного числа представителей различных казачьих войск, приводило к

их объединению по войсковому принципу – донские, кубанские, сибирские, амурские станицы и хутора. Однако чаще всего казаки объединялись в общеказачьи станицы. В них могли входить не только природные казаки, но и выходцы из казачьих регионов. Подобная тенденция была особенно характерна для послевоенного периода жизни казачьего зарубежья. Значимость станиц и хуторов для казаков-эмигрантов косвенно определяется тем, что они создавались массово и первоначально стихийно. И только позже Положение об управлении станицами и хуторами за границей закрепило и официально утвердило данный процесс. Основной целью создания станиц и хуторов было объединение и сплочение казаков за границей. Среди функций и задач подобных объединений выделим: юридическую и медицинскую помощь, заботу об инвалидах, больных, детях и безработных, отстаивание интересов казаков за границей и удовлетворение их культурных и бытовых потребностей, сохранение традиционного уклада жизни казачьего социума. В целом данный институт способствовал не только общению, адаптации и взаимопомощи казаков, но и сохранению казачьих обычаев, обрядов и культуры вдали от своей родины.

Уставы казачьих объединений были ориентированы на законодательство тех государств, в которых они зарегистрированы. Этим же законодательством и потребностями казачьих обществ и объединений определены и основные направления их деятельности.

Наиболее значимыми отличительными факторами структуры казачьего зарубежья были: войсковая принадлежность, институт атаманства и казачьи объединения в виде станиц и хуторов. Данные факторы, с одной стороны, способствовали адаптации казаков-иммигрантов в принимаемых государствах, с другой – они же являлись препятствием для интеграции казаков в принимаемые сообщества. Практически все основные и значимые для казачества институты были трансформированы в процессе эволюции казачьего сообщества за рубежом. Определенную трансформацию претерпело и само казачество.

Консервация в сознании эмигрантов представлений о прежней дореволюционной России привела к сохранению за рубежом остатков сословных представлений среди казаков. Помимо сословных представлений гипертрофированные формы приобрела и этническая составляющая, которая выразилась в националистических тенденциях среди части зарубежного казачества. При этом между казачьим национализмом и претензиях на самостоятельное существование казачьих краев была некая взаимообусловленность. Крайним выражением этих тенденций стал своеобразный социально-политический проект – создание Казакии – земли-государства казаков.

Необратимы были и другие процессы, так или иначе затрагивающие жизнь эмигрантов. Казаки-иммигранты и их потомки, став гражданами других государств, постепенно ассимилировались и утрачивали свою прежнюю идентичность. Наиболее сплоченными оказались донские и кубанские казаки, ведомые своими войсковыми атаманами, но даже они не смогли создать единый социальный организм за рубежом.

Общее историко-культурное прошлое было основным фактором единения казачества за рубежом, включая сближение казаков из СССР с теми, кто к концу Второй мировой войны проживал за пределами исторической родины.

Несмотря на определенные уникальные черты и характеристики, казачество за рубежом может и должно рассматриваться как составная и неотъемлемая часть российского зарубежья. Во-первых, данный подход позволяет в полной мере выявить общие и особенные черты казачьего и российского зарубежья. Во-вторых, роль и значение казачества в истории принявших его государств определялись преимущественно теми же факторами, что и роль российских иммигрантов в целом. Исключение составляет период Второй мировой войны, когда в силу политики правящих кругов Третьего рейха казачество стало рассматриваться ими как

самостоятельное явление, имеющее отличительные от российского зарубежья черты.

Вторая мировая война стала своеобразным водоразделом двух этапов пребывания казаков за рубежом. Эти этапы различались географией расселения казаков-эмигрантов, половозрастным составом, процессами адаптации, интеграции, аккультурации и ассимиляции, протекавшими в казачьей среде.

В отличие от 1920–1930-х гг. в 1950–1960-е гг. почти все казаки стали гражданами принявших их государств. Их дети, внуки и правнуки в большинстве своем отождествляли себя с государством пребывания, порой забывая историю и язык предков.

Выводы исследования могут и должны быть использованы в установлении контактов между казачьими обществами Российской Федерации и казаками зарубежья. Эти контакты не только укрепят связь между казаками, но и помогут им самим яснее понять сущность казачества и придадут импульс процессу возрождения российского казачества. Большую роль в этом процессе играет общее историческое прошлое, знание его, память о своих предках. И в этом плане казачьи объединения в России должны обратить особое внимание на могилы казаков, разбросанные по всему миру и не допустить их полного исчезновения, так как они являются своего рода живыми хранителями исторической памяти, трагического и героического прошлого казачества. Контакты с казаками зарубежья будут способствовать развитию связей государств их пребывания с Россией.

В заключении отметим тот факт, что казачье зарубежье 1920–1960-х гг. представляло уникальное социально-историческое явление, будучи одновременно составной частью российского зарубежья. Оно оказало влияние на различные факторы жизни принявших его государств, оставив определенный след в их истории.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВП РФ – Архив внешней политики Российской Федерации
- БРЭМ – Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии
- ВВД – Всевеликое войско Донское
- ВМВ – Вторая мировая война
- ВК – вольное казачество
- ВКД – вольно-казачье движение
- ВСЮР – Вооруженные силы на Юге России
- ВФП – Всероссийская фашистская партия
- ГАКК – Государственный архив Краснодарского края
- ГАРО – Государственный архив Ростовской области
- ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
- ГАХК – Государственный архив Хабаровского края
- ГУКВ – Главное управление казачьих войск
- Ди-Пи – перемещенные лица (displaced persons)
- ДКА – Донской казачий архив
- ИРО – Международная организация по делам беженцев (International Refugee Organization, IRO)
- КВЖД – Китайская Восточная железная дорога
- КЗА – Кубанский заграничный архив
- ККВ – Кубанское казачье войско
- КНОД – Казачье национально-освободительное движение
- КНЦ – Казачий национальный центр
- КОК – Комитет освобождения Кубани
- КОНР – Комитет освобождения народов России
- КПК – Коммунистическая партия Китая
- КСХС – Королевство сербов, хорватов, словенцев
- ЛА К – Личный архив Е.С. Коваленко
- ЛА Р – Личный архив О.В. Ратушняка

ЛА Х – Личный архив Н.Г. Хиля

ЛВК – Лига возрождения казачества

МККВ – Музей Кубанского казачьего войска в г. Хауэлл, США

НИОР – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки

НКВД – Народный комиссариат внутренних дел

ОЗНА – Отделение по защите народа, Югославия

ОСДКТ – Объединенный совет Дона, Кубани и Терека

ОСКВ – Объединенный совет казачьих войск

ОСХС – Общеказачий сельскохозяйственный союз

ПМВ – Первая мировая война

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории

РГВА – Российский государственный военный архив

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив

РККА – Рабоче-крестьянская Красная армия

РОА – Русская освободительная армия

РОВС – Русский общевоинский союз

РОД – Русское освободительное движение

СВК – Союз возрождения казачества

Совнарод – Союз возвращения на родину

ССК – Союз сохранения казачества

УНРРА – Администрация Объединенных Наций по оказанию помощи и восстановлению (United Nations Relief and Rehabilitation Administration, UNRRA)

ЦАМО РФ – Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации

ЦДНИКК – Центр документации новейшей истории Краснодарского края

ЦДНИРО – Центр документации новейшей истории Ростовской области

AK-V – Архив А. Копршиновой-Вуколовой, Чехия.

ANTOS – Архив Свято-Троицкой духовной семинарии в г.
Джорданвилле, США

AP – Архив г. Праги, Чехия

AJ – Архив Югославии

ASL – Архив Славянской библиотеки в Чехии

HIA – Архив Гуверовского института войны, революции и мира, США

MRC – Музей русской культуры в г. Сан-Франциско, США

NA – Национальный архив Чехии

RMMH – Королевский музей армии и военной истории, Бельгия

TNA – Национальный архив Великобритании

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ**Источники****НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ****Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)**

1. Ф. 1886. Штаб лагеря Стржалково для частей отдельной русской добровольческой армии генерала Бредова, интернированных в Польшу. Оп. 1. Д. 1, 2, 3.
2. Ф. 5761. Общеказачье объединение в Германской империи. Оп. 1. Д. 4, 5, 6, 9, 13, 14, 16–17.
3. Ф. 5762. Канцелярия Казачьего национально-освободительного движения. Оп. 1. Д. 2, 9, 39, 45.
4. Ф. 5768. Общеказачий сельскохозяйственный союз в Чехословакии. Оп. 1. Д. 2, 6.
5. Ф. 5796. Юго-Восточный отдел объединения русских воинских союзов. Прага. Оп. 1. Д. 5, 9.
6. Ф. 5814. Русский попечительский комитет об эмигрантах в Польше. Оп. 1. Д. 15.
7. Ф. 5816. Особый комитет по делам русских эмигрантов в Латвии. Оп. 1. Д. 53.
8. Ф. 5826. Русский общевоинский союз. Оп. 1. Д. 20, 61, 94.
9. Ф. 5842. Начальник сводной казачьей группы в Праге. Оп. 1. Д. 1, 2, 4.
10. Ф. 5845. Русский воинский союз в Праге. Оп. 1. Д. 1, 4, 6.
11. Ф. 5872. Народный союз защиты родины и свободы. Оп. 1. Д. 214.
12. Ф. 5881. Коллекция мемуаров белоэмигрантов. Оп. 1. Д. 248; Оп. 2. Коллекция отдельных документов белоэмигрантов. Д. 185, 879.

13. Ф.5923. Представительство Всероссийского земского союза в Болгарии. Оп. 1. Д. 17.
14. Ф. 5935. Бородин С.К. Оп. 1. Д. 15, 18.
15. Ф. 5963. Казачий союз в Шанхае. Оп. 1. Д. 1, 2, 15, 16, 17, 24, 29, 30, 42.
16. Ф. 5982. Главное справочное бюро, г. Константинополь. Оп. 1. Д. 89, 94, 144.
17. Ф. 6038. Кубанское генерала М.В.Алексеева военное училище. Оп. 1. Д. 1, 2, 27, 30, 31, 63.
18. Ф. 6046. Управление лемносской группы Русской армии в Болгарии. Оп. 1. Д. 34, 46.
19. Ф. 6079. Союз возрождения казачества. Оп. 1. Д. 23, 24, 25–29, 30.
20. Ф. 6269. Штаб Донского офицерского резерва. Оп. 1. Д. 40.
21. Ф. 6344. Харламов В.А. Оп. 1. Д. 94.
22. Ф. 6460. Абрамов Ф.Ф. Оп. 1. Д. 33, 39.
23. Ф. 6461. Канцелярия Донского атамана. Оп. 1. Богаевский А.П. Д. 226–229, 232, 273, 274, 280, 284; Оп. 2. Граббе М.Н. Д. 3, 18, 33, 34, 39, 43, 47, 93, 95–98.
24. Ф. 6473. Стариков Т.М. Оп. 1. Д. 40, 189, 190, 196, 198, 209.
25. Ф. 6532. Маракуев С.В. Оп. 1. Д. 81, 89 а, 89 б, 136.
26. Ф. 6677. Епифанов А.П. Оп. 1. Д. 80, 83, 85, 97, 98.
27. Ф. 6679. Казачий союз в Париже. Оп. 1. Д. 9, 11, 18, 36, 184.
28. Ф. 6689. Тимошенко И.П. Оп. 1. Д. 6, 9, 10.
29. Ф. 6711. Штаб Донского корпуса. Оп. 1. Д. 345; Оп. 2. Д. 3, 5; Оп. 3. Д. 72, 75.
30. Ф. 6851. Российское посольство в Париже. Оп. 1. Д. 93, 148.
31. Ф. 6899. Походный штаб Донского атамана. Оп. 1. Д. 6, 9, 12, 18–20.
32. Ф. 6906. Штаб Терско-Астраханского полка. Оп. 1. Д. 1, 2, 8.

33. Ф. 7021. Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, коллективным хозяйствам (колхозам), общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (ЧГК). Оп. 148. Д. 226.

34. Ф. 9100. Войсковое правительство Астраханского казачьего войска. Оп. 1. Д. 1–6.

35. Ф. 10003 Коллекция микрофильмов Гуверовского института войны, революции и мира. Оп. 12. Врангель М.Д. Катушка 15–17.

36. Ф. 10143 Коллекция микрофильмов музея Русской культуры в Сан-Франциско. Оп. 16 Г.К. Гинс. Катушка 1; Оп. 38 Н.Ф. Кострюков. Катушка 1; Оп.53; И.К. Окулич. Катушки 1, 2, 3.

37. Ф. 10243 Коллекция микрофильмов Свято-Троицкой духовной семинарии. Оп. 1. В.К. Абданк-Коссовский. Катушка 1, 6, 8, 9, 21, 23, 24, 27, 28; Оп. 2. С.В. Денисов. Катушка 9, 18, 19, 20; Оп. 3. П.Н. Краснов. Катушка 2, 3; Оп. 6. В.А. Маевский. Катушка 27 а.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)

38. Ф. 17. Центральный Комитет КПСС. Оп. 125. Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП (б), 1938–1948. Д. 96, 165, 174.

39. Ф. 69. Центральный штаб партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандования. Оп. 1. Д. 20, 623, 710, 739, 740.

40. Ф. 82. Молотов В.М. Оп. 2. Ч. 3. Д. 1090.

41. Ф. 159. Чичерин Г.В. Оп. 2. Д. 35, 46.

Российский государственный военный архив (РГВА)

42. Ф. 39576. Совет при главкомандующем ВСЮР. Оп. 1. Д. 1, 3.

43. Ф. 39720. Штаб Добровольческой армии. Оп. 1. Д. 43, 44, 45, 69.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)

44. Ф. 400. Главный штаб Военного министерства. Оп. 25 Казачий отдел главного штаба. Д. 13218.

Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ)

45. Ф. 2. Референтура по Синьцзяню. Оп. 4. П. 102. Д. 6; Оп. 8. 111. Д. 23.

46. Ф. 100. Референтура по Китаю. Оп. 4. П. 21. Д. 15; Оп. 14. П. 24. Д. 19; Оп. 15. П. 26. Д. 21; Оп. 16. П. 32. Д. 21; Оп. 17. П. 33. Д. 27; Оп. 18. П. 40. Д. 28; Оп. 19. П. 43. Д. 32; Оп. 34. П. 132. Д. 48; Оп. 35. П. 138. Д. 20; Оп. 42. П. 166. Д. 15.

47. Ф. 100 «б». Референтура по Маньчжурии. Оп. 1. П. 3. Д. 27, 28; Оп. 2. П. 12. Д. 17; Оп. 4. П. 21. Д. 14; П. 23. Д. 40.

48. Ф. 270. Консульство СССР в Маньчжурии. Оп. 1. П. 2. Д. 18, 25; П. 4. Д. 52.

49. Ф. 281. Консульство СССР на ст. Пограничная. 1922–1936. Оп. 1. П. 1. Д. 1, 3, 8; Оп. 4. П. 12. Д. 1; Оп. 5. П. 15. Д. 1.

50. Ф. 304. Генеральное Консульство в Урумчи. 1921–1962 гг. Оп. 4. П. 7. Д. 7.

51. Ф. 308. Генеральное Консульство в Харбине. 1922–1962 гг. Оп. 1. П. 3. Д. 20; П. 5. Д. 37; П. 8. Д. 55; Оп. 3. П. 7. Д. 4; Оп. 4. П. 9. Д. 3; Оп. 9. П. 16. Д. 5.

52. Ф. 311. Консульство в Чугучаке. 1921, 1937–1955 гг. Оп. 1. Д. 17.

Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ)

53. Ф. 32. Главное политическое управление Красной Армии. Оп. 11302 Отдел пропаганды и агитации. Д. 153.

54. Ф. 406/407. Полевое управление 51 армии. Оп. 9839 Разведывательный отдел штаба. Д. 38, 39.

Государственный архив Краснодарского края (ГАКК)

55. Ф. Р-6. Канцелярия Совета Кубанского краевого правительства. Оп. 1. Д. 126.
56. Ф. Р-158. Кубано-Черноморский областной революционный комитет. Оп. 1. Д. 116.
57. Ф. Р-1542. Кубанская Законодательная Рада. Оп. 1. Д. 109.
58. Ф. Р-411. Коллекция документов по истории революционного движения и гражданской войны на Кубани и Черноморье. Оп. 2. Д. 203, 208, 246, 263, 264, 267, 299.
59. Ф. Р-1864. Коллекция документов и материалов, собранная Науменко В.Г. – войсковым атаманом Кубанского казачьего войска за рубежом. Оп. 1. Д. 1–12, 13, 14, 15, 16, 20, 25–27, 28, 37, 42, 67, 68, 70, 71, 74, 75, 76, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 89, 96, 98, 103, 104.
60. Ф. Коллекция документов Кубанского казачьего войска за рубежом. Перечень 1. Кор. 1. Ед. хр. 1; Кор. 4. Ед. хр. 7–10; Кор. 5. Ед. хр. 12; Кор. 6. Ед. хр. 18, 19, 20, 22, 23, 24, 25, 26, 28; Кор. 7. Ед. хр. 33, 36, 40, 42, 49, 53; Кор. 8. Ед. хр. 67, 70; Кор. 10. Ед. хр. 98, 108, 109, 112; Кор. 11. Ед. хр. 121, 127, 129, 130, 131; Кор. 13. Ед. хр. 163; Кор. 16. Ед. хр. 191, 195, 199, 203; Кор. 17. Ед. хр. 211, 215; Кор. 18. Ед. хр. 223, 225, 228; Кор. 20. Ед. хр. 252; Кор. 21. Ед. хр. 271.

Государственный архив Ростовской области (ГАРО)

61. Ф. 858. Отдел юстиции правительства Всевеликого войска Донского. Оп. 1. Д. 69.
62. Ф. 859. Отдел иностранных дел правительства Всевеликого войска Донского. Оп. 1. Д. 12.
63. Ф. 860. Отдел внутренних дел Всевеликого войска Донского. Оп. 1. Д. 96.
64. Ф. 863. Донской исполнительный комитет. Оп. 1. Д. 79.

65. Ф. Р-4451. Совет ветеранов 5-го Гвардейского Донского казачьего кавалерийского краснознаменного Будапештского корпуса. Оп. 1. Д. 1, 6, 12, 17, 18.

Государственный архив Хабаровского края (ГАХК)

66. Ф. Р-829. Союз казаков на Дальнем Востоке. Оп. 1. Д. 1, 9.

67. Ф. Р-830. Главное бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии. Оп.1. Д. 1, 4, 64, 193.

68. Ф. Р-1128. Харбинский комитет помощи беженцам. Оп. 1. Д. 135.

Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК)

69. Ф. Р-1774. Коллекция воспоминаний Краснодарского крайпартархива. Оп. 2. Д. 52, 60, 86, 294, 518, 529, 540, 782.

Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО)

70. Ф. 3. Документы о партизанском движении в Ростовской области в годы Великой Отечественной войны. Оп. 2. Д. 68, 69, 70, 71, 72, 76, 77, 78, 79, 80.

71. Ф. 12. Истпарт. Оп. 2. Д. 94.

72. Ф. 910. Партийный архив Ростовского областного комитета КПСС. Оп. 1. Д. 173, 246.

Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ)

73. Ф. 587. Беляев, Иван Тимофеевич (1883–1957); Спиридонова, Елизавета Михайловна (1894—после 1984). Картон 1. Д. 29, 30, 33, 34; Картон 3. Д. 18, 21; Картон 4. Д. 15, 30, 39; Картон 5. Д. 32; Картон 7. Д. 29, 30; Картон 9. Д. 26.

Архив Југославије / Архив Југославији (АЈ)

74. Ф. 14. Министарство унутрашних послова Краљевине Југославије / Министерство внутренних дел Королевства Југославији. Д. 55.

75. Ф. 74. Краљев Двор / Королевский двор Југославији. Д. 32, 33, 34, 35, 36, 37, 289, 290.

76. Ф. 138. Министарски Савет Краљевине Југославије / Министерский Совет и Представителство Министерског Савета Королевства Југославији. Д. 87, 88.

77. Ф. 334. Министарство иностраних послова Краљевине Југославије / Министерство иностранных дел Королевства Југославији. Д. 47, 49.

Národní archive / Национальный архив Чехии (НА)

78. F. Ministerstvo zahraničních věcí – Ruska pomocna akce / Министерство иностранных дел – Русская акция помощи (MZV-RPA). Karton 42, 315, 316, 317, 318, 319, 333, 334, 335, 612, 782.

79. F. Presidium zemskeho úřadu v Praze / Президиум земского управления в Праге (PZU). Karton 801-13, 801-15, 802-4, 802-5, 906-7, 906-8.

The National Archives / Национальный архив Великобритании (ТНА)

80. F. 26. War Office (WO). Folder 170/4241. 5 Corps G.

81. F. 26. War Office. Folder 170/4388. 78 Inf Div G.

82. F. 26. War Office. Folder 170/4396. 56 Recce Regt RAC.

83. F. 26. War Office. Folder 170/4461. 36 Inf Bde HQ.

84. F. 26. War Office. Folder 170/4988. 8 Argyll & Sutherland Highlanders.

Archiv hlavního města Prahy / Архив г. Праги, Чехия (АНМР).

85. F. Magistrat hlavního města Prahy / Магистрат Праги. Čast. Ústředni socialni úřad Praha / Центральный офис социального обеспечения г. Праги. Karton 181, 182, 263, 264, 265, 346.

Royal Museum of the Armed Forces and Military History / Королевский музей армии и военной истории, Бельгия (RMMH)

86. F. Архив Лейб-гвардии Его Величества Казачьего полка. Вох 1. Folder 1, 2, 3, 4, 5, 6, 8; Вох 2. Folder 9-1, 9-2, 9-3, 9-4, 9-5, 9-6, 9-1, 9-8; Вох 3. Folder 10 a, 10 b, 11 a, 11 b; Вох 4. Folder 14, 15, 16.

87. F. Архив Объединенной казачьей станицы в Бельгии. Вох 1. Folder 1, 1 a, 2, 3; Вох 2. Folder 4, 5, 5 b, 6, 7; Вох 3. Folder 8, 9, 10, 11, 11 b; Вох 4. Folder 12, 13, 14, 15.

Hoover Institution Archives (Stanford University, USA) / Архив Гуверовского института войны, революции и мира (Стэнфордский университет, США) (HIA)

88. F. М.Н. Гирс. Вох 12. Folder 265.

89. F. Коллекция баронессы Марии Врангель (Baroness Maria Wrangel'). Вох. 14. Folder. 1–21; Вох 15. Folder 8–9; Вох 54. Folder 3, 5, 7, 13; Вох 55. Folder 1; Вох 57. Folder 4; Вох 58. Folder 1.

90. F. Коллекция В.А. Маклакова. Вох 3. Folder 10; Вох 10. Folder 13.

The Archive of The Slavonic Library of The National Library of the Czech Republic / Архив Славянской библиотеки в Чехии (ASL)

91. F. Донской казачий архив. Karton 1.

92. F. Кубанский казачий архив. Karton 1.

The Archive of Holy Trinity Orthodox seminary / Архив Свято-Троицкой духовной семинарии в г. Джорданвилле, США (ANTOS)

93. F. В.К. Абданк-Коссовский. Вох 28, 29, 32, 42, 48.

94. F. С.В. Денисов. Вох 8. Folder 5; Вох 17. Folder 53; Вох 18. Folder 21; Вох 19. Folder 6, 7.

95. F. П.Н. Краснов. Вох 1.

96. F. В.А. Маевский. Вох 29.

The Museum of Russian Culture, San Francisco / Музей Русской культуры в г. Сан-Франциско, США (MRC)

- 97. Ф. Гинс Г.К. Вох 1. Folder 3.
- 98. Ф. Кострюков Н.Ф. Вох 1. Folder 2, 5, 14; Вох 2. Folder 2.
- 99. Ф. Окулич И.К. Вох 1. Folder 1, 2.
- 100. Ф. Хорват Д.Л. Вох 1. Folder 1; Вох 4. Folder 10; Вох 12. Folder 1–4, 6.

Музей Кубанского казачьего войска в г. Хауэлл, США (МККВ)

- 101. Ф. Войсковой Совет Кубанского казачьего войска за рубежом. Вох 1.
- 102. Ф. Кубанское казачье войско за рубежом. Вох 1.
- 103. Ф. Ткачев Б.И. Вох 1.
- 104. Ф. Третьяков В.И. Вох 1.
- 105. Ф. Науменко В.Г. Вох 1.

Личный архив Е.С. Коваленко, Краснодар (ЛА К)

- 106. Ф. Черный А.П. Письма А.П. Черного – В.Г. Глазкову.

Личный архив О.В. Ратушняка, Краснодар (ЛА Р)

- 107. Интервью с З.А. Барбаруновой. 23.02.2015, Краснодар (Россия). Видеозапись.
- 108. Интервью с Н.В. Дубовским. 29.11.2008, Хауэлл (шт. Нью-Джерси, США). Аудиозапись.
- 109. Интервью с З. Дробот. 21.05.2015, Придворице (Сербия). Аудиозапись.
- 110. Интервью с Н. Дробот. 20.05.2015, Придворице (Сербия). Аудиозапись.
- 111. Интервью с А.В. Капшиевой. 12.05.2015, Прага (Чехия). Аудиозапись.

112. Интервью с Е.С. Коваленко. 23.02.2015, Краснодар (Россия). Видеозапись.
113. Интервью с А.М. Певневым. 27.07.2010, Фарминдейл (шт. Нью-Джерси, США). Аудиозапись.
114. Интервью с М.И. Сухенко (Баева). 25.07.2010, Винелэнд (шт. Нью-Джерси, США). Аудиозапись.
115. Интервью с Н.П. Сухенко. 25.07.2010, Винелэнд (шт. Нью-Джерси, США). Аудиозапись.
116. Интервью с Н.П. Сухенко. 03.09.2014. Винелэнд (США) – Краснодар (Россия). Аудиозапись.
117. Интервью с Н.Г. Хилем. 30.05.2016. Сочи (Краснодарский край, РФ). Аудиозапись.

Личный архив Н.Г. Хиля¹, г. Сен-Жермен-ан-Ле (Франция) (ЛА X)

118. Документы Г.Н. Хиля.
119. Переписка Г.Н. Хиля с В.Г. Науменко.

Archiv A. Kopršivove-Vukolove / Архив А. Копршиовой-Вуколовой, г. Прага (Чехия) (АК-V)

120. Материалы по истории казачьего зарубежья.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Нормативно-законодательные акты

121. О восстановлении в гражданстве СССР подданных бывшей Российской империи, а также лиц, утративших советское гражданство, проживающих на территории Болгарии: Указ Президиума Верховного Совета

¹ Передан Н.Г. Хилем на хранение в ГАКК в 2015 г. Находится в стадии обработки документов и подготовки описи.

СССР от 14 июня 1946 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4595.htm.

122. О восстановлении в гражданстве СССР подданных бывшей Российской империи, а также лиц, утративших советское гражданство, проживающих на территории Чехословакии: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 5 октября 1946 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4623.htm.

123. О восстановлении в гражданстве СССР подданных бывшей Российской империи, а также лиц, утративших советское гражданство, проживающих на территории Югославии: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14 июня 1946 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4596.htm.

Сборники документов и материалов

124. Внешняя политика Советского Союза. 1946 год: документы и материалы. – М.: Госполитиздат, 1952. – 836 с.

125. Внешняя политика Советского Союза. 1947 год: документы и материалы. – М.: Госполитиздат, 1952. Ч. 1. – 542 с.; Ч. 2. – 455 с.

126. Главное бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии. Справка, составленная УКХБ по Хабаровскому краю // Российская эмиграция в Маньчжурии: военно-политическая деятельность (1920–1945): сб. документов. – Южно-Сахалинск: б.и., 1994. – С. 86–104.

127. Документы и материалы по истории советско-польских отношений / редкол.: И.А. Хренов (отв. ред.) и др., Н. Гонсеровская-Грабовская (отв. ред.) и др. – М.: Изд-во АН СССР, 1964. – Т. 2. – 719 с.; Т. 3. – 607 с.

128. Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. – М.: Наука, 1973. – Т. 1. – 551 с.

129. Документы к истории русской и украинской эмиграции в Чехословацкой Республике (1918 – 1939) / З. Сладек, Л. Белошевская и кол. авт. – Прага: Изд-во Еурославика, 1998. – 342 с.
130. Коллаборационизм на территории Краснодарского края в период немецкой оккупации (1942–1943 гг.): малоизвестные страницы: сборник документов / авт. предисл. и авт.-сост. А.А. Черкасов. – Сочи: Сочин. гос. ун-т туризма и курорт. дела, 2003. – 69 с.
131. Кронштадтская трагедия 1921 г.: документы / редкол.: В.П. Козлов (отв. ред.) и др. – М.: РОССПЭН, 1999. Кн. 1. – 688 с.
132. Науменко, В.Г. Великое предательство: сборник материалов и документов / В.Г. Науменко. – Нью-Йорк: Всеславянское издательство, 1962. – Т. 1. – 288 с.; 1970. – Т. 2. – 480 с.
133. Политическая история русской эмиграции. 1920–1940 гг.: документы и материалы: учебное пособие / под ред. А.Ф. Киселева. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1999. – 776 с.
134. Преступные цели – преступные средства: документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1945 гг.). – М.: Экономика, 1985. – 352 с.
135. Протоколы заседаний Кубанского краевого правительства: 1917–1920: сборник документов в 4-х т. / под ред. А.А. Зайцева. – Краснодар: Традиция, 2008. Т. 1. – 342 с.; Т. 2. – 324 с.; Т. 3. – 394 с.; Т. 4. – 376 с.
136. Российская эмиграция в Маньчжурии: военно-политическая деятельность (1920–1945): сб. документов / сост. Е. Чернолуцкая. – Южно-Сахалинск: б.и., 1994. – 151 с.
137. Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов: документы и материалы / редкол.: В.А. Золотарёв, Я.Ф. Погоний, А.П. Белозёров (сопред.) и др. – М.: Гея, 1998–2016. – В 8 т. – 1998. – Т. 1. – Кн. 1. – 426 с.; Кн. 2. – 751 с.; 2001. – Т. 2. – 484 с.; 2002. – Т. 3. – 576 с.; 2004. – Т. 4. – 978 с.; 2010. – Т. 5. – 770 с.; 2013. – Т. 6. – 846 с.; 2015. – Т. 7. – 952 с.; 2016. – Т. 8. – 980 с.; 2017. – Т. 9. – 963 с.; Т. 10. – 974 с.

138. Русские беженцы. Проблемы расселения, возвращения на Родину, урегулирования правового положения (1920–1930-е годы): сборник документов и материалов / сост. З.С. Бочарова. – М.: РОССПЭН, 2004. – 400 с.

139. «Совершенно секретно! Только для командования!» Стратегия фашистской Германии в войне против СССР: документы и материалы / сост. В.И. Дашичев; под ред. Н.Г. Павленко. – М.: Наука, 1967. – 752 с.

140. Тегеран – Ялта – Потсдам: сборник документов / сост. Ш.П. Санакоев, Б.Л. Цибулевский. – М.: Международные отношения, 1967. – 368 с.

141. Шатов, М.В. Материалы и документы освободительного движения народов России в годы Второй мировой войны (1941–1945): в 2 т. – Нью-Йорк: Всеславянское издательство, 1966. – Т. 2. – 176 с.

Статистические данные

142. Доклад по исследованию форм ведения сельского хозяйства русскими крестьянами в Трехречье. Исследовательские материалы Южно-Маньчжурской железнодорожной акционерной компании. Секретно / сост. Игауэ Нахо. Токио: Университет Тюо, 2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://c-faculty.chuo-u.ac.jp/~igaue/Trekhrechieresearch1943.pdf>.

143. Контрреволюционные вооруженные силы за рубежом и на территории Советской России: состояние, организация и деятельность по данным к 1 октября 1921 г. Периодический обзор Разведуправления РККА. Материалы стратегической разведки. – М., 1921. – 74 с.

144. Контрреволюционные вооруженные силы за рубежом и на территории Советской России: состояние, организация и деятельность за период с 1 октября 1921 г. по 1 янв. 1922 г. Периодический обзор Разведуправления штаба РККА. Материалы стратегической разведки. – М., 1922. – 60 с.

145. Контрреволюционные русские политические группы и вооруженные силы за рубежом и на территории Советской России: состояние, организация и деятельность за период с 1 января по 1 апреля 1922 г. – М., 1922. – 76 с.

146. Контрреволюционные русские политические группы и вооруженные силы за рубежом и на территории Советской России: состояние, организация и деятельность за период с 1 апреля по 1 июля 1922 г. – М., 1922. – 64 с.

147. Контрреволюционные русские политические группы и вооруженные силы за рубежом и на территории Советской России: состояние, организация и деятельность за период с 1 июля по 1 октября 1922 г. – М., 1922. – 36 с.

148. Отчет о деятельности Донского правительства за границей. – Константинополь: б.и., 1921. – 110 с.

Документы личного происхождения (воспоминания, письма)

149. Акулинин, И.Г. Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками. 1917–1920 / И.Г. Акулинин. – Шанхай: Слово, 1937. – 97 с.

150. Акулинин, И.Г. Уральское казачье войско в борьбе с большевиками / И.Г. Акулинин // Белое дело: Летопись белой борьбы. – Берлин: Медный всадник, 1927. – Кн. II. – С. 127–147.

151. Александровский, Б.Н. Из пережитого в чужих краях (воспоминания и думы бывшего эмигранта) / Б.Н. Александровский. – М.: Мысль, 1969. – 374 с.

152. Алопеус, Д. Канун / Д. Алопеус // Русские беженцы в Болгарии. – София: Б. и., 1923. – С. 21–43.

153. Амфитеатров и русские в Польше (1922–1932) / публикация Д.И. Зубарева // Минувшее: Исторический альманах. – СПб.: Athenaeum; Феникс, 1997. – Т. 22. – С. 388–474.

154. Балабин, Е.И. Далекое и близкое, старое и новое / Е.И. Балабин. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2009. – 381 с.
155. Белов, В. Белая печать: ее идеология, роль, значение и деятельность: (материалы для будущего историка) / В. Белов. – Пг.: Госиздат., 1922. – 128 с.
156. Беляевский, В.А. Вторая мировая война: роль казачества в этой войне и трагедия такового. 1939–1945 гг. / В.А. Беляевский. – Сан-Пауло: б. и., 1963. – 104 с.
157. Богаевский, А.П. 1918 год / А.П. Богаевский // Белое дело: Ледяной поход. – М.: Голос, 1993. – С. 5–112.
158. Богаевский, А.П. Воспоминания. 1918 г. / А.П. Богаевский // Донская летопись. – Белград: Издание Донской исторической комиссии, 1923. – № 1. – С. 75–77.
159. Бондаренко, М. Путь из казаков в зеки (интервью с Е.Б. Польской) / М. Бондаренко // Новое время. – 1996. – № 3. – С. 42–44.
160. Брюханов, А.И. Вот как это было: О работе миссии по репатриации советских граждан: воспоминания советского офицера / А.И. Брюханов. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1958. – 208 с.
161. Буденный, С.М. Пройденный путь / С.М. Буденный. – М.: Воениздат, 1958. – Кн. 1. – 448 с.
162. Булацель, А. На родину из стана белых / А. Булацель. – М.: Гос. изд-во, [1924]. – 149 с.
163. В поисках новой России. Письма Б.А. Бахметева и В.А. Максакова / сост. О.В. Будницкий // Отечественная история. – 1997. – № 1. – С. 135–149; № 2. – С. 161–173; № 4. – С. 160–174.
164. Вельмин, А.П. Русское население в Польше во время немецкой оккупации / А.П. Вельмин // Новый журнал. – 1946. – № XIV. – С. 290–305.

165. Вертинский, А. Четверть века без Родины / А. Вертинский // Москва. – 1962. – № 3. – С. 209–220; № 4. – С. 205–220; № 5. – С. 209–220; № 6. – С. 212–219.
166. «Во имя блага Родины...» Из истории казачества в эмиграции. 1920-е – середина 1930-х гг. / публ. В.Ф. Мамонова и А.Л. Худобородова // Исторический архив. – 1995. – № 5–6. – С. 165–204.
167. Воспоминания 500 русских детей. – Прага: б. и., 1924. – 24 с.
168. Врангель, П.Н. Записки: в 2 т. / П.Н. Врангель // Белое дело: Летопись белой борьбы. Берлин: Медный всадник, 1928–1929. – Т. 5–6.
169. Граф, Г.К. Париж времен оккупации и освобождения: 1942–1944. Из неопубликованных воспоминаний / предисл., подгот. текста и коммент. В.Ю. Черняева // Русская эмиграция и фашизм: статьи и воспоминания. – СПб.: Изд-во СПбГАСУ, 2011. – С. 207–236.
170. Даватц, В.Х. Годы. Очерки пятилетней борьбы / В.Х. Даватц. – Белград: Рус. тип, 1926. – 237 с.
171. Даватц, В.Х. Русская армия на чужбине / В.Х. Даватц, Н.Н. Львов. – Белград: Русское издательство, 1923. – 123 с.
172. Двинов, Б.Л. Власовское движение в свете документов / Б.Л. Двинов. – Нью-Йорк: б.и., 1950. – 121 с.
173. Деникин, А.И. Белое движение и борьба Добровольческой армии / А.И. Деникин // Белое дело: избр. Произведения: в 16 кн. М.: Голос, 1992. – Кн. 3. Дон и Добровольческая армия. – С. 329–393.
174. Деникин, А.И. Поход и смерть генерала Конилова / А.И. Деникин. – М.: Прометей, 1990. – 124 с.
175. Деникин, А.И. Путь русского офицера / А.И. Деникин. – Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1953. – 383 с.
176. Дети эмиграции: сборник статей / под ред. В.В. Зеньковского. – Прага: б.и., 1925. – 252 с.

177. Добрынин, В. Борьба с большевизмом на Юге России. Участие в борьбе Донского казачества / В.В. Добрынин. – Прага: Славянское издат-во, 1921. – 117 с.
178. Добрынин, В. Дон в борьбе с Коммуной / В.В. Добрынин. – Прага: Славянское издат-во, 1922. – 54 с.
179. Донсков, П.Н. Дон, Кубань и Терек во Второй мировой войне / П.Н. Донсков. – Нью-Йорк: Изд-во им. походного атамана Павлова, 1960. – 320 с.
180. Дудников, В.С. Воспоминания старого казака о пережитом и размышления о настоящем / В.С. Дудников // Материалы по истории русского освободительного движения 1941–1945 / под общ. ред. А.В. Огорокова. – М.: Грааль, 1997. – Вып. 1. – С. 328–354.
181. Енборисов, Г.В. От Урала до Харбина: Памятка о пережитом / Г.В. Енборисов. – Шанхай: б.и., 1932. – 288 с.
182. Жадан, П.В. Русская судьба / П.В. Жадан. – Нью-Йорк: Посев, 1989. – 239 с.
183. Жизнь и судьба кубанского казака и джигита Ф.И. Елисеева: по мотивам его воспоминаний / сост.: Н.А. Корсакова, М.В. Карпов, К.В. Скибы. – Краснодар: Традиция, 2013. – 270 с.
184. Иванцов, Д. Русские беженцы в Югославии в 1921 г. / Д. Иванцов // Русский экономический сборник / под ред. С.Н. Прокоповича. – Прага: Пламя, 1925. – № 2. – С. 80–108.
185. Ивинский, Б. Среди братьев / Б. Ивинский // Русские в Болгарии. – София: б.и., 1923. – С. 44–51.
186. Из письма посла СССР во Франции А.Б. Богомолова заместителю народного комиссара иностранных дел СССР В.Г. Деканозову // Чему свидетели мы были... Переписка бывших царских дипломатов 1934–1940: сборник документов в 2 кн. – М.: Гея, 1998. – Кн. 2. – С. 583–584.
187. Казаки в Чаталдже и на Лемносе в 1920–1922 гг. – Белград: Издание Донской исторической комиссии, 1924. – 164 с.

188. Казанцев, А.С. Третья сила / А.С. Казанцев. – М.: Посев, 1994. – 344 с.
189. Казачество. Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. – Париж: Казачий союз, 1928. – 379 с.
190. Казачий словарь-справочник. – Кливленд (США): б.и., 1966. – Т. I. – 286 с.
191. Казачий словарь-справочник. – Сан-Ансельмо (США): б.и., 1968. – Т. II. – 338 с.
192. Казачий словарь-справочник. – Сан-Ансельмо (США): б.и., 1970. Т. III. – 344 с.
193. Казачья трагедия (1940–1945-й г.г.): Воспоминания руководителя и организатора в г. Ростове и Ростовском округе казачьего освободительного на Дону движения против большевиков. – Нью-Йорк: б.и., 1959. – 156 с.
194. Калинин, И.М. В стране братушек / И.М. Калинин. – М.: Московский рабочий, 1923. – 240 с.
195. Квакин, А.В. Документы по истории российского зарубежья из коллекции баронессы Марии Врангель Гуверовского архива США / А.В. Квакин // Вестник архивиста. – 2004. – № 1. – С. 263–294; № 2. – С. 291–314; № 3–4. – С. 272–284.
196. Келин, Н.А. Казачья исповедь / Н.А. Келин // Келин Н.А. Казачья исповедь. Толстой Н.Д. Жертвы Ялты. – М.: Воениздат, 1996. – С. 5–136.
197. Клинский, Е. Сергей Жаров и его Донской казачий хор / Е. Клинский. – Берлин: Изд. Донского казачьего хора, 1931. – 55 с.
198. Константинов, Д. Записки военного священника / Д.В. Константинов. – Б.м., 1980. – 77 с.
199. Кравченко, В. Дроздовцы от Ясс до Галлиполи / В. Кравченко. – Мюнхен: [б. и.], 1973. – Т. 1. – 394 с.; 1975. – Т. 2. – 366 с.
200. Краснов, Н.Н. Незабываемое. 1945–1956 / Н.Н. Краснов. – Сан-Франциско: Русская жизнь, 1957. – 351 с.

201. Краснов, П.Н. От Двуглавого орла к красному знамени, 1894–1921: в 4 т. – Берлин: [Дьякова], 1922. – Т. 1. – 463 с.; – Т. 2. – 406 с.; – Т. 3. – 375 с.; – Т. 4. – 380 с.
202. «Крестная ноша» / сост. В. Сидоров // Трагедия казачества: сб. / ред.-сост. Л. Барыкина. – М.: Молодая гвардия, 1994. – С. 386–464.
203. Кривошеина, Н.А. Четыре трети нашей жизни / Н.А. Кривошеина. – Париж: УМСА-Press, 1984. – 280 с.
204. Кромиади, К. За землю, за волю / К. Кромиади. – Сан-Франциско: Глобус, 1980. – 297 с.
205. Лампе, А.А. Пути верных / А.А. Лампе. – Париж, 1960. – 258 с.
206. Ларионов, В. Последние юнкера / В. Ларионов. – Франкфурт-на-Майне: Посев, 1984. – 243 с.
207. Ленивов, А.К. Под казачьим знаменем. Эпопея Казачьего Стана под водительством походных атаманов казачьих войск С.В. Павлова и Т.И. Доманова в 1943–1945 гг. / А.К. Ленивов. – Мюнхен, 1970. – 324 с.
208. Лукомский, А.С. Воспоминания: в 2 т. / А.С. Лукомский. – Берлин: Кн. изд-во Отто Кирхнера, 1922. – Т. 1. – 301 с.; Т. 2. – 332 с.
209. Лукомский, А.С. Воспоминания / А.С. Лукомский // Белое дело: избр. произв.: в 16 кн. – М.: Голос, 1993. – Кн. 1. Генерал Корнилов. – С. 212–268.
210. Лунченков, И. За чужие грехи (казаки в эмиграции) / И. Лунченков. – Ростов н/Д: б. и., [1925]. – 104 с.
211. Любимов, Л.Д. На чужбине / Л.Д. Любимов. – М.: Сов. писатель, 1963. – 414 с.
212. Манштейн, Э. Утерянные победы / Э. Манштейн. – М.: АСТ, СПб.: Terra fantastica, 1999. – 891 с.
213. Матвеева, И.В. Из жизни русской эмиграции в Болгарии: отрывки воспоминаний / И.В. Матвеева // Славянский альманах. – 2004. – С. 491–516; 2005. – С. 513–533.

214. Медынский, А.И. Воспоминания / А.И. Медынский // Мемуары власовцев / сост. А.В. О कोरोков. – М.: Вече, 2011. – С. 131–183.
215. Мейснер, Д. Исповедь старого эмигранта / Д. Мейснер. – М.: Б.и., 1963. – 48 с.
216. Мейснер, Д. Миражи и действительность / Д. Мейснер. – М.: Новости, 1966. – 302 с.
217. «Мы исполнили свой долг до конца»: переписка В.Г. Науменко и Г.Н. Хиля. 1970–1971 гг. / О.В. Ратушняк, С.Г. Темиров // Исторический архив. – 2016. – № 3. – С. 86–107.
218. Науменко, В.Г. Пути-дороги казачьих регалий / В.Г. Науменко, Н.В. Назаренко. – Краснодар: ИМСИТ, 2005. – 164 с.
219. Немирович-Данченко, Г.В. В Крыму при Врангеле: факты и итоги / Г.В. Немирович-Данченко. – Берлин: б.и., 1922. – 130 с.
220. Оболенский, П. На чужой стороне / П. Оболенский // Москва. – 1965. – № 8. – С. 209–221.
221. Обращение генерала А. Деникина к добровольцам 15 ноября 1917–1944 гг. / публ. В.Г. Бортневского // Родина. – 1991. – № 6–7. – С. 105.
222. Откровения и признания: Нацистская верхушка о войне Третьего рейха против СССР: Секретные речи. Дневники. Воспоминания / сост. Г.Я. Рудой. – Смоленск: Русич, 2000. – 640 с.
223. О чем не говорилось в сводках: воспоминания участников движения Сопротивления. – М.: Госполитиздат, 1962. – 455 с.
224. Памятка кадету Донского кадетского корпуса // Улитин В.Г. За Курганом... Очерки, статьи. – Ростов н/Д: ООО «РостИздат», 2000. – С. 36–37.
225. Первухин, М. Русская колония в Италии (от нашего римского корреспондента) / М. Первухин // Россия и Италия. – М.: Наука, 2003. – Вып. 5: Русская эмиграция в Италии в XX веке. – С. 79–80.
226. Письма Ф.И. Елисееву от родственников, оставшихся в Советской России // Жизнь и судьба кубанского казака и джигита

Ф.И. Елисеева: по мотивам его воспоминаний / сост.: Н.А. Корсакова, М.В. Карпов, К.В. Скибы. – Краснодар: Традиция, 2013. – С. 256–268.

227. Под немцами. Воспоминания, свидетельства, документы. Историко-документальный сборник / сост. К.М. Александров. – СПб.: Скрипториум, 2011. – 608 с.

228. Польская, Е.Б. Это мы, Господи, пред Тобой... / Е.Б. Польская. – Невинномысск: Невинномыс. гор. тип., 1995. – 285 с.

229. Поляков, И.А. Краснов – Власов: воспоминания / И.А. Поляков. – Нью-Йорк: б.и., 1959. – 121 с.

230. Помнят степи донские: сборник воспоминаний / лит. запись Я.З. Марголин, Д.А. Малиева. – Ростов н/Д: Кн. изд-во. 1967. – 339 с.

231. Почему мы вернулись на Родину: свидетельства реэмигрантов / сост., авт. предисл. и введ. ст. А.П. Осадчая, А.Л. Афанасьев, Ю.К. Баранов. 2-е изд., доп. – М.: Прогресс, 1987. – 400 с.

232. Русские в Болгарии / ред. Б. Ивинский. София: Изд-во о-ва «Рус.-болг. дружба», 1923. – 64 с.

233. Русские в Праге: 1918–1928 гг. / ред.-изд. С.П. Постников. – Прага: б.и., 1928. – 343 с.

234. Русский Берлин: фрагменты воспоминаний рус. беженцев и совет. подданных, 1-я пол. 1920-х гг. / предисл., сост., и коммент. В.В. Сорокиной – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. – 365 с.

235. Русский Заграничный Исторический Архив при МИД Чехословацкой Республики в 1930 г. – Прага, 1931.

236. Русский Заграничный Исторический Архив при МИД Чехословацкой Республики в 1936 г. – Прага, 1936.

237. Русский корпус / сост. Д. Вертепов. – Нью-Йорк: б.и., 1960. – 96 с.

238. Русский корпус на Балканах (1941–1945): сборник воспоминаний и документов / под ред. Н.Н. Протопопова, И.Б. Иванова. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. – 460 с.

239. Русский мир Болгарии / сост. Д.С. Атанасова, Н.Р. Казански, П.А. Парванов. – София: Изд-во Симолини, 2012. – 470 с.
240. Семенов, Г.М. Атаман Семенов. О себе. Воспоминания, мысли и выводы / Г.М. Семенов. – М.: Центрполиграф, 2007. – 304 с.
241. Скорцени, О. Диверсия – мое ремесло / О. Скорцени. – Смоленск: Русич, 2001. – 496 с.
242. Слободской, А. Среди эмиграции (мои воспоминания) / А. Слободской. – Харьков: Пролетарий, 1925. – 130 с.
243. Соглашение относительно военнопленных и гражданских лиц, освобожденных войсками, находящимися под Советским Командованием, и войсками, находящимися под Командованием Соединенных Штатов Америки // Дугас И.А., Черон Ф.Я. Вычеркнутые из памяти. Советские военнопленные между Гитлером и Сталиным. – Париж: YMCA-Press, 1994. – С. 378–382.
244. Солодухин, Г. Жизнь и судьба одного казака / Г. Солодухин. Нью-Йорк: Всеславянское издательство, 1962. – 211 с.
245. Стариков, Т.М. Казачьи организации за границей. Рукопись статьи / Т.М. Стариков. – Прага, 1931 // Исторический архив. – 1995. – № 5–6.
246. Судьба России важнее судеб эмиграции: из письма генерала А.И. Деникина начальнику Русского Общевоинского Союза генералу А.П. Архангельскому (1946 г.) // Родина. – 1991. – № 6–7. – С. 104.
247. Судьбы поколения 1920–1930-х годов в эмиграции: очерки и воспоминания / ред.-сост. Л.С. Флам. – М.: Русский путь, 2006. – 472 с.
248. Терской, А. В стране произвола и бесправия: Русские в Болгарии до и после переворота / А. Терской. – М.: Гос. изд-во, 1924. – 181 с.
249. Трушнович, Я.А. Русские в Югославии и Германии. 1941–1945 гг. / Я.А. Трушнович // Новый часовой. – 1994. – № 2. – С. 140–172.
250. Уведённое казачество возвращается в Россию // Огонек. – 1923. – № 7. – С. 14.

251. Улитин, В.Г. Казачий хутор в Калифорнии... / В.Г. Улитин // Улитин В.Г. За Курганом... Очерки, статьи. – Ростов н/Д: ООО «РостИздат», 2000. – С. 117–119.
252. Улитин, В.Г. Годы работы-службы / В.Г. Улитин // Улитин В.Г. За Курганом... Очерки, статьи. – Ростов н/Д: ООО «РостИздат», 2000. – С. 157.
253. Федоров, Н.В. От берегов Дона до берегов Гудзона / Н.В. Федоров. – Ростов н/Д: Литера-Д, 1994. – 176 с.
254. Фрелих, С. Генерал Власов: русские и немцы между Гитлером и Сталиным / С.Б. Фрейлих. – Кельн: Markus, 1990. – 403 с.
255. Худзинская, К. Этапы эмигрантской жизни / К. Худзинская // Культура русской диаспоры: саморефлексия и самоидентификация: материалы международного семинара. – Тарту: Tartu ülikooli kirjastus, 1997. – С. 410–414.
256. Чеботарев, Г. Правда о России: мемуары профессора Принстонского университета, в прошлом казачьего офицера (1917–1959) / Г. Чеботарев. – М.: Центрполиграф, 2007. – 446 с.
257. Чему свидетели мы были... Переписка бывших царских дипломатов 1934–1940: сборник документов: в 2 кн. / ред. кол. Б.М.Примаков и др. – М.: Гея, 1998. – Кн. 1. 1934–1937. – 562 с.; Кн. 2. 1938–1940. – 623 с.
258. Черкасов, К. Генерал Кононов: ответ перед историей за одну попытку / К. Черкасов. – Мельбурн: тип. «Единение», 1963. – Т. 1. – 200 с.; Мюнхен: тип. И. Башкирцева, 1965. – Т. 2. – 167 с.
259. Черон, Ф.Я. Немецкий плен и советское освобождение / Ф.Я. Черон. – Париж: YMCA-Press, 1987. – 295 с.
260. Черные дела «белого движения» / публ. В.П. Ямпольского // Военно-исторический журнал. – 1995. – № 5. – С. 79–84.
261. Шмелев, И. Душа родины / И. Шмелев. – Париж: Русский научный институт, 1967. – 347 с.

262. Шостаковский, П.П. Путь к правде / П.П. Шостаковский. – Минск: Госиздат БССР, 1960. – 356 с.

263. Штрик-Штрикфельдт, В.К. Против Сталина и Гитлера / В.К. Штрик-Штрикфельдт. – М.: Посев, 1993. – 440 с.

Опубликованные источники на иностранном языке

На сербохорватском языке

264. Алманах Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. – Београд, Загреб, 1921–1928. – Св. I–III.

265. Алманах Краљевине Југославије. – Београд, Загреб, 1929–1938. – Св. IV–V.

266. Службени новини Краљевине срба, хрвата и словенаца. – Београд, 1919–1941.

На итальянском языке

267. Toppan, A. Fatti e misfatti dell'occupazione tedesca in Carnia. Narrazione obbiettiva / A. Toppan. – Sacile (Pn), 1948.

Периодическая печать

268. Вестник Казачьего Союза. – Париж. – 1948. – № 1.

269. Вестник ОСХС в ЧСР. – Прага. – Б.г. – № 7, 10.

270. Возрождение Азии. – Тяньцзин. – 1935. – 18 сентября.

271. Вольная Кубань. – Белград. – 1936. – Б.н.

272. Вольное казачество. – Б.м. – 1929. – № 46; 1938. – № 253.

273. Вольный Дон. – София. – 1937. – № 1.

274. Дальневосточное казачество. – Харбин. – 1940. – Март. – <№ 3>; 1941. – Март-апрель. – <№ 3>.

275. Дальневосточный казак. – Харбин. – 1934. – Март. – <№ 3>.

276. Дальневосточный казак. – Харбин. – 1938. – 30 марта.

277. Дон. – Прага. – 1933. – № 1.

278. Донская летопись. – Белград. – 1923. – № 1.

279. Донской атаманский вестник. – Лейквуд (США). – 1965. – № 56; 1967. – № 65–66.
280. Зарубежное казачество. – Харбин. – 1940. – Ноябрь.
281. Зарубежный казак. – Харбин. – 1940. – <№ 1>.
282. Иркутский казак. – Харбин. – 1935. – № 2.
283. Казак. Нейи-сюр-Сен (Франция). – 1951. – № 1, 2, 3, 4, 5; 1952. – № 6, 7, 10; 1954–1955. – № 21–25; 1956. – № 30, 34; 1957. – № 36, 37; 1958. – № 42, 43, 44; 1959. – № 1; 1960. – № 55, 58, 59; 1963. – № 73, 74; 1964. – № 78; 1965. – № 86; 1966. – № 89; 1967. – № 98.
284. Казак. – Париж. – 1933. – № 1.
285. Казак. – Прага. – 1928. – № 1.
286. Казак. – Нью-Йорк. – 1960. – № 143; 1961. – № 160.
287. Казак. – Наяк (США). – 1967. – № 223.
288. Казаки. – Прага. – 1929. – № 1.
289. Казакия. – София. – 1934. – № 1, 2.
290. Казакия. – Б/м. – 1946. – № 1.
291. Казакия. – Брюссель. – 1947. – № 5.
292. Казакия. – Мюнхен. – 1949. – № 12; 1961. – № 1; 1964. – № 11.
293. Казак на чужбине. – Прага. – 1923. – № 1.
294. Казачество в Азии. – Харбин. – 1934. – № 1.
295. Казачьи ведомости. – Б.м. – 1943. – № 3.
296. Казачий вестник. – Берлин. – 1941. – № 1, 3, 4, 5.
297. Казачий вестник. – Мюнхен. – 1957. – № 108; 1958. – № 109.
298. Казачий клич. – Б.м. – 1938.
299. Казачий набат. – Прага. – 1933. – 1 ноября.
300. Казачье дело. – Париж. – 1931. – № 1.
301. Казачьи думы. – София. – 1923. – № 5, 7, 12, 16.
302. Казачья земля. – Прага. – 1929. – № 1, 2.
303. Казачья лава. – Б.м. – 1944. – № 9.
304. Казачья мысль. – Прага. – 1935. – № 1.

305. Календарь-альманах «Вольного казачества» на 1930. – Прага. – 1930.
306. Луч Азии. – Харбин. – 1937. – № 6.
307. На казачьем посту. – Б.м. – 1943. – № 1; 1943. – № 9, 12, 14; 1944. – № 23, 32, 36; 1945. № – 43.
308. На пикете. – Б.м. – Б.д. – Б.н.
309. Новый журнал. – Нью-Йорк. – 1946. – № 14.
310. Общеказачий журнал. – Нью-Джерси (США). – 1950. – № 10; 1952. – № 20; 1953. – № 20.
311. Огонек. – М. – 1923. – № 7.
312. Родимый край. – Париж. – 1929. – № 5; 1930. – № 12.
313. Руль. – Берлин. – 1922. – 7 декабря.
314. Рупор. – Харбин. – 1934. – 15 июля.
315. Русский в Аргентине. – Буэнос-Айрес. – 1940. – 1 апреля.
316. Русский экономический сборник. – Прага. – 1925. – № 2.
317. Сибирский казак. – Харбин. – 1929. – 19 декабря; 1932. – 19 декабря; 1933. – 19 декабря.
318. Станица. – Париж. – 1935. – № 16.
319. Тихий Дон. – Прага. – 1938. – № 3–4.
320. Харбинское время. – Харбин. – 1934. – 4 мая; 1934. – 23 ноября; 1934. – 30 ноября; 1934. – 17 октября; 1934. – 10 декабря; 1935. – 10 апреля.
321. Часовой. – Б.м. – 1939. – № 234.

ЛИТЕРАТУРА

Научные монографии, статьи

322. Аблажей, Н.Н. С востока на восток: Российская эмиграция в Китае / Н.Н. Аблажей. – Новосибирск: Изд-во Сибир. отд-ния РАН, 2007. – 300 с.

323. Аблажей, Н.Н. РОВС и енисейское казачество / Н.Н. Аблажей // Гуманитарные науки в Сибири. – Новосибирск, 2004. – № 2. – С. 84–87.
324. Аблова, Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае / Н.Е. Аблова. – М.: Русская панорама, 2005. – 432 с.
325. Александров, К.М. Белая военная эмиграция в Европе 1930–1945 гг. Новые документы, материалы, суждения / К.М. Александров // Зарубежная Россия. 1917–1945: сб. ст. – СПб.: ООО «Информационно-издательская фирма-журнал «Лики России», 2004. – Кн. 3. – С. 37–46.
326. Александров, К.М. Казачество России во Второй мировой войне: К истории создания Казачьего Стана (1942–1943 гг.) / К.М. Александров // Новый часовой. – СПб., 1997. – № 5. – С. 163–177.
327. Александров, К.М. Казачий Стан и Главное Управление Казачьих Войск в 1944 г. К.М. Александров // Новый часовой. – СПб., 1998. – № 6–7. – С. 187–195.
328. Александров, К.М. «Не обольщаем себя надеждами о скорой реабилитации...». Судьбы офицеров власовской армии в послевоенной эмиграции / К.М. Александров // Нансеновские чтения. 2009. – СПб.: РОО ИКЦ «Русская эмиграция», 2010. – С. 257–268.
329. Алексеев, И. Предисловие / И. Алексеев // Слободской А. Среди эмиграции (мои воспоминания). – Харьков: Пролетарий, 1925. – С. 3–6.
330. Алексеева, Е.В. Российская эмиграция в Королевстве сербов, хорватов, словенцев (по документам Архива Югославии) / Е.В. Алексеева // Отечественные архивы. – 1995. – № 6. – С. 20–26.
331. Алексеева, Е.В. Российские научные и образовательные традиции в культурной жизни Балкан (на примере Греции, Болгарии и КСХС) / Е.В. Алексеева // Актуальные аспекты истории и современности русского зарубежья: параллели и антитезы. – М.: ИВИ РАН, 2007. – С. 52–69.
332. Анастасиевич, И. Русская эмиграция в Косово и Метохии / И. Анастасиевич // Русское зарубежье и Вторая мировая война. – М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2013. – С. 103–112.

333. Андреева, Е. Генерал Власов и Русское Освободительное Движение / Е. Андреева. – Лондон: Оверлиз, 1990. – 370 с.
334. Антоненко, Н. Прощание с идеализмом: Эволюция русского монархизма / Н. Антоненко // Родина. – 2009. – № 4. – С. 56–58.
335. Антошин, А.В. Донские, кубанские и терские казаки в эмиграции после Второй мировой войны / А.В. Антошин // История российской повседневности: материалы Всерос. заоч. конф. – СПб.: Нестор, 2002. – С. 238–241.
336. Антошин, А.В. Казачество Дона, Кубани и Терека в эмиграции после Второй мировой войны / А.В. Антошин // Урал в военной истории России: традиции и современность: материалы Междунар. науч. конф., посв. 60-летию Уральского добровольческого танкового корпуса. – Екатеринбург: Ин-т истории и археологии УРО РАН, 2003. – С. 173–176.
337. Антошин, А.В. Культура российской диаспоры в США (1960-е – 1980-е гг.) / А.В. Антошин // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – Владивосток, 2011. – № 1. – С. 43–51.
338. Антошин, А.В. Меньшевики в эмиграции после Второй мировой войны / А.В. Антошин // Отечественная история. – 2007. – № 1. – С. 102–115.
339. Антошин, А.В. На фронтах второй мировой и «холодной» войн: русские эмигранты в 1939 – начале 1950-х гг. / А.В. Антошин // Русский мир в XX веке: в 6 т. – М.: АИРО–XXI; СПб.: Алетейя, – 2014. – Т. 4. – 376 с.
340. Антошин, А.В. От Русского Монмартра – к Брайтон-Бич: эволюция Русского мира в 1930-е – начале 1980-х гг. / А.В. Антошин // Русский мир в XX веке: в 6 т. – М.: АИРО–XXI; СПб.: Алетейя, – 2014. – Т. 5. – 376 с.
341. Антошин, А.В. Российские эмигранты в условиях «холодной войны» (середина 1940-х – середина 1960-х гг.) / А.В. Антошин. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2008. – 659 с.

342. Антошин, А.В. Российская эмиграция и апогей «холодной войны» / А.В. Антошин // История российского зарубежья. Эмиграция из СССР – России 1941–2001 гг.: сб. ст. – М.: ИРИ РАН, 2007. – С. 92–102.

343. Антропов, О.К. История отечественной эмиграции: учебное пособие / О.К. Антропов. – Астрахань: Изд. дом «Астраханский ун-т», 2011. – 409 с.

344. Антропов, О.О. Астраханские казаки в эмиграции / О.О. Антропов // Вопросы истории. – 1997. – № 11. – С. 137–142.

345. Апрельков, А.В. Оренбургские казаки в эмиграции / А.В. Апрельков, Л.А. Попов // Оренбургское казачье войско. Ист. очерки. – Челябинск: Изд-во ЧГУ, 1994. – С. 131–143.

346. Аргудяева, Ю.В. Русское население в Трехречье / Ю.В. Аргудяева // Россия и АТР. – 2006. – № 4. – С. 121–134.

347. Аргудяева, Ю.В. Трансляция забайкальскими казаками хозяйственного комплекса в Трехречье / Ю.В. Аргудяева // Владивосток – точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции: Вторая Междунар. науч. конф. – Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2016. – С. 64–65.

348. Арсеньев, А.Б. Казаки в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (Югославия) / А.Б. Арсеньев // Берега: информационно-аналитический сборник о русском зарубежье. – СПб.: ИКЦ «Русская эмиграция», 2007. – Вып. 7. – С. 3–15.

349. Арутюнов, С.А. Диаспора – это процесс / С.А. Арутюнов // Этнографическое обозрение. – 2000. – № 2. – С. 74–78.

350. Аурилене, Е.Е. Российская диаспора в Китае. Маньчжурия, Северный Китай, Шанхай. 1920–1950-е гг. / Е.Е. Аурилене. – Хабаровск: Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 2003. – 192 с.

351. Аурилене, Е.Е. Российская диаспора в Китае. 1920–1950-е гг. / Е.Е. Аурилене. – Хабаровск: Частная коллекция, 2008. – 268 с.

352. Аурилене, Е. Русские в Маньчжоу-Го: «свои» и «чужие» / Е. Аурилене, М. Кротова // Родина. – 2012. – № 12. – С. 137–140.
353. Аурилене, Е. Русские в Маньчжоу-Го: «свои» и «чужие» / Е. Аурилене, М. Кротова // Родина. – 2013. – № 2. – С. 138–141.
354. Аурилене, Е.Е. Современная историография истории российской эмиграции в Китае: приглашение к дискуссии / Е.Е. Аурилене // Владивосток – точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции: Вторая Междунар. науч. конф. – Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2016. – С. 65–67.
355. Ахалкаци, Д.С. Корейская война (1950–1953) и советско-американские отношения / Д.С. Ахалкаци // Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945–1985). Новое прочтение. – М.: Междунар. отношения, 1995. – С. 191–216.
356. Бабич, И.Л. Кубанцы и кавказцы: вместе и врозь в европейской эмиграции (1919–1930-е годы) / И.Л. Бабич // Научная мысль Кавказа. – Ростов н/Д, 2012. – № 1. – С. 84–92.
357. Базанов, П.Н. Вторая волна русской эмиграции в лагерях Ди-Пи / П.Н. Базанов // Нансеновские чтения. 2009. СПб.: РОО ИКЦ «Русское зарубежье», 2010. С. 421–425.
358. Базанов, П.Н. Вторая русская эмиграция и «дипийская» печать в Италии (1945–1951) / П.Н. Базанов // Русские в Италии: культурное наследие эмиграции: междунар. науч. конф. – М.: Русский путь, 2006. – С. 179–189.
359. Балакшин, П.П. Финал в Китае: возникновение, развитие и исчезновение белой эмиграции на Дальнем Востоке: в 2 т. / П.П. Балакшин. – М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2013. – 1024 с.
360. Баранов, А.В. Актуальные вопросы географии расселения и идентичности казачества на Юге России в 1920-х гг. / А.В. Баранов // Этнокультурное пространство Юга России (XVIII – XXI вв.): Материалы

Всерос. науч.-практ. конф. Ноябрь-декабрь 2013 г. – Краснодар: Традиция, 2013. – С. 80–91.

361. Барихновский, Г.Ф. Идеино-политический крах белоэмиграции и разгром внутренней контрреволюции / Г.Ф. Барихновский. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. – 160 с.

362. Баутдинов, Г. Казаки в Италии / Г. Баутдинов // Новое время. – 1992. – № 45. – С. 28–31.

363. Белова, Е.И. Документы «Объединенной казачьей станицы в Бельгии» в Королевском музее армии и военной истории в Брюсселе / Е.И. Белова, Е.Е. Седова // Отечественные архивы. – 2009. – № 6. – С. 75–82.

364. Белова, Е.И. Некоторые аспекты позиции Германии в приеме русских беженцев в начале 1920-х годов / Е.И. Белова // Нансеновские чтения. 2007. – СПб.: Сударыня, 2008. – С. 160–171.

365. Беляевский, В.А. Вторая мировая война. Роль казачества в этой войне и трагедия такового. 1939–1945 гг. / В.А. Беляевский. – Сан-Пауло: б.и., 1963. – 104 с.

366. Беляевский, В.А. Дон и Россия / В.А. Беляевский. – [Сан-Франциско]: б.и., [1967]. – 178 с.

367. Беляков, В. «И снятся нам сны про Россию родную!». Кадеты на Суэцком канале / В.В. Беляков // Родина. – 2009. – № 4. – С. 39–41.

368. Берлизов, А.И. Кубанское казачество в гражданской войне (1918–1920 гг.) / А.И. Берлизов // Октябрьская революция и изменения в облике сельского населения Дона и Северного Кавказа: сб. науч. тр. – Краснодар: Кубанский гос. университет, 1984. – С. 42–54.

369. Бетелл, Н. Последняя тайна / Н. Бетелл. – М.: Новости, 1992. – 256 с.

370. Бирман, М. Русская эмиграция в Болгарии (в науке, культуре и просвещении) / М. Бирман // Новый журнал. – 2000. – Кн. 218. – С. 167–179.

371. Богуцкий, А.Е. Атаман Енисейского казачьего войска А.Н. Тялшинский / А.Е. Богутский // Клио. – СПб., 2011. – № 4. – С. 154–156.

372. Богуцкий, А.Е. Енисейские казаки в эмиграции / А.Е. Богутский // Красноярский край: исторические аспекты территориального и культурного развития: тезисы докл. и сообщ. науч. конф. – Красноярск: б.и., 2006. – С. 45–49.
373. Богуцкий, А.Е. Основание енисейской казачьей станицы в Шанхае казаками-джигитами в 1920-х гг. / А.Е. Богуцкий // Саянский исторический ежегодник: сб. науч. ст. – Абакан: Бригантина, 2010. – Вып. 1. – С. 5–11.
374. Бондаренко, В. Архипелаг «Ди-пи». Возвращение второй волны / В. Бондаренко // Вече: Независимый русский альманах. – Мюнхен, 1991. – Вып. 42. – С. 175–190.
375. Бондаренко, И.И. Летопись казачества. Казаки в Центральной Европе / И.И. Бондаренко, Й. Долейши. – Братислава: Европейский Центр изобразительных искусств, 2013. – 528 с.
376. Борисенок, Е.Ю. «Казакция – наша цель»: эмигрантские споры о казачьей государственности / Е.Ю. Борисенок // Родина. – 2004. – № 5. – С. 100–103.
377. Борисенок, Е.Ю. Русское земледельческое движение в Чехословакии в 1920-е годы / Е.Ю. Борисенок // Славяноведение. – 1992. – № 4. – С. 45–55.
378. Борисенок, Е.Ю. Формирование политической программы русского казачества в условиях эмиграции в Чехословакии (1920-е – начало 1930-х годов) / Е.Ю. Борисенок // Славяноведение. – 1996. – № 5. – С. 18–29.
379. Бочарова, З.С. «...Больше не суетиться и не шуметь» (Российская эмиграция на начальных этапах Второй мировой войны в переписке А.А. фон Лампе) / З.С. Бочарова // Нансеновские чтения. 2009. – СПб.: РОО ИКЦ «Русская эмиграция», 2010. – С. 176–197.
380. Бочарова, З.С. «... не принявшие иного подданства»: Проблемы социально-правовой адаптации российских эмигрантов в 1920–1930-е годы. / З.С. Бочарова. – СПб.: Нестор, 2005. – 251 с.

381. Бочарова, З.С. Повседневная жизнь русской эмиграции в годы Второй мировой войны / З.С. Бочарова // Русское зарубежье и Вторая мировая война. – М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2013. – С. 49–64.

382. Бочарова, З. Пути адаптации и самосохранения русского мира в Болгарии (1920-е годы) / З.С. Бочарова // Русское зарубежье в Болгарии: история и современность. – София: Русский академический союз в Болгарии. 2009. – С. 146–148.

383. Бочарова, З.С. Российское зарубежье 1920–1930- гг. как феномен отечественной истории / З.С. Бочарова. – М.: АИРО–XXI, 2011. – 304 с.

384. Бочарова, З.С. Русский мир 1930-х годов: от расцвета к увяданию зарубежной России / З.С. Бочарова // Русский мир в XX веке: в 6 т. – М.: АИРО–XXI; СПб.: Алетейя, 2014. – Т. 3. – 336 с.

385. Брацун, Е.В. Горцы Северо-Западного Кавказа на службе России: история и генеалогия рода полковника К.К. Улагая [Электронный ресурс] / Е.В. Брацун. – Режим доступа: <http://adygi.ru/index.php?newsid=12716>

386. Британова, Т.В. Типы культурной адаптации русских эмигрантов первой волны / Т.В. Британова // Наука, культура и политика русской эмиграции: сб. ст. и материалов Всерос. науч. конф. – СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т культуры и искусств, 2004. – С. 149–156.

387. Ван, Ч. История русской эмиграции в Шанхае / Ч. Ван. – М.: Русский путь, 2008. – 831 с.

388. Василева, Н. Особенности советско-болгарских политико-военных отношений в 20-е годы / Н. Василева, С. Лавренов // Българо-съветски политически и военни отношения 1917–1941. – София: Изд-во «Св. Георги Победоносец», 1998. – С. 44–78.

389. Вельмин, А.П. Русское население в Польше во время немецкой оккупации / А.П. Вельмин // Новый журнал. – 1946. – № XIV. – С. 290–306.

390. Венков, А.В. Донское казачество в гражданской войне / А.В. Венков // Казачество в революциях и гражданской войне: материалы

второй всесоюз. науч. конф. – Черкесск: Карачаево-Черкес. НИИ ИФЭ, 1988. – С. 207–213.

391. Вербицкий, Г.Г. Выдача в Лиенце / Г.Г. Вербицкий // Новый часовой. – СПб., 1996. – № 4. – С.173–182.

392. Волков, С.В. Русская военная эмиграция в Италии / С.В. Волков // Русские в Италии: культурное наследие эмиграции. – М.: Русский путь, 2006. – С. 138–153.

393. Волков, С.В. Характер и перспективы Второй мировой войны в оценке русской военной эмиграции / С.В. Волков // Русское зарубежье и Вторая мировая война: сб. докл. – М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2013. – С. 9–23.

394. Гаврилов, А.Н. Казачий союз – самая массовая общественно-политическая организация казачьей эмиграции / А.Н. Гаврилов // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – Ростов н/Д, 2013. – № 1. – С. 39–44.

395. Галас, М.Л. В союзе с фашистами и масонами против большевизма. Праворадикальное течение российской военной эмиграции в 1930–1940-х годах / М.Л. Галас // Военно-исторический журнал. – 2008. – № 10. – С. 57–60.

396. Галас, М.Л. Еду я на родину... Советская репатриация и ее государственно-правовое регулирование / М.Л. Галас // Родина. – 2008. – № 6. – С. 96–98.

397. Галямова, Л.И. К вопросу об освещении деятельности БРЭМ / Л.И. Галямова // Владивосток – точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции: прошлое и настоящее русской эмиграции. – Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2016. – С. 90–91.

398. Ганин, А.В. Казак в эмиграции: судьба генерала И.Г. Акулинина (1920–1944 гг.) / А.В. Ганин // Новый исторический вестник. – 2004. – № 2 (11). – С. 174–182.

399. Ганин, А.В. Оренбургское казачье войско в Гражданской войне и эмиграции 1917–1945 гг. / А.В. Ганин // Военно-исторический журнал. – 2006. – № 8. – С. 25–30.
400. Ганин, А.В. Три жизни генерала И.Г. Акулинина (Часть 3) / А.В. Ганин // Известия Лаборатории древних технологий. – 2016. – № 1 (18). – С. 95–127.
401. Гарбулева, Л. Очерк из жизни русской эмиграции в Словакии в 1939–1945 гг. / Л. Гарбулева // The History of East Central Europe and Russia / ed. by P. Roubal and V. Veber. – Prague: Nat. libr. of the Czech rep. – Slavonic libr., 2004. – P. 410–428.
402. Гареева, Д.М. Отечественная историография казачьего зарубежья / Д.М. Гареева // Современные проблемы литературоведения, лингвистики и коммуникативистики глазами молодых ученых: традиции и новаторство: межвуз. сб. – Уфа: Башк. гос. ун-т, 2015. – С. 153–163.
403. Глигориевич, Б. Русская православная церковь в период между двумя мировыми войнами / Б. Глигориевич // Русская эмиграция в Югославии. – М.: Индрик, 1996. – С. 111–115.
404. Голдин, В.И. Роковой выбор. Русское военное зарубежье в годы второй мировой войны / В.И. Голдин. – Архангельск, Мурманск: Солти, 2005. – 615 с.
405. Голдин, В.И. Российская военная эмиграция и советские спецслужбы в 20-е годы XX века / В.И. Голдин. – Архангельск; СПб.: Солти, 2010. – 576 с.
406. Голдин, В.И. Русское военное зарубежье в XX веке / В.И. Голдин. – Архангельск: Солти, 2007. – 272 с.
407. Голдин, В.И. Солдаты на чужбине. Русский Обще-Воинский Союз и русское зарубежье в XX – XXI веках / В.И. Голдин. – Архангельск: Солти, 2006. – 794 с.
408. Гольдентул, И. Земельные отношения на Кубани. Краткий очерк / И. Гольдентул. – Ростов н/Д; Краснодар: Буревестник, 1924. – 96 с.

409. Горяинов, А.Н. Панорама жизни русских эмигрантов в Болгарии (по воспоминаниям И.В. Матвеевой) / А.Н. Горяинов // Миграция и эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в XVIII – XX вв. Сохранение национальной идентичности и историко-культурного наследия. – СПб.: Алетейя, 2011. – С. 364–389.

410. Горяинов, А.Н. Учебные заведения русской эмиграции в Болгарии / А.Н. Горяинов // Культура Российского Зарубежья: сб. ст. / отв. ред.: А.В. Квакин, Э.А. Шулепова. – М.: Российский институт культурологии, 1995. – С. 140–154.

411. Гришина, Р.П. Особенности социально-экономической структуры и политического развития межвоенной Болгарии / Р.П. Гришина // Социальная структура и политические движения в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (межвоенный период). – М.: Наука, 1986. – С. 16–29.

412. Губенко, О. Терское казачье войско в XV – XXI вв.: влияние государства на социально-экономические аспекты казачьей жизни / О. Губенко. – Ессентуки: Издательский Дом, 2007. – 240 с.

413. Гузевич, Д. Российская эмиграция во Франции в 1940-е годы или Почему Париж не возродился как столица российского изгнания / Д. Гузевич, И. Гузевич // Закат российской эмиграции во Франции в 1940-е годы: история и память. – Париж; Новосибирск: Ассоц. «Зарубежная Россия», 2012. С. 65–85.

414. Гулевич, Т.М. Воспитательный потенциал казачества в инокультурной среде российского зарубежья в 20-е годы XX века / Т.М. Гулевич // Вестник Владимирского государственного гуманитарного университета. – 2011. – № 8. – С. 26–31.

415. Гурковский, В.А. Российские кадетские корпуса за рубежом: к десятилетию создания Фонда содействия кадетским корпусам имени Алексея Йордана / В.А. Гурковский. – М.: Белый берег, 2009. – 422 с.

416. Двинов, Б.Л. Власовское движение в свете документов / Б.Л. Двинов. – Нью-Йорк: б.и., – 1950. – 121 с.

417. Дейл, З. Проблемы социальной политики буржуазной Чехословацкой республики / З. Дейл // Социальная структура и политические движения в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (межвоенный период). – М.: Наука, 1986. – С. 50–68.

418. Демидова, О.Р. «Образы Италии» и Зарубежная Россия (1920–1930-е гг.) / О.Р. Демидова // Русские в Италии: культурное наследие эмиграции. – М.: Русский путь, 2006. – С. 260–276.

419. Долгих, А.И. Казачья эмиграция в 1920-х–30-х гг. / А.И. Долгих // Казаки России: проблемы истории казачества. – М.: Координационно-метод. центр прикладной этнографии ИЭиА РАН, 1993. – Вып. 2. – С. 172–234.

420. Донские казаки в прошлом и настоящем / под общ. ред. Ю.Г. Волкова. – Ростов н/Д: ГинГО, 1998. – 503 с.

421. Донсков, П.Н. Дон, Кубань и Терек во второй мировой войне. Историческая повесть о второй войне казачества с большевиками (1941–45 гг.). / П.Н. Донсков. – Нью-Йорк: Изд-во им. Походного атамана Павлова, 1960. – 319 с.

422. Дробязко, С.И. Вторая мировая война. Русская освободительная армия / С.И. Дробязко, А. Карашук. – М.: АСТ, 1998. – 45 с.

423. Дугас, И.А. Вычеркнутые из памяти. Советские военнопленные между Гитлером и Сталиным / И.А. Дугас, Ф.Я. Черон. – Париж: YMCA-PRESS, 1994. – 434 с.

424. Думитру, Б. Проблемы русской эмиграции на страницах румынской русскоязычной печати / Б. Думитру // Миграция и эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в XVIII – XX вв. Сохранение национальной идентичности и историко-культурного наследия. – СПб.: Алетейя, 2011. – С. 459–466.

425. Дынникова, И. Годы странствий. Русские староверы в Бразилии / И. Дынникова // Родина. – 2013. – № 10. – С. 73–77.

426. Дюкарев, А.В. Войсковой атаман Кубанского казачьего войска в зарубежье В.Г. Науменко / А.В. Дюкарев // Военно-исторический журнал. – 2012. – № 5. – С. 71-74.
427. Дюкарев, А.В. Общественно-политическая деятельность войскового атамана Кубанского казачьего войска в эмиграции В.Г. Науменко / А.В. Дюкарев // Научная мысль Кавказа. – Ростов н/Д, 2009. – № 2. – С. 92–97.
428. Дятлов, В. Диаспоры: попытка определиться в понятиях / В. Дятлов // Диаспоры. – 1999. – № 1. – С. 8–24.
429. Егорова, К.Б. «Русская акция» Т.Г. Масарика в поддержку образования детей из семей русских эмигрантов / К.Б. Егорова // Мир детства в русском зарубежье: сб. докл. – М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2011. – С. 28–34.
430. Ерин, М.Е. Советские военнопленные в Германии в годы второй мировой войны / М.Е. Ерин // Вопросы истории. – 1995. – № 11–12. – С. 143–147.
431. Ермолин, А.П. Революция и казачество (1917–1920 гг.) / А.П. Ермолин. – М.: Мысль, 1982. – 224 с.
432. Ершов, В.Ф. Российское военное зарубежье в 1945–1980-е гг.: стагнация и угасание / В.Ф. Ершов // История российского зарубежья. Эмиграция из СССР – России 1941–2001 гг.: сб. ст. – М.: ИРИ РАН, 2007. – С. 134–143.
433. Ершов, В.Ф. Российское военно-политическое зарубежье в 1918–1945 гг. / В.Ф. Ершов. – М.: МГУ СЕРВИСА, 2000. – 294 с.
434. Ершов, В.Ф. Эволюция военной диаспоры в 1920–1970-е гг. / В.Ф. Ершов // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX – XX вв. – М.: ИРИ РАН, 2001. С. 101–113.
435. Ёлкин, А. И. Русские казаки в Польше в 20–40-е годы XX века / А.И. Ёлкин // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. – Харків, – 2002. – Вип. 4: Історія. – С. 100–108.

436. Жуков, А.Ф. К вопросу о термине «диаспора» / А.Ф. Жуков, Л.Н. Жукова // Россия в глобальном мире. Социально-теоретический альманах: приложение к журналу для ученых «Клио». – СПб.: Изд-во СПб. политехн. ун-та, 2009. – С. 149–154.

437. Жуков, В.Ю. Зарубежная Россия: эмиграция и эмигранты / В.Ю. Жуков // Русская эмиграция и фашизм: статьи и воспоминания. – СПб.: Изд-во СПбГАСУ, 2011. – С. 12–22.

438. Журавлев, Е.И. Борьба с проявлениями коллаборационизма на Юге России в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 годы) / Е.И. Журавлев // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – Ростов н/Д, 2010. – № 5. – С. 61–64.

439. Журавлев, Е.И. Гражданский коллаборационизм на Юге России в годы Великой Отечественной войны / Е.И. Журавлев // Российская история. – 2009. – № 6. – С. 70–78.

440. Журавлев, Е.И. Оккупационная политика фашистской Германии на Юге России (1941–1943 гг.): цели, содержание, причины краха / Е.И. Журавлев // Научная мысль Кавказа. – Ростов н/Д, 2001. – № 1. – С. 36–43.

441. Журавлев, Е.И. Политика нацистов по развитию коллаборационизма и попытка ее реализации на Юге России в годы Великой Отечественной войны (1941–1943) / Е.И. Журавлев // Научная мысль Кавказа. – Ростов н/Д, 2012. – № 1. – С. 60–65.

442. Зайцев, А.А. Мемуарная литература как источник изучения социальной психологии казачества в годы гражданской войны / А.А. Зайцев // Казачество в революциях и гражданской войне: материалы второй всесоюз. науч. конф. – Черкесск: Карачаево-Черкес. НИИ ИФЭ, 1988. – С. 80–85.

443. Земдиханов, В.А. Униформа и снаряжение бригады Асано Маньчжурской императорской армии / В.А. Земдиханов // Владивосток – точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции. – Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2016. – С. 128–130.

444. Земсков, В.Н. «Вторая эмиграция» и отношение к ней руководства СССР, 1947–1955 / В.Н. Земсков // История российского зарубежья. Эмиграция из СССР – России. 1941–2001 гг.: сб. ст. – М.: ИРИ РАН, 2007. – С. 63–91.
445. Земсков, В.Н. К вопросу о репатриации советских граждан 1944–1951 гг. – В.Н. Земсков // История СССР. – 1990. – № 4. – С. 26–41.
446. Земсков, В.Н. Репатриация и вторая волна эмиграции / В.Н. Земсков // Родина. – 1991. – № 6–7. – С. 111.
447. Земсков, В.Н. Рождение «второй эмиграции» 1944–1952 / В.Н. Земсков // Социологические исследования. – 1991. – № 4. – С. 3–24.
448. Зими́на, В.Д. Казачья эмиграция 20-х–30-х гг. XX столетия о путях развития России / В.Д. Зими́на // Возрождение казачества (история, современность, перспективы). – Ростов н/Д: Логос, 1995. – С. 76–77.
449. Зими́на, В.Д. Эмигрантская казачья пресса 20–30-х гг. как исторический источник / В.Д. Зими́на // Преподавание и изучение историографии и источниковедения отечественной истории: проблемы, опыт, поиски, решения. – Тверь: Изд-во ТГУ, 1992. – С. 70–80.
450. Зюзин, Е.И. Малоизвестные страницы войны / Е.И. Зюзин. – М.: Знание, – 1990. – 64 с.
451. Иванцов, Д. Русские беженцы в Югославии в 1921 г. / Д. Иванцов // Русский экономический сборник. – Прага, 1925. – № 2. – С. 80–108.
452. Ионцев, В.А. Мировые миграции / В.А. Ионцев. – М.: Знание, 1992. – 62 с.
453. Иоффе, Г.З. Крах русской монархической контрреволюции / Г.З. Иоффе. – М.: Наука, 1977. – 320 с.
454. История казачества Азиатской России: в 3 т. / Ин-т истории и археологии УрО РАН. – Екатеринбург: УрО РАН, 1995. – Т. 3. XX век. – 268 с.
455. История российского зарубежья. Эмиграция из СССР – России 1941–2001 гг.: сб. ст. – М.: ИРИ РАН, 2007. – 294 с.

456. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: учебное пособие / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. – М.: Росс. гос. гуманитар. ун-т, 1998. – 702 с.
457. Йованович, М. Россия в изгнании. Границы, масштабы и основные проблемы исследования / М. Йованович // Русская эмиграция в Югославии. – М.: Изд-во «Индрик», 1996. – С. 27–45.
458. Йованович, М. Русская эмиграция на Балканах: 1920–1940. / М. Йованович. – М.: Библиотека-фонд «Русское Зарубежье»; Русский путь, 2005. – 488 с.
459. Йованович, М. Те, кто за Сталина, и те, кто за Гитлера. Российская эмиграция в Югославии в годы Второй мировой войны / М. Йованович // Родина. – 2012. – № 11. – С. 14–16.
460. Какурин, Н.Е. Как сражалась революция: в 2 т. / Н.Е. Какурин. – М.: Политиздат, 1990. – Т. 1. – 272 с.
461. Камский. Русские белогвардейцы в Китае / Камский. – М.: Красная новь, 1923. – 66 с.
462. Каневская, Г.И. «Мы еще мечтаем о России...». История русской диаспоры в Австралии (конец XIX – вторая половина 90-х гг. XX в.) / Г.И. Каневская. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2010. – 369 с.
463. Каневская, Г.И. Очерки русской иммиграции в Австралии (1923–1947 гг.) / Г.И. Каневская. – Мельбурн: Ун-т Мельбурна, 1998. – 84 с.
464. Каневская, Г.И. Политическая палитра русской диаспоры в Австралии накануне и в годы Второй мировой войны / Г.И. Каневская // Нансеновские чтения. 2009. – СПб.: РОО ИКЦ «Русская эмиграция», 2010. – С. 130–137.
465. Каневская, Г.И. Правовая адаптация российских эмигрантов в Австралии (10–30-е гг. XX в.) / Г.И. Каневская // Правовое положение российской эмиграции в 1920–1930-е годы: сб. науч. тр. – СПб.: Сударыня, 2006. – С. 196–204.

466. Каневская, Г.И. «Я – бездомный, но зато на воле...». Русские перемещенные лица в Австралии (1947–1954 гг.) / Г.И. Каневская. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2005. – 232 с.
467. Каппелер, А. Казачество. История и легенды / А. Каппеллер. – Ростов н/Д: Изд-во Южного федерального ун-та, 2014. – 104 с.
468. Капран, И.К. «В силу обещаний заботиться о судьбе отряда...» / И.К. Капран // Владивосток – точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции. – Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2016. – С. 142–143.
469. Капустина, Е.Г. Современные центры по изучению русского зарубежья в Москве и Санкт-Петербурге / Е.Г. Капустина // Роль русского зарубежья в сохранении и развитии отечественной культуры: тезисы докл. науч. конф. – М.: ИРИ РАН, 1993. – С. 99–102.
470. Карпенко, С.В. Эвакуация Русской армии генерала П.Н. Врангеля из Крыма в освещении разведки Красной армии / С.В. Карпенко // Владивосток – точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции. – Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2016. – С. 144–145.
471. Квакин, А.В. К вопросу о правовом положении русских беженцев в Югославии 1920–1930-х годов / А.В. Квакин // Правовое положение российской эмиграции в 1920–1930-е годы. – СПб.: Сударыня, 2006. – С. 111–122.
472. Келли, Р.Ф. Группы российской эмиграции в Европе в начале 1950-х годов / Р.Ф. Келли // Нация, культура и политика русской эмиграции: сб. ст. и материалов всерос. науч. конф. – СПб.: Изд-во СПбГУКИ, 2004. – С. 225–253.
473. Кёсева, Ц. Болгария и русская эмиграция: 1920 – 1950-е годы / Ц. Кёсева. – М.: Библиотека-фонд «Русское Зарубежье»; Русский путь, 2008. – 312 с.
474. Киржниц, А. У порога Китая / А. Киржниц. – М.: Красная новь, 1924. – 70 с.

475. Кириенко, Ю.К. Казачество в эмиграции: споры о его судьбах (1921–1945 гг.) / Ю.К. Кириенко // Вопросы истории. – 1996. – № 10. – С. 3–18.

476. Кириенко, Ю.К. Трактровка понятия казачество-народ в зарубежье / Ю.К. Кириенко // Возрождение казачества (история, современность, перспективы). – Ростов н/Д: Логос, 1995. – С. 77–78.

477. Клименко, А. Казаки за рубежом / А. Клименко // Международная жизнь. – 1996. – № 4. – С. 95–103.

478. Ковалев, Б.Н. Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы / Б.Н. Ковалев. – Великий Новгород: Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого, 2009. – 371 с.

479. Ковалев, М.В. Исторические праздники русской эмиграции как способ сохранения коллективной культурной памяти / М.В. Ковалев // Диалог со временем. – 2008. – № 25. – С. 119–138.

480. Ковалев, М. «Мы все с генералом де Голлем!». Русские герои французского Сопротивления / М. Ковалев // Родина. – 2006. – № 12. – С. 115–122.

481. Коваленко, Е.С. Новое в биографии казака-бандуриста А.П. Черного / Е.С. Коваленко // Российское казачество: проблемы истории, возрождения и перспективы развития: сб. статей Междунар. науч.-практ. конф. – Краснодар: Традиция, 2016. – С. 118–122.

482. Ковальченко, И.Д. Методы исторического исследования / И.Д. Ковальченко. – М.: Наука, 2003. – 486 с.

483. Козлитин, В.Д. Российская эмиграция в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (1919–1923) / В.Д. Козлитин // Славяноведение. – 1992. – № 4. – С. 7–19.

484. Козлитин, В.Д. Русская и украинская эмиграция в Югославии (1919–1945 гг.) / В.Д. Козлитин. – Харьков: Кн. реклам. агентство «Ра», 1996. – 471 с.

485. Козлов, А.И. Истоки колебаний трудящегося казачества в революции / А.И. Козлов // Актуальные вопросы историографии Октября на Дону и Северном Кавказе. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1986. – С. 24–37.

486. Колупаев, Д.В. Некоторые способы методологии изучения истории развития казачьего социума / Д.В. Колупаев // Российское казачество: история, проблемы возрождения и перспективы развития. Краснодар: Традиция, 2012. – С. 47–52.

487. Кольцов, М.В. Проблема репатриации советских граждан в отношениях между ССР и Великобританией (1945–1950 гг.) / М.В. Кольцов // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. – 2011. – № 4 (18). – С. 5–9.

488. Комин, В.В. Белая эмиграция и вторая мировая война: учеб. пособие / В.В. Комин. – Калинин: Изд-во КГУ, 1979. – 61 с.

489. Комин, В.В. Политический и идейный крах русской мелкобуржуазной контрреволюции за рубежом / В.В. Комин. – Калинин: Изд-во КГУ, 1977. – 120 с.

490. Комолова, Н.П. Русское зарубежье в Италии (1917–1945 гг.) / Н.П. Комолова // Русская эмиграция в Европе (20-е–30-е годы XX века). – М.: ИВИ РАН, 1996. – С. 46–101.

491. Кононова, М.М. Русские дипломатические представительства в эмиграции (1917–1925 гг.) / М.М. Кононова. – М.: ИВИ РАН, 2004. – 240 с.

492. Копршилова, А. Российские эмигранты во Вшенорах-Мокропсах-Черношицах (двадцатые годы 20-го века) / А.В. Копршилова. – Прага: Национальная библиотека Чешской Республики, Славянская библиотека, 2000. – 33 с.

493. Копршилова-Вуколова, А. Судьбы русской эмиграции в Чехословакии после 1945 г. / А. Копршилова-Вуколова // Записки Русской академической группы в США. Русская Прага. 1920–1945. – Монреаль, 2001. – № 31. – С. 302–323.

494. Корсакова, Н.А. Атаман В.Г. Науменко. Страницы биографии / Н.А. Корсакова // Атаман В.Г. Науменко и его «Хроника». – Краснодар: ОИПЦ «Перспективы образования», 2006. – С. 28–39.
495. Косенко, О.Н. Советские военнопленные в Германии. 1944–1945 гг. / О.Н. Косенко // Военно-исторический журнал. – 2006. – № 7. – С. 20–25.
496. Косик, В. Русская эмиграция в Болгарии после 1945 года / В.И. Косик // Русское зарубежье в Болгарии: история и современность. – София: Русский академический союз в Болгарии, 2009. – С. 169–174.
497. Косик, В.И. Русская Югославия: фрагменты истории, 1919–1944 / В.И. Косик // Славяноведение. – 1992. – № 4. – С. 20–23.
498. Косик, В.И. Русские в Хорватской православной церкви (1942–1944) / В.И. Косик // Русское зарубежье и Вторая мировая война: сб. докл. – М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2013. – С. 138–157.
499. Косик, В.И. Русские изгнанники в Болгарии в 1920–1950-х годах / В.И. Косик // Вестник ПСТГУ. – Серия II: История. История Русской Православной Церкви. – 2007. – Вып. 1 (22). – С. 21–39.
500. Косик, В.И. Столица одиночества. Русские изгнанники в Югославской столице / В.И. Косик // Родина. – 2006. – № 4. – С. 81–85.
501. Котюков, К.Л. Роковое разделение: Русская военная эмиграция в период Великой Отечественной войны на оккупированных территориях Советского Союза и Югославии / К.Л. Котюков. – М.: ИПО «У Никитских ворот», 2012. – 192 с.
502. Котюков, К.Л. Российские военные эмигранты и «пораженческое» движение в период второй мировой войны / К.Л. Котюков // История российского зарубежья. Эмиграция из СССР – России 1941–2001 гг.: сб. ст. – М.: ИРИ РАН, 2007. – С. 24–44.
503. Котюков, К.Л. Формирование и боевая деятельность Русского охранного корпуса в Югославии в 1941–1945 годах / К.Л. Котюков // Отечественная история. – 2008. – № 3. – С. 86–94.

504. Крикунов, П. Казаки. Между Гитлером и Сталиным / П.Н. Крикунов. – М.: Яуза, Эксмо, 2005. – 608 с.

505. Кринко, Е.Ф. Участие казачества в Великой Отечественной войне: основные источники и их информационные возможности / Е.Ф. Кринко // Источниковедческие проблемы в исследованиях по истории казачества XX века. – Волгоград: Волгоградский филиал РАНХГС, 2013. – С. 82–89.

506. Кринко, Е.Ф. Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945) / Е.Ф. Кринко, И.Г. Тажидинова, Т.П. Хлынина. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. – 362 с.

507. Кротова, М.В. Август 1945 г. в Маньчжурии в воспоминаниях русской эмиграции / М.В. Кротова // Нансеновские чтения. 2009. – СПб.: РОО ИКЦ «Русская эмиграция», 2010. – С. 117–130.

508. Кротова, М.В. СССР и российская эмиграция Маньчжурии (1920–1930-е гг.) / М.В. Кротова. – СПб.: Астерион, 2014. – 377 с.

509. Крюков, В.В. Атаман Гамов. Биографическая справка [Электронный ресурс] / В.В. Крюков. Режим доступа: <http://svgbdvr.ru/istoriya/ataman-gamov> (дата обращения: 30.08.2017).

510. Кудряшов, С.В. На Голгофу со свастикой? Казачьи истерики по поводу послевоенной репатриации / С.В. Кудряшов // Родина. – 2005. – № 9. – С. 31–35.

511. Кузнецов, Б.М. В угоду Сталину, годы 1945–1946: в 2 т. / Б.М. Кузнецов. – Нью-Йорк: Военный вестник, 1956. – Т. 1. – 131 с; 1957. – Т. 2. – 125 с.

512. Кьосева, Ц. Русские эмигранты из Болгарии в Русском охранном корпусе в Югославии (по документам болгарских активов) / Ц. Кьосева // Русская эмиграция и фашизм: статьи и воспоминания. – СПб.: Изд-во СПбГАСУ, 2011. – С. 105–111.

513. Ладоха, Г.В. Очерки гражданской борьбы на Кубани / Г.В. Ладоха. – Краснодар: Буревестник, 1923. – 122 с.
514. Ланнуа, Ф. Казаки Паннвица. 1942–1945 / Ф. Ланнуа – М.: АСТ; АСТ МОСКВА, 2006. – 241 с.
515. Лебедева, Н.М. Социальная психология этнических миграций / Н.М. Лебедева. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1993. – 195 с.
516. Ленивов, А.К. Под казачьим знаменем / А.К. Ленивов. – Мюнхен: б.и., 1970. – 364 с.
517. Леперванш, М. Иммиграция в Австралию в 1947–1979 гг. / М. Леперванш // Советская этнография. – 1981. – № 4. – С. 63–82.
518. Линец, С.И. Оборона Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны (июль–декабрь 1942) / С.И. Линец, С.В. Януш. – М.: Илекса, 2010. – 460 с.
519. Литворния, А. Казачьи станицы во Фриули / А. Литворния // Россия и Италия. – М.: Наука, 2003. – Вып. 5: Русская эмиграция в Италии в XX веке. – С. 46–52.
520. Маевский, В. Русские в Югославии (взаимоотношения России и Сербии): в 2 т. / В. Маевский. – Нью-Йорк: Исторический кружок, 1966. – Т. 2. – 361 с.
521. Макаренкова, Е.М. Проблема самоидентификации русских эмигрантов во Франции (1930-е годы). По материалам архива полицейской префектуры Парижа / Е.М. Макаренкова // Диалог со временем. – 2007. – № 20. – С. 239–251.
522. Малышенко, Г.И. Общественно-политическая жизнь российского казачества в Дальневосточной эмиграции (1920–1945 гг.) / Г.И. Малышенко. – Омск: Изд-во ОмГАУ, 2006. – 433 с.
523. Малышенко, Г.И. Политическая программа и тактические установки самостоятельной казачьей эмиграции, 1920–1930 гг. / Г.И. Малышенко // Ежегодник Омского государственного педагогического университета. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 1998. – С. 205–210.

524. Маньков, С.А. Бельгийский коллаборационизм и русская правая эмиграция в 1940–1945 гг. // Нансеновские чтения. 2009. – СПб.: РОО ИКЦ «Русская эмиграция», 2010. – С. 83–91.

525. Маринченко, А.А. «Внести раздоры между народами...»: расовая политика немецких властей в отношении советских военнопленных, 1941 – начало 1942 года / А.А. Маринченко // Новая и новейшая история. – 2014. – № 2. – С. 82–85.

526. Маркдорф, Н.М. Иностранцы военнопленные, интернированные, власовцы, белоэмигранты в Западной Сибири: 1942–1956 гг. / Н.М. Маркдорф. – М.: Институт энергии знаний, 2001. – 233 с.

527. Маркдорф, Н.М. О физическом состоянии и трудовом использовании казаков-эмигрантов и власовцев в лагерях НКВД-МВД СССР Западной Сибири (1945–1955 годы) / Н.М. Маркдорф // Сибирское казачество: история и современность: сб. науч. ст. – Омск: Наука, 2011. – С. 192–201.

528. Мартынов, А.В. Русское зарубежье и движение коллаборации в годы Второй мировой войны: социальные и психологические аспекты / А.В. Мартынов // Русское зарубежье и Вторая мировая война: IV Культурологические чтения «Русская эмиграция XX века»: сб. докл. / сост. И.Ю. Белякова. – М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2013. – С. 33–46.

529. Мартынов, Б.Ф. Генерал И.Т.Беляев и «Русский очаг» в Парагвае / Б.Ф. Мартынов // Новая и новейшая история. – 1992. – № 5. – С. 41–58.

530. Мартынов, Б.Ф. Парагвайский Миклухо-Маклай. Повесть о генерале Беляеве / Б.Ф. Мартынов. – М.: ИЛА РАН, 1993. – 112 с.

531. Мартынов, Б.Ф. Русский Парагвай: Повесть о генерале Беляеве, людях и событиях прошлого века / Б.Ф. Мартынов. – М.: Воениздат, 2006. – 238 с.

532. Мартынова, О.А. Эмиграция казаков в Австралию / О.А. Мартынова // Владивосток – точка возвращения: прошлое и настоящее

русской эмиграции. – Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2016. – С. 188–191.

533. Мелихов, Г.В. Белый Харбин: середина 20-х. / Г.В. Мелихов. – М.: Русский путь, 2003. – 440 с.

534. Мелихов, Г.В. Российская эмиграция в Китае (1917–1924 гг.) / Г.В. Мелихов. – М. ИРИ РАН, 1997. – 245 с.

535. Меняйленко, М.К. Русская эмиграция в Сан-Франциско: общественные организации и создание независимого архива / М.К. Меняйленко // Отечественная история. – 2008. – № 3. – С. 94–104.

536. Миграция и эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в XVIII–XX вв. Сохранение национальной идентичности и историко-культурного наследия. – СПб.: Алетейя, 2011. – 488 с.

537. Микуленок, А.А. Повседневная жизнь казаков-эмигрантов в лагерях для интернированных в Польше в первой половине 1920-х гг. (на примере армии генерала Н.Э Бредова) / А.А. Микуленок // Российское казачество: проблемы истории, возрождения и перспективы развития: сб. статей Международной науч.-практ. конф. – Краснодар: Традиция, 2016. – С. 156–161.

538. Микуленок, А.А. Положение Русской Православной Церкви в Польше в 1920–1930-е гг. / А.А. Микуленок // Aspectus. – Краснодар, 2016. – № 1. – С. 51–58.

539. Микуленок, А.А. Причины и особенности исхода российской эмиграции в Польшу в первой половине 1920-х гг. / А.А. Микуленок // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. – 2016. – № 3. – С. 47–51.

540. Микуленок, А.А. Проблема получения Нансеновского паспорта в Польше в 1920–1930-е гг. / А.А. Микуленок // Кирилло-Мефодиевские чтения в СамГТУ: сб. материалов XII Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. – Самара: Самарский гос. тех. ун-т, 2016. – Вып. 4. – С. 175–177.

541. Микуленок, А.А. Проблема урегулирования правового положения российских эмигрантов в Польше в 1920-е гг. / А.А. Микуленок // Историческая и социально-образовательная мысль. – Краснодар, 2015. – Т. 7. – № 6. – Ч. 2. – С. 64–69.

542. Миленкович, Т. Союз русских инженеров в Югославии (1920–1941 гг.) /Т.М. Миленкович // Культурное наследие русской эмиграции, 1917–1940: в 2 кн. – М.: Наследие, 1994. – С. 360–369.

543. Мининков, Н.А. Методология истории: пособие для начинающего исследователя / Н.А. Мининков. – Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2004. – 251 с.

544. Миронова, Е.М. Дипломатия не большевистской России. От Певческого моста до улицы Греналь. 1917–1918 / Е.М. Миронова. – М.: ИВИ РАН, 2013. – 236 с.

545. Миронова, Е.М. Совет послов накануне Второй мировой войны / Е.М. Миронова // Нансеновские чтения. 2009. – СПб.: РОО ИКЦ «Русская эмиграция», 2010. – С. 33–41.

546. Михайлова, Н.Б. Психологическое исследование ситуации эмиграции / Н.Б. Михайлова // Психологический журнал. – 2000. – Т. 21. – № 1. – С. 26–38.

547. Мосейкина, М.Н. Белая эмиграция в странах Латинской Америки в годы Второй мировой войны / М.Н. Мосейкина // Русское зарубежье и Вторая мировая война: сб. докл. – М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2013. – С. 157–171.

548. Мосейкина, М.Н. Деятельность русской колонии города Сан-Пауло по оказанию помощи соотечественникам в годы Второй мировой войны (по личным воспоминаниям И.Ф. Лихоманова) / М.Н. Мосейкиной // Нансеновские чтения. 2009. СПб.: РОО ИКЦ «Русская эмиграция», 2010. – С. 156–165.

549. Мосейкина, М.Н. Казачество в странах Латинской Америки в 1920–1950-е гг.: проблемы адаптации и социокультурной интеграции /

М.Н. Мосейкина // Российское казачество: проблемы истории, возрождения и перспективы развития: сб. статей Междунар. науч.-практич. конф. – Краснодар: Традиция, 2016. – С. 166–170.

550. Мосейкина, М.Н. Правовое положение русской эмиграции в странах Латинской Америки (1920–30-е годы) / М.Н. Мосейкина // Правовое положение российской эмиграции в 1920–1930-е годы. – СПб.: Сударыня, 2006. – С. 216–229.

551. Мосейкина, М.Н. «Рассеяны, но не расторгнуты»: русская эмиграция в странах Латинской Америки в 1920–1960 гг. / М.Н. Мосейкина. – М.: Изд-во РУДН, 2011. – 388 с.

552. Мосейкина, М.Н. Российская диаспора в XIX–XX вв.: выживание или исчезновение / М.Н. Мосейкина, Г.В. Мелихов // Отечественная история. – 2000. – № 1. – С. 208–213.

553. Муромцева, Л.П. Сохранение историко-культурной идентичности русского казачества в эмиграции / Л.П. Муромцева // Отечественная история. – 2008. – № 3. – С. 77–86.

554. Мухачев, Ю.В. Идеино-политическое банкротство планов буржуазного реставраторства в СССР / Ю.В. Мухачев. – М.: Мысль, 1982. – 270 с.

555. Мюллер, Н. Вермахт и оккупация (1941–1944) / Н. Мюллер. – М.: Воениздат, 1974. – 82 с.

556. Назаров, М.В. Миссия русской эмиграции / М.В. Назаров. – Ставрополь: Кавказский край, 1992. – 415 с.

557. Наземцева, Е.Н. На дипломатическом уровне: проблемы правового статуса русских эмигрантов в Китае в советско-китайских отношениях (1920–1940-е гг.) / Е.Н. Наземцева. – СПб.: Алетейя, 2016. – 446 с.

558. Наземцева, Е.Н. Правовое положение русских эмигрантов в Китае после отмены экстерриториальности / Е.Н. Наземцева // Владивосток –

точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции. – Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2016. – С. 201–204.

559. Наземцева, Е.Н. Русская эмиграция в Сынцзяне (1920–1930-е гг.) / Е.Н. Наземцева. – Барнаул: ОАО ИПП «Алтай», 2010. – 270 с.

560. Наземцева, Е. Тяга в Совдепию. Как большевики возвращали бывших белых из Западного Китая / Е.Н. Наземцева // Родина. – 2011. – № 10. – 128–131.

561. Нахо, И. Анализ «Доклада по исследованию форм ведения сельского хозяйства русскими крестьянами в Трехречье» (1943): ретроспектива японских исследований казацкого поселка Верх-Кули / И. Нахо // Владивосток – точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции. – Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2016. – С. 131–132.

562. Нивьер, А. Русское православное духовенство в Италии (1920–1980) / А. Нивьер // Россия и Италия. – М.: Наука, 2003. – Вып. 5: Русская эмиграция в Италии в XX веке. – С. 61–72.

563. Никитин, А.К. Этапы и методы унификации Русской православной общины в Германии в 1935–1939 годах / А.К. Никитин // Русская эмиграция в Европе (20–30-е гг. XX века). – М.: ИВИ РАН, 1996. – С. 129–162.

564. Овчинников, И. Казак Мигулинской станицы / И. Овчинников // Казарла. – 2011. – № 1 (8). – С.40–42.

565. Охендушко, С.С. Русское зарубежье в 1920–1953 гг. / С.С. Охендушко. – Тула: Папирус, 2008. – 148 с.

566. Партаненко, Т.В. К вопросу о стереотипе поведения и ментальности русской эмиграции во Франции / Т.В. Партаненко // Русская эмиграция во Франции (1850-е – 1950-е гг.): сб. науч. ст. / под ред. В.И. Старцева, Т.Г. Фруменковой. – СПб.: Третья Россия, 1995. – С. 168–174.

567. Паршуков, В.А. Деятельность енисейских казаков, избранных в руководство станиц и казачьих союзов в эмиграции / В.А. Паршуков //

Владивосток – точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции. – Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2016. – С. 214–216.

568. Паршуков, В.А. К истории Казачьего союза в Шанхае (некоторая переписка его председателя Г.К. Бологова) / В.А. Паршуков // Сибирский исторический альманах. – Красноярск: Версо, 2012. – Т. 2: Сибирь на переломе эпох. Начало XX века. – С. 267–271.

569. Паршуков, В.А. Судьбы офицеров Енисейского казачьего войска, оказавшихся в эмиграции / В.А. Паршуков // Владивосток – точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции: материалы междунард. науч. конф. – Владивосток, 2015. – С. 83–91.

570. Пеньковский, Д.Д. Казачество: исход и возрождение (1920–2011 гг.) / Д.Д. Пеньковский. – М.: Национальный институт бизнеса, 2011. – 554 с.

571. Пеньковский, Д.Д. Эмиграция казачества из европейской и азиатской частей России и её последствия (1920–1945 гг.) / Д.Д. Пеньковский. – М.: Национальный институт бизнеса, 2009. – 447 с.

572. Перехов, Я.А. О реэмиграции казачества (1921–1925 гг.) / Я.А. Перехов // Изв. СКНЦ ВШ. Обществ. науки. – Ростов н/Д, 1983. – № 2. – С. 67–72.

573. Перехов, Я.А. Сменовеховство и казачья эмиграция / Я.А. Перехов // Возрождение казачества (история, современность, перспективы). – Ростов н/Д: Логос, 1995. – С. 74–76.

574. Перцев, В.А. Реэмиграция и репатриация в СССР в 1950–1960-е годы (на материалах Центрального Черноземья) / В.А. Перцев // Вестник Воронежск. ун-та. Серия: История. Политология. Социология. – 2010. – № 1. – С. 42–51.

575. Песчаный, Д.Г. Очерки новейшей истории стран Востока после Второй мировой войны (1945–1990-е гг.) / Д.Г. Песчаный. – Краснодар: Изд-во КубГУ, 1998. – 257 с.

576. Петров, В.П. Русские в Америке. XX век / В.П. Петров. – Вашингтон: Издание рус.-амер. ист. общества. 1992. – 160 с.
577. Петрушева, Л.И. Болгария и российская эмиграция / Л.И. Петрушева // Болгария и российская эмиграция. 1920–1945 гг. Историко-документальная выставка. Каталог выставки. – М.: Изд-во «Древлехранилище», 2007. – С. 10–19.
578. Петрушева, Л.И. Русская эмиграция в Италии по документам Пражской коллекции Государственного архива Российской Федерации / Л.И. Петрушева // Русские в Италии: культурное наследие эмиграции: Междунар. науч. конф. – М.: Русский путь, 2006. – С. 113–128.
579. Покровский, Г. Деникинщина. Год политики и экономики на Кубани (1918–1919) / Г. Покровский. – Харьков: Пролетарий, 1926. – 234 с.
580. Полоскова, Т.В. Судьбы перемещенных лиц / Т.В. Полоскова // Дипломатический вестник. – 1996. – № 10. – С. 77–79.
581. Полчанинов, Р.В. Русский книжный «бум» в Германии в 1945–1948 гг. / Р.В. Полчанинов // Нансеновские чтения. 2009. – СПб.: РОО ИКЦ «Русская эмиграция», 2010. – С. 283–401.
582. Полян, П.М. Жертвы двух диктатур: Жизнь, труд, унижения и смерть советских военнопленных и остарбайтеров на чужбине и на родине / П.М. Полян. – М.: РОССПЭН, 2002. – 896 с.
583. Попков, В. «Классические» диаспоры: к вопросу о дефиниции термина / В. Попков // Диаспора. – 2002. – № 1. – С. 7–22.
584. Поремский, В.Д. Стратегия антибольшевистской эмиграции: избранные статьи 1934–1997 / В.Д. Поремский. – М.: Посев, 1998. – 288 с.
585. Пронин, А.А. Российская эмиграция в отечествен. диссертационных исследованиях (1980–2005) / А.А. Пронин // Российская история. – 2010. – № 3. – С. 101–109.
586. Пул, Т. Русские фашисты в Квисленде (1935–1945) / Т. Пул // Русская эмиграция и фашизм: статьи и воспоминания. – СПб.: Изд-во СПбГАСУ, 2011. – С. 156–178.

587. Пушкарев, В.А. Амурские казаки в Китае: опыт сохранения традиций (1918–1945) / В.А. Пушкарев // Россия и АТР. – 2013. – № 3. – С. 17–29.
588. Пушкарев, В.А. Булаве предпочел указку. Извилистая жизнь амурского атамана Гамова / В.А. Пушкарев // Родина. – 2014. – № 1. – С. 121–122.
589. Пушкарева, Н.Л. Возникновение и формирование российской диаспоры за рубежом / Н.Л. Пушкарева // Отечественная история. – 1996. – № 1. – С. 53–69.
590. Пятницкий, В.И. Казаки в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / В.И. Пятницкий. – М.: Яуза, Эксмо, 2007. – 320 с.
591. Райан, Н.В. Россия–Харбин–Австралия: сохранение и утрата языка на примере русской диаспоры, проживавшей XX век вне России / Н.В. Райан. – М.: Русский путь, 2005. – 208 с.
592. Ратушняк, О.В. Адаптация казаков-эмигрантов к жизни в зарубежье (1920–1960-е гг.) / О.В. Ратушняк // Историческая и социально-образовательная мысль. – Краснодар, 2014. – № 6. – Ч. 2. – С. 156–158.
593. Ратушняк, О.В. В.Г. Науменко (1883–1979) – атаман Кубанского казачьего войска за рубежом / О.В. Науменко // Люди и судьбы Русского Зарубежья. – М.: ИВИ РАН, 2016. – Вып. 3. – С. 260–277.
594. Ратушняк, О.В. Донское и кубанское казачество в эмиграции (1920–1939 гг.): учеб. пособие / О.В. Ратушняк. – Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 1997. – 164 с.
595. Ратушняк, О.В. История казачьего зарубежья в российской историографии / О.В. Ратушняк // Вестник Томского государственного университета. Сер.: История. – 2015. – № 4 (36). – С. 119–127.
596. Ратушняк, О.В. Источники по истории и культуре казачьего зарубежья в Государственном архиве Краснодарского края / О.В. Ратушняк // Источниковедческие проблемы в исследованиях по истории казачества XX века. – Волгоград: Изд-во Волгогр. филиала РАНХиГС, 2013. – С. 147–151.

597. Ратушняк, О.В. Источники по истории и культуре казачьего зарубежья в Государственном архиве Краснодарского края / О.В. Ратушняк // Отечественные архивы. – 2015. – № 2. – С. 63–70.

598. Ратушняк, О.В. Источники по истории кубанского казачьего зарубежья / О.В. Ратушняк // Казачество России: история и современность: сб. тезисов Междунар. науч. конф. – Краснодар: Адм-ция Краснодарск. края, 2002. – С. 124–126.

599. Ратушняк, О.В. Казаки в Англии в 1920-е – 1970-е гг. / О.В. Ратушняк // Теория и практика общественного развития. – Краснодар, 2015. – № 3. – С. 97–99.

600. Ратушняк, О.В. Казаки в Чаталджинских лагерях и на Лемносе / О.В. Ратушняк // Кубанский сборник: сб. науч. статей по истории края. – Краснодар: ООО «Книга», 2006. – Т. 1 (22). – С. 195–209.

601. Ратушняк, О.В. Казаки в Чехословакии (ЧСР) / О.В. Ратушняк // Творческое наследие Ф.А.Щербины и современность: тез. докл. и сообщ. Междунар. науч.-практ. конф. – Краснодар: Изд-во ИМСИТ, 1999. – С. 97–99.

602. Ратушняк, О.В. Казаки-эмигранты в Болгарии (1920–1930-е гг.) / О.В. Ратушняк // «Да кто душу положит за други своя...»: материалы II Междунар. дворянских чтений. – Краснодар: Кубанькино, 2006. – С. 67–74.

603. Ратушняк, О.В. Казаки-эмигранты в Европе (1920-е гг.) / О.В. Ратушняк // Из истории стран Запада в новейшее время: сб. науч. тр. – Краснодар: Изд-во КубГУ, 1999. – С. 6–20.

604. Ратушняк, О.В. Казаки-эмигранты в Польше в первой половине 1920-х гг. / О.В. Ратушняк // Мир славян Северного Кавказа. – Краснодар: Традиция, 2013. – Вып. 7. – С. 211–218.

605. Ратушняк, О.В. Казаки-эмигранты в Чаталджинских лагерях в 1920–1921 гг. / О.В. Ратушняк // Известия Сочинского государственного университета. – 2015. – № 1 (34). – С. 58–63.

606. Ратушняк, О.В. Казачество в эмиграции (1920–1945 гг.) / О.В. Ратушняк. – Краснодар: Изд-во КубГУ, 2013. – 245 с.

607. Ратушняк, О.В. Казачество Юго-Востока Европейской части России в первый год своей эмиграции (1920–1921 гг.) / О.В. Ратушняк // Историческая и социально-образовательная мысль. – Краснодар, 2013. – № 1 (17). – С. 31–39.

608. Ратушняк, О.В. Казачье зарубежье в 1945–1960-х гг. / О.В. Ратушняк // Историческая и социально-образовательная мысль. – Краснодар, 2016. – Т. 8. – № 3. – Ч. 2. – С. 59–68.

609. Ратушняк, О.В. Казачье зарубежье и церковь / О.В. Ратушняк // Культурная жизнь Юга России. – Краснодар, 2014. – № 4. – С. 67–69.

610. Ратушняк, О.В. К вопросу об источниках зарубежного казачества / О.В. Ратушняк // Проблемы национальной безопасности России в XX – XXI вв.: уроки истории и вызовы современности. – Краснодар: Традиция, 2011. – С. 288–290.

611. Ратушняк, О.В. К вопросу о возвращении регалий Кубанского казачьего войска / О.В. Ратушняк // Социально-экономические, политические и исторические аспекты развития Кубани: материалы межрегион. науч.-практ. конф. – Краснодар: Традиция, 2007.

612. Ратушняк, О.В. Кубанское казачество в эмиграции (1920–1939 гг.) / О.В. Ратушняк // Историческая и социально-образовательная мысль. – Краснодар, 2013. – № 4 (20). – С. 34–41.

613. Ратушняк, О.В. Культура казачьего зарубежья (1920–1930-е гг.) / О.В. Ратушняк // Культурная жизнь Юга России. – Краснодар, 2015. – № 2. – С. 52–56.

614. Ратушняк, О.В. Новые источники по истории казачьего зарубежья / О.В. Ратушняк // Архивы, музеи Кубани и общество: история и современность. Материалы VI-й краев. науч.-практ. конф. – Краснодар: Упр. по делам архивов Адм-ции Краснодарск. края, 2011. – С. 66–69.

615. Ратушняк, О.В. Общеказачий сельскохозяйственный союз: образование, цели и задачи, деятельность (1921–1923 гг.) / О.В. Ратушняк // Проблемы историографии и истории Кубани: сб. науч. трудов. – Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 1994. – С. 188–198.

616. Ратушняк, О.В. Репатриация казаков-эмигрантов из Европы в 1920-е гг. / О.В. Ратушняк // Российская история. – 2015. – № 5. – С. 157–164.

617. Ратушняк, О.В. Российская историография казачьего зарубежья / О.В. Ратушняк // Вопросы национальной историографии и народных представлений славян и их соседей. – Краснодар: Изд-во КубГУ, Традиция, 2013. – С. 88–96.

618. Ратушняк, О.В. Терские и астраханские казаки в эмиграции (1920–1939 гг.) / О.В. Ратушняк // Вестник Пятигорск. гос. лингвист. ун-та. – 2013. – № 3. – С. 242–245.

619. Ратушняк, О.В. Третий Рейх и казачество: к вопросу о взаимоотношениях в годы второй мировой войны / О.В. Ратушняк // Былые годы. Российский исторический журнал. – Сочи, 2013. – № 3. – С. 101–106.

620. Ратушняк, О.В. Участие казачества во второй мировой войне на стороне Германии / О.В. Ратушняк // Теория и практика общественного развития. – Краснодар, 2013. – № 3. – С. 125–129.

621. Ратушняк, О.В. Церковь и исторические знания как элементы воспитания подрастающего поколения и сохранения национального самосознания казаков в условиях эмиграции / О.В. Ратушняк // Вестник Правосл. Св.-Тихоновск. гуманитар. ун-та. Сер. II: «История. История Русской Православной Церкви». – 2015. – № 3. – С. 77–87.

622. Ратушняк, О.В., Худобородов А.Л. Общественно-политические искания казачьего зарубежья / О.В. Ратушняк, А.Л. Худобородов // Очерки традиционной культуры казачеств России: в 2 т. / под общ. ред. Н.И. Бондаря. – Краснодар: Эдви, 2005. – Т. 2. – С. 559–569.

623. Рвачева, О.В. Роль памяти в казачьем возрождении конца XX – начала XXI в. / О.В. Рвачева // Российское казачество: история, проблемы

возрождения и перспективы развития. – Краснодар: Традиция, 2012. – С. 83–89.

624. Решетников, Л.П. «А Родина милей...» Белая эмиграция и Великая Отечественная война / Л.П. Решетников // Родина. – 2010. – № 5. – С. 63–65.

625. Решетников, Л.П. Любовь к родине оказалась сильнее классовой ненависти (к вопросу о позиции белой эмиграции во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.) / Л.П. Решетников // Проблемы национальной стратегии. – 2010. – № 1 (2). – С. 131–137.

626. Решин, Л. «Кзаки» со свастикой / Л. Решин // Родина. – 1993. – № 2. – С. 70–79.

627. Решин, Л. «Wlassow-Aktion», или как германское командование пыталось разложить Советскую армию и ее тыл в 1941–1945 гг. / Л. Решин // Военно-исторический журнал. – 1992. – № 3. – С. 22–25.

628. Ржевская, Е.М. Геббельс. Портрет на фоне дневника / Е.М. Ржевская. – М.: Слово, 1994. – 394 с.

629. Родионова, Н.А. Жизнь лагеря для перемещенных лиц Менхегоф и судьба его обитателей (на основе воспоминаний К.В. Болдырева, И.И. Халафовой, А.И. Жедилягиной) / Н.А. Родионова // Нансеновские чтения. 2009. – СПб.: РОО ИКЦ «Русская эмиграция», 2010. – С. 454–466.

630. Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х гг. (гражданские беженцы, армия, учебные заведения) / под ред. Е.И. Пивовара. – М.: Историко-архивный институт, 1994. – 117 с.

631. Ростова, О.А. Противостояние. Русские в годы оккупации / О.А. Ростова // Русское зарубежье и Вторая мировая война: сб. докл. – М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2013. – С. 65–77.

632. Рудницкий, А.Ю. Другая жизнь и берег дальний... Русские в австралийской истории / А.Ю. Рудницкий. – М.: Наука, 1991. – 191 с.

633. Русские в Германии (1914–1933). – СПб.: Третья Россия, 1995. – 66 с.

634. Русский Берлин: 1920–1945: междунар. науч. конф. / науч. ред. Л.С. Флейшмана. – М.: Русский путь, 2006. – 461 с.
635. Русский Берлин / предисл., сост., и коммент. В.В. Сорокиной. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. 365 с.
636. Русский Париж / предисл., сост. и коммент. Т.П. Буслаковой. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. – 526 с.
637. Русский Харбин / предисл., сост. и коммент. Е.П. Таскиной. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2005. – 272 с.
638. Рябченко, О.Л. «Мысли эмигрантского студенчества тянутся к Золотой Праге»: дороги и бездорожья украинских студентов в послевоенной Европе (1920-е годы) / О.Л. Рябченко // Славянский мир в эпоху войн и конфликтов XX века. – СПб.: Алетейя, 2011. – С. 165–176.
639. Сабенникова, И.В. Русское зарубежье как социально-культурный феномен / И.В. Сабенникова // Мир России. – 1997. – № 3. – С. 155–184.
640. Сабенникова, И.В. Российская эмиграция (1917–1939): сравнительно-типологическое исследование / И.В. Сабенникова. – Тверь: Золотая буква, 2002. – 429 с.
641. Сабенникова, И.В. Правовое положение российской эмиграции 1920–1930-х гг. в странах-реципиентах: сравнительный анализ / И.В. Сабенникова // Правовое положение российской эмиграции в 1920–1930-е годы. – СПб.: Сударыня, 2006. – С. 43–59.
642. Сагитова, И.О. Диаспора как исследовательская проблема / И.О. Сагитова // Россия и АТР. – 2003. – № 3. – С. 109–115.
643. Свириденко, Ю.П. Белый террор? Политический экстремизм российской эмиграции в 1920–45 гг. / Ю.П. Свириденко, В.Ф. Ершов. – М.: МГУ сервис, 2000. – 198 с.
644. Седова, Е.Е. Деятельность русских учебных заведений в Европе в военное и послевоенное время / Е.Е. Седова // Нансеновские чтения. 2009. – СПб.: РОО ИКЦ «Русская эмиграция», 2010. – С. 335–348.

645. Семиряга, М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны / М.И. Семиряга. – М.: РОССПЭН, 2000. – 863 с.

646. Сенцов, А.А. Рождение Кубано-Черноморской республики (1917–1918 гг.): из истории становления советской государственности / А.А. Сенцов. – Краснодар: Кн. изд-во, 1984. – 175 с.

647. Серапионова, Е.П. Правовое положение русских беженцев в Чехословакии / Е.П. Серапионова // Правовое положение российской эмиграции в 1920–1930-е годы. – СПб.: Сударыня, 2006. – С. 140–152.

648. Серапионова, Е.П. Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20–30-е годы) / Е.П. Серапионова. – М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1995. – 198 с.

649. Сергеев, О.И. Военная служба российской казачьей эмиграции в Китае (Трехречье) накануне и в годы Второй мировой войны / О.И. Сергеев // Неоконченная война – незаживающие раны: сб. науч. ст. – Владивосток: Рея, 2016. – С. 50–60.

650. Сергеев, О.И. Вторая мировая война и исторические судьбы российской казачьей эмиграции / О.И. Сергеев // Россия и АТР. – 2015. – № 3. – С. 71–81.

651. Сергеев, О.И. Жизнь казачества в условиях зарубежья (Китай): опыт сохранения традиций / О.И. Сергеев // Казачество Дальнего Востока России во второй половине XIX – XX вв.: сб. науч. ст. – Хабаровск: Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 2006. – С. 150–160.

652. Сергеев, О.И. Из истории политической жизни Российской эмиграции в Китае: фашизм и казачество / О.И. Сергеев // Вопросы истории гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке: сб. статей. – Владивосток: Ин-т истории ДВО РАН, 1994. – С. 141–150.

653. Сергеев, О.И. Из истории российской эмиграции в Китае: казачьи организации в Шанхае / О.И. Сергеев // Владивосток – точка возвращения:

прошлое и настоящее русской эмиграции. – Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2015. – С. 354–358.

654. Сергеев, О.И. Казачье Трехречье и японские оккупационные власти в Северо-Восточном Китае / О.И. Сергеев // Владивосток – точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции. – Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2016. – С. 282–283.

655. Сергеев, О.И. Казачья печать российской эмиграции в Маньчжурии / О.И. Сергеев // Казачество Дальнего Востока России в XVII–XXI вв.: к 165-летию Забайкальского казачьего войска: сб. науч. ст. – Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, 2016. – Вып. 5. – С. 69–73.

656. Сергеев, О.И. Казачья эмиграция в Китае: опыт сохранения традиционного уклада жизни / О.И. Сергеев // Гуманитарная наука в России: соросовские лауреаты: История. Археология. Культурная антропология и этнография. – М.: Международный научный фонд, 1996. – С. 148–154.

657. Серебренников, И.И. Великий отход. Рассеяние по Азии белых русских армий, 1919–1923. / И.И. Серебренников. – Харбин: Издательство М.В. Зайцева, 1936. – 267 с.

658. Серебренников, И.И. Гражданская война в России: Великий отход / И.И. Серебренников. М.: ООО «Издательство АСТ»; ЗАО НПП «Ермак», 2003. 695 с.

659. Симонова, Т.М. Некоторые проблемы миграции, иммиграции и репатриации в геопространстве Польша - Россия в период 1914–1923 гг. / Т.М. Симонова // Миграция и эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в XVIII – XX вв. Сохранение национальной идентичности и историко-культурного наследия. – СПб.: Алетейя, 2011. – С. 226–262.

660. Симонова, Т.М. Российская военная эмиграция и фашизм / Т.М. Симонова // Нансеновские чтения. 2009. СПб.: РОО ИКЦ «Русская эмиграция», 2010. – С. 8–32.

661. Симонова, Т.М. Специфика правового положения россиян в Польше (1919–1928 гг.) / Т.М. Симонова // Правовое положение российской эмиграции в 1920–1930-е годы. – СПб.: Сударыня, 2006. – С. 254–267.

662. Сеницын, Ф.Л. «Сначала морят голодом... потом... заставляють под диктову писать прошения». Национальный фактор в военном коллаборационизме народов СССР (июнь 1941 г. – ноябрь 1942 г.) / Ф.Л. Сеницын // Военно-исторический журнал. – 2014. – № 1. – С. 19–26.

663. Синкевич, В. Вторая волна русской эмиграции / В. Синкевич // Новый журнал. Нью-Йорк, 2012. – Кн. 267. – С. 308–334.

664. Сладек, З. Русская и украинская эмиграция в Чехословакии / З. Сладек // Советское славяноведение. – 1991. – № 6. – С. 24–37.

665. Сладек, З. Русская эмиграция в Чехословакии: развитие «русской акции» / З. Сладек // Славяноведение. – 1993. – № 4. – С. 28–39.

666. Солнцева-Накова, Е. Деятельность русских эмигрантских организаций в Болгарии в конце 1920-х – середине 30-х гг. / Е. Солнцева-Накова // Русское зарубежье и славянский мир. – Белград: Славистическое общество в Сербии, 2013. – С. 117–120.

667. Сопов, А.В. К вопросу о происхождении и формировании казачества: этнический аспект / А.В. Сопов // Культурная жизнь Юга России. – Краснодар, 2009. – № 5. – С. 58–60.

668. Стеенберг, С. Власов / С. Стеенберг. – Мельбурн: Русский дом в Мельбурне, 1974. – 252 с.

669. Степанченко, В.И. Взгляды казаков зарубежья XX века на историю и цели казачества / В.И. Степанченко // Сибирское казачество: история и современность. – Омск: Полиграфист, 2011. – С. 21–27.

670. Стрельников, А.Ю. Политические течения в казачьей эмиграции в 1930-е годы / А.Ю. Стрельников. – М.: Изд-во МГУ, 1995. – 23 с. (Рукопись деп. в ИНИОН РАН).

671. Сумарокова, М.М. Кризис буржуазного парламентаризма в Королевстве сербов, хорватов и словенцев / М.М. Сумарокова // Социальная

структура и политические движения в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (межвоенный период). – М.: Наука, 1986. – С. 99–120.

672. Таболина, Т.В. Лиенц: казачья Голгофа / Т.В. Таболина // Родина. – 2005. – № 9. – С. 26–30.

673. Талалай, М.Г. «Казачья земля» в Италии / М.Г. Талалай // Наука, культура и политика русской эмиграции: сб. ст. и материалов всероссийской науч. конф. – СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т культуры и искусств, 2004. – С. 53–57.

674. Талалай, М.Г. Организация русских эмигрантов во Флоренции (1917–1949) / М.Г. Талалай // Россия и Италия. Русская эмиграция в Италии в XX веке. – М.: Наука, 2003. – Вып. 5. – С. 32–39.

675. Тарасов, М.Г. Формирование енисейской казачьей эмиграции в Китае / М.Г. Тарасов, А.В. Дудникова // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 379. – С. 145–149.

676. Тарле, Г.Я. Российское зарубежье и родина / Г.Я. Тарле. – М.: ИНИОН РАН, 1993. – 98 с.

677. Телепень, С.В. Кубанские и другие белоказачьи формирования в Польше (1920–1922 гг.) / С.В. Телепень // Историко-культурное наследие и современность. Материалы научно-практ. конф., г. Ейск, 20–24 июня 1995 г. – Краснодар: Изд-во Кубан. гос. ун-та, 1995. – С. 90–92.

678. Телепень, С.В. Кубанские казаки в Польше в середине 1910 – начале 1920х гг. / С.В. Телепень // Вопросы северокавказской истории: сб. ст. – Армавир: Изд-во АГПИ, 1996. – Вып. 1. – С. 79–83.

679. Терещенко, А.Г. Казачий некрополь в Сент-Женевьев де Буа / А.Г. Терещенко // Донской временник. – Ростов н/Д: Донской издательский дом, 2004. – С. 124–132.

680. Тесемников, В.А. Российская эмиграция в Югославии / В.А. Тесемников // Вопросы истории. – 1988. – № 10. – С. 128–137.

681. Тесемников, В.А. Русские в учебных заведениях Югославии (1921–1941 гг.) / В.А. Тесемников // Роль русского зарубежья в сохранении и развитии отечественной культуры. – М.: ИРИ РАН, 1993. – С. 29–33.
682. Тимонин, Е.И. Исторические судьбы русской эмиграции (1920–1945-е годы) / Е.И. Тимонин. – Омск: Изд-во СибАДИ, 2000. – 291 с.
683. Тимофеев, А.Н. Тялщинский А.Н. – атаман Енисейского казачьего войска и Енисейской зарубежной казачьей станицы в г. Харбине / А.Н. Тимофеев // Владивосток – точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции. – Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2016. – С. 304–306.
684. Тишков, В.А. Исторический феномен диаспоры / В.А. Тишков // Исторические записки. – 2000. – № 3. – С. 207–237.
685. Тишков, В.А. Исторический феномен диаспоры / В.А. Тишков // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв.: сб. ст. / под ред. Ю.А. Полякова и Г.Я. Тарле. – М.: ИРИ РАН, 2001. – С. 9–44.
686. Тишков, В. Увлечение диаспорой (о политических смыслах диаспорального дискурса) / В.А. Тишков // Диаспора. – 2003. – № 2. – С. 160–183.
687. Ткачев, С.В. Культурная жизнь русских в Польше (1921–1939): общества, школа, пресса / С.В. Ткачев // Российская эмиграция в славянских странах: сб. материалов XXXIX Междунар. филол. конф. – СПб.: ИД «Петрополис», 2010. – С. 21–31.
688. Толстой, И.Н. Борьба за Американский комитет: к политической предыстории Радио Свобода / И.Н. Толстой // Нансеновские чтения. 2009. – СПб.: РОО ИКЦ «Русская эмиграция», 2010. – С. 401–410.
689. Толстой-Милославский, Н.Д. Жертвы Ялты / Н.Д. Толстой-Милославский. – М.: Русский путь, 1996. – 544 с.
690. Тощенко, Ж.Т. Диаспора как объект социологического исследования / Ж.Т. Тощенко, Т.И. Чаптыкова // Социс. – 1996. – № 12. – С. 33–42.

691. Трубецкой, А.А. Недопустимо воевать на стороне врага Отечества / А.А. Трубецкой // Проблемы национальной стратегии. – 2010. – № 1 (2). – С. 129–130.

692. Трут, В.П. Кубанское казачество на начальном этапе гражданской войны / В.П. Трут // Кубанское казачество: проблемы истории и возрождения. Тезисы докл. науч. конф. – Краснодар: Изд-во Кубан. гос. ун-та, 1992.

693. Трут, В.П. Этносоциальная характеристика казачества начала XX века [Электронный ресурс] / В.П. Трут // Режим доступа: http://dikoepole.com/2010/07/05/trut_kazachiy_izlom_01/.

694. Трушнович, Я.А. Русские в Югославии и Германии, 1941–1945 гг. / Я.А. Трушнович // Новый часовой. – СПб., 1994. – № 2. – С. 140–148.

695. У, Н.Л. Проблемы адаптации русских эмигрантов в Китае в 20–30-е гг. XX в. / Н.Л. У. – М.: МАКС-Пресс, 2001. – 34 с.

696. Улитин, В.Г. За Курганом... Очерки, статьи / В.Г. Улитин. – Ростов н/Д: ООО «Ростиздат», 2000. – 160 с.

697. Улитин, В.Г. Тень Лиенца / В.Г. Улитин // Казачья Голгофа (Предательство в Тиролевских Альпах). – Ростов н/Д: ООО «Ростиздат», 2002. – С. 9–15.

698. Ульянкина, Т.И. «Дикая историческая полоса...». Судьбы российской научной эмиграции в Европе (1940–1950) / Т.И. Ульянкина. – М.: РОССПЭН, – 2010. – 640 с.

699. Ульянкина, Т.И. «Дикая историческая полоса»: иммиграция русских ученых в США из послевоенной Европы / Т.И. Ульянкина // Русский Берлин: 1920–1945. – М.: Русский путь, 2006. – С. 423–461.

700. Урицкая, Р.Л. Правовое положение русской эмиграции в оккупированной Франции / Р.Л. Урицкая // Нансеновские чтения. 2009. – СПб.: РОО ИКЦ «Русская эмиграция», 2010. – С. 75–82.

701. Урядова, А.В. СССР и Германия накануне войны: восприятие эмиграции / А.В. Урядова // Русское зарубежье и Вторая мировая война. – М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2013. – 372 с.
702. Ушаков, А.И. История гражданской войны в литературе русского зарубежья. Опыт изучения / А.И. Ушаков. – М.: Изд. центр «Россия молодая», 1993. – 142 с.
703. Фельштинский, Ю.Г. К истории нашей закрытости. Законодательные основы советской иммиграционной и эмиграционной политики / Ю.Г. Фельштинский – Лондон: Overseas Publ. Interchange, 1988. – 184 с.
704. Фомин, В.Н. История Казачьего союза в Шанхае / В.Н. Фомин, К.В. Фомин // Проблемы социально-политического развития Российского общества. – Воронеж: Изд-во ВГТА, 1998. – Вып. 3. – С. 97–102.
705. Фостер, Л. Военнопленные во второй волне эмиграции: увиденное и прочитанное / Л. Фостер // Нансеновские чтения. 2009. – СПб. РОО ИКЦ «Русская эмиграция», 2010. – С. 445–454.
706. Фрелих, С. Генерал Власов. Русские и немцы между Гитлером и Сталиным / С. Фрелих. – Кельн: Markus Verlag, 1990. – 403 с.
707. Хисамутдинов, А.А. По странам рассеяния... / А.А. Хисамутдинов. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2000. – Ч. 2. – 170 с.
708. Хоффманн, Й. История власовской армии / Й. Хоффманн. – Париж: YMCA-PRESS, 1990. – 379 с.
709. Хохульников, К.Н. Изгнанники / К.Н. Хохульников // Дон. – Ростов н/Д, 1990. – № 3. – С. 153–158.
710. Хохульников, К.Н. Казачьи литературные объединения и издательства в зарубежье / К.Н. Хохульников // Вторые кубанские литературно-исторические чтения: материалы науч.-теор. конф. – Краснодар: Изд-во КГУКИ, 2000. – С. 50–57.
711. Хохульников, К.Н. Казачью славу приумножив. Казачье зарубежье XX столетия: История, культурно-историческое, духовное

наследие / К.Н. Хохульников. – Ростов н/Д: Казачье зарубежье. – 2009. – 495 с.

712. Хохульников, К.Н. Кубанские казачьи хоры в эмиграции / К.Н. Хохульников // Культурная жизнь Юга России. – Краснодар, 2003. – № 1. – С. 20–21.

713. Хохульников, К.Н. Культурно-историческое, духовное наследие казачьего зарубежья / К.Н. Хохульников // Казачество как фактор исторического развития России. – СПб.: Познание, 1999. – С. 228–230.

714. Худзинская, К. Этапы эмигрантской жизни / К. Худзинская // Культура русской диаспоры: саморефлексия и самоидентификация: материалы международного семинара. – Тарту: Tartu ülikooli kirjastus, 1997. – С. 410–414.

715. Худобородов, А.Л. Вдали от родины: российские казаки в эмиграции / А.Л. Худобородов. – Челябинск: Факел, 1997. – 112 с.

716. Худобородов, А.Л. Общественная и политическая деятельность оренбургских казаков в эмиграции (1920 – середина 1940-х гг.) / А.Л. Худобородов // Оренбургское казачье войско: воинская служба и общественная жизнь. – Челябинск: Челябин гос. ун-т, 1997. – С. 152–169.

717. Худобородов, А.Л. Российское казачество на чужбине. 1920-е – 1940-е годы / А.Л. Худобородов, М.А. Яшина. – Челябинск: Край РА, 2017. – 359 с.

718. Цурганов, Ю.С. Неудавшийся реванш. Белая эмиграция во Второй мировой войне / Ю.С. Цурганов. – М.: Интрада, 2001. – 286 с.

719. Цуриков, В. История Свято-Троицкой духовной семинарии и Свято-Троицкой обители в Джорданвилле / В. Цуриков // Волны русской эмиграции в США. – Нью-Йорк: Новый журнал, 2011.

720. Чапыгин, И.В. Казачья эмиграция в Китае / И.В. Чапыгин. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. – 171 с.

721. Черкасов, А.А. Предисловие / А.А. Черкасов // Коллаборационизм на территории Краснодарского края в период немецкой

оккупации (1942–1943 гг.): малоизвестные страницы: сб. документов. – Сочи: Сочинский гос. ун-т туризма и курортного дела, 2003. – С. 3–14.

722. Черникова, Л.П. Депортация из Китая русских эмигрантов в послевоенные годы (1945–1946): неизвестные архивные документы / Л.П. Черникова // Общество и государство в Китае. – 2016. – Т. 46. – № 20-1. – С. 693–707.

723. Черникова, Л.П. Национальный и социальный состав российской эмиграции в 1920-е – 50-е гг. XX в. / Л.П. Черникова // Владивосток – точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции. – Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2016. – С. 357–359.

724. Черникова, Л.П. Проблемы репатриации в СССР в период 1920–1964 гг. восточной эмиграции из Китая / Л.П. Черникова // Владивосток – точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции. – Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2016. – С. 359–361.

725. Чернявский, Г.И. Судьба русской белоэмиграции в Болгарии / Г.И. Чернявский, Д. Даскалов // История СССР. – 1961. – № 1. – С. 109–117.

726. Черняев, В.Ю. О факторах формирования русских беженцев и изгнанников с властями и населением приютивших стран / В.Ю. Черняев // Нансеновские чтения. 2007. – СПб.: Сударыня, 2008. – С. 137–148.

727. Чжао, Ю. Русская эмигрантская пресса в Китае в первой половине XX в. / Ю. Чжао // Вопросы истории. – 2010. – № 1. – С. 145–149.

728. Чичерюкин-Мейнгардт, В.Г. Предисловие / В.Г. Чичерюкин-Мейнгардт // Балабин Е.И. Далекое и близкое, старое и новое. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2009. – С. 3–8.

729. Чумаченко, В.К. Идеи самосознания казачества в литературе кубанской эмиграции / В.К. Чумаченко // Человек в мире искусства: информационные аспекты. – Краснодар: Краснодар. гос. академия культуры, 1994. – Ч. 2. – С. 137–139.

730. Чуньхэ, С. Проблемы вступления в китайское гражданство русских апатридов в приграничных районах верхнего и среднего течения

реки Хэйлунцзян (Амур) в 1960-е гг. / С. Чуньхэ // Владивосток – точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции. – Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2016. – С. 279–280.

731. Шамшур, О.В. «Проблема» беженцев: кому это выгодно? / О.В. Шамшур // США: Экономика, политика, идеология. – 1985. – № 2. – С. 15–25.

732. Шатилов, А.Б. Эмигранты из России в Австралии в 20-30-е годы / А.Б. Шатилов // Славяноведение. – 1997. – № 5. – С. 9–14.

733. Шевяков, А.А. «Тайны» послевоенной репатриации / А.А. Шевяков // Социс. – 1993. – № 8. – С. 3–11.

734. Шейнис, З.М. М. Литвинов: революционер, дипломат, человек / З.М. Шейнис. – М.: Изд-во полит. литературы, 1989. – 362 с.

735. Шендерюк, М.Г. Совпатриоты и коллаборанты: возможен ли знак равенства? / М.Г. Шендерюк // Нансеновские чтения. 2009. – СПб.: РОО ИКЦ «Русская эмиграция», 2010. – С. 293–299.

736. Шкаренков, Л.К. Агония белой эмиграции / Л.К. Шкаренков. – М.: Мысль, 1987. – 272 с.

737. Шкаровский, М.В. Духовенство Русского корпуса в Югославии / М.В. Шкаровский // Русская эмиграция и фашизм: статьи и воспоминания. – СПб.: Изд-во СПбГАСУ, 2011. – С. 115–139.

738. Шкаровский, М.В. История русской церковной эмиграции / М.В. Шкаровский. – СПб.: Алетейя, 2009. – 359 с.

739. Шкаровский, М.В. Казачий стан в Северной Италии и его церковная жизнь / М.В. Шкаровский // Русские в Италии: Культурное наследие эмиграции: международная науч. конф. / сост., науч. ред. М.Г. Талалая. – М.: Русский путь, 2006. – С. 190–208.

740. Шкаровский, М.В. Русская церковная эмиграция в Югославии в годы Второй мировой войны / М.В. Шкаровский // Русское зарубежье и Вторая мировая война: сб. докл. – М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2013. – С. 112–138.

741. Шлегель, К. Русский Берлин: попытка подхода / К. Шлегель // Русский Берлин. 1920–1945. – М., Русский путь. 2006. – С. 9–19.
742. Штейн, Э. Русская печать лагерей «Ди-Пи» / Э. Штейн. – Orange: Antiquary, 1993. – 135 с.
743. Штрайт, К. «Они нам не товарищи...»: Вермахт и советские военнопленные в 1941–1945 гг. / К. Штрайт. – М.: АНО «Русское историческое общество»; НП ИД «Русская панорама», 2009. – 480 с.
744. Штрик-Штрикфельд, В. Против Сталина и Гитлера. Генерал Власов и Русское Освободительное Движение / В. Штрик-Штрикфельд. – М.: Посев, 1993. – 440 с.
745. Шулдяков, В.А. Дальневосточная казачья группа: причины и значение эвакуации через Владивосток (октябрь 1922 г.) / В.А. Шулдяков // Владивосток – точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции. – Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2016. – С. 374–376.
746. Эмиграция и репатриация в России / В.А. Ионцев, Н.М. Лебедева, М.В. Назаров, А.В. Огороков. – М.: Попечительство о нуждах российских репатриантов. 2001. – 485 с.
747. Энсина Сильва, Ж. Казак М.С. Краснов. Пленник за службу Чили / Ж. Энсина Сильва. – Ростов н/Д: Еланский мемориал «Донские казаки в борьбе с большевиками», 2010. – 192 с.
748. Якаев, С.Н. Кубанское зарубежье в 20–80 гг. XX века / С.Н. Якаев // Новейшие исследования по истории Кубани. – Краснодар: Изд-во КГИКИ, 1992. – С. 13–26.

Литература на иностранном языке

На английском языке

749. Bethell, N. The Last Secret: Forcible Repatriation to Russia. 1944–1947 / N. Bethell. – London: Basic Books, 1974. – 240 p.

750. Dallin, A. German Rule in Russia 1941–1945: A Study of Occupation Policies / A. Dallin. – London: Macmillan and Company; N.Y.: St. Martin's Press, 1957. – XX, 695 p.

751. Inkels, A. National character and modern political system / A. Inkels // Psychological Anthropology. – Homewood, 1961. – P. 172–208.

752. Greehey, W.H. The German XVth Cossack Cavalry Corps, 1943–45 / W.H. Greehey // Adjutant's Call. Journal of the Military Historical Society. – N.Y., 1967. – Vol. 5. – № 4. – P. 54–58.

753. Elliot, M. Pawns of Yalta: Soviet Refugees and Americas Role in Their Repatriation / M. Elliot. – Urbana: University of Illinois Press, 1982. – 300 p.

754. Kasinec, E. Russia in the twentieth century: the catalog of Russian and East European history and culture: the rare book and manuscript library, Columbia university / E. Kasinec // Slavic Review. Cambridge, 1988. – Vol. 47. – № 2. – P. 332–333.

755. Littlejohn, D. The Patriotic Traitors. A History of Collaboration in German Occupied Europe / D. Littlejohn. – London: Heinemann, 1972. – 391 p.

756. Longworth, Ph. The Cossacks / Ph. Longworth. – London: Constable, 1969. – 409 p.

757. Munoz, A.J. Hitler's Eastern Legions / A.J. Minoz. – N.Y.: Axis Europa, 1998. – Vol. 1. The Baltic Schutzmannschaft 1941–1945. – 96 p.

758. Newland, S. Cossacks in the German Army. 1941–1945 / S. Newland. – London: Frank Cass, 1991. – 230 p.

759. Proudfoot, M.G. European Refugees: 1939–1952. A Study in Forced Repatriation Movement / M.G. Proudfoot. – London: Macmillan, 1957. – 388 p.

760. Ratushnyak, O.V. Cossack Emigrants in Bulgaria (1920–1930) / O.V. Ratushnyak // Anthropology, Archaeology, History and Philosophy. Conference Proceedings. – Sofia, 2014. – P. 467–472.

На българском языке

761. Даскалов, Д. Борбата на българския народ под ръководството на БКП против заговора на Врангел през 1922 г. / Д. Даскалов // ВИС (Военно-исторически сборник). – София, 1956. – № 2. – С. 38–81.

762. Даскалов, Д. Бялата емиграция в България / Д. Даскалов. – София: Унив. изд. Св. Климент Охридски, 1997. – 182 с.

763. Йованович, М. Адаптация русских беженцев в Болгарии (1920–1940) / М. Йованович // Бялата емиграция в България. Материали от научна конференция. – София: Институт за исторически изследвания БАН, 2001. – С. 87–96.

764. Митев, Й. Борбата на БКП против белогвардеците в защита на съветската страна 1919–1923 г. / Й. Митев // Исторически студии. – София, 1963. – С. 70–170.

765. Митев, Й. Борбата на Българската комунистическа партия против белогвардейците и защита на съветска страна 1919–1923 / Й. Митев // Митев, Й. Избр. произв. – София, 1986. – С. 214–220.

766. Панайотов, П. Руските емигранти в България и движението сред тях за връщане в Съветска Русия 1920–1923 г. / П. Панайотов // Исторически преглед. – София, 1963. – № 5. – С. 34–61.

767. Ревякина, Л. Съветската Легация в България и Бялата емиграция (1934–1944) / Л. Ревякина // Бялата емиграция в България. Материали от научна конференция. – София: Институт за исторически изследвания БАН, 2001. – С. 97–106.

768. Спасов, Л. Врангеловата армия в България 1919–1923 / Л. Спасов. – София: изд-во Св. Климент Охридски, 1999. – 244 с.

769. Спасов, Л. Руската военна емиграция в България (1919–1923) / Л. Спасов // Бялата емиграция в България. Материали от научна конференция. – София: Институт за исторически изследвания БАН, 2001. – С. 125–130.

770. Стоянов, К. Репатрирането на бившите руси военнопленници от България и разположението на пребиващата у нас Врангелова армия / К. Стоянов // ИНМ-Варна. – 1964. – № 2. – С. 109–122.

771. Чернявски, Г. Борбата на БКП против Врангеловия заговор / Д. Даскалов, Г. Чернявски. – София: Българска Комунистическа партия, 1964. – 280 с.

На испанском языке

772. Ensina, G.S. Miguel Krassnoff, prisionero por servir a Chile / S.G. Ensina. – Santiago: Editorial Maye LTDA, – 2007. – 264 p.

На италяанском языке

773. Carnier, P.A. L'armata Cosacca in Italia 1944–1945 / P.A. Carnier. – Milano: De Vecchi, 1965. – 304 p.

774. Carnier, P.A. L'armata Cosacca in Italia. 1944–1945 / P.A. Carnier. – Milano: Ugo Mursia Editore, 1993. – 304 p.

775. Collotti, E. Il Litorale Adriatico nel Nuovo Ordine Europeo 1943–1945 / E. Collotti. – Milano: Vangelista, 1974. – 146 p.

776. Deotto, P. Stanitsa Tèrskaja. L'illusione Cosacca di una Terra (Verzegniss, Ottobre 1944–Maggio 1945) / P. Deotto. – Udine: Gaspari, 2005. – 116 p.

777. Ivanov, A. Cosacchi Perduti. Dal Friuli all'URSS 1944–1945 / A. Ivanov. – Tricesimo (Ud): Aviani, 1989. – 157 p.

778. Fabbroni, F. L'occupazione Cosacca della Carnia e dell'Alto Friuli / F. Fabbroni // Storia Contemporanea in Friuli. Istituto Friulano per la Storia del Movimento di Liberazione. – Udine, 1984. – № 15 – Anno XIV. – P. 95–96.

779. Giusto, S. Operationszone Adriatisches Küsterland. Udine, Gorizia, Trieste, Pola, Fiume e Lubiana Durante L'occupazione Tedesca 1943–1945 / S. Giusto. – Udine, 2005. – 807 p.

780. Koschat, M. L'occupazione Cosacca della Carnia nell'estate 1944. Dai Documenti del Politisches Archiv Des Auswartigen di Bonn / M. Koschat // Storia Contemporanea in Friuli. Istituto Friulano per la Storia del Movimento di Liberazione. – Udine, 2000. – № 31. – Anno XXX. – P. 39–70.

781. Ronco, M. L'occupazione Cosacco-Caucasica della Carnia (1944–1945) / M. Ronco. – Tolmezzo (Ud.): Edizioni Aquileia, 1988. – 225 p.

782. Rossa, R. Venti cammelli sul Tagliamento. L'avventura cosacca in Friuli dal 1944 al 1945 / R. Rossa. – Udine: IFSML, 2007. – 183 p.

783. Stefanutti, P. Novocerkassk e dintorni. L'occupazione cosacca della Valle del Lago (ottobre 1944 – novembre 1945) / P. Stefanutti. – Udine: IFSML, 1995. – 220 p.

784. Stroili, A. I Cosacchi in Italia, 1944–1945: Atti dei Convegni di Verzegnis / A. Stroili. – Tolmezzo (Ud.): Edizioni Andrea Moro, 2008. – 318 p.

785. Toppan, A. Fatti e misfatti dell'occupazione tedesca in Carnia. Narrazione obbiettiva / A. Toppan. – Sacile (Pn.): Bellavitis, 1948. – 208 p.

786. Venier, G. I Cosacchi in Carnia 1944–1945. Comune di Pasian di Prato, Pasian di Prato / G. Venier. – Udine: Comune di Udine, 1999. – 94 p.

787. Verardo, F. I Cosacchi di Krasnov in Carnia / F. Verardo. – Udine: Aviani & Aviani, 2010. – 180 p.

788. Verardo, F. Krasnov l'atamano. Storia di un Cosacco dal Don al Friuli / F. Verardo. – Gorizia: Libreria Editrice Goriziana, 2012. – 658 p.

789. Verardo, F. «Otkryt kazačij gospital'». L'occupazione cosacco-caucasica della Carnia attraverso le cartelle cliniche dell'Ospedale Sant'Antonio Abate di Tolmezzo / F. Verardo // Storia Contemporanea in Friuli. Istituto Friulano per la Storia del Movimento di Liberazione. – Udine, 2013. – № 43. – Anno XLIII. – P. 137–199.

На немецком языке

790. Hoffman, J. Die Kaukasien 1942–1943: Das deutsche Heer und die Ostvolker der Sowjetunion / J. Hoffman. – Freiburg: Rombach Verlag, 1991. – 197 p.

791. Kalben, H.-D. Zur Geschichte des XV Kozaken–Kavalerie–Korps / H.-D. Kalben. – München, 1963–1966. Vol. I–IV.

792. Kappeler, A. Die Kosaken. Geschichte und Legenden / A. Kappeler. – München: Beck Verlag, 2013. – 127 p.

793. Karner, S. Zur zwangsweisen Übergabe der Kosaken an die Sowjets 1945 in Judenburg // Die Kosaken im Ersten und Zweiten Weltkrieg / S. Karner. – Innsbruck: Universität Innsbruck, 2008. – P. 141–149.

794. Kern, E. General Pannwitz und seine Kosaken / E. Kern. – Göttingen: Kurt Vowinckel Verlag, Neckargemünd, 1963. – 205 p.

795. Stadler, H. «Vor dem Müll gerettet» Das Projekt in Osttirol / H. Stadler, F. Stepanek // Die Kosaken im Ersten und Zweiten Weltkrieg. – Innsbruck: Universität Innsbruck, 2008. – P. 47–65.

796. Streim, A. Sowjetische Gefangene im Hitlers Vernichtungskrieg: Berichte und Dokumente. 1941–1945 / A. Streim. – Heidelberg: Muller, Jur., 1982. – 245 p.

797. Streit, Ch. Keine Kameraden. Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen 1941–1945 / Ch. Streit. – Stuttgart: Dt. Verl. – Anst, 1978. – 448 p.

На польском языке

798. Karpus, Z. Jency I internowani rosyjscy I ukrain'scy w Polsce w latach 1918–1924 / Z. Karpus. – Torun: Wydawnictwo Adam Marszałek, 1991. – 159 s.

799. Karpus, Z. Oboz internowanych № 7 w Tucholi (wrzesien'1921 – styczen 1923) / Z. Karpus // Mniejszosci narodowe I wyznaniowe w wojewodztwie pomorskim w okresie miedzywojennym (1920–1939). – Torun: Wydawnictwo Adam Marszałek, 1991. – T. 1. – S. 143–157.

800. Karpus, Z. Wschodni sojusznicy Polski w wojnie 1920 roku. Oddziały wojskowe ukraińskie, rosyjskie, kozackie I białoruskie w Polsce w latach 1919–1920. / Z. Karpus. – Torun: Wydawnictwo Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 1999. – 230 s.

801. Mikulicz, S. Prometeizm w polityce II Rzeczypospolitej / S. Mikulicz. – Warszawa: Książka i Wiedza, 1971. – 313 s.

На сербском языке

802. Лозо, С. Руска беломиграција у Југославији / С. Лозо // Политика – експрес. – Београд. – 1976. – 29 јануар.

На украинском языке

803. Готкова, Ю.С. Діяльність кубанських організацій в Чехо-Словаччині у 1920–1930-ті рр. / Ю.С. Готкова // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. – Запоріжжя, 2014. – Вип. 40. – С. 135–141.

На французском языке

804. Kern, E. Les Cosaques de Hitler / E. Kern. – Paris: Éd. France-Empire, 1964. – 231 p.

805. Lannoy, F. Les Cosaques de Pannwitz. 1942–1945 / F. Lannoy. – Paris: Heimdal, 2000. – 288 p.

На чешском языке

806. Kopřivová, A. Ruští emigranti ve Všenorech, Mokropsech a Černošicích: 20. a 30. léta XX. Století / A. Kopřivová. – Praha: Národní knihovna ČR, Slovanská knihovna, 2003. – 49 s.

807. Kopřivová, A. Střediska ruského emigrantského života v Praze (1921–1952) / A. Kopřivová. – Praha: Národní knihovna ČR, Slovanská knihovna, 2001. – 113 s.

Диссертации и авторефераты диссертаций

808. Аурилене, Е.Е. Российская эмиграция в Китае: 1920–1950-е гг.: дис. ... д-ра ист. наук / Е.Е. Аурилене. – Хабаровск, 2004. – 376 с.

809. Еременко, Л.И. Русская эмиграция как социально-культурный феномен: автореф. дис. ... канд. филос. наук / Л.И. Еременко. – М., 1993. – 22 с.

810. Зайцев, А.А. Контрреволюция Кубани и Черноморья в 1917–1920 гг.: дис. ... канд. ист. наук / А.А. Зайцев. – Краснодар, 1990. – 270 с.

811. Крикунов, П.Н. Идеология и политика коллаборационизма в среде казачества в годы Второй мировой войны: дис. ... канд. полит. наук / П.Н. Крикунов. – М., 2004. – 181 с.
812. Малышенко, Г.И. Идеино-политическая борьба в среде казачества российской эмиграции в Северо-Восточном Китае (1920–1937 гг.): дис. ... канд. ист. наук / Г.И. Малышенко. – Омск, 2001. – 164 с.
813. Масалов, А.Г. Российское казачество: социально-политическая институционализация в современных условиях: дис. ... д-ра полит. наук / А.Г. Масалов. – Ставрополь, 2004. – 362 с.
814. Парфенова, Е.Б. Казачья эмиграция в Европе в 1920-е годы: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Е.Б. Парфенова. – М., 1997. – 26 с.
815. Пушкарев, В.А. Исторические судьбы амурского казачества (1917–1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук / В.А. Пушкарев. – Владивосток, 2015. – 247 с.
816. Ратушняк, О.В. Донское и кубанское казачество в эмиграции (1920–1939 гг.): дис. ... канд. ист. наук / О.В. Ратушняк. – Краснодар, 1996. – 217 с.
817. Фомин, К.В. Казачья эмиграция в Китае (1922–1931 гг.): дис. ... канд. ист. наук / К.В. Фомин. – М., 2004. – 163 с.
818. Худобородов, А.Л. Российское казачество в эмиграции (1920–1945 гг.): социальные, военно-политические и культурные проблемы: автореф. дис. ... д-ра ист. наук / А.Л. Худобородов. – М., 1997. – 433 с.
819. Чапыгин, И.В. Казачья эмиграция в русской диаспоре Северо-Восточного Китая (1920–1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук / И.В. Чапыгин. – Иркутск, 2006. – 186 с.